

ЗУРАБ ПАПАСКИРИ

АБХАЗИЯ

ИСТОРИЯ

БЕЗ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

ИСТОРИЯ БЕЗ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

ПАПАСКИРИ

СУХУМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВСЕГРУЗИНСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

им. ЭКВТИМЭ ТАКАИШВИЛИ

АБХАЗСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

З у р а б П а п а с к и р и

А Б Х А З И Я

ИСТОРИЯ БЕЗ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Издание второе, исправленное и дополненное

Издательство Сухумского Государственного Университета

Т б и л и с и – 2 0 1 0

UDC(733) 94(479.224)

П-17

Книга является переработанным и несколько обновлённым вариантом опубликованного автором ранее (в 2004-2007гг.) на грузинском языке двухтомника *«Очерки из истории Современной Абхазии»* (ч. I. *С древнейших времён до 1917г.* Тб., 2004; ч. II. *1917-1993гг.* Тб., 2007). В ней на основе анализа соответствующих первоисточников, а также критического осмысления существующего историографического наследия, изложена история современной Абхазии с древнейших времён до 1993г., показан этнокультурный и национально-государственный облик региона на протяжении всей истории, дана основательная критика фальсификаторских утверждений некоторых сепаратистски настроенных историков о 12 и даже 25-вековой истории собственно абхазской «национальной» государственности.

Книга рассчитана на специалистов-историков, а также широкого круга читателей интересующихся историей Абхазии/Грузия.

Редактор: Академик НАН Грузии **Роин Метревели**

Рецензенты: Доктор истории **Лия Ахаладзе**
Доктор истории **Бежан Хорава**
Доктор истории **Давид Читаия**

Публикация книги осуществлена при финансовой поддержке Министерства Образования и Культуры Автономной Республики Абхазия в рамках «Программы поддержки ученых Абхазии».

© **Зураб Папаскири**

ISBN 978-9941-0-1652-3

В м е с т о п р е д и с л о в и я

Минуло семнадцать лет после трагических событий сентября 1993 года, когда абхазские сепаратисты при поддержке российской военной машины одержали «победу» в братоубийственной войне и сумели временно отторгнуть от остальной Грузии один из её прекрасных уголков – Абхазию. За это время много писалось об абхазской трагедии, хотя всесторонний и исчерпывающий анализ событий, произошедших в Абхазии в 1992-1993гг. ещё предстоит.

Сегодня уже не вызывает никаких сомнений, что конфликт между двумя народами, связанными самыми тесными родственными узами, исподволь готовился задолго до трагических августовских дней 1992г. Предпосылки абхазо-грузинского военного противостояния складывались, по меньшей мере, на протяжении последних ста лет: сначала царская Россия, а затем и кремлевский большевистский режим сделали всё для разжигания антигрузинских настроений среди абхазов и подготовки идеологической почвы для отторжения Абхазии от общегрузинского государственного организма.

Российская империя ещё в 60-х годах XIX столетия выработала т.н. «государственную программу» разобращения многовекового историко-культурного грузино-абхазского единства. Первым большим шагом в этом направлении было создание на основе славяно-русской графики абхазской письменности, которая, по словам одного из видных деятелей российской администрации на Кавказе Е. Вейденбаума, должна была лишь стать **«средством к ослаблению... потребности в грузинском языке»**.¹ Одновременно российские власти предприняли наступление и на историографическом «фронте». В 1907г. вышла книга с весьма вызывающим названием *«Абхазия – не Грузия»*, под авторством некоего Л. Воронова. В 20-х годах XXв. эту формулу подхватили уже сепаратистски настроенные представители т.н. «абхазской народной интеллигенции». Так появились «программные труды» С. П. Басария² и С. М. Ашхацава³ об историческом прошлом Абхазии, которые служили своего рода историографическим обоснованием «государственной независимости» ССР Абхазии, продекларированной абхазскими большевиками в марте 1921г.

Политическая конъюнктура, сложившаяся в СССР в 50-х годах XXв. создала благоприятную почву для реанимации сепаратистской идеологии в Абхазии. С этого времени на повестку дня вновь был поставлен вопрос о создании «национальной» (оторванной от обще-

грузинской) истории абхазского народа. Однако, на первом этапе, эта цель не была достигнута. В двухтомнике «*Очерки истории Абхазской АССР*»,⁴ подготовленном абхазскими и грузинскими историками под руководством видного абхазского учёного, члена-корреспондента АН Грузии, проф. Г. А. Дзидзария, историческое прошлое Абхазии освещалось в русле общегрузинской истории.

Несмотря на это, попытки вырвать Абхазию и абхазов из общегрузинской истории не прекращались. В этом плане особенно следует выделить некоторые публикации Ш. Д. Инал-ипа, М. М. Гунба, Р. А. Хонелия, Ю. Н. Воронова и др. Внешне это выглядело как своеобразная (и несколько запоздалая) реакция на нашумевшую книгу известного грузинского филолога П. И. Ингороква – «*Георгий Мерчуле*», в которой по-новому были осмыслены некоторые вопросы этнической истории абхазов. В частности, в ней «апсилы» и «абазги», зафиксированные в античных письменных источниках с I-II вв. н.э., а также «абхазы» грузинских источников раннего средневековья объявлялись картвельскими племенами. Что же касается собственно нынешних абхазов, то, по мнению П. И. Ингороква, они появились на территории Абхазии лишь в позднем средневековье – XVI-XVII вв.⁵

Антигрузинская историографическая пропаганда особенно активизировалась со второй половины 80-х годов XX в. С нарастанием сепаратистских настроений, отдельные абхазские (а также русские) историки, археологи, писатели, своими небылицами и утопическими измышлениями, начали вводить в заблуждение абхазское население и тем самым настраивать его против грузин. В этих «баталиях» особенно отличились историки, которые всемерно старались исторически обосновать стремление абхазских сепаратистов оторваться от «ненавистных» грузин, якобы всегда приносивших зло и горе абхазам, и навеки впасть в «объятия» «братской» России – «спасительницы» всех угнетённых народов.

С этой целью наши «друзья-коллеги» из научно-исследовательского корпуса сепаратистов самым гнусным образом искажали историческую правду о прошлом грузинского и абхазского народов, везде и всюду выискивали факты «давления» грузин на абхазов. **Абхазию** совершенно бесцеремонно **объявляли родиной одних лишь апсуа-абхазов, которые, дескать, будучи единственными полноправными хозяевами этой земли, только и должны были заботиться о будущем** (читай, о достижении независимости Абхазии от Грузии) **своей Отчизны**. В то же время грузины совершенно безапелляционно объявлялись как пришлое, некоренное население Абхазии, а любая попытка считать грузин такими же аборигенами, как

и абхазы, объявлялась антинаучной и вредной.

Более того, по утверждению идеологов сепаратизма, грузины и представители других национальностей, проживающие «на гостеприимной земле древней Апсны», просто были обязаны помочь им в этом «благородном» деянии. Вот почему сепаратисты и одурманенные их шовинистической пропагандой рядовые абхазы возомнили, что они могут всё. Например, могут навязать христианскому населению, составляющему, как минимум, 90% всех жителей (в числе которых и большинство абхазов) автономной республики, ярко выраженную мусульманскую символику; могут (грубо попирая нормы конституции и действующего законодательства) объявить «суверенную социалистическую республику», и этим самым больше половины коренного населения, подчёркиваем, **коренного населения** региона, без их согласия, в одночасье превратить в граждан «другого государства», и т.д.

Заболевшие антигрузинским психозом историки и политики, потеряв всякий контроль над собой, доходили до такого кощунства, что готовы были даже геноцид абхазов, устроенный «братской» Россией в XIX веке, поставить в вину грузинскому народу. Фальсификация истории была возведена (особенно после прихода к власти В. Г. Ардзинба) в ранг государственной политики, свидетельством чего являются неоднократные заявления бывшего первого лица автономной республики, а также некоторых других «государственных мужей» (историков и не историков) о чуть ли не 12-ти и даже 25-вековой истории абхазского национального государства.

Конечно, всё это не имеет ничего общего с настоящей наукой. Со всей ответственностью можно утверждать, что, несмотря на большие старания некоторых горе-историков и писателей, а также других представителей сепаратистски настроенной абхазской интеллигенции, пока ещё никому не удалось пересмотреть ставшие азбучной истиной научные положения и перечеркнуть многовековое историческое и культурно-политическое единство грузин и абхазов.

После трагических событий 1992-1993гг. в Абхазии царит настоящая антигрузинская истерия, центральным звеном которой является национально-шовинистическая историографическая пропаганда. Ухищрения сепаратистского режима и его московских покровителей в «борьбе» за историографическое «закрепление» государственного «суверенитета» Абхазии превзошли все мыслимые и немыслимые границы. На арену вышли новые «корифеи» исторической «науки» типа юриста Т. М. Шамба и его московского «консультанта» и соавтора, этнографа А. Ю. Непрошина. Или чего стоят

«открытия» настоящего «гения», чуть ли не «спасителя» нации И. Марихуба (до недавних пор – Мархолия) и других, не имеющих отношения к настоящей науке, «толкователей» истории.

И после этого разве следует удивляться «поучениям» некоего С. Смыра, по его же признанию «человека не учёного, не политика», чуть ли не предавшей анафеме в абхазской официальной прессе (см. *«Республика Абхазия»*, №65, 17-18 июня 2000г.) нашу (совместно с академиком М. Д. Лордкипанидзе) публикацию в газете *«Свободная Грузия»*.⁶ Данная статья С. Смыр наглядный пример того, в каком историографическом неведении держат народ руководители сепаратистской Абхазии.*

В исторической науке, естественно, всегда были и впредь будут разногласия при осмыслении тех или иных вопросов. В этом плане исключение не составляет и история Абхазии, хотя смело можно утверждать, что в целом она изучена на достаточно высоком уровне (в чём велики заслуги крупнейших абхазских историков З. В. Анчабадзе и Г. А. Дзидзария) и вряд ли следует ожидать внесения каких-либо принципиальных новшеств в существующие представления об историческом развитии региона. Это, конечно, не освобождает учёных-историков от дальнейшего исследования тех или иных проблем истории Абхазии. Наоборот, сегодня, когда пришёл конец тоталитарной идеологической конъюнктуре, не позволявшей объективно осветить многие вопросы истории Абхазии (особенно XIX-XX столетий), всё новые перспективы открываются перед исторической наукой. Однако, сказанное вовсе не даёт нам право позабыть о том позитивном историографическом наследии, которое остается и впредь будет оставаться прочным фундаментом правильных научных концепций. Именно на основании указанного наследия в предлагаемой книге мы попытались дать общее видение истории современной Абхазии.

Первым обобщающим изданием, в котором освещена история Абхазии с древнейших времён до середины XX века, является вышеназванный двухтомник *«Очерки истории Абхазской АССР»*. Общая картина исторического прошлого абхазского народа дана и в опубликованной в 1976г. работе З. В. Анчабадзе *«Очерк этнической истории абхазского народа»*, а также в учебном пособии *«История Абхазии»* (Сухуми, 1986), авторами которого являются З. В. Анча-

* Кстати, следует отметить, что именно эта статья побудила нас выступить популярными лекциями-беседами по *«Абхазскому радио»* на I канале Грузинского радио (они велись в течении трёх с половиной лет) по ключевым проблемам истории Абхазии.

бадзе, Г. А. Дзидзария и А. Э. Куправа. На научную объективность этих изданий (особенно при изложении истории XIX-XXвв.) серьёзно повлияла политико-идеологическая конъюнктура тоталитарно-коммунистического режима. Что же касается созданных в последнее время в условиях сепаратистского режима т.н. «учебников» и «учебных пособий» по истории Абхазии,⁷ то в них полностью искажена историческая правда и говорить об их научной ценности представляется совершенно излишним.

Вместе с тем, в последнее время, к сожалению, и в грузинской историографии наметились нездоровые тенденции. В частности, некоторые грузинские историки, раздраженные нападками сепаратистов на Грузию и её историю, всемерно пытаются реанимировать концепцию П. И. Ингороква и требуют (порой весьма агрессивно) безоговорочное признание грузинской историографией этой концепции единственно правильной. Более того, имеют место (со стороны этих ура-патриотов) клеветнические нападки на тех учёных, которые скептически относятся к точке зрения П. И. Ингороква и выступают против попыток исключения предков нынешних абхазов из общегрузинского исторического процесса. Парадокс, но в этом плане достаётся и тем учёным, которые, в своё время, тогда, когда разоблачать сепаратистские выходки абхазской стороны было весьма рискованно, как раз стояли в авангарде борьбы против фальсификации истории Абхазии.*

В последнее время, в грузинской историографии значительно возрос интерес к разработке проблем истории Абхазии. Появились весьма интересные публикации (кстати, как на грузинском, так и на русском и английском языках) Т. В. Гамкрелидзе, М. Д. Лордкипанидзе, Д. Л. Мухелишвили, Э. В. Хоштария-Броссе, Н. Ю. Ломоури, Г. В. Цулая, Э. М. Мамиствалишвили, З. В. Папаскири, Г. А. Гасвиани, Т. Ш. Мибчуани, Л. К. Тоидзе, А. М. Ментешашвили, Г. П. Лежава, Г. Жоржолиани, Дж. Гамахария и Б. Гогия, Б. К. Хорава, Л. В. Ахаладзе, Д. Ш. Читаиа и др. В этом плане особо следует выделить фундаментальное издание *«Разыскания по истории Абхазии/Грузия»*,⁸ куда вошли обобщающие исследования ведущих гру-

* Под «шквал критики» новоявленных радетелей грузинской истории (кстати, убеждённо молчавших в коммунистический период и направивших все свои интеллектуальные способности на исследование конъюнктурных для партии и режима «актуальных» проблем советского общества), наряду с такими видными представителями грузинской исторической науки, какими являются академики М. Д. Лордкипанидзе и Э. В. Хоштария-Броссе, проф. Н. Ю. Ломоури и др., в последнее время, не раз попадал и автор этих строк.

зинских учёных по ключевым проблемам истории, археологии и этнографии современной Абхазии.

И всё же, недостаток фундаментальных обобщающих изданий, в которых была бы дана более-менее стройная, правдивая история Абхазии с древнейших времён до наших дней (особенно на русском языке), явно чувствуется.* Именно восполнение (хотя бы частичное) этого пробела ставит целью настоящее издание. Главная задача представленной книги заключается в том, чтобы **показать, что из себя представляла на самом деле территория нынешней Абхазии в этнокультурном и политико-государственном плане с древнейших времён до 1993 года** и насколько обоснованы утверждения сепаратистской историографии о 12-ти и даже 25-вековой истории собственно абхазской национальной государственности.

Данная книга является переработанным и несколько обновлённым вариантом опубликованного нами ранее (в 2004-2007гг.) на грузинском языке двухтомника *«Очерки из истории Современной Абхазии»*.⁹ В основу книги легли прочитанные нами по Абхазскому радио лекции-беседы, о которых говорилось выше. Грузинский вариант этих лекций-бесед был полностью опубликован в периодическом органе неправительственной организации *«Фонд общественных программ»* – „*ვзბო ვაზბო*“. В одно время шла публикация этих материалов на русском языке в газете *«Свободная Грузия»*, а в 2003г. был опубликован (на русском языке) сокращённый вариант – своего рода резюме указанных лекций-бесед.¹⁰

За оказанную в редактировании книги помощь автор благодарит докторов филологических наук, профессоров Сухумского Государственного Университета **Д. А. Алания** и **И. И. Дзагания**, а также доктора истории, профессора Тбилисского Государственного Университета им. Иванэ Джавахишвили **Т. З. Папаскири** и доктора истории **К. Н. Квашилава**.

* В 2007г. вышло в свет (на грузинском языке) обширное издание: *«Очерки истории Грузии. Абхазия. С древнейших времён до наших дней»* (в 2009г. был опубликован и русский перевод данной книги), которое, по утверждению его редакторов, является первым обобщающим изданием совершенно по-новому, объективно освещающим историю Абхазии. Однако с полной уверенностью можно утверждать, что ничего нового (если не считать очередную попытку «узаконить» весьма шаткую в научном отношении точку зрения П. И. Ингорквва об этнической принадлежности древних абхазов) в нём нет, не говоря уже о том, что его никак нельзя назвать **первым** обобщающим изданием.

Глава I

ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Первобытность. Абхазия, как и другие регионы Грузии, становится ареной человеческого обитания с эпохи раннего или нижнего палеолита (древнекаменный век), примерно полмиллиона лет тому назад. Ещё в 1934-1936 гг. исследователи в отдельных местах Абхазии (на территории сёл Яштхва, Бирцха) обнаружили следы обитания первобытных людей эпохи Ашеля.¹ Помимо этого памятники этого же периода также встречаются и в сёлах: Колхида (Гагрская зона), Анухва, Эшера, Апианча, Гвада, Отапи, Чубурхинджи и т.д.² Это, в первую очередь, было обусловлено благоприятными для жизни и трудовой деятельности первобытных людей природными условиями.

Принято считать, что первоначально человек освоил прибрежную полосу, что подтверждается достаточно богатым археологическим материалом, найденным, прежде всего, в древне-палеолитической стоянке Яштхва. Как отмечают учёные, «первые поселенцы обосновались на этой стоянке в раннеашельское время и в дальнейшем продолжали жить здесь в течение всей ашельско-мустиерской эпохи».³ По наблюдениям известного грузинского археолога Н. З. Бердзенишвили, древнейшие поселения первобытных людей были расположены на исходящих от Главного Кавказского хребта холмах в верховьях рек Бзыби и Кодори.⁴ Раннепалеолитические памятники обнаружены также в Очамчире, Гали, Келасури, в пещере Апианча и т.д. Специалисты обнаруживают большое сходство исследуемых предметов из этих местонахождений с коллекциями аналогичной эпохи памятников Центральной Колхиды, в частности Рион-Квирильского бассейна. Вместе с тем отмечена и «определенная общность... с памятниками Северо-западного Кавказа, Прикубанья».⁵

В позднем палеолите (примерно 35 тысяч лет тому назад) Абхазия, как и вся Западная Грузия, оставалась зоной активной трудовой деятельности первобытных людей. Об этом свидетельствуют материалы, обнаруженные в пределах современного Сухуми (Лечкоп, Михайловский карьер), а также в Хупинипшахва (т.н. «Холодный грот») близ Цебельды.⁶ По мнению учёных, можно даже говорить о складывании в пределах западной Грузии единой позднепалеолитической культуры. Одновременно усматривают также «преемственное развитие позднего палеолита от местного Мустье».⁷ На

основании этого высказывается мысль и о том, что «единый характер культуры Кавказа, возможно, отражал также и определённую этнокультурную и языковую общность» и что «на территории Западного Закавказья, где в это время сконцентрировалась основная масса населения, складывалось обще-кавказское этнокультурное единство».⁸

В эпоху мезолита (среднекаменный век) происходит дальнейшее освоение западной Грузии и, прежде всего, её северо-западной части – территории современной Абхазии, о чем свидетельствуют мезолитические стоянки из Абхазии: Квабчара, Апианча, Яштхва, Холодный грот, Джампали и др.⁹ С эпохи мезолита на Кавказе выделяют уже три территориально-обособленные группы памятников: Закавказскую, Губскую и Чохскую. Локальные особенности, которые появляются в это время в памятниках материальной культуры, связывают с начавшимися изменениями в предполагаемом общекавказском этнокультурном единстве.¹⁰

В эпоху неолита (новокаменный век) человеческая деятельность становится более разнообразной и творческой. Происходит т.н. «неолитическая революция», т.е. переход к интенсивному хозяйству, зарождается и развивается земледелие. На территории современной Абхазии, также, как и по всей западной Грузии, неолитическая культура берет начало от местной мезолитической культуры.¹¹ Наблюдается также определенное сходство каменного инвентаря из ранне-неолитических памятников Абхазии (Апианча, Холодный грот) с аналогичными материалами Южной Колхиды. И поздне-неолитические памятники Абхазии (Гали I, Гумуриши, Чхортоли) находят много общего с культурой поздне-неолитических поселений центральной и юго-западной Колхиды (Одиши, Анасеули II, Гурианта и др.).¹² То же самое можно сказать и о каменных изделиях, наиболее крупного неолитического поселения Абхазии – Кистрик¹³ (у с. Бомбора Гудаутского р-на), которые также проявляют сходство с изделиями из неолитических стоянок других регионов Колхиды.¹⁴ Правда, вместе с тем специалисты обнаруживают и различие, особенно при сравнении керамических изделий. В отличие от центрально-колхидских изделий, керамика из Кистрикского поселения почти не знает орнамента,¹⁵ чего нельзя сказать о керамическом инвентаре из Окумской пещеры, проявляющем большую близость с материалами, с одной стороны, пещерных стоянок Рион-Квирильского бассейна, а с другой, памятников Сочи-Адлерского региона.¹⁶

Наблюдаемые в эпоху неолита различия в материальной культуре учёные связывают с процессом дальнейшего разобщения в этническом составе населения Кавказа. Восстановление полной кар-

тины этого процесса затрудняется отсутствием лингвистических и антропологических данных. Несмотря на это, исследователи допускают, что «наблюдаемые локальные особенности в поздненеолитической культуре, возможно, указывают на распад этноязыкового единства», и что в это время «начинается процесс складывания основных родственных групп кавказских языков»: Восточно-Кавказской (т.е. т.н. прапахо-дагестанской), Западно-Кавказской (или праадыго-абхазской) и Южно-Кавказской (или пракартвельской).¹⁷

Примерно с IV тысячелетия до н.э. наступает эра металла. С этого времени на территории Абхазии наблюдается дальнейшее развитие земледелия. Специалисты (О. М. Джапаридзе) отмечают, что в этот период в северо-западной части Грузии, так же как и по всему Северо-Западному Кавказу, продолжает развиваться земледельческая культура, своими корнями уходящая в местные неолитические традиции. При этом подчёркивается, что данный край по уровню развития несколько отставал от других регионов Закавказья.¹⁸ В этом плане особенно выделяют Очамчирское поселение, которое, по мнению исследователей (Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш), датируется II пол. III тысячелетия до н.э.¹⁹ Обнаруженный на этом поселении инвентарь проявляет сходство с аналогичными материалами поселений из холмов Колхидской низменности, особенно с предметами, найденными в низших слоях Диха-Гудзуба.²⁰ Аналогичную ситуацию фиксируют и при анализе материалов из Гумистинского²¹ и Мачарского²² поселений.

К этнической идентификации древнейшего населения северо-западной Колхиды. В эпоху ранней бронзы (примерно с середины III тысячелетия до н.э.) на территории современной Абхазии начинает распространяться т.н. дольменная культура.²³ По мнению некоторых исследователей, дольмены (домики, сооруженные из крупных каменных плит) были привнесены в Северо-западный Кавказ из Средиземноморского бассейна,²⁴ хотя не исключают также, что они имеют западное происхождение.²⁵ По мнению академика О. Джапаридзе, дольмены распространились на северо-западный Кавказ из северо-западной Колхиды.²⁶ Появление дольменов в северо-западной части Колхиды (их не найдено южнее Азанты – близ Сухуми) некоторые учёные связывают с определёнными этническими изменениями. В частности, эту гипотезу впервые выдвинул известный знаток древностей Абхазии, археолог Л. Н. Соловьев, по мнению которого, ещё на рубеже III-II тысячелетий до н.э. имело место переселение каскских племён с северо-восточного сектора Малой Азии на территорию современной Абхазии. Носители дольменной

культуры, которые, согласно Л. Н. Соловьеву, в то время, якобы занимали территорию от современного Адлера до р. Энгури (по разъяснению Л. Н. Соловьева – «ареал южно-дольменной культуры»), мирно приняли пришельцев, протохеттский язык которых окончательно и победил.²⁷

Эту точку зрения русского археолога поддержал абхазский учёный З. В. Анчабадзе, который, на основании вывода Л. Н. Соловьёва, заговорил уже о формировании абхазского этноса собственно на территории современной Абхазии. По мнению З. В. Анчабадзе, в формировании абхазского этноса приняли участие переселившиеся сюда из Малой Азии племена «кашков» и «абешла» и встретившее их здесь местное родственное население.²⁸ Фактически, эту же мысль развивал и проф. Ш. Д. Инал-ипа,²⁹ хотя он не прочь был исключить какое-либо переселение «касков» и «абешлайцев» из Малой Азии, и всю территорию исторической Колхиды (начиная с западной части Северного Кавказа до северо-восточных регионов Малой Азии) совершенно бесцеремонно объявлял прародиной абхазо-адыго-хаттских племён.³⁰

Основательную критику положений Л. Н. Соловьёва дал академик О. М. Джапаридзе, который, вполне допуская возможным приток определённой массы населения с юга, отнюдь не считает данное обстоятельство решающим и тем самым исключает существенные этнические изменения в северо-западной Колхиде.³¹ При этом особо обращено внимание на то, что обнаруженная в дольменах материальная культура явно местного происхождения, а это является прямым доказательством отсутствия в тот период каких-либо серьёзных изменений на этнической карте современной Абхазии.³²

В целом, однородной оставалась материальная культура всей западной Грузии, включая и территорию современной Абхазии на протяжении всего периода ранней бронзы, хотя археологи отмечают наличие определенных локальных особенностей, легших в основу образования отдельных племенных объединений. Один из таких локальных регионов возникает севернее реки Гумиста,³³ который, как считают специалисты, «был подвержен более сильному влиянию Майкопо-Новосвободненской культуры» (на Северном Кавказе), однако это влияние настолько невелико, что только на основании этого факта нельзя оторвать территорию севернее Гумисты от остальной Колхиды, с которой данный регион объединяет абсолютная однородность и идентичность металлических орудий, а также керамических изделий.³⁴ Ту же самую картину наблюдают археологи и в период средней бронзы, когда, в целом, «прослеживается непрерыв-

ная генетическая линия развития» на всей территории Колхиды, включая и современную Абхазию.³⁵

Дальнейшее развитие бронзовых орудий привело к созданию на территории всей западной Грузии т.н. Колхидской культуры.³⁶ На территории современной Абхазии (Эшера, Мугудзирхва, Бомбора, Куланурхва, Гагра, Пицунда, Лыхны, Лечкоп и т.д.) обнаружено множество памятников «Колхидской культуры».³⁷ В последнее время весьма ценные материалы найдены в селе Пичори.³⁸ Несмотря на общность культурного развития по всей западной Грузии в целом (включая и территорию современной Абхазии), в регионе севернее реки Гумиста и в этот период (примерно XIV-VII века до н.э.) специалисты обнаруживают отдельные особенности, из-за чего эту территорию выделяют как локальный регион единой Колхидской культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Особенно отмечается наличие специфического погребального обряда в урнах (глиняных сосудах) – т.н. вторичное захоронение.³⁹ В этих памятниках наблюдается также некоторое влияние Прикубанской культуры.⁴⁰ Вместе с тем, следует особо отметить, что регион севернее Гумисты активно участвовал в формировании основного и решающего атрибута Колхидской культуры – бронзовых топоров, а это является главным аргументом того, что территория современной Абхазии и в этот период оставалась в ареале общезападногрузинской культуры.⁴¹

Если бы на рубеже II-I тысячелетий до н.э. на территории современной Абхазии (не говоря уж об исторической Колхиде в целом) действительно имели бы место серьёзные этнические изменения, это неминуемо нашло бы отражение в материальной культуре. Так что пока археология не заполучит материал, подтверждающий резкие отклонения в общей канве культурного развития в данный период, утверждения об этнических изменениях на территории западной Грузии лишены всякого основания.

Установление этнической картины западной Грузии в эпоху бронзы значительным образом зависит от привлечения палеоантропологических и лингвистических данных. Имеющиеся на сей день в распоряжении науки результаты антропологических исследований однозначно подтверждают местное происхождение современных антропологических типов населения Кавказа.⁴² А это является лишним доказательством точки зрения, согласно которой территория Кавказа с древнейших времён была населена родственными племенами общекавказского происхождения.⁴³

Куда сложнее вопрос о том, на каком языке могли разговари-

вать создатели бронзовой культуры Абхазии. В науке долгое время не вызывало сомнения генетическое родство кавказских языков. Эту мысль впервые выдвинул в XIX в. известный знаток Кавказа П. К. Услар.⁴⁴ Данной проблеме специальное исследование посвятил академик И. А. Джавахишвили, в котором учёный подтвердил общее происхождение кавказских языков.⁴⁵ Точка зрения о генетическом родстве кавказских языков долгое время оставалась господствующей, хотя в последнее время предприняты серьёзные попытки её пересмотра. Некоторые исследователи, в том числе весьма авторитетные (Г. И. Мачавариани, Т. В. Гамкрелидзе, С. Н. Николаев и С. А. Старостин, Х. Фенрих и др.), отрицают генетическое родство картвельских языков с северокавказскими языками, при этом всё популярнее становится предположение о родстве северокавказских языков с древними языками Малой Азии. В частности, до последнего времени совершенно бесспорным считалось генетическое родство абхазо-адыгских языков с хаттским.⁴⁶

В этой связи, помимо собственно лингвистических материалов, особое внимание обращалось на сходство этнонима «кашки» со средневековыми названиями адыго-черкесов: «касахия» – «касахи» (византийских авторов), «кашак» – «кашакия» (арабских источников), «косоги» (древнерусских летописей), «кашагни» (грузинских хроник) и т.д.⁴⁷ Исходя из этого, «кашков» хеттских клинописей, как правило, объявляли родственным к абхазо-адыгским племенам. Это предположение как бы подкреплялось и тем, что в ассирийских клинописных материалах рубежа XII-XI веков до н.э. фигурирует племя «абешла», которое, с одной стороны, считали вариантом (синонимом) этнонима «кашки», и с другой, отождествляли с этнонимом «абсил» («абшил» – «апсуа»⁴⁸).

Все это давало повод допускать первоначальное проживание предков абхаз-адыгов в центральных и северо-восточных областях Малой Азии, откуда они стали двигаться на север в Восточное Причерноморье.⁴⁹ По мнению одних учёных (Л. Н. Соловьев, З. В. Анчабадзе), хронологически этот процесс протекал где-то на протяжении II тысячелетия до н.э.,⁵⁰ по мнению же других (Ш. Д. Инал-ипа), гораздо раньше (даже до II тысячелетия до н.э.).⁵¹ Более того, в последнее время, абхазские учёные (Ш. Д. Инал-ипа, В. Г. Ардзинба и В. Ф. Чирикба) и, вместе с ними, некоторые русские исследователи (Ю. Н. Воронов) вообще стали отрицать какое-либо переселение с юга на север и активно отстаивают точку зрения о проживании предков адыго-абхазов по всему периметру Восточного Причерноморья, начиная с западной части Северного Кавказа до центральных и се-

веро-восточных районов Малой Азии,⁵² картвельские же племена (мегрело-чаны, сваны), по их мнению, стали проникать на территорию западной Грузии позже (где-то в XII-VIII вв. до н.э.) и оттеснили на север предков абхаз-адыгов.⁵³

Следует особо отметить, что в настоящее время точка зрения о родстве племен кашков и абешла с протохеттским (хаттским) населением Малой Азии подвергается серьезному пересмотру. По наблюдениям одного из крупнейших знатоков хеттско-анатолийского мира, академика Григола Гиоргадзе, кашков и абешлайцев совершенно не обязательно считать родственными хаттам племенами и что, скорее всего, их следует причислить к колхскому (картвельскому) этническому миру.⁵⁴ Этим самым, учёный отвергает возможность родства «кашков» и «абешлайцев» с предками адыг-абхазов.⁵⁵ Г. Г. Гиоргадзе полагает, что «первоначальное пребывание хаттов следовало бы искать не в Малой Азии», а «на северо-западе Кавказа, откуда хатты должны были переселиться в направлении Центральной Анатолии (точнее, северной ее части)».⁵⁶

Таким образом, вопрос о первоначальной родине предков адыго-абхазов, далеко не ясен, однако совершенно очевидна вся нелепость и абсурдность утверждения о том, что прародиной абхаз-адыгов являлась вся территория Западного Кавказа. В таком случае, следовало бы ответить, по крайней мере, на два вопроса: 1) Чем объяснить «преемственность и стабильность» в развитии материальной культуры на всей территории западной Грузии, начиная с верхнего палеолита заканчивая античностью, о чем так много говорилось выше. Если картвельские (мегрело-чаны, сваны и т.д.) племена появились на указанной территории позже (где-то на рубеже II-I тысячелетий до н.э.), то почему это не отразилось в материальной культуре? 2) Каким образом удалось картвельским племенам одолеть сплоченное этническое единство абхаз-адыгов, якобы господствовавших на огромной территории Восточного Причерноморья?

Несмотря на это, мы не отрицаем наличие следов пребывания предков абхаз-адыгов в древности южнее пределов современной Абхазии, о чем, безусловно, могут свидетельствовать отдельные топонимы, в частности, Юго-Восточного Причерноморья. Однако, это, как совершенно справедливо отмечает академик Г. Г. Гиоргадзе, отнюдь не результат исконного проживания абхаз-адыгов на всей территории Западного Кавказа, а следствие просачивания в разное время отдельных групп в южные области Колхиды и их совместного с аборигенным населением достаточно долгого проживания, завершившегося их полной ассимиляцией среди местного населения.⁵⁷ При

этом, на наш взгляд, не имеет никакого значения, двигались предки абхаз-адыгов с юга на север (что, по нашему мнению, более вероятно) или наоборот, как это полагает академик Г. Г. Гиоргадзе.⁵⁸

Вместе с тем, для нас совершенно очевидно первоначальное проживание на территории современной Абхазии тех племён, которые на протяжении многих тысячелетий (начиная, как минимум, с эпохи неолита) во всей западной Грузии, включая и современную Абхазию, создавали единую материальную культуру. Внутри этой культуры на территории нынешней Абхазии, как уже отмечалось, примерно с середины III тысячелетия, особенно, в эпоху «Колхидской культуры» стали обнаруживаться определенные локальные особенности, которые, возможно, и были вызваны приходом первой волны абхаз-адыгов в эти края. Основное и первоначальное население же данного региона явно следует считать протоколхским, как это полагал академик С. Н. Джанашиа, заявлявший, что абхаз-адыгам на территории современной Абхазии предшествовало мегрело-чанское население.⁵⁹

Исходя из вышеизложенного, можно подытожить, что в эпоху первобытности территория современной Абхазии, начиная с верхнего палеолита, входила в ареал распространения единой материальной культуры, создателями которой, вероятно, являлись этнически родственные племена общекавказского происхождения. С эпохи бронзы (может быть, ещё раньше) происходит дифференциация некоей палеокавказской этнической общности, следствием чего является появление отдельных локальных особенностей внутри единой материальной культуры. Эти особенности дают возможность выделения локального региона и на территории современной Абхазии – в районе севернее Гумисты, что, возможно, вызвано этнической неоднородностью населения этого региона и остальных областей исторической Колхиды. Вполне возможно, что среди тех, кто населял эту часть современной Абхазии, были и предки нынешних абхазов, остальную же часть Колхиды, включая и территорию Абхазии южнее Гумисты, вне всякого сомнения, населяли создатели Колхидской культуры – мегрело-чаны, сваны и другие картвельские племена. Вместе с тем, нельзя исключить пребывание картвельских племен и в северной части современной Абхазии, где позже греко-римские письменные источники фиксируют племена явно картвельского происхождения. Это колы, колхи, кораксы, гениохи, саниги, свано-колхи и др.

Глава II

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ КОЛХИДЫ С I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. ДО VIII В. Н.Э.

Этническая карта северо-западной Колхиды в I тысячелетии до н.э. Древнейший письменный материал о племенах, населяющих Северо-Западный Кавказ, принадлежит автору VI в. до н.э. Гекатею Милетскому в «*Землеописание*» которого попали «колы», проживавшие «на нижних склонах Кавказского хребта и кораксы, населяющие места к западу от них», которые в словаре «*Этника*» Стефана Византийского (VI в. до н.э.), сохранившего до нас фрагменты сочинения Гекатея, названы «Колхским племенем». ¹ В «*Перипле*» же Псевдо-Скилака Кариандского (IV в. до н.э.) имеется прямое свидетельство о том, что территорию «к югу от кораксов и колов от Диоскурии (ныне г. Сухуми) до р. Апсароса (р. Чорохи) в раннеантичную эпоху занимали... колхи». ²

Вопрос о том, что **колхи – западногрузинское** (мегрело-чанское) **племя** – давно решён в науке (кстати, это **признают даже** авторы выпущенного в 2006 г. учебного пособия по истории Абхазии – видный абхазский археолог **О. Х. Бгажба** и известный своими сепаратистскими взглядами историк и политик, до недавнего времени секретарь совета безопасности Сухумского сепаратистского режима, **С. З. Лакоба**³), хотя некоторые исследователи (Г. Турчанинов, Я. А. Фёдоров), упрямо, правда безрезультатно, добиваются признания колхов абхазским племенем. ⁴ Несмотря на то, что вполне допустимо и собирательное значение термина «колхи», куда могут быть включены и некоторые некартвельские племена, не должно вызывать никакого сомнения первоначальное этническое содержание термина «колхи», которое, прежде всего, безусловно, подразумевает западно-грузинское мегрело-чанское население и другие картвельские племена, населяющие пределы исторической Колхиды.

Исходя из сказанного, нет никаких поводов усомниться в том, что в I тысячелетии до н.э. территорию современной Абхазии, как предгорные регионы, так и прибрежную полосу, явно населяли племена западно-картвельского происхождения⁵ – колы, кораксы, колхи, возможно и мосхи (месхи), которые предположительно могли просочиться в северную Колхиду и обосноваться во внутренних областях в предгорном и горном секторе территории современной Абхазии. ⁶ Следует отметить, что некоторые грузинские исследователи,

в частности, Н. Ю. Ломоури, отрицают проживание «мосхов» – «месхов» на территории северо-западной Колхиды.⁷

Тогда же, в северо-западной Колхиде древнегреческие авторы (Геланик Митиленский – V в. до н.э.) фиксируют племена гениохов, которые, по мнению ученых, занимали территорию от окрестностей Питуунта (современная Бичвинта – Пицунда) до реки Ахеунта (р. Шахе, около нынешнего Туапсе). Проживание гениохов на территории современной Абхазии оспаривает лишь Н. Ю. Ломоури.⁸ Гениохов большинство исследователей (Н. Я. Марр, И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили, П. И. Ингороква, Г. А. Меликишвили, Б. Гигинейшвили, М. П. Инадзе, Д. Л. Мухелишвили, Т. Ш. Мибчуани, Г. А. Гасвиани и др.) считает картвельским (мегрело-чанским или сванским) племенем,⁹ хотя, вместе с тем, не исключается и собирательное значение термина «гениохи», куда могли входить «племена разного происхождения».¹⁰ Что же касается утверждения некоторых абхазских учёных о генетическом родстве гениохов с древними абхазами,¹¹ то оно явно искусственно и надуманно. В этой связи обращает внимания тот факт, что в учебном пособии по истории Абхазии изданном в 1991 г. отдельно выделен период гениохов, хотя ничего ни сказано об их абхазо-адыгском происхождении.¹² Однако, эта «оплошность» исправлена (явно в духе нынешней сепаратистской конъюнктуры) в выпущенном недавно т.н. новом учебном пособии по истории Абхазии, в котором тот же автор – О. Х. Бгажба, вместе с С. З. Лакоба, однозначно, без всякой аргументации, гениохов объявляет древнеабхазским племенем.¹³

Таким образом, все имеющиеся древнегреческие письменные материалы почти однозначно подтверждают проживание на территории Северно-Восточной Колхиды (в I тысячелетии до н.э.) исключительно картвельских (колхских) племён: «колов», «кораксов», собственно «колхов», «гениохов», возможно и «мосхов»-«месхов». Никакого конкретного упоминания о племенах, которых с должной аргументацией можно было бы причислить к абхазо-адыгскому этническому миру, в этих источниках мы не встречаем, хотя исследователи, в том числе и некоторые грузинские, как уже было показано, допускают проживание на этой территории и предков современных абхазов.

Этнодемографическая ситуация в северо-восточной Колхиде в первых веках н.э. В I-Пвв. н.э. произошли серьёзные изменения на этнической карте Северо-Восточной Колхиды. С этого времени на территории современной Абхазии появляются новые племена. Прежде всего, это саниги, первое упоминание о которых встречается еще у древнегреческого автора Мемнона – современника т.н.

Митридатовых войн (по мнению Т. С. Каухчишвили и Д. Л. Мусхелишвили, 70-50-е годы Ив. до н.э.).¹⁴ Подавляющее большинство учёных, непосредственно занимающихся данной проблематикой (И. А. Орбели, Н. Я. Марр, С. Н. Джанашиа, П. И. Ингорква, Г. А. Меликишвили, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури, Д. Л. Мусхелишвили, Т. Ш. Мибчуани, Г. А. Гасвиани и др.), санигов причисляет к картвельскому (мегрело-чанскому, сванскому) этническому миру,¹⁵ хотя существует мнение и об абхазо-адыгском происхождении санигов (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и др.),¹⁶ что не выдерживает критики.

О картвельском происхождении санигов однозначно свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) В этнониме «саниги», как совершенно обоснованно подчеркнуто в науке (Н. Ю. Ломоури), легко выделяется корень «сани» – греческая форма этнонима «чани» („ჭანბო“), мегрело-чанское происхождение которого не подлежит никакому сомнению¹⁷; 2) Древнейшее грузинское название Диоскурии – Себастополиса (т.е. – современного Сухуми) – «Цхуми» на сванском языке означает «граб», а появление сванского топонима в окрестностях Сухуми-Диоскурии возможно было лишь тогда, когда в этих краях обитали именно сванские племена.

Учитывая, что после VIII века, к которому относится древнейшее упоминание в грузинской хронике «города Апшилети – Цхуми» (т.е. времени, когда Цхуми уже не принадлежал сванам, а был городом Апшилети-Апсилии), трудно найти следы пребывания сванских племён в окрестностях Сухуми, то сванское название данного места должно было возникнуть раньше VIII в. Со всей ответственностью можно утверждать, что сванское название г. Сухуми могло появиться еще до Ив. до н.э., когда, по словам известного древнегреческого географа Страбона (64г. до н.э.-20г. н.э.), над вершинами вокруг Сухуми-Диоскурии «господствовали сваны»,¹⁸ в земле которых (т.е. санигов), по почти документальному сообщению другого греческого автора Пв. н.э. Флавия Арриана, и «лежал Себастополис» (Диоскурия-Сухуми).¹⁹

Вместе с тем, нельзя исключить также возможность объяснения топонима «Цхуми» и при помощи мегрело-занского языка (помегрельски «цхимури», «тхуму» – также породы деревьев). Своего рода документальным подтверждением подобного варианта может служить известное указание другого древнегреческого географа Клавдия Птолемея (Пв. н.э.) о том, что у северной границы Колхиды, к северо-западу от Диоскурии, вдоль реки Коракс (по мнению учёных, р. Бзыби) жили «свано-колхи»²⁰ – своего рода смешанное свано-мегрельское племя.²¹

В I-II вв. н.э. в письменных источниках впервые появляются сведения об «апсилах»²² и «абазгах»,²³ которые в это время предположительно локализируются примерно на территории от р. Галидзга до р. Келасури²⁴ (в последнее время иную локализацию предложил академик Д. Л. Мухелишвили).²⁵ Позже наблюдается некоторое перемещение этих племён в северо-западном направлении и где-то в V-VI вв. н.э. они, ориентировочно, обосновались в регионе междуречья Кодори (или Келасури) и Бзыби²⁶ (по мнению Н. Ю. Ломоури, не исключено, что часть апсиров могла застрять и на территории восточнее р. Кодори).²⁷ При этом, апсирлы по-прежнему занимали южные районы, а абазги – северные. В VIII в. г. Цхуми (Сухуми), как уже отмечалось, уже назван городом Апшилети (Апсилии). Подобное перемещение абазгов и апсиров с юга на север в науке (Г. А. Меликишвили, Н. Ю. Ломоури и др.) объясняется натиском лазских племён.²⁸

В историографии долгое время не вызывал сомнения вывод о том, что апсирлы и абазги являются предками современных абхазов. В 50-х годах XX века П. И. Ингороква впервые предпринял попытку пересмотреть традиционный взгляд и абазг-абхазов и апсиров раннего средневековья объявил картвельскими племенами.²⁹ Однако официальная грузинская историография (прежде всего, в лице тогдашнего её лидера акад. Н. А. Бердзенишвили) встретила настороженно гипотезу П. И. Ингороква и сохранила приверженность к прежней трактовке.³⁰ Подтверждением тому могут служить все обобщающие издания по истории Грузии-Абхазии вышедшие в 50-80-х годах, начиная с *«Очерков истории Абхазской АССР»* (главный редактор Г. А. Дзидзария), заканчивая учебниками и учебными пособиями по истории Грузии (в том числе *«История Грузии»*, учебное пособие для студентов. Гл. редактор акад. Н. А. Бердзенишвили. Т. I. Тб., 1958, на груз. яз.), и, главное, восьмитомным фундаментальным изданием *«Очерки истории Грузии»* (главный редактор акад. Г. А. Меликишвили), в которых не оспаривается принадлежность абазг-апсиров к абхазо-адыгскому этническому миру. Следует отметить, что точка зрения П. И. Ингороква подверглась резкой критике со стороны абхазских учёных.³¹

В последние годы среди некоторых грузинских исследователей наблюдается определенное увлечение, во что бы то ни стало, ретанимировать гипотезу П. И. Ингороква. Однако со всей ответственностью можно констатировать, что эти попытки, несмотря на высокий научный авторитет отдельных учёных, на наш взгляд, пока что не могут считаться успешными и мы по-прежнему придерживаемся точки зрения об абхазо-адыгском происхождении абазгов и апсиров.

Касаясь проблемы этнической идентификации абазг-апсиллов, следует разъяснить и вопрос о терминологическом взаимоотношении этнонимов «абазг», «абхаз», «абаза» с одной стороны, и «апсил», «апсар», «апсуа» с другой. В науке (К. С. Ломтатидзе, О. Кахадзе, Е. Осидзе, Т. Гванцеладзе и др.) долгое время считалось бесспорным тождество этнонимов: «абазг», «абхаз», «абаза». ³² С последним из них связывали этноним «апсуа», который по фонетическим закономерностям считают производным от «абаза». ³³ Однако, в последнее время академик Т. В. Гамкрелидзе подверг серьёзному сомнению тождество этнонимов «абазг» и «абаза». По мнению учёного, «абаза» и «абазг» две независимые формы. При этом греческая форма «абазг» исходит от грузинского «абхаз», под которым академик Т. В. Гамкрелидзе подразумевает не предков «абаза»-«апсуа», а какое-то западно-картвельское племя. ³⁴

В настоящее время предпринята попытка пересмотра и тождественности этнонимов «апсил», «апсар», «апсуа». По мнению академика Д. Л. Мухелишвили, «апсил» нельзя считать эквивалентом «апсуа» и под «апсилами» он подразумевает западно-грузинское племя. ³⁵ Вместе с тем, учёный не отрицает тождественности этнонима «апсар» с «апсуа»-«абаза», принадлежность которых к адыго-абхазскому этническому миру у него не вызывает никакого сомнения. ³⁶

В раннесредневековых письменных источниках на территории современной Абхазии (в Кодорском ущелье, за Цебельдой) зафиксированы племена мисимян, которых однозначно следует отнести к картвельскому (сванскому) этническому миру, т.к. этноним «мисимян» явно происходит от «мушван» – самоназвания сванов. Попытки же некоторых абхазских историков (в последнее время в этом особенно преуспели О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба ³⁷) оторвать и мисимян, наряду с саниг-гениохами, от картвельского этнического мира не имеют ничего общего с научной логикой и всецело продиктованы сепаратистско-националистической конъюнктурой.

В раннем средневековье на территории современной Абхазии были представлены и лазы. Их проживание, в основном, предполагается в южных районах Абхазии, хотя не исключено, что когда-то они были расселены и в северной части, о чём может свидетельствовать существование там топонима «Старая Лазика», которая, по мнению специалистов (Д. Л. Мухелишвили и др.), локализуется у устья р. Негопсухо, северо-западнее от современного города Туапсе. ³⁸

Такова этнодемографическая картина северо-западной части исторической Колхиды в первых веках (до VIII в.) нашего летоисчисления. Как видим, и в этот период большую часть территории

современной Абхазии занимали картвельские племена санигов, лазов и мисимян. Что же касается собственно абхазских племён – абазгов и апсилов, то на первом этапе (в I-II вв. н.э.) они ориентировочно населяли территорию между реками Галидзга и Келасури. Позже, уже к V-VI вв. они переместились на север и заняли область между рек Кодори (или Келасури) и Бзыби.

Политико-государственный облик северо-западной Колхиды с древнейших времён до VIII в. н.э. Возникновение древнейших государственных образований на территории Грузии учёные предполагают, как минимум с конца II тысячелетия до н.э., когда в ассирийских клинописных надписях появляется информация о «странах» Даиаени (позже Диаухи урартских источников) и Килхи, в котором специалисты видят Колху (Колхиду) эпохи аргонавтов. В VIII в. до н.э. Колха урартских клинописей представляла собой страну с достаточно чёткой организацией государственной власти.

Примерно в VII-VI вв. до н.э. в пределах западной Грузии, на развалинах колхского объединения, вновь возникает государственное образование, во главе которого, по данным древнегреческих авторов, стояли потомки легендарного царя Айета. Крайнюю северо-западную границу этого государства учёные ищут в районе современного Туапсе, где, как уже указывалось, находилась «Старая Лазика». Исходя из этого, совершенно очевидно, что территория современной Абхазии полностью входила в состав Колхидского царства и этот регион, как справедливо отмечает академик Д. Л. Мухелишвили, «являлся и этнически и территориально органической частью» колхидского государства.³⁹ Всякое разглагольствование же о существовании в данный период собственно абхазского национального государственного образования⁴⁰ – из области фантастики и не имеет под собой никакой почвы.

К началу I века до н.э. в Колхиде уже не было единого государства. Принято считать, что оно распалось на отдельные скептухии.⁴¹ В этот период, территория исторической Колхиды попадает под контроль грозного понтийского царя Митридата VI-го, а с 65 г. до н.э. здесь устанавливается гегемония Рима. В I-II веках н.э. на территории исторической Колхиды официально оформляются новые этнополитические образования – т.н. «царства»: макронов и гениохов, лазов, апсилов, абазгов, санигов. Территория современной Абхазии была поделена между Лазикой (примерно до р. Галидзга), Апсилией и Абазгией (предположительно от р. Галидзга до р. Келасури) и Санигией, в пределах которой и находился Себастополис (т.е. современный Сухуми) и которая простиралась примерно до Сочи, возмож-

но даже до Туапсе.⁴² Т.о. большую часть территории современной Абхазии занимали государственные образования санигов и лазов, картвельское происхождение которых, как уже отмечалось, не вызывает никакого сомнения. Собственно абхазскими этнополитическими образованиями можно считать лишь «царства» апсилы и абазгов.

Эти объединения представляли собой раннеклассовые государственные образования, во главе которых стояли местные династии назначаемые или утверждаемые римскими императорами. Примерно с III в., при поддержке римских властей, на территории западной Грузии начинает усиливаться «Царство лазов». К концу IV в. Лазское (Эгрисское) царство охватывало уже территорию всей западной Грузии, включая и современную Абхазию, и превратилось в достаточно мощную державу, которую византийские авторы того периода однозначно воспринимали как правопреемницу древнего Колхидского царства. Территория современной Абхазии по-прежнему оставалась органической частью лазско-эгрисского государства, хотя правители Абазгии, которая к этому времени (VI в. н.э.) была представлена в новых границах (предположительно между рек Гумиста и Бзыби), пользовались значительным суверенитетом и фактически лишь номинально признавали верховенство лазских царей. Что же касается Апсолии, то она, в отличие от Абазгии, административно входила в Лазику и управлялась присланными из центра чиновниками. Один из таких чиновников Тердат – «знатный лаз», назначенный царём Лазики – Губазом II-м, наместником Апсолии, в середине VI в. поднял мятеж против своего царя. Однако центральной власти Лазики-Эгриси, при активной поддержке византийцев, удалось навести порядок в крае и апсилы вновь стали «подданными лазов».⁴³

В V-VI вв. Византийская империя, всемерно добиваясь большей лояльности к Константинополю со стороны лазских царей, начала поощрять стремление абазгских правителей выйти из юрисдикции Лазики и непосредственно подчиниться империи. Возможно, в это время (в первой половине VI века) византийские власти отторгли Абазгию от Эгриси и в церковном отношении, и создали там независимую от Лазского митрополита епархию. Во всяком случае, византийские источники VI в. повествуют об особой активизации миссионерской деятельности империи в пределах Абазгии во времена императора Юстиниана I (527-565 гг.).⁴⁴

Все это, а также обострение общеполитической обстановки в Западной Грузии, вызванное протекавшей здесь двадцатилетней ирано-византийской войной, не могло не помешать политической консолидации эгрисского государства и оно постепенно начало клониться

к упадку. На протяжении II половины VI и первой половины VIIвв. Византийская империя все больше наращивала свое давление на центральную власть Лазики-Эгриси и всемерно добивалась ограничения её влияния на местах. Несмотря на это, в середине VIIв. Апсилия и Мисиминия по-прежнему оставались в непосредственном подчинении правителя Лазики. Более того, в это время, почти по документальному указанию византийского автора VIIв. Феодосия Гангрского, одна из резиденций правителя Лазики, который, кстати, уже не назывался царём, а носил византийский придворный титул патрикия, находилась в районе Мокви⁴⁵ (совр. Очамчирский район). Это, безусловно, прямое подтверждение реального распространения власти правителя Лазики в этой части территории современной Абхазии.

К концу VIIв. правящий дом Лазики-Эгриси, в лице патрикия Серги Барнукис-дзе, решил выйти из повиновения Византийской империи и пригласил в страну арабов,⁴⁶ которые разместили свои гарнизоны не только в центральных областях Лазики, но и на окраинах, в том числе и на территории современной Абхазии, в частности, в крепостях Кодорского ущелья. По мнению учёных (З. В. Анчабадзе и др.), в это время, арабы взяли под свой контроль и Абазгию.⁴⁷

Установлением арабского владычества в западной Грузии, естественно, был нанесён серьёзный удар интересам Византийской империи в Закавказье, и это не могло не вызвать соответствующую реакцию со стороны Константинополя. Византийскими властями особой дипломатической миссией в западную Грузию был направлен известный военный деятель и искусный дипломат, будущий император Лев Исавр, который при поддержке «первейшего среди апсильов» Марина, сумел пробраться в Северный Кавказ, подкупить алан-осетин и натравить их на лазов и абазгов.⁴⁸ Вояж Льва Исавра достиг своей цели. При помощи алан-осетин он подчинил абазгов. Надо полагать, что с этого времени (около 709г.) Лазики-Эгриси не контролировала и Апсилию. Этим самым Византийская империя значительно ограничила влияние арабов в западной Грузии.

В 20-х годах VIIIв. Византийская империя и её главный союзник в противостоянии с Арабским халифатом Хазарский каганат нанесли ряд чувствительных ударов арабам в Восточном Закавказье. В этой антиарабской кампании важную роль играл правитель Картли Стефаноз, на которого и стали делать главную ставку византийские власти в своих акциях против Халифата в Закавказье. По сведениям арабских источников, именно по инициативе «малика курджов», в 730г. был организован крупный поход хазар в Закавказье, под командованием сына хакана Барджика. Хазары и грузины нанесли сокрушительное поражение арабам у Ардебиля. В этой битве был убит

разоритель Картли Джарах ибн-Абдаллах.⁴⁹

По мнению учёных, данная акция явно была согласована с Константинополем.⁵⁰ Более того, возможно, что правитель Картли вообще действовал под диктовку имперских властей. По-видимому, такое усердие эрисмтавара Картли соответствующим образом было оценено византийским императором, которому к этому времени, вероятно, удалось полностью восстановить контроль над западной Грузией, отняв Лазику у дома «предателя» Серги Барнукис-дзе и передав её управление картлийскому эрисмтавару. Во всяком случае, совершенно очевидно, что в середине 30-х годов VIII в., когда известный арабский полководец Мерван ибн-Мухаммад, прозванный в Грузии Мурваном «Кру» («Глухой»), совершил свою карательную экспедицию в западную Грузию, здесь не было местного династа, и Лазику-Эгриси рассматривали как часть государства картлийского эрисмтавара. Границы этого государства, которое, кстати, впервые источники⁵¹ называют „საქართველო“ («Сакартвело» – «Грузия»), проходили по реке Келасури, за которой была Абхазия, считавшаяся в это время непосредственно византийским владением и управляемая назначенным императором эриставом.⁵²

В византийских источниках, освещающих события этого периода, упоминается и правитель Апсилии, или «первейший среди апсиллов» – Марин, который в начале VIII в. активно сотрудничал с Византией, за что, по-видимому, и получил титул патрикия.⁵³ Источники называют также и сына Марина – Евстафия, которого где-то в 738-740 гг. пленил арабский полководец Сулейман ибн-Асам.⁵⁴ После этого Апсилия, как отдельная этнополитическая единица, по всей вероятности, прекратила своё существование и постепенно слилась с Абазгией-Абхазети.

Таким был общеполитический и государственный облик западной Грузии – Абхазии с I тысячелетия до н.э. примерно до 30-х годов VIII в. н.э. Приведённый материал однозначно свидетельствует о том, что на протяжении всего этого периода территория современной Абхазии в политическом и государственном отношении была частицей грузинского политико-государственного организма. В VI-II вв. до н.э. она входила в состав Колхидского царства. С IV в. н.э., после небольшого периода самостоятельного существования, возникшие на рубеже I-II вв. н.э. отдельные этнополитические объединения санигов, абазгов, апсиллов, позже и мисимян, вновь оказались в едином западно-грузинском государстве – в Лазском (Эгрисском) царстве, и пребывали в нём (за исключением Абазгии, выведенной Византийской империей из юрисдикции Лазики ещё в VI веке), почти до начала VIII в.

Глава III

«АБХАЗСКОЕ» ЦАРСТВО – ЗАПАДНОГРУЗИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ПРАВОПРЕЕМНИК КОЛХИДСКОГО И ЛАЗСКОГО ЦАРСТВ

Сепаратистский взгляд на «Абхазское» царство и его использование в политических целях. История «Абхазского» царства, также как и других грузинских политических образований, возникших на рубеже VIII-IX вв., фундаментально изучена в историографии. В трудах И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, Н. А. Бердзенишвили, З. В. Анчабадзе, Г. А. Меликишвили, М. Д. Лордкипанидзе, Д. Л. Мухелишвили, Н. Ю. Ломоури, Г. В. Цулая, и других учёных капитально исследованы все кардинальные вопросы, связанные с историей «Абхазского» царства, и убедительно показаны роль и место этого государственного образования в общегрузинском политическом пространстве в процессе формирования единого грузинского государства.

Практически все исследователи, в том числе и крупнейшие зарубежные учёные, однозначно признают «Абхазское» царство как грузинское национально-государственное объединение. Наглядным свидетельством сказанного являются хотя бы комментарии известного русского востоковеда В. Ф. Минорского, помещённые в его капитальном труде об истории Ширвана и Дербенда. Так, давая разъяснение древнейшему грузинскому городу Мцхета, учёный отмечал, что «Мцхет (лежащий на запад от Тифлиса) мог принадлежать скорее юго-западным Багратидам, чем **так называемой «Абхазской» династии западных грузин**».¹

В. Ф. Минорский не случайно помещает название династии в кавычки и совершенно недвусмысленно даёт понять, какой этнополитический мир представляла так называемая «Абхазская» династия. Аналогично поступает учёный и в других местах своего исследования. Так, например, касаясь вопроса о политико-государственной конфигурации Грузии IX-X веков, он пишет: «Помимо Квириканской династии Кахетии, существовали основная династия Багратидов в центральной и южной части Грузии и **так называемая Абхазская династия в Западной Грузии**». И это притом, что автор прекрасно осведомлён о собственно абхазах, «небольшом народе», живущем «в настоящее время... на восточном побережье Черного моря (около Сухуми)».²

В другом месте также отмечено, «что в первой половине X в.

Картлия была присоединена правителями **так называемой «Абхазской» династии».**³ Наряду с т.н. «Абхазской» династией, в названном труде В. Ф. Минорского в кавычках помещены также слова: «Абхазия», «Абхазский» и т.д. Например, комментируя сообщение арабского автора X в. Масуди, учёный пишет, что «Мас'уди проводит различие между истоками Куры, которые он помещает в стране Джурзан в царстве Джурджина, и ее последующим течением через **«Абхазские» владения (выше Тифлиса)».**⁴ В другом месте В. Ф. Минорский, обращая внимание на то, что Багратиды считали себя потомками пророка Давида, разъясняет: **«Эти цари Грузии (Джурз) назывались «абхазскими» царями ввиду их связей с правящим домом Абхазии».**⁵

Рассказывая о деятельности кахетинского царя Ахсартана, учёный отмечает, что «он... находился в плохих отношениях с царём **Западной Грузии (Абхазии, как ее называли мусульмане, имея в виду происхождение её династии). Современным правителем «Абхазии» (читай Грузии – З.П.) был энергичный Баграт (1027-72гг.), сын Георгия I (1014-27)».**⁶ И, наконец, комментируя сообщение Масуда бен Намдара о том, что ширваншах Фарибурз якобы «покорил **абхазцев»**, уточняет, что под этими абхазцами следует подразумевать **грузин.**⁷

Современные российские историки, профессионально занимающиеся Восточной Европой и особенно Кавказом, также признают грузинский национально-государственный облик «Абхазского» царства. В этом отношении, прежде всего, заслуживает внимания высказывание видного русского востоковеда, крупнейшего знатока истории стран Закавказья, члена-корреспондента АН СССР, проф. А. П. Новосельцева⁸ о том, что возникшее в VIII в. **Абхазское царство**, «первоначально» охватившее «территории, преимущественно населенные абхазами, ... в IX в. (после переноса центра «в Западную Грузию») стало, по сути дела, **западногрузинским государством, игравшим важную роль в истории Грузии»**⁹ (курсив наш – З.П.).

Почти аналогично высказывается и другой выдающийся русский историк Л. Н. Гумилёв, который пишет: «Эристав Абхазии с помощью хазар добился независимости от империи. Его преемники стали претендовать и на западную Грузию, постепенно её подчинив. Это случилось позже, **в IX-X вв., а возникшее первоначально Абхазское государство**, распространив свою власть на этнически картвельские земли, куда затем был перенесен и центр государства (в Кутаиси), **постепенно превратилось в грузинское политическое объединение».**¹⁰

Не меньший интерес представляет и видение ещё одного известного исследователя Кавказа В. А. Кузнецова, который, отмечая факт создания в конце VIII в. «Абхазского» царства объединившего «всю Западную Грузию со столицей в Кутаиси», считает нужным подчеркнуть, что **«общим языком для всех народов Абхазского царства становится грузинский язык»**.¹¹ Ещё более определённо высказывается другой известный кавказовед С. А. Арутюнов: **«Абхазия была населена всегда абхазами, но всегда и грузинами. Т.е. иногда было грузин там больше, иногда меньше, но никогда не было так, чтобы на территории Абхазии жили только абхазы или только грузины. Такого не бывало. Эти народы жили совместно в течение двух тысячелетий, как минимум. ...В грузинской истории абхазы выступили так, как, может быть, русы-варяги выступили в России. И Абхазское царство стало собирателем грузинских земель...»**.¹²

Несмотря на всё это, сепаратистски настроенные абхазские историки и их московские покровители (в основном политики, правильнее сказать – политиканы, типа К. Затулина и ему подобным) всемерно пытаются убедить общественность в обратном. В различных публикациях постоянно идёт политическая спекуляция названием царства и несведущим читателям внушается мысль о том, что «Абхазское» царство якобы являлось сугубо абхазским (в современном понимании) этнополитическим образованием.

Впервые об «Абхазском» царстве как о собственно абхазо-апсуйском государстве заговорили представители абхазской «народной» интеллигенции, вышедшие на арену после Февральской революции 1917 г. Едва ли не первым из них был известный абхазский деятель, один из лидеров сепаратистского движения 1917-1937 гг. Михаил Тарнава, опубликовавший в 1917 г.opus об истории абхазской «национальной» церкви – своего рода «научное» обоснование создания самостоятельной (от грузинской православной церкви) абхазской церковной организации.¹³ В данной книжке, автор «Абхазское» царство фактически объявил государством предков современных абхазов. По его утверждению, «могущество и расцвет Абхазии (читай «Абхазского» царства – **З.П.**) приходят в упадок с прекращением царствования её самостоятельных правителей» (имеется в виду вступление на «Абхазский» царский престол в Кутаиси Баграта Багратиони, он же Баграт III – первый царь объединённой Грузии – **З.П.**), после чего якобы «судьба Абхазии сливается с судьбой Грузии».¹⁴

Эта тенденция получила дальнейшее развитие в публикациях других видных представителей абхазского сепаратистского движе-

ния 20-30-х годов XXв. Среди них особенно «прославился» С. М. Ашхацава,¹⁵ чьи фантастические измышления лишены всякого здравого смысла. Так, например, С. М. Ашхацава всерьёз заявляет о том, что «Абхазское» царство – **абхазское национальное государство просуществовало аж до конца XVв.**, когда оно распалось «на три царства: Кахетинское, Карталинское и Имеретинское и на пять княжеств: Самцхе-Саатабаго, Гурию, Мингрелию, Сванетию и Абхазию»,¹⁶ и что «распадение Абхазского царства в XVв. повело к прекращению чеканки **национальной** (читай – **абхазо-апсуйской – З.П.**) монеты». ¹⁷ XVI-XVIIвв. же, по мнению автора, «являются эпохой наибольшего падения... **бывшего Абхазского государства**». ¹⁸

Под статью С. М. Ашхацава и ему подобным были и некоторые русские историки, писавшие в то время об Абхазии. Прежде всего, это известный своим антигрузинским видением истории Абхазии К. Кудрявцев, который, явно пытаясь представить «Абхазское» царство VIII-Xвв. абхазским национальным государственным образованием, без всякой аргументации утверждал, что «с момента свержения Тевдосе II Слепого на престол Абхазии... вступает новая, **не национальная, чуждая ей династия**». ¹⁹

Другой русский историк А. В. Фадеев, долгое время живший и творивший в Сухуми, хотя и не говорил открыто об абхазском «национальном» периоде «Абхазского» царства, однако, объединённое Грузинское царство Баграта III называл «союзным (т.е. абхазо-грузинским – **З.П.**) государством», а царя Баграта – «союзным государем», из чего явно следует вывод, что царство «Леонидов» было государственным образованием одних этнических абхазов. ²⁰ Примерно того же взгляда придерживался и основоположник абхазской национальной литературы Д. И. Гулиа, создавший в 20-х годах XXв. обстоятельный труд об истории Абхазии, ²¹ хотя позже Д. И. Гулиа пересмотрел свою точку зрения по вопросу национально-государственного облика «Абхазского» царства и однозначно признал его **западно-грузинским** государственным образованием. ²²

В этой связи, нельзя не отметить, что наряду с вышеназванными, явно тенденциозно настроенными авторами (позже к ним присоединился Ю. Н. Воронов), которые «Абхазское» царство эпохи «Леонидов» считают не грузинским, а абхазским (в современном этническом понимании) политическим объединением, воцарение Баграта III-го в Кутаиси воспринимается как фактический конец существования «Абхазского» царства и в трудах такого компетентного и беспристрастного учёного, каким был З. В. Анчабадзе. ²³ К такому же выводу приходит и Ш. Д. Инал-ипа. ²⁴

В дальнейшем, в научных кругах, в том числе и среди абхазских историков, вроде бы не оспаривалось грузинское содержание «Абхазского» царства, что было главным образом заслугой выдающегося абхазского учёного, члена-корреспондента АН Грузии, проф. З. В. Анчабадзе,²⁵ однозначно признававшим «Абхазское» царство **западно-грузинским** государственным образованием.²⁶ В этом плане, особо следует выделить вывод учёного: **«культурная и церковная политика Абхазского царства, также как его социальная и государственная политика, диктовалась общегрузинскими интересами».**²⁷

Несмотря на это, в Абхазии, изредка всё же появлялись работы, в которых «Абхазское» царство VIII-Xвв. выставлялось как абхазское национальное государственное образование. В 60-х годах XXв. в этом направлении особенно преуспел Р. А. Хонелия.²⁸ Данный взгляд отчасти проскальзывается и в труде известного абхазского учёного, этнографа и историка, проф. Ш. Д. Инал-ипа. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что он допускает существование собственно абхазского национального периода лишь до перенесения Леоном II-м столицы созданного им государства в Кутаиси, после чего, по словам учёного, «Абхазское» царство уже **«превратилось по существу в грузинское государство по своей основной территории, составу преобладающего населения... и осуществлявшейся... общегрузинской политики».**²⁹

Точка зрения о неоспоримости абхазского национально-государственного облика «Абхазского» царства широко пропагандировалась в публикациях т.н. «друзей абхазского народа» из имперски настроенных кругов российской интеллигенции. Среди них «пальма первенства», безусловно, принадлежит идейному вождю русского фашизма Вадиму Кожинову, который серьёзно утверждал, что церковное богослужение и государственное делопроизводство в «Абхазском» царстве велось исключительно на абхазском языке с применением абхазской письменности Г. Турчанинова.³⁰ Из «открытий» последнего времени всезнающего В. В. Кожинова (ныне покойного), следует особо выделить также его утверждение о том, что **«до 1931 года Абхазия никогда не была частью Грузии. Никогда, за всю свою тысячелетнюю историю. Зато были времена, когда часть Грузии входила в Абхазское царство».**³¹

Примерно со II половины 80-х годов XXв., особенно после начала очередной эскалации сепаратистского движения в 1988г., абхазские учёные более агрессивно стали отстаивать точку зрения об абхазо-апсуйской национально-государственной принадлежности «Аб-

хазского» царства. Это особенно наглядно было продемонстрировано в монографии известного абхазского археолога и историка М. М. Гунба,³² а также, в публикациях увлекающегося вопросами истории Абхазии филолога А. Л. Папаскири.³³

В это время настоящую антигрузинскую историографическую кампанию развернул ещё один одиозный деятель сепаратистского движения, археолог Ю. Н. Воронов, чьи труды в данном направлении привлекли внимание ещё в 70-х годах XXв.³⁴ Однако, если тогда он всё ещё не осмеливался придать своим инсинуациям открытую политическую направленность и, внешне, вроде бы, не выходил за рамки академической науки, то с начала 90-х годов в его «творчестве» полностью стерлась грань между наукой и политикой, и он целиком встал на службу абхазского национал-сепаратизма. Наиболее ярко это проявилось в его грязной рецензии на книгу акад. М. Д. Лордкипанидзе «*Абхазы и Абхазия*» (Тб., 1990), помещённой в газете «*Абхазия*»³⁵ (на этот пасквиль Ю. Н. Воронова достойно ответила акад. М. Д. Лордкипанидзе.³⁶ В своё время автор этих строк также оперативно откликнулся на эту публикацию зарвавшегося радателя абхазской истории и по возможности дал отпор его нападкам на грузинскую историографию³⁷), а также в т.н. «экспресс-очерке» «*Абхазы. – Кто они?*», опубликованного уже после начала военного противостояния в Абхазии.³⁸ В этих публикациях, наряду с другими вопросами исторического прошлого Грузии-Абхазии, весьма тенденциозно освещена история «Абхазского» царства и, главное, допущены грубейшие фактологические оплошности. В этом плане, чего стоит констатация поистине ошеломляющего факта **женитьбы первого царя объединённой Грузии – Баграта III-го, «представителя рода южногрузинских Багратидов», на собственной матери – Гурандухт, «наследнице абхазского престола».**³⁹

«Достижения» сепаратистской историографии по изучению национально-государственного облика «Абхазского» царства даны в т.н. «учебном пособии» по истории Абхазии, изданном в Сухуми в 1991г.⁴⁰ Несмотря на то, что автор раздела об «Абхазском» царстве – Ю. Н. Воронов всемерно попытался, во что бы то ни стало, скрыть грузинское содержание «Абхазского» царства, поневоле ему, всё же, пришлось признать общность исторических судеб грузинского и абхазского народов и их нахождение в едином политико-государственном пространстве. Более того, в отдельных случаях, при освещении событий, происходящих на территории современной Абхазии в VIIIв., он даже не ушёл от показа главенствующей роли грузинских лидеров. Наглядным свидетельством сказанного могут служить ком-

ментарии Ю. Н. Воронова, данные им сообщению грузинской летописи («Жизнь Вахтанга Горгасала»), согласно которому, во главе объединённого абхазо-картлийского войска, сражавшегося против известного арабского полководца Мервана ибн-Мухаммада (он же Мурван «Кру»), у стен Анакопии (резиденции «эристава Абхазии» Леона I-го), почему-то стояли картлийские цари Мир и Арчил.⁴¹ В другом месте, Ю. Н. Воронов, подчёркивая роль Византийской империи в укреплении позиций Леона I в западной Грузии, отмечает, что этому способствовала «передача ему (Леону I – З.П.) знаков царского достоинства, принадлежавших картлийскому царю Миру».⁴²

Однако всё это не помешало Ю. Н. Воронову утверждать, что «действия Леона II», которые «обычно рассматриваются в качестве проявления некоей его «общегрузинской» политики», на самом деле, были направлены на расширение собственного владения «в рамках стремлений, характерных для каждого феодального деспота». «Вместе с тем, – вынужден признать Ю. Н. Воронов, – непрерывно продолжавшаяся» борьба и соперничество «с соседними царствами и княжествами, особенно за владение Картлией. **Объективно ...со временем привела к объединению всех картоязычных (грузинских) племен,** и Абхазское царство сыграло в этом процессе основную позитивную роль».⁴³

Чуть ниже также отмечено, что «...к концу X века восточная политика Абхазского царства, **объективно ведущая к объединению** значительной части западного и центрального Закавказья (почему не Грузии? – З.П.), **завершилась созданием нового государства – «царства абхазов и картвелов», позднее известного как объединенное грузинское царство».**⁴⁴ «События 975-978 гг., – пишет далее Ю. Н. Воронов, – следует расценивать, с одной стороны, как удачу в деле захвата соседних территорий и укрепления Абхазского царства, а с другой – как первые шаги к образованию **качественно нового феодального государства, позже ставшего известным как «Грузинское».**⁴⁵

Однако, явно чувствуя себя несколько растерянным излишней констатацией того, что «Абхазское» царство **всё же трансформировалось** (пусть даже с конца Хв.) **в грузинское государство,** Ю. Н. Воронов всячески старается сгладить это следующим заявлением: «Абхазские цари, расширяя то силой, то с помощью политических интриг границы своих владений, заботились, **прежде всего, о своем личном благе и могуществе. Их ещё не волновали вопросы национального** (в современном смысле слова) **приоритета, а соответствующие моменты (язык официальных документов, церков-**

ная соподчинённость, архитектурные школы и т.д.) – как проявления реальной жизни, обращенной больше в настоящее, зависели от конкретной ситуации».⁴⁶

Т.е. получается, что абсолютно чётко вычерченная **грузинская** политика Леона II-го и его преемников в сфере государственного строительства, церковной политики, и т.д. (невольной признанная самым Ю. Н. Вороновым) являлась не «национальным приоритетом», а всего лишь «проявлением реальной жизни». И это в то время, когда, в других случаях, оказывается, развитие «в рамках византийской культурно-политической системы», почему-то, имело решающее значение не только для Абасгии и Апсилии, но и для «Абхазского» царства. «Не будь, в VIII-Хвв. политически независимого, но христианского, и в этом уже византизирующего (!!) Абхазского царства, – пишет автор учебного пособия, – не сложилось бы в XI-XII веках тяготевшего к тому же христианскому миру культурно-исторического единства, ныне называемого общегрузинским».⁴⁷

Если культурно-политическое влияние Византии на Абазгию и Апсилию было совершенно очевидным, то «Абхазское» царство уж никак нельзя рассматривать как «византизирующее» государство. Стратегическим направлением внешнеполитической деятельности царей «абхазов», наряду с обретением политической независимости, как раз и было освобождение от культурно-идеологической зависимости Византийской империи, что, конечно, не исключало установления, время от времени, равноправных, партнёрских отношений между Кутаиси и Константинополем.⁴⁸

Несколько осторожная позиция Ю. Н. Воронова (Как ни странно, эта позиция сохранена в официальном взгляде нынешнего политического руководства непризнанной республики)⁴⁹ в определении национально-государственного облика «Абхазского» царства, вряд ли могла умерить возросшие (после объявления «государственной независимости» Абхазии) амбиции сепаратистов. Их уже не удовлетворяло объявление царства «Леонидов» сугубо абхазским национально-государственным объединением и на этот раз, они, ни больше, ни меньше, замахнулись на единое грузинское государство XI-XII вв. Если Ю. Н. Воронов, в вышеотмеченном учебном пособии, для обозначения единого грузинского государства XI – I пол. XIII вв. использовал формулировку «царство абхазов и картвелов»,⁵⁰ явно намекая на особую роль апсуа-абхазов (правда, признавая при этом данное государство грузинским), то в некоторых публикациях, совершенно бесцеремонно, говорится о том, что «Абхазское» царство (по мнению этих авторов, национальное государство апсуа-абхазов)

просуществовало вплоть до 1259г. (*Кстати, эту дату называл и Ю. Н. Воронов, который писал, что «царство абхазов и картвелов» ушло с исторической арены» после воцарения (в 1259г.) в западной Грузии Давида-Нарина*).⁵¹

В частности, данный взгляд обосновывается в ряде публикаций, появившихся в последнее время. Прежде всего, это статьи в некоторых русских энциклопедических и справочных изданиях, подготовленные явно с подачи сепаратистски настроенных абхазских историков.⁵² Мысль о существовании «Абхазского» царства до середины XIIIв. развивается также в статьях С. М. Шамба, который, считая созданное Леоном II-м Царство «Абхазов» сугубо абхазским национальным государственным образованием, явно даёт намёк на то, что «в Абхазском царстве в VIII-XIIIвв.» преобладало абхазское население.⁵³ Но наиболее настойчиво на существовании «Абхазского» царства – абхазского «национального государства» – вплоть до 1259г., настаивает Е. К. Аджинджал.⁵⁴

Рассказывая о переносе Леоном II-м столицы вновь созданного государства из Анакопии (нынешний Новый Афон) в Кутаиси (в центр западной Грузии), С. М. Шамба вообще несёт полную чушь, когда пишет, что Леон новой столице «дал... абхазское название Кутышь, которое в абхазском языке употребляется и сегодня (означает «куриная гора»)». При этом С. М. Шамба ссылается на античную традицию, которой якобы было «известно изобилие этих мест фазанами».⁵⁵ Можно подумать, что до этого у Кутаиси было другое название, не говоря уж о том, что именно Кутаиси был стольным городом перебравшихся в западную Грузию эрисмтаваров Картли, наследниками которых как раз и считали себя Леон II и его преемники.

Однако инсинуации С. М. Шамба на этом не заканчиваются. Рассказывая о том, как «в 978 году корона абхазских царей по материнской линии перешла» царевичу Баграту, один из руководителей нынешней Абхазии (т.н. «министр иностранных дел» правительства непризнанной республики, кстати, облачённый в мантию доктора исторических наук) называет его отпрыском «**южно-грузинской ветви армянского царского рода Багратуни**»⁵⁶ (Видимо, за подобного рода выходки присвоили С. М. Шамба учёную степень доктора наук не где-нибудь, а в Ереване). Вместе с тем, следует отметить, что в другой публикации С. М. Шамба вынужден признать, что «Абхазское» царство – «**могущественное по тем временам государство**», **которого создал «абхазский народ, ...в XI веке ...в результате династических браков трансформировалось в Грузинское царство**, просуществовавшее до XIII века».⁵⁷

По утверждению ещё одного представителя рода Шамба, родного брата нынешнего «премьер-министра» сепаратистской Абхазии, Т. М. Шамба (В своё время партийный босс Академии общественных наук при ЦК КПСС, доктор юридических наук), абхазское **«государство (имеется в виду Царство «Абхазов» – З.П.) абхазы создали самостоятельно на своей исконной земле и на протяжении двух веков абхазское государство было сильнейшим среди соседей»**. Что же касается Царства «Абхазов» и «Картвелов», то её «название... **«Абхазо-Картвельское царство»**, – по мнению Т. М. Шамба и его идейных соратников из корпуса русских шовинистов, которых на этот раз представляет (в качестве соавтора «первого абхазского юриста») некий А. Ю. Непрошин, до этого никому не известный этнополитолог, кандидат наук, – **было фактически условным, поскольку пришедший на его правление Баграт III был не картвел, а представитель армянского (а еще ранее персидского) рода из Тао-Кларджети, мать которого была абхазка, т.е. не имел ничего общего с племенем картвелов»**.⁵⁸

В другой публикации Т. М. Шамба, вместе со своим неразлучным соавтором, идёт ещё дальше. «В истории региона, – пишут они, – подтверждено существование Абхазского царства в период между VIII-Хвв. и Абхазско-Картвельского царства до начала XIIIв. **Абхазия представляет эти сведения как претензию на собственный суверенитет, но Грузия это же самое царство характеризует как... Грузинское государство (?)**, в котором преобладают грузинский язык и культура».⁵⁹ Однако, «главная неприменимость такого подхода», – по мнению авторов, – ...заключается в том, что **«в возражениях Грузии имеют место только голословные заявления без привлечения юридически достоверных документов... подтверждающих действительные факты»**,⁶⁰ в то время как абхазскую версию, оказывается, подтверждают **«Диван Абхазских царей»**.. **«Картлис Цховреба»**, **труд средневековых историков Абхазского царства»**.⁶¹ Вместе с тем, как заявляют новоявленные «гении» исторической науки, **«Абхазия никогда не считала себя Грузией, скорее княжества Закавказья, в том числе Картли и Кахетия, должны считаться принадлежащими территориально и административно Абхазии»**.⁶²

Как видим, **«Диван Абхазских царей»** и **«Картлис Цховреба»** нашими «корифеями» фактически объявлены письменными памятниками **«Абхазского»** царства (читай абхазского национального государства), Картли и Кахети же – княжествами Закавказья, а не грузинскими политическими образованиями. Более того, по их «гениальной» догадке, **«домыслы о существовании Грузии на протяже-**

нии 26 веков не имеют ничего общего с исторической действительностью... До мая 1918г. государство «Грузия», как и ее территория, не существовало! Только с объединением нескольких отдельных независимых княжеств, располагавшихся на территории Закавказья, из которых ни одно не носило самоназвание «Грузия», в единое государство и присвоением этому объединению указанного наименования юридически правомерно возникновение такой страны, с этого момента – и не ранее!».⁶³ И это в то время как собственно «Абхазия... в VIII-XIвв. и позже, до XVIIIв., была государством независимым», которое (с VIII по XIIIв.) «охватывало практически все Центральное и Западное Закавказье, включая в себя все государственные образования, находившиеся на этой территории. Ссылки грузинских политиков на то, что все эти территории в XI-XIIIвв. принадлежали Грузии, – полная бессмыслица, поскольку такого государства до 26 мая 1918г. не было».⁶⁴

Из вышеприведённых выдержек «шедевров» историко-правовой мысли любой несведущий читатель может прийти только к одному, поистине сенсационному, выводу: и государство Давида Строителя и царицы Тамар, и знаменитый свод древних грузинских летописей «*Картлис Цховреба*» (а почему не бессмертная поэма великого Шота Руставели: «*Витязь в тигровой шкуре*»?!) историческое достояние одного только абхазского народа (кстати, не имевшего своей письменности вплоть до конца XIXв.), а не грузин. Вот какой теоретической «мудростью» подкармливают сепаратистов юрист Т. М. Шамба и его собрат А. Непрошин – идейные наследники С. Ашхацава и В. Кожина. Конечно, совершенно бессмысленно комментировать эти бредовые умозаключения абсолютно далёких от исторической науки «экспертов». Остаётся только сожалеть, что подобного рода «открытия» порой проскальзываются и в публикациях историков-профессионалов. Так, например, вышеупомянутый известный абхазский историк и археолог М. М. Гунба созданное «абхазами (абазгами)» «Абхазское» царство называет не иначе, как общекавказское государство, которое существовало в X-XVвв.⁶⁵

Точка зрения о том, что не только Царство «Абхазов» VIII-Xвв., но и государство Баграта III-го и его преемников («до нашествия монголов») оставалось абхазским политическим образованием, в последнее время активно отстаивается ещё одним дилетантом в области исторической науки, филологом А. Л. Папаскири⁶⁶ (кстати, всю абсурдность его дилетантских «упражнений» в области абхазо-русских взаимоотношений показал, на состоявшихся в Сухуми, в

Абхазском государственном университете, в начале 1984г. «слушаниях» доклада А. Л. Папаскири, не кто иной, как крупнейший абхазский историк З. В. Анчабадзе). Эта мысль проскальзывает и в целом неплохой диссертации И. Ш. Агрба.⁶⁷ По мнению Г. Гумба, Царство «Абхазов» VIII-Xвв. сугубо абхазское национальное государство, в то время как объединённое Грузинское царство XI-XVвв. оказывается совсем не Грузия, а всего лишь «федеративное государство закавказских народов».⁶⁸

В 2006г., как уже отмечалось, в Сухуми был опубликован т.н. «учебник» истории Абхазии «для общеобразовательных учебных учреждений».⁶⁹ В нём (автором интересующих нас разделов является друг и соратник Ю. Н. Воронова, известный археолог О. Х. Бгажба) практически сохранено вороновское осмысление событий VIII-Xвв. и последующего периода, хотя в некоторых местах оно отредактировано в духе современной политической конъюнктуры. Это, прежде всего, относится к освещению событий периода вторжения Мервана ибн-Мухамадда в западную Грузию. Автор нового «учебника», рассказывая о перипетиях Анакопийского сражения (в отличие от Ю. Н. Воронова) умалчивает о главенствующей роли картлийских эрисмтаваров Мира и Арчила.⁷⁰

Таков, в целом, абхазский (читай сепаратистский) взгляд на национально-государственный облик царства «Абхазов». Как видим, вышеназванные авторы стараются во что бы то ни стало убедить весь мир в том, что созданное в конце VIIIв. Леоном II-м царство «Абхазов», как минимум на протяжении двух столетий (до принятия Багратам III-им титула царя «кارتвелов»), являлось сугубо абхазским национальным государством. Конечно, можно было привести ещё немало других публикаций (выходящих как в Абхазии, так и за её пределами), в которых тиражируется данная точка зрения, однако, думаем, мы и так чрезмерное внимание уделили этой макулатуре и не считаем больше нужным о них распространяться.

Что можно сказать обо всём этом? Мы, конечно, далеки от мысли, что данной публикацией можно всё расставить по своим местам и дать исчерпывающий ответ по всем «спорным» вопросам, связанным с определением национально-государственного облика «Абхазского» царства. Несмотря на это, всё же попытаемся в очередной раз (впервые эти вопросы мы затронули в газетных статьях в 2002 году,⁷¹ а затем и в книгах,⁷² недавно же, представленный здесь раздел об «Абхазском» царстве был опубликован отдельной статьёй⁷³) разобраться в том, почему всё-таки политическое объединение, носящее название Царства «Абхазов», не может считаться националь-

ным государством апсуа-абхазов, а является исключительно грузинским национальным государственным образованием. Но, сперва о времени и условиях создания этого государства.

Политическая ситуация в Грузии накануне образования «Абхазского» царства. На протяжении VIII-IX вв. произошли существенные изменения в государственном и политическом устройстве Грузии. На развалинах древнейших грузинских государств – Колхиды, Лазики-Эгриси и Иберии-Картли возникли отдельные царства-княжества: Кахети, Эрети, Тао-Кларджети, Царство «Абхазов» и Тбилисский эмират. Эти изменения, в основном, были обусловлены факторами внешнеполитического характера, в частности, арабо-византийским военным противостоянием в Закавказье. Своего апогея это противостояние достигло в 30-х годах VIII в., когда вся Грузия, как восточная, так и западная, стала ареной опустошительного похода грозного арабского полководца Мервана ибн-Мухаммада (Мурвана «Кру»).

Грузинские письменные памятники: хроника Джуаншера Джуаншерияни, *«Мученичество Давида и Константина»* – сохранили довольно подробное описание похода Мурвана «Кру» в западную Грузию. Несмотря на то, что об этой военной кампании ничего не известно арабским авторам, кстати, хорошо осведомлённым о действиях Мервана ибн-Мухаммада на Кавказе, большинство учёных (в том числе и буквально все абхазские исследователи) не сомневаются в достоверности сведений грузинских источников и считает вполне реальным пребывание этого арабского полководца в западной Грузии. Во время этого похода, Мурван «Кру», завоевав центральные области Эгриси, переправился через р. Келасури, которая в ту пору, по словам грузинского летописца, была границей между Грузией („საქართველოსა“) и Византией („საბერძნეთს“), сокрушил город Апшилети Цхуми и обступил Анакопию, резиденцию «эристава Абхазии» Леона, у которого нашли убежище преследуемые арабским полководцем сыновья эрисмтавара Картли Степаноза – Мир и Арчил. У стен Анакопийской крепости произошло героическое сражение, в котором совместное картлийско-абхазское войско – всего 3 тыс. воинов (из них абхазов 2 тыс., картлийцев – 1 тыс.) одолело 35-тысячное войско арабов, которые были вынуждены отступить, а затем вовсе покинуть западную Грузию.⁷⁴

Рассказывая об этих событиях, нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что в Анакопийской эпопее объединённым войском командовали Мир и Арчил, а «эристава Абхазии» Леона вообще не было в крепости. Он, как указывает Джуаншер Джуаншерияни-

ни, находился в местечке Собгиси у границы с Овсетией,⁷⁵ где, по-видимому, охранял рубежи своего владения от возможного нападения овсов-осетин (кстати, нам представляется надуманной попытка некоторых исследователей, объяснить нахождение Леона в Собгиси его стремлением установить союзнические отношения с аланами, дабы они оказали ему военную помощь⁷⁶).

С походом Мурвана «Кру» в западную Грузию и его результатами связывает древнегрузинская историческая традиция определённые изменения в политической и государственной структуре страны. В частности, происходит официальное признание Византийской империей представителей правящего дома Картли Мира и Арчила в качестве общегрузинских лидеров – «царей» Картли-Эгриси, «Эриставу Абхазии» Леону же византийский император пожаловал наследственные права на Абхазию.⁷⁷

Одновременно произошло сближение «эристава кесаря» Леона с домом Мира и Арчила, завершившееся династическим браком. Взяв в жёны одну из дочерей Мира,⁷⁸ Леон тем самым стал полноправным членом правящего дома Картли-Эгриси. Правитель Абхазии пошёл еще дальше, он отказался от предложенных Арчилом (ставшим после смерти старшего брата Мира единственным властителем Картли-Эгриси) территориальных приобретений и объявил себя вассалом картлийского эрисмтавара, а свое владение частью государства «царя» Арчила. Взамен абхазский владетель получил весьма значительную, в политическом плане, компенсацию – ему была передана царская корона, присланная византийским императором его тестю Миру.⁷⁹ Этим самым руководитель Абхазии сразу же стал ведущей политической фигурой в общегрузинском масштабе, фактически вторым (после «царя» Арчила) лицом в государстве и положил начало качественно новому этапу своей политической карьеры.

Таким образом, в 30-х годах VIII в. в Грузии создалась совершенно новая политико-государственная конъюнктура. **Вся восточная и западная Грузия, включая и территорию, расположенную севернее реки Келасури, т.е. Абхазию того времени, юридически была оформлена в единое государство, во главе которого стоял дом Картлийского эрисмтавара Арчила.** В этой связи, нам кажется явно не случайным тот факт, что термин „საქართველო“ («Сакартвело» – «Грузия») средневековая грузинская историография впервые использует именно для обозначения государства картлийских эрисмтаваров Степаноза-Арчила (кстати, об этом «забывает» уже упомянутый нами выше абхазский историк Г. Гумба, который, отмечая, что «понятие «Сакартвело»... впервые появляется в грузинских пись-

менных источниках XIV. – в «Житие Иоанна и Евфимия» и переводе «Житие Медиоланского», почему-то умалчивает о сочинении Джуаншера Джуаншерияни⁸⁰). «Эристав Абхазии» Леон добровольно вступил в это общегрузинское политическое и государственное пространство в качестве политического преемника своего тестя царя Картли-Эгриси Мира.⁸¹

В дальнейшем, дом Леона, удачно использовав свое выгодное легитимное положение, постепенно начал добиваться установления своей гегемонии в масштабе всей западной Грузии. К 80-м годам VIII века, когда известный грузинский писатель Иован Сабанис-дзе писал своё знаменитое агиографическое произведение «Мученичество Або Тбилели», уже вся западная Грузия была под властью правителя («Мтавари») Абхазии. Более того, Иован Сабанис-дзе документально подтверждает, что тогда Абхазией называли не только территорию собственно «Эриставства Абхазии», а всю западную Грузию.⁸²

В историографии всё ещё не поддаётся точному определению время и условия превращения «Эриставства Абхазии» в «Мтаварство» (владетельное княжество) в новых границах. В последнее время, нами выдвинуто предположение, согласно которому это могло произойти в период пребывания картлийского эрисмтавара Джуаншера в Хазарии «в почётном плену» – в 764-771 гг.⁸³ Возможно, именно в это время умер брат Джуаншера – Иоанн, который как раз и правил в Эгриси после смерти своего отца «царя» Арчила. Леон же мог воспользоваться этим (а также отсутствием в Грузии другого своего сюзерена – Джуаншера) и установить свою власть над всей западной Грузией.⁸⁴

Образование Царства «Абхазов» и его этнокультурный и национально-государственный облик. В конце VIII века представитель дома Леона, его племянник Леон II, воспользовавшись ослаблением Византийской империи, при помощи хазар отложился от неё (т.е. Византии), захватил власть в уже объединённом его предшественником в Эгриси-Абхазети и объявил себя «царем абхазов»: «Когда же ослабили греки, – пишет автор грузинской летописи «Матиане Картлиса» («Летопись Картли»), – отложился от них эристав абхазский по имени Леон, племянник эристава Леона, которому дана была в наследство Абхазия. Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он (Леон) от греков, присвоил Абхазию с Эгриси до самого Лихи и нарекался царём абхазов».⁸⁵

Так было положено начало т.н. «Абхазскому» царству. Следует особо отметить, что древнегрузинская историческая традиция этот акт однозначно увязывает с определённым династическим кризисом

в царском доме Арчила. По словам автора «*Матиане Картлиса*» (так называют, условно, анонимную хронику XI века, освещающую историю Грузии этого периода), принятие Леоном II-м царского титула стало возможным потому, как «мёртв был Иован и состарился Джуаншер. [Вскоре] после этого помер и Джуаншер».⁸⁶

Т.е. этим самым грузинская летопись (кстати, единственный источник, повествующий об этом событии), как бы специально подчёркивает, что в сложившейся ситуации представитель дома Леона I являлся единственным легитимным династом, который законно мог претендовать на власть в Абхазии-Эгриси. Однако принятие царского титула правителем Абхазии-Эгриси нельзя рассматривать как сугубо внутривластительский акт. Это в не меньшей степени, а может быть даже в первую очередь, было обусловлено внешнеполитическими факторами. Следует отметить, что средневековая грузинская историография совершенно чётко понимала, что принятие тем или иным грузинским лидером царского титула непосредственно определялось внешнеполитическим статусом страны, и что международная конъюнктура не всегда позволяла им носить этот титул. Ярким подтверждением сказанного является указание грузинского летописца Джуаншера Джуаншериани о том, как второй эрисмтавар Картли Степаноз I (конец VI – начало VIIв.) «из страха перед персами и греками не дерзнул (присвоить) себе звания царя, но признали его главой эристава».⁸⁷ Т.е. принятие царского титула непосредственно было связано с приобретением страной государственного суверенитета. Вот почему грузинский летописец данное событие, т.е. объявление Леоном II-м своей персоны царём «абхазов», связывает с политическим разрывом с Византией.

В историографии имеется чёткое представление о внешнеполитическом фоне образования Царства «Абхазов». По совершенно аргументированным наблюдениям акад. С. Н. Джанашиа, отказ Леона II от византийского сюзеренитета и принятие им царского титула совпали с политическим кризисом, последовавшим за государственным переворотом в Византийской империи в конце VIIв., конкретно около 797г. В результате этого переворота был свергнут император Константин VI, то ли внук, то ли племянник (сын сестры) тогдашнего хазарского кагана, что, возможно, было негативно воспринято царствующим домом Хазарии.⁸⁸ Не исключено, что хазары именно поэтому поддержали, а может быть, даже сами инспирировали, антивизантийский демарш «эристава Абхазии» Леона II-го, который, как известно, также был «сыном дочери хазарского царя», т.е. близким родственником свергнутого византийского императора.

Ввиду того, что Леон II – «эристав Абхазии» назвал себя «царём абхазов» («мепе апхазта»), как внутри Грузии, так и за её пределами это новое государственное образование стали называть страной «царя абхазов», т.е. Царством «Абхазов» или просто «Абхазией». Однако изменение названия страны отнюдь не означало изменение её национально-государственного облика и создание в пределах всей западной Грузии качественно нового, собственно абхазского национального государства, правопреемником которого якобы является нынешняя Абхазия, а не современное грузинское государство в целом.

В связи с этим, не будет лишним вспомнить, что в мировой истории немало примеров, когда название страны не соответствует своему содержанию. Возьмём хотя бы Болгарию. Так, общеизвестно, что название «Болгария» страна получила от основателя государства, болгарского хана Аспаруха, перебравшегося из Волжской Болгарии на Балканы.⁸⁹ Однако кто может сказать, что это государство было тюркским, а не славянским.* Или же Киевская Русь. Сейчас уже не вызывает никакого сомнения, что название «Русь» скандинавского происхождения, и оно было дано стране лишь потому, что основатели государства – Рюрик, Олег и т.д. были норманнами (*в последнее время точка зрения об исконно славянском происхождении племени Русь, совершенно обоснованно названа «историографическим мифом», который «перестает играть роль «исторического факта»*⁹⁰). Но даже самый ярый приверженец т.н. „Норманнской теории“ не сможет отрицать, что Киевская Русь с самого начала была именно славянским государством, а не нормано-скандинавским. То же самое можно сказать и об испанском прецеденте. Разве возведение на испанский престол (в 1700г.) внука французского короля Людовика XIV-го, герцога Анжуйского (он же Филипп V)⁹¹ привело к замене испанского государства французским?

То, что этническое происхождение правящей династии не играет решающую роль при определении национально-государственного облика страны, видно и из политической практики самой Грузии. Так известно, что после смерти первого царя Кахети-Эрети Квирикэ III-го на престол вступил (около 1039г.) его племянник Гагик⁹² (сын сестры), представитель ташир-дзоракетской армянской династии, но из-за этого Кахетинское царство никак не стало

* Следует отметить, что этот пример (для показа грузинского национально-государственного облика Царства «Абхазов» IX-Хвв.) часто приводил в своих лекциях и выступлениях сам З. В. Анчабадзе.

армянским государством.

Вместе с тем, грузинская историческая традиция дала совершенно однозначное разъяснение тому, когда и почему называли «Абхазией» исторический Эгриси. Вот что пишет в этой связи крупнейший грузинский историк XVIIIв. Вахушти Багратиони в своём фундаментальном труде *«Описание царства Грузинского»*: «Названия страны этой – три: первое – Эгриси, второе – Абхазия, третье – Имерети. Эгриси она была названа из-за Эгроса, сына Таргамоса, которому... досталась страна эта, и называлась она так до конца правления Хосроянов (т.е. династии картлийских царей, которую представлял дом Степаноза-Арчила – **З.П.**). А Абхазией [она была названа] из-за Левана, который после первого Леона... был эриставом Абхазии. Этот Леван после смерти хосроянов стал царём, овладел всею (страной) Эгриси целиком. И этот [Леван] назвал Абхазией царство своё, распространив наименование своего эриставства на всю (страну) Эгриси». ⁹³

В современной грузинской историографии, исходя из этого определения царевича Вахушти, «Царство абхазов» иногда называют «Эгрисско-Абхазским царством». Впервые такое определение появилось в русском варианте учебного пособия по истории Грузии (автор данного раздела акад. Н. А. Бердзенишвили), ⁹⁴ однако наиболее последовательно этот термин отстаивает акад. М. Д. Лордкипанидзе. ⁹⁵ Эта формулировка, на наш взгляд, не совсем оправдана, т.к. неосведомленный читатель её может воспринять не как Эгриси = Абхазия, и это означает единое западногрузинское государство, а как своеобразное грузино-абхазское федеративное объединение – «Эгриси» + «Абхазия». Вместе с тем, касаясь вопроса о новом названии западной Грузии и оформившегося здесь в конце VIIIв. государственного образования, нельзя пройти мимо и того факта, что некоторые иностранные авторы (например, известный средневековый армянский историк Ованес Драсханакертци, писавший своё сочинение в первой четверти Хв.) царей «абхазов» называют эгрисскими царями. ⁹⁶ Т.е. в сопредельных государствах имели совершенно чёткое представление о том, какую страну называли «Абхазией» в конце VIIIв.

Также неверно бытующее в сепаратистской историографии мнение о том, что «Царство Абхазов» – национальное государство апсуа-абхазов появилось в результате «военного покорения» правителем Абхазии всей западной Грузии. ⁹⁷ Если бы «абхазская» династия пришла к власти в бывшем Лазско-Эгрисском царстве как иноземная сила, якобы «окупировавшая» территорию соседней страны и навязавшая местному грузинскому населению совершенно чуждую

ему абхазскую государственность, то тогда совершенно не понятно, почему средневековое грузинское общественное и политическое сознание так мирно и безболезненно восприняло этот акт «агрессии».

Ведь достаточно самого беглого ознакомления с памятниками древнегрузинской исторической литературы для того, чтобы однозначно убедиться в самом благожелательном отношении к предшественникам т.н. «абхазской» династии со стороны буквально всех средневековых грузинских писателей и летописцев, которые в той или иной мере касались деятельности царей «абхазов». Разве упомянутая нами *«Летопись Картли»* – главный и единственный источник, в котором изложена более или менее полная история Царства «Абхазов» и которая целиком и полностью отражает грузинскую, подчеркиваю именно **грузинскую**, а не вымышленную абхазо-апсуйскую национально-государственную конъюнктуру, могла допустить ту лесть и восхваление, на которые явно не скупится по отношению грозных «абхазских» царей, якобы «завоевывающих» всю Грузию, патриотически настроенный грузинский летописец?

В этом плане чего стоят восхваления в адрес Гиоргия II-го (922-957гг.) и его преемника Леона III-го (957-967гг.) – наиболее могущественных царей «абхазов», которые добились самых больших успехов в борьбе за Картли, и фактически отняв этот регион у Тао-кларджетских Багратионов, включили его в состав царства «Абхазов». Так, по словам автора *«Матиане Картлиса»*, Гиорги II **«...был ...преисполнен всякой добродетели, мужественный и многосильный, боголюбив и более всего устроитель церквей, милосерден к убогим, щедр и кроток и исполнен всякого добра и благодеяний. Он устроил и управил все дела в отечестве и царстве своём».**⁹⁸ В другом месте своего сочинения, летописец с глубокой болью извещает о кончине **«великого и боголюбивого царя Георгия».**⁹⁹ Ещё в одном месте упоминает **«великого царя абхазов Георгия».**¹⁰⁰ Но более всего уважительное отношение к Гиоргию II-му летописец проявляет при оценке деятельности Баграта III-го в первые годы его царствования: **«начал он править и радеть об исправлении дел, подобно деду своему, великому царю Георгию. И добавлю я, что во всех деяниях своих уподобился великому царю Давиду Куропалату».**¹⁰¹ Т.е. летописец молодому царю в пример, в первую очередь, приводит деда и лишь потом приёмного отца и воспитателя Давида Куропалата, чей авторитет был непререкаем. Не меньший интерес вызывает и хвалебная характеристика, данная летописцем Леону III-му: **«И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра».**¹⁰²

После прочтения этих слов только лишь человеку с большим

воображением может прийти в голову мысль, что кто-нибудь из грузин так высоко мог чтить «завоевателей Грузии». Здесь может быть только одно объяснение – в представлении грузинской общности цари «абхазов» были не какими-то «чужестранцами»-«завоевателями», а такими же грузинскими лидерами, каковыми являлись, например, представители династии Багратионов. Это, безусловно, одно общегрузинское культурно-политическое и государственное пространство, внутри которого, на этот раз, выдвинулась новая, «абхазская» династия.

В связи с определением национально-государственного облика, созданного Леоном II-м политического образования, также неверно говорить о том, что его создателями были одни только абхазские племена якобы превратившиеся к этому времени в «абхазскую феодальную народность», и что процесс формирования самой «абхазской феодальной народности» вообще получил логическое завершение в создании собственно абхазского национального государства – Царства «Абхазов», как это ошибочно полагал З. В. Анчабадзе.¹⁰³

Мы, конечно, отнюдь не отрицаем, что к середине VIIIв. действительно произошла определённая этническая консолидация населения современной Абхазии вокруг абазг-абхазов. В этом плане, безусловно, заслуживает внимания исчезновение упоминаний Апсилии и апсилов (после 30-х годов VIIIв.) в источниках, что действительно могло быть следствием интеграции апсилов и абазгов в единую абхазскую народность. Но этот процесс никак нельзя рассматривать как окончательное формирование т.н. «абхазской феодальной народности» со своим этнокультурным и национально-государственным менталитетом.

В грузинской историографии, прежде всего, в трудах акад. Н. А. Бердзенишвили, совершенно чётко показано, почему не стало возможным в VIIIв. формирование единой абхазской феодальной народности.¹⁰⁴ В последнее время, этот вопрос специально затронул проф. Н. Ю. Ломоури, который убедительно доказал, что в VIII-IXвв. не было никаких объективных условий для консолидации абхазских племён в абхазскую народность, наоборот, налицо все условия для интеграции этих племен в грузинский феодальный народ.¹⁰⁵ С нашей стороны добавим, что ярким свидетельством того, почему абхазские племена не смогли, или, по крайней мере, не успели консолидироваться в единый народ со своей письменной и национально-государственной традицией, может служить как раз история т.н. Царства «Абхазов», с самого начала являвшегося не абхазским национальным государственным образованием, а грузинским государством,

ставшим, по словам того же З. В. Анчабадзе, колыбелью единой грузинской государственности.*

В историографии нет единого мнения по вопросу этно-племенного происхождения Леона II-го и его предков. В своё время, известный грузинский историк Д. З. Бакрадзе, обратив внимание на то, что первые «абхазские» цари носили греческие имена, тем не менее, оставил открытым вопрос об их этнической принадлежности.¹⁰⁶ В отличие от него, П. Уварова однозначно объявила предков Леона II-го «греческими архонтами».¹⁰⁷ Греческое происхождение Леона II-го и его ближайших преемников признавал и основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа.¹⁰⁸ Известный русский эллинист В. В. Латышев «Леонидов» относил к династии Багратионов.¹⁰⁹ И, по мнению П. И. Ингорквва, предки Леона II-го были грузинского происхождения – потомки наместников лазских царей, назначенных в Абхазии.¹¹⁰ Со своей стороны, абхазские учёные уверены в абхазском происхождении «Леонидов».¹¹¹

Таким образом, как видим, в науке всё ещё нет однозначного ответа на вопрос об этническом происхождении царей «абхазов». Однако кем бы ни были Леон II и его преемники в этно-племенном отношении (если даже они на самом деле являлись этническими абхазами, что, на наш взгляд, вполне вероятно), это ровным счётом ничего не меняет, так как по своей политической и государственной деятельностью династия „Леонидов“ однозначно представляла общегрузинский государственный и культурно-политический мир. Цари «абхазов» строили единое грузинское государство – „საქართველო“ («Сакартвело» – «Грузия»), а не национальное государство апсуа-абхазов «Апсны».

То, что Леон II и его преемники строили исключительно грузинское, а не абхазо-апсуйское государство, наиболее отчётливо проявилось в церковной политике царей «абхазов». Как известно, после обретения государственной независимости, «Леониды» активно стали добиваться вывода страны из идеологическо-конфессионального влияния Византийской империи и создания национальной государственной идеологии, что невозможно было без церковного разрыва с Византией. Венцом этой политики царей «абхазов» стало обретение церковного суверенитета «Абхазским» царством и учреждение т.н. «Абхазского» Католикосата.

Вопрос о времени и условиях создания в западной Грузии не-

* Письменно это нигде не зафиксировано, но в своих лекциях и выступлениях З. В. Анчабадзе об этом часто говорил.

зависимой от Константинопольской Патриархии церковной организации – «Абхазского» Католикосата – давно привлекает пристальный интерес исследователей. Однако, несмотря на старания учёных-специалистов, данная проблема далеко ещё не решена. Наиболее обоснованной кажется нам точка зрения, согласно которой временем основания «Абхазского» Католикосата предполагаются 80-90-е годы IX в.¹¹² На наш взгляд, приобретение «Абхазским» царством церковного суверенитета произошло «по просьбе» «абхазской» стороны на фоне потепления византийско-западно-грузинских отношений, наметившегося с воцарением (благодаря активной военно-политической поддержке Византийской империи) Баграта I-го,¹¹³ и данное событие рассматриваем как первый реальный плод политического сотрудничества между официальным Кутаиси и Константинополем.¹¹⁴

После обретения церковной независимости, цари «абхазов» развернули бурную деятельность по созданию новых церковных центров и обеспечению условий для внедрения грузинской письменной культуры и грузинской христианской книжности по всей западной Грузии, в том числе и на территории современной Абхазии (*следует особо отметить, что самая ранняя грузинская надпись обнаружена не в восточных областях западной Грузии /где-нибудь в Имерети/, а именно в пределах нынешней Абхазии. Мы имеем в виду надписи на Асомтаврули из церкви Мсигхуа /Гудаутский р-н/, обнаруженные абхазским исследователем А. К. Кация, которые датируются IX-X вв.*).¹¹⁵ Этому процессу сопутствовало упразднение старых греческих епархий и основание вместо них новых грузинских епископских кафедр, о чём находим прямые свидетельства в «*Матиане Картлиса*».¹¹⁶

Именно благодаря этой ярко выраженной грузинской национальной политике царей «абхазов» в церковной сфере, уже в X в. (а не в XI-XII вв.) западная Грузия в целом, естественно, включая и территорию современной Абхазии, превратилась в страну грузинской письменной культуры и книжности. Если бы цари «абхазов» намеревались строить абхазо-апсуйское национальное государство, то тогда они просто-напросто были обязаны позаботиться о формировании своей абхазо-апсуйской национально-государственной идеологии, что в первую очередь подразумевало создание собственной письменной традиции и книжности. Но «абхазские» цари, как видим, вовсе не ставили перед собой такую задачу и греко-византийской идеологии почему-то противопоставили грузинскую национальную идеологию, которую олицетворяла грузинская церковь.

Единственное объяснение тому, почему так поступили цари «абхазов», это то, что Леон II и его предки, не говоря уж о преемниках основателя «Абхазского» царства (несмотря на своё возможное абхазо-апсуйское этническое происхождение) давно, до воцарения Леона II-го, считали себя представителями общегрузинского государственного и культурно-политического мира. Для них грузинский язык, язык восточных грузин-картов, который лёг в основу грузинского литературного языка, и грузинская христианская культура были такими же родными, как и для остального картвельского населения западной Грузии, в том числе для мегрелов-чанов и сванов, которые, как известно, говорили (и теперь говорят) на своих языках-диалектах.

И всё же, если даже гипотетически допустить наличие узкоабхазского национально-государственного менталитета в самосознании царей «абхазов» хотя бы на начальном этапе формирования «Абхазского» царства, совершенно очевидно, что далеко идущие политические амбиции, безусловно, вынудили бы их считаться с национально-государственными интересами подавляющего большинства населения страны и взять курс на строительство именно грузинского (а не абхазо-апсуйского) государства.

То, что картвельские племена составляли этническое большинство в «Абхазском» царстве, вряд ли может оспорить кто-либо из здравомыслящих людей. Из 8 эриставств Царства «абхазов», образование которых древнегрузинская историческая традиция (озвученная царевичем Вахушти¹¹⁷) приписывает Леону II-му, собственно абхазы населяли только лишь территорию Абхазского эриставства, которое в то время охватывало земли, расположенные севернее реки Гумиста, примерно до Никопсии (окрестности современного г. Туапсе), хотя не исключено их частичное проживание и на территории Цхумского эриставства. Остальные же эриставства (в том числе и Цхумское) были представлены картвельскими племенами: карты, мегрело-чаны, сваны.

Картвельский этнический элемент, особенно его картизированная часть, которая в численном отношении к VIII веку в западной Грузии значительно выросла, по совершенно справедливому заключению З. В. Анчабадзе, оказался более развитым как в социально-экономическом, так и, что особенно важно, в культурном отношении.¹¹⁸ Именно это обстоятельство обусловило и то, что государственным языком Царства «Абхазов» стал язык картов (т.е. грузинский литературный), имевший письменную традицию и уже давно являвшийся государственным языком, а также языком церковного богослужения, как в Восточной, так и в Южной Грузии.

О возросшем значении картского (восточно-грузинского) элемента в западной Грузии свидетельствует и то, что цари «абхазов» столицей своего государства превратили не Цихе-Годжи – резиденцию лазско-эгрисских царей, а Кутаиси, выдвигание которого в общегрузинском масштабе древнегрузинская историческая традиция связывает с обоснованием здесь картлийских эрисмтаваров в 30-х годах VIII в. Этот факт является ещё одним доказательством того, что «Леониды» однозначно считали себя законными наследниками именно «царского» дома Степаноза-Арчила, и что с переходом из Анакопии – резиденции «эриставов Абхазии» – в Кутаиси (бывшим в то время стольным городом правителей Картли-Эгриси) Леон II явно подчеркнул свою легитимную принадлежность к царскому дому Арчила.

Таким образом, Царство «Абхазов» – это новое западногрузинское государство, возникшее на развалинах Лазско-Эгрисского царства. Оно является своего рода правопреемником древне-колхидского и лазско-эгрисского государств. **Более того, образование «Абхазского» царства качественно новый этап в истории грузинской государственности. В отличие от Лазики-Эгриси (не говоря уже о древней Колхиде), национально-государственное строительство которого явно следует считать далеко не завершённым** (стоит вспомнить, что языком государственного делопроизводства и церковного богослужения в Лазике-Эгриси оставался греческий язык), «Абхазское» царство было первым, по-настоящему грузинским национальным государством в западной Грузии со своей грузинской национальной христианской идеологией и грузинским государственным языком. **Всецело грузинской была и политическая направленность «Абхазского» царства. Оно неуклонно стояло на страже общегрузинских политических и государственных интересов.** Именно неустанная забота Кутаисского престола, направленная на дальнейшее расширение и упрочение «Абхазского» царства, в конечном итоге и привела к созданию единого грузинского государства под эгидой царя «абхазов» в начале XI века.

Теперь затронем вопрос, насколько обоснованы разглагольствования о том, что Царство «Абхазов» прекратило своё существование в 978г. и, что с воцарением на кутаисском престоле Баграта III – представителя династии Багратионов это объединение из абхазского национального государства постепенно преобразовалось в грузинское.¹¹⁹ Со всей категоричностью можно утверждать, что с воцарением Баграта III в Кутаиси Царство «Абхазов» не претерпело каких-либо изменений как в этнополитическом, так и государствен-

но-правовом отношении. На самом деле, произошло всего лишь дальнейшее расширение пределов того же самого «Абхазского» царства, которое уже охватило территорию всей Грузии (за исключением Тбилисского эмирата и южной части Тао – владений Давида Куропалата) и трансформировалось из западногрузинского в общегрузинское государство.

Вот почему буквально все грузинские летописцы XI–XII веков – эпохи расцвета единой грузинской монархии – страну, т.е. всю Грузию, как правило, называли не иначе, как «Абхазия». Наглядным свидетельством сказанного являются сведения «*Матиане Картлиса*»,¹²⁰ хроники Сумбата Давитисдзе,¹²¹ сочинения историка Давида Строителя,¹²² летописца эпохи Лаша-Гиоргия,¹²³ историка царицы Тамар¹²⁴ и др. Распространение названия «Абхазия» уже на всю Грузию было вызвано тем, что титулатура первого царя объединённого грузинского государства начиналась со слов «царь абхазов»,¹²⁵ что было выражением той ведущей роли, которую сыграло западногрузинское государство – Царство «Абхазов» в объединительном процессе.¹²⁶

Именно вокруг Кутаисского престола происходило собирание всех грузинских земель и формирование общегрузинской государственности. И это отнюдь не было связано со сменой династии. Царство «Абхазов», как уже было показано, с самого начала было исключительно грузинским политическим образованием, а «абхазские» цари из династии «Леонидов» (повторяем, независимо от их возможного абхазского этнического происхождения), вопреки домыслам некоторых радетелей абхазской национальной истории, о которых говорилось выше, были такими же грузинскими лидерами, как и представители династии Багратионов. Да и воцарение Баграта III в западной Грузии можно считать сменой династии лишь частично, так как он занял западногрузинский престол не как Багратиони, а как законный представитель (по материнской линии) династии «Леонидов» – внук (сын дочери) самого выдающегося царя «абхазов» – Гиоргия II-го (922–957 гг.), достигшего наибольших успехов в борьбе за гегемонию в общегрузинском масштабе.

Что же касается взгляда об упразднении Царства «Абхазов» в середине XIII в., после обоснования Давида Нарина в западной Грузии, то это вообще полный абсурд и бессмыслица. Если даже признать, что с переходом Давида Нарина в западную Грузию (*по последним данным это произошло не в 1259 г., а около 1249 г.*)¹²⁷ официально оформилось новое грузинское государство (*на самом деле, Давид Нарин и его ближайшие преемники отнюдь не считали себя*

*только западногрузинскими царями и никогда не забывали о своих легитимных правах на общегрузинский престол),¹²⁸ да ещё и в пределах того же самого «Абхазского» царства VIII-Xвв., то это, скорее всего, было бы не упразднением, а, наоборот, своего рода «реставрацией» государственной конъюнктуры VIII-Xвв. Кстати, именно так и рассматривает это событие грузинский летописец, который не только не исключает из этого процесса собственно абхазов, а наоборот, как раз называет их среди инициаторов возведения Давида на «абхазский» престол: «Когда же узнали (о прибытии Давида Нарина в Кутаиси – З.П.), – пишет хронограф XIVв., – **абхазы**, сваны, Дадияни, Бедияни, Рачинский эристав, и все Лихт-Имерети (залихцы) собрались с большой радостью и **Давида сына Русудан провозгласили царём абхазов вплоть до Лихи**».¹²⁹*

Помимо этого, наглядным свидетельством активного использования понятия «Абхазия» для обозначения всей западной Грузии в политико-государственном плане и после XIIIв., является тот факт, что в 70-х годах XVв. лидеры Западной Грузии: картло-имеретинский царь Баграт VI и правитель Одиши-Мегрелии Шамадавле Дадияни, созданную ими же независимую церковную организацию западной Грузии официально называли «Абхазским Католикосатом».

Такова историческая правда о национально-государственном облике возникшего в конце VIIIв. в пределах всей западной Грузии «Абхазского» царства, трансформировавшегося затем (с XIв.) уже в единое грузинское государство. Вот почему единственным правопреемником Царства «Абхазов» может считаться только грузинское государство в целом, конечно вместе с Абхазией, которая в «Абхазском» царстве, как во времена «Леонидов» (VIII-Xвв.), так и при Багратионах (с XIв.), представляла собой отдельную административную единицу – эриставство, а с XVIIв. уже и владетельное княжество.

Глава IV

ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ В СОСТАВЕ ЕДИНОЙ ГРУЗИНСКОЙ МОНАРХИИ В XI-XVВВ.

Современная Абхазия в XI-XIIвв. В конце X и начале XIвв. завершился длительный процесс объединения грузинских земель. Образовалось единое государство, во главе которого оказался царь «абхазов» и «картвелов» Баграт III Багратиони. Объединение Грузии означало, прежде всего, слияние двух престолов: «абхазского» (западногрузинского) и «картвельского» (Тао-Кларджетского),* которое де-факто произошло в 1008г., после смерти отца Баграта III «царя царей» Гургена (*следует отметить, что в историографии нет единого мнения по вопросу, когда Баграт III официально унаследовал титул «царя картвелов». Некоторые исследователи полагают, что это произошло сразу же после смерти Давида Куропалата, – в 1001г.,¹ однако, нам представляется более реальным связать данное событие не со смертью Давида Куропалата, который, несмотря на то, что был несомненным лидером тогдашней Грузии, никогда не носил титул «царя картвелов», а с кончиной другого представителя рода Багратионов – Баграта II-го «картвельского» царя /958-994гг./ – деда Баграта III-го²*). В 1010-1011гг. власть Баграта III распространилась и на Кахети-Эрети. Примерно в это же время Баграт III взял под свой контроль и владения непокорных кларджетских Багратионов и этим самым фактически завершил объединение грузинских земель. Вне единого царства оставались лишь территория Тбилисского эмирата и т.н. «наследство» Давида Куропалата, захваченное византийским императором Василием II – «законным» наследником южно-таойского правителя.

Титулатура первого царя объединённого грузинского государства начиналась со слов «царь абхазов». Это было выражением той ведущей роли, которую сыграло **западногрузинское государство – Царство «Абхазов»** (а не абхазы) в объединительном процессе.

* «Картвельское» царство или Тао-Кларджетское княжество, возникшее на юге Грузии в начале IXв. под эгидой последнего эрисмтавара Картли Ашота Багратиони, фактически выступало в роли своего рода правопреемника исторической Картли (Иверии – восточногрузинского царства). Под собственно «Картли» в то время (II пол. Xв.) подразумевалась лишь «Шида (Внутренняя) Картли», которая не входила в состав южногрузинского государственного образования, а была частью Царства «Абхазов».

Именно вокруг Кутаисского престола происходило собирание всех грузинских земель и формирование общегрузинской государственности. Это отнюдь не было связано со сменой династии. Царство «Абхазов», как уже это было показано в предыдущей главе, с самого начала было грузинским политическим образованием, а «абхазские» цари из династии «Леонидов», вопреки домыслам некоторых радетелей абхазской национальной истории, были такими же грузинскими лидерами, как и представители династии Багратионов.

Территория современной Абхазии, как бы велико не было желание некоторых исследователей, стремящихся найти элементы абхазской национальной государственности и своего рода автономии внутри общегрузинского государства в XI–XII вв.,³ вовсе не представляла собой единый организм. Она ещё со времён Леона II – основателя «Абхазского» царства была разделена на следующие административные единицы – эриставства: **Абхазское** – северная часть, примерно от Анакопии (Нового Афона) до Никопсии (севернее нынешнего города Туапсе), далее **Цхумское** – часть современного Гудаутского р-на, примерно до Анакопии, Сухумский и Гульрипшский р-ны, часть Очамчирского р-на, и **Бедийское** – часть Очамчирского р-на и Гальский р-н.⁴ В свое время З. В. Анчабадзе высказал мысль о том, что при царице Тамар произошло слияние Цхумского и Абхазского эриставств, которое, по мнению учёного, было вызвано этническими моментами, т.е. тем, что территорию обоих эриставств населяли этнически однородные абхазские племена.⁵

Данная точка зрения была основана на некритическом осмыслении одного сообщения из *«Истории и восхвалении венценосцев»* – сочинения т.н. Первого историка царицы Тамар. Однако, в настоящее время, в результате более обстоятельного текстологического изучения данных летописцев Тамар, учёные, совершенно обоснованно, пришли к выводу, что никакого слияния двух эриставств – Абхазского и Цхумского – в указанный период не было.⁶ Исходя из этого, вопрос об этнической однородности вышеназванных эриставств отпадает. Сказанное, конечно, не означает, что абхазы не могли жить за пределами собственно Абхазского эриставства, в том числе и на территории Цхумского, впрочем, как и в любом другом регионе грузинского государства. Однако, тот факт, что в Царстве «Абхазов» и в эпоху Леонидов (IX–X вв.), а затем и в период правления потомков Баграта III, т.е. в объединённом Грузинском царстве, название «Абхазское» чётко было закреплено за конкретной областью – северной частью современной Абхазии (куда не входила территория Цхумского эриставства), явно говорит о том, что этни-

ческие абхазы в основном были сосредоточены именно в пределах данного эриставства.⁷ Если же этнические абхазы населяли и территорию Цхумского эриставства и этот фактор предопределял административное деление страны, то тогда непонятно, почему подобное слияние двух эриставств с этнически однородным населением не произошло с самого начала, ещё в эпоху Леона II – основателя Царства «Абхазов», которому, как уже отмечалось, древнегрузинская историческая традиция и приписывает административное устройство страны – деление на эриставства.⁸

Статус эриставов Цхуми, Абхазии и Бедия (Одиши) ничем не отличался от статуса других эриставов. Они, наряду с другими западно-грузинскими эристами, как верно заметил З. В. Анчабадзе, находились не в прямом подчинении царю, а в «непосредственном ведении министра царского двора (мсахуртухуцеси – управляющий хозяйством царского дома), являвшегося в западной Грузии царским наместником».⁹ В этой связи нам представляются совершенно бездоказательными недавние утверждения Г. В. Цулая о том, что Абхазия в XI-XII вв. якобы имела какие-то **«собственные геополитические и этнические характеристики»** и что «она относилась к эриставствам того уровня, которые ничем не уступали владетельным единицам – мтаварствам даже в период расцвета феодального Грузинского царства». Более того, «и ...в эпоху Давида Строителя... власть абхазского эристава не была ослаблена царской властью».¹⁰

Помимо того, что здесь дано не совсем правильное понимание социально-политической структуры грузинского государства, а также его административно-территориального устройства в XI-XII вв., нам непонятно, собственно, что в данном контексте подразумевается под термином «Абхазия». Если это вся территория современной Абхазии, то тогда было бы уместно говорить обо всех трёх эриставствах, а не только об «Абхазском эриставстве». Тем более, что в другом месте своей работы Г. В. Цулая исключает существование такого эриставства в XII в. Разделяя точку зрения З. В. Анчабадзе о слиянии Цхумского и Абхазского эриставств, учёный приходит к выводу, что именно «под Цхумским (а не Абхазским – **З.П.**) эриставством должна подразумеваться Абхазия в её конкретном этно-территориальном значении».¹¹

Следует отметить, что в Грузии в XII в. крупным дидебули (груз. высший слой знатных дворян – азнауров) – руководителям отдельных ведомств при царском дворе – поручалось и управление крупными регионами страны. Некоторые из этих дидебули назывались даже «сидевшими на месте царей» (например, Гузан Таоели –

«сидевший на месте царей» Тао; Захария Мхаргрдзели – «сидевший на месте царей» Армении). Эти дидебулы, бесспорно, стояли выше обычных «эриставт-эриставов». ¹² Примерно такими же правами по отношению к западной Грузии пользовался в конце XIIв. и мсахуртухуцеси Вардан Дадияни, хотя он, вопреки утверждению Т. Н. Берадзе, ¹³ не имел статуса «сидевшего на месте царей». ¹⁴ В Грузии не могло быть «эриставт-эристава», имеющего официальный статус «сидевшего на месте абхазских царей», так как не кто иной, как сам царь считался, прежде всего «сидевшим на месте царей» Абхазии. Поэтому, видимо, не случайно, что даже Вардан Дадияни, который фактически являлся полновластным хозяином в западной Грузии, не назван «сидевшим на месте царей» Абхазии.

В связи с этим, нельзя обойти молчанием более чем сомнительный вывод Г. В. Цулая об эволюции «грузино-абхазского симбиоза почти за три столетия», что якобы выразилось в характере интеграции Абхазии и на этом основании **превращения мтавара (владельца) Абхазии VIIIв. в эристава, т.е. «чиновника» (с XIв.),** зависимого от центральной власти. ¹⁵ Во-первых, преемники мтаваров – владельцев Абхазии VIIIв. трансформировались не в эриставов – «чиновников», а, как это было показано выше, **в царей объединённого грузинского государства.** Во-вторых, административно-территориальное деление Абхазии – западной Грузии на эриставства, как уже неоднократно было отмечено, произошло ещё на самом начальном этапе формирования Царства «абхазов», в эпоху основоположника этого государственного образования Леона II-го, который, по-видимому, и назначил первых эриставов («чиновников») на территории современной Абхазии. Здесь нельзя не отметить также некоторую противоречивость в суждениях Г. В. Цулая. Правильно подчёркивая, что «владельцем Абхазии» (XIIв.) был потомок Леонидов Давид IV Строитель», ¹⁶ тут же почему-то говорит совершенно противоположное: «Для судеб собственно Абхазии эпоха правления этого монарха (Давида Строителя – **З.П.**) имела особое значение. **При нём она обрела статус владетельного княжества в пределах объединённой Грузии.**» ¹⁷

В источниках сохранились отрывочные сведения об эриставах Бедийском, Цхумском и Абхазском. Так, известно, что к началу XIIIв. во главе Абхазского эриставства стоял представитель знатного рода Шарвашидзе – Дотагод. В науке нет единого мнения по вопросу происхождения и времени выдвижения этого рода. Некоторые учёные считают их потомками одного из представителей дома Шарваншахов, направленного Давидом Строителем в Абхазию после

присоединения Ани к Грузии. Эту гипотезу выдвинул ещё М. Броссе.¹⁸ Основоположник абхазской литературы, первым из абхазов написавший историю Абхазии, Д. И. Гулиа также был склонен считать Шарвашидзе «князьями из рода Ширван-Шаха».¹⁹

Фактически такого же мнения придерживался и З. В. Анчабадзе, который обратил внимание на то, что древнегрузинская форма фамилии Шарвашидзе – «Шарваши(и)-дзе дословно означает «сын Ши(а)рваншаха».²⁰ Однако существует также мнение, что предки Шарвашидзе играли активную роль в пределах Абхазского эриставства ещё в XIV в. В частности, в «*Матиане Картлиса*» упоминается некий Куабулели Чачас-дзе Отаго, который по поручению царя Баграта IV-го во главе абхазского войска вёл осаду Анакопийской крепости, занятой византийцами.²¹ В связи с этим обращено внимание на сходство имени жившего на рубеже XII-XIII вв. эристава Шарвашидзе Д-отаго-д с именем Куабулели Чачас-дзе Отаго,²² на основе чего некоторые исследователи (Ш. Д. Инал-ипа) вообще склонны считать «Чачас-дзе» грузинской формой фамильного имени Чачба.²³

Допуская вполне возможной взаимосвязь между «Чачас-дзе» и «Чачба»,²⁴ нам однако трудно представить, как можно «Чачас-дзе»-«Чачба» увязать с «Шарвашидзе». Как совершенно правильно указал З. В. Анчабадзе, «грузинские формы абхазских дворянско-княжеских фамилий, как правило, непосредственно исходят из соответствующих абхазских фамилий: Маршания-Амаршан, Иналишвили-Иналипа, Анчабадзе-Ачба, Дзяпшишвили-Дзиапшипа, Маргания-Манан и т.д. Что же касается фамилии Шарвашидзе, она составляет исключение из этого правила. Абхазская форма этой фамилии (Ачачба-Чачба) ничего общего не имеет с грузинской её формой – Шарвашидзе».²⁵

Верно отмечено в историографии (Ш. Д. Инал-ипа), что территория современной Абхазии в период существования единого Грузинского государства «меньше всего походила на отдаленную провинциальную область».²⁶ Есть все основания утверждать, что в XI-XII вв. именно эриставства, расположенные на территории современной Абхазии, были опорой царей Грузии в борьбе против феодальной оппозиции. Неслучайно, что первый царь объединённой Грузии Баграт III одной из своих резиденций (может быть, даже главной) сделал Бедиа, где построил великолепный храм – царскую усыпальницу.

Нет ни одного факта, который бы свидетельствовал об антиправительственных, тем более о сепаратистских настроениях абхаз-

ских феодалов, якобы недовольных упразднением «Абхазского» царства, как это считают некоторые исследователи.²⁷ Во-первых, как уже отмечалось выше, в 978г. никакого упразднения Царства «Абхазов» не произошло (не говоря уж о том, что данное царство, с самого начала его возникновения, было не «национальным» государством собственно этнических абхазов, а западногрузинским политическим образованием), поэтому сама постановка вопроса в этой плоскости в корне неправильна. Во-вторых, **буквально все антиправительственные выступления, имевшие место в XI-XII вв., как на Востоке, так и на Западе Грузии, ставили целью не обособление (последними сепаратистскими выступлениями следует считать выступления картлийских азнауров ещё в начале царствования Баграта III-го /80-е годы Хв./, стремившихся создать в Шида Картли самостоятельное политическое объединение во главе с марионеточной династией,²⁸ все последующие выступления же /Липарита Багваши и т.д./ были направлены всего лишь на ослабление сильной царской власти и установление нужного для оппозиции политического режима) той или иной области от грузинского государства, а смещение того или иного монарха и возведение на царский престол претендента, отвечающего интересам мятежников.**

Как совершенно справедливо отмечал академик Н. А. Бердзенишвили, в своей борьбе феодальная оппозиция в указанный период главной целью ставила упрочение своих позиций при царском дворе и, как правило, добивалась всего лишь изменения политического курса в конкретном направлении.²⁹ Так было, в частности, во время выступления сторонников царевича Деметре против своего сводного брата – царя Баграта IV-го. Описывая эти события, автор «*Матиане Картлиса*» («*Летопись Картли*»), хотя и отмечает, что некоторые азнауры поддерживали укрепившегося в Анакопийской крепости мятежного царевича, но при этом нет никакого намёка на то, что это было сепаратистское выступление абхазских (этнически) феодалов, как это допускает З. В. Анчабадзе.³⁰ Совершенно очевидно, что сторонники царевича Деметре добивались не отделения какой-либо области от грузинского государства, а воцарения своего претендента в Кутаиси, т.е. мы здесь имеем дело с попыткой государственного переворота, в котором не обязательно участие одних абхазских (этнически) азнауров.

Более того, как показали дальнейшие события, царевича Деметре в борьбе против своего венценосного брата поддерживала феодальная оппозиция в основном из Восточной и Южной Грузии (Месхети), в то время как царь Баграт полностью контролировал си-

туацию в западной Грузии,³¹ в том числе и на территории современной Абхазии, за исключением, конечно, Анакопийской крепости (*несмотря на совершенно чёткое указание «Матиане Картлиса» – единственного источника, повествующего об этих событиях – на то, что царевич Деметре передал византийцам только Анакопийскую крепость и ничего больше,*³² в некоторых публикациях, почему-то, проводится мысль об овладении Византией значительной частью Абхазии³³), которую ещё в начале 30х годов ХІв. передал Византийской империи сбежавший в Константинополь мятежный царевич.³⁴ Если учесть также, что в 40-х годах ХІв. освобождение Анакопийской крепости Баграт IV поручил абхазскому войску во главе с Куабулели Чачас-дзе Отаго, по всей вероятности, руководителю Абхазского эриставства, которого, как уже было отмечено, отдельные исследователи считают чуть ли не родоначальником абхазского княжеского рода Шарвашидзе,³⁵ то утверждения о каких-либо сепаратистских настроениях абхазов в данное время абсолютно несостоятельны.

Неоправданно искать сепаратистские настроения на территории современной Абхазии и в эпоху Давида Строителя.³⁶ Аргументом в этой связи не может служить зафиксированное в «Жизни царя царей Давида» сообщение о мерах, принятых Давидом IV по укреплению своей власти в «Абхазии вплоть до Бичвинта» (Пицунда).³⁷ И уж совершенно непонятно, почему участие западнорусинских дидебулов, в том числе и абхазских, в восстании за возвращение первого мужа царицы Тамар – русского князя Юрия Андреевича во дворец, следует рассматривать как проявление партикулярных тенденций.³⁸ Ведь и в этом случае мятежники однозначно добивались смены политического режима в масштабе всего государства, т.е. боролись за центральную власть, а не за обособление от неё.

Таким образом, нет никаких поводов сомневаться в лояльности абхазов к центральной власти в ХІ-ХІІвв. Наоборот, всё говорит о том, что они были одними из наиболее верных подданных царей Грузии. Абхазские дидебулы всегда играли важную роль при царском дворе. Ярким свидетельством сказанного является сохранившееся в «Истории и восхвалении венценосцев» описание процедуры приема высоких иностранных гостей в период правления царицы Тамар. Во время таких приёмов абхазы, вместе со сванами, гурийцами и т.д., находились в непосредственной близости к царице.³⁹ Значительно возросла в этот период роль расположенных на территории современной Абхазии эриставств, в частности Цхумского. Город Цхуми (Сухуми) стал «одной из летних резиденций царей».

По словам историка царицы Тамар, она «зимой жила в Двине, летом в Коле и Цедис-тба,⁴⁰ иногда же переходила в Абхазию – Гегути и Цхуми».⁴¹ Все это бесспорно говорит о том, что Цхуми действительно был важнейшим «культурным и административным центром грузинского государства».⁴²

Абхазы постоянно фигурируют в военно-политических акциях грузинского государства на протяжении XI–XII вв. Они, естественно, принимали активное участие во всех крупнейших сражениях. Ни в одном источнике мы не встречаем даже намека на то, что абхазы чем-либо отличались от представителей других регионов объединенного Грузинского царства. Попытка же отдельных идеологов абхазского национал-сепаратизма, найти элементы абхазской (национальной) государственности – в виде автономного княжества даже в период расцвета единой грузинской феодальной монархии (XI–XII века)⁴³ – абсурдна и является фальсификацией исторического прошлого грузинского и абхазского народов. В XI–XII вв. Абхазия (в пределах современной территории) не имела никакой автономии. Она даже, как уже неоднократно отмечалось, не была единой в административном отношении. **Единственное, к чему бесспорно стремились абхазы в XI–XII вв., было дальнейшее укрепление и упрочение военно-политического могущества своего государства – объединённого Грузинского царства.**

На территории современной Абхазии процветала средневековая грузинская христианская культура. В этом отношении данный регион ни в чём не уступал другим областям Грузии.⁴⁴ В это время в Абхазии было построено множество христианских храмов, среди которых выделялись воздвигнутый Багратам III-м Бедийский храм, ставший (наряду с храмом Баграта в Кутаиси – в столице государства) своеобразным символом созданного на рубеже X–XI вв. единого грузинского государства усыпальницей первого царя объединённой Грузии.⁴⁵ Замечательными памятниками грузинского христианского зодчества являются Лыхненский (рубеж X–XI вв.) и Пицундские (XII век) храмы.

На территории современной Абхазии строились в этот период крепости и другие оборонительные сооружения, среди которых следует назвать крепостные укрепления на Иверской горе города Анакопии, сооруженные в разное время (с IV-го по XI вв.),⁴⁶ а также замок Баграта, расположенный на одном из холмов юго-восточной части Цхуми. Данная крепость, построенная не то Багратам III-м, не то Багратам IV-м, по мнению учёных, являлась цитаделью средневекового Сухуми и охраняла порт, расположенный тогда у устья ре-

ки Беслетка, и всю эту местность.⁴⁷ Типичным памятником средневековой грузинской архитектуры является и одноарочный Беслетский мост близ Сухуми, на котором высечена древнегрузинская надпись, датируемая, по палеографическим особенностям, XI-XII веками.⁴⁸ Расположенные на территории современной Абхазии христианские храмы были центрами грузинской книжности и просвещения. Письменная культура региона в это время была исключительно грузинской. Почти все дошедшие до нас лапидарные надписи XI-XII вв. сделаны на грузинском языке.⁴⁹

Касаясь вопросов истории Абхазии XI-XII вв., нельзя пройти мимо вопроса о значении терминов «Абхазия» и «абхазы» в это время, что нередко становится предметом околонучной спекуляции сепаратистски настроенных деятелей. Мы уже отмечали, что воцарение Баграта III-го в западной Грузии (978г.) и последовавшее за этим объединение всех грузинских земель вокруг Кутаисского престола, никоим образом не означало изменения политической и национально-культурной сущности Царства «Абхазов», которое с самого начала было исключительно грузинским государством. На самом деле, произошло всего лишь территориальное расширение «Абхазского» царства.

Помимо собственно грузинских источников, «Абхазия», в качестве чуть ли не официального названия объединённого Грузинского царства, фигурирует почти во всех известных иноязычных источниках того периода. Приведём наиболее примечательные в этом плане материалы. Так, в сочинении Иоанна Скилице грузинские цари: Гиорги I (1014-1027гг.), Баграт IV (1027-1072гг.) названы «архонтами Абазгии», а обитатели их страны – «абазгами».⁵⁰ Другой византийский автор Иоанн Зонара (XIII в.), рассказывая о нарушении Багратом IV мира с Византией, называет его правителем «Абазгии».⁵¹ В другом месте его сочинения (там, где описывается кончина императора Алексея Комнена) упомянуты «авасги», которые «были присланы из Авасии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря».⁵² Как совершенно справедливо отмечено в историографии, факт обручения «авасгской принцессы со старшим сыном кесаря», приведённый Иоанном Зонара, является прямым подтверждением сообщения историка Давида Строителя о выдаче дочери царя Давида – Катаи замуж за одного из сыновей Алексея Комнена.⁵³

Грузинских царей правителями (архонтами) «Абазгии», а жителей страны – «абазгами» называют Михаил Атгалиат⁵⁴ и Иоанн Цеце.⁵⁵ Более того, Иоанн Цеце даёт разъяснение, почему и как произошло смешение терминов «абазги» и «иберы». По его сообщению,

«иберы, абасги и аланы составляют одно племя, внутри которого первенство принадлежит иберам».⁵⁶ Помимо терминов «Абазгия» и «абазги» в византийских источниках для обозначения Грузии и грузин, конечно, встречаются термины «Иберия» и «Иберы». Это, прежде всего, сообщение Никифора Вриения, в котором Баграт IV – отец императрицы Марии (Мариам) назван правителем «иберов».⁵⁷ И в сочинении Георгия Кедрина встречаем употребление термина «Иберия» в качестве названия объединенного Грузинского царства.⁵⁸ Аналогичная ситуация и в сочинениях Михаила Атталиата⁵⁹ и Иоанна Зонары.⁶⁰

Вместе с тем, следует обратить внимание на то обстоятельство, что упоминание почти всеми византийскими авторами данного периода объединённого грузинского государства XI-XII вв. «Абхазией», а населения страны «абхазами», к сожалению, порой становится причиной досадных недоразумений, встречающихся в трудах отдельных византийцев, а также некоторых абхазоведов. В этом плане особенно бросаются в глаза оплошности, допущенные в «*Истории Византии*» (автор соответствующего раздела – академик Г. Г. Литаврин), где без всяких оговорок употребляются такие выражения, как «Абхазская знать» (которая в 1027 г. предъявила претензии на земли, приобретенные Василием II в Асфарагане), «наследник Гиоргия Абхазского Баграт» (с которым удалось заключить мир Роману Аргиру) и т.д.⁶¹ И в другом месте этого издания мы встречаем упоминание «абхазов» («вышли из повиновения абхазцы, сербы...»)⁶² без соответствующих комментариев. Кстати, эти и другие неточности второго тома «*Истории Византии*» в свое время были подвергнуты справедливой критике грузинскими историками.⁶³

Следует отметить, что аналогичного рода оплошности допускал и один из корифеев русской византистики, академик Ф. И. Успенский, который в своей «*Истории Византийской империи*», без каких-либо разъяснений, нередко называет Гиоргия I-го «царём Абхазии», а Давида Куропалата – «царём Грузии».⁶⁴ В одном месте же учёный вообще доходит до абсурда, когда пишет: «При наступлении зимы Василий II перевёл свое войско в Трапезунт, имея намерение весной следующего года докончить завоевание Абхазии и Грузии».⁶⁵ Со всей уверенностью можно утверждать, что в этих фрагментах везде под «абхазами» подразумеваются не этнические абхазы (в современном понимании), как это может быть воспринято несведущим читателем, а население объединённого Грузинского царства – Абхазии и её руководители.

Ещё дальше идут абхазские исследователи, проявляя при этом

полную некомпетентность в области грузино-византийских взаимоотношений. Например, неоднократно упомянутый выше абхазский историк и этнограф Ш. Д. Инал-ипа, по-видимому, не имея никакого представления о сообщении историка Давида Строителя о родственных династических связях между грузинским царским домом и Комненами в I четверти XIII в. и существующих по этой проблеме в грузинской историографии суждениях, некритически осмысливает вышеприведенное сообщение Иоанна Зонары о пребывании «авасгской» принцессы в Константинополе и считает этот факт свидетельством породнения дома Комненов с предками современных абхазов. Более того, Ш. Д. Инал-ипа, решив, что «девушка из Авасгии» непременно должна была выйти замуж за старшего сына Алексея Комнена – будущего императора Иоанна II – безапелляционно называет его «абхазским зятем». Ещё более фантастичен вывод покойного учёного о том, что в тот период **«среди сторонников Иоанна были и другие люди (помимо тех, кто сопровождал невесту византийского царевича – З.П.) абхазского происхождения, в том числе и такие, которые занимали видные государственные посты в Константинополе»**.⁶⁶

«Абхазией» и «абхазами» называют Грузию и жителей Грузинского государства арабские авторы, повествующие о событиях XI–XIII вв. Т.н. Яхья Антиохийский Гиоргия I-го называет «царём абхазов» (малик ал-абхаз), а его царство – «Билад ал-Абхазийа» (страна «абхазов»), «билад ал-абхази» (страна «абхаза») или «Мулк ал-абхази» (царство «абхаза»).⁶⁷ «Абхазским царём» назван и Баграт IV, а «царями абхазов и курдждов» – Давид IV, Деметре I, Гиорги III.⁶⁸ По словам Садр ад-Дина ал-Хусейни, Алп-Арслан преследовал царя «абхазов» Баграта IV-го в «Курджистане» (в Грузии).⁶⁹ «Абхазским царём» назван Деметре I – преемник Давида Строителя – в сочинении известного арабского путешественника Ибн ал-Азрак ал-Фарики.⁷⁰ Некоторые арабские авторы, освещающие события более позднего периода (напр. XIII в.) по-прежнему называют «Абхазией» всю Грузию. Так, биограф Хорезм-шаха Джалал ад-Дина ан-Насави, рассказывая о походе Джалал ад-Дина в Восточную Грузию, пишет, что он проник «вглубь абхазских земель».⁷¹ Для другого автора XIII в. Якута страна «абхазов» населена «курджамии» (грузинами).⁷² В сочинении Ибн ал-Асира известный грузинский деятель эристав клдекарский Липарит Багваши назван «маликом Абхазии – Карит».⁷³ По сообщению Имад ад-Дина Испахани, в 1154 г. наследник сельджукского престола Сулейман-шах женился на дочери грузинского царя («малик ал-Курдж»), которая являлась «абхазской госпожой» («хатун ал-абхазийа»).⁷⁴

Почти аналогичную ситуацию встречаем в персидских письменных памятниках. По словам персидского историка XII-XIII вв. Ибн-Испандияра: «Тамар падишах Тбилиси и Абхазии». ⁷⁵ В одном из своих стихотворений известный азербайджанский поэт Хакани (XII в.) говорит: «Стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински». ⁷⁶ Другой известный поэт Фелеки Ширвани в своей оде, написанной по поводу кончины царя Деметре I-го, сына Давида Строителя, называет его «шахиншахом Абхаза и Шаки, царём горизонтов». ⁷⁷ В сочинении сельджукского хрониста Ибн Биби царица Тамар (Тамар-ханум) названа «малика гурдж» (царица Грузинская), которая правила «Мамлакрат-абхаз» («Страна абхазов») и дар ал-Мультком (столицей) Тифлис». ⁷⁸

В армянских источниках, правда, не так уж часто, цари объединённого грузинского государства все же названы царями «абхазов». Например, так называют Баграта III-го Степанос Таронаци ⁷⁹ и Аристокс Ластивертци. ⁸⁰ В сочинении Аристокса Ластивертци и Гиорги I назван «абхазом», а его страна – «Абхазией», ⁸¹ хотя в другом месте своего произведения армянский историк говорит о нём, как о «грузинском князе». ⁸² Гиоргия I-го царём «абхазов» называл и Вардан Великий. ⁸³

Древнерусские летописи и другие памятники письменности знают практически единственное название единого грузинского государства XI-XII вв. – «Обези» (Абхазия). ⁸⁴ В историографии совершенно чётко и аргументировано показана вся несостоятельность и абсурдность попыток некоторых абхазоведов интерпретировать «Обези», «обежанин» древнерусских источников, как «Абхазия» и «абхазы» в современном их понимании. ⁸⁵ Однозначно доказано, что буквально во всех известных науке сообщениях древнерусских письменных памятников, упоминающих «Обези», речь идет об «Абхазии» в широком значении, т.е. об едином Грузинском государстве и его населении. ⁸⁶

Мы привели далеко неполный перечень тех иноязычных памятников, в которых под терминами «Абхазия» и «абхазы» подразумевается объединённое Грузинское государство в целом и всё его население. Со всей уверенностью можно утверждать, что историческая наука не располагает ни одним письменным источником, освещающим события XI-XII вв., в котором термины «Абхазия» и «абхазы» имели бы иное значение. Так что разглагольствования отдельных историков – идеологов абхазского сепаратизма «о национальном государственном организме этнических абхазов в XI-XII вв.», тем более «об его самостоятельной роли на международной арене», от начала до конца, надуманы и абсолютно необоснованны.

Современная Абхазия в XIII-XV вв. В XIII в. в результате опустошительных нашествий сначала Хорезмшаха Джалал ад-Дина, а затем покорения Грузии монголами, не только была существенно подорвана военно-политическая мощь страны, но и появились первые бреши в единой грузинской государственности. В 40-х годах XIII в., как известно, монголы разделили Грузию на восемь думанов (военно-административные округа), из которых два были в западной Грузии. Территория современной Абхазии вошла в думан, управление которым было поручено Цотне Дадиани.⁸⁷ Жители нынешней Абхазии, в том числе собственно этнические абхазы, и в этот период продолжали активно участвовать в общегрузинских процессах. Так, например, по словам анонимного грузинского хронографа XIV в., описавшего столетний период монгольского владычества в Грузии, абхазы участвовали в походе Лаша-Гиоргия (1207-1222) – сына и преемника царицы Тамар – на Гандзу.⁸⁸ Этот же источник повествует о том, как Лаша-Гиорги «охотился в Цхуми и Абхазии и ведал делами тамошними».⁸⁹ Данное сообщение привлекает интерес в том плане, что летописец чётко отделяет друг от друга Цхуми и Абхазию. Это лишнее доказательство того, что в XIII в. эти области не составляли одну административную единицу – единое владетельное княжество (груз. «самтавро») – Абхазию, чуть ли не в ее современных границах. Насколько близким для грузинского царского дома был абхазский этнический мир в XII-XIII вв., говорит и факт наречения царицей Тамар своего сына и наследника вторым именем – «Лаша», что, по разъяснению древнегрузинского автора (или редактора-комментатора, явно жившего в эпоху, близкую к царствованию Лаша-Гиоргия),⁹⁰ переводится с языка апсаров, как «Просветитель вселенной».⁹¹ В науке существуют определённые разногласия в связи с идентификацией «апсар»-«апсил»-«апсуа». Мы разделяем точку зрения тех учёных (М. Г. Джанашвили, С. Н. Джанашиа, Х. С. Бгажба, З. В. Анчабадзе, Г. В. Цулая, Т. Гванцеладзе и др.), которые не сомневаются в правильности такой идентификации.⁹²

Абхазы также активны на общегрузинской арене и в период правления царицы Русудан (1222-1245 гг.). Так, согласно летописи, на борьбу против войск Джалал ад-Дина Русудан «призвала всех воинов своих, имеров и амеров., абхазов, джиков и всех в Имерском царстве».⁹³ Как уже было отмечено выше, при активном участии абхазов произошло и провозглашение Давида (сына Русудан) царём Грузии в Кутаиси.⁹⁴ По сообщению того же летописца, в рядах вооруженных отрядов Цотне Дадиани, выступивших для участия в восстании против монголов (заговор в Кохтас-Тави), вместе с другими

находились и «далеко живущие абхазы».⁹⁵ Позже, после поражения восстания Давида Нарина и его прибытия в западную Грузию, «абхазы, сваны, Дадзиани, Бедиани, рачинский эристав и все жители Лихт-Имерети собрались с огромной радостью и объявили его (Давида Нарина – **З.П.**) царём».⁹⁶ С этого времени единое грузинское государство фактически распалось на два царства. В восточной Грузии по-прежнему царствовал Давид Улу (сын Лаша-Гиоргия), а в западной (Лихт-Имерети) Давид Нарин (сын царицы Русудан) фактически создал самостоятельное царство, которое просуществовало до 30-х годов XIV в.

Территория современной Абхазии, естественно, оказалась в пределах владений Давида Нарина. Интересное сообщение о деятельности этого царя на территории нынешней Абхазии сохранилось в надписи, высеченной на одной серебряной иконе из Илорского храма (близ нынешнего г. Очамчире), которая гласит: «Святой Гиоргий Илорский, прославь и дай царствовать царю-царей Давиду, сыну Русудан, по повелению которого окован сей образ илорского великомученика».⁹⁷ Приведённое сообщение представляет интерес и в том плане, что оно прямо свидетельствует о принадлежности данного региона к общегрузинскому христианскому миру. Вопрос этот поднят нами не случайно: сепаратистски настроенные историки и их покровители – идеологи русского национал-шовинизма, рьяно пытаются распространить мысль о существовании абхазской национальной церковной организации. При этом они апеллируют к тому, что в средние века в Грузии действительно функционировал т.н. «Абхазский» (западногрузинский) Католикосат, который, вопреки фантастическим выдумкам любителей сенсации (типа В. Кожина и ему подобным),⁹⁸ представлял собой не абхазскую, а чисто грузинскую церковную организацию.

Как уже отмечалось, в историографии всё ещё точно не определено, когда начал функционировать т. н. «Абхазский» (Западногрузинский) Католикосат, хотя не должно вызывать сомнения то, что это могло произойти ещё во времена правления «Леонидов» в Царстве «Абхазов».⁹⁹ В этой связи, прежде всего, заслуживает внимания сообщение Вахушти Багратиони о том, что западногрузинская церковь «...при помощи ...Леона и его наследников, освободилась от зависимости греков, ибо об этом свидетельствует имя его, так как именуют его Католикосом Абхазети, а не Эгриси или Имерети».¹⁰⁰ В XI-XII вв. мало что известно об «абхазских» католикосах и лишь с XIII в., в связи с воцарением Давида Нарина в западной Грузии, выходят они на передний план.¹⁰¹ Окончательное же оформ-

ление «Абхазского» Католикосата, как самостоятельной церковной организации происходит во II пол. XVв., когда по инициативе западногрузинских лидеров – имеретинского (также картло-имеретинского) царя Баграта и «великого эриставт-эристава Дадриан-Гуриели» – Шамадавле, при непосредственном участии Антиохийского патриарха Михаила, произошло возведение владыки Иовакима на престол Католикоса «Лихтимера и Абхазии». По этому поводу был составлен специальный документ – *«Мцнебаи сарджуло» («Каноническая заповедь»)*, в котором, помимо прочего, были указаны границы деятельности «Абхазского» Католикоса: Имерети, Гурия, Одиши, Абхазия, вся Аджария, Шавшети и Кларджети.¹⁰²

Таким образом, совершенно очевидно, что учреждение «Абхазского» Католикосата во II пол. XVв. означало победу сепаратистских устремлений руководителей западной Грузии, которым, в угоду своих политических амбиций, понадобилась «своя» церковь, независимая от Мцхетского Католикосата, олицетворяющего общегрузинское единство. О том, что «Абхазский» Католикосат был исключительно грузинской национальной церковной организацией, однозначно свидетельствуют как данные нарративных источников, так и, что главное, документальные материалы. Прежде всего, это памятники, непосредственно освещающие деятельность «Абхазского» Католикосата: *«Большой ядгар Абхазского Католикосата»*, или *«Бичвинтский ядгар»*, который создавался в XVI-XVIII веках (в основу древнейшей части этого памятника или собственно *«Ядгара»*, составленного на рубеже XVI-XVIIвв., был положен *«Ядгар»* известного имеретинского царя Баграта III-го, пожалованный Бичвинтской церкви между 1537 и 1565 годами, вторая же часть этого документа представляет собой сборник жалованных грамот имеретинских царей, католикосов и владетельных князей западной Грузии), и *«Большой ядгар крестьян Абхазского Католикосата»* (составлен в 1622г. по заказу Католикоса Малакии и в нём зафиксированы принадлежащие Католикосу крестьяне в пределах Имерети, Гурии, Одиши).

Единственное, что связывает «Абхазский» Католикосат с абхазским этническим миром, это то, что резиденция католикосов долгое время находилась в Бичвинта (Пицунда), т.е. на территории Абхазского эриставства. Выдвижение Бичвинты в качестве общегрузинского религиозного центра, по мнению З. В. Анчабадзе, происходит в период усиления княжества Сабедиано (т.е. Мегрелии – З.П.). По словам учёного, «ещё в конце XIIIв. «Бичвинта» становится религиозным центром всего Западного Кавказа».¹⁰³ По мнению исследователей, об этом свидетельствует тот факт, что в это

время к Бичвинтской митрополии были присоединены Аланская и Зикхская митрополии.¹⁰⁴

В историографии нет единого мнения о том, когда было принято решение о переносе резиденции «Абхазских» Католиков из Бичвинты в Гелати (близ Кутаиси). По мнению З. В. Анчабадзе, это произошло в середине XVIIв., при Католикосе Захарии Квариани.¹⁰⁵ Другие же исследователи этот акт датируют серединой XVIв., временем правления Католикоса Евдемона Чхетидзе – 1558-1578гг.¹⁰⁶ Независимо от того, когда это произошло, в XVIв. или в XVIIв., ясно одно: это было вызвано значительным ухудшением обстановки на территории современной Абхазии. Однако Бичвинта и после этого оставалась значительным центром западногрузинской церкви, где происходили освящение мирра и другие торжественные ритуалы.¹⁰⁷

Как видим, национально-культурный облик т.н. «Абхазского» Католикосата не вызывает никакого сомнения. Данная церковная организация целиком и полностью была грузинской.¹⁰⁸ А тот факт, что центром западногрузинской церкви являлась Бичвинта, может говорить лишь об одном – этнические абхазы и в это время (в XIV – I половине XVвв.) продолжали оставаться в ареале грузинского христианства.

После смерти Давида Нарина (1293г.) в западной Грузии началась феодальная междоусобица, чем воспользовался Гиорги Дадиани, который, по словам царевича Вахушти, «прибрал к своим рукам Цхумское эриставство и завладел Одиши целиком до Анакопии. А Шарвашидзе же утвердился в Абхазии...».¹⁰⁹ Данное сообщение, на наш взгляд, не совсем правильно интерпретируется в науке. З. В. Анчабадзе, исходя из ошибочного тезиса о слиянии Цхумского и Абхазского эриставств в единое Цхумское эриставство во главе с Шарвашидзе (о чем говорилось выше), отмечает, что «Цхумские эриставы вынуждены были ограничиться территорией бывшего эриставства Абхазия».¹¹⁰ Из этого следует вывод, что территорию Цхумского эриставства Дадиани отнял у Шарвашидзе. Однако сообщение Вахушти Багратиони явно свидетельствует, что накануне этих событий никакого единого Цхумско-Абхазского эриставства не было. Наоборот, Вахушти всю территорию Цхумского эриставства до Анакопии включительно (за которой начиналось Абхазское эриставство) называет не иначе, как «Одиши целиком» (т.е. вся Мегрелия).

В указанный период совершенно очевидно стремление западно-грузинских эриставов еще больше упрочить свои права на эриставские владения,¹¹¹ чему, естественно, мешали лихтимерские цари. Поэтому они с определённым воодушевлением встретили при-

бытие в Кутаиси Гиоргия V-го Блистательного и отстранение им от престола Баграта – внука Давида Нарина. Вполне возможно, что энтузиазм эриставов Одиши (Мегрелии), Гурии, Сванети и Абхазии был вынужденным. Они, по всей вероятности, не располагали достаточными силами для оказания сопротивления грузинскому царю и поэтому поспешили к нему «с большими дарами и благословили его царствование в Имерети и всей Георгии» (т.е. Грузии – **З.П.**).¹¹² Этим самым им, по-видимому, удалось сохранить статус наследственных владетелей в своих эриставствах.¹¹³ Это позволило Гиоргию V-му победоносно продолжить путь дальше и без особых осложнений установить полный контроль над всей западной Грузией. Как отмечает царевич Вахушти, царь «вступил в Одиши, оттуда – в Абхазию, распорядился о (делах) тамошних и завладел крепостями».¹¹⁴ Заслуживает внимания тот факт, что Гиоргий V почему-то посчитал нужным (это чётко подчеркивается в сообщении Вахушти) оставить крепости Абхазии «для себя». Цхумское же эриставство было возвращено Одишскому эриставу («Бедеили»).¹¹⁵

В конце 80-х годов XIVв., воспользовавшись осложнением внешнеполитической обстановки в результате начала нашествий Тимура в Грузию, потомки Давида Нарина, в частности, имеретинский эристав Александр – сын смещённого Гиоргием V-м с Кутаисского престола царя Баграта, попытался восстановить Имеретинское царство и для этой цели решил привлечь на свою сторону «Дадияни-Гуриели, Шарвашидзе и сванов, но они не посмели, так как побаивались царя Баграта (царь Грузии в 1360-1393 гг.) и остались верны ему».¹¹⁶ Несмотря на это, Александру, по-видимому, удалось объявить себя царем (1387-1389гг.), однако, ни он, ни его преемник на имеретинском престоле – Гиорги, не сумели подчинить себе мтаваров. Более того, полным провалом закончился поход имеретинского царя в Одиши в 1392г.,¹¹⁷ где Дадияни при помощи «абхазов» одолел его, «и убили мегрелы царя Гиоргия...».¹¹⁸ Таким образом, несмотря на трудности, возникшие в связи с натиском полчищ Тимура на Грузию, Баграту V-му удалось сохранить единство страны и «подчинились (ему) имеры, одишцы, гурийцы, абхазы, сваны, джики и горцы кавказские».¹¹⁹

Итак, на протяжении всего XIVв. западногрузинские эриставы, в том числе эристав Абхазии Шарвашидзе, стабильно проявляли верность центральной власти, чем значительно способствовали сохранению единства общегрузинского государства. Вместе с тем, в это время, в пике имеретинским Багратами и, видимо, благодаря поддержке центральной власти, происходит рост могущества прави-

телей Одиши – Дадияни, которые становятся фактическими лидерами западной Грузии. Как уже отмечалось выше, они в это время постоянно владели Цхумским эриставством.

Совершенно очевидно их влияние и на эриставов Абхазии – Шарвашидзе, которые, как правило, всегда участвовали в военно-политических мероприятиях одишских мтаваров. Более того, по данным некоторых иноязычных источников, и территория собственно Абхазского эриставства, вероятно, входила в состав Одишского княжества. В этой связи особый интерес вызывает сообщение арабского автора XIV в. ал-Мухиби (умер в 1384 г.) о том, что «у грузин два царя – царь Давид, который управляет Тбилиси и Дадимани – царь, который управляет Сухуми и Абхазом. Каждого из них зовут грузинским царём».¹²⁰ Аналогичное сообщение встречаем и в «Энциклопедии» Шихаб эд-Дина эль-Калкашанди.¹²¹ По словам венецианского дипломата Иосафаата Барбаро, побывавшего на Востоке в середине XV в. (1436-1451 гг.), граница Мегрелии «простирается до Черкесии»,¹²² из чего следует, что вся Абхазия до Черкесии находилась в пределах Одиши.¹²³ Это же подтверждает и Джорджо Интериано (XV в.), который границей между Грузией и Черкесией называет Ангаксию (Angaxia), локализуемую исследователями севернее Гагра – в районе современного Адлера.¹²⁴

Одним словом, есть все основания считать, что границы Одишского княжества в XIV – первой половине XV вв. в северо-западном направлении простирались не до реки Бзыби, как это предполагал З. В. Анчабадзе,¹²⁵ а до реки Псоу.¹²⁶ Это значит, что Абхазское эриставство представляло собой не самостоятельное политическое образование, не имеющее ничего общего в государственно-правовом отношении с грузинской государственностью, а было составной частью Одиши-Мегрелии, правители которой – Дадияни, несмотря на достаточно высокую степень самостоятельности (*об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что один из наиболее влиятельных представителей рода Дадияни – Вамек I /1384-1396/ чеканил /кстати, в Цхуми-Сébastополисе, где находился монетный двор/ собственную монету*¹²⁷), в это время всё же оставались опорой центральной власти в западной Грузии, являясь одновременно мандатуртухуцесами (*должность, равнозначная управляющему ведомством внутренних дел и безопасности*) всей Грузии (*мандатуртухуцесами Грузии названы Бедан Дадияни*¹²⁸ *и Вамек Дадияни*¹²⁹), возможно также и амирспасаларами (*глава военного ведомства*). Об этом свидетельствует Пьетро Геральди, который Мамию Дадияни (правитель Одиши в 1323-1345 гг.) называет главнокомандующим во-

оруженными силами Грузии.¹³⁰

В начале XVв. преемник Вамека I Дадиани – Маmia (1396-1414гг.) вновь подтвердил свою верность царю Грузии Гиоргию VII-му и не поддержал имеретинских Багратионов в их попытке узурпировать власть в западной Грузии. За это царь вновь пожаловал владетелю Одиши Цхумское эриставство.¹³¹ Одной из главных обязанностей мандатуртухуцесов Грузии была забота о безопасности рубежей грузинского государства. В источниках сохранились, в частности, сведения о такой акции, предпринятой Вамеком I-м Дадиани в Джикети, где он разрушил «и привёл в негодность» укрепления «Гагары и Угаги».¹³² Вместе с тем, не исключено, что этот поход был направлен непосредственно и против Шарвашидзе,¹³³ который, возможно, уже начинал борьбу за освобождение от вассальной зависимости Дадиани.

В таком случае, это типичное проявление феодальной междоусобицы внутри страны, а не свидетельство стремления абхазского эристава выйти из подчинения центральной власти Грузии. Если судить по последующим событиям, тогда станет очевидным, что эристав Абхазии (во всяком случае, на этом этапе) добивается всего лишь ликвидации промежуточной власти одишского владетеля, дабы непосредственно находиться в подчинении центра. По всей вероятности, этим и объясняется, что в 1414г., когда «Мамия Дадиани... пожелал покорить абхазов» и для этой цели «собрал войско одишских мегрелов и выступил» против Шарвашидзе, он встретил упорное сопротивление абхазского эристава: «Шарвашидзе с абхазами ...истребили мегрелов, убили Мамию Дадиани».¹³⁴

Узнав о возникшем в Абхазии конфликте, царь Грузии Александр I (1412-1442гг.) незамедлительно прибыл в Одиши, где его встретил сын Мамии Дадиани – Липарит, который попросил прощения за содеянное его отцом в Абхазии.¹³⁵ Из этого факта следует, что карательная экспедиция Мамии Дадиани в Абхазии не была санкционирована грузинским царём. Не исключено, что центральная власть уже побаивалась чрезмерного усиления владетелей Одиши и сама была заинтересована в выходе абхазского эристава из подчинения Дадиани. Так или иначе, ясно одно: Александр I сумел погасить конфликт. Он простил Липарита Дадиани и, взяв его с собой, «отправился в Абхазию». Там царя «встретил... Шарвашидзе, который подчинился его повелениям, как и при первых царях: привёл (Александр I – **З.П.**) в порядок дела тамошние, умиротворил их и прибыл в Кутаиси».¹³⁶

На протяжении первой половины XVв. наблюдается дальней-

ший рост могущества одишских владетелей. В это время власть Дадиани распространялась практически на всю западную Грузию. По данным Иосафаата Барбаро, в приморской зоне он владел Себастополем (Сухуми) и Вати (Батуми).¹³⁷ В середине XVв. правитель Одиши-Мегрелии приобретает международное признание. Он становится активным членом антиосманской коалиции, организуемой последним царём объединённой Грузии Гиоргием VIII (1446-1466гг.). Особенно следует отметить, что в письме грузинского царя, отправленном в Рим (1459г.), Бедиани (он же Дадиани) назван «царём Мегрелии» («Bandian rex Mingreliae»),¹³⁸ а грузинские послы, прибывшие в Рим, именуют Бедиани «царём Мегрелии и Абхазии» («Bendas Megrelia et Abasiae rex»).¹³⁹

В этой коалиции принимал участие и «Рабия князь Анокасии», под которым И. А. Джавахишвили понимал «князя Анакопии».¹⁴⁰ По мнению же З. В. Анчабадзе, Рабия был князем «Апоказии», т.е. Абхазии.¹⁴¹ Однако, в последнее время Э. М. Мамиствалишвили, на наш взгляд, убедительно доказал, что в латинском тексте письма грузинского царя речь идет не об «Анакопии или Апоказии», а об «Анокасии» (*По наблюдению Э. М. Мамиствалишвили, в архиве М. Тамарашвили везде зафиксирована «Anocasia» или «Angosia»*),¹⁴² под которой он подразумевает территорию, населенную джиками, а Рабию считает князем Джикети.¹⁴³ Исходя из этого, а также из того факта, что в указанное время именно Бедиани считался царем «Мегрелии и Абхазии», Э. М. Мамиствалишвили приходит к вполне логическому выводу, что в этот период на территории современной Абхазии вообще не было политической единицы, независимой от одишского владетеля.¹⁴⁴

Владетельные права Бедиан-Дадиани на Абхазию чётко зафиксированы в материалах генуэзских колоний. Как известно, первые генуэзские колонии на побережье Чёрного моря появились еще во II пол. XIIIв.¹⁴⁵ Вскоре они от Таны до Себастополя-Сухуми основали 39 поселений, отсюда 7 – на побережье Грузии¹⁴⁶ (*По мнению Т. Беррадзе, на побережье Грузии у генуэзцев была всего лишь одна торговая фактория – Себастополь-Цхуми*¹⁴⁷). Все эти поселения были расположены на территории современной Абхазии: Гагра (Cagay), Santa-Soffia (близ села Алахадзы), в Пицунде (Pezonda), в районе Гудаута (Cavo di Vuxo), в Новом Афоне (Nicoffa), в Сухуми (Sevastopoli) и около устья р. Энгури (Sant-Angelo).¹⁴⁸ Наиболее важной из этих колоний был Себастополь-Сухуми, где ещё с 1354г. находился консул (*первым консулом назван Амброджо ди Пьетро*¹⁴⁹) Генуэзской республики.¹⁵⁰ Обращает внимание то обстоятельство, что кон-

сул в Себастополе-Сухуми назначался правительством Генуэзской республики с согласия местного правителя – Бедиани (*об этом свидетельствуют «Анналы Генуи» от 1424г.*).¹⁵¹ Иосафаат Барбаро зафиксировал определённые претензии Бедиани и на доходы Себастополя.¹⁵²

О реальной власти Одишского владетеля в Себастополе-Сухуми говорит и тот факт, что генуэзские власти всемерно добивались его расположения. Например, в одном из официальных посланий к консулу в Кафе (1472г.) указывалось: «Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того края жить в дружбе и избегать случаев столкновения. И подобным же образом довольны мы тем, что вы писали нам о надеждах на прочный мир с **Бендиано, князем Себастополиса**».¹⁵³ Данное предписание, по-видимому, было своеобразной реакцией Генуэзского правительства на доклад консула Кафы (от 1 декабря 1465г.), в котором выражалось удовлетворение тем, что «хорошо уладилось дело с **Бендиано князем Мегрелии**».¹⁵⁴

Со своей стороны, Дадияни-Бедиани также были заинтересованы в сохранении дружеских отношений с генуэзскими колонистами и порой угождали им даже вопреки желанию местного населения. Интересное свидетельство в этом плане имеется у вышеупомянутого «католического епископа Нижней Иберии» Пьетро Геральди, сидевшего в Сухуми. По его сообщению, местное население (а в это время – первая треть XIVв., – по словам Геральди, в Себастополе-Сухуми жили грузины, мусульмане и евреи)¹⁵⁵ возмутилось тем, что Дадияни выделил католикам отдельное кладбище. Возмущенный народ вырвал воздвигнутые в центре латинского кладбища крест и надгробные камни. Латины вновь воздвигли крест и восстановили надгробия. Тогда здешние схизматики (православные), священники и народ, при помощи сарацин и евреев, отнесли воздвигнутые в третий раз кресты и надгробные камни «главному епископу схизматиков».¹⁵⁶ Пьетро Геральди отмечает, что грузины, проявляя веротерпимость, не имели ничего против, чтобы у них было общее с латинянами кладбище, однако, те не захотели хоронить своих людей среди грузин.¹⁵⁷ Полагают, что этот конфликт подогревали сарацины-мусульмане (тюрки-сельджуки – выходцы из Румийского султана) и евреи, которые всемерно добивались выжить из Цхуми-Себастополиса генуэзских конкурентов.¹⁵⁸

Падение Константинополя (1453г.) и активизация турков-османов в Северном и Восточном Причерноморье внесли существенные коррективы в обстановку и на территории современной Абхазии.

Уже в 1454г. турки осуществили первую военную экспедицию в район Сухуми и разграбили город, а также побережье Абхазии¹⁵⁹ (*Вахушти первое появление турок датирует 1451г.,¹⁶⁰ однако, в науке уточнена дата этого события – 1454 год¹⁶¹*). Правда, царь Грузии Гиорги VIII, узнав о высадке турецкого десанта, незамедлительно направился в Абхазию, однако, он не смог догнать противника и довольствовался тем, что «вернул местных жителей в свои дома, привёл в порядок укрепления и управив делами тамошними, возвратился в Гегути».¹⁶² Как уже отмечалось, Гиорги VIII в конце 50-х годов предпринял энергичную попытку создать мощную антиосманскую коалицию на Востоке и в союзе с европейскими государствами нанести сокрушительный удар туркам-османам. Однако эта инициатива Гиоргия VIII-го провалилась, что резко повлияло на политическую ситуацию внутри Грузии. В 60-х годов XVв. страну охватил острый политический кризис, который привёл к распаду единого государства.

В данный период (середина XVв.) территория современной Абхазии по-прежнему контролировалась владетелями Мегрелии, однако, именно с этого времени наблюдается начало экспансии абхазов-джиков в сторону Сухуми-Сébastополиса. По сообщению консула Сébastополя-Сухуми Герардо Пинелли, «28 июля 1455г. на город внезапно напали авогазы. (Местное) население полностью бежало, чтобы спасти себя... авогазы хотели пленить их».¹⁶³ Анализируя данное сообщение, З. В. Анчабадзе пришёл к выводу, что это было восстание местного абхазского населения против генуэзцев.¹⁶⁴ Однако, как правильно заметил Э. М. Мамаиствалишвили, ни в одном источнике не зафиксировано проживание абхазов в Сухуми в XIV-XVвв., поэтому говорить об освободительной борьбе абхазов против генуэзцев более чем сомнительно. Если даже «авогазов» считать абхазами, а не джиками, – пишет Э. М. Мамаиствалишвили, – характер нападения на Сухуми вряд ли изменится, так как налицо нашествие совершенно чуждого для местного населения племён с целью захвата добычи и пленных.¹⁶⁵

В 60-х годах XVв. абхазы по-прежнему вовлечены в общегрузинские процессы. В частности, они, «вместе с Дадиани-Гуриели и... сванами», поддержали Баграта Багратиони, объявившего себя имеретинским царём,¹⁶⁶ и в знак благодарности за оказанную поддержку «получили от царя Баграта: Дадиани – Одиши, Гуриели – Гурию, Шарвашидзе – абхазов и джиков, Геловани – Сванети. И царствовал над ними Баграт».¹⁶⁷ Нам кажется не случайным то обстоятельство, что в приведённом здесь из сочинения царевича Вахушти сообще-

нии, Шарвашидзе, в отличие от других владетелей западной Грузии – Дадияни, Гуриели, Геловани, за которыми закреплялись соответствующие регионы: Одиши, Гурия, Сванети, – получает не Абхазию (конкретный регион), а лишь руководство над абхазами и джиками. Думается, это ещё одно подтверждение того, что территория современной Абхазии тогда далеко не была единой в административном отношении, и что Шарвашидзе в это время, в лучшем случае, оставались владетелями лишь территории Абхазского эриставства. Так или иначе, одно совершенно очевидно, у Вахушти, жившего в XVIIIв., когда князя Шарвашидзе однозначно считались правителями Абхазии (кстати, в нынешних её границах), были веские причины не переносить конъюнктуру своего времени в XV век и не называть тогдашних представителей рода Шарвашидзе владетелями Абхазии.¹⁶⁸

Лояльность западногрузинских правителей, прежде всего, наиболее влиятельного среди них Дадияни, к царю Баграту, которая так ярко проявилась как в начале 60-х годов XVв., так и позже, при избрании Иовакима Западногрузинским («Абхазским») Католикосом, длилась недолго. После смерти Шамадавле Дадияни, одного из инициаторов утверждения в западной Грузии независимого от Мцхетского Католикоса иерарха, владетелем Одиши становится Вамек II Дадияни, которому не пришлось по душе чрезмерное усиление царя Баграта и поэтому «собрал абхазов и Гуриели и стал разорять Имерети, пытаясь завладеть им».¹⁶⁹ Выправить положение удалось сыну Баграта – Александру (1484-1510гг.), при котором происходит окончательное оформление Имеретинского царства, как отдельного политического образования.¹⁷⁰ Но это произошло не сразу. Вначале, когда после смерти своего отца – царя Баграта, Александр попытался сесть на имеретинский престол и на помощь «позвал Дадияни-Гуриели, Шарвашидзе и Геловани», те отказались,¹⁷¹ что и предопределило исход борьбы за власть в западной Грузии в пользу представителя картлийской ветви Багратионов – Константина II-го (картлийско-имеретинский царь в 1478-1484гг., царь Картли в 1484-1505гг.). Кстати, в продолжении «*Картлис цховреба*» сохранилось сообщение о том, что Константин II «привёл... в послушание имерцев, одишцев, абхазов».¹⁷² Позже (1484г.) царевич Александр всё же сумел утвердиться в Кутаиси: «Он установил мир с Дадияни-Гуриели и этим самым успокоил и укрепил свою власть в Имерети и подчинил абхазов и сванов, но не так, как ему хотелось бы».¹⁷³

Таким образом, к концу XVв., когда распалось единое грузинское государство и образовались отдельные политические единицы: царства Картли, Кахети и Имерети; княжества Самегрело и Самцхе-

Саатабаго, Абхазия фактически все ещё оставалась в сфере влияния мегрельского владетеля, хотя территориально в состав Одишского княжества непосредственно входила лишь «Верхняя Абхазия»,¹⁷⁴ а «Абхазией до Джикети владел Шарвашидзе, и этот Шарвашидзе подчинялся не всем повелениям Дадиани».¹⁷⁵

Итак, как видно из вышеприведённого материала, в XI-XV вв. территория современной Абхазии отнюдь не представляла собой единое государственное образование, даже в форме автономного княжества, в пределах объединённого Грузинского царства. В указанный период большая часть территории современной Абхазии входила в пределы Одишского и Цхумского эриставств, населённых в основном грузинскими племенами. Цхуми по всем параметрам был грузинским городом. Там была резиденция правителя (мтавари) Одиши-Мегрелии, где он чеканил монету. Собственно абхазские племена проживали, главным образом, в Абхазском эриставстве, южная граница которого проходила в районе Анакопии. Данное эриставство, во главе которого стоял древнейший род Шарвашидзе, также являлось органической частью общегрузинского государственного организма. На протяжении почти всего этого периода (XIII-XV вв.) представители рода Шарвашидзе сохраняли преданность центральной власти Грузии. Более того, в отдельных случаях, они проявляли большую, нежели другие западногрузинские лидеры, лояльность к тбилисскому престолу и нередко становились её главной опорой в западной Грузии.

Глава V

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИКО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ В XVI-XVIII ВВ.

Этнодемографические изменения. Позднее средневековье наиболее сложный период в истории нынешней Абхазии. Сложность данной эпохи заключается в том, что в это время Абхазия из высоко-развитого феодального региона, где процветала христианская культура и книжность, начала резко отставать от остальных областей Грузии и за короткий срок превратилась в отсталую страну с примитивным патриархальным хозяйством и реанимированными языческими верованиями. Письменные источники, как грузинские, так и иноязычные, чётко зафиксировали изменения, произошедшие в общественной и культурной жизни Абхазии. Особенно наглядно об этом свидетельствует «*Мицнебаи сарджуло*» («*Каноническая заповедь*») составленная, как уже было отмечено, в 1470-1474гг. в связи с избранием Иовакима «Абхазским» т.е. Западногрузинским Католикосом.

В этом документе прямо указывается что «абхазы вовсе отошли от христианства и отступили от заповедей Христа».¹ По словам католического миссионера Арканджело Ламберти, жившего долгое время в западной Грузии (XVII в.), абхазы также как аланы, черкесы, джики и карачаевцы только на словах являются христианами, а на самом деле и по вере и по поступкам они далеко не христиане.² Другой миссионер – Джованни да Лука также отмечает, что абхазы хотя и христиане, но не соблюдают христианские обряды. Он же подчёркивает, что абхазы живут в горах до Черкесии, и что в их стране нет городов и их образ жизни такой же, как у черкесов.³ В XVIII в. Гюльденштедт также заметил, что по образу жизни абхазы более других похожи на черкесов, и что они в основном занимаются скотоводством.⁴ О близости абхазов с северокавказским горским населением (аланы, джики и т.д.) пишут также Арканджело Ламберти⁵ и Вахушти Багратиони.⁶

На основании этих и других материалов в историографии совершенно обоснованно стали связывать изменения в социально-экономической и культурной жизни Абхазии с определенными демографическими изменениями, которые произошли в крае в позднем средневековье, в частности, с новым наплывом горских племён. Просачивание горцев на равнину, как известно, имело место и раньше. Более того, возможно, что этот процесс никогда и не прекращался,

однако, в условиях сильной государственной власти и государственного правопорядка грузинское феодальное общество безболезненно справлялось с натиском первобытности. Горцы постепенно вживались в общегосударственную социально-экономическую систему и становились органической частью грузинского феодального общества. Но кардинально менялась ситуация, когда центральная власть была не в состоянии обеспечить государственный правопорядок на всей территории страны. В таких случаях из-под контроля выходили, в первую очередь, горные районы, где сразу же оживали первобытные устои. Первые симптомы засилья горцев наблюдаются уже в XIIIв., когда в восточной Грузии появилась т.н. «овсская угроза». Однако в I трети XIVв. Гиоргию V Блистательному удалось положить конец натиску овсов и восстановить государственный порядок в Шида Картли.

В западной Грузии активизация горских племён наблюдается с конца XIVв. Главную угрозу в этом плане представляли племена джиков-адыгов, которые начали наступать на Абхазское эриставство. Как уже отмечалось, владетели Одиши-Мегрелии, которые контролировали территорию современной Абхазии, были вынуждены наносить превентивные удары джикам и тем самым предотвратить их наступление вглубь Абхазии. Однако эриставы Абхазии Шарвашидзе в своей борьбе против одишских владетелей всё больше стали опираться на джиков и явно поощряли заселение территории Абхазского эриставства родственными джико-абхазскими племенами. Эти «новые абхазы» по своему социально-культурному облику резко отличались от живших здесь до этого абхазов, создававших общегрузинскую христианскую цивилизацию.

Обращая внимание на этот резкий разрыв в общественной и культурной жизни абхазов в позднем средневековье, грузинский учёный П. И. Ингороква, как уже было отмечено выше, ещё в начале 50-х годов впервые высказал мысль о том, что абхазы («абазги», «апсилы») раннего средневековья, сыгравшие ведущую роль в создании Царства «Абхазов», ставшем впоследствии гегемоном общегрузинского государства, не могли быть предками апсуа-абхазов XVI-XVIIIвв. По мнению учёного, «абазги»-«апсилы»-«абхазы» были картвельскими племенами, а абхазы позднего средневековья – представители адыго-абхазского этнического мира, которые переселились в Абхазию с Северного Кавказа в XVI-XVIIIвв.⁷ Однако, как уже отмечалось, данная точка зрения П. И. Ингороква не получила поддержку со стороны грузинских учёных. Позиция официальной грузинской историографии была озвучена акад. Н. А. Бердзенишвили, который этому вопросу посвятил специальную статью.⁸

Отношение Н. А. Бердзенишвили к этническим проблемам Абхазии наиболее чётко изложено в его наблюдениях и обобщениях опубликованных в VIII томе *«Вопросов истории Грузии»*, вышедшем после смерти учёного.⁹ Следует отметить, что в последнее время, некоторые грузинские исследователи не совсем верно трактуют высказывания акад. Н. А. Бердзенишвили и нередко объявляют его чуть ли не сподвижником и единомышленником П. И. Ингороква (в этом особенно преуспел Г. А. Гасвиани¹⁰). Однако со всей категоричностью можно утверждать, что Н. А. Бердзенишвили практически нигде и никогда не говорил о принадлежности абхазов раннего средневековья к картвельскому этническому миру.

Этническая однородность абхазов («абазг»-«апсиллов») раннего средневековья и апсуа-абхазов позднего периода у Н. А. Бердзенишвили фактически не вызывала сомнения.¹¹ Вместе с тем, он совершенно однозначно высказывался о том, что абхазы раннего средневековья «культурно-исторически», подчёркиваем **«культурно-исторически»**, а не этнически, **являлись такими же грузинами, как картлийцы, кахетинцы, мегрелы, сваны и т.д.** Изменения в социально-культурном облике Абхазии в позднем средневековье Н. А. Бердзенишвили связывал с новым притоком горцев, которые подорвали устои развитого грузинского феодального общества и грузинской христианской культуры, носителями которых были встретившие их здесь абхазы – они же грузины в «культурно-историческом» плане.

Мы целиком и полностью придерживаемся взгляда акад. Н. А. Бердзенишвили по рассматриваемому вопросу и также считаем совершенно необязательным искать причины резкой смены социально-культурного облика Абхазии в том, что место прежних абхазов – этнических грузин заняли апсуа-абхазы, представители адыго-абхазского этнического мира, как это полагал П. И. Ингороква. Однако это вовсе не означает то, что мы отрицаем этническое обновление Абхазии в позднем средневековье. Наоборот, как уже отмечалось выше, изменения в социально-культурной жизни Абхазии, в указанное время, мы тоже связываем с определённой демографической экспансией северокавказских джико-абхазских племён. Мы просто не исключаем возможность этнического родства джико-абхазов с абхазами, жившими в пределах Абхазского эриставства до этого. В связи с этим, нам кажется немаловажным, что средневековая грузинская историческая традиция почему-то не зафиксировала этническое различие между абхазами раннего периода и апсуа-абхазами позднего средневековья. Упомянутая нами *«Каноническая заповедь»*, как уже было показано, говорит не о том, что абхазо-грузин изгнали из Абха-

зии апсуа-абхазы и заняли их место, а о том, что эти же абхазы (т.е. те, которые жили там с самого начала) «отошли от христианства».

В связи с этим особо хотим обратить внимание на одно, на наш взгляд весьма важное сообщение царевича Вахушти, в котором говорится о том, как захватывали абхазы Одиши (начало 80-х годов XVIIIв.) «до Эгриси-реки и обосновывались там» („დაჲგჳეგუბობდ-ბჳბ“).¹² Т.е. в этом случае, грузинская историческая традиция чётко фиксирует как абхазы, завоевавшие территорию Одиши-Мегрелии, начинают осваивать её. Ничего подобного не было замечено грузинской исторической традицией по отношению Абхазского эриставства. Это явно означает, что в пределах Абхазского эриставства не было какого-либо (во всяком случае, серьёзного) противостояния между местным абхазским населением и пришедшими джико-абхазами, что нельзя говорить о Цхуми-Сухуми и территориях южнее от него, которые, как отмечают современники, как раз и подверглись опустошительным погромам абхазов. Всё это, а также тот факт, что представители рода Шарвашидзе, исторически всегда входившие в политическую элиту Грузии, возглавляли экспансию абхазов в юго-восточном направлении, свидетельствует об этническом родстве абхазов Абхазского эриставства и джико-абхазов проникших сюда в позднем средневековье.

О том, что в этот период действительно происходит проникновение новой волны горцев – джиков-абхазов с Северного Кавказа на территорию современной Абхазии, явно свидетельствуют предания, записанные в своё время известным адыгским просветителем XIXв. Ш. Ногмовым. По одному из этих преданий, предводитель адыгов Инал (начало XVв.), собрав своих соплеменников из окрестностей Анапы, переселился сначала в Кабарду, а затем оттуда ушёл в Абхазию вместе с абазинскими князьями Аше и Шаше. «После покорения Абхазии, – рассказывает Ш. Ногмов, – находясь на Дзибе (что, по мнению специалистов, означает реку Бзыби) для заключения мира с абхазскими племенами, он по окончании всех дел скончался (в 1427г.) смертью праведника. Тело его похоронено в упомянутой земле, и могила его, известная до сих пор, носит название – «Иналкуба», что переводится с абхазского как «Иналова могила». По преданию могила Инала – Иналкуба находится на высокой горе у села Псху.¹³ Могила Инала впоследствии абхазы и абазины чтили как святыню, и она стала местом их паломничества, где «происходили многолюдные общественные моления».¹⁴

В историографии почти не вызывает сомнения, что под абазинскими князьями Аше и Шаше следует подразумевать абхазских

князей Ачба и Чачба.¹⁵ В этом предании исследователи видят отголоски реальных событий, а именно, «крупномасштабное переселение племён абазин, в частности, горных абазин-ашхарцев из Северного Кавказа на Черноморское побережье Абхазии».¹⁶ Не кто иной, как неоднократно упомянутый нами крупнейший абхазский учёный-этнограф Ш. Инал-ипа однозначно признавал, что в исторических преданиях «часто рассказывается о том, как приходили в Абхазию один за другим целые роды или отдельные лица откуда-то с Севера из-за гор».¹⁷ В этнографической литературе зафиксировано также, что по преданию род Ачба (Анчабадзе) действительно попал в Абхазию как раз через окрестностей Псху. Через Псху предполагают также появление в Абхазии и других переселенцев из Северного Кавказа – родов: Ашуба, Адлейба, Инапшба и др.¹⁸

В первой половине XVв., несмотря на отдельные осложнения, центральной власти грузинского государства всё же удавалось сдерживать натиск джиков-абхазов и сохранить контроль над Абхазским эриставством. Однако утверждение османского владычества в северном и северо-восточном побережья Чёрного моря во II половине XVв. ещё больше накалило обстановку у северо-западных рубежей единого грузинского государства, окончательный распад которого к этому времени к тому же стал неминуемым. Именно при подстрекательстве турков-османов, энергично приступившим к идеологическому «освоению» Северо-Западного Кавказа, джики-абхазы усилили экспансию в сторону пределов Одиши-Мегрелии. Мы уже отмечали, что первый выпад в этом направлении авогазы (они же абхазы) осуществили ещё в 1455г., когда они подвергли грабительскому погрому Цхуми-Себастополис.

Политические процессы в западной Грузии XVI-XVIIвв. и современная Абхазия. После распада единого грузинского государства (конец XVв.), на первых порах, владельцы Мегрелии-Одиши по-прежнему контролировали большую часть территории современной Абхазии и временами пытались нанести решающий удар джико-абхазам. Так, в 1533г. владетельный князь Мегрелии Мамия III Дадиани, пожаловавший в период своего правления (1512-1533гг.) Бичвинтской Богоматери несколько селений с дворянами и крестьянами, в том числе селения расположенные непосредственно в окрестностях самой Бичвинты-Пицунда: Аитарне, Аруха и Рабица, вместе с Мамией I Гуриели, при поддержке имеретинского царя Баграта III-го (1510-1565), снарядил морскую экспедицию и высадился в Джикети. Двухдневный бой завершился поражением Дадиани и Гуриели. В этой битве был убит Мамия Дадиани и пленён Мамия Гуриели.

ли, которого впоследствии выкупил «Абхазский» Католикос Малакия I (Абашидзе). По материалам грузинской летописи, повествующей об этих событиях, в этом бою роковую роль сыграл некий Цандия Иналдипа (Инал-ипа) – по всей вероятности руководитель абхазской дружины, который предал одишцев и гурийцев.¹⁹

Однако, Одишское княжество, несмотря на это поражение, всё же сохраняло своё влияние на значительную часть территории современной Абхазии. Во всяком случае, по почти документальному указанию одного турецкого резидента (30-е годы XVIв.), «От Гурии до Сухуми (расположена) Дадианская земля. Сухуми в древности был портом. Здесь к морю спускается ветвь Эльбрусской горы. За ней лежат абхазские земли».²⁰ Под «ветвью Эльбрусской горы», по мнению специалистов, турецкий источник «подразумевает боковую ветвь Главного Кавказского хребта, которая доходит почти до морского берега на правом берегу р. Псирцха».²¹

В XVIв. абхазы по-прежнему не стояли в стороне от политических процессов, протекавших в западной Грузии. Так, в 1573г. они вместе с джиками и черкесами приняли участие в междоусобице, вспыхнувшей в это время в Одиши. Они поддержали Гиоргия Дадиани изгнанного из Мегрелии его же братом Мамией и нашедшего убежище в Абхазии. Этот факт, зафиксированный как в летописи «*Картлис цховреба*»,²² так и в сочинении царевича Вахушти,²³ явно свидетельствует о том, что при необходимости не только абхазские князья Шарвашидзе, но и представители рода Дадиани охотно привлекали джиков и черкесов.

В 1578г., после начала новой войны между Ираном и Турцией, в Сухуми высадился турецкий десант и официально было объявлено об утверждении османского владычества и создании здесь Сухумского бейлербейства.²⁴ Однако, уже в 1580г. турецкие власти сочли нужным упразднить Сухумское бейлербейство и вскоре вовсе покинули Сухуми. По мнению некоторых исследователей, именно в это время мегрельский владетельский дом потерял контроль над Сухуми, и он, явно при поддержке Сухумского бейлербея – Хаидар-паши (черкеса по происхождению), перешёл к абхазам.²⁵ Более того, грузинский учёный Т. Берадзе вообще считает, что в 1578-1580гг. «владельцы Абхазии полностью освободились от сюзеренитета... Одиши».²⁶

В историографии долгое время превалировало мнение (И. Г. Антелава, З. В. Анчабадзе),²⁷ согласно которому окончательное формирование Абхазского – независимого от Одиши – княжества произошло где-то в начале 10-х годов XVIIв. Однако, в последнее время, этот вывод пересматривается. По мнению некоторых исследова-

телей (А. Тугуши, Д. Л. Мухелишвили), в период правления грозного одишского владетеля Левана II Дадиани большая часть территории современной Абхазии по-прежнему находилась в пределах Одиши-Мегрелии.²⁸ Одной из резиденций мегрельского владетеля была Меркула (в совр. Очамчирском р-не). Именно там в феврале 1615г. Леван II Дадиани подписал мирный договор с Османской империей.²⁹ Позднее, неподалеку от Меркула – в Киачи была похоронена жена Левана Дадиани – Нестан-Дареджан умершая в 1639г., а её поминки были устроены во дворце Квитоули (также в нынешнем Очамчирском р-не). Некоторые жители этого села были обложены «оброком... для устройства поминок».³⁰ В источниках фигурирует ещё один дворец Дадиани на территории современной Абхазии (у р. Галидзга), который по просьбе «Абхазского» Католикоса Малакии II Гуриели был пожалован Бичвинтской Богоматери.³¹ Граница между Абхазией и Мегрелией в 1630г., по документальному свидетельству итальянского миссионера Джованни да Лука, всё ещё проходила в окрестностях древнего Цхуми-Скисорнума по реке Абси, под которой специалисты подразумевают современную Беслетку.³²

На первых порах своего правления Леван II Дадиани сохранял довольно дружественные отношения с домом Шарвашидзе, что было подкреплено династическим браком. Первой женой Левана II Дадиани была дочь абхазского мтавара Сетемана Шарвашидзе (следует отметить, что именно Сетеман Шарвашидзе первым упоминается в статусе мтавара).³³ Леван Дадиани охотно использовал военную силу джиков и абхазов против имеретинского царя Гиоргия III-го. Однако после того, как владетель Одиши нанёс решающий удар имеретинскому царю, он развелся с первой женой и организовал поход в Абхазию. В 30-х годах XVIIв. имел место второй поход Левана Дадиани в Абхазию, во время которого он достиг реки Капое-тисцкали (т.е. Бзыби), где разбил отряды джиков и абхазов под командованием Маршания.³⁴

В историографии совершенно обоснованно указывается, что эти военные экспедиции вглубь Абхазии были ответной мерой мегрельского владетеля на агрессивные вылазки джиков-абхазов.³⁵ Однако эти походы, по-видимому, не обеспечили безопасность рубежей Одишского княжества и Леван II Дадиани был вынужден приступить к воздвижению фортификационных сооружений вдоль реки Келасури, т.е. т.н. «Келасурской стены». Несмотря на отдельные попытки некоторых абхазских исследователей (напр. М. М. Гунба³⁶), в науке общепризнано, что Келасурская стена или, по словам Арканджело Ламберти, «стена длиною в шестьдесят тысяч шагов для

приостановления абхазских набегов»,³⁷ была построена именно при Леване II Дадияни. Это подтверждают как грузинские (царевич Вахушти,³⁸ Нико Дадияни³⁹) так и иноязычные (Арканджело Ламберти,⁴⁰ Жан Шарден⁴¹) письменные источники. Следует отметить, что не кто иной, как рупор абхазских сепаратистов Ю. Н. Воронов, был вынужден признать сооружение Келасурской стены в XVIIв. мегрельским владетелем.⁴²

Однако, к середине XVIIв. абхазам всё же удалось прорваться через Келасурскую преграду и перенести границу с Одиши к берегу р. Кодори, хотя некоторые территории на правом берегу р. Кодори, в частности окрестности Драндского монастыря, с. Пшапи и другие по-прежнему считались владениями Одиши-Мегрелии.

Во II пол. XVIIв., после смерти Левана II Дадияни, Одишское княжество охватила длительная междоусобица, чем не преминули воспользоваться представители дома Шарвашидзе. Следует отметить, что Абхазское княжество с самого начала не представляло собой строго централизованный государственный организм. Ещё упомянутый нами итальянский миссионер Джованни да Лука, посетивший Абхазию в 1630г., писал, что в то время у абхазов было два князя: Карабей и Путо.⁴³ Предполагают, что Карабей был владетелем Бзыбской Абхазии, а Путо сидел в Сухуми.⁴⁴ По данным же Христофоро де Кастелли, побывавшего в этих краях в середине XVIIв., в Абхазии были трое князей, среди которых старшим считался Беслако Шарашиа (мегрельская форма Шарвашидзе). Его резиденция находилась в окрестностях Бичвинты (Пицунда).⁴⁵ Абхазы принимали активное участие в противоборстве между Вамеком III-м Дадияни (1657-1661гг.) и Липаритом Дадияни. В этом противостоянии Вамека поддерживал имеретинский царь Александр III. Абхазы как раз выступали на стороне имеретинского царя и Вамека, и обеспечили им победу.

Об этом свидетельствует приписка к Бичвинтскому Евангелию, в которой от имени Соломона Шарвашидзе и его сына Арзакана сообщается, что они помогли царю и Дадияни против Липарита Дадияни и Гуриели в честь этого события отчеканили Евангелие отчеканили Евангелие за здравье Соломона и его сына Арзакана. В нём читаем: „ქ. პატიოსანო დიდო ბიჭვინთის მდთის მშობელო თქვენ შეგადრეთ და შეწევნითა თქვენითა მეფესა და დადიანს წინ გავიმარჯვეთ გურიელსა და ლიპარი დადიანსა და ამისთვის მოვაჭედინეთ ეს პატიოსანი სახარება... ჩვენ შარვაშიძემა სოლომონ და ძემან ჩვენმა აზრაცან თქვენდა სადიდებლად და

ჩვენდა სადღეგრძელოდ და აზრაყანისა აღსაზრდელად და მას საუკუნოსა ჩუენისა სულის სახსრად და საოხად“.⁴⁶

Полагают, что Соломон Шарвашидзе был братом Беслако и Сетемана Шарвашидзе.⁴⁷ Он вместе со своим сыном упоминается также в грузинской надписи на серебрянном предмете, пожалованном Соломоном Шарвашидзе Лыхненскому храму: „ქ. კჳა, შვიდ ცათა უმაღლესო და ქერაბინთ უწმინდესო, ადამიანთა მხსნელო, ღიხინისა ღვთის მშობელო. შემოგწირეთ ფეშხუმი ესე ვერცხლისა ჩვენ შარვაშიძემან სოლომონ ამ სოფელს სადღეგრძელოდ, გასამარჯვებლად და ცოდვილის სულის ჩემის სახსრად და საოხად, ძისა ჩემისა აზრაყანისა აღსაზრდელად. ამინ“.⁴⁸ Исследователи (З. В. Анчабадзе, Б. К. Хорава), обратив внимание на весьма сдержанное и уважительное упоминание царя в приписке Соломона Шарвашидзе, совершенно обоснованно отмечают, что в это время абхазские владетели явно считали имеретинского царя своим сюзереном.⁴⁹

По данным грузинского поэта XVIIIв. Пешанги Хитаришвили видно, что Соломон Шарвашидзе также снисходительно относился к картлийскому царю Вахтангу V (Шах-Навазу). Он воздержался от противостояния с ним только по той причине, что в его глазах Вахтанг V был царём не просто Картли, а всея Грузии,⁵⁰ а себя считал его вассалом. Потому он, видимо вместе с другими представителями рода Шарвашидзе, явился к прибывшему в Зугдиди царю Вахтангу и признал его верховенство.⁵¹ Картлийский же царь, который в это время явно был общегрузинским лидером, решил не отнимать абхазов у Дадиани, и приказал абхазам подчиниться владетелю Одиши:

*„აფხაზნი სრულად მოვიდნენ, მუხლს ეხუევიან მეფესა;
ჰკადრეს: „სვაადო გიაჯით, გუამყოფო თქუენსა სეფესა;
ან მიგუეც ლევანს ვმსახუროთ, ამა სისხლისა მხქეფესა,
ერთგულთა ვუიეოს წყალობა, უქებდეთ სიიფესა“.⁵²*

Однако в Абхазии не все и не всегда проявляли лояльность к мегрельскому владетелю. Так, Павел Алеппский, посетивший Грузию в 1667г., пишет, что Абхазия, или как он называет «Апхазана суть два государства; одно государство в подданстве у Дадьяна мегрельского и суть христиане именем, но не крещены. Поклоняются святым иконам и почитают церкви. А того ради не крещены, что нет у них владыки, ни священников. Другое государство есть нечестивый и близ их живут олланы, авазги, зикхи, черкесы, леки, соаны; и есть великие недруги Мегрелию и восхищают и пленят их».⁵³ По словам итальянского миссионера Мари Дзампи (70-е годы XVIIIв.),

«Мегрелия... постоянно находится под угрозой нападения абхазов».⁵⁴ Особенно участились абхазские набеги в 60-х годах XVIIв. В некоторых грузинских источниках сохранились сведения о разграблении абхазами Цаишской и Цаленджихской церквей.⁵⁵

Считается, что во главе абхазского натиска в 60-70-х годах XVIIв. стоял Соустан (Баграт) Шарвашидзе,⁵⁶ который упоминается в одной приписке Бичвинтского Евангелия: „ქ. ...შენ ცათა სწორო ბიჭუტისა ღმთისმშობელო, ჩუენ შარვაშიძემან საუსტან შემოგწირეთ ესე მცირე შესაწირავი – ერთი გოგო ჩუენდა სადღეგრძელოდ და გასამარჯვებლად და სავარების აღსაზრდელათ... შენ დიდად შეუნიერო და ცათა აღმატებულო, შენ ბიჭვიტის მღთის მშობელო, ჩუენ შენმან მონდობილმან და მოსავმან შარვაშიძემა საუსტან შემოგწირეთ ესე მცირე შემოსაწირავი გაიჩქინდი ხუცესი ჩანგელია, ამა სოფელსა ჩუენდა სადღეგრძელოდ და გასამარჯვებლად და ძისა ჩუენისა სავარებისა აღსაზრდელად და მას საუკუნოს ჩუენის ცოდვილის სულის საცხოვნებლად და საოხად, ოდეს მოვიდეთ სუფევითა შენითა“.⁵⁷ Сын Соустана Саварех или Сорех Шарвашидзе пошёл ещё дальше. Он воспользовался вспыхнувшей после смерти Левана III Дадияни (1681г.) междоусобицей в Одиши и предъявил свои претензии на владетельский престол Мегрелии. Он вступил в Одиши и даже объявил себя владетелем. Предполагают, что у него были определённые легитимные права на престол Дадияни так как, возможно, его мать была представительницей этого рода.⁵⁸ Однако Сореху Шарвашидзе удалось распространить свою власть лишь на северо-западную часть р. Энгури, одишским же князем официально был провозглашён Леван IV Дадияни (1683-1691).

В 80-х годах XVIIв. в политических процессах в западной Грузии участвуют и другие представители дома Шарвашидзе. Т.н. в 1689г. в Абхазии гостил сын картлийского царя Вахтанга V – Арчил, который в то время очередной раз пытался завладеть имеретинским престолом. По словам царевича Вахушти, его с большим почётом, как подобает царю, принял в Зупу (т.е. в Лыхны) Шарвашидзе.⁵⁹ Считают, что это был Зегнак Шарвашидзе, который на время сумел распространить свою власть и на владения Сореха Шарвашидзе. Однако после смерти Зегнака Шарвашидзе Абхазское княжество окончательно распалось на три владения. Северную часть – территорию между рек Бзыби и Кодори получил старший сын Зегнака Шарвашидзе – Ростом; район между рек Кодори и Галидзга, или Абжуа (по-абхазски средняя страна) перешёл к среднему сыну

Джикешии; а территорию между рек Галидзга и Энгури унаследовал младший сын – Квапу, после смерти которого этот регион перешёл к его сыну Мурзакану. Именно от него и пошло название этого края – Самурзакано.⁶⁰

Таким образом, к началу XVIIIв. абхазы значительно продвинулись в юго-восточном направлении и прочно обосновались на территориях принадлежавших до этого мегрельским владетельным князьям. Границей между двумя княжествами отныне стала река Энгури. Так оформилась, в основном, Абхазия в современных её границах.

Глава VI

АБХАЗСКОЕ КНЯЖЕСТВО В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Этно-социальная и культурно-политическая обстановка на территории современной Абхазии на рубеже XVII-XVIII вв. После того, как абхазы вышли к берегам реки Энгури, они приступили к освоению территорий южнее реки Галидзга. По одному преданию, явно отображающему исторические реалии, Квапу Шарвашидзе, которому, как уже указывалось, достался удел между рек Галидзга-Энгури, переселил из Бзыбской Абхазии несколько дворянско-княжеских родов, в том числе: Анчабадзе, Емухвари, Инал-ипа-Иналишвили, Маргания, Званбаия, Лакирбая, Акиртава и др.¹ Сам Квапу положил начало ветви самурзаканских Шарвашидзе. Его родовыми именами были объявлены сёла: Бедиа (в совр. Очамчирском р-не), Пахулани (в совр. Цаленджихском р-не), Борбало (совр. Коки в Зугдидском р-не).² В Самурзакано, наряду с вышеуказанными дворянскими фамилиями, было переселено немало абхазских крестьянских семей.³

Всё это несколько изменило этнодемографическую картину региона, однако подавляющее большинство населения междуречья Галидзга-Энгури по-прежнему составляли картвелы (мегрелы). Что же касается других областей современной Абхазии, особенно региона между Цхуми-Сухуми и р. Галидзга, то к этому времени коренное грузинское (в основном мегрельское) население этого края, отчасти, было вынуждено покинуть родные места и переселиться в центральные районы Одиши-Мегрелии. Многие были взяты в плен и проданы в рабство, других переселили в Бзыбскую Абхазию, где они растворились среди абхазов. Не должно вызывать никакого сомнения то, что большая часть современных абхазов, живущих в Гудаутском р-не и носящих грузинские (мегрельские) фамилии, как раз и являются потомками тех грузин-мегрелов, которые силой были угнаны в Бзыбскую Абхазию (это, конечно, отнюдь не исключает проживания картвельских племён, наряду с абхазами, в районе Гудауты-Бичвинты и до этого). То же самое можно сказать и об абхазах с грузинскими фамилиями, живших в Очамчирском р-не, хотя среди них немало и тех, которые «позабыли» о своих грузинских (мегрельских) корнях в недалёком прошлом, под давлением националистически настроенной абхазской коммунистической номенклатуры, создавшей в автономной республике в 20-х – начале 30-х годов XX в. (отчасти и в 50-х – 80-х годах) ярко выраженную проаб-

хазскую конъюнктуру.

О насильственном изменении этнодемографической картины современной Абхазии в XVIIв. наглядно свидетельствует жалованная грамота «Абхазского» Католикоса Григола Лордкипанидзе Бичвинтской Богоматери (1712г.), в которой документально подтверждается, что из 60 дымов, принадлежавших Бичвинтской кафедре в XVIв. в селе Нажаневи-Нажанеули (по мнению исследователей окрестности современного села Отобая Гальского р-на),⁴ к 1706г. оставалось всего лишь 7 дымов, остальные же были «выселены абхазами» („აფხაზის აყარა“). Эти оставшиеся крестьяне были вызволены названным «Абхазским» Католикосом «из той стороны Энгури» за большой выкуп и поселены в районах центральной Мегрелии (в Хоби, Хибула).⁵

Следует особо отметить, что тот же «Абхазский» Католикос Григол Лордкипанидзе и в другой своей грамоте (от 1706г.) также однозначно говорит о том, что во времена «Абхазского» Католикоса Давида Непсадзе (1673-1696гг.), крестьяне села Нажаневи были «выдворены абхазами» („აფხაზისაგან აყროფიყო“).⁶ Этому процессу не препятствовал Квапу Шарвашидзе, которому, по данным той же грамоты, Католикосом Давидом было поручено обеспечение безопасности этих крестьян. Более того, этот владетель сам был замешан в продаже крестьян села Нажаневи. На это прямо указывает Католикос Григол Лордкипанидзе („ყვამ მარვაშიძეს... დაეყოდა“).⁷ Интересно, что сам Квапу Шарвашидзе в клятвенной книге Католикосу Григолу Лордкипанидзе, видимо, стремясь скрыть свою причастность к продаже крестьян, обезлюдение данного села связывает с «всеобщим бедствием» („ჟამთა ვითარებითა ქუეყანა ამოწყდა“).⁸ Однако, в другой своей клятвенной книге тот же Квапу Шарвашидзе обещает Католикосу Давиду, что **впредь** без его «ведома и разрешения» не будет «продавать нажанеульских и хоирских жителей»,⁹ из чего явно следует, что Квапу Шарвашидзе ранее занимался продажей крестьян названных селений. В свое время «Абхазскому» Католикосу Давиду пришлось выволить от Сореха Шарвашидзе некоего Бибию Болквадзе со своей семьёй, «угнанного абхазом» („აფხაზის... წაყვანა“).¹⁰ Эти факты явно свидетельствуют о том, что абхазские владетели – представители рода Шарвашидзе – не были в стороне от того беспредела, который царил на территории современной Абхазии в указанное время, в результате чего фактически произошла настоящая этническая чистка в крае.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что всё это происходило на

почве этнополитического антагонизма и уж совершенно нелепо видеть в этом осознанную «национально-освободительную» борьбу абхазского народа против «грузинских (мегрельских) колонизаторов», как это с недавних пор пытаются представить некоторые, поистине обезумевшие, идеологи абхазского сепаратизма.¹¹ Вопреки их голословным утверждениям, представители абхазского владетельского дома Шарвашидзе, возглавлявшие натиск джико-абхазов в юго-восточном направлении, по-прежнему считали себя неразрывной частью общегрузинской социально-политической системы. Именно так воспринимало их тогдашнее грузинское общественно-политическое сознание.

Ярким подтверждением этого являются те факты взаимоотношений между абхазскими владетелями и отдельными представителями грузинского царского дома Багратионов в XVIIв., о которых частично говорилось выше (наиболее чётко эта ситуация отражена в поэме известного грузинского поэта XVIIIв. Пешанги Хитаришвили – «*Шахнавазиани*», фактически являющейся своего рода исторической хроникой 50-70-х годов XVII столетия). Абхазские владетели, несмотря на то, что они несколько отошли от истинно христианского образа жизни, по-прежнему относились к «абхазским» (Западно-грузинским) католикосам, как к своим духовным отцам, и считали своим долгом, верно служить святому престолу, кстати, находившемуся в это время не в Абхазии – в Бичвинте-Пицунде, а вдали от неё – в Гелати (близ г. Кутаиси). Об этом наглядно свидетельствует упомянутая нами выше клятвенная книга Квапу Шарвашидзе, которая гласит: «*Мы владетель Квапу Шарвашидзе и брат мой Кереким (Керкем) написали и поднесли сию твёрдую, неизменную и во все дни жизни нашей подлежащую исполнению клятвенную книгу Вам северному абхазскому Католикосу Давиду...*»¹² и т.д. Сохранились и другие клятвенные книги, в том числе клятвенная книга того же Квапу Шарвашидзе и его сына Автандила адресованная к «Абхазскому» Католикосу Григолу Лордкипанидзе.

Абхазия, несмотря на произошедший резкий возврат к первобытности, что вызвало спад общего культурного уровня, и в это время по-прежнему оставалась в ареале грузинской письменной культуры и книжности. Подтверждением этого являются те грамоты и клятвенные книги, написанные на грузинском языке, которые исходили от владетелей Абхазии и о которых частично говорилось выше. Со всей категоричностью можно утверждать, что языком государственного делопроизводства в Абхазии и в этот период был исключительно грузинский. Даже во II пол. XVIIIв., когда Осман-

ская империя усилила свое давление на Абхазию и заставила представителей абхазского владетельского дома Шарвашидзе принять ислам, Абхазия не была полностью вытеснена из общегрузинского культурно-языкового пространства. Неслучайно, что большинство представителей дома Шарвашидзе, среди них даже те, которые были вынуждены принять ислам, носили грузинские имена (Ростом, Манучар, Зураб и др.).

Всё сказанное однозначно убеждает в том, что экспансия джико-абхазов в юго-восточном направлении, организованная абхазским владетельским домом Шарвашидзе, и их закрепление на территориях, принадлежавших ранее владетелям Одиши-Мегрелии, несмотря на определённые особенности, в целом, не выходили из рамок феодальной междоусобицы. Представители рода Шарвашидзе, расширяя пределы своих владений за счёт мегрельских территорий, отнюдь не стремились к созданию некоего апсуа-абхазского национально-государственного организма, не имеющего ничего общего с общегрузинской государственной и политической системой, а всемерно пытались, так же как и мегрельские Дадиани и гурийские Гуриели, выдвинуться на ведущие позиции именно внутри общегрузинского государственно-политического пространства. Т.е. Абхазский владетельский дом Шарвашидзе не представлял себя вне грузинского государственного и культурно-политического мира, и при первом же удобном случае не преминул бы воспользоваться возможностью сесть как на Одишский владетельский, так и имеретинский царский престол, о чём, кстати, свидетельствует приведённый нами факт провозглашения себя Сорехом Шарвашидзе Одишским владетелем.

Итак, к началу XVIIIв., Абхазия оформилась в современных её границах. Однако, по-видимому, владетельский дом Шарвашидзе не думал останавливаться на достигнутом и пытался продвинуться ещё дальше. Во всяком случае, Квапу Шарвашидзе сумел закрепиться и на левом берегу реки Энгури, где ему удалось занять весьма важный в стратегическом отношении пункт Рухи.¹³ Известно, что Квапу Шарвашидзе скончался именно в Рухи в 1704г., и что в связи с его кончиной из Гелати специально прибыл «Абхазский» Католикос Григол Лордкипанидзе, взявший у семьи покойного предназначенный в таких случаях для церкви единовременный налог.¹⁴

Современная Абхазия в политических процессах западной Грузии в XVIIIв. Продвижение Абхазского владетельского дома в юго-восточном направлении на рубеже XVII-XVIIIвв., которое стало возможным из-за царившего в Одиши-Мегрелии политического

хаоса, вызванного перманентными междоусобицами, не могло не тревожить правящие круги Одишского княжества. Однако им лишь эпизодически удавалось нанести ответные удары и тем самым остановить агрессивный порыв абхазов. В источниках сохранились сведения об одной такой военно-политической акции, предпринятой правителем Одиши Гиоргием Дадиани-Липартиани в 1702г., во время которой одишцы при активной поддержке Гиоргия Абашидзе – фактически управлявшего в то время Имеретинским царством, вторглись в Абхазию и сумели победить Шарвашидзе.¹⁵ Хотя царевич Вахушти обращает внимание на поход имеретинцев и ничего не говорит об участии в этой кампании собственно Гиоргия Липартиани, но не вызывает сомнения, что эта экспедиция была имеретино-одишской. Это документально подтверждает приписка т.н. «Хобского гуджара», согласно которой «Гиорги Липартиани направился в поход в Абхазию».¹⁶ Предполагают (Т. Берадзе,¹⁷ Б. Хорава¹⁸), что в результате этого похода владения Квапу Шарвашидзе, на время, в политическом и церковном отношении вновь оказались под юрисдикцией Одишского владетельского дома.

Эта конъюнктура в некоторой степени отражена в одной документальной приписке правителя Одиши-Мегрелии Кации I-го Дадиани от 1709г., согласно которой этот новый правитель Одиши одновременно считает себя владетелем Сванети и Абхазии.¹⁹ Однако зависимость Абхазии, в частности удела Квапу Шарвашидзе, от Одишского владетельского дома в это время, конечно, могла быть только номинальной. Фактически же в этот период в результате энергичной и во многом созидательной деятельности преемника Квапу Шарвашидзе – Мурзакана этот край превратился в независимое (как от одишских владетелей, так и от считавшейся старшей – Бзыбской ветви Шарвашидзе Шарвашидзе) княжество.

В первой половине XVIIIв., несмотря на имевшиеся во взаимоотношениях сложности и противоречия, представители владетельских домов Дадиани и Шарвашидзе, временами, всё же находили общий язык и выступали совместно против иноземных завоевателей. Так было это в 1714г., когда «абхазы и мегрелы» заставили османский гарнизон покинуть Рухскую крепость.²⁰ В этот период абхазы по-прежнему активно подключались к политическим процессам в западной Грузии и поддерживали того или иного претендента на владетельский престол Одиши-Мегрелии. К примеру, в 1710г. владетелем Одиши вновь стал Гиорги IV Дадиани, прибывший из Абхазии, куда он был вынужден бежать в 1709г.²¹ В 1740г. абхазы были участниками имеретинской кампании Отии Дадиани, во время

которой Одишский владетель сжёг Варцихский дворец и едва не пленил царскую чету.²²

С 30-х годов XVIIIв. усиливается давление турков-османов на Абхазию. Фактически, именно в это время происходит окончательное покорение Абхазии и Джикети. С владетельского престола был свергнут Манучар Шарвашидзе, который вместе с младшими братьями Зурабом и Ширвани был увезён в Турцию.²³ Вернуть свои права на Абхазию дому Шарвашидзе удалось лишь путём принятия ислама, хотя Манучару, по-видимому, было запрещено возвращение в Абхазию и он довольствовался должностью Батумского бея. Ширвани стал Потийским пашой. В Абхазию возвратился лишь Зураб, который был назначен сухумским беем. По свидетельству одного сообщения, Зураб Шарвашидзе был принят абхазами с большим почётом; он был крещён в Илорском храме и объявлен владетельным князем.²⁴ Наследником престола Зураб Шарвашидзе объявил своего племянника – сына Манучара – Келаиш-Ахмед-бея, находившегося с малых лет заложником в Стамбуле. В Абхазию вернулся и другой племянник Зураба Шарвашидзе, сын Ширвани – Бекир-бей, которому новый владетель пожаловал Абжуйскую Абхазию.²⁵

Самурзаканский удел в XVIIIв., в отличие от других областей Абхазии, был больше интегрирован в западно-грузинскую политическую систему и более активно участвовал в происходивших в западной Грузии событиях. Так, например, в 1757г. самурзаканские абхазы, ведомые князем Хутуния Шарвашидзе, активно поддержали антиосманскую кампанию имеретинского царя Соломона I-го и в составе одишского войска выступили против турков. Хутуния Шарвашидзе стал героем Хресильского сражения. Он ворвался в глубь османского лагеря, лично заколол 16 воинов неприятеля и пал смертью храбрых.²⁶

В ногу с общей антиосманской конъюнктурой западногрузинских лидеров шёл и другой Самурзаканский владетель Леван Шарвашидзе, который в составе одишского войска принимал участие в осаде Потийской крепости 1771г., организованной русским экспедиционным корпусом под командованием ген. А. Сухотина. К этой антиосманской кампании подключился и Зураб Шарвашидзе, который при поддержке Левана Шарвашидзе восстал против турок и очистил Сухумскую крепость от них. Но впоследствии возникли разногласия между Зурабом Шарвашидзе и Леваном Шарвашидзе, и этот последний продал Сухумскую крепость туркам.²⁷

Активизация прорусской ориентации в Грузии, которая особенно проявилась в период русско-турецкой войны 1768-1774гг., заста-

вила Блистательную порту принять дополнительные меры для восстановления османского владычества в западной Грузии. С этой целью Турецкие правящие круги фактически инспирировали военное столкновение между представителями дома Шарвашидзе и Одишским владельцем Кацией II-м Дадиани. На помощь мегрельскому владельцу пришёл имеретинский царь Соломон I. Решающее сражение произошло в марте 1780г. на берегах р. Энгури, в окрестностях села Рухи, и оно завершилось победой объединённого имеретино-одишско-гурийского войска во главе с царём Соломоном I-м. Исследователи обратили внимание на относительную пассивность во время этой кампании владельца Абхазии Зураба Шарвашидзе, которого фактически вынудили выступить против мегрельского князя. Предполагают, что турецкие власти уже не доверяли Зурабу Шарвашидзе и основную ставку делали на Келаиш-бея Шарвашидзе, который и командовал объединённым абхазо-алано-джико-черкесским войском в Рухском сражении.²⁸

Поражение в Рухском сражении, по-видимому, обострило противоречия между владельцем Абхазии Зурабом Шарвашидзе и его племянником Келаиш-беем. Во вспыхнувшей в Абхазии междоусобице Зураба Шарвашидзе поддержал Кация II Дадиани, который направил абхазскому владельцу вспомогательный отряд под командованием своего брата Гиоргия Дадиани.²⁹ В результате Зурабу Шарвашидзе удалось сохранить за собой владетельский престол. Однако позже турки всё же свергли его и посадили на престол своего ставленника Келаиш-бея Шарвашидзе.³⁰

В 80-90-х годах XVIIIв. представители абхазского владетельского дома Шарвашидзе по-прежнему проявляют заинтересованность к политическим процессам в западной Грузии. Прежде всего, это относится к самурзаканским владельцам, которые всемерно пытались использовать любые осложнения в Одиши для того, чтобы освободиться от сюзеренитета дома Дадиани. Так, в 1788г., после смерти Кации II-го Дадиани, самурзаканцы выступили против Григола Дадиани, занявшего престол, и предложили имеретинскому царю Давиду Гиоргиевичу кандидатуру Манучара Дадиани – зятя самурзаканского владельца Левана Шарвашидзе. Вместе с тем, Леван Шарвашидзе выразил готовность признать сюзеренитет имеретинского царя. Давид Гиоргиевич поддержал инициативу Левана Шарвашидзе, изгнал Григола из Одиши и владельцем объявил Манучара Дадиани.³¹ Однако разгневанный Григол сумел отомстить имеретинскому царю. Он связался с претендентом на царский престол Давидом Арчиловичем, племянником Соломона I-го, выдал за него за-

муж свою сестру – Мариам, и, при поддержке картл-кахетинского войска, победил Давида Гиоргиевича.

Царём Имерети стал Давид Арчилович, назвавший себя в честь своего дяди, Соломоном II-м. Григол же вновь стал владельцем Мегрелии.³² Женившись на внучке Ираклия II-го – Нино Багратиони (дочери последнего картл-кахетинского царя Гиоргия XII-го), Григол ещё больше укрепил свою власть, и не только в пределах самого Одиши. В своих грамотах от 1790 и 1792гг. Григол Дадиани называет себя владельцем Абхазии, Сванети, Таквери.³³ Совершенно очевидно, что под Абхазией здесь подразумевается Самурзакано.³⁴ Лояльность Самурзакано к этому одишскому мтавару не должно вызывать сомнения. Об этом свидетельствует и тот факт, что в 1792г., когда Григол вновь был свергнут с престола, он нашёл убежище в Самурзакано. По словам современника этих событий историка Нико Дадиани, «Самурзаканские абхазы были недовольны тем, что их владетель (т.е. Григол Дадиани – **З.П.**) был нечестно изгнан», и помогали ему в борьбе против вчерашнего союзника Соломона II-го.³⁵

В 1794г. на помощь Григолу Дадиани, на этот раз всемерно стремившего вернуть на имеретинский царский престол Давида Гиоргиевича, пришёл и владетель Абхазии Келеш-бей Шарвашидзе, который со своим войском остановился в селе Хибула (в совр. Хобском р-не). Однако Келеш-бей, увидев, что исход противостояния фактически решён не в пользу Давида Гиоргиевича, не стал ввязываться в конфликт с имеретинским царём Соломоном II-м и возвратился в Абхазию.³⁶ В 1798г. Григол Дадиани всё же сумел вернуть себе владетельский престол, но конфликт с имеретинским царём этим не был окончательно урегулирован. В 1802г. Соломон II отнял у Григола Лечхуми. Одишский владетель вновь попросил помощь у Келеш-бея Шарвашидзе, который, по словам того же Нико Дадиани, «владел в то время всей Абхазией до Галидзга и пытался заполучить так же и **владения Дадиани – Самурзаканскую Абхазию**».³⁷ Владетель Абхазии потребовал у Григола Дадиани в качестве заложника наследника престола малолетнего сына – Левана, и только после исполнения этого требования выступил на помощь одишскому владетелю с 20-тысячным войском и 3-мя пушками. Однако и на этот раз Келеш-бей Шарвашидзе отказался от решающего столкновения с имеретинским царём и без боя покинул Мегрелию.³⁸

Таким образом, несмотря на всю нестабильность политической ситуации в целом и усиления турецкого давления, Абхазия в XVIII веке всё же не была оторвана от остальной Грузии и по-прежнему рассматривалась как составное звено западно-грузинской политиче-

ской и государственной системы.

Абхазия в начале XIXв. Установление Российского владычества. На рубеже XVIII-XIXвв. произошли существенные изменения в геополитической структуре Кавказа. Со II половины XVIIIв. Российская империя активно стала наращивать свое влияние в южном направлении и приступила к вытеснению Турции из Северного и Восточного Причерноморья. Грузинские политические образования и, прежде всего, Картл-Кахетинское и Имеретинское царства, видевшие в единой России покровительницу христианского мира, открыто поддерживали и всемерно поощряли военно-политическую активность Российской империи против Турции. Более того, во время русско-турецкой войны 1768-1774гг., по инициативе тогдашних лидеров Грузии: Картл-кахетинского царя Ираклия II-го и Имеретинского царя Соломона I-го, в Грузию вступил экспедиционный корпус, и впервые были осуществлены совместные военные действия против турецких оккупационных войск в Грузии.

Как уже отмечалось, политические лидеры тогдашней Абхазии не стояли в стороне от этих событий. Как указывал Г. А. Дзидзария, «прогрессивные элементы абхазской феодальной аристократии... поддерживали политику грузинских царей, направленную на союз с Россией».³⁹ Ярким подтверждением этого является уже приведённый нами факт участия самурзаканского владетеля Левана Шарвашидзе в осаде Потийской крепости. Известно также, что предварительно (1770г.) Леван Шарвашидзе, «стремясь избавить Абхазию от угрозы турецкой агрессии», вёл переговоры «о принятии Абхазии под покровительство России» с командующим русского экспедиционного корпуса ген. Тотлебенем. «Леван Шервашидзе, – пишет Г. А. Дзидзария, – находившийся в общем лагере русских и грузинских войск под стенами Поти, действовал по примеру грузинских царей, которые в этот период... были в союзе с Россией».⁴⁰ Со своей стороны, грузинские лидеры всемерно старались заинтересовать русскую дипломатию Абхазией. Вот, что писал российской стороне имеретинский царь в 1791г.: «Я, ведая о склонности сего народа (т.е. абхазов – **З.П.**), обнадеживаю, что они вскоре предадутся христианству и покровительству российскому».⁴¹

В начале XIXв., как уже было показано, имеретинский царь Соломон II всемерно стремился, ограничить власть одишского владетеля Григола Дадиани, который в своей борьбе против кутаисского престола неоднократно прибегал к помощи абхазского владетеля Келеш-бея Шарвашидзе. Однако Григолу Дадиани так и не удалось укрепить свои позиции, и он стал искать поддержку у российских

властей в Грузии. 2 декабря 1803г. в селе Чаладиди Григол Дадиани подписал договор с Россией и признал верховный сюзеренитет Российского императора. Вскоре, в октябре 1804г., Григол Дадиани внезапно скончался и Одишское княжество на время осталось без владетеля, так как наследник престола 12-летний Леван в то время находился заложником („აძაბათი“) при дворе владетеля Абхазии Келеш-бея Шарвашидзе, который за Левана требовал большой выкуп.

Возникла конфликтная ситуация, в которую вмешался главнокомандующий русскими войсками в Грузии ген. П. Цицианов, приказавший своему подчиненному ген. Рыкгофу немедленно выступить в сторону Сухуми и освободить мегрельского княжича. Испугавшись наступления русского отряда, Келеш-бей освободил Левана и этим самым конфликт удалось предотвратить.⁴² 9 июля 1805г. в селе Бандза российским императором Леван Дадиани торжественно был утверждён владетелем Мегрелии. В церемониале, наряду с представителями одишской аристократии, принимали участие Леван и Манучар Шарвашидзе, которые, официально подтвердив принадлежность Самурзакано «самодержавному таваду Мегрелии Дадиани», также присягнули на верность российскому императору.⁴³ Это означало вхождение Самурзакано, как неразрывной части Мегрельского княжества, в состав Российской империи.

Политический акт, совершённый в Бандзе, и особенно официальное признание российской стороной Самурзакано, как владение дома Дадиани, был прямым ударом по Келеш-бею Шарвашидзе, однако абхазский владетель счёл нужным не обострять отношения с Одиши-Мегрелией и 26 мая 1806г. направил дружественное послание Нино Багратиони-Дадиани, матери нового владетеля Одиши Левана V-го Дадиани, которой до совершеннолетия юного владетеля по распоряжению императора было поручено управление княжеством. «Быть мне твоим доброжелателем и врагу твоему врагом, а другу другом», * – писал владетель Абхазии Нино Багратиони, к которой он обращается не иначе, как «госпоже Грузинского царя дочери царице Нине» („საქართველოს მეფის ასულის დედოფალის ბიბოს“).⁴⁴ Этим самым Келеш-бей Шарвашидзе фактически признал Самурзакано за одишским князем. В это время происходит дальнейшее сближение двух владетельских домов, олицетворением чего явился новый династический брак. Один из сыновей Келеш-бея Шар-

* „ჩვენ შენი კარგის მდომი ვიქმნეთ და თქვენს საზიანოსა და დასამდაბლებელ საქმეშიდ არ შევიდეთ და არც შემეძლოს; შენი კარგის მდომი ვიქმნე და შენი მტრის მტერი ვიქმნე, მოყვარისა მოყვარე ვიქმნე“.

вашидзе Сафар-бей, получивший после крещения имя Гиоргия, обвенчался с дочерью Кации Дадиани и сестрой Григола – Тамар. Этот шаг абхазского владетельского дома явно следует рассматривать, как средство сближения абхазского лидера с Российской империей.

Но взоры на Россию Келеш-бей Шарвашидзе обратил еще раньше. В 1803г. уполномоченные одишского владетеля Каихосро и Ростом Квинихидзе сообщали ген. П. Цицианову о желании Келеш-бея принять российское покровительство.⁴⁵ Однако тогда российское руководство, во избежание осложнений с Блистательной Портой, воздержалось от форсированного принятия Абхазии в лоно Российской империи.

В 1806г., накануне начала русско-турецкой войны, «Абхазский вопрос» вновь стал актуальным для русской дипломатии. При решении этого вопроса Петербург решил действовать посредством владетельницы Мегрелии Нино Дадиани. К этому времени накалились взаимоотношения между владетелем Абхазии и Стамбулом, что было вызвано тем, что Келеш-бей Шарвашидзе не выдал турецким властям опального Таяр-пашу.⁴⁶ Непослушание Келеш-бея вызвало недовольство турецкого руководства и едва не привело к серьёзному военному столкновению. С этого времени, как отмечает современник этих событий, Келеш-бей больше «повелений султана не исполнял...». Кризис, вызванный историей Таяр-паши, напугал владетеля Абхазии и заставил его искать помощь у России. По инициативе Келеш-бея был созван народный сход, на котором было одобрено решение владетеля, принять российское покровительство.⁴⁷

После начала Русско-турецкой войны в конце 1806г., российское военное командование потребовало от Келеш-бея Шарвашидзе выступить войском и занять Потийскую крепость, начальником которой султаном был назначен родственник Келеш-бея – Кучукбей Шарвашидзе. Но владетель Абхазии воздержался от выполнения этого задания, хотя при этом он не позволил туркам высадиться на территории Абхазии и использовать её в качестве плацдарма для ведения активных военных действий в западной Грузии.⁴⁸

Порта не простила владетелю Абхазии такое предательство и организовала заговор против него. 2 мая 1808г. Келеш-бей был убит собственным сыном Аслан-беем, который занял Сухумскую крепость и объявил себя новым владетелем. Это резко обострило ситуацию в Абхазии. Против Аслан-бея выступил Сафар-бей (Гиорги), объявленный своим отцом наследником престола, однако он своими силами не сумел освободить Сухумскую крепость и обратился к владетельнице Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани с просьбой по-

ходатайствовать перед императором об установлении российского покровительства над Абхазским княжеством. При этом Гиорги Шарвашидзе явно давал понять одишскому владельческому дому, что он не будет претендовать на Самурзаканский удел.

Об этом прямо свидетельствует титулятура Сафар-бея-Гиоргия из его же послания к Нино Дадияни: «Я владетель и державец внутренних мест абхазов и наследник Зуфу и Цебела» („მე, მთავარი და მკურობელი აფხაზთა უშინავანესი ადგილებისა და მემკვიდრე ზუფუსა და წებელისა“).⁴⁹ Т.е. Гиорги Шарвашидзе не называл себя владетелем всей Абхазии, коим, без сомнения, считал себя его отец Келеш-бей Шарвашидзе, а конкретно указывает на пределы своего владения, куда неслучайно не вошло Самурзакано. Трудно представить, что Гиорги Шарвашидзе так просто и окончательно мог отказаться от Самурзаканского удела. Впоследствии, во времена Михаила Шарвашидзе, как известно, Самурзакано вновь стало камнем преткновения между абхазскими и мегрельскими князьями, однако, на этом этапе, когда Гиоргию Шарвашидзе была нужна серьёзная поддержка владельческого дома Дадияни, он дипломатично, несколько завуалировано, сделал акцент на то, что он не является владетелем всей Абхазии.

Со своей стороны Нино Дадияни также воспользовалась возникшей ситуацией и лишний раз подтвердила «исторические права» Одиши-Мегрелии не только на Самурзакано, но и на всю Абхазию в целом, и этим стала обосновывать необходимость распространения российского протектората и над Абхазией. Вот что писала она российскому императору по этому поводу: «Итак, самодержавнейший Государь, ныне время удобное принять (подразумевается владельческий дом Абхазии – **З.П.**) под Ваш покров ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш, да и прежде находился под рукою нашего владения» („მარჯვე ები არს მიღებად საფარველთა თქვენსა ქვეშე ვინადგან არს წევრი და მეზობელი ჩვენი და უწინარესვე ხელთა ქვეშე სამთავროთა ჩვენთა მეოფი“). Владетельница Мегрелии, в том же послании Российскому императору, особо подчёркивала, что «соседственные несогласия вывели Абхазию из нашего владения, но издревле Никопсия была наследственной столицей Дадияни Левана и его предков и покойный Кация Дадияни, отец новопреставленного Григория Дадияни, взимал с Абхазии дань и она есть член мингрельского владения, почему удобно может быть принята под Ваше единоедержавие» („და არს უკვე წევრი სამეგრელოსა, რომლისათვის მარჯვედ მისადებელ არს მონარხობი-

სა დოჯრ თჳჯგობსა“).⁵⁰

До решения вопроса о принятии абхазского владетельского дома под покровительство Российской империи, владетельница Мегрелии сама оказала военную помощь Гиоргию Шарвашидзе, направив в Абхазию мегрельскую дружину под командованием уже упомянутого нами Нико Дадияни, оставившего, кстати, документальное повествование об этих событиях. Однако объединённым мегрело-абхазским войскам в августе 1808г. не удалось одолеть сопротивление сторонников отцеубийцы Аслан-бея Шарвашидзе и освободить Сухумскую крепость, хотя Аслан-бей был вынужден освободить вдову Келеш-бея – Ребия Маршания и её сына – Батал-бея.⁵¹ Следует отметить, что Аслан-бея поддержали потийский комендант Кучукбей Шарвашидзе, а также горцы – триста человек.

Неудачная попытка овладеть Сухумской крепостью убедила Гиоргия Шарвашидзе в необходимости подписания «*просительных пунктов*». Тем временем, регулярные российские войска под командованием генерала Димитрия Орбелиани в ноябре 1809г. заставили Кучукбея Шарвашидзе сдать потийскую крепость. А уже 17 февраля 1810г. император Александр I утвердил «*просительные пункты*» Гиоргия Шарвашидзе и специальной грамотой подтвердил принятие абхазского владетельского дома «под верховным покровительством державою и защитою российской империи».⁵² 8 июня 1810г. в окрестностях Сухуми был высажен «прибывший из Севастополя русский десантный отряд», который вместе с регулярными частями Димитрия Орбелиани 10 июня освободил крепость. А в октябре 1810г. в Сухуми тот же генерал Димитри Орбелиани торжественно вручил Гиоргию Шарвашидзе «высочайшую грамоту и знаков владельческих» и этим самым официально провозгласил его владетельным князем Абхазии.⁵³

Таким образом, с 1810г., с установления российского протектората над абхазским владетельским домом, Абхазия, наряду с другими грузинскими политическими образованиями – Картл-Кахетинское царство, Имеретинское царство, Мегрельское княжество, официально вновь оказалось в едином со всей Грузией государственном пространстве. При этом особо следует отметить, что абхазские лидеры в это время открыто демонстрировали свою принадлежность к общегрузинскому культурно-политическому миру.

Ярким подтверждением сказанного является тот факт, что «переписка, как и вообще переговоры абхазских владетелей с Россией, осуществлялась на грузинском языке».⁵⁴ В этой связи, в пример можно привести подготовку официального прошения о намерении

Гиоргия Шарвашидзе принять российское покровительство, подписанного им и поддерживавшими его абхазскими князьями 12 августа 1808г. Текст этого документа, – пишет известный грузинский учёный-историк Г. Г. Пайчадзе, – был составлен по образцу, выработанному Министерством иностранных дел... с учётом конкретных местных условий. Затем он был переведён на **грузинский язык и оформлен как подлинник**, т.е. подписан и заверен печатью Гиоргия, а также абхазскими князьями, и с приложением русского текста представлен как официальный документ. «Во всём этом, – заключает Г. Г. Пайчадзе, – помимо практической необходимости, был и определённый политический смысл». ⁵⁵ Т.е. оформлением своего официального документа именно на грузинском языке, ⁵⁶ абхазский владелец совершенно однозначно показывал российской стороне, да и всему мировому сообществу также, какой национально-государственный и культурный мир представляло Абхазское княжество в международных отношениях в начале XIXв.

Российская дипломатия также придавала большое значение исторической стороне вопроса. Т.е. принимая Абхазию в лоно Российской империи, высокопоставленные деятели царской администрации однозначно рассматривали её как частицу общегрузинского политико-государственного организма и этим обосновывали необходимость включения Абхазии, наряду с другими грузинскими единицами, в состав Российской империи. Наглядным свидетельством в этом плане может служить донесение генерала Павла Цицианова в Санкт-Петербург графу А. Воронцову от 27 октября 1803г.: «Между тем, долгом почитаю коснуться здесь истории сего Келеш-бека (т.е. Келеш-бея Шарвашидзе – **З.П.**) – его владения. В 15-ом веке, а именно до 1414 года от Рождества Христова, когда Иверия не была разделена, он Келеш-бек известен был по имени **Шарвашидзе: владение его составляло одну из провинций Иверии**». ⁵⁷

Принадлежность абхазского владетельского дома к грузинскому христианскому миру подчёркивал в своем послании к графу Салтыкову и другой главноуправляющий Кавказа – генерал Гудович в 1809 году (3 марта): «С давних времен владетельные князья Абхазии происходят из фамилии Шарвашидзе и предки их были христиане, но дед **Сефер Али-бека отложась от зависимости Имерети и поддавшись Порте Оттоманской**, принял вместе с ним и магометанский закон». ⁵⁸ Как уже было отмечено, со своей стороны и абхазские лидеры всемерно афишировали свою принадлежность к общегрузинскому культурно-политическому миру, о чём наглядно свидетельствует приведённый нами выше факт подготовки «проси-

тельных пунктов» и церемониал его подписания со стороны владельца Абхазии и его подданными.

Об отношении отдельных членов дома Шарвашидзе к грузинскому культурно-политическому и государственному миру яркое представление даёт также послание Самурзаканского владельца Манучара Шарвашидзе к генералу Павлу Цицианову от 26 ноября 1804г.: «Издавна я был покорен Дадияни Григорию: по его приказанию подписал пункты... **Так как наша земля зависела от Дадияни и составляла часть его владения до смутного времени** и над нею ни прежде, ни теперь не было господство ни Оттоманской Порты, ни Келеш-бека» („ადრიდანვე უფლის დადიანის გრიგოლის დამორჩილებულ ვიყავ და ბრძანებითა მისითა პუნქტსა თქვენ მიერ წარმოგზავნილსა ხელი მოვაწერე... **ვინადგან ქვეყანა ჩვენი იყო ზედ-მოკიდებულ დადიანისა კერძო ვიდრე აშლილობისა ჟამამდე და არა აქვინდა უფლება, არცა უწინარეს და არცა ამას ჟამსა, არც პორტსა ათმანისა და არც ქელაშბეგსა**“).⁵⁹

Тот факт, что представители абхазского владетельского дома Шарвашидзе (и не только из Самурзаканского удела) в начале XIXв. по-прежнему оставались в ареале общегрузинской социально-политической системы и грузинской книжности, наглядно подтверждается посланием владетельного князя Келеш-бея Шарвашидзе своему племяннику Сосран-беку Шарвашидзе от 20-го мая 1806г., написанное на грузинском языке. «Сье рукописание даю тебе, моему племяннику Бекирбекову сыну Сосранбеку, в том, что между нами вышло неудовольствие и ты явился к генерал-майору Рыкгофу, и к госпоже царице (владетельнице Мегрелии – Нино Багратиони-Дадияни – **З.П.**). Ея светлости угодно было помирить с тобою; и она сама (Нино Багратиони-Дадияни – **З.П.**) пожаловала к нам... и помирили нас так, что какия места и вотчины, каких крестьян и служителей имел твой отец, или какое было у него имущество, – всё отдано нами вам, четырём братьям, с отцовскими местами и вотчинами; **каков порядок господства и крестьянства**, так заставь служить своих крестьян и имей их по твоей воле, не опасаясь от меня быть ни убитым, ни арестованным, ни выданным через подосланного человека, если с твоей стороны не обнаружиться какого-либо вреда. Сье письмо мною никогда не будет нарушено...» („ესე ხელწერილს გაძღვე შენ, ჩემს ძმისწულს ბეკირბეგის შვილს სოსრანბეგს, ასე რომ მე და შენ შევევლძვირდით და ღენერალ-მაიორ რიქხოფს და ბატონ დედოფალს ეახელი; აწ ამათმან უგანათლებულესო-

ბამ ინება ჩვენი და შენი გარიგება და თავათ დედოფალი მობრძანდა... და გაგვარიგეს, ასე რომ რაც მამა შენს ბეჭირბეგს ადგილ-მამული, ყმა და მოსამსახურე ჰყავდა, ან რაც ჰქონდა, სრულათ ოთხივე ძმებისათვის მოგვიცემია მამიშენისეული ადგილ-მამული; კიდევ როგორც **რიგი არის ბატონყმობისა**, ისე თავის ყმა იმსახურე და შენდა ნებად გყვანდეს, და ჩემგან არც სიკვდილით, არც დაჭერით, არც კაცის შეწყენილობით ფიქრი არ გქონდეს, თუ ცხადად შენგან ვნება არ გამოცხადდეს რა...“).⁶⁰

Приведённый нами документ представляет научный интерес во многих отношениях, однако, на этот раз для нас важно то, что эта расписка составлена по всем нормам составления аналогичных документов, выработанных в средневековой Грузии. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что подобного рода юридический документ составляется не в Самурзакано – регионе более привязанном к остальной Грузии, а при дворе Абхазского владетеля, считавшегося в это время «истинным мусульманином», а также и на то, что в тогдашней Абхазии в целом функционировала та же феодально-крепостническая система („**რიგი ბატონყმობისა**“), что и в других регионах Грузии. Всё это лишний раз доказывает, что несмотря на произошедшие в позднем средневековье в Абхазии изменения, вызванные новым наплывом горских племён, носителей первобытно-общинных устоев, она по-прежнему оставалась частицей грузинской феодальной страны.

Глава VII

АБХАЗСКОЕ КНЯЖЕСТВО В I ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Социально-политическое положение Абхазского княжества в 10-20-х годах XIX в. Как уже было показано, в начале XIX в. Абхазское княжество, в целом, по-прежнему оставалось органической частью общегрузинской феодальной социально-политической системы и здесь, в основном, господствовали те же феодально-крепостнические порядки, что и в других регионах Грузии. Однако были и существенные различия, явно связанные с некоторым оживлением первобытных устоев, вызванных, как уже неоднократно подчёркивалось, новым наплывом горских племён в позднем средневековье. В этом плане, главной особенностью считают наличие сельской общины – *«акыта»*, которая по своему значению была нечто больше, чем обычная община. Её рассматривают, как промежуточное звено между феодальной единицей и общиной. Акыта, фактически, была основой общественного строя, а вся Абхазия была разделена именно на эти сельские общины. Община-акыта была также своего рода административной единицей, которая по своей сути и структуре явно напоминала грузинское *«сатавадо»* (феодалная сеньория в позднесредневековой Грузии). Она состояла как из привилегированных князей-тавадов (по-абхазски *«атауад»*) и дворян (по-абхазски *«аам-ста»*), так и из свободных и несвободных производителей: *«анхаю»*, *«ахою»* (в Самурзакано – *«дольмахоре»*), *«амацуразку»*, *«ахашвала»*. Промежуточное положение между феодальным сословием и высшей категорией крестьянства занимали *„Добс҃҃дс“*, или по-абхазски – *«ашинакума»*.

Главой акыты являлся *«атауад»* («тавади-князь»), которого звали *«ахилатиу»* (патрон, покровитель), а члены акыты представляли собой *«хити»*, или те, которым следует покровительствовать. Акыта была полунезависимой единицей, в которой господствовало обычное право. Она сильно ограничивала власть как тавадов, так и мтавара – владетельного князя, которого абхазы звали *«ах»*. Власть владетеля ограничивалась общенародными собраниями-сходами. Номинальной была власть владетельного князя по отношению представителей боковой ветви дома Шарвашидзе, а также других тавадских фамилий. Вместе с тем, в Абхазии, также как и в других регионах Грузии, была чёткая феодальная иерархия: князья, как правило, имели зависимых от себя дворян. Это обстоятельство, по наблюде-

нию проф. Г. А. Дзидзария, находило своё отражение в бытовавшем выражении: «Тавад, не имеющий аамста, – не есть тавад».¹

Говоря о социальном устройстве абхазского феодального общества, нельзя не обратить внимания на то, что абхазские названия отдельных сословий непосредственно исходят из грузинской социальной терминологии. В этом плане, особо следует отметить появление понятия «*тавади*», или по-абхазски – «*атауад*». Как известно, тавади это высший слой грузинского феодального сословия в позднем средневековье. Раньше феодальный класс в целом в Грузии обозначали термином – «*азнаури*». Однако этот термин по всей Грузии распространение получил на книжном официальном уровне, в народе же были и свои местные понятия. Мы имеем в виду, прежде всего, мегрельский термин «*жиноскуа*» и абхазский термин «*аамста*».

Наличие у мегрелов и абхазов местных терминов, обозначающих слой азнауров-дворян, говорит о том, что эти социальные категории появились ещё в раннем средневековье, до того, как западная Грузия – Эгриси, Абхазия – включилась в общегрузинскую феодальную структуру. В XV же веке, когда в основном оформилась система «*сатавадо*», и когда Восточная и Западная Грузия, включая, естественно, территорию современной Абхазии, давным-давно представляли собой единый феодальный мир, уже не было необходимости выдумывать свои термины для обозначения оформившегося в это время нового феодального сословия. Вот почему, как в Мегрелии, так и Абхазии, распространение получило общегрузинское понятие «*тавади*». В этой связи решающим было то обстоятельство, что возведение в ранг тавада являлось прерогативой царской власти и оформлялось соответствующей царской грамотой. Исходя из этого, абхазские тавади, естественно, считали себя представителями общегрузинской феодальной аристократии. Наиболее примечательным в этом плане является известное изречение Александра Шарвашидзе: «Я не абхазский, а грузинский князь».²

Теперь же вернёмся к политическим событиям. Установление российского протектората над Абхазским княжеством, которое, фактически, было достигнуто путём военной агрессии и оккупации края (во всяком случае, так это было воспринято значительной частью абхазов), вызвало серьёзные политические осложнения. Аслан-бей Шарвашидзе, потерпевший поражение в борьбе за владетельский престол, упорно стремился к реваншу. В своей борьбе за власть он всецело опирался на протурецки настроенных феодалов и поддерживавших их достаточно широких слоёв абхазского населения. Со своей стороны, и Порты довольно бесцеремонно выступала против

военного присутствия России в Абхазии. В конце 1813г. турки даже ввели войска в Абхазию. Однако Гиоргию Шарвашидзе, при поддержке мегрельского и гурийского князей, удалось отбить неприятеля. Несмотря на этот успех, Гиоргию Шарвашидзе, который, кстати, за проявленную в борьбе с турками военную доблесть был удостоен чина генерал-майора российской армии,³ так и не удалось укрепить свою власть. Здесь, как раз, и сыграла немаловажную роль та специфика общественного устройства позднесредневековой Абхазии, о которой говорилось выше, и которая почти исключала существование сильной центральной власти владетельского дома. Власть Гиоргия Шарвашидзе всецело опиралась на российские штыки, а также на решительную поддержку со стороны мегрельского владетельского дома Дадиани.

В 10-20-х годах XIXв. шло почти перманентное противоборство между сторонниками курса Гиоргия Шарвашидзе и поддерживавшими Аслан-бея протурецки настроенными кругами. В феврале 1821г., после кончины Гиоргия Шарвашидзе, разразился острый политический кризис, который перерос в открытый антирусский военный мятеж. Княжеский престол должен был занять старший сын Гиоргия – Дмитрий (Омар-бей) Шарвашидзе, который в то время обучался в Санкт-Петербурге, в императорском пажемском корпусе. Воспользовавшись отсутствием наследника престола, некоторые абхазские князья попытались провозгласить владетелем брата Гиоргия – Гасан-бея Шарвашидзе. Но этому воспрепятствовал владетель Мегрелии Леван V Дадиани, который склонил ген. А. Вельяминова, исполнявшего в то время обязанности главнокомандующего российскими войсками на Кавказе, передать власть вдове Гиоргия Шарвашидзе – Тамар Дадиани, родной тётке (მამიდა) Левана. В результате, по приказу ген. А. Вельяминова, Гасан-бей Шарвашидзе был арестован и выслан в Сибирь.⁴

Этот факт был оценён в Абхазии как настоящий произвол российских военных властей и вызвал резкий протест среди местного населения. Началось довольно крупное антирусское восстание, во главе которого оказался Аслан-бей Шарвашидзе. В ответ, в Абхазию был переброшен экспедиционный корпус ген. М. Горчакова, который самым жестоким образом расправился с мятежными абхазами. По сведениям участника экспедиции, неоднократно упоминаемого нами известного историка Нико Дадиани, российские регулярные войска «совершенно сожгли и опустошили Сухуми и его окрестные деревни, не пощадив даже дворца владетельных князей».⁵

Действия ген. М. Горчакова, этого «усмирителя абхазов», настоящего сатрапа российского режима на Кавказе, получили совершенно справедливую оценку в трудах Г. А. Дзидзария.⁶

Несмотря на то, что Дмитрию Шарвашидзе, благодаря русским штыкам, удалось занять владетельский престол, кризис, в целом, не удалось преодолеть. Абхазы так и не смогли простить новому владетелю то, «что он, – как писал известный русский историк А. В. Фадеев, – появился на родине вместе с карательным отрядом».⁷ В конце концов, Дмитрий стал жертвой заговора и был отравлен (это сделал крестьянин Урус Лакоба, которого повесили по приказу главнокомандующего на Кавказе ген. А. Ермолова⁸) на первом же году своего правления – в октябре 1822г. Новым владетельным князем был провозглашён младший брат Дмитрия – одиннадцатилетний Мхеил Шарвашидзе.

Возведение на владетельский престол Мхеила Шарвашидзе не положило конец политическому кризису. Протурецки настроенные силы продолжали оказывать активное сопротивление русским войскам. Особенно обострилась ситуация в 1824г., когда, по словам главнокомандующего на Кавказе ген. А. П. Ермолова, «пламя бунта вспыхнуло вдруг по всей Абхазии».⁹ Абхазские повстанцы порой наносили серьёзный урон российским регулярным войскам. Так, например, в ответ на сожжение русским карательным отрядом села Акапа, жители этой деревни «напали на карательный отряд и разгромили его, при этом был убит начальник отряда подполковник Михин».¹⁰ Этот успех акапских крестьян стал сигналом начала мощного антирусского восстания по всей Абхазии. По сообщению одного из современников, «выступление абхазов никогда еще не начиналось с таким единодушием как ныне».¹¹ На помощь к восставшим пришли родственные горские племена садзов и убыхов. Повстанцы атаковали Лыхны и Сухуми.

В Абхазию вновь был направлен отряд ген. М. Горчакова. Вместе с российскими регулярными частями (до 2-х тысячи солдат) в Абхазию двинулось и мегрельское ополчение (1300 всадников).¹² Участие мегрельской дружины на стороне российских оккупационных сил было обусловлено стремлением владетельского дома Дадиани не допустить приход к власти в Сухуми ставленника Оттоманской Порты Аслан-бея Шарвашидзе, и любым способом обеспечить пребывание на владетельском престоле представителей дома Гиоргия Шарвашидзе. Это было очередным проявлением покровительства над сыновьями Гиоргия Шарвашидзе со стороны Мегрельского владетельского дома. Раньше, как известно, особую заботу о

другом сыне Гиоргия – Дмитрие проявила владетельница Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани, при дворе которой воспитывался будущий владетель Абхазии под её непосредственной опекой. Интересно, что именно она забрала своего воспитанника в Санкт-Петербург, где он был зачислен в Императорский пажецкий корпус.¹³

Русским войскам приходилось двигаться вглубь Абхазии, встречая упорное сопротивление абхазских повстанцев. Ген. М. Горчакову, которому главнокомандующим на Кавказе ген. А. П. Ермоловым было предписано действовать в Абхазии «огнем и мечом.., щадя лишь дом владетеля»,¹⁴ хотя и с большим трудом, но всё же удалось подавить восстание. Аслан-бей Шарвашидзе сбежал в Турцию. Однако молодому владетелю Михеилу Шарвашидзе также пришлось на несколько лет покинуть пределы княжества.

Абхазское княжество в 30-х годах XIXв. Восстание 1824г. толкнуло российских властей на более решительные действия против мятежных абхазов, а также других горцев. Царская администрация успешно начала претворять в жизнь наказ императора Николая I-го, данный им в рескрипте на имя главнокомандующего на Кавказе графа И. Ф. Паскевича, в котором прямо требовалось «усмирение навсегда горских народов или **истребление непокорных**».¹⁵ Гроза Кавказа ген. А. П. Ермолов также призывал к самым жестоким мерам по отношению кавказских народов «в лице абхазов», которых он называл «**дикими хищными**».¹⁶ Г. А. Дзидзария, капитально и, главное, объективно исследовавший политику Российской империи на Кавказе, в своей фундаментальной монографии о махаджирстве абхазов приводит также весьма примечательное в этом плане сообщение из одного официального документа, в котором говорится о том, как ген. Засс «решился... предпринять движение для истребления абхазского аула Гурмая, лежащего у вершин Ходза».¹⁷ Несмотря на огромное усилие царской администрации, режим Михеила Шарвашидзе устанавливался с большим трудом. В 1830г. отказались повиноваться владетелю собравшиеся в селе Мерхеули 4 тысячи вооружённых крестьян.¹⁸

Для установления полного государственного контроля над непокорными горскими племенами, российскими властями был разработан целый пакет мероприятий на Кавказе, среди которых значительное место отводилось т.н. «Абхазской экспедиции», что подразумевало «овладение побережьем Абхазии и установление прямого сухопутного сообщения между Сухуми и Анапой».¹⁹ Этот план был осуществлён в 1830-1831гг. лишь частично – в пределах Сухуми и Гагры. Большую помощь российским властям в этом деле оказал Ми-

хеил Шарвашидзе. Несмотря на это, в тот период русским не удалось продвинуться в северном направлении выше Гагры из-за упорного сопротивления абхазских и убыхских ополченцев. Лишь спустя некоторое время – в 1837-1839гг. – царская администрация завершила строительство укреплений между Гагрой и Анапой и этим самым создала «единую систему Черноморской береговой линии, которая тянулась от устья реки Кубань до поста св. Николая (Шекветили) у устья реки Супса».²⁰

С созданием Черноморской береговой линии, можно сказать, что покорение Абхазии Российской империей фактически было завершено. На этом пути важной вехой стала военная экспедиция в Цебельду в 1837г., которой непосредственно руководил главнокомандующий на Кавказе барон Г. В. Розен. Как указывает Г. А. Дзидзария, российские регулярные части «здесь действовали чрезвычайно жестоко, огнём артиллерии уничтожая целые селения, тем самым еще сильнее возбуждая ненависть» местного населения, «которое оказывало поистине героическое сопротивление».²¹ Владетели Цебельды – представители княжеского рода Маршания, фактически возглавлявшие в этот период антирусский фронт в Абхазии, в конце концов, сложили оружие и были вынуждены «присягнуть на верность» Российской империи.

Однако в 1840г. началось новое мощное антирусское восстание, которое охватило почти всё абхазское побережье. Главные события опять же происходили в районе Цебельды, где борьбу против русской администрации возглавили Дальский князь Шабат Маршания и его брат Эшсоу. В ответ, российское командование подготовило новую военную экспедицию в сторону Дальского ущелья, в которой активное участие приняли и отдельные представители рода Маршания, а также некоторые другие абхазские феодалы во главе с владетелем Абхазии Михеилом Шарвашидзе. В Цебельде вновь был установлен государственный порядок.²² В ноябре-декабре 1840г. российские власти пошли на более решительные действия уже для «усмирения» Дала. Во главе этой новой военной экспедиции был поставлен полковник Н. Муравьев, занимавший тогда должность начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии. Этот «поход» поддерживали и многие абхазские феодалы. Местное население оказало героическое сопротивление российским регулярным частям. Как отмечал в своём рапорте Н. Муравьев «жители, отступая, сами жгли свои жилища», а что оставалось несожжённым, уничтожалось войсками, движение которых «сопровождалось совершенным истреблением всех жилищ и имуществ».²³

В историографии, в частности в трудах проф. Г. А. Дзидзария, антирусские выступления в Абхазии начала 40-х годов XIXв. совершенно обоснованно увязываются с событиями, происходящими в этот период в других регионах Грузии, прежде всего, с антирусским мятежом в Гурии 1841г. Известно, что абхазы фактически бойкотировали призыв Михеила Шарвашидзе и помешали ему собрать должное число ополченцев, которых, по требованию русской администрации, владельцу Абхазии следовало направить в Гурию против повстанцев. Вместе с тем высшие чины российского командования на Кавказе совершенно обоснованно опасались распространения восстания за пределами Гурии и они явно не скрывали свое удовлетворение тем, что в целом удалось локализовать это восстание.²⁴ Однако полностью успокоить Абхазию русской администрации в 40-х годах XIXв. так и не удалось.

Попытки приобщения абхазов в общегрузинское национально-освободительное движение имели место и до Гурийского восстания 1841г. Так, например, в 1819-1820гг., когда вспыхнуло крупное восстание в Имерети, охватившее затем и Мегрелию и Гурию, царская администрация на Кавказе серьёзно и совершенно обоснованно опасалась подключения абхазов к восстанию. По свидетельству французского путешественника и купца Поля Гибалья, находившегося в то время в Абхазии, в Сухуми и его окрестностях состоялось около 8 народных собраний («сеймов»), на которых «вопрос шёл о беспорядках в Мегрелии и Имерети. Целью сейма было узнать, нужно или нет присоединиться к восставшим... Большинство участников сейма было за войну».²⁵ Следует также отметить, что именно в Абхазии нашёл убежище Гиорги Дадиани, младший брат владельца Мегрелии Левана V-го Дадиани, возглавивший во время восстания 1819-20гг. «антирусский фронт» в Мегрелии.²⁶

Есть и другие примеры солидарности абхазов с антироссийскими акциями в Грузии первой трети XIXв. Наиболее примечательным в этом отношении является непосредственное участие младшего брата владельца Абхазии Михеила Шарвашидзе – Константина в известном заговоре грузинского дворянства 1832г. Константин Шарвашидзе, проходивший после окончания Пажеского корпуса военную службу в Нижегородском драгунском полку, расквартированном в окрестностях Тбилиси, оказался в числе заговорщиков не случайно. Он еще в Санкт-Петербурге вращался в среде представителей высшей грузинской аристократии, в числе которых были Вахтанг и Александр Орбелиани, Элизбар Эристави и др., которые впоследствии стали руководителями заговора 1832г. По сообщению известно-

го военного историка В. А. Потто, «в числе заговорщиков оказался один из нижегородских офицеров... князь Константин Шарвашидзе. Передавали шёпотом, что арестован и князь Александр Гарсеванович Чавчавадзе, как один из вождей готовившегося восстания... Слухи подтвердились. Чавчавадзе и Шарвашидзе были действительно арестованы».²⁷

Вместе с тем, говоря об антироссийских настроениях как в Грузии в целом, так и в Абхазии конкретно, нельзя не отметить, что по своей сути, антироссийские выступления в Абхазии всё же принципиально отличались от аналогичных акций в других регионах Грузии. Грузия, как православно-христианская страна, отнюдь не была против союза с единой Россией. Наоборот, известно, что грузинские лидеры исторически всегда возлагали большие надежды на помощь России в своей борьбе против восточно-мусульманского мира и связывали будущее своей страны именно с Россией. Своего рода политическим идеалом грузинской политической элиты в XIX в. являлись условия Георгиевского Трактата 1783 г., обеспечивавшие, как известно, сохранение, хотя в несколько урезанном виде, национально-государственного суверенитета. Исходя из этого, буквально все выступления в Грузии в первой половине XIX в. ставили своей целью не полный разрыв с Россией, а лишь восстановление национальной государственности – в виде своего рода автономии – в пределах единого с Россией государственно-политического пространства. Абхазский владетельский дом, как это было показано, также, в целом, поддерживал пророссийскую ориентацию грузинских лидеров.

Однако, в отличие от других регионов Грузии, в Абхазии с самого начала достаточно сильны были антирусские настроения, которые всемерно подогревались Османской Портой. Произшедшие в позднем средневековье этнодемографические изменения – приток новой волны джико-абхазских горских племён, занявших большую часть территории современной Абхазии и существенно изменивших, как уже неоднократно отмечалось, социально-культурный облик некогда процветавшего христианского региона, а также более прочное утверждение османского влияния, особенно выразившегося в принятии определённой частью абхазского населения ислама, создали здесь несколько иную ситуацию. Борьба абхазов против Российской империи носила непримиримый, антагонистический характер и, главное, она стала частью т.н. «священной войны» («*Газавата*»), которую упорно вели на протяжении нескольких десятилетий горские народы Северного Кавказа под руководством имама Шамиля. Несмотря на то, что эта борьба горцев-кавказцев против царской

России, безусловно, носила освободительный характер, она целиком и полностью отвечала экспансионистским устремлениям Турции, всемерно стремившейся вытеснить Российскую империю из Кавказа и вернуть своё утраченное политическое и идеологическое влияние в регионе.

В противостоянии между Россией и Турцией, Абхазия изначально рассматривалась как плацдарм, имеющий важное стратегическое значение, и каждая из сторон пыталась использовать её для утверждения своего влияния на Северо-западном Кавказе. Весьма характерным в этом плане является оценка стратегической функции Абхазии, данная известным деятелем царской администрации на Кавказе, генералом П. Усларом: «В общей системе Кавказской военной политики, – писал он. – Абхазия играет весьма важную роль. Страна эта вместе с Цебельдой на большом протяжении границ своих соприкасается с землями непокорных черкесов, врезываясь в наименее доступные части Кавказа. Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесию».²⁸

Значение Абхазии особенно возросло после начала (в 1834г.) Кавказской войны. Видимо это обстоятельство заставило российские власти ускорить окончательное покорение Абхазии, которое, как уже отмечалось, и было, в целом, достигнуто в 1837 и 1840гг., в результате успешно проведённых военных экспедиции в районе Цебельды и Дала. Взятие под свой контроль почти всей Абхазии российскими регулярными войсками, внешне, конечно, выглядело, как забота о распространении власти владельца Абхазии на непокорные ему области. Однако, с другой стороны, это стало и началом конца правления Михеила Шарвашидзе, который, с этого времени, всё больше начинал сомневаться в благих намерениях российской военной администрации.

«Самурзаканский вопрос» и обострение отношений между Абхазским владетельским домом и русской администрацией на Кавказе. Примерно с начала 40-х годов XIXв. владетель Абхазии Михеил Шарвашидзе всё меньше стал доверять российским властям. Прежде всего, это было связано с той обидой, которую испытывал владетельный князь Абхазии в связи с несправедливым, на его взгляд, решением «Самурзаканского вопроса». В 1840г. по решению российских властей Самурзакано было отобрано у владетельского дома Дадиани за определённое денежное вознаграждение и там была образована отдельная административная единица – приставство, которое позже непосредственно вошло в пределы Кутаисс-

кой губернии.²⁹

Самурзакано на протяжении почти одного столетия являлось камнем преткновения между абхазским и мегрельским владетельскими домами. Несмотря на то, что эта область своё название в начале XVIIIв. получила от Мурзакана Шарвашидзе и ею управляли потомки этого владетеля, она, как правило, по-прежнему считалась владением дома Дадиани. Владетели Абхазии неоднократно пытались окончательно вывести Самурзакано из-под сюзеренитета мегрельских владетельных князей. Больше других в этом преуспел Келеш-бей Шарвашидзе, которому в начале XIXв. даже удалось занять важную крепость на левом берегу р. Энгури – Анаклию и превратить её в одну из своих резиденций.³⁰ Однако и в это время представители самурзаканской ветви рода Шарвашидзе больше ориентировались на дом Дадиани. Со своей стороны, и Российская империя с самого начала признала Самурзакано владением Мегрельских князей и, как уже отмечалось, в 1805г. установила российское покровительство над ним, как составной частью Мегрельского княжества.

Воспользовавшись Российской поддержкой, а также разногласиями, возникшими между представителями Самурзаканской ветви Шарвашидзе, мегрельский владетельский престол добился более прочного закрепления Самурзакано за Мегрельским княжеством. В 1810г. владетельница Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани объявила Самурзакано моуравством („სამრავლობა“) и назначила Манучара Шарвашидзе – зятя дома Дадиани потомственным моуравом («управляющим»)³¹ В 1812г. Манучар Шарвашидзе был убит. Этим воспользовался Леван V Дадиани, который, взяв на себя опеку над своими племянниками, сыновьями Манучара Шарвашидзе – Александром и Димитрием – фактически стал непосредственным владетелем Самурзакано.³² Помимо этого, в 1815г. Леван V Дадиани, в качестве владетеля «Самурзаканской Абхазии», издал указ, которым запретил в Самурзакано воровство, разбой и пленопродавство. Со своей стороны князь и дворяне Самурзакано официально поклялись владетелю Одиши беспрекословно исполнять указ. Более того, власть Левана Дадиани признали цебельдинские владетели Мисоуст, Саралафу и Зерепху Маршания, которые также присягнули мегрельскому владетелю и заверили его в том, что они будут сохранять добрососедство с «княжеством его – именуемого Самурзаканской Абхазией» и Одиши.³³ Этими мерами Леван V Дадиани установил своё непосредственное правление в Самурзакано. В 1818г. владетель Абхазии Гиорги Шарвашидзе, пребывание которого на владетельском престоле всецело зависело от поддержки Левана V-го Дадиани, фак-

тически, официально признал власть последнего над Самурзакано.³⁴

Преемнику Гиоргия – Мхеилу Шарвашидзе в начале своего правления было не до решения Самурзаканского вопроса. В этот период (1824-1827гг.), как уже отмечалось, он фактически и не правил княжеством, и даже не находился в Абхазии, а в основном жил либо в Мегрелии, либо в Имерети, либо в Тбилиси.³⁵ Однако, после укрепления своей власти, кстати не без помощи дома Дадияни, он начал заботиться о возвращении Самурзакано. Мхеил Шарвашидзе особенно активизировал свою деятельность в этом направлении после 1832г., когда Леван V Дадияни установил свою непосредственную власть над Самурзакано. В 1834г. абхазский владетель захватил пограничное село Илори и потребовал от местных жителей подчиниться ему.³⁶ Но в связи с этим резкий протест заявил главнокомандующий на Кавказе барон Розен. Вот что он писал по этому поводу владетелю Абхазии: «Командующий отрядом, расположенным в Самурзаканском округе, доносит, что В. Св. присваивая сел. **Илори**, вытребовал от жителей... присягу на верность их вам и взяли от них аманатов. Таковое действие В. Св. служит к умножению происходящих в Абхазии беспорядков, и не могу я не удивляться, что **вы решились на таковое самоуправство в чужом владении**; ибо известно правительству, что **живою границею между Мингрелией и Абхазией служит р. Галидзга. А как сел. Илори находится на левом берегу оной, то не может принадлежать к Абхазии**». Далее барон Розен также особо подчёркивал, что жители села Илори «**принадлежат владетелю Мингрелии**».³⁷

Следует отметить, что действия Мхеила Шарвашидзе и ранее вызывали серьёзные нарекания со стороны этого видного деятеля царской администрации на Кавказе. В этой связи, следует особо отметить возмущение барона Розена по поводу попытки Мхеила Шарвашидзе, будучи женатым, обвенчаться с дочерью владетеля Мегрелии Левана V Дадияни – Нино. «Предложение, вами сделанное владетелю Мингрелии, – писал главнокомандующий на Кавказе Мхеилу Шарвашидзе 28 декабря 1833г., – есть уже преступление, исполнение коего, каким образом оное не случилось бы, возбудит мысль, что вы не христианин, а следственно и на благонамеренность вашу полагаться нельзя ни в коем случае... Не лишите себя покровительства могущественной России, займитесь устройством Абхазии, упрочьте ее благосостояние своим благоразумием... **Я требую от вас** скорого на съё ответа и решительно уведомляю, что правительство запрещает вам и мыслить о столь пагубном для вас деле, по примеру своему вредному для самих ваших подвластных, которые и без того

вам в полной мере не повинуются, а при таком богопротивном поступке и вовсе повиноваться не будут».³⁸ Чуть позже, 6 апреля 1834г. барон Розен откровенно пригрозил Михеилу Шарвашидзе: «Что с вами будет, если Российская держава, доставившая в Абхазии дому вашему первенство и всеми средствами поддерживающая вас, откажется от оказываемого вам покровительства, без которого вы и существовать не можете? Вспомните и то, что дарованное дому вашему первенство было следствием принятия покойным отцом вашим кн. Георгием христианской веры и вступления его в брак с княгиней, родной теткой владетеля Мингрелии; с христианской же верою он принял обет **оставить горския богомерзкия обычаи**».³⁹

Эти предупреждения главнокомандующего явно напугали владетеля Абхазии и он отказался от своей прихоти. Однако, позже, в 1836г. он всё же оставил свою вторую жену* Мариам – дочь Нико Дадиани, и тайно обвенчался уже с княгиней Александрой (Цуца) – дочерью Гиоргия Дадиани, сына другого Нико Дадиани (Диди Нико). Этот факт окончательно вывел из равновесия барона Розена и он фактически поставил вопрос перед властями в Петербурге о смещении с абхазского владетельского престола Михеила Шарвашидзе. «После противозаконной женитьбы кн. Михаила Шарвашидзе, – докладывал барон Розен в Санкт-Петербург графу Чернышеву, – беспорядки стали приметно умножаться в Абхазии и **между жителями Самурзаканского округа, принадлежащего владетелю Мингрелии, которых тайно поощряли к тому злонамеренные абхазцы**. Беспорядки съе, – по донесению местного начальства, происходят не только от преднамеренного бездействия владетеля Абхазии, **но даже от тайного будто-бы поощрения им подвластных своим к возманию против Русского правительства**».⁴⁰ По словам барона Розена, он даже «предписал управляющему Имеретию ген.-м. Ахлестышеву употребить всевозможные меры к открытию замыслов владетеля и если генерал сей совершенно удостоверится **в неблагонамеренности и изменнических предприятиях его против правительства, то чтобы старался арестовать его и отправить в Тифлис**». В случае же необходимости ген.-м. Ахлестышеву было предписано **«употребить для усмирения абхазов 2,5 батальона пехоты»**.⁴¹

Как видим, Михеил Шарвашидзе вёл себя достаточно самостоятельно и его действия, мягко говоря, не всегда были согласованы с

* Первой женой владетеля была «черкешенка», крещённая и воспитывавшаяся под опекой матери Михаила – Тамар Дадиани, которая была отправлена обратно домой.

царской администрацией, что, естественно, вызывало недовольство последней. Однако абхазского владетеля, по-видимому, не остановили предупреждения главнокомандующего на Кавказе барона Розена и он перешёл на более решительные и масштабные действия в этом направлении. По данным того же барона Розена, осенью 1836г., «По приглашению владетеля Абхазии прибыли к р. Бзиб несколько сот человек непокорных Джигетов, для того чтобы будто-бы вместе с Абхазцами сделать набег на Самурзакан или другие места Мингрелии, и что брат владетеля кн. Александр Шарвашидзе поехал в Цебельду для сбора там людей, а также, что сам кн. Михаил отправился для переговоров с Джигетами».⁴² Главнокомандующий на Кавказе указывал также, что если Михеил Шарвашидзе «не переменит своего поведения и будет увлекаться ложными своими понятиями, то пребывание его в Абхазии будет вредным». В связи с этим барон Розен просил «Высочайшее разрешение на удаление его (т.е. Михеила Шарвашидзе – З.П.) из Абхазии при первом явном с его стороны неприязненном покушении».⁴³

Следует отметить, что в Санкт-Петербурге эти донесения из Тбилиси были восприняты с должным вниманием и граф Чернышев от имени императора фактически дал согласие на проведение радикальных мер в отношении абхазского владетеля. Но в дальнейшем взаимоотношения между абхазским владетельским престолом и царской администрацией на Кавказе всё же наладились. Возможно, Михеил Шарвашидзе убедился в том, что обострение отношений с российскими властями ему ничего хорошего не сулит. Со своей стороны и Российская империя, приступившая к покорению Северного Кавказа, сочла более благоразумным не накалять, в этих условиях, отношения с владетелем Абхазии, и даже использовать его активно в борьбе против непокорных горцев.

Михаил Шарвашидзе и русская администрация на Кавказе в 40х годах XIXв. Русско-абхазское сотрудничество в борьбе со свobodолюбивыми племенами Северного Кавказа, впервые наиболее отчётливо проявилось в 1835г. «Владетель Абхазии, ген.-м. кн. Михаил Шарвашидзе, – доносил ген. Головин в Санкт-Петербург графу Чернышёву, – ...с подвластными ему абхазцами» при поддержке «экипажей Азовских лодок», предпринял «экспедицию против Черкес, обитающих между укреплениями св. Духа и фортом Александрия... В наказание за делаемые ими на Абхазию набеги... **Абхазцы сожгли два аула..., взяли пленных и поживились добычею**». Эти действия Михеила Шарвашидзе «против соседних к ним Черкес», по оценке российских властей, были «полезны», поэтому ген. Головин и «пред-

писал ген.-л. Раевскому, разрешать владельцу Абхазии делать подобные предприятия». ⁴⁴ Ещё большее усердие проявил Михеил Шарвашидзе в 1841г. во время подавления мятежа «джигетов» и убыхов, когда он выступил из Абхазии «на 11-ти галерах» вместе с 500-ми абхазскими милиционерами. По решению российского командования, «ген.-м. кн. Михаил Шарвашидзе даже принял начальство над всеми милициями». ⁴⁵

Несмотря на эти и другие факты выступления владельца Абхазии вместе с регулярными российскими частями против «братских» кавказских народов, которые, как известно, вели поистине священную войну с завоевателями, отношения Михеила Шарвашидзе с российской администрацией всё же оставались достаточно сложными и противоречивыми. В 1840г., как уже было отмечено, царская администрация, отобрав Самурзакано у мегрельского владельца и создав там русскую административную единицу – приставство, окончательно похоронила мечты абхазского владельца заполучить этот край.

Это решение российских властей сильно задело Михеила Шарвашидзе ещё потому, что он годом раньше – в 1839г. официально обратился с просьбой к властям Российской империи, подтвердить его владетельские права на Самурзакано. ⁴⁶ Следует отметить, что всё это происходило на фоне укрепления власти владельца по всей Абхазии, в том числе в непокорных ему регионах – (Цебельда, Дал и др.), что, как известно, достигалось благодаря активным действиям регулярных российских частей. В этом плане, исследователи (в частности С. З. Лакоба) особенно отмечают заслуги ген. Н. Н. Раевского, который, по словам одного современника, и «сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии». ⁴⁷

В 1844г., с одобрения военного министра Российской империи, Михеил Шарвашидзе получил неограниченное право выселять из княжества в Россию, временно или навечно, всех неугодных ему лиц, в том числе, в первую очередь, политических противников. Однако, как уже отметили, строптивый владелец всё же не скрывал своего раздражения по поводу отдельных решений царской администрации и особенно позиции занятой ею в связи с «Самурзаканским вопросом». В 1847г. он даже поставил вопрос перед верховной властью, чтобы ему было позволено оставить владетельский престол и поселиться в Имерети с предоставлением ему там 1500 дворов крестьян и освобождением их от правительственных податей и налогов. Но наместник Кавказа кн. М. С. Воронцов дипломатично отклонил эту просьбу владельца и призвал его по-прежнему исполнять богом возложенные обязанности. «Подумайте, – писал М. С. Воронцов, –

какое впечатление произведет на подвластных вам и соседнее с о-ным население такое отречение от сана, который вы получили и должны передать по наследству. Подумайте..., что память ваша будет ненавистна потомкам, которых вы лишите достоинства их без необходимости, без достаточного к тому повода».⁴⁸

Совершенно очевидно, что Российская империя на этом этапе не считала целесообразным упразднение Абхазского княжества. Это было вызвано сложившейся к этому времени на Северном Кавказе военно-политической ситуацией, а именно тем, что Шамиль добился (в 1845-1846гг.) значительных успехов в Дагестане и Чечне, а также перешёл в наступление и в Кабарде. Этому сопутствовало усиление антирусской пропаганды среди племён Западного Кавказа – садзов и убыхов. Этой антирусской кампанией здесь руководил известный Мухамед-Эмин – сподвижник Шамиля, который к тому же связался и с Эшоу Маршания, возглавлявшим тогда антирусские вылазки цебельдинцев и дальцев в Абхазии.⁴⁹ В этих условиях российские власти особо стали дорожить расположением Михаила Шарвашидзе, имевшим непререкаемый авторитет среди горцев Западного Кавказа, и решили не осложнять с ним отношения.

Глава VIII

АБХАЗСКОЕ КНЯЖЕСТВО В 1853-1864 ГОДАХ

Русско-турецкая война 1853-1856гг. и Абхазия. Большие события произошли в Абхазии в период русско-турецкой войны 1853-1856гг. В начале 50-х годов наметились реальные контуры очередного обострения «восточного вопроса», что осенью 1853г. привело к развязыванию новой крупномасштабной русско-турецкой войны. Эту войну, окончательный исход которой решили вступление в неё (на стороне Турции) Англии, Франции и Сардинского королевства, принято называть также Крымской, так как решающие события имели место именно в Крыму. Вместе с тем, военные действия с самого начала велись и в западной Грузии. Уже 15 октября 1853г. турки атаковали пост св. Николая (Шекветили) и заняли его. 30 октября турецкие войска под командованием Али-Паши заняли Озургети. В мае 1854г. турки уже высадились в Кулеви, Анаклия и Сухуми. Однако турецкие завоеватели встретили упорное сопротивление со стороны регулярных российских частей и грузинской милиции, среди которых были гурийские (14), Мегрело-самурзаканские (12) отряды, а также несколько рот имеретинских милиционеров. 14 ноября 1853 года объединённые русско-грузинские подразделения под командованием ген. Ив. Андроникашвили нанесли первый серьёзный удар по силам Али-паши. 27 мая 1854 года. было выиграно очередное сражение под Ланчхути, а 4 июня турки были разгромлены и у р. Чолоки.¹

В начале военной кампании турки встретили сопротивление и в Абхазии. Например, известно, что 7 ноября 1853г. «во время боя фрегата «Флора» с тремя турецкими пароходами» «жители Бзыбского округа немедленно собрались по приказанию её светлости княгини Александры» (т.е. супруги Михеила Шарвашидзе – Александры Дадияни-Шарвашидзе – **З. П.**) ...и помешали «туркам сделать высадку войск».² Однако это был чуть ли не единственный случай выступления против турок в Абхазии. В дальнейшем же события стали разворачиваться так, что Абхазия превратилась фактически в главный плацдарм, откуда впоследствии велись наступательные действия турецких войск в сторону Мегрелии и Имерети.

Этому, в значительной степени, способствовало то, что российское военное командование весной 1854г. вывело свои регулярные части из Абхазии. Владетельный князь Михеил Шарвашидзе, который активно содействовал выводу российских войск из Абха-

зии, также покинул пределы своего княжества и вместе с семьёй поселился у своего тестя Гиоргия Дадияни в его имении Чкадуаши (совр. Зугдидский р-н). Временами он жил в Курзу (в совр. Мартвильском р-не). В этот период Мхеил Шарвашидзе ожидал, что российское командование его назначит начальником т.н. «Гурийского отряда», которому была поручена оборона западной Грузии. Однако его надежды не оправдались. Высокопоставленные деятели царской администрации и, прежде всего, наместник Кавказа Н. Н. Муравьёв относились к нему с явным недоверием. «Он много возомнил о себе после вывода наших гарнизонов из Абхазии, – писал Н. Муравьёв 4 августа 1855г. военному министру Долгорукову, – и мне известно было, что ему весьма хотелось быть начальником Гурийского отряда, но сего никак нельзя было допустить как по незнанию его обхождения с войском, так и по неопытности в военном деле». Следует отметить, что наместник Кавказа не был высокого мнения о владетеле Абхазии, и как он сам писал, «всегда находил в нём человека несерьезного».³

Чуть раньше, в июле 1855г. ген. Василии Бебутов, фактически второе лицо в российской администрации на Кавказе, отмечая самолюбие «как отличительную черту характера... Михаила Шарвашидзе», также подтверждал, что у него всегда было желание «иметь более значения, чем имел по званию владетеля, и по мере своего возвышения возрастали и надежды его: сначала получить место начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии, а потом и начальника всей линии. По выводе наших войск из Абхазии, – пишет В. Бебутов, – он (т.е. Мхеила Шарвашидзе – **З.П.**) желал быть начальником Гурийского отряда, чтобы абхазцы видели его на пределах своих могуществе. Обманутый в своих ожиданиях он страдал от незначительности своего положения в виду враждебного ему мингрельского дома и подвластных ему абхазцев. В письме ко мне из Абхазии, – продолжает В. Бебутов, – он ясно это высказал. По вражде с мингрельским домом невозможно было назначить его начальником войск, расположенных в Мингрелии, а это было только одно назначение, которым бы удовлетворилось его самолюбие».⁴

Нами уже было отмечено, что отношения между мегрельскими и абхазскими владетельскими домами были весьма натянуты в основном из-за территориальных споров вокруг Самурзакано. Однако, как свидетельствуют современники (напр. К. Бороздин), Мхеил Шарвашидзе недолюбливал представителей мегрельского владетельского дома (в частности, владетеля Мегрелии Давида Дадияни) из-за их особой преданности к России.⁵ Недоверие и вражда между двумя

владельскими домами достигли своего апогея после переезда Микеила Шарвашидзе в Мегрелию, к своему тестю Гиоргию Дадиани, который вместе со своими братьями открыто выступал против владельницы Мегрелии, Екатерины Чавчавадзе-Дадиани.

По-видимому, опасаясь объединения Гиоргия Дадиани и его сподвижников с беглым владельцем, Екатеринэ Дадиани не упускала возможности всемерно очернить абхазского владельца в глазах российской администрации и категорически требовала его выдворения из Мегрелии. Вот что она писала в этой связи 8 ноября 1854г. ген. Реаду: «Когда неприятель вступил в Редут (Кале) – (т.е. в Кулеви – З.П.) на землю нашу, я не предалась ни бегству, ни отчаянию, а, почерпнув силы в высших убеждениях, пересилив боязнь женскую и притаив тревоги сердца материнского, я высказала народу своему непоколебимую решимость разделить его опасности, его лишения и, защищая родную землю, остаться на ней, если допустит всевышний, жертвой заветного долга...». В то время как «в Мингрелии, – пишет далее Екатеринэ Дадиани, – наполненной приготовлениями к войне, где все люди отборные сторожат границу, где каждому простолюднику указано место, на котором он должен отразить врага или умереть..., один человек с несколькими приверженцами, как бы потешаясь её тревогами и опасениями, ведет жизнь беспечную и неприличную своему положению... Это владелец Абхазии, давнишний враг Мингрельского владетельского дома».⁶

Протест Екатерины Дадиани был услышан царской администрацией и она фактически потребовала от Микеила Шарвашидзе покинуть Мегрелию и переехать либо в Кутаиси, либо в Тбилиси. Всё это сделало невыносимым пребывание владельца Абхазии в Мегрелии и он в мае 1855г. вернулся в Абхазию. Как отмечал Микеил Шарвашидзе вышеназванному ген. В. Бебутову в письме, кстати, написанном им на грузинском языке, он (т.е. Микеил Шарвашидзе) почувствовал себя ненужным русским и решил возвратиться в Абхазию, дабы оттуда оказать содействие «своему государю-императору» («კაცი ვითარცა უქმი, მე ყოვლად დაიმედებული თავისთვისა ზედა, რომელ არა ვარ გამოუსადეგ და უქმი, ვარჩიე უსაქმოდ ყოფნასა, შემოსვლა ისევ ჩემივე სამთავროში... და დაცვა მათი მკუდროებასა შინა და უკეთუ მომცემდა შემთხვევა, აქედანაცა აღმოქეიხა სარგებლობა ჩემის ხელმწიფე იმპერატორისა»⁷).

Действия владетельного князя Абхазии в период Крымской войны всё ещё не получили всестороннюю и полную оценку в историографии. Абхазские учёные, в первую очередь Г. А. Дзидзария,

идя в ногу официальной конъюнктуры, всемерно пытались особенно «не высвечивать» антироссийские настроения владельца Абхазии и его подданных. В результате, события 1853-1856гг. освещались так, как будто, Абхазия в целом, также как Мегрелия и Гурия, однозначно стояла, чуть ли не в авангарде борьбы против турецких завоевателей. В доказательство приводились единичные факты, свидетельствующие о непокорности абхазов туркам. Так, например, Г. А. Дзидзария всемерно рекламировал корреспонденцию газеты «Таймс», в которой сообщалось, что «отвращение здешних абхазов от турков не подлежит никакому сомнению. Они не только не помогают нам (т.е. союзникам – З.П.), но ещё разрушили несколько мостов, которые облегчили бы наши движения, и портят везде, где могут, дороги. Высшие классы в этом народе не скрывают своего сочувствия и привязанности к России и ожидают не иначе, как с ужасом вторжения турок».⁸

Приводилось и донесение одного турецкого офицера о том, что абхазы «не торопились явиться приветствовать нас; многие из них остались у себя на вершинах своих суровых гор».⁹ Обращалось внимание также и на высказывание Сухумского паши о том, что «в Абхазии вообще заметно мало сочувствуют к туркам».¹⁰ И главное, особо подчёркивалось участие в боях против турецких войск отдельных абхазов, в том числе представителей абхазской аристократии, офицеров русской армии: полковника Дмитрия Шарвашидзе, прапорщика Самсона Шарвашидзе, подпоручика Зураба Анчабадзе и др., а также известного абхазского учёного, подполковника Соломона Званба, павшего, кстати, смертью храбрых во время Ингурского сражения 25 октября 1855г.¹¹

Эти и другие факты, безусловно, говорят о том, что в Абхазии действительно не все были заинтересованы в победе Турции, однако это вовсе не даёт повода утверждать, что все абхазы якобы «с ненавистью встретили оккупантов», и что «все стремления англо-турецкой агентуры восстановить абхазский народ против России оказались тщетными».¹² Более того, со всей категоричностью можно констатировать, что Абхазия, в отличие от других регионов Грузии (Мегрелия, Гурия, Имерети), явно выпадала из общего антиосманского фронта, и как уже отмечалось, служила плацдармом для дальнейших наступательных действий турецких войск. С мая 1854г., когда фактически началась турецкая оккупация Абхазии, большинство населения (а не лишь «некоторая часть туркофильски настроенных крупных феодалов», как это отмечает Г. А. Дзидзария¹³) примкнуло к ним. Кстати, это признавал впоследствии и сам владетель Михеил

Шарвашидзе, который, вернувшись из Мегрелии в своё «владение... застал всё сии страны, с черкесами вместе, расположенными в пользу турок».¹⁴

Мустафа-паша, возглавивший турецкую администрацию в Сухуме, сразу же приступил к переманиванию видных представителей владетельского дома на свою сторону, и не безуспешно. Брат владельца Александр Шарвашидзе, «облечённый в звание паши, принял управление Абхазией». Сам же владелец Абхазии Мхеил Шарвашидзе с самого начала занял явно выжидательную позицию. Покинув Абхазию, он, будучи высокопоставленным офицером русской армии – генерал-лейтенантом, удостоенным также звания генерал-адъютанта Его Императорского Величества, не стал рваться «на фронт», а как уже было показано, вёл весьма праздную жизнь в имении своего тестя в Чкадуаши. Причём современники отмечали его подозрительные контакты со своими людьми в Абхазии.

Следует особо отметить, что некоторые сомнения по поводу поведения Мхеила Шарвашидзе с самого начала войны возникли даже у супруги владельца Александры Дадиани-Шарвашидзе. Вот что писал в связи с этим уже упомянутый нами ген. В. Бебутов военному министру 12 июля 1855г.: «Она (т.е. Александра – **З.П.**) начала подозревать мужа своего в намерении изменить правительству еще с осени 1853 года. Доверясь тогда брату владельца, гвардии полковнику Дмитрию Шарвашидзе, она поручила ему передать вице-адмиралу Серебрякову, находившемуся в то время в Сухуме, что ей известны тайные совещания владельца в Очамчирах с какими-то подозрительными турками».¹⁵

Как видим, в это время княгиня Александра занимала ярко выраженную пророссийскую позицию, имея при этом большой авторитет среди своих подданных. Вот что писал по этому поводу ген. М. Коцебу наместнику Кавказа Н. Муравьеву: «Кн. Александра, женщина около 30 лет, отличается преданностью правительству, умом, благородными правилами и красотой. Она пользовалась неограниченной привязанностью абхазцев и живя прежде большей частью в Соуксу (Лыхны – **З.П.**), управляла всегда во время отсутствия мужа своего Бзыбским округом с таким искусством, что управление её жители предпочитали управлению владельца».¹⁶ Между прочим, тот же М. Коцебу считал нужным, отметить, что «в фамилии кн. Шарвашидзе употребительный письменный язык грузинский».¹⁷

В мае 1855г., когда уже стали вырисовываться контуры окончательного исхода войны в пользу Турции и её союзников Мхеил Шарвашидзе, как уже отмечалось, вовсе покинул Мегрелию и воз-

вратился в Абхазию, где вошёл в контакт с Мустафа-пашой. Этот шаг владетеля, по его собственному признанию, вроде бы, был согласован с царской администрацией, хотя впоследствии главнокомандующий российскими войсками, наместник Кавказа ген. Н. Муравьёв отрицал, что он давал устное согласие на возвращение Мехеила Шарвашидзе в Абхазию.¹⁸ Имеются достаточно достоверные сведения (исходящие от разных информаторов) о действиях Мехеила Шарвашидзе в Абхазии, конкретно о его попытках найти общий язык с турками.

По этим сведениям «Владелец потребовал от турецкого правительства: 1. Все права и преимущества, которые предоставлены были деду его Келиш-бею, находившемуся в зависимости от Порты; 2. Главного начальства над всеми войсками, расположенными в Абхазии»; и 3. «Обещания, что все области, которые оружием или переговорами успеет он присоединить к Абхазии, останутся навсегда в потомственном его владении на тех же основаниях верховной власти, как и сама Абхазия».¹⁹ В этих сведениях говорилось также, что Мустафа-паша «поздравил его (т.е. Мехеила Шарвашидзе – **З.П.**) с наименованием владетеля не только Абхазии, но и Самурзакани и всей Цебелды и обещал ему ходатайствовать пред Султаном сделать его наместником всей Кутаисской Губернии».²⁰

Вместе с тем, нельзя сказать, что Мехеил Шарвашидзе занял явно протурецкую позицию. Кстати, это замечали и его оппоненты из царской администрации, в частности, ген. Н. Муравьёв, который писал: «В действиях владетеля Абхазии я вижу двуличное поведение против нас и турок, происходящее от волнующих его сомнений: за кем из воюющих держав останется Абхазия. Он не имеет искренней привязанности ни к одной стороне, но желает сохранить свое владение и считает себя в праве держать род нейтралитета, забывая свое высокое звание генерал-адъютанта Е. И. Вел.»²¹

В этом случае Н. Муравьёв опирался на рапорт начальника Гурийского отряда ген. Иванэв Мухран-батони от 29 июня 1855г., в котором сообщалось о том, что «Мехеил Шарвашидзе объявил паше (Мустафа-паша – **З. П.**), что желает оставаться в Абхазии нейтральным, пока не произведён туда десант союзных войск и не начнётся общее наступательное движение горцев, в каком случае обещал он присоединиться к врагам России. Сверх того, поручался он головой, что в случае такового наступления, неприятель нигде не встретит никакого сопротивления».²² Конечно, нельзя полностью верить сводкам, полученным от явных недоброжелателей абхазского владетеля, к числу которых безусловно следует отнести ген. Ив. Мухран-бато-

ни, однако, вообще сбрасывать их со счетов также неправомерно. Тем более, что эти информации порой получены и от лиц наиболее приближённых к владельцу и являвшимися непосредственными свидетелями тех или иных деяний абхазского владельца, например, от Григола Шарвашидзе, покинувшего Михеила накануне выступления Омер-паши.

То, что Михеил Шарвашидзе возвратился в Абхазию именно к лету 1855г., когда готовилась высадка большого турецкого десанта под командованием известного полководца, генералиссимуса Омер-паши в Абхазию, и общий исход войны также почти не вызывал сомнения, конечно неслучайно. Однако и то факт, что, вернувшись в Абхазию, он ни на минуту не прерывал тайные контакты с российским командованием и всемерно убеждал его в своей преданности престолу. Наглядным свидетельством этого является конфиденциальное письмо Михеила Шарвашидзе к ген. В. Бебутову, на грузинском языке (от 16 июня 1855г.), в котором он сообщал своему адресату о мерах предпринятых им для срыва джико-черкесского наступления в сторону Мегрелии. В частности, он отмечает, что «его труды не были напрасны», и что он и «впредь надеется исполнить желание наместника» и способствовать тому, чтобы вернуть направленные (видимо, на передовые позиции) милицейские отряды. Следует особо отметить, что Михеил Шарвашидзе, почему-то считает необходимым, чтобы его переписка с ген. В. Бебутовым была сохранена в тайне от Гурийского отряда („სარჯელი ჩემი უკმათ არ დარჩენილა, აწი იმედი მაქუს აღვასრულო სურვილი ნამესცნიკისა, რომელიც ამას წინეთ წაიყვანეს მილიციები მობრუნდებიან; გავათავებ მოქმედებასა ჩემსა და მოგახსენეთ წერილით. იმედი მაქუს, რომა გურიის ოტრიადისგან ფარულ იქნება ჩემი, სანამ გავათავებდი საქმესა“).²³

Несмотря на попытки Михеила Шарвашидзе реабилитировать себя в глазах русской администрации, действия владетельного князя, особенно его возвращение в фактически оккупированную турками Абхазию накануне начала «генерального наступления» турецких войск в сторону Мегрелии, не могли не вызвать определённые подозрения у российских властей. Имеются все основания предполагать, что к этому времени Михеил Шарвашидзе, разочарованный пренебрежительным к нему отношением со стороны царской администрации, почти открыто выражавшей к тому же своё недоверие к абхазскому владельцу, возможно и сделал ставку на Турцию. К этому, кстати, могло толкнуть Михеила Шарвашидзе ещё и то обстоя-

тельство, что турки, как уже отмечалось, нашли ему замену в лице его собственного брата Александра, объявленного пашой. Не должна вызывать сомнения также реальность ведения переговоров между отдельными представителями турецких оккупационных властей и абхазским владельцем относительно перспектив дальнейшей политической карьеры Михеила Шарвашидзе.

Следует отметить, что ведение таких переговоров даже с самим Омер-пашой позже фактически признавал и Михеил Шарвашидзе, который в своём конфиденциальном послании к ген. В. Бебутову (от 22 января 1856г.), написанном на грузинском языке, отмечал, что Омер-паша лично обещал ему, в случае выступления со своим войском, а также дружиной горцев на стороне турков, добыть для абхазского владельца грамоту, утверждённую союзными державами и подтверждающую его права на присоединение тех областей (в западной Грузии), которые будут завоёваны Омер-пашой при содействии Михеила Шарвашидзе: „მოვიდა რა ომერ-ფაშა სოხუმს... წინადამიდვა – უკეთუ არა ვარ წინააღმდეგი მათის მპყრობელობისა, მაშ შეუერთდე მას ჩემის და მთიელის ლაშქრითა და იგი მომიტანს ფირმანს, დამტკიცებულსა სოიუზნი დერჟავებისაგან, მას შინა, რომელ რაოდენს ადგილებსაც ომერ-ფაშა დაიპყრობს ჩემის თანაშემწეობითა ვიდრე საქართველომდე (подразумевается восточная Грузия – **З.П.**), იქმნების ჩემს გამგებლობაში“.²⁴

Однако, совершенно очевидно, что со своей стороны и турки не доверяли полностью владельцу Абхазии. В этой связи, особо примечателен факт встречи Михеила Шарвашидзе с Омер-пашой 19 сентября 1855г., почти документально описанный очевидцами: «19 числа по утру Омер-паша прибыл в Сухум на пароходе, – докладывал на основании оперативных данных своей агентуры ген. Н. Колубакин В. Бебутову. – У пристани ждал владелец Абхазии... Он хотел поклониться по обычаю турецкому... но Омер остановил его, пожал ему руку и сказал по-русски: «Здравствуй Михаил»... «Возвращаясь с осмотра войск, – пишет далее Н. Колубакин, – генералиссимус увидел стоявшего перед домом своим владельца... сказал несколько слов как прежде – по-русски. Никто не понял этих слов, но в народе идет толк, что он предложил или дал ему свободу воротиться к русским».²⁵

Этим самым, возможно, Омер-паша призвал абхазского владельца полностью раскрыть себя и решительно взяться за открытое сотрудничество с турками. Трудно сказать, насколько это ему уда-

лось осуществить. Из материалов, имеющихся в распоряжении исследователей, видно, что Михаил Шарвашидзе действовал максимально осторожно и внешне вроде бы стоял в стороне и не принимал участие в военном противостоянии. Более того, не вызывает никакого сомнения, что он после возвращения в Абхазию, как говорится, ни на минуту не прерывал тайные контакты с российским командованием и всемерно убеждал его в своей преданности к престолу. Наглядным свидетельством сказанного является его письмо к ген. В. Бебутову, о котором говорилось выше.

Более конкретно о своих заслугах перед российским престолом писал Михаил Шарвашидзе 1 октября 1855г. Дмитрию Кипиани, которому по решению царской администрации было поручено выяснение обстоятельств «предательства» Михаила Шарвашидзе. В этом послании, написанном, кстати, также на грузинском языке, владетель Абхазии сообщает, что в результате его вмешательства, турки в Абхазии и Цебельде вместо тысячи пятисот рекрутов сумели набрать всего лишь 120 человек. Он же уговорил черкесов не идти на войну и из Сухуми повернул их обратно; он способствовал также тому, что «абхазская милиция» направленная турецким командованием в Батуми и Кобулету была отозвана оттуда. Михаил Шарвашидзе приписывает себе и то, что Самурзакано «была спасена от отуретчивания» („ათას ხუთასი რეკრუტი უნდა გამოეყვანათ აფხაზეთში და წებელს, რომელნიც იყო გამოყვანილი ასოცამდე; მეორე ჩერქეზის ჯარი სოხუმიდან მე დავაბრუნე.. ჩვენი მილიცია, რომელიც ბათუმსა და ქობულეთს იყო დავაბრუნეთ. ჩერქეზის რეკრუტი კი არა მილიციაც ვერ იშოვეს. ამ დრომდის სამურზაყანოს აგრე დარჩენა ვის უნდა უმაღლონ? ...ამდენი ქრისტიანი აფხაზი და სამურზაყანო გადარჩა გაუთათრებელი და რეკრუტად თათარში წაუყვანელი“).²⁶

В другом своём послании ген. В. Бебутову (от 17 декабря 1855г.) Михаил Шарвашидзе также отмечал, что он в состоянии навредить неверным и помешать им, привлечь горцев и черкесов и этим защитить Абхазию и Мегрелию: „შემიძლია, რომე ყოველთვის ვნება მივცე უსჯულოს მით, რომა არსით მათ მთიელნი და ჩერქეზნი შემწეთ არ ვაშონინო, არას საჭირობის დროსა და ამასთანაც დავიფარო მათგან აფხაზეთი და მინგრელია“.²⁷ Сохранилась и собственноручная записка Михаила Шарвашидзе (на грузинском языке), отправленная им российскому командованию не позднее 1 января 1856г. из Гали, в которой изложена важная военно-оперативная информация о размещённых в разных местах Абхазии и

Мегрелии турецких подразделениях („სოხუმის მცველნი – ექვსი ბათალიონი, ოჩამჩირეს ოთხი ბათალიონი და რვა ზარბაზანი, გუდავის ხევის პირზედ – ერთი ბათალიონი და ორი ზარბაზანი, ზუგდიდს – ხუთი ბათალიონი ქვეით და სამასი ცხენოსანი და ყულევს მათი გლავნი შთაბი გადმოიყვანეს სოხუმიდან და თვით ომერ-ფაშა მანდ არის გარნიზონიანათ – ვგონებ რვა ბათალიონის მეტი არ იყოს. მათი მოქმედება ჩვენთვის ფარული არის. ამჟამად მეტს ვერას გწერთ. ამ წიგნის მომგანის მეტათ სხვის ხელით წიგნი არ მოიწეროთ“).²⁸

По утверждению Михеила Шарвашидзе, он даже давал отдельные советы ген. Иване Мухран-батони, начальнику Гурийского отряда, как и где нужно давать бой туркам, в частности, предлагал, что следует не на берегах Энгури встречать неприятеля, а отойти к реке Хобисцкали и там, в теснинах, держать оборону; заодно эвакуировать всё население проживающее между рек Энгури и Хобисцкали, так как «народ наших краёв... не будет оставлять своих домочадцев и может перейти на сторону неприятеля» („რადგან ვიცოდი ჩვენი ქვეყნების ხალხის ამბავი – რაკი ცოლშვილში მტერი შეუვიდოდათ, თვითცა შეუერთდებოდნენ მათ“).²⁹

Итак, мы привели материалы, свидетельствующие о тайных сношениях владельца Абхазии Михеила Шарвашидзе с российским командованием во второй половине 1855 и начале 1856 годов. Несмотря на это, нельзя однозначно утверждать, что Михеил Шарвашидзе, возвращаясь в Абхазию, горел одним только желанием навредить туркам и оттуда действовать в пользу России. Все приведённые факты говорят более о том, что он всемерно стремился использовать создавшуюся ситуацию для укрепления своей власти, и не только в Абхазии. Есть все основания утверждать, что он воспользовался оккупацией турецкими войсками Самурзакано и попытался прочно закрепить за собой этот регион. Т.е. он не стал пренебрегать тем, что Самурзаканский округ ему, как это подтверждает настоятель Окумской церкви Давид Мачавариани, был пожалован турецким султаном «по ходатайству Омер-паши».³⁰

Следует отметить, что сам Михеил Шарвашидзе, в принципе, и не отрицал, что он заполучил Самурзакано по высочайшему повелению султана, однако, этот поступок (имеется в виду то, что он установил свой контроль над Самурзакано) абхазский владетель обосновывал желанием защитить край – «собственность государя-императора» – как он пишет, от возможного его присоединения к турецким владениям („განკარგულების ყოფა მე ვიწყე სამურზაყანოზედ,

არა მის გამო, რომელ ფირმანი მაქვს, არამედ მისთვის, რათა, ვითარცა საკუთრება ჩემის ხელმწიფისა, არ იქნეს განზღუდულ და მით არ ისარგებლოს მტერმან და, ვითარცა უპატრონო, არ შეიყვანოს თვის განკარგულებაში და არ შეიერთოს ძაღლისა თვისისა თანა“).³¹

Таким образом, из турецкой оккупации Михеил Шарвашидзе реально извлёк пользу, он осуществил свою давнишнюю мечту – овладеть Самурзаканским уделом, за отнятие которого он, по словам очевидцев, открыто выражал своё недовольство и «роптал на правительство».³² Царская администрация, как это было отмечено выше, почти никогда не доверяла Михеилу Шарвашидзе, однако, по разным причинам была вынуждена терпеть его пребывание на владетельском престоле. «Бегство» же Михеила Шарвашидзе в Абхазию, накануне решающей схватки с турками в западной Грузии, вывело из равновесия российские власти, и с их стороны была предпринята серьёзная попытка отстранить владетеля и поставить перед верховной властью вопрос об его ответственности. Для этой цели было решено расследовать деятельность Михеила Шарвашидзе в ходе войны.

Это дело было поручено известному грузинскому деятелю Дмитрию Кипиани, который, после соответствующей работы, представил докладную записку властям. В своей записке Д. Кипиани явно стал выгораживать Михеила Шарвашидзе, и сделал всё для того, чтобы снять с него обвинение о предательстве. Но тенденциозность грузинского дворянина, большого патриота, всемерно пытавшегося спасти политическую карьеру своего собрата – князя Шарвашидзе, олицетворявшего в глазах патриотически настроенной грузинской феодальной аристократии чуть ли не последний оплот грузинской государственности, не осталась незамеченной высшим руководством.

Вот что писал по этому поводу наместник Кавказа ген. Н. Муравьёв 29 октября 1855г. ген. В. Бебутову: «Я нахожу, что последние (имеются в виду письма Н. Колюбакина, в которых была дана жёсткая оценка действий Михеила Шарвашидзе – **З.П.**), выразительнее и имеют более определённости. Изыскания Кипиани имеют скорее вид оправдания Шарвашидзе, нежели расследования».³³ Для царской администрации было совершенно очевидным, что Михеил Шарвашидзе, которого, по свидетельству того же Дмитрия Кипиани, современники считали воспитанником известного царского сатрапа кн. Александра Петровича Ермолова,³⁴ «никогда не любил русских». Вместе с тем, российским властям было известно и то, что владетель

Абхазии также «не любит турок». Неслучайно ген. Н. Муравьёв обвинил Мхеи́ла Шарвашидзе в «двуличном поведении».³⁵ По его мнению, «ничто ни может оправдать поступков его... Чем бы Шарвашидзе играл роль изменника в двух сторонах, не правильнее ли было стать в ряды войск своего государя и сражаться против врагов его?».³⁶

«Предательство» Мхеи́ла Шарвашидзе в глазах царской администрации стало более заметным на фоне деятельности владелицы Мегрелии Екатерины Дадиани, в отличие от абхазского владельца, возглавившей подлинно «народное восстание» против вторгшихся в пределы её княжества турецких оккупантов. Как пишет известный деятель русской администрации на Кавказе Константин Бороздин, «в критические моменты... владелица Мегрелии Екатерина Дадиани.., во главе мингрельской милиции участвовала в нескольких партизанских действиях против турок. В бурке и башлыке... верхом на лошади, она была под выстрелами неприятельскими и познакомилась с жужжанием пуль».³⁷

Заслуги Мхеи́ла Шарвашидзе явно блекли и на фоне другого представителя абхазского владетельского дома – Дмитрия Гиоргиевича Шарвашидзе, полковника русской армии, проявившего героизм в битве на Энгури 25 октября 1855г., и организовавшего затем, вместе Григолом Дадиани всеобщее сопротивление (войскам Омер-паши) мегрельского населения. Действия Мхеи́ла Шарвашидзе, безусловно, расходились с однозначной позицией занятой Дмитрием Шарвашидзе, к тому же категорически отвергшего предложения Омер-паши сотрудничать с ним. «Мои понятия об обязанностях абхазца и цели вашего вторжения, – писал он в ответном письме Омер-паше, – совершенно противны вашему взгляду на сей предмет. Я недоступен заразе, вызываемой дурными примерами... Всегда и везде позорен побег и уклонение от своих знамён».³⁸

Следует отметить, что и Мхеи́л Шарвашидзе предпринимал определённые шаги для переманивания Дмитрия Шарвашидзе и использовал для этой цели авторитет своей жены Александры Дадиани. В частности, ещё в сентябре 1855г. Николаю Коллюбакину стало известно, что супруга владельца, переменявшая «образ мыслей», «писала к родственнику своему полк. кн. Д. Шарвашидзе, приглашая его не отдаляться от владельца, от родственников и соображать поведение свое с переменной обстоятельством».³⁹ Т.е. владелица Абхазии, чья «преданность (российскому) правительству» раньше не вызвала никаких сомнений, на этот раз, под влиянием своего мужа, фактически стала призывать Дмитрия Шарвашидзе учесть измене-

ние ситуации (или, как она писала, «перемену обстоятельств»), оставить русскую службу и вернуться к владельцу.

Таким образом, у российских властей было предостаточно поводов для того, чтобы обвинить абхазского владельца в предательстве, и царская администрация на Кавказе решительно начала ставить вопрос перед соответствующими инстанциями в Санкт-Петербурге о смещении Мхеи́ла Шарвашидзе с владетельского престола и его наказания. Однако, как выясняется, Мхеи́ла Шарвашидзе спасла «пятая статья заключённого (по окончании Крымской войны – З.П.) в Париже... мирного трактата (18 марта 1856г.) о даровании прощения виновным в каком-либо в продолжение военных действий соучастию с неприятелем».⁴⁰ Российское правительство, потерпевшее сокрушительное поражение в войне 1853-1856гг., не могло допустить дальнейшую изоляцию России на международной арене, что, безусловно, могло последовать в случае нарушения условий мирного договора. Исходя из этого, власти решили смягчить позицию в отношении владельца Абхазии и на этот раз не привлекать его к ответственности «во избежание могущих возникнуть впоследствии со стороны иностранных держав притязаний».⁴¹ Было предложено: «действия правосудия» над Мхеи́лом Шарвашидзе отложить «до другого, более благоприятного времени».⁴²

Окончание Кавказской войны и упразднение Абхазского владетельного княжества. Осторожность Санкт-Петербурга была вызвана и другими обстоятельствами. Дело в том, что в продолжавшейся Кавказской войне всё ещё не наступил перелом, и в этих условиях было бы опрометчивым взрывать обстановку в Абхазии. В своё время мы отмечали, какое большое значение (в ходе Кавказской войны) придавали Абхазии представители царской администрации на Кавказе. В этой связи не лишним было бы привести и оценку Кутаисского генерал-губернатора Д. Святополка-Мирского: «По географическому положению своему и некоторым особенностям своего внутреннего устройства Абхазия имела весьма большое значение во все время Кавказской войны». Через неё, «составлявшую узкую полосу между морем и неприступными горами лежал единственный путь для вторжения некоторых горских племен Западного Кавказа в пределы христианского народонаселения долин Ингура и Риони. При непокорности Абхазии военная граница наша отодвинулась бы до Ингура и понадобилось бы немало средств для устройства на этой реке военно-кордонной линии, наподобие других военных линий на Кавказе. Покорность Абхазии избавила нас... от военной границы в этой части Кавказа и... сберегла наши силы и издержки».⁴³

Вместе с тем, Российские власти учитывали и большой авторитет самого владельца Абхазии Михеила Шарвашидзе среди горцев Западного Кавказа – садзов-джигетов, убыхов, шапсугов, абадзехов. «Владелец Абхазии – воспитанник Убыхов, – писал начальник войск в Абхазии, ген. Михаил Тариелович Лорис-Меликов 3 октября 1858г., – пользуется в этом племени популярностью и влиянием совершенно исключительным. Что он у Убыхов сильнее Магомет-Амина и прочих проповедников, в том нет сомнения, и при искреннем желании его, дело совершенного подчинения власти Джигетов, Убыхов, Ахчи-Псхувцев и Псхувцев – потребовало бы никак не более 3-х лет времени».⁴⁴

Однако представители царской администрации открыто демонстрировали своё недовольство тем, что Абхазский владетельский дом не всегда охотно подключался к делу урегулирования отношений с горцами. Тот же ген. М. Т. Лорис-Меликов в этой связи писал: «Главнейшей помехою для нас к примирению с Убыхами всегда служила политика и непонятное убеждение, существующее в фамилии князей Шарвашидзе: все они без изъятия, уверены в том, что непосредственно вслед за подчинением России земель, окружавших Абхазию, значение их и почёт, коим пользуются от нашего правительства, должны будут прекратиться... Стремление же последнего (т.е. Михеила Шарвашидзе – **З.П.**) заключается лишь в том, чтобы держать горцев в отношении к правительству нашему... в двусмысленном положении и стараться, чтобы всякое начинание наше, предпринятое без посредничества его, окончилось безуспешно».⁴⁵

Михеил Шарвашидзе не только не помогал активно российским властям, но наоборот, как отмечает абхазский исследователь С. З. Лакоба, «всячески поощрял борьбу убыхов с царскими войсками», и даже «ввёл обязательный для всех в Абхазии продовольственный налог в помощь убыхам».⁴⁶ Несмотря на всё это, российские власти были вынуждены терпеть Михеила Шарвашидзе, что было вызвано тем, что Россия, – как писал наместник Кавказа, Великий князь Михаил Николаевич в своей «*Заметке о положении в Абхазии*» (март 1864г.), – вела войну «на всем пространстве от Каспийского моря до Черного моря», и не могла «в то время отделить достаточных средств для того, чтобы взять эту страну (т.е. Абхазию – **З.П.**) в полное подчинение».⁴⁷ Ситуация принципиально изменилась после взятия российскими регулярными войсками аула Гуниба в 1859г. и пленения Шамиля.

Было принято решение об окончательном покорении горных регионов Абхазии, которые всё ещё оставались вне контроля цар-

ской администрации. В 1859г. экспедиционный отряд ген. Лорис-Меликова предпринял штурм на горный район Псху, который был завершён в 1860г. ген. Коргановым.⁴⁸ Однако сопротивление российским войскам в Абхазии не прекращалось и после этого. В материалах, приведённых С. З. Лакоба о пребывании «Абхазской депутации» в Лондоне в конце 1862г., подтверждается, что в то время абхазцы представляли «собою... единственное племя, которое» продолжает «оказывать могущественное сопротивление России».⁴⁹ Но исход этой борьбы был предрешён. В мае 1864г. в урочище Кбаада (совр. Красная Поляна) российские регулярные войска истребили непокорные западно-абхазские племена горных обществ: Псху и Аибга, и «победным парадом своих войск на Красной Поляне» торжественно объявили об окончании Кавказской войны.⁵⁰

После завершения покорения Кавказа российские власти уже не стали церемониться с Михеилом Шарвашидзе и решительно поставили вопрос об упразднении княжеской власти в Абхазии. Наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич составил специальную *«Записку о положении в Абхазии»*, в которой обосновал необходимость упразднения Абхазского княжества и установления там непосредственного российского управления. По мнению наместника, пока шла война «мы могли, хотя сами обманывая себя, говорить, что без пособия власти владетеля не имели бы сил держать Абхазию в повиновении и ограждать себя от Убыхов; мы представляли Абхазию краем, прикрывающим другие наши земли... Но теперь уже этого оправдания не существует». «Независимое положение Абхазии, – писал великий князь уже в личном письме императору Александру II-му от 23 марта 1864 года, – имело смысл, покуда восточный берег Чёрного моря» не был ещё присоединён... «но теперь... существовавшие обстоятельства совершенно изменились».⁵¹ Так была подготовлена почва для начала процедуры отстранения Михеила Шарвашидзе от владетельского престола и упразднения Абхазского княжества.

Этим самым Российская империя завершила процесс ликвидации княжеской власти в Абхазии начатый ещё во II пол. 30-х годов XIXв. Первые шаги в этом направлении Российская империя, как уже было показано выше, предприняла в 1837г., когда после установления контроля над Цебельдой этот регион не был передан владетелю Абхазии Михеилу Шарвашидзе, и там было введено русское управление. Цебельда стала русской административной единицей – приставством, во главе которого был поставлен представитель царской военной администрации. После завершения строительства укреплений на черноморском побережье и их объединения в единую

систему Черноморской береговой линии (от устья реки Кубань до поста Святого Николая /Шекветили/ – у устья реки Супса) в 1839г., настала необходимость подчинения Абхазии и Цебельды ген.-л. Н. Раевскому, на которого было возложено командование всеми укреплениями «на восточном берегу Чёрного моря, от устья Кубани до Менгрелии».

Эта необходимость, как писал главноуправляющий на Кавказе ген. Е. Головин (1837-1842гг.) графу Чернышёву 21 марта 1839г., диктовалась тем, что «начальство одними только прибрежными укреплениями в этом угле, без влияния на внутреннее его управление и на жителей, встретит неминуемые затруднения от столкновения двух различных властей». ⁵² Т.е. царской администрации уже тогда мешала власть владетеля, и она всемерно стремилась к тому, чтобы максимально ограничить влияние владетельского престола. Тогда же впервые был поставлен вопрос об отделении Абхазии и Цебельды от других областей Грузии. По словам того же ген. Е. Головина, «отделение Абхазии и Цебельды от Имеретии не представляет особенно важных неудобств». ⁵³

В 1840г. на территории современной Абхазии появилась уже вторая русская административная единица – приставство. Это было Самурзакано, которое, как уже отмечалось, было выкуплено у владетельского дома Дадиани. Этими мерами имперские власти сильно ущемили права владетеля Абхазии, однако, от смещения его с владетельского престола они тогда, по известным уже нам мотивам, воздержались. После победы же в Кавказской войне, как уже указывалось, у правящих кругов империи не осталось причин, по которым можно было оставлять автономию Абхазии. При этом царская администрация явно не скрывала свои захватнические цели, и упразднение Абхазского княжества прямо связывала с наметившимися планами колонизации края.

Вот что писал в этой связи упомянутый выше наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич в известной нам «*Записке о положении в Абхазии*» в марте 1864г., накануне ликвидации княжеской власти в Абхазии: **«В виду близкого осуществления высочайше одобренных предложений о заселении казачьими станицами Восточного берега Чёрного моря от устья Кубани до р. Бзыби, представляется необходимость решить вопрос о будущем положении владетеля Абхазского: должна ли Абхазия оставаться в настоящем её положении, т.е. под безотчетным управлением князя Михаила Шарвашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах?»** Далее в записке предлагалось: «1)

Владельца и наследника его склонить отказаться от права владельца. 2) Назначить владельцу и наследникам его содержание, их обеспечивающее. 3) Из Абхазии образовать военный округ, который с Цецельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальников отделов в областях, с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору». И главное, **«Если количество свободных земель дозволить – то водворить вдоль берега до устья Энгури Казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби могли бы составить Абхазское Казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела»**.⁵⁴

В разработке планов колонизации Абхазии непосредственное участие принимал Кутаисский генерал-губернатор князь Д. Святополк-Мирский, который совершенно бесцеремонно предлагал высвобождение земель для создания русских поселений, путём высылки абхазов в Турцию: **«Если часть абхазцев, – писал он 17 июня 1864г., – возымеет намерение удалиться в Турцию, то полагаю, что этому препятствовать не следует... Приобрет частные имущества владельца, весьма обширные и значительные, мы бы могли сейчас приступить к колонизации предполагаемого Абхазского Казачьего Войска»**.⁵⁵ Этот же высокопоставленный чиновник царской администрации ещё раньше, 6 июня 1864г., также ставил вопрос о расселении русских по Бзыбскому ущелью. **«Владея пустыми пространствами по обоим берегам Бзыби, – отмечал Святополк-Мирский, – можно будет положить там начало русского народонаселения Абхазии»**.⁵⁶

Владелец Абхазии Михеил Шарвашидзе, предчувствовав приближение конца своего правления, ещё в октябре 1863г., как бы опережая события, предпринял попытку продления княжеской власти путём передачи владетельского престола своему наследнику Гиоргию Шарвашидзе. Он направил соответствующую просьбу начальнику главного штаба об освобождении князя Гиоргия, являвшегося тогда адъютантом наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича, от службы. Свою просьбу Михеил Шарвашидзе мотивировал тем, что из-за болезни он был не в состоянии управлять княжеством, и желал, чтобы владетельский престол занял его сын.⁵⁷

Однако эту инициативу российские власти использовали по своему: они отказали в просьбе владельцу, а болезнь последнего использовали как повод для его отстранения от власти. Разгневанный коварством царской администрации Михеил Шарвашидзе выразил свой протест тем, что вообще отказался от своих почестей и снял с себя полномочия генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта.

Этим самым он, как бы, вывел себя из-под юрисдикции России. Однако имперские власти на этот раз были настроены весьма решительно и «24 июня 1864г. последовало официальное уведомление наместника Кавказа, в котором Мхеилу Шарвашидзе напоминали все его прежние просьбы об освобождении от власти владетеля Абхазии, и сообщали о решении императора России об увольнении Мхеила и его потомков «от управления навсегда Абхазией», и введении там русского правления».⁵⁸

Решение российских властей Мхеил Шарвашидзе, «вопреки всем ожиданиям», встретил внешне спокойно. Он, как писал ген. Д. Святополк-Мирский, лично посетивший находившегося на лечебных водах в Ткварчели (больного) владетеля, «не только не препятствовал введению в Абхазии русского управления, но по первому требованию... созвал абхазцев для объявления им высочайшей воли».⁵⁹ Единственно о чём просил владетель, было то, чтобы ему разрешили жить в Абхазии, а если это не будет дозволено, то тогда он просил пожаловать ему имение в Имерети и разрешить жить зимой в Кутаиси, а летом в Раче. В случае же отказа и на это, он просил, чтобы ему дали возможность уехать в Иерусалим, «где будет дожидаться смерти «у гроба господня». «В противном случае, – заявлял он властям, – тащите меня отсюда силой, чтобы весь мир увидел вашу несправедливость и жестокость».⁶⁰

В этот критический момент Мхеил Шарвашидзе обратился с просьбой к турецкому правительству, чтобы ему направили корабль, на котором он мог бы выехать в Константинополь. Но об этом стало известно властям, и 5 ноября 1864г. Мхеил Шарвашидзе был арестован и отправлен на военном корабле в Новороссийск. Оттуда смещённого владетеля перевели в Ставрополь, а позже, 25 июня 1865г. – в Воронеж, где он и скончался 16 апреля 1866г. Его с большими почестями похоронили в Моквском храме.⁶¹

Так завершилась жизнь одного из последних династов Грузии, владетельного князя Абхазии, почти 40 лет управлявшего ею. Подытоживая заключительный этап истории Абхазского княжества – последней единицы общегрузинского феодально-государственного мира, считаем необходимым дать общую оценку деятельности Мхеила Шарвашидзе, этой бесспорно незаурядной личности. Современники, как это было показано нами, по-разному подходили к оценке действий последнего владетеля Абхазии. Представители царской администрации на Кавказе, отмечая его отдельные заслуги перед российским правительством, в целом, относились к нему с большим недоверием и порой считали его даже предателем. В создании нега-

тивного облика Мхеи́ла Шарваши́дзе (особенно в период Крымской войны) немаловажную роль сыграли владетельский дом Дадиани и отдельные представители княжеского рода Шарвашидзе. Однако среди представителей высшего грузинского дворянства были и те, которые всемерно старались оправдать действия владетеля Абхазии. Прежде всего, это известный грузинский деятель Дмитрий Кипиани, который, как уже отмечалось, всё сделал для того, чтобы отвести обвинения против Мхеи́ла Шарваши́дзе и спасти его политическую карьеру.

Русская историография при оценке деятельности Мхеи́ла Шарваши́дзе, в целом, придерживалась официальной конъюнктуры, что, кстати, продолжается и по сей день. Так, например, в статье некоего Д. Д. Данилова говорится о том, что Мхеи́л Шарваши́дзе «преспокойно промышлял турецкой контрабандой и имел тайные связи с горскими племенами».⁶²

Первым учёным, который попытался реабилитировать опального владетеля, был акад. С. Н. Джанашиа. В своем блестящем очерке о жизни и деятельности Гиоргия Шарваши́дзе – сына Мхеи́ла Шарваши́дзе, также как в своё время Дмитрий Кипиани, привёл аргументы, оправдывавшие владетеля и всю вину возложил на представителей российских колониальных властей.⁶³ Аналогично подходил к оценке деятельности Мхеи́ла Шарваши́дзе и другой известный грузинский учёный Ш. Чхетия, скрупулезно изучивший документальные материалы, освещающие события 50-60-х годов XIX в.⁶⁴ Но наиболее последовательным защитником Мхеи́ла Шарваши́дзе следует считать крупнейшего абхазского учёного, члена-корреспондента АН Грузии, проф. Г. А. Дзидзария. В своих фундаментальных трудах по истории Абхазии XIX столетия он дал обстоятельную критику российской колониальной политики на Кавказе и на этом фоне оценил деятельность последнего владетеля Абхазии. По мнению учёного, Мхеи́л Шарваши́дзе фактически всегда действовал в пользу России, а не против неё.⁶⁵ Этой точки зрения, в целом, придерживаются грузинские исследователи, в том числе Н. Такаландзе, защитившая кандидатскую диссертацию о жизни и деятельности Мхеи́ла Шарваши́дзе.⁶⁶

Несмотря на бесспорность многих приводимых вышеназванными историками аргументов, и всю коварность имперских властей, мы всё же считаем не совсем оправданным чрезмерное увлечение поисками одних только позитивных сторон деятельности Мхеи́ла Шарваши́дзе. На наш взгляд Мхеи́л Шарваши́дзе был весьма сложной и противоречивой личностью, который всегда старался любым

путем остаться у власти. Именно стремление во что бы то ни стало сохранить владетельский престол, толкало его из одной крайности в другую. Он то активно сотрудничал с царской администрацией против родственных горских племён и способствовал установлению российского влияния на Северо-Западном Кавказе (примеры такого сотрудничества приводились выше), то наоборот, прямо или косвенно, поддерживал «священную войну» своих кавказских собратьев, одним из которых был предводитель убыхов Даго-Муква Барзек – воспитатель Михеила в юности, прозванный английским резидентом Беллом «Вашингтоном черкесов».⁶⁷ Не должно вызывать сомнения и то, что Михеил Шарвашидзе, как это было нами также показано, явно вёл двойную игру в период Крымской войны и порой открыто сотрудничал с турецкими оккупационными властями. Более того, как нам представляется, он был не прочь, при поддержке турков, завладеть всей западной Грузией в целом и превратиться в главного ставленника «Блистательной Порты» на Западном Кавказе.

С Турцией Михеила Шарвашидзе связывали и меркантильные интересы. Он действительно занимался контрабандой и получал большие доходы от этого промысла и, главное, непосредственно был причастен к работорговле. Об этом наглядно свидетельствуют факты, собранные в свое время Г. А. Дзидзария, в частности, приведённое им сообщение известного путешественника, исследователя Кавказа Дюбуа де Монпере, в котором прямо указывается, что «торг (рабами) прекратился бы совершенно, если бы Михаил-бей и Гасан-бей не были сами его первыми зачинщиками».⁶⁸

Завершая рассказ о деятельности Михеила Шарвашидзе нельзя не коснуться вопроса и о культурно-политической направленности абхазского владетельского дома Шарвашидзе в это время. Мы неоднократно отмечали, что, несмотря на некоторое «одичание» развитого феодального общества, в результате засилья родственных горских джико-абхазских племён, а также усиления идеологической экспансии Турции, Абхазия и в позднем средневековье, в целом, по-прежнему оставалась в пределах общегрузинского политико-культурного пространства. Ситуация не изменилась и в период правления Михеила Шарвашидзе, проявлявшего порой свои «дикие», нехристианские нравы. И в это время владетельский дом Шарвашидзе считал себя частицей общегрузинского христианского мира и грузинской книжности. Как уже отмечалось, даже представители царской администрации на Кавказе однозначно признавали, что «в фамилии князей Шарвашидзе употребительный письменный язык – грузинский».⁶⁹

То, что именно грузинская письменность была родной и для Мхеиლა Шарвашидзе, подтверждается официальной и неофициальной перепиской самого владельца. Ранее мы уже имели возможность частично ознакомиться с грузинским эпистолярным наследием Мхеиლა Шарвашидзе. Для большей наглядности, считаем нужным привести ещё одно письмо владельца Абхазии, отправленное им из Очамчире к своей супруге в Чкадуаши 18 мая 1855г.: „საყვარელო ალექსანდრა! გრიგოლ შარვაშიძე და ქირთ ტაგუ გამომიგზავნია ვითომც შენი და ბავშვების წამოსაყვანად აქეთ, და არამც არ დაუჯერო იმათ და არ წამოხვიდე. ეს არავინ გაიგოს. რამდონიც ხანს შეგეძლოს(!) შეიქცეო, და მამა შენი როცა მოვა, თვითონ მიხვთება. ეს წიგნი უჩვენე და რავარც სჯობდეს, იქს. გიორგი შენთან მოაყვანინე. ლეჩხუმს არ წაიყვანონ. ბაბუშია ჩქოტუებს გამოატანე. გულნაკლულად არიან, გაზრდილი წავგართვიო. მე მალე ვერ მოვალ, მაგრამე (!) ჩემთვის ნუ სწუხარ(!), პატარა გიორგი შეგიქცევს. შენი მიხაილ შარვაშიძე, 18 მაისს 1855 წელსა: ოჩამჩირით“.⁷⁰ Вот несколько сокращённый перевод этого текста, исполненный Димитрием Кипиани: «Милая Александра! Гиоргия Шарвашидзе и Кырт Тагу (здесь использовано абхазское слово «кырт» – «грузин». «Кырт Тагу» означает «Тагу грузина». – **З.П.**) посылаю к тебе для того будто бы, чтобы вызвать тебя и детей сюда, но ни под каким видом не слушайся их и не езд... Я скоро не могу возвратиться. Но обо мне не беспокойся. Маленький Гиорги тебя заимёт. Твой Михаил Шарвашидзе». На внешней стороне письма написано: „ავხაზეთის მთავრინა ალექსანდრა გიორგის ასულსა, ჭკადუაშს, საკუთარს ხელსა“. – «Мтаврине (т.е. владетельнице – **З.П.**) Абхазии Александре Гиоргиевне, в Чкадуаши, собственноручно».⁷¹

В своё время, акад. С. Н. Джанашиа, заострив внимание на использовании грузинского языка и грузинской письменности в качестве официального языка, т.е. языка государственного делопроизводства абхазского владетельского дома и во времена Мхеиლა Шарвашидзе, уловил общие особенности грузинского письма в Мегрелии и Абхазии.⁷² По заключению С. Н. Джанашиа, канцелярия владетельного князя Абхазии следовала определённой системе правописания, берущей начало из литературно-грамматическо-орфографического учения Католикоса Антона.⁷³

Ярким проявлением живучести связей с общегрузинским культурным миром может служить тот факт, что многие представители высшей абхазской аристократии носили грузинские имена. Более

того, грузинские имена встречаются даже среди садзов-убыхов. Так, например, важными фигурами в первой половине XIX в. были Леван **Цанубаия** (Цанба)⁷⁴ и убыхский князь **Зураб** Хамыш.⁷⁵ Нередко в русских официальных документах абхазские дворяне названы не «аамста», а «азнаурами». И самым важным доказательством того, что Абхазский владетельский дом считал себя неразрывной частью общегрузинского христианского мира, является тот факт, что последнего владетеля, а впоследствии и его сына Гиоргия Шарвашидзе, похоронили в Моквском храме и эпитафию над их могилами сделали на древнегрузинском письме Асомтаврули.

Совершенно чёткое и однозначное представление о том, как понимали в это время грузино-абхазское историческое единство сами абхазцы, даёт т.н. «*Докладная записка*» депутатов Абхазского и Самурзаканского дворянства от 23 марта 1870 г., представленная генерал-адъютанту князю Святополк-Мирскому, тогдашнему председателю Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам. Необходимость составления данного документа, подписанного известными по всей Абхазии людьми князьями: Бата Эмухвари, Мисоустом Маршания, Константином Инал-ипа, Титу Маргани, диктовалась заинтересованностью представителей высшего абхазского дворянства в проведении крестьянской реформы в том виде, как это было осуществлено в других регионах Грузии.

В этом послании авторы писали: *«Издrevле Абхазия составляла часть бывшего Грузинского царства. Последняя династия Грузинских царей – есть династия Абхазская. Древний Пицундский храм был в течение нескольких веков престольным храмом Католикосов Абхазских и Грузинских... Народ Абхазский и Самурзаканский почти до последнего времени имел с Грузией, Мингрелией и Имеретией одну религию, одни обычаи, одни законы. Если вера христианская, под влиянием мусульманского ига и разных неурядиц в Абхазии значительно ослабла, то несомненные следы её сохранились в жизни Абхазского народа... Из целого ряда Абхазских владетелей, отделившихся от Грузии после разделения последней на уделы, только двое: Зураб-бей и Келаши-Ахмет бей исповедовали мусульманскую религию... Все же остальные владетели Абхазии были христиане. Цари Грузинские никогда не исключали Абхазию из большой грузинской семьи и как до разделения царства, так и после существования своего титуловались царями Грузинскими, до самого последнего времени Карталинскими, Абхазскими, Имеретинскими и Кахетинскими. Когда грузинский царь Вахтанг VI в начале прошедшего столетия (т.е. XVIII века – **З.П.**) предпринимая издание законов, вызывал*

из всех провинций бывшего Грузинского царства депутатов для содействия ему в этом труде, то между ними были и депутаты от Абхазского народа, который до последнего времени сохранил у себя древнейшие, грузинские обычаи. Не менее важными свидетелями принадлежности Абхазии к Грузии, могут служить кроме христианских храмов, развалины разных светских и военных построек. Так известные башни над ущельем Псыраста, сооружены, по преданию, славной грузинской Царицей Тамарой; Каменная стена в Келассауре поставлена Вамекем Дадианом... Большая часть местностей носит грузинские названия; Большая часть жителей признаёт свое мингрельское происхождение и сохранили свои грузинские и мингрельские фамилии... Из всего выше изложенного, легко будет усмотреть, что в Абхазии не могло быть другого гражданского устройства, кроме того, которое всегда существовало в остальном христианском Закавказье. Поэтому и права наши сословные и поземельные были те же, что и в Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, с самыми незначительными особенностями, обуславливавшиеся местными, чисто экономическими условиями и не превышавшими тех различий, какие существовали перед остальными областями Грузии, например между Карталинией и Имеретией. Различие это может касаться только некоторых частных, но нисколько не нарушает, в общем, полного сходства Абхазии со всеми областями, входившими в состав владений Грузинских Царей... Во главе всего Абхазского народа стоял владетель Абхазии из фамилии старинного грузинского рода Шарвашидзе. Владетель, как и все Грузинские Мтавари, сделавшиеся после разделения Царства самостоятельными, соединял в своих руках верховную, политическую и гражданскую власть над всем Абхазским народом».⁷⁶

Таким образом, данное послание наиболее известных представителей абхазской феодальной элиты – прямое доказательство того, насколько крепки были тогда – в 60-х годах XIX в. – узы исторического и культурно-политического единства Абхазии и остальной Грузии.

Глава IX

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В АБХАЗИИ И БОРЬБА АБХАЗСКОГО НАРОДА ПРОТИВ РУССКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА В 60-70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Установление российского управления в Абхазии и всенародное антирусское восстание абхазов в 1866г. После упразднения княжеской власти Абхазия была преобразована в Сухумский военный отдел «с подразделением на 3 округа (Бзыбский, Сухумский и Абжуйский) и 2 приставства (Цебельдинское и Самурзаканское)... с подчинением кутаисскому генерал-губернатору».¹ Начальником отдела был назначен ген. П. Шатилов, «которому было приказано вступить «во внутреннее управление» краем с 12 июля 1864 г.».² Русская администрация сразу же приступила к наведению «государственного порядка» в Абхазии, что, в первую очередь, подразумевало последовательное осуществление колонизаторской политики, главной целью которой было обрусение присоединённых на Кавказе областей, в том числе и Абхазии.

Согласно одному официальному предписанию, правительство «не должно искусственно возвышать туземный элемент в ущерб русскому, но напротив, **должно принять решительные меры к обрусению этих областей**».³ В этот период шла большая подготовительная работа по организованному выселению непокорного горского населения, в том числе и абхазов, из родных мест. Ещё весной 1864г. был создан специальный план колонизации края, в разработке которого приняли участие наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, Кутаисский генерал-губернатор князь Д. Святополк-Мирский и начальник Кавказского горского управления Д. Старосельский. Докладывая о проводимой в этом направлении работе, Михаил Николаевич писал императору Александру II-му о необходимости «**действовать осмотрительно, но... решительно, чтобы окончательно очистить всё Черноморское побережье. ...Дело окончательного покорения восточного берега Чёрного моря, – продолжал наместник Кавказа, – наиболее зависит от быстроты выселения туземцев на указанные им места или в Турцию**».⁴

В сентябре 1864г. была создана специальная комиссия для составления «*Положения об управлении Абхазией*», а в 1865г. в Абхазию была направлена комиссия под руководством ген. Понсе, целью которой было установление владений Михеила Шарвашидзе, а так-

же выяснение общего экономического состояния Абхазии накануне проведения крестьянской реформы. В 1866г. царская администрация уже непосредственно приступила к подготовке проведения крестьянской реформы в Абхазии и для этой цели сюда направила новую комиссию, куда вошли князь Баратов (известный грузинский историк Сулхан Баратов – Бараташвили), капитан-лейтенант Корганов и чиновник Черепов. Этому последнему был поручен сбор сведений по Бзыбскому округу. Однако работа комиссии и особенно грубые, необдуманные действия Черепова вызвали резкое недовольство крестьян Бзыбского округа, которых и так настораживала предстоящая реформа.

Дело в том, что Абхазские крестьяне были несколько информированы о проведённой в других регионах Грузии (Восточная Грузия, Имерети, Гурия) реформе. Их особенно волновали слухи об обязательном выкупе тех земель, которые они считали своей собственностью. Возмущённые этими слухами, а также возмущённые произволом царских чиновников, крестьяне отказались сотрудничать с властями. В ответ начальник Сухумского отдела полковник Коньяр, лично явившийся 25 июля 1866г. в с. Лыхны, на всенародный сход абхазов в сопровождении сына и брата Михеила Шарвашидзе, Гиоргия и Александра, в ультимативной форме потребовал выдачи «зачинщиков» схода. Это переполнило чашу терпения крестьян и они открыли огонь по Коньяру и его свите. Сын последнего владельца Гиорги Шарвашидзе, которому тогда было примерно 18-20 лет, тщетно пытался остановить своих соплеменников, но они не послушались уговоров молодого князя, ворвались в дом владельца и жестоко расправились с Коньяром и его сопровождающими. Так началось Лыхненское восстание, которое переросло в крупное антирусское выступление, охватившее и другие регионы Абхазии.

Несмотря на то, что непосредственным поводом восстания послужило нежелание абхазских крестьян провести реформу в Абхазии, это их выступление выходило далеко за рамки обычного социального бунта и было широкомасштабным всенародным протестом против российского колониального режима. Как совершенно справедливо отмечает не раз упомянутый нами известный абхазский историк С. З. Лакоба, «Абхазское (Лыхненское) восстание 1866 года... носило **ярко выраженный антиколониальный национально-освободительный характер**».⁵ Восставшие, объявив новым владельцем Гиоргия Шарвашидзе, потребовали от него, чтобы тот возглавил борьбу своих соотечественников. Гиорги Шарвашидзе, фактически оказавшийся заложником среди восставших, вновь сделал по-

пытку остановить абхазов, однако, после того, как на его реплику – «Мы не в силах бороться с русскими» – мятежники ответили громкими возгласами: «Нас много»,⁶ «теперь ты наш князь, куда ты пойдёшь, туда и мы, погибнем с тобой»,⁷ – Гиорги Шарвашидзе был вынужден лично возглавить решающее наступление на Сухуми. Понимая всю трагичность своего положения, Гиорги Шарвашидзе не скрывал сожаления из-за возникшей ситуации и говорил своему дяде князю Александру Шарвашидзе: «Меня поставили в такое положение, что не могу явиться к русским, которые меня вскормили и воспитали, предпочитаю себе смерть».⁸

Правительство приняло срочные меры и направило значительные военные силы в Сухуми во главе с Кутаисским генерал-губернатором ген. Д. Святополком-Мирским, которому и удалось подавить восстание. Руководители и зачинщики восстания были сурово наказаны. Имел место даже публичный расстрел активных участников восстания в Сухуми. Многие были сосланы в Сибирь и другие регионы России.⁹ Выслали и Гиоргия Шарвашидзе, которого направили в «войска Оренбургского военного округа».¹⁰ Однако репрессии по отношению к восставшим этим не ограничились. Имперские власти всемерно стали поощрять махаджирство абхазов в Турцию. По вычислению исследователей (Г. А. Дзидзария, С. З. Лакоба и др.), в это время Абхазию покинуло около 20 тысяч человек.¹¹ Как метко подметил С. З. Лакоба, **России «нужна была Абхазия без абхазов-бунтовщиков»**, поэтому она сама инспирировала выселение непокорных абхазов в Турцию. «Голчком к этой волне махаджирства, – продолжает далее С. Лакоба, – послужило... решение *«О выселении из Абхазии до 1000 семейств абхазцев во внутрь России»*, принятое в сентябре 1866г. кавказским наместником и военным министром. Народ спровоцированный этой предстоящей насильственной мерой, предпочёл выселение в Турцию».¹²

Конечно, махаджирство абхазов это целиком и полностью «творчество» российских властей, однако и то факт, что определённая вина за этот трагический шаг, безусловно, лежит и на тех лидерах тогдашнего «абхазского сопротивления», которые, идя на поводу турецкой пропаганды, сами толкнули народ на эту губительную авантюру.

Всенародное восстание абхазов против российского колониального режима в 1877г. и его трагические последствия. После подавления восстания 1866г. российское правительство уже более спокойно приступило к проведению крестьянской реформы в Абхазии. 8 ноября 1870г. император Александр II утвердил *«Поло-*

жение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе», официальное объявление которого было приурочено к 10-летию отмены крепостного права в России – 19 февраля 1871г. Однако реформа не удовлетворяла как крестьян, так и помещиков, тем более, что она в целом затянулась, а многие пункты так и не были выполнены. Это обстоятельство, а также дальнейшее ужесточение колониального режима, не могли не вызвать недовольство абхазов, которые, помимо всего, подвергались и активной антироссийской пропаганде со стороны протурецки настроенных сил как внутри Абхазии, так и за её пределами. Особенно активизировались реваншистски настроенные махаджиры, которые в ожидании новой русско-турецкой войны активно приступили к подготовке очередного антироссийского мятежа в Абхазии.

В историографии фундаментально исследована история абхазского восстания 1877г. Русские историки XIXв. следовали официальной трактовке и события в Абхазии рассматривали как очередное «предательство» абхазов. Совершенно другую оценку давали этим событиям видные представители грузинской интеллигенции II половины XIXв., которые, во всём обвиняя колониальные власти, всемерно старались оправдать действия абхазов. Наиболее отчётливо эта тенденция проявлена в публикации известного деятеля грузинского национально-освободительного движения Гиоргия Церетели в газете «Голос» (от 15 августа 1877г.): «Абхазцы не могли не восстать», так как у них «были отрезаны лучшие земли», поэтому они «оскорблённые и обиженные, давно уже точили ножи и, конечно, взяли за оружие при первом удобном случае. С какой стати положат они теперь».¹³

В современной грузинской историографии (Ш. В. Мегрелидзе) также однозначно признано, что абхазское восстание 1877г. было «продолжением освободительной борьбы абхазского народа против России».¹⁴ Абхазские историки, особенно Г. А. Дзидзария, капитально изучивший данную проблему, особенно не стараются акцентировать внимание на почти всенародный характер протеста абхазского населения, и события 1877г. фактически сводят лишь к нашествию турков. На самом же деле, все имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что турецкие власти отнюдь не пытались своими силами разворачивать крупномасштабные военные операции на территории Абхазии и главную ставку делали именно на создание собственно «абхазского фронта» против регулярных российских войск, при этом руководящая роль отдавалась махаджирам-абхазам.

Именно абхазы-махаджиры составляли основной костяк выса-

дившегося 29 апреля 1877г. около Гудауты первого десанта из 1500 человек, во главе которого стоял Махмед Маргания, махаджир, полковник турецкой армии. Они сразу же вступили в контакт с местным абхазским населением. Решение о начале восстания было принято после совещания в доме «влиятельного абхазца» Херипса Маршания.¹⁵ Русские регулярные части, расположенные в Абхазии, в частности, т.н. «Сухумский отряд», который, как указывается в официальном материале, «предназначался... для отражения мелких неприятельских десантов имевших целью грабеж прибрежных пунктов или возбуждение против нас **мало преданных нам (т.е. русским – З.П.) абхазцев**»,¹⁶ оказались совершенно неподготовленными к активному отражению противника. Предала и т.н. «абхазская милиция», не оказавшая никакого сопротивления Узбеку Маршани – беглому разбойнику, который во главе 30 махаджиров атаковал Пицундский пост и занял его.¹⁷

Начальник Пицундского отдела майор Гаевский, «считая невозможной борьбу с высадившимся десантом и с возмущившимся населением», также без боя покинул вверенный ему участок и отступил к Сухуми. Преследовавшие его «Абхазы, – как отмечается в официальных сводках, – ворвались в Ново-Афонский монастырь и предали его разграблению».¹⁸ Далее в тех же материалах указывается, что «известие... об измене и восстании Гудаутского участка побудило генерала Кравченко (начальник Сухумского отдела – **З.П.**) занять линию р. Гумисты, чтобы предотвратить распространение мятежа по Гумистинскому участку... и **прикрыть Сухум от прорыва к нему возмущившихся абхазов**».¹⁹ Для этой цели он даже приказал «начальнику отрядной кавалерии полковнику, князю Шарвашидзе» перейти на «левый берег Гумисты» и там оказать сопротивление двигавшимся в сторону Сухуми абхамам.²⁰ Однако эта мера не принесла успеха.

Тем временем восстание шло по нарастающей линии. По сведениям того же полковника Григория Шарвашидзе, «один из влиятельных махаджиров, Камбулат Маргания... советовал абхазцам перейти на сторону турков». Абхазы в начале были в замешательстве и не решались выступить против русских, хотя, как выясняется, ему всё же удалось привлечь на свою сторону население Гудаутского округа и 2 мая, ночью «**абхазцы ... массою ворвались в город (Сухуми – З.П.), зажгли его с разных сторон и предали грабежу**».²¹ 6 мая 1877г. десант был высажен в Очамчире – «500 человек частью старых абхазцев, **частью возмущившихся абхазцев Пицундского округа**».²² Однако слухи о приходе подкрепления к русским, выну-

дили их на этот раз воздержаться от дальнейшего наступления, и «высадившиеся абхазцы» довольствовались тем, что «**сожгли дотла**» Очамчире.²³

Абхазское население Очамчирского округа, по мнению наблюдателей, «хотя и не выражало... открытой вражды» к русским, тем не менее, «было взволновано и... ожидало только решительных действий турок в пределах округа, чтобы» присоединиться к восстанию. Российское командование опасалось и отпадения самурзаканцев,²⁴ хотя эти опасения явно были преувеличены. То, что население Самурзакано в целом не только не поддерживало восстание, а наоборот, опасалось прихода абхазских повстанцев, видно хотя бы из поведения **населения Бедийской общины**, которое, «**под впечатлением первого страха перед неприятелем, начало бежать к Ингуру**».²⁵

Более того, Самурзаканцы приняли активное участие в подавлении восстания. Особенно отличилась сотня самурзаканцев князя Бата Эмухвари. Именно эта сотня, во время одного сражения, в котором регулярными российскими частями командовал полковник Гр. Шарвашидзе, настигла отряд восставших и взяла в плен уже упомянутого нами известного вождя повстанцев Херипса Маршани.²⁶ В этом сражении против восставших выступали также отряды других абхазских князей: Алмасхида Маршани и Чагу Маршани. Большое влияние на поведение абхазского населения Очамчирского округа оказал Григол Шарвашидзе. Определённую роль сыграли и князья Шемаф и Мурзакан Анчабадзе.

Все эти факты говорят о том, что часть абхазской феодальной элиты (в основном из Абжуйской и Самурзаканской Абхазии) не поддались турецко-исламской агитации, и наряду со своими грузинскими собратьями, ведущими под флагом России чуть ли не отечественную войну против Турции за освобождение исконных грузинских земель, сохранила верность Российскому престолу.

В июле 1877г., после того, как российское командование приняло дополнительные меры для усиления абхазского фронта, наступил перелом в военном противостоянии в Абхазии. Ударную силу российских частей составил т.н. «Ингурский отряд» под командованием генерал-майора Алхазова (Яков Каихосрович Алхазидзе), который наступал с юго-востока. Со стороны Сочи в Абхазию направились подразделения полковника Шелковникова, а через Марухский перевал двигался отряд генерал-майора Бабица. 10 августа русские взяли Лыхны и Гудауту, а 20 августа 1877г. ген. Алхазов вступил в Сухуми. Накануне генерального наступления высокопоставленные российские чиновники всё ещё надеялись на то, что часть

абхазского населения одумается и перейдёт на сторону правительственных войск. В этом плане представляет интерес предписание не раз упомянутого нами генерала Святополка-Мирского начальнику Ингурского отряда: **«Вероломство абхазцев, – писал он, – заслуживает, по всей справедливости, самого строгого наказания, размеры которого будут зависят от Высочайшей воли Государя Императора, но несчастный народ этот может еще облегчить свою участь и заслужить некоторое снисхождение, обратившись против турок и содействуя нашим войскам для их изгнания из Сухума».**²⁷

Ещё раньше к абхазскому населению Очамчирского округа обратился и генерал Алхазов, который призвал их к благоразумию. Эти призывы возымели действие в основном на жителей Очамчирского округа. В Гудаутском округе также имели случаи лояльного поведения жителей некоторых абхазских деревень,²⁸ однако, в целом, население этого края не прекращало сопротивления. Так например, по оперативным сводкам стало известно, что в ночь на 9 августа абхазцы заняли Пицунду, «где разграбили старинный храм, (они) угоняли скот, ...уводили жителей в Гудауты, с намерением отправить их к берегам Анатолии».²⁹ В результате военных действий сильно пострадал г. Сухуми. «Остаться в Сухуми, – читаем в официальной сводке, – нашим войскам было бесполезно и невозможно: города уже не существовало, окрестное население поголовно ушло в Турцию».³⁰

Восстание 1877г. было самым крупномасштабным выступлением абхазов против России и оно, конечно, не могло остаться безнаказанным. **«Выступление абхазского населения на стороне Турции, – пишет абхазский историк С. З. Лакоба, – повлекло за собой более сильные, чем в 1866 году, политические репрессии. За участие в этом восстании почти всё население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено «виновным».**³¹ Идею объявления абхазов «виновным населением» ещё в 1878г. властям подал начальник Сухумского отдела полковник П. Аракин, который мотивировал своё предложение тем, что «определить степень причастности к мятежу каждой общины и отдельных лиц путём расследования потребует слишком много времени».³² 31 мая 1879г. последовал царский указ, в котором абхазы были уже официально признаны «виновным населением».³³

Российские власти приступили к высылке активных участников восстания в разные регионы России. Однако арест и наказание не были самоцелью для русской администрации. Власти явно предпочитали, чтобы главарь восстания добровольно покинул Абхазию. Вот, что писал по этому поводу Д. Святополк-Мирский: «Вы-

дачи зачинщиков не требовать, такая мера могла бы только затруднить изъявления покорности массою населения. Небольшая беда, если наиболее виновные из абхазцев удалятся из края вместе с турками». ³⁴ На первый взгляд, остаётся впечатление, что имперские власти не очень заинтересованы в том, чтобы все «туземцы» покинули Абхазию. Более того, имеются отдельные факты усилий властей переманить на свою сторону абхазов и для этой цели использовать авторитет некоторых представителей администрации, имеющих определённое влияние среди абхазов. В частности, к таковым следует отнести подполковника, князя Дмитрия Чавчавадзе, который, в своё время, по словам помощника главнокомандующего российскими войсками на Кавказе, «управлял Пицундским округом... и... имеет там много связей и может быть... полезен... Никто более его, – продолжает далее высокопоставленный чиновник, – не способен... склонить туземцев на нашу сторону». ³⁵

Следует отметить, что о большом авторитете Дмитрия Чавчавадзе среди жителей Бзыбского округа ещё в 1867г. писала выходящая в Тбилиси газета «Дроеба». ³⁶ Так, по сообщению корреспондента газеты, абхазы были благодарны и хвалили князя Д. Чавчавадзе за то, что он убедил их не покидать родной край. В результате, всё население Бзыбского округа, за исключением лишь жителей одного села, решило остаться. * Однако, это было в 1867г., а после подавления восстания 1877г. правительство уже стало всё меньше церемониться с абхазами и всемерно стремилось на этот раз навсегда покончить с мятежным населением. Уже ничего не мешало реализации плана того же Святополка-Мирского, который ещё в 1866г. ставил вопрос о выселении всех абхазов в Турцию: «Одно только есть радикальное средство для устранения всякой для нас опасности со стороны Сухумского отдела, – писал он, – это переселение в Турцию жителей Абхазии... Если решиться на такую меру, то всякие другие соображения сделаются излишними, и вопрос закончится навсегда». ³⁷

Действительно, Российское правительство, как совершенно правильно указывал Г. А. Дзидзария, «продолжая политику очищения

* „ამ საგანზე ძლიერი ქება გვესმის აფხაზებისგანაც და სხვა გარეშე პირთაგანაც ბზუფუს მაზრის უფროსზედ თ. დიმიტრი ჭავჭავაძეზედ. მან გააგებინაო ხელმწიფე იმპერატორის ბრძანება და მამობრივი მზრუნველობით აუხსნა მათი ახლანდელი და შემდგომი მდგომარეობა, რომ რუსეთის მმართველობის ხელ-ქვეით ყოფნა სჯობიაო ოსმალეთის მმართველობის ხელქვეით ყოფნას. მთელი ბზუფუს მაზრა დარჩაო გადაუსახლებელი გარდა ერთი სოფლისა... ასე ამბობენ აფხაზები, ხალხი მას უმაძღის“.

Абхазии от местного населения, не только не препятствовало, а наоборот, поощряло и способствовало насильственному выводу абхазских крестьян... Поощряя махаджирство и принуждая к нему, правительство стремилось к освобождению земель Абхазии в целях развития широкой колонизации края, а также из военно-стратегических соображений».³⁸ Следует отметить также, что абхазам было запрещено селиться в приморской зоне.

Таким образом, восстание 1877г. и последовавшее махаджирство обернулось тяжелейшей трагедией для абхазского народа. Почти половина абхазского населения была вынуждена покинуть родные места и оказалась на чужбине. Конечно, было бы неверно всё сваливать на российские власти – определённую вину за эту трагедию, безусловно, несут протурецки настроенные лидеры, ввергшие своими опрометчивыми и авантюристическими действиями собственный народ в неопишуемые бедствия. Однако главной виновницей всего произошедшего, вне всякого сомнения, была Российская империя – империя зла, беспощадно сметавшая на своём пути всех и вся.

Глава X

МАХАДЖИРСТВО АБХАЗОВ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АБХАЗИИ В 80-90-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Махаджирство абхазов и грузинская общественность. Махаджирство абхазов, инспирированное Российской империей, однозначно признано величайшей трагедией в истории абхазского народа. В этот тяжелейший для абхазского народа период в защиту «виновного населения» выступили лучшие сыны Грузии, руководители национально-освободительного движения: И. Чавчавадзе, Г. Церетели, С. Месхи, Я. Гогешвили и другие, которые, как уже отмечалось, главную вину за трагедию абхазского народа возложили именно на российские власти. «Это невероятное умопомрачительное явление, – писал И. Чавчавадзе о махаджирстве, – случается тогда, когда людям говорят: или смерть здесь или жизнь там».¹ Он призывал правительство с сочувствием отнестись к народной боли. «Если правительство хочет показать народу своё доброе сердце, – отмечал И. Чавчавадзе, – то это именно нужно сейчас, когда народ требует помощи».²

В связи с махаджирством, специальную статью *«Абхазы и Абхазия»* поместил в газете *«Дроеба»* известный публицист и общественный деятель С. Месхи. В ней он также обращался к правительству с призывом облегчить участь абхазов-махаджиров и дать им возможность вернуться на родину. «Будем надеяться, – писал С. Месхи, – что... правительство не воспрепятствует и позволит всем абхазам, которые того пожелают, возвратиться и поселиться в своей стране. Помимо чувства человеколюбия этого требует справедливость». С. Месхи глубоко переживал тяжёлую участь абхазского народа. «Народ, беззаветно любящий родину, – пишет он, – вынужден покинуть её – переселиться в Турцию и на чужбине искать свою судьбу. Он не сознавал того, что ожидало его впереди ... Абхазы оставили свои родные места, свою землю, горы, поля и хижины и переселились в Османию, где их ждало большое горе и тяжкая жизнь». С. Месхи далее приводит материал из статьи очевидца события Д. Мачавариани, опубликованной также в газете *«Дроеба»*, в которой сообщалось, что «большая часть абхазов, которых взяли корабли для переселения в Турцию, плакала, рыдала, простирала руки к родной стране и когда прощалась, говорила: доложите русскому правительству, что идём не по своей воле, силой ведут нас и поэтому пусть сочтут нас пленными врагов, а не предателями».³

Близко принимал к сердцу трагедию абхазского народа и Я. Гогешвили – соратник И. Чавчавадзе, писатель, педагог, общественный деятель. «Нынешняя война (подразумевается русско-турецкая война 1877-1878гг. – З.П.), – отмечал он, – между другими многочисленными последствиями, повлекла за собою и тот результат, что один из замечательных уголков нашей окраины вдруг сделался совершенно безлюдным, будучи покинут почти всеми своими жителями. Мы говорим об Абхазии и её жителях, оставивших свою родину и переселившихся в Турцию. **Переселение это, без всякого сомнения, не временное, а безвозвратное. Абхазия никогда больше не увидит своих сынов**».⁴

Весьма трогательную статью о трагической судьбе абхазов-махаджиров опубликовал в газете «Дроеба»⁵ известный грузинский писатель, литературовед, общественный деятель Иона Меунаргия. В своей статье, названной «*Между двумя землями*», он пишет: «Представьте себе, в каком положении должны быть эти бедные абхазы, как рабы сваленные друг на друга на корабле..., не имея ни пищи, ни питья, ни одежды и самое худшее – права выхода на сушу. Что может поделать человек, до каких пор должны терзаться в море эти обездоленные люди? Кто должен спасти их от гибели?» Автор прямо обвиняет российское правительство, а также Турцию, в том, что они «не хотят выпустить этих людей на свою родину», и задаёт вопрос: «Какой грех совершил этот народ, что несчастной жизнью не смог искупить вину?».⁶

Далее И. Меунаргия описывает, как бесчеловечно относились к абхазам-махаджирам: «Абхазов из нашего порта до Османского кидают как мяч, откуда выстрелом из ружья возвращают обратно и находятся эти обездоленные люди, безнадёжные и отчаянные, меж двух земель... Несколько лет назад, – продолжает И. Меунаргия, – директор московского зоологического парка был замечен в том, что обделил пищей животных зоологического парка, в связи с чем в газетах и журналах был поднят большой шум. Этот варвар, писали журналы и газеты, мучает животных. Насколько более потрясает удел этих малолеток и матерей, которые умирают с голоду между небом и землёй... Но что предприняло наше человеколюбие, наше великодушие».⁷

Проблемы махаджирства абхазов, как уже отмечалось, специально коснулся Г. Церетели. «Абхазия прекрасна, – писал он, – но заслуживает сожаления, что этот земной рай почти опустел от местных жителей».⁸ Тот же Г. Церетели в газете «Голос» (от 25 октября 1877г.) задавался вопросом, «можно ли называть местность эту по

прежнему Абхазией, когда абхазцев в ней уже нет». Он, также как Я. Гогешашвили, подверг резкой критике осуществляемые российским правительством мероприятия по заселению опустевших территории переселенцами из метрополии.⁹

Грузинская общественность оказывала не только моральную поддержку абхамам-махаджирам, но и практическую помощь. В частности, об этом сообщал батумский корреспондент газеты *«Дроеба»* Давид Церетели, который приводил факты оказания материальной помощи грузинским населением абхамам-махаджирам. Он же с большим сочувствием писал о бедственном положении т.н. «Батумских» абхазов. «Каждое утро, – отмечал корреспондент, – проходя в Батуми, перед дверью губернатора можно было увидеть пожелтевших от голода женщин и детей, которые просили: «Отпустите, отпустите в Абхазию».¹⁰

Можно привести и другие примеры проявления солидарности представителей грузинского передового общества к своим попавшим в беду абхазским собратьям. Об этом известно давно. Одним из первых учёных, осветившим эту проблему, был не кто иной как абхазский учёный Г. А. Дзидзария, который в своих трудах как раз и приводил изложенные нами выше факты. К сожалению, в последние годы некоторые «деятели» в Абхазии стали забывать обо всём этом, и всемерно пытаются ввести в заблуждение абхазскую общественность, выдвигая кощунственные обвинения в адрес грузинской интеллигенции того периода.

Этнодемографическая ситуация в Абхазии в 80-90-х годах XIX века. В последнее время для подогревания антигрузинских настроений, идеологами сепаратистского движения часто используется этнодемографическая ситуация в Абхазии после махаджирского периода. Некоторые абхазские историки и отдельные представители интеллигенции всемерно пытаются внушить своим соотечественникам мысль о том, что вся территория современной Абхазии издревле была населена исключительно абхазскими племенами, и что грузины в Абхазии появились только после 70-х годов XIX в., т.е. после махаджирства абхазов. Особенно в этом преуспел уже не раз упомянутый нами абхазский историк С. З. Лакоба, который одну из своих публикаций по этому вопросу даже назвал не иначе как *«Столетняя война Грузии против Абхазии»*, в которой он обрушился на статью Я. Гогешашвили *«Кем заселить Абхазию»*, напечатанную в нескольких номерах русской газеты *«Тифлисский вестник»* в 1877г. По мнению С. З. Лакоба, именно с этой статьи, являвшейся, – как он пишет, – «первой программной работой» по «колонизации Абхазии

грузино-мегрелами», и следует начинать историю пресловутой «сто-летней войны».¹¹

В этой, а также некоторых других своих публикациях, С. З. Лакоба, путём тенденциозного подбора и анализа статистических данных переписей населения, преднамеренно искажает факты и вводит в заблуждение общественность. В своё время грузинские учёные (С. Лекишвили, А. Тотадзе и др.), на основании более обстоятельного научного анализа тех же данных, а также других материалов, о которых почему-то умалчивает абхазский исследователь, показали всю нелепость суждений С. Лакоба об этнодемографических процессах в Абхазии в конце XIX и первой половине XXв.

В последние годы в научный оборот введены некоторые новые документальные материалы, однозначно подтверждающие проживание в Абхазии, и не только в южных её областях, но даже севернее реки Гумиста, в окрестностях Гудауты и Пицунда, достаточно большого процента населения с явно грузинскими (т.е. мегрельскими) фамилиями. Мы имеем в виду опубликованный недавно Г. А. Гасвиани список жителей некоторых общин Абхазии крещённых в 30-х годах XIXв. В этом списке фигурируют жители таких традиционных сёл как Лыхны и Дурипш (совр. Гудаутский р-н), а также общин: Квитоули, Тамиши, Киндги, Поквеша, Тхина, Мокви и т.д. (совр. Очамчирский р-н). Так вот, подавляющее большинство жителей-христиан этих сёл носят мегрельские фамилии, и лишь немногие являются абхазского происхождения. В этой связи, особенный интерес вызывает материал по Лыхненской общине, где из 214 лиц 167, т.е. больше 78%, были явно грузинского происхождения, и всего лишь 47 – около 22% – абхазами. Примерно такое же соотношение и в других названных выше общинах.¹²

Конечно, могут возразить, что это списки христиан, а в этих общинах жили и мусульмане. Да, в этих сёлах действительно жили и мусульмане, и никому в голову и не придёт отрицать это. Но оказывается, и среди этих мусульман также было немало людей с грузинскими (мегрельскими) фамилиями. И это не только из районов южной Абхазии (окрестности Сухуми, сёла совр. Гульрипшского и Очамчирского р-нов), но и в р-не Гудауты-Пицунда. Ярким подтверждением этого является официальный список лиц переселившихся в Турцию в 1867г., после подавления восстания 1866г., составленный чиновниками русской администрации. Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что в этот список (который в своё время явно был известен и абхазскому учёному проф. Г. А. Дзидзария, но почему-то он не счёл нужным сделать этот важнейший

документ достоянием науки) попали только те лица, которые покинули Абхазию, т.е. махаджирь, из чего логичнее полагать, что больше было тех, кто не поддались мусульманской пропаганде и остались на родине.

К этому заключению мы приходим исходя из общего числа махаджиров, которое, при всём желании, никак не может превышать 30 тысяч человек. По данным грузинских исследователей, их было ещё меньше, около 15-20 тысяч человек, часть которых вернулась обратно. В этом списке махаджиров встречаются такие грузинские (в основном мегрельские) фамилии, как Гогуа, Чкадуа, Куталия, Гварамия, Лагвилава, Папава, Хорава, Габелия, Пачулия, Малания, Чолокуа, Гуния, Гиндия, и даже Кикнадзе.¹³

Ещё более примечательной является официальная сводка о тех жителях (дворянах) Бзыбского округа, которые в 1877г. «предали» отечество и престол. В этом документе, наряду с абхазскими дворянами Соломоном Лакербая, Константином Маргания, Хасаном Лакербая, названы: Давид Топурия, Константин Копешавидзе, Халил Пилия, Мамсир Багателия, Хасан Пилия, Лука Гегенава,* грузинское (мегрельское) происхождение которых вряд ли вызывает сомнения. Эту часть населения Абхазии генетически, подчёркиваем **генетически**, конечно ничего не связывает с абхазским (апсуйским) этническим миром. Однако утверждать, что все они тогда всё ещё были грузинами, как это делают некоторые грузинские исследователи, неправомочно. Подавляющее большинство вышеназванных махаджиров, вне всякого сомнения, в это время уже считались абхазами. Более того, они уже были мусульманами (иначе не стали бы махаджирями). Именно за счёт таких абхазов, т.е. вчерашних грузин-мегрелов, а также т.н. «самурзаканцев», которые совершенно произвольно причисляются к абхазскому этническому миру, и представляется Абхазия (до 1877г.) С. З. Лакоба и ему подобным этнически однородной, исключительно абхазской страной, где практически отсутствовало грузинское население.

Колонизационная политика Российской империи в послемахаджирский период. После подавления Россией почти семидесятилетнего «абхазского сопротивления» и объявления мятежных абхазов «виновным населением», Российская империя, очистившая значительную территорию современной Абхазии от непокорного населения, приступила к реализации широкой программы колонизации и внесения «в край русской гражданственности», а «лучшим средст-

* За предоставление этой информации автор благодарит доктора **Р. И. Чантурия**.

вом» для успешного решения этой важнейшей государственной задачи была признана колонизация Абхазии исключительно «русским населением». ¹⁴ Главной помехой для российских властей на пути русификации Абхазии становилось коренное грузинское население края, которое, в условиях подъёма национально-освободительного движения в Грузии, всё больше консолидировалось в единую грузинскую нацию, что коренным образом противоречило интересам колониальной политики российского правительства.

Царизм, последовательно проводя в жизнь известную имперскую формулу «разделяй и властвуй», всеми средствами стремился разобщить грузинский народ и не допустить общенациональную консолидацию. В этом плане особенно большую работу проводили по пробуждению «национальных» чувств среди мегрелов, объявляя их негрузинами. Частью этой политики было и объявление «самурзаканцев» негрузинами и их причисление к абхазскому этносу. Наиболее наглядно это видно из официальных документов, исходивших от Кутаисского генерал-губернатора ген. Гершельмана. Так, в докладной записке от 2 сентября 1900г., отмечая чрезвычайную пестроту населения Сухумского округа (т.е. современной Абхазии), он писал, что «в общей массе... в 96 377 душ обоего пола преобладающий элемент составляют абхазцы, а именно 71%, причисляя к ним и самурзаканцев (абхазцев 33,5%, самурзаканцев 37,5%)». ¹⁵ В другом документе ген. Гершельман даёт сведения о населении Сухумского округа к 1 января 1900г. По его данным, достоверность которых, в принципе, в целом не должна вызывать сомнения, «в Сухумском округе... числилось 103 262 души обоего пола, из коих 36 352 самурзаканцы, 32 127 абхазцев, 16 195 мингрельцев, 7 812 турецкоподданных армян, 4 486 русских, 3 862 грека, 6 грузин, 3 имеретинца, 3 гурийца, 820 немцев и эстонцев, 934 турка и остальные народности». ¹⁶

Следует отметить, что бравый российский генерал, сам не замечая, впадает в противоречие, так как в следующем же абзаце только в одном городе Сухуми насчитывает вместо 3-х 1300 имеретинца, и вместо 6 – 200 грузин, и всего лишь 100 абхазов. ¹⁷ Так, одним махом, официальные российские лица жителей Самурзакано, которое они раньше всегда считали владением дома Дадиани, оторвали от остальной Грузии. Именно так надо понимать раздражённое изречение Кутаисского генерал-губернатора по поводу «домогательств грузин огрузинить Сухумский округ (куда в то время входило и Самурзакано – **З.П.**), который, – как он пишет, – никогда не имел ничего общего с Грузией». ¹⁸ Вот как изменилась конъюнктура. А ведь в своё время, официальная Россия присоединение Абхазии обосновы-

вало как раз тем, что она исторически была частью грузинского государства.¹⁹

Мы, конечно, далеки от мысли, что в Самурзакано в XIX в. вообще не проживали абхазы. Более того, мы достаточно обстоятельно осветили этнодемографические изменения, произошедшие в Абхазии, в том числе и в Самурзакано, в XVII-XVIII вв., в результате натиска джико-абхазов и отметили, что абхазы частично проникли в пределы этого края.²⁰ Однако в численном отношении они составляли небольшой процент, и главное, подавляющее большинство этих абхазов фактически омегрелилось. Они были христианами и, как известно, изменили свои фамилии на мегрельский лад (Тарба стал Тарбая, Бутба – Бутбая, Адзинба – Адзинбая и т.д.). То, что жители Самурзакано представляли совершенно иной, чем население глубинных районов Абхазии, этнокультурный мир, особенно наглядно проявилось в период перманентных антирусских выступлений абхазов, когда они фактически оказались в стороне от этой борьбы. Более того, многие из них принимали активное участие в военных операциях по подавлению абхазских мятежников (в частности восстания 1877 г.). Неслучайно, в одном из своих рапортов (от 4 мая 1877 г.) ген. Кравченко (начальник Сухумского отдела), особенно отмечая доблесть бойцов из Самурзакано, писал: «Самурзаканцы молодцы».²¹

Исходя из всего вышесказанного, есть все основания однозначно утверждать, что население Самурзакано, в основном (как минимум 80%), состояло из коренных жителей – мегрелов, и при подсчёте их никак нельзя причислять к абхазскому этносу. Отсюда, если даже гипотетически предположить, что все остальные мегрелы (по данным того же ген. Гершельмана, почти 17000) появились в Абхазии только после 1877 г., что конечно совершенно невероятно, грузинское население, даже в это время, превышало в численном отношении абхазов.

Несмотря на это, как уже отмечалось, абхазские исследователи, в частности С. Лакоба, категорически отрицают проживание грузин на территории современной Абхазии до событий 1877 г. Обосновывая это неверное положение, они пытаются представить дело так, как будто об этом «свидетельствуют многочисленные очевидцы, в том числе и грузинские, а также архивные документы и материалы периодической печати».²² Однако как раз по показаниям очевидцев можно однозначно зафиксировать наличие грузинского населения (именно до махаджирства) в Абхазии, в том числе в самом Сухуми и севернее его.

В доказательство можно привести материал из «Записки» Баг-

ратциона-Мухранского об имениях принадлежавших Гиоргию Дмитриевичу Шарвашидзе, составленной в 1866-1870гг. «В то время (имеется в виду период после распада единого грузинского государства – **З.П.**) собственно Абхазию, – пишет Багратион-Мухранский, – составляли земли по берегу моря к югу до реки Галидзга, к северу до реки Бзыби (по-грузински Капоетисицкали) и, кроме того, к Абхазии принадлежали горные округа: Псху, Ахчи-Псху, Либго и другие... Собственно абхазцы жили только частью в Бзыбском округе и... в упомянутых горных округах. В остальных частях Абхазии, т.е. частью в Бзыбском, в бывшем Абхазском и Абжиквском округах жили большей частью жители смешанные – полумингрельского, полуабхазского происхождения. Это будет совершенно очевидным, – продолжает далее Багратион-Мухранский, – если мы обратим внимание на то, что большая часть земель на плоскости в Бзыбском округе принадлежали Пицундскому Католикосу и монастырю Симона Кананита, в Абхазском округе епископству Драндскому... и в Абжиквском округе епископству Моквинскому – церкви св. Гиоргия Илорского. Все эти церковные земли были заселены крестьянами, пожертвованными церквям и монастырям царями грузинскими, имеретинскими и владетелями Мегрелии, а также и разными помещиками... Так и теперь большинство крестьян, живущих на плоскости, – заключает автор «Записки», – очень хорошо помнят свое мингрельское происхождение».²³

Нам могут возразить, что, мол, этот официальный документ составлен грузином, представителем высшей грузинской дворянской знати, который мог проявить определённую тенденциозность (хотя совершенно очевидно, что автор «Записки» весьма квалифицированно излагает суть дела), но что делать с другими очевидцами, у которых не было никакого резона выискивать мегрелов-грузин в Абхазии. Вот как описывает, например, русский корреспондент газеты «Кавказ» этнодемографическую ситуацию в г. Сухуми в начале 1866г., т.е. ещё до крупного антироссийского мятежа абхазов, после чего как раз и покинула Абхазию первая волна махаджиров: «По окончательном завоевании всего Кавказа (имеется в виду окончание Кавказской войны в 1864г. – **З.П.**) от прежних войск осталась в городе одна пятая доля и с тем вместе город потерял почти 4/5 своих потребителей, но местныя произведения получаются от одних абхазцев, **народа полудикого и крайне ленивого...** Молоко, которое разносят в бурдюках, покупается одними солдатами и **мингрельцами**».²⁴ Из этой корреспонденции совершенно чётко видно, что в Сухуми жили именно «мингрельцы», а собственно абхазы не прожива-

ли в городе, а просто доставляли туда продукты. Более определённо об этом пишет корреспондент в другой части своего материала. «Есть надежда, что солдаты, выходящие в отставку, не будут бросать в Сухум-Кале свою оседлость.., потому что **окружные абхазцы прекратили свое прежнее отчаянное хищничество**».²⁵

То, что абхазов практически не было в Сухуми и до событий 1866 и 1877гг., подтверждается и другой корреспонденцией в той же газете «Кавказ». Автор корреспонденции, освещая культурную жизнь города, рассказывает об открытии российскими властями 3 марта 1866г. женского училища, куда на учёбу вместе с другими поступили 5 абхазок. «Я слышал, – пишет корреспондент, – что многие родители абхазцы желают отдать своих дочерей в училище, затрудняются только в помещении и содержании их, потому что **постоянных жителей из туземцев в Сухуме вовсе нет**, а отдавать к русским или **купцам-мингрельцам** они не решаются или по своей несостоятельности, или же по религиозным предразсудкам».²⁶ Т.е. получается, что «постоянными жителями» г. Сухуми, ещё до абхазского восстания 1866г., были не абхазцы, а мегрелы-грузины, и это не чья-либо выдумка, а реальный факт зафиксированный корреспондентом официальной газеты, в объективности которого вряд ли следует усомниться.

О том, что грузины (мегрелы) составляли подавляющее большинство местных жителей г. Сухуми (до 1866г.), оказываются, свидетельствуют и архивные материалы. Так, в одном официальном документе, отражающем демографическую картину Сухуми 1864г., зафиксировано, что «местных» – мегрелов было – 450 человек, греков – 217, армян – 78, русских – 25»,²⁷ и ни одного абхаза и турка.

Теперь же вновь вернемся к вопросу о т.н. «Самурзаканцах», которых современные абхазские исследователи, как уже отмечалось, совершенно необоснованно причисляют к абхазам и, исходя из этого, манипулируют цифрами. Грузинские учёные (в частности С. Лекишвили) давно разоблачили эту хитрость С. Лакоба и его единомышленников, и на конкретных цифрах показали, как менялась численность абхазов от переписи к переписи. Так, по переписи 1886г. собственно абхазов было 28323 человека, а самурзаканцев – 30640, но общее число абхазов составило 58963 человека, что было получено путём элементарного арифметического сложения выше названных цифр.

Однако существует и другая статистика, о которой С. Лакоба умалчивает. Это материалы переписи 1883г., по которым число абхазов равняется 27526, а самурзаканцев – 25424. Но по переписи

1914г. абхазов было почему-то всего 42073. Ещё больше уменьшилась эта цифра в 1917г. – 38121, а уж в 1923г. абхазов стало вовсе 36816 человек.²⁸ Параллельно с уменьшением численности абхазов происходит рост грузинского населения. Если грузин в 1897г., когда к абхамам присовокупили самурзаканцев и получили 58697 человек, было всего 25873 человека, то в 1923г. их стало – 71181. Но самое интересное произошло в 1926г., когда за три года число абхазов с 26816 человек выросло до 55918 человек. При этом, как указывает С. Лекишвили, ни в 1897-1923гг. не было особых неблагоприятных демографических факторов (эмиграция, репрессии, эпидемии и т.п.), ни, наоборот, в 1923-1926гг. совершенно уж не было никаких объективных условий настоящего демографического бума, в результате чего, как уже было показано, якобы число абхазов за три года сразу выросло почти на 20000 человек.²⁹

Единственным объяснением этих изменений совершенно логично признано как раз причисление коренного населения Самурзакано то к абхамам (в 1886, 1897 и 1926гг.), то к грузинам (1914, 1917, 1923гг.). Интересно, что не кто иной, как признанный лидер абхазских большевиков Н. А. Лакоба в 1926г. официально признавал, что «абхазцев с большой натяжкой около 57-60 тысяч душ. Почему с большой натяжкой? – Спрашивал Н. Лакоба, – «Потому что несколько тысяч человек причисляют себя к абхазской народности, но язык у них не абхазский, а мегрельский».³⁰

Исходя из всего вышеизложенного, любые попытки объявления коренных жителей Самурзакано абхамами и, на основании этого заведомо ложного аргумента, искусственное увеличение численности абхазского населения в XIXв., равно как утверждения об отсутствии коренного грузинского населения в Абхазии вплоть до махаджирства абхазов в 1877-1878гг., являются грубым искажением исторической правды и всецело направлены на разжигание антигрузинской истерии среди абхазов.

Вместе с тем, нельзя отрицать, что с 60-70-х годов XIXв. действительно имел место приток грузинского (в основном мегрельского) населения в Абхазию из соседних районов западной Грузии. В начале российские власти к переселению мегрелов-грузин в глубинные районы Абхазии относились более-менее лояльно. Однако, со временем, обнаружив «сильное противодействие развитию русской гражданственности и русскому направлению в Сухумском округе со стороны грузин, преимущественно мингрельцев»,³¹ русская администрация начала всемерно препятствовать заселению опустевших после махаджирства районов крестьянами из Зугдидского и Сенакско-

го уездов. Известно, что ещё 1872г. император Александр II утвердил особые «Правила», которые, как совершенно справедливо пишет С. З. Лакоба, «препятствовали закреплению на абхазских землях выходцев из западной Грузии». Он же приводит факт изгнания (в 1870г.) начальником Сухумского военного отдела крестьян-мегрелов из Очамчирского округа.³²

Однако открытую дискриминационную политику по отношению к грузинам российские власти стали проводить с 90-х годов XIXв. В этом плане привлекает интерес «Памятная записка о колонизации в Сухумском округе», составленная начальником округа полковником Браккером в 1895г.: «Вселение в Сухумский округ иноземного элемента, допущенное в начале в виду особых условия нестроенного и глухого ещё края, не приостановленное и до последнего времени, несмотря на то, что условия жизни в округе коренным образом изменились к лучшему, необходимо прекратить теперь же, в особенности **вселение мингрельцев**. Желательно сбереечь возможно большой фонд свободной земли для **водворения исключительно коренных русских людей**».³³

Вместе с тем колониальные власти всемерно преследовали цель, «сблизить коренное население Абхазии и Самурзакани с русским и водворить среди него начала русской гражданственности».³⁴ Истинные цели этой оголтелой имперской политики наиболее определённо выразил упомянутый уже нами Кутаисский военный губернатор ген. Гершельман, который в своём докладе писал: «Русская колонизация округа имеет... большое государственное значение в политическом отношении. **Абхазцы** (к ним генерал относит и самурзаканцев – **З.П.**), составляющие главную массу населения округа, **до сих пор представляют из себя народность крайне мало культурную, мало развитую как в умственном, так и в нравственном отношении, шаткую в своих религиозных убеждениях и не раз уже проявившую свою политическую неблагонадежность**. Все это вызывает необходимость особого внимания к ним. Помочь делу можно внесением в край русской гражданственности... **Лучшим средством к осуществлению ее надо бесспорно признать колонизацию края русским населением**».³⁵

Следует отметить, что идею слияния абхазского населения с россиянами идеологи имперской политики пропагандировали ещё в 70-х годах XIXв. Вот, например, что писала по этому поводу официальная газета «Кавказ» (кстати, в ответ на призыв Я. Гогешвили заселить Абхазию мегрело-грузинами): «Абхазии нужны поселенцы, безусловно преданные правительству и энергичные, которые

могли бы отстаивать свою самостоятельность **и повлиять на туземное население так, чтобы заставить его слиться с собою**». По мнению автора статьи, «самый лучший контингент поселенцев могут дать русские губернии южной и средней полосы».³⁶

Власти на деле осуществляли широкую пропаганду заселения Абхазии русскими. Переселенцам из России отводились крупные наделы, по данным С. З. Лакоба, «от 5 до 30 десятин на дым»; им же «предоставлялись денежные пособия, различные льготы».³⁷ Особенно поощрялась дворянская колонизация. Для представителей российской дворянской элиты были выделены крупные имения. «Только в Гумистинском участке, в Дальском ущелье и Цебельде крупные военные и гражданские чиновники, – как указывает С. З. Лакоба, – получили более 27 тыс. десятин земли».³⁸ Исследователи (Г. А. Дзидзария, тот же самый С. З. Лакоба и др.) особо выделяют имения графа Бобринского (7500 десятин), князя Витгенштейна (7443 десятин), графа Толстого (1565 десятин) и др. Крупными землевладельцами были также великий князь Александр Михайлович, принц А. Ольденбургский, Н. Смецкой и др. Значительные земельные площади были пожалованы русским монастырям в Новом Афоне (1327 десятин) и Дранде (300 десятин).³⁹

Глава XI

МЕРОПРИЯТИЯ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ЦЕРКОВНОЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СФЕРАХ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОТТОРЖЕНИЕ АБХАЗИИ ОТ ОСТАЛЬНОЙ ГРУЗИИ

Абхазский алфавит на службе российской имперской политики. Как уже отмечалось, примерно с 60-70-х годов XIXв. русская администрация на Кавказе приступила к проведению мероприятий, главной целью которых было внесение в Абхазию «русской гражданственности», чего стремились достичь путём «колонизации края русским населением». Однако правительство не ограничивалось этими мерами. Как выразился один из российских высших чинов в Кавказской администрации, власти должны были позаботиться о подготовке необходимых условий «для полного слияния абхазцев с населением империи».¹ Для этого же было необходимо вырвать абхазов из общегрузинского историко-культурного организма, что было невысказано без вытеснения грузинской грамотности и книжности.

Такая необходимость была вызвана тем, что Абхазия, несмотря на некоторое отчуждение, наблюдаемое с позднего средневековья и связанное, как уже неоднократно отмечалось, с натиском новой волны горских джико-абхазских племён, в целом, всё же, и в XIXв. оставалась страной грузинской письменной культуры и книжности. Об этом наглядно свидетельствуют не раз цитируемые нами эпистолярное наследие последних владельцев Абхазии и некоторые другие документы. Грузинской оставалась и христианская церковь. Всё это, конечно, не могло не тревожить правительство, всемерно добивающегося русификации края. Поэтому на государственном уровне была поставлена задача искоренения грузинского языка и грузинской книжности в Абхазии. Именно на это была направлена вся политика кавказской администрации в церковной и культурно-просветительской сфере.

Внешне, конечно, всё это выглядело так, как будто власти заботились всего лишь о благе абхазского народа. Особенно это проявилось в создании абхазской письменности. Как известно, ещё в 1862г. известный русский деятель, большой знаток Кавказа, барон Пётр Карлович Услар, используя русскую графику, составил абхазский алфавит. На основе этого алфавита, специальная комиссия в составе И. А. Бартоломея, Д. П. Пурцеладзе и В. Г. Трирогова под-

готовила и издала в 1865г. абхазский букварь. Следует особо отметить, что этот букварь, по признанию председателя комиссии Бартоломея, был составлен «при содействии природных абхазцев» – священника Иоана Гегия, прапорщика Георгия Курцикидзе и Симеона Эшба.²

Создание абхазской письменности, безусловно, было большим событием в жизни абхазского народа и одними из первых, кто приветствовал это, были лучшие представители грузинской интеллигенции. Наиболее чётко это выразил не кто иной, как Яков Гогебашвили, которого, как уже отмечалось, отдельные абхазские исследователи (С. З. Лакоба) обвиняют в идеологической подготовке пресловутой «Столетней войны» Грузии против Абхазии. «Некоторые газетные корреспонденты, – писал Яков Гогебашвили, – вражески относятся к переводу богословских книг на абхазский язык и исполнения на этом языке богослужения. Это очень изумляет. Хотя Абхазия на протяжении многих лет составляла часть политического тела Грузии, там богослужение совершалось на грузинском языке и письменность была грузинской, но без сомнения абхазский язык не наречие грузинского, а независимый язык, хотя и родственный ему. Как независимый язык, – заключает Яков Гогебашвили, – он бесспорно имеет право на своё богослужение, свою письменность, свою народную литературу... Мы, грузины, пламенно желаем развития и обогащения, как нашего богословского языка, так и родной литературы, обязаны желать того же другим национальностям, среди них абхамам».³

Среди тех, кто приветствовал создание абхазской письменности, был и епископ Кирион, которого, как известно, также причисляют к «врагам» абхазского народа. Он даже высказал желание, «принять участие в составлении национального учебника абхазского языка», и призвал сухумских грузин «всячески содействовать абхамам в этом культурном начинании».⁴

То, что представители грузинской интеллигенции не ограничивались простыми приветствиями, а принимали самое непосредственное участие в создании абхазской письменности, свидетельствует приведённый выше факт участия в комиссии, подготовившей абхазский букварь, Д. А. Пурцеладзе, а также т.н. «природных абхазцев», а на самом деле грузин – Иване Гегия и Георгия Курцикидзе. И, наконец, одним из вдохновителей и составителей абхазского букваря, изданного в 1892г., вместе с основоположником абхазской национальной литературы Д. И. Гулиа был известный грузинский деятель Константин Давидович Мачавариани. Не вызывает никакого

сомнения, что поддержка и помощь, оказанная грузинскими деятелями в деле создания абхазской письменности, были проявлением искренних братских чувств к абхазскому народу и не имели ничего общего с побуждениями т.н. российских «покровителей», якобы заботившихся о благе «малых народов».

Истинные цели языковой политики России не сумел скрыть даже сам П. Услар, который, признавая преимущества грузинского алфавита – «едва не совершеннейшего из всех существующих алфавитов», который можно было принять «за основание для общей азбуки всех кавказских языков, чуждых до сих пор грамотности», вместе с тем отмечал: «если мы позаимствуем у грузин не только систему азбуки, но и начертания букв, то совершенно произвольно создадим затруднения, которые тем будут ощутительнее, чем более русская грамотность распространится по Кавказу... **Туземная грамота должна служить только тому, чтобы облегчить для них изучение русского языка**».⁵

Ещё дальше в этом направлении пошёл другой видный российский деятель Евгений Вейденбаум, который открыто заявлял, что главной целью создания абхазской письменности было вытеснение грузинского языка и грузинской письменности: «Абхазский язык, не имеющий письменности и литературы, – писал Е. Вейденбаум, – обречён, конечно, на исчезновение в более или менее близком будущем. Вопрос в том: какой язык заменит его?.. Очевидно, **роль проводника в население культурных идей и понятий должен был бы играть не грузинский, а русский язык... поэтому учреждение абхазской письменности должно быть не целью само по себе, а только средством к ослаблению, путем церкви и школы, потребности в грузинском языке и постепенной замене его государственным. Упустив это из виду мы рискуем создать, сверх грузинской и прочих автономий, еще и автономию абхазскую**».⁶

Таким образом, совершенно очевидно, что при создании абхазской письменности имперских властей меньше всего волновала судьба абхазского народа и их старания целиком и полностью были направлены на искоренение грузинского языка и грузинской письменности в Абхазии.

Церковная политика Российской империи в Абхазии. Имперские цели преследовала политика российских властей в церковной сфере. Так, указом Святейшего Правительствующего Синода от 3 сентября 1898г. было установлено, что «богослужение и все христианские требы в приходах с абхазским населением совершать на славянском наречии».⁷ Власти хорошо понимали, что главным пре-

пятствием на пути обрусения края было грузинское духовенство, в руках которого всё ещё находились «такие сильные средства, как церковь и школа».⁸ Это обстоятельство российскими официальными лицами рассматривалось не иначе, как «зло», которое «надо пресечь раз и навсегда, вырвать с корнем».⁹ Поэтому указом от Грузино-имеретинской синодальной конторы от 17 марта 1898г. было «воспрещено преподавание грузинского языка в школах Абхазии и Самурзакани».¹⁰ Большое значение придавали власти учреждению «Сухумской горской школы для воспитания преимущественно детей абхазцев, и предоставления им же казённых стипендий в Ставропольской гимназии».¹¹ Особым распоряжением был установлен надзор «епархиальной и административной властей за соблюдением... распоряжений относительно богослужения и школьного преподавания».¹² Всему этому сопутствовало «Ограничение грузин в праве прописываться к коренному населению сельских обществ, которое» давалось «тем из них, кто водворился до 1865г.».¹³

Все эти меры, по признанию самих же властей (в частности, того же ген. Гершельмана), прежде всего, были направлены на то, чтобы уберечь абхазов «самым надёжным образом... от грузинского влияния» и обеспечить в будущем слияние «туземного населения с русским».¹⁴ «Единственной мерой» же для этого предлагалось изъятие «церкви и школы из рук грузинского духовенства», и назначение «в Сухумскую епархию в приходы с абхазским и самурзаканским населением русских священников и по мере возможности абхазцев».¹⁵ «При условии назначения в Сухумском округе русского духовенства, – писал в своём докладе не раз уже цитируемый нами Кутаисский военный губернатор ген. Гершельман, – церковные школы могут там безопасно получить широкое развитие и послужат серьёзным подспорьем для поднятия уровня умственного и нравственного местного населения...».¹⁶ В том же докладе ген. Гершельман, призывая к тому, чтобы «население Сухумского округа было... самым надежным образом убережено от грузинского влияния», отмечал: «предлагаемые меры круто повернут дело в сторону государственных интересов и положат навсегда предел домогательствам грузин огрузинить Сухумский округ».¹⁷

Однако российским властям казались недостаточными меры, предпринятые в области церковной политики, и они считали необходимым вообще вырвать Абхазию из общегрузинского христианского организма. Вот что писали в этой связи главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Голицын и экзарх Грузии Алексей обер-прокурору Синода: «Сухумскую епархию... желатель-

но оторвать от весьма нежелательного грузинского влияния. С этой целью было бы полезно присоединить Сухумскую епархию к Кубани. В Кубанском крае насчитывается 1,716.245 чисто русского православного населения. В этой массе легко растворится 100.000-е многоязычное население черноморского побережья».¹⁸

Грузинские и абхазские деятели против имперской политики России. Гиорги Шарвашидзе. В результате оголтелой антигрузинской политики, не только в Сухуми, но даже в Самурзакано сложилась весьма неблагоприятная ситуация, которая стала тревожить представителей грузинской интеллигенции, возвысивших голос против притеснения грузинской церкви и школы. Об этом свидетельствует, в частности, публикация материала известного грузинского деятеля Тедо Сахокия в столичной газете: «*Санкт-Петербургские ведомости*» (1 июля 1900г. №177), в которой автор разоблачал русификаторскую политику тогдашнего руководства экзархата Грузии и руководителей Сухумской епархии. Следует отметить, что именно Тедо Сахокия возглавил т.н. «Грузинскую партию», главной целью деятельности которой, как указывалось в официальной сводке, было всемерно «воспрепятствовать мерам правительства сблизить коренное население Абхазии и Самурзакани с русским и водворить среди него начало русской гражданственности».¹⁹

Активными участниками движения возглавляемого Тедо Сахокия были люди известные не только в Абхазии, но и по всей Грузии: Антимоз Джугели, Иване Гегия, Григол Канделаки, Иване Бурчуладзе, Парна Давитая, Давид Мачавариани, Иоане Чхенкели, Виссарион Хелая (впоследствии Католикос-Патриарх Грузии), Спиридон Норакидзе, священник Кереселидзе и др. По материалам следствия по делу Т. Сахокия и его сподвижников, т.н. «Грузинская партия» состояла «под тайным покровительством деятельных руководителей епископов – грузин: Гурийско-Мингрельского – Александра (Окропиридзе), викария Кириона (он же Кирион II – первый Католикос-Патриарх Грузии), члена синодальной конторы Леонида (впоследствии так же Католикос-Патриарх Грузии) и др.».²⁰ «Грузинская партия» вела борьбу, в первую очередь, против ренегатов грузин, в числе которых называют настоятеля Гумуришской церкви Иване Кавжарадзе, надзирателя Очамчирской школы Бориса Хорава и др., которые активно проводили в жизнь указания российских клириков.²¹

Однако, несмотря на все старания российских чиновников, в Абхазии всё ещё находились силы преданные узам историко-культурного единства грузинского и абхазского народов. Ярким свидетельством этого является приезд т.н. «абхазской делегации» в Тбилиси

и её переговоры с наместником Кавказа великим князем Николаем Николаевичем 26 апреля 1916г. Во главе этой делегации был князь Ал. Шарвашидзе. Кроме него в состав делегации входили князья: Дмитрий Маршания, Астамур Инал-ипа, Гиорги Шарвашидзе, Петре Анчабадзе, а также крестьяне – Антон Чукбар и Езухбая. «Абхазская депутация» наместнику Кавказа представила специальную петицию, в которой говорилось: *«С древнейших времён до присоединения к России христианство в Абхазии распространялось грузинским духовенством, которое было общим для грузинской церкви Абхазии и которое находилось под покровительством правящих... князей и народа Абхазии. Это духовенство имело большое влияние в Абхазии и проявило удивительную способность и выносливость в распространении христианства во всех тех районах, где оно по тем или иным препятствующим причинам не прижилось. Затем, после присоединения к России Грузии и Абхазии и упразднения независимости грузинской церкви с подчинением Синоду, дело распространения христианства и его популяризация весьма затруднились; даже древнейшие христиане в некоторых районах Абхазии омусульманились. Причину этого прискорбного явления, – по утверждению членов депутации, – несомненно следует искать в постоянном отделении друг от друга народа и проповедников христианства, пытавшихся распространять его на непонятном населению языке. Со второй половины XIXв. в церквях Абхазии ввели службу на непонятном народу славянском языке. Прервалась непосредственная связь между народом и духовенством, что привело нашу церковь до сегодняшнего жалкого состояния. Ныне, ходят слухи, что Синод имеет проект об отделении Сухумской Епархии от Грузинского экзархата; Это навсегда покончит с целями церкви восстановить в Абхазии христианство... В вопросе вероисповедания не должно быть места для политики. ...По этим соображениям в целях защиты интересов вероисповедания, просим не отчислять и не отделять (Сухумскую епархию) от существующей с древнейших времен структур, создаваемых веками исторической и культурной жизнью Грузии и Абхазии».*²²

Касаясь вопроса грузино-абхазского историко-культурного единства даже в условиях открытой идеологической экспансии со стороны Российской империи, пытавшейся вбить клин между жившими веками бок о бок, в едином государственно-политическом и культурном пространстве двумя братскими народами, нельзя специально не остановиться на деятельности сына и наследника последнего владельца Абхазии Михеила Шарвашидзе, видного общественного дея-

теля Грузии, писателя и публициста – Гиоргия Шарвашидзе.

Гиорги Шарвашидзе, безусловно, трагическая личность. Как уже было показано выше, будучи ещё совсем молодым, соотечественники, фактически, вынудили его стать знаменосцем антирусского восстания 1866г., за что он постоянно подвергался преследованию со стороны властей. Воспитанный в лучших традициях высшей грузинской феодальной аристократии, он с детства одинаково впитал в себя любовь и преданность как к родной Абхазии, так и своему большому Отечеству – Грузии, которую он называл Иверией. То, что Гиорги Шарвашидзе своей родиной считал прежде всего всю Грузию в целом, а не собственно Абхазию, не вызывает никакого сомнения. Хотя это не даёт повода отрицать его (как и всего рода Шарвашидзе) принадлежность абхазскому этническому миру.

Гиорги Шарвашидзе, будучи безусловно грузином в культурно-историческом плане, представителем либерального крыла грузинской дворянской интеллигенции,²³ совершенно чётко осознавал себя абхазом в узко этно-племенном отношении. Об этом свидетельствует, в частности, один из его поэтических шедевров, написанный на грузинском языке: «*Варада*»,²⁴ в котором автор с глубоким душевным проникновением подчёркивает своё желание хотя бы изредка напевать родную «*Вараду*».* Не случайно писал в связи с этим акад. С. Н. Джанашиа: «Только на почве глубокого чувства и понимания своеобразия родной среды мог зародиться такой шедевр, каким является его абхазская песня «*Уарада*», идущий из недр души поэтическое воплощение лирического волнения».²⁵ И этот абхаз, беззаветно любящий свою Абхазию, прекрасный знаток не только прошлого и настоящего своего края, но и абхазского языка,²⁶ был истинным сыном, пламенным патриотом своей большой Отчизны – Грузии и не упускал возможности стоять на страже её славной истории, культурно-национальной самобытности, и защищать свою родину от нападков разного рода недоброжелателей.

Наиболее ярко это проявилось в его письме редактору немецкой газеты: «*Berliner Tageblatt*», в которой была опубликована гнусная, оскорбительная статья корреспондента газеты Лоренца о его посещении Гагры по приглашению принца Ольденбургского, где во время приёма, «представители туземного высшего сословия» прислуживавшие «за обедом», якобы украли у одного из гостей пальто, о чём, впрочем, предупреждал своих гостей принц Ольденбургский.

* „განგებავ! ამას ნუ მიწყენ, ვერ გადავგვარდე გვარადა, ხანდისხან წავიდულუნო მამაპაპური ვარადა“.

Аналогично отозвался корреспондент и о Тбилиси, отметив, что здесь «люди и животные на одинаковом положении». Отвечая на эти нападки, Гиорги Шарвашидзе писал: *«Да, мы ещё не дошли до европейской высоты цивилизации.., и такая отсталость может и делает нас похожими на людей медного века, но об этом не сожалеем, находим, что не следует усваивать себе... весь хлам, именуемый некоторым прогрессом, а мы стараемся выбирать из него, как жемчужины, выдающиеся произведения литературы и искусства, следим за открытиями в науке, словом берём лишь то, что считаем с пользой применимым к жизни и обществу. Так бесхитростно мы живем, и если бы г. Лоренц больше вникнул в бытовые стороны, он бы понял все это и многое другое; узнал-бы, что **этот народ**, к которому он отнёсся презрительно, **имеет блестящее историческое прошлое**; что **грузины** – рыцари, ходившие в крестовый поход поборниками первого христианства, стояли у врат Кавказа... в течение пятнадцати веков не для того, чтобы врываться в чужие страны и расхищать чужое добро, а для защиты отечества, – для охраны христианской культуры и гражданского быта, узнал бы также, что у **грузин** есть богатейшая древняя эпическая литература, сравниваемая с мировыми произведениями; узнал бы, что в иерархии **грузинских** царей и народа встречаются имена необыкновенных героев и людей гениальной мудрости и т.п. Можно бы еще многое сказать, – завершает своё письмо Гиорги Шарвашидзе, – но золотые страницы прошлого **этого народа**, омытые слезами и кровью **всей нации**, нельзя передать в газетном столбце. По правде говоря и не стоит...».*²⁷

Из этого письма совершенно однозначно видно, что для Гиорги Шарвашидзе абхазы и Абхазия в культурно-историческом плане – неразрывная часть грузин и Грузии, это единое культурно-политическое и государственное пространство. Именно оно и является в первую очередь родиной для Гиорги Шарвашидзе, именно этой общей для абхазов и грузин родиной гордится он. Неслучайно, что в 1917г., когда уже начали вырисовываться контуры возрождения наций и грузинской национальной государственности, Гиорги Шарвашидзе от всей души приветствовал наступление новой эпохи. В этой связи вызывает большой интерес его статья, опубликованная в грузинской газете «Сакартвело» (25-29 июня 1917г.) на грузинском языке, под названием «Социализм в Грузии»: «**Наша родина Иверия** („ჩვენს სამშობლოს ივერია“) пережила большие культурные сдвиги, но **наше** прошлое заморозилось в такое время, что сбились с пути, отошли от закона естественной эволюции. Да, **мы** можем сме-

ло сказать, что если бы не помешали превратности судьбы, были бы сегодня впереди Европы, т.к. когда апостол Андрей здесь проповедовал учение Христа, тогда в Европе сами дуки были одеты в шкуры буйвола и босые охотились в лесах... После этого, с трудом, путём войны, постоянных ссор, довели **нашу** культурную жизнь до времён царицы Тамар, которое являлось золотым веком Иверии. А затем произошёл поворот в жизни нации. Пришедшие враги не давали покоя и народ устал, постепенно иссяк славный умственный и имущественный потенциал страны и разрушилась самобытная жизнь. Обеднел язык, испортились нравы, потеряли мощь, рыцарство и честность отбросили и, наконец, достигли до века, когда благосостояние находили в шпионаже и предательстве родины. В то время, когда сознательная часть раздробленного иверского народа, скрестив руки на груди, стояла у могил своего бывшего величия, сегодня вдруг раздался голос справедливости и свободы!». Гиоргия Шарвашидзе искренно радуется, что «Грузия бьёт в набат, раздался возглас ура, ура!..». Но вместе с тем, его до глубины души тревожит и волнует то, что в такой торжественный час «слышится другой голос: мы не хотим свободы, не ищем автономии, все народы мира едины, мы только хотим представить льготы рабочему народу. Для этого необходимо отобрать имения у помещиков и раздать земли трудящимся. Долой сословия и частная собственность на землю...». «Так, до земных расчётов, – заключает Гиорги Шарвашидзе, – опустилось светящее солнце освобождения, оживления нации».²⁸

Говоря о Гиоргие Шарвашидзе как о большом патриоте Грузии, нельзя не вспомнить его стихотворение, написанное в Батуми в 1883г. в ответ на стихотворение Вахтанга Орбелиани «Амер Имерс», опубликованного в грузинской газете «Дроеба» (1883г., №1). Гиорги Шарвашидзе, подхватив патриотический пафос своего друга и соратника, в своём стихотворении (публикацию которого в той же газете «Дроеба» не разрешила тогдашняя цензура), с чувством большой ностальгии пишет о былом величии Грузии, когда народ был единым и могучим и была всеобщая радость и веселье, не то что теперь (т.е. во времена Гиоргия Шарвашидзе), когда идут распри между отдельными группами, торжествует зависть и вражда:

„დიად, მოგასწროს ის ბედნიერი
დღე, როცა ხალხში შეერთებული,
ძველებურათა ძველი ივერი
შეიქმნას მძლე და სახელ-ქებული

და საქართველოს ყოველ კუთხიდამ
ლხინის საყვირთა გვესმას ტკრციალი;
იმერთა მღერა მთისა ლიხიდამ,
ამერს დასძახდეს იარი-იალალი!..
დე, ნულარ ვიყო მაშინ ცოცხალი
და ნულარცა სცემს ტანჯული გული,
ესლავ წინდაწინ ოცნებით მთვრალი
შენთან გახლავარ, ძმავ აღლა-ვერდი!

...რალაც პაწია დასები, აზრები აჭრელებულნი,
ვაჰმე სად არი ქართველი ძველის ძველიდან ქებული!
ყაყანი, ლანძღვა, ჭორები, შურიანობით სნეული,
კალმის და ხანჯლის პრიალი, ორივე დაჩლუნგებული.
ძმა ძმისა დამტერებული, მტერი კი დამოყვრებული
ვაჰმე, იმერი სად არი გონება დამიწებული!
სად არის ვახტანგ მტერთ მეხი, მათგანვე ღომ წოდებული,
მხარგრძელი, სარდალთ სარდალი, ათასი წლისა ქებული,
ვახუშტი ბრძენი, რუსთველი ღვთაებით ამადლებული,
და დავით მირონცხებული, არ ხედავს ის დიდებული,
რომ ყოველივე დაინგრა, რა ჰყო მან აღშენებული!“²⁹

На наш взгляд, данное стихотворение Георгия Шарвашидзе без всякого преувеличения можно отнести к числу лучших произведений грузинской патриотической лирики.

Георги Шарвашидзе был не только прекрасным поэтом-драматургом, которого до глубины души волновали судьбы своего Отечества – Грузии и чьи произведения проникнуты беззаветной любовью к ней, но и большим поборником грузинского языка, родной грузинской литературы. Наглядным свидетельством того, как неустанно заботился Георги Шарвашидзе о грузинском языке, является его статья «*Вокруг грузинского языка*», опубликованная в газете «*Сакартвело*». В ней автор, выступая активным защитником грузинской письменной традиции, не одобряет грубый перевод слов с иностранных языков, бессистемное увлечение иностранными терминами. По его мнению, это может привести к «вырождению **родного языка**» („სამშობლო ენის“). «Иностранные слова и термины, – пишет Г. Шарвашидзе, – следует привлечь только в крайнем случае, когда их содержание уж точно невозможно передать по-грузински и этим самым постараться обогатить **наш язык**» („საჭიროა ვეცადოთ ჩვენს ენას შევსძინოთ, გავამდიდროთ...“).³⁰

Наряду с Гиоргием Шарвашидзе, являвшегося своего рода символом грузино-абхазского исторического единства, в первую очередь следует назвать ещё одно имя, это Давид Зурабович Чхотуа, ближайший друг и соратник Гиоргия Шарвашидзе, один из образованнейших абхазов своего времени. Давид Чхотуа «по своему происхождению..., воспитанию и направлению, – писал акад. С. Н. Джанашиа, – так же как и Гиорги Шарвашидзе, принадлежал к грузинской феодальной интеллигенции, к либеральному крылу этой интеллигенции... Шервашидзе и Чхотуа не только происходили из одной и той же страны, они не только были связаны между собой в силу того обычая, который столь значителен для горцев, но всем своим воспитанием и мировоззрением они принадлежали к одному и тому же общественно-культурному кругу... Оба они были воспитаны на почве древнегрузинской культуры».³¹ Именно это и обусловило то, что Давид Чхотуа стал исследователем бессмертной поэмы Шота Руставели *«Вепхисткаосани»* и оставил достаточно солидное научное наследие в этой области.

Несмотря на большие старания имперских властей, общегрузинский культурно-исторический мир оставался родным для подавляющего большинства представителей абхазской феодальной аристократии. Однако антигрузинская пропаганда нашла благоприятную почву среди т.н. абхазской «народной интеллигенции», появившейся с начала XXв. Это были в основном выходцы из низших сословий, получившие официальное русское образование. Именно представители этой интеллигенции, вооружившись идеями великорусских шовинистов, всемерно пропагандирующую мысль о том, что «Абхазия не Грузия», своей культурно-просветительской деятельности с самого начала придали антигрузинское направление.

В формировании антигрузинских настроений среди абхазов решающую роль сыграли идеологи имперской политики царской России, которые стали сочинять т.н. «национальную историю» Абхазии. В этом особенно преуспел некий Л. Воронов, который, как уже отмечалось, в 1907г. в Москве опубликовал брошюру под весьма вызывающим названием: *«Абхазия не Грузия»*. В этой книжке дана наглая и неприкрытая фальсификация исторического прошлого грузинского и абхазского народов, на основе чего утверждается совершенно необоснованный тезис о том, что у абхазов как будто никогда не было ничего общего с грузинами, между ними не было ни политического, ни культурного единства, и что грузины являются для абхазов такими же завоевателями, какими были в своё время римляне, греки, турки и т.д.

Л. Воронов обвиняет грузин в том, что они с самого начала не создали абхазам свою письменность и не перевели им на родной язык христианскую духовную литературу. Он советует абхазам сделать своим церковным языком славянский и выражает уверенность в том, что они (т.е. абхазы), будучи «полиглотами по природе», в отличие от грузин, легко усвоят этот язык и благодаря нему выйдут на широкую дорогу просвещения. Однако, по словам Л. Воронова, этому мешает епископ Кирион (имеется в виду Кирион Садзаглишвили, будущий Католикос-Патриарх Грузинской церкви – **З.П.**), который, являясь типичным грузинским националистом, всемерно стремится распространить в Абхазии грузинский язык в противовес славянскому.

В своё время, освещая церковную политику царской России в Абхазии, мы уже отмечали, что клерикально-черносотенные круги России, всемерно стремясь вырвать Абхазию из общегрузинского культурно-исторического организма, даже поставили вопрос о выводе Сухумской епархии из-под юрисдикции Грузинского экзархата и её присоединении к Кубани. Более того, были предприняты попытки отделения Абхазии от остальной Грузии и в административном отношении. В 1903г. Сухумский округ «был выведен из непосредственного подчинения Кутаисскому губернатору и напрямую подчинён Кавказскому начальству в Тифлисе».³² Этим самым, как пишет абхазский исследователь С. З. Лакоба, «Сухумский округ... стал обладать некоторой «автономией» в отличие от ряда областей западной Грузии».³³ В 1904г., по ходатайству принца Ольденбургского, правительство приняло решение о присоединении Гагры с окрестностями к Черноморской Губернии.³⁴ А в 1914г., накануне Первой мировой войны, наместник Кавказа поставил вопрос о преобразовании Сухумского округа в самостоятельную губернию.³⁵ Нетрудно догадаться, что этими мерами имперские власти добивались обособления Абхазии, чтобы оградить её от «нежелательного грузинского влияния» и довершить процесс превращения края в типичную российскую провинцию.

Постоянное политико-идеологическое давление на абхазское население, прикрытое фарисейскими заботами о поднятии культурно-национального самосознания туземцев, дало свои плоды в годы первой русской революции, когда по иронии судьбы, признанное в своё время за участие в «священной войне» против христианской России «виновное население» оказалось наиболее лояльным среди народов Закавказья по отношению российскому самодержавию.

Первая русская революция и Абхазия. Революция 1905-1907 годов, как известно, была первой всенародной демократической ре-

волюцией, всколыхнувшей всю Российскую империю. Демократическое движение охватило и национальные окраины империи. Более того, в этих регионах оно приняло характер национально-освободительной борьбы. Без всякого преувеличения можно констатировать, что в авангарде этой борьбы, несмотря на некоторое увлечение социально-классовой мотивацией со стороны социал-демократов (особенно большевиков), стояла Грузия. Революционные события охватили все регионы Грузии, в том числе и Абхазию. Однако главной движущей силой революции в этом уголке Грузии были не абхазы, которые проявили удивительную пассивность и фактически оказались на стороне феодально-крепостнического, имперского режима, а грузины, которые с самого начала поддерживали демократические идеи и активно включились в освободительное движение.

Одной из причин, обусловившей позицию абхазов, считают отсутствие среди них классовых противоречий. В этой связи, было бы уместно привести высказывание Гиоргия Шарвашидзе, известного борца против российского колониального режима, которого сильно задело поведение своих сородичей во время революции. Вот что он писал в 1910г. давая оценку пассивности абхазов: «Тут вышел неожиданный казус. Каким образом **абхазы, «известные бунтари»** вдруг сидели спокойно, когда вся Россия волновалась. **Не поймешь ведь этих подлецов. Всегда проделывают то, чего никак не ждешь.** А это очень просто, говорят мудрые чиновники. У них все еще продолжается феодальный строй; надо это у них вышибить, ведь смешно же в наше время иметь в государстве народ с феодальной системой быта... Революционная пропаганда здесь не имела успеха потому, что здесь не существует сословной распри».³⁶

Эту мысль в принципе развивает и современный абхазский историк С. З. Лакоба, который особо подчёркивает живучесть патриархальных устоев среди абхазов. «Абхазский крестьянин – пишет он, – не мог воспринять... революционную идеологию..., социально-демократические идеи... В отличие от других народов, склонных к товаро-денежным отношениям, абхазы не занимались торговлей, отхожими промыслами или подённой работой, считая эти занятия «позорными». **Они за редким исключением не проживали в городе Сухуме, местечках Гудаута и Очамчире...**». К этому времени «абхазы еще сохраняли многие черты, присущие психологии народа – война и были лишены всего того, что втягивают в капиталистические отношения».³⁷ Т.е. абхазы не были вовлечены в революционное движение по причине их отсталости. Кстати, этому искренне радовались правящие круги Российской империи. Неслучайно, одна из

официальных газет «*Окраины России*» писала в 1906г.: «К абхазцам еще не привился социализм, а потому с ними жить можно».³⁸

Нельзя не согласиться и с выводом С. З. Лакоба о том, что «абхазское крестьянство события русской революции... в Абхазии воспринимало как «грузинскую» революцию»,³⁹ однако к этому абхазов «подготовили» российские «агитаторы», всемерно внушавшие «угнетённым» абхазам ненависть к т.н. грузинским «завоевателям». Грузинская общественность выражала свою обеспокоенность в связи со сложившейся в Абхазии в 1905г. ситуацией. Об этом наглядно свидетельствуют материалы, опубликованные в тогдашней грузинской демократической прессе. В этих материалах сообщается о том, что «тёмные силы распространяют... тут (т.е. в Абхазии – **З.П.**) гнусные сплетни и сказки, будто грузины готовятся к истреблению абхазцев и захвату их земель-имений».⁴⁰

Мы уже неоднократно отмечали, что российские власти всемерно поощряли антигрузинскую пропаганду и на этом фоне создавали условия для окончательного обрусения абхазов. Подобная политика привела к тому, что уже к началу XXв. у многих, как писал Т. Сахокия в газете «*Цнобис пурцели*» (1 апреля 1905г.), сложилось впечатление, что «у абхазского народа нет ничего общего с грузинами... Вместо грузинской газеты... распространяли газету Батумского шута (имеется в виду выходящая в Батуми официальная газета «*Черноморский вестник*»), которая принижала грузин и их культуру, кроме того, внушала абхазцам: грузины (мегрелы), являются вашими врагами, приходят сюда, присваивают ваши земли и т.д. В результате, – отмечает Т. Сахокия в той же публикации, – абхазцы, благодаря излюбленной системе русской бюрократии, стоят на пути умственного перерождения и пока проявляют полный индифферентизм в вопросе национальной самостоятельности. Политика обрусения столько успела, что этот народ полностью оторвал от своих соседей – грузин; данная политика, благодаря неправильному воспитанию, умственно изуродовала этот народ, забывший, что если абхазы с кем-либо должны иметь общее, то опять-таки с грузинами, с которыми связаны исторически и географическое положение их родины такое, что дальше грузин у этого народа нет спасения».⁴¹

Особенно обострилась ситуация в апреле 1905г., когда, по сообщению той же газеты «*Цнобис пурцели*» (22 апреля 1905г.), «любители «мутить воду» начали «натравливать друг на друга братьев» и абхазцам (влиятельным лицам) начали советовать: знаем, что вы являетесь спокойным, добрым и порядочным народом, от вас не следует ожидать никакого беспорядка... Однако, ваши соседи грузи-

ны ненадёжны. От них нужно чего угодно ожидать для вашего истребления, поэтому «бейте их».⁴² В Абхазии явно готовилась большая провокация, даже была распространена информация о том, что «если в ходе... движения будет убит кто-нибудь из абхазских помещиков, тогда абхазцы истребят живущих в Сухумском округе грузин».⁴³ В другой грузинской газете «Иверия» также отмечалось, что в Абхазии «едва не произошло то несчастье, что имело место в Баку-Нахичевани (имеется в виду армяно-азербайджанская резня инспирированная российскими колониальными властями – З.П.), едва не пролилась кровь на улицах Гудауты...».⁴⁴

Несмотря на большие старания, властям всё же не удалось, на этот раз, использовать «покорных» абхазов против «мятежных» грузин. Однако лояльность абхазов была должным образом вознаграждена Российским самодержавием. Ещё в мае 1906г., учтя то обстоятельство, что «в течение событий последних месяцев население Абхазии, носящее название «виновного», выделялось своею лояльностью по отношению к Правительству, как по сравнению с населением соседних районов, так ровно и по сравнению с пришлым элементом в Абхазии»,⁴⁵ наместник Кавказа поставил вопрос перед вышестоящими инстанциями о реабилитации абхазского населения.

В декабре того же года «предложение о снятии «виновности» с абхазского народа поддержал П. А. Столыпин»,⁴⁶ после чего 27 апреля 1907г. последовала царская милость и с абхазов официально сняли обвинение «виновности». Ещё раз повторяем, это была награда за верность перед «царём и отечеством» проявленная, в первую очередь, в 1905г., «когда, – как отмечал наместник Кавказа, – абхазцы с честью вышли из испытания».⁴⁷ Царский сатрап явно не скрывал своё удовлетворение по поводу позиции абхазского населения и выражал твёрдую уверенность в том, что «абхазцы виновными против своего Государя Императора никогда и при никаких обстоятельствах более не будут».⁴⁸ Со всей уверенностью можно утверждать, что абхазы (во всяком случае, их большая часть), начиная с того времени до сегодняшнего дня, как говорится, действительно всегда «верой и правдой» стояли и стоят на страже имперской политики старых и новых хозяев России.

Глава XII

АБХАЗИЯ В НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛИИ. ОТ АБХАЗСКОГО НАРОДНОГО СОВЕТА ДО НАРОДНОГО СОВЕТА АБХАЗИИ. 1917 – НАЧАЛО 1919 ГОДА

Начало крушения Российской империи и политическое положение в Абхазии в 1917г. Как уже было отмечено, открытая русификаторская политика, проводимая царским режимом в Абхазии начиная с 60-70-х годов XIXв., дала реальные плоды уже в годы первой русской революции, когда абхазы, оказывавшие в своё время (на протяжении почти 70-ти лет), всенародное сопротивление установлению российского владычества в крае, вдруг повернулись на 180° и стали наиболее верными подданными российского самодержавия. Одновременно, российские колониальные власти и их идеологи всемерно старались усилить антигрузинские настроения среди абхазского населения. Коварство российских политиков в этом направлении вынуждены признать даже те абхазские исследователи, которые ныне являются чуть ли не идеологическими вождями абхазского сепаратизма. Вот что пишет, например, в этой связи С. З. Лакоба: «Недоверие и напряжение, сложившиеся в абхазо-грузинских отношениях в 1905-1907гг., всеми силами пыталась использовать в своих интересах **царская администрация на Кавказе, разжигавшая межнациональную рознь в духе великодержавной политики: «разделяй и властвуй».**¹

Действительно, «пробуждение абхазов» происходило в условиях ярко-выраженной антигрузинской конъюнктуры. Мироззрение т.н. «новых абхазов», или представителей новой абхазской интеллигенции, формировалось именно под давлением этой конъюнктуры. Эти «новые абхазы» и оказались в центре событий после февральской революции 1917г. и именно они взяли в свои руки политическую инициативу в регионе. Во главе местного органа Временного правительства – Комитета общественной безопасности стал князь А. Г. Шервашидзе,² который лично посетил Владикавказ и принял участие, вместе с абхазской делегацией, в церемониале подписания (20 октября 1917г.) т.н. «*Союзного договора Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей*». Следует отметить, что в «Юго-Восточный Союз» абхазы вступили через «*Союз объединённых горцев Кавказа*» (СОГК), фактическим лидером которого был представитель Чечни Асланбек Шерипов, неоднократно посещавший Абхазию в то время.³ В последнее время

идеологи абхазского сепаратизма всемерно пытаются представить дело так, как будто в Юго-Восточный Союз вступила вся Абхазия и якобы это было волеизъявлением всего населения региона. На самом деле, в документе совершенно однозначно зафиксировано, что в состав «Союза» вошёл лишь «горский народ Сухумского округа (**абхазцы**)».⁴

То, что другие народы, населяющие Абхазию, и, прежде всего, коренное грузинское население, не имело ничего общего с «*Союзом объединённых горцев Кавказа*» – субъектом «*Юго-Восточного Союза*», видно хотя бы из того, что в «*Союзном договоре*», в отличие от Сухумского округа, другие регионы были представлены всеми народами. Так, например, в «*Союз*» вошли «**все народы Дагестана** (Аварцы, Даргинцы, Лаки, они же Кази-Кумыки, Коринцы, Кумыки, Табасаранцы и иные) и Закатальского округа (Лезгины). **Все Терские народы Кубанского края** (Карачаевцы, Абазинцы, Черкесы, Ногайцы и иные) ...**Степные народы Терского края**... и т.д.»⁵

8 ноября 1917г. националистически настроенные силы, ведомые Ал. Шарвашидзе и Таташем Маршания, а также Симоном Басария, Михаилом Цагурия, Дмитрием Алания, Михаилом Тарнава и другими, за спиной коренного грузинского населения и представителей других национальностей, проживавших в Абхазии, созвали съезд абхазского народа, на котором образовали т.н. «Абхазский Народный Совет» и приняли официальные документы: «*Декларацию съезда Абхазского народа*» и «*Конституцию Абхазского Народного Совета*». В работе съезда и подготовке этих документов активное участие принял лидер «*Союза объединённых горцев*» Асланбек Шерипов. Съезд официально подтвердил вхождение абхазского народа, подчёркиваем **абхазского народа**, а не Абхазии, «в состав «*Союза объединённых горцев*».⁶ Вместе с тем, съезд фактически потребовал от местных органов власти «Окружного комитета, Комиссаров и т.д.», чтобы их деятельность протекала «в контакте с Абхазским Народным Советом».⁷ Этим самым, «Абхазский Народный Совет», представлявший интересы лишь одного народа, полностью игнорируя мнение коренного грузинского населения, а также других жителей региона, фактически узурпировал верховную власть в Абхазии.

Съезд полностью отмежевался от остальной Грузии и будущее абхазского народа связал с «*Союзом объединённых горцев*». «Каждый народ, – отмечалось в «*Декларации*» съезда, – должен чутко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений и не были бы забыты при переустройстве России на новых началах. Абхазский народ уверен в том, что братья – горцы Север-

ного Кавказа и Дагестана поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права».⁸

Антигрузинское направление съезда насторожило Гиоргия Шарвашидзе, прибывшего на съезд. Он на абхазском языке обратился к его участникам, разъяснил им суть происходящих в России событий, поздравил с приближением свободы, и призвал их к тесной дружбе и сотрудничеству с грузинским народом. «Вы должны следовать за вашими старшими братьями, – отмечал Гиорги Шарвашидзе. Знаю, некоторым не понравится это моё мнение, так как они смотрят в сторону Москвы, я же смотрю в сторону Тбилиси. Иного пути для Абхазии нет и не было никогда, кроме тесного союза и неразрывного единства с Грузией в горе и радости».⁹ Завершив свою речь Гиорги Шарвашидзе, явно разочарованный настроением аудитории, молча покинул зал и больше туда не возвращался.

Спустя несколько месяцев, 19 февраля 1918г. всю Грузию облетела весть о кончине в Сухуми Гиоргия Шарвашидзе. Смерть Гиоргия Шарвашидзе, последнего представителя абхазской дворянской элиты, своего рода символа грузино-абхазского исторического единства в начале 1918г., когда новые абхазские лидеры пытались оторвать его родной край от остальной Грузии, несколько символична. Сердце одного из лучших сынов Абхазии, пламенного патриота своего большого Отечества – Грузии, претерпевшего за свою непримиримость немало страданий со стороны российского режима, не вынесло предательства своих соотечественников. Было совершенно очевидно, что у новых абхазских лидеров были уже другие идеалы. Они уже не могли и не хотели идти по стопам Гиоргия Шарвашидзе. Не для этого взрастила их «матушка» Россия.

В 1917г. представители новой абхазской «народной интеллигенции» предприняли попытку отрыва Абхазии от остальной Грузии и в церковном отношении. 24-27 мая в Сухуми был созван съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения, на котором стоял вопрос об автокефалии абхазской церкви. Своего рода научным обоснованием постановки этого вопроса стала изданная в то время брошюра Михаила Гарнава *«Краткий очерк истории Абхазской церкви»*. В этой брошюре излагалась история т.н. «Абхазского Католикосата», который, как это было нами показано, представлял собой западно-грузинскую церковную организацию, а не абхазскую национальную церковь. Кстати, автор брошюры, несмотря на большие старания, всё же не сумел скрыть эту истину и был вынужден рассказать об известных «абхазских» Католикосах (их всего 17), среди которых не было (и это известно доподлинно) ни

одного этнического абхаза. В принятой съездом *«Резолюции Совета по вопросу об Абхазской церкви»*, которую подписали председатель съезда Симон Басария, товарищ председателя священник Василий Агрба, секретари Михаил Тарнава и Самсон Чанба, было декларировано восстановление **«независимой, вполне самостоятельной Абхазской церкви с пребыванием выборного от Абхазского народа епископа с предоставлением ему всех прав главы независимой Абхазской церкви со всеми необходимыми для сего учреждениями в г. Сухуме».¹⁰ Съезд обратился к руководству восстановленной в то время грузинской национальной церкви, а также к Святейшему Синоду и Временному правительству за поддержкой, однако эта авантюра абхазских сепаратистов тогда провалилась.**

Первые шаги на пути сближения Тбилиси и Сухуми в I половине 1918 года. Решения, принятые на первом съезде абхазов в ноябре 1917г., взбудоражили коренное грузинское население Абхазии, особенно жителей Самурзакано, которое, как подчёркивал в своём выступлении на национальном съезде Грузии, Иоан Гегия – представитель Самурзакано, «не присоединилось к Абхазии в вопросе о союзе с горцами». Вместе с тем, выражая чаяния всего грузинского населения Абхазии, Гегия высказался за воссоединение Абхазии с остальной Грузией, при этом, территория Сухумского округа, т.е. «Абхазия-Самурзакано», должна была остаться «без изменения и ей следовало бы «дать... национально-культурную автономию в своих границах».¹¹

В Абхазии сложилась взрывоопасная ситуация. Большинство населения явно отмежевалось от авантюристических инициатив новоявленных абхазских лидеров. Возникла реальная опасность раскола внутри Абхазии. Ситуация особенно обострилась после того, как большевистский режим во главе с В. И. Лениным, разогнав Учредительное собрание, вызвал глубокий политический кризис по всей территории бывшей Российской империи, переросший, впоследствии, в гражданскую войну. Накалилась обстановка и на Северном Кавказе. Всё это не могло не повлиять и на ситуацию в Абхазии.

«Абхазский народный совет» в новых условиях был не в силах осуществить стоявшие перед ним задачи. Как совершенно правильно отмечает абхазский исследователь С. З. Лакоба, «Абхазский народный совет в это время «оказался в крайне тяжелом положении, так как фактически лишился реальной поддержки со стороны Юго-Восточного Союза и Союза горцев Кавказа в связи с ужесточением событий гражданской войны на Северном Кавказе».¹²

В этой ситуации руководители «Абхазского народного совета»

пришли к выводу, что пути выхода из тупика следует искать в урегулировании взаимоотношений между Тбилиси и Сухуми. 9 февраля 1918г. в Тбилиси состоялась встреча между делегацией «Абхазского народного совета» (Ал. Шарвашидзе, М. Эмухвари, Н. Маргания, полковник Р. Чхотуа, М. Цагурия) и представителями Национального совета Грузии (А. Чхенкели, К. Месхи, Г. Гвазава, П. Сакварелидзе, И. Карцивадзе). В начальной стадии переговоров Ал. Шарвашидзе (руководитель абхазской делегации) и его сторонники – ярые националисты, открыто добивались признания политической независимости Абхазии, «имея с Грузией лишь добрососедские взаимоотношения, как с равным соседом». Иную позицию занимал представитель Самурзакано М. Эмухвари, который прямо заявил, что «в виду решения Абхазского Народного Совета войти в «Союз объединённых горцев Кавказа», Самурзакано прервало все отношения с Абхазией».¹³

Это заявление М. Эмухвари лишний раз убедило Александра Шарвашидзе и его приверженцев, что угроза расчленения Абхазии становилась всё более реальной, и они были вынуждены согласиться с предложением Ак. Чхенкели «о необходимости вхождения Абхазии в состав Грузии на правах автономии». Со своей же стороны Тбилиси выражал готовность «содействовать восстановлению исторических границ Абхазии от реки Мзымта до реки Энгури».¹⁴ «Наша цель, – отмечал Ак. Чхенкели, – восстановить Сухумский округ как Абхазию». Вместе с тем, обязательным условием реализации этой цели грузинская сторона считала «выход Абхазии из состава «Союза объединённых горцев Кавказа».¹⁵

Конечно, соглашение 9 февраля 1918г. нельзя считать неким межгосударственным документом, так как в то время Грузия, не говоря уж об Абхазии, не приобрела ещё статус суверенного государства. Да и договаривавшиеся стороны – Национальный совет Грузии и «Абхазский народный совет» – не были органами государственной власти. Несмотря на это, данное соглашение, безусловно, имело большое историческое значение, так как оно действительно сняло напряжение и направило в конструктивное русло отношения между Тбилиси и Сухуми.

Некоторые абхазские исследователи, апеллируя тем фактом, что в тексте соглашения нет пункта о вхождении Абхазии в состав Грузии на правах автономии, всемерно пытаются отрицать какие-либо связи в государственно-правовом отношении между Грузией и Абхазией весной 1918г. На первый взгляд, это действительно может показаться именно так. В тексте документа, на самом деле, было

указано лишь то, что «форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана (в соответствии) с принципом национального самоопределения на Учредительном Собрании Абхазии, созданном на демократических началах». Однако там же указывается, что «в случае, если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими нациями и государствами в политические договорные отношения, то взаимно обязываются начать предварительно между собой по этому поводу переговоры».¹⁶

Спрашивается, если Абхазия была независимой от Грузии, то тогда почему она должна была интересоваться в какие «политические договорные отношения» вступит Грузия? И наоборот. Единственным объяснением здесь может служить то, что стороны де-факто признали Абхазию автономной единицей Грузии и не оформили это соответствующим образом лишь потому, что, в то время, Грузия ещё не оформилась как государство и Национальный совет Грузии не представлял собой государственный орган власти. Так или иначе, совершенно однозначно можно утверждать, что ещё до переговоров 8-11 июня 1918г., когда «Абхазский народный совет» официально признал Абхазию автономным образованием внутри грузинского государства, международное сообщество считало Абхазию частью Грузии.

Наглядным свидетельством сказанного является письмо представителя Германии фон Лосова к грузинскому правительству от 28 мая 1918г., в котором отмечалось, что **«границы Грузии охватывают прежние губернии – Тифлисскую, Кутаисскую и Сухумский округ»**. **«Сухумский округ (включая Гагры), – писал фон Лосов, – составляет часть Грузии до тех пор, пока Грузия образует отдельное государство в пределах Кавказа. В случае же образования Конфедерации кавказских народов, с участием в ней Грузии – населению Сухумского округа должно быть предоставлено решение вопроса о положении его среди кавказских стран»**.¹⁷ Т.е. нет никакого повода усомниться в том, что к моменту объявления Грузинской Демократической Республики, Германия (да и Турция также) считала Абхазию частью Грузии.

Урегулирование отношений между Тбилиси и Сухуми настоятельно требовало большевистское руководство России, и оно сразу же инспирировало вооружённое выступление в Абхазии. В результате, с 16 по 21 февраля 1918г. Сухуми оказался под контролем т.н. «Военно-революционного комитета» во главе с известным абхазским большевиком Ефремом Эшба. Однако тогда «Абхазскому народному совету» удалось выйти из кризиса и установить государственный порядок в

городе. Важным событием в политической жизни Абхазии того периода стал II крестьянский съезд Сухумского округа, созданный с 4 по 9 марта 1918г. Съезд открыл председатель Исполнительного комитета Арзакан Эмухвари. Председателем съезда был избран Бениа Чхиквишвили, товарищами председателя тот же Арзакан Эмухвари и большевик Нестор Лакоба. Съезд выразил обеспокоенность по поводу событий 16-21 февраля и создал специальную комиссию (из 6 человек), которой поручил расследование происшедшего. Главным итогом съезда была демонстрация единодушного желания «народа Абхазии и сознательной части его интеллигенции... войти в общую семью закавказских наций... и выковать свою судьбу и наилучшее будущее совместно с демократической Грузией».¹⁸

Однако стабилизация ситуации в Абхазии не входила в планы Москвы и она вновь спровоцировала мятеж. На этот раз большевикам удалось повести за собой «крестьян из трёх участков – от Гагры до Кодори» и 8 апреля установить советскую власть в Сухуми, которая продержалась до 17 мая, когда отряды Красной Гвардии Закавказской Федеративной Республики под командованием В. Джугели и А. Дгебуадзе окончательно очистили Абхазию от большевиков. Решение о направлении регулярных частей Красной Гвардии в Абхазию, которое было принято правительством Закавказской Федеративной Республики явно с согласия «Абхазского народного совета», мотивировалось и возникшей тогда угрозой турецкой агрессии.

Как сообщал Национальному совету Грузии председатель правительства Закавказской Федеративной Республики Ак. Чхенкели, «турки решили послать войска для занятия Сухуми и начали соответствующую подготовку. Однако вскоре ими было получено известие о взятии Сухуми нашими войсками и изгнании большевиков. Это известие подействовало на них, как гром среди ясного неба, ибо такого поворота событий они не ждали и вынуждены были отказаться от своих замыслов».¹⁹ Следует особо отметить, что позитивную роль Красной Гвардии при подавлении большевистского мятежа были вынуждены признать даже наиболее антигрузински настроенные абхазские лидеры: Д. Алания, Мих. Гарнава и М. Цагурия, которые подчёркивали «беспристрастное и корректное отношение... гвардии ко всему населению Абхазии».²⁰ Таким образом, общими усилиями «Абхазского народного совета» и Закавказской Красной Гвардии большевистская угроза была ликвидирована.

26 мая 1918г., после того, как Закавказский Сейм сложил свои полномочия и объявил о распаде Закавказской Федеративной Республики, Национальным советом Грузии было официально провоз-

глашено образование суверенного государства – Грузинской Демократической Республики. Новая государственно-политическая конъюнктура дала повод абхазским лидерам поставить вопрос о политической независимости Абхазии. 2 июня «Абхазский народный совет» принял постановление, в котором отмечалось: «С момента распада Закавказской Федеративной Республики и объявления независимости Грузии, Абхазия потеряла юридическую основу связи с Грузией и отряд Закавказской Красной Гвардии, являясь в настоящее время войсковой частью Грузинской Республики, оказался вне пределов своего государства, но вся полнота власти фактически находилась в его руках». Явно намекая на неправомерность продолжения подобной ситуации, «Абхазский Народный Совет... постановил... принять на себя всю полноту власти в пределах Абхазии».²¹

Таким образом, «Абхазский народный совет», как известно, избранный в своё время одними представителями абхазского народа и не имея на это полномочия со стороны коренного грузинского населения, а также других жителей региона, совершенно бесцеремонно объявил себя единственным верховным органом государственной власти в пределах всей Абхазии и фактически декларировал независимость Абхазии от остальной Грузии. Однако, вместе с тем, чувствуя всю шаткость своего положения, «Абхазский народный совет» был вынужден «обратиться к Грузинскому Национальному Совету (а в то время именно этот орган сосредоточил в своих руках фактическую власть в стране – **З.П.**) с дружественным представлением об оказании помощи в деле организации государственной власти в Абхазии, оставлением в распоряжении Совета (т.е. «Абхазского народного совета» – **З.П.**) отряда Грузинской Красной Гвардии». По этому же постановлению ведение переговоров с грузинским политическим руководством было поручено инженеру Раждену Какубава, а также В. Г. Гурджуа, Г. Д. Аджамову и Г. Д. Туманову.²²

Для прояснения истинной картины, сложившейся в то время в Абхазии ситуации, большой интерес вызывает протокол заседания правительства Демократической Республики Грузия от 6 июня 1918 года, опубликованный грузинским историком А. Ментешашвили. На этом заседании выступил «делегат от Абхазского Народного Совета – Р. Какубава», который «приветствуя правительство Грузинской республики», указал «на общности интересов народов Абхазии и Грузии, на их духовную связь и высказал «пожелание, чтобы эта связь и после перехода всей власти в Абхазии в руки Абхазского Народного Совета сохранилась в прежнем виде и чтобы правительство Грузинской Республики оказало дружественную помощь в ор-

ганизации государственной власти в Абхазии». Характеризуя общеполитическую ситуацию в Абхазии, Р. Какубава отмечал: «В данный момент в Абхазии существует несколько политических течений... так, состоятельный, помещичий класс явно придерживается турецкой ориентации, ожидая от Турции восстановления своих утраченных прав, есть и небольшое течение с большевистской ориентацией. Часть населения симпатизирует горцам Северного Кавказа». Как раз «для борьбы со всеми этими течениями, – заявлял Р. Какубава, – Абхазский Народный Совет ждёт помощи от Грузинского правительства и надеется, что Грузинская Красная Гвардия не будет выведена из пределов Абхазии и поможет Абхазской администрации и организуемому интернациональному отряду в их борьбе с этими элементами. Абхазский Народный Совет, нуждаясь в деньгах, ждёт также и финансовой помощи от Грузии».²³

Несмотря на противодействие со стороны отдельных членов «Абхазского народного совета», в частности, со стороны С. П. Басария, требовавшего сначала созвать Абхазский национальный съезд, определить политическое устройство и лишь затем «вступить» с Грузией «в добрососедские договорные союзы и соглашения», переговоры в Тбилиси завершились успешно и 11 июня официально был подписан *«Договор между правительством Грузинской Демократической Республики и Абхазским Народным Советом»*. По этому договору, при правительстве Грузинской Демократической Республики, «по представлению Абхазского Народного Совета» назначался министр по делам Абхазии; Абхазскому Народному Совету поручалось «внутреннее управление и самоуправление в Абхазии»; «кредиты и деньги, необходимые на управление Абхазией» выдавались «из средств Грузинской Демократической Республики...»; «Для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти, в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение правительство Грузинской Демократической Республики» обязывалось послать в Абхазию «отряд Красной Гвардии». Грузинское правительство должно было также выделить необходимые для организуемого Абхазским Народным Советом интернационального отряда «снаряжения и деньги» и т.д.²⁴

Некоторые абхазские исследователи, в частности, С. З. Лакоба, совершенно произвольно утверждают, что «правительство Грузинской республики, пообещав Абхазскому Народному Совету самую широкую автономию, навязало так называемый договор между Грузией и Абхазией».²⁵ На самом же деле не должно вызывать никакого сомнения, что инициатором этих переговоров был, прежде всего,

«Абхазский Народный Совет», и что к этому его вынудило не давление со стороны Тбилиси, а, как это впоследствии совершенно правильно отметил Мих. Тарнава (кстати, один из «духовных отцов» сепаратистской идеологии тогдашней Абхазии), «фактическое положение» в регионе: угроза турецкой агрессии с одной стороны и боязнь установления большевистского режима с другой. Как раз учитывая эти обстоятельства, – писал М. Тарнава, – депутаты «Абхазского Народного Совета», «объединившись официально в одну ориентацию на меньшевистскую Грузию... послали в Тифлис делегацию... для договора с Грузинским меньшевистским правительством об основах вхождения Абхазии в состав Грузинского меньшевистского государства».²⁶

Приведённая нами цитата из воспоминаний Мих. Тарнава привлекает интерес и в том отношении, что она однозначно подтверждает факт «вхождения Абхазии в состав Грузинского... государства» и делает совершенно безосновательным утверждение некоторых современных абхазских исследователей о том, что договор от 11 июня якобы не подразумевал предоставления Абхазии автономии в пределах Грузинского государства.²⁷ Грузинские историки (А. Ментешавили, Дж. Гамахария и Б. Гогия, Д. Ш. Читаиа и др.), приведя соответствующие материалы из публикации С. Данилова, на которую часто ссылаются абхазские сепаратисты, наглядно показали всю абсурдность подобного утверждения.

В этой связи особый интерес вызывают также официальные заявления министра по делам Абхазии полк. Р. Чхотуа. Так, 20 сентября 1918г. председателю Абхазского Народного Совета Варламу Шарвашидзе он писал: «**Абхазский народ связал свою судьбу с грузинским народом на автономных началах**». Ещё более определённо о договоре 11 июня 1918г. говорил Р. Чхотуа в заявлении, направленном Председателю Правительства Грузии (также от 20 сентября 1918г.): «несмотря на этот договор, со дня моего назначения сюда положение мало изменилось, и отдельные ведомства и чины некоторых учреждений продолжают **смотреть на Абхазию не как на автономию, входящую в Грузинскую республику, а как провинцию последней**».²⁸ Как говорится, комментарии излишни.

Подписание договора 11 июня 1918г. не могло не вызвать острое обострение политической ситуации в Абхазии. Над ней снова нависла угроза большевистской оккупации. В этой обстановке «Абхазский Народный Совет» вновь обратился с просьбой к Грузинской Красной Гвардии оказать помощь Абхазии. В ответ, 19 июня ген. Г. Мазниашвили, назначенный накануне по приказу военно-

го министра Грузии Г. Гиоргадзе генерал-губернатором Абхазии, прибыл в Сухуми, а 20 июня грузинские войска при поддержке абхазской кавалерии (до 300 человек) перешли в наступление и освободили Новый Афон. 22 июня большевики были изгнаны уже из Гудауты, а 28 июня была освобождена и Гагра.

Однако антигрузински настроенные силы попытались открыть «второй фронт» на Кодорском участке. 27 июня турецкий десант, составленный в основном из потомков махаджиров, кадровых офицеров турецкой армии, внезапно высадился у села Цкургили, в имении известного абхазского лидера князя Александра Шарвашидзе. Высадка турецкого десанта именно в Цкургили была неслучайной. Сегодня уже не вызывает никакого сомнения тот факт (на это прямо указывает не кто иной, как сам Мих. Тарнава²⁹), что именно Ал. Шарвашидзе (вместе с Таташем Маршания) готовил эту акцию и с этой целью имел сношения с турецкой стороной.³⁰ Эта авантюра провалилась благодаря оперативным действиям ген. Мазниашвили, который, в сопровождении нескольких членов Абхазского Народного Совета, незамедлительно прибыл в имение Ал. Шарвашидзе. Руководство турецкого десанта, фактически оказавшегося в окружении грузинских войск, не оказало никакого сопротивления, и по приказу ген. Мазниашвили, «десант» был отправлен обратно. Этим инцидент был исчерпан, хотя, по признанию председателя Абхазского Народного Совета В. Шарвашидзе, часть турецкого десанта всё же «осталась в Абхазии» и, «разойдясь по селениям, организовала военные силы, поставив своей целью изгнание из Абхазии войск правительства Грузии».³¹

Обострение политической ситуации в Абхазии летом 1918г. Военно-политическая ситуация, сложившаяся на Северо-Западном Кавказе летом 1918г., вынудила грузинское правительство принять дополнительные меры для обеспечения безопасности абхазского участка Северо-Западных рубежей Грузинской Демократической Республики. Генералу Г. Мазниашвили было приказано продолжить наступательные операции и оттеснить большевиков за Сочи и Туапсе. Это решение грузинского правительства полностью поддерживалось «Абхазским Народным Советом», единогласно принявшим (ещё 24 июня 1918г.) специальное постановление «*О необходимости занятия Сочинского и Туапсинского округов*».

В этом постановлении отмечалось: «Абхазский Народный Совет, обсудив политический момент и учитывая, во-первых, то, что большевистская анархия, которая раздирает Абхазию уже в течение трёх месяцев, питается главным образом Сочинским и Туапсинским

округами и, во-вторых, учитывая также то обстоятельство, что большевистское настроение создалось и поддерживается на почве продовольственных затруднений, возникших с момента занятия порта Туапсе большевиками, прекратившими сообщения с Северным Кавказом и задерживавшими продовольственные грузы, идущие с Северного Кавказа для Черноморского побережья Абхазии и Грузии, постановил: **для водворения прочного порядка в Абхазии и разрешения продовольственного кризиса, как в Абхазии, так и в Грузии признать необходимым занятие Сочинского и Туапсинского округов с портом Туапсе. О настоящем постановлении довести до сведения Правительства Грузинской Демократической Республики и командующего отрядом генерал-майора Мазниева».**³²

Несмотря на однозначную позицию как грузинского правительства, так и Абхазского Народного Совета, а также жителей г. Сочи, которые, по словам Г. Мазниашвили, «с нетерпением» ждали «прихода грузинских войск», начало наступления на Сочи затянулось. Одной из причин задержки Г. Мазниашвили называет тот факт, что «Абхазская конница встала на путь разложения».³³ И всё же грузинские войска перешли в наступление и 6 июля 1918г. очистили Сочи от большевиков. В городе был назначен уполномоченный грузинского правительства (им стал Гизо Анджапаридзе), а позже (в августе 1918г.) были проведены выборы в местные органы власти.³⁴

Наступление грузинских войск в направлении Сочи-Туапсе приветствовалось и т.н. «Кубанским правительством», посланник которого «некий Лапин» лично предстал перед ген. Мазниашвили и уполномоченным грузинского правительства в Сочи Г. Анджапаридзе. Через Лапина «Кубанское правительство» предлагало грузинскому командованию «занять линию Туапсе-Майкоп» и этим самым создать условия для вывоза накопленного в Майкопе большого запаса пшеницы и хлеба.³⁵ Действительно, грузинские войска продолжили движение в Северном направлении и 26 июля 1918г., «после 12 часового упорного боя взяли Туапсе».³⁶

При освещении этих событий нельзя особо не отметить, что население г. Сочи восторженно встретило грузинские войска. Более того, 20 сентября 1918г. общее собрание граждан города Сочи, созванное по инициативе объединённого совета социалистических партий, советов рабочих депутатов, союза рабочих, гласных думы, высказалось за «временное присоединение Сочинского округа к «Грузинской Демократической Республике».³⁷ Однако изменение военно-политической обстановки в регионе не позволило руководству Грузии реализовать пожелание жителей г. Сочи. Грузинским вой-

скам пришлось оставить сперва Туапсе, а затем и Сочи.

Тем временем, летом 1918г. антигрузински настроенные силы продолжали нагнетать обстановку внутри Абхазии. Поводом вспышки антигрузинских настроений стали действия ген. Г. Мазнишвили во время т.н. Цкургильского инцидента. Особую тревогу вызвал факт назначения военным министром Грузии, без ведома «Абхазского Народного Совета», ген. Мазнишвили генерал-губернатором Абхазии. В своём «Представлении» (от 4 июля 1918г.) на имя председателя правительства Грузии Н. Жордания, председатель «Абхазского Народного Совета» В. Шарвашидзе подчёркивал, что «Народным Советом были даны Мазниеву широкие полномочия вплоть до права объявления осадного положения, но исключительно при ведении военных операций». В мирное же время, как указывал В. Шарвашидзе, «источником власти и чрезвычайных полномочий на территории Абхазии является только Народный Совет, и полномочия даваемые ему, как генерал грузинской армии, обязан принять с ведома и согласия своего правительства».³⁸

Ситуация накалилась настолько, что специальный представитель грузинского правительства, член Национального Совета Грузии Исидоре Рамишвили, выступая на заседании Абхазского Народного Совета 18 июля, был даже вынужден поставить вопрос о немедленном выводе грузинских войск из Абхазии. В ответ, некоторые депутаты Абхазского Народного Совета (Р. Какубава, Д. Маршания) попытались «доказать... неосновательность тревоги И. Рамишвили», и выступили против вывода войск из Абхазии. Более того, один из депутатов – Осман Киут слухи о турецком десанте назвал «чистой провокацией» и призвал «указать лиц, сеющих провокационные слухи для производства следствия и привлечения их к ответственности».³⁹ Нахождение турецкого десанта в Абхазии фактически отрицал и Варлам Шарвашидзе, председатель «Абхазского Народного Совета», который, подчёркивая, что **«настоящий состав Абхазского Народного Совета стоит на одной платформе с Грузинским правительством и изменять ему не собирается»**, сообщил, что «Совету не известно... о концентрации турецких войск» в Кодорском участке.⁴⁰

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что руководитель высшего органа власти Абхазии преднамеренно лгал, когда отрицал пребывание турецких частей в регионе. Вполне возможно, что он тогда ещё не всё знал. Однако, не вызывает никакого сомнения то, что среди депутатов Совета были и те, которые, по признанию Мих. Тарнава, затаились «во время борьбы с турецким десантом, чтобы не рисковать своей головой».⁴¹ Пассивность «Абхазского Народного

Совета» отмечает и другой абхазский лидер того периода Василий Гурджуа, который на заседании Народного Совета 8 августа 1918г. прямо заявил, что, «не реагируя на высадку турецкого десанта, Абхазский Народный Совет поступает изменнически».⁴²

Эти факты однозначно подтверждают антигосударственные действия т.н. «турецкого десанта» в Кодорском участке и о весьма сомнительной (если не предательской) позиции «Абхазского Народного Совета» в период подавления этого мятежа. Ситуация особенно накалилась после того, как в начале августа 1918г. была осуществлена высадка очередной партии т.н. «махаджиров», которая направилась в сторону села Джгерда, в имение одного из вождей протурецкой ориентации князя Таташа Маршания. Становилось всё более очевидным, что часть депутатов «Абхазского Народного Совета» явно поддерживала вооружённый путч.

В этой ситуации демократическое крыло «Абхазского Народного Совета», во главе с председателем Совета В. Шарвашидзе, а также В. Эмухвари, выступила с инициативой реорганизации «Абхазского Народного Совета». Те лица, которые способствовали «оккупации Абхазии» турками, были обвинены в государственной измене и подлежали высылке из Абхазии.⁴³ Большинство депутатов «Абхазского Народного Совета» поддержало эту инициативу, и Совет был реорганизован по воле самих же его членов. Так что никакого разгона «Абхазского Народного Совета» т.н. грузинскими «оккупационными войсками» не было, и разглагольствования сепаратистской историографии на этот счёт всего лишь очередная политическая спекуляция и не более.

В этой связи, следует учесть ещё одно весьма важное обстоятельство. «Абхазский Народный Совет», избранный в своё время на съезде представителей одних абхазов, как не раз было отмечено нами, не был выразителем интересов всего населения края. Поэтому на повестке дня, после признания правительством Грузинской Демократической Республики «Абхазского Народного Совета» в качестве высшего органа власти в Абхазии, сразу же встал вопрос о включении (до «съезда населения Абхазии на демократических началах», проведение которого по договору 11 июня 1918г. планировалось «в скором будущем») в состав Совета новых его членов, представителей других общин проживавших в Абхазии. Ещё 27 июля 1918г. «Абхазский Народный Совет» принял соответствующее постановление по этому поводу и создал комиссию (в составе В. Эмухвари, Д. Алания и Г. Кецба), которой поручил выработку форм избрания и определение общего числа новых членов Совета. А 8 ав-

густа «Абхазский Народный Совет» уже образовал комиссию по подготовке выборов учредительного Собрания Абхазии, куда включил Р. Какуба, В. Гурджуа, Н. Хасаия и А. Инал-ипа.⁴⁴

До этого, 2 августа 1918г., со своей стороны, руководители грузинского, армянского и греческого национальных советов сообщили «Абхазскому Народному Совету», что вопрос о направлении своих представителей в этот орган они решат на объединённом заседании всех национальных советов, функционировавших в Абхазии.⁴⁵ Нетрудно догадаться, что все эти меры были направлены на то, чтобы сделать «Абхазский Народный Совет» более представительным, выразившим волю всего населения Абхазии. Турецкая авантюра всего лишь ускорила эту, запланированную заранее, трансформацию «Абхазского Народного Совета», который с этого времени уже считался временным органом власти.

То, что прибывший из Турции «десант» отнюдь не представлял собой группу мирных безобидных «махаджиров», лояльно относившихся к существующему в Абхазии режиму, стало ясно уже к середине августа, когда они оказали ожесточённое сопротивление правительственным войскам Грузинской Демократической Республики. «Число турок, – писал 2 сентября председатель «Абхазского Народного Совета» Варлам Шарвашидзе, который, как уже отмечалось, раньше вообще отрицал присутствие турецкого десанта в Абхазии, – доходило до тысячи... За все время экспедиции регулярные войсковые части под начальством Тухарели ни разу не могли войти в соприкосновение с неприятелем, только небольшой отряд Красной Гвардии – 60 человек под командой Тумаркина, вошёл в соприкосновение с турками в Моквском монастыре, где доблестно отбил многократные атаки превосходящих сил неприятеля. Второй отряд под командой Глонти, войдя в соприкосновение на высоте Ачимазмах, также доблестно отбил турок».⁴⁶

Освещая эти события, было бы неправильно умалчивать и о том, что правительственные войска не всегда действовали аккуратно и в отдельных случаях (это признают и грузинские историки) проявляли не совсем корректное отношение к мирному населению. Как отмечает тот же В. Шарвашидзе, они «занимались массовыми арестами мирного населения и поджогами».⁴⁷ Действия правительственных войск по отношению к мирному населению во время подавления мятежа были подвергнуты резкой критике в *«Заявлении делегации группы 14-и депутатов Народного Совета Абхазии на имя правительства Грузии»*, подписанным такими известными абхазскими лидерами, как Мих. Тарнава, Д. Алания, М. Цагурия и И. Мар-

гания. В этом «Заявлении» особо подчёркивалась жестокость казаков, которые, по утверждению авторов «Заявления», «врывались в мирные абхазские деревни, забирая всё мало-мальски ценное, совершая насилие над женщинами».⁴⁸

Неспокойно было и в Самурзакано, которое в результате большевистской авантюры, фактически, временно вышло из-под контроля «Абхазского Народного Совета». Это вынудило правительство Грузинской Демократической Республики (18 июня 1918г.), «в целях наиболее успешной борьбы с анархией в Самурзаканском участке временно, впредь до особых распоряжений, подчинить названный участок по вопросам, относящимся к охранению в нём государственного порядка и общественной безопасности, ведению Кутаисского губернского комиссара, на коего возложить руководство всеми мероприятиями среди населения указанного участка».⁴⁹

Здравомыслящие политики Абхазии осознавали всю серьёзность ситуации. Вот что писал в этой связи известный абхазский деятель Владимир (Ладо) Эмухвари окружному комиссару Маргания: «Зверства самурзаканских большевиков доходят до крайних пределов, в результате чего до 500 беженцев покинули участок и перешли в Зугдиди». Явно недовольный действиями окружного комиссариата, В. Эмухвари прямо обвинил Маргания в том, что он помешал «правительству Грузинской Демократической Республики подавить мятеж», так как посчитал «арестантов-преступников пленными». «Этим, – писал далее В. Эмухвари, – вы дали провокаторам помешать появлению войскам Республики (имеются в виду правительственные войска Грузии – **З.П.**)».⁵⁰

Ситуация была настолько тревожной, что председатель «Абхазского Народного Совета» Варлам Шарвашидзе был вынужден обратиться с официальной просьбой военному министру Грузии, в которой отмечалось: «В виду анархии в Самурзаканском участке, **Абхазский Национальный Совет просит Правительство Грузинской Республики в помощь ему выслать достаточный отряд в Самурзакано для водворения порядка**».⁵¹ Ярким свидетельством большой озабоченности «Абхазского Народного Совета» по поводу событий в Самурзакано может служить также и телеграмма того же Варлама Шарвашидзе, отправленная им ген. Г. Мазнишвили 28 июня 1918г. «**Абхазский Народный Совет, – писал В. Шарвашидзе, – просит Вас, господин генерал, принять срочные меры для подавления большевизма в Самурзакани**».⁵²

Приведённые нами здесь документальные материалы однозначно показывают всю абсурдность и несостоятельность утвержде-

ний абхазской сепаратистской историографии об якобы имевшей место попытке (летом 1918г.) отторжения Самурзакано от остальной Абхазии. На самом же деле, «Принятые правительством Грузии меры, – как совершенно правильно отмечают Дж. Гамахария и Б. Гогия, – были направлены... не на отделение Самурзакано от Абхазии, а, наоборот, на возвращение его в состав Абхазии».⁵³

Попытка государственного переворота в Абхазии в октябре 1918г. После того, как грузинскому правительству удалось ликвидировать «турецко-махаджирский» путч, протурецки настроенные силы, ведомые князем Ал. Шарвашидзе, за помощью обратились уже к командованию «Добровольческой» армии, во главе которой стояли царские генералы М. С. Алексеев и А. И. Деникин. Как сообщал (15 сентября 1918г.) правительству Грузинской Демократической Республики, находившийся в Сочи, Е. Гегечкори, «Алексееву послана делегация абхазцев с заявлением, что грузинское правительство насилует их волю, они же всей душой с Россией».⁵⁴ Руководство «Добровольческой» армии, преследовавшее имперские цели восстановления «единой и неделимой» России, подхватило инициативу «абхазской делегации», и потребовало от грузинского правительства вывести войска не только из пределов Сочинского округа и «чисто русского (как они считали – **З.П.**) Гагринского района», но вообще из Абхазии.⁵⁵ Состоявшаяся 25-26 сентября 1918г. в Екатеринодаре двухраундовая встреча между грузинской делегацией (Е. Гегечкори, Г. Мазниашвили) с одной стороны, и представителями «Добровольческой армии» (М. С. Алексеев, А. И. Деникин) и Кубанского правительства (Н. Воробьёв, Л. Быч) с другой, завершилась безрезультатно, так как стороны не смогли прийти к согласию.

Это не помешало руководству «Добровольческой» армии приступить к реализации плана «освобождения» Абхазии от «грузинских завоевателей». Однако, сложившаяся тогда на Северном Кавказе военно-политическая ситуация не позволила М. С. Алексееву и А. И. Деникину перейти к открытой экспансии и силой занять Абхазию. В этой обстановке они предприняли попытку государственного переворота в Сухуми. Во главе вооружённого путча стояли министр по делам Абхазии полковник Р. Чхотуа и окружной комиссар Маргания. По признанию самих же абхазских деятелей: В. Шарвашидзе, Д. Маршания, Д. Эмухвари и других, их поддерживала группа «бывших членов Совета, прежде державшихся турецкой ориентации и в настоящее время переменявших ориентацию на Алексеева».⁵⁶

9 октября отряд абхазской конницы во главе с окружным комиссаром И. Маргания, а также вызванные из Гудауты полковник Р.

Чхотуа и «абхазская сотня» ворвались в здание «Абхазского Народного Совета», где проходило заседание, и в ультимативной форме потребовали от депутатов отстранения председателя совета В. Шарвашидзе. На должность председателя предлагалась кандидатура одного из участников заговора С. Ашхацава.⁵⁷ Но Варламу Шарвашидзе удалось вовремя связаться с командованием правительственных войск. В результате оперативных действий начальника штаба подполковника Тухарели здание было освобождено от ворвавшихся туда вооружённых лиц, а руководители заговора: Р. Чхотуа, И. Маргания и их сподвижники из числа членов «Абхазского Народного Совета» – С. Ашхацава, Д. Алания, В. Чачба, Г. Аджамов и др. – были арестованы и помещены в Метехскую тюрьму в Тбилиси.

10 октября 1918г., по прямому проводу в Тбилиси было направлено своего рода просьба-представление, подписанное председателем «Абхазского Народного Совета» В. Шарвашидзе, а также членами совета: Д. Эмухвари, Я. Гогелашвили, И. Пашалиди, П. Геловани и другими, в котором предлагалось распустить «Абхазский Народный Совет» «временно, впредь до созыва подлинного народного представительства, созванного на началах всеобщего избирательного права». Вместе с тем, председатель Совета В. Шарвашидзе и его сподвижники требовали от грузинского правительства, чтобы т.н. «инициативная группа алексеевцев» была «решительно и надёжно изолирована», так как «пребывание их на свободе может создать для них благоприятные условия для иной авантюры, что уже будет сопряжено с большими жертвами». В сложившейся взрывоопасной ситуации, В. Шарвашидзе и поддерживавшая его группа депутатов «Абхазского Народного Совета» считали необходимым «немедленное назначение правительственной власти окружного комиссара, вполне солидного, который энергично должен взяться за водворение государственного правления». Ими же в качестве необходимой меры предлагались специальные «распоряжения штабу о принятии решительных мер предотвращения могущих быть вновь разыграться Алексеевской авантюры».⁵⁸

Итак, приведённый нами материал прямо и недвусмысленно указывает на связь штаба М. С. Алексева с авантюрой Р. Чхотуа и И. Маргания, целью которой было свержение В. Шарвашидзе и его команды, и установление в Абхазии антигрузинского, марионеточного режима. Следует особо отметить, что факт тесного сотрудничества абхазов с «Добровольческой» армией подтверждает не кто иной, как С. Данилов, чейopus «*Трагедия абхазского народа*», изданный в 1951г. в Мюнхене, в последнее время нередко использует-

ся абхазскими сепаратистами в своей антигрузинской пропаганде в качестве ещё одного «идеологического аргумента». Так вот, по признанию этого автора, «немало абхазцев, офицеров и всадников, тайком ушло из Абхазии и вступило в ряды Добровольческой армии ген. Деникина». ⁵⁹ Вызывает сожаление, что некоторые абхазские исследователи и, прежде всего, не раз упомянутый нами С. З. Лакоба, закрывают на всё это глаза и дело представляют так, как будто Р. Чхотуа и К° были обвинены незаконно, и что роспуск «Абхазского Народного Совета» якобы был насильственным актом грузинских «оккупационных» войск. ⁶⁰

На самом же деле, не должно вызывать никакого сомнения тот факт, что радикальные меры, принятые правительством Грузинской Демократической Республики по просьбе, подчёркиваем, **по просьбе председателя «Абхазского Народного Совета» Варлама Шарвашидзе и других членов совета**, были всего лишь ответной реакцией на антигосударственные действия отдельных «членов Абхазского Народного Совета», ставшим, как отмечалось в правительственном постановлении от 10 октября 1918г., «на путь измены интересам Абхазского Народного Совета и всего населения Сухумского округа... Эта часть депутатов, – отмечалось в постановлении, – всегда старалась добиться в интересах помещиков чужестранного вмешательства, сначала Турции, а затем армии Алексеева в дела абхазского народа и целого государства». ⁶¹

В этой ситуации, во избежание дальнейших осложнений и, учитывая то обстоятельство, «что вообще члены Абхазского Народного Совета не были избраны в порядке, обеспечивающем подлинное выражение истинных интересов народных масс Сухумского округа, Правительство Грузинской Республики... постановило: Абхазский Народный Совет в нынешнем составе объявить распущенным» и «назначить новые выборы его на основе всеобщего избирательного права; Для производства выборов учредить Центральную избирательную комиссию из Варлама Шарвашидзе, Исидора Рамишвили, Василия Гурджуа, доктора Пашалиди и Георгия Шаншиева...». И, наконец: «В регионе, впредь до избрания нового Абхазского Народного Совета, назначить комиссаром Сухумского округа Венямина Чхиквишвили...». ⁶²

Политическая ситуация в Абхазии в конце 1918 – начале 1919гг. Первые демократические выборы в Абхазии. Центральная Избирательная Комиссия во главе с Варламом Шарвашидзе занялась выработкой проекта «*Положения по выборам в Абхазский Народный Совет*». Комиссия, подготовив (уже к 3 декабря) проект

«Положения», отправила его в Тбилиси с соответствующей препроводилкой председателя Избирательной Комиссии на имя Н. Жордания. В письме В. Шарвашидзе к главе грузинского правительства была просьба ускорить выборы в Народный Совет Абхазии, что мотивировалось «необходимостью определить взаимоотношения Абхазии и Грузии, которое имело бы значение при признании Грузии странами Антанты и решении грузинского вопроса на мирной конференции» (т.е. на Парижской мирной конференции – **З.П.**).⁶³ Парламент Грузии, внося несущественные коррективы, утвердил проект *«Положения»* и 27 декабря назначил выборы в Абхазский Народный Совет.

В первоначальном проекте «право участия в выборах» предоставлялось «всем гражданам, живущим в Абхазии без различия пола, национальности, веры, которые ко времени составления избирательных списков достигли 20-ти лет и которые имели в Абхазии оседлости, до 19 июля 1914г.». ⁶⁴ Следует отметить, что представители грузинских политических партий (особенно национал-демократы) были против этой формулировки и настаивали на том, что право участия в выборах было бы предоставлено лишь подданным Грузии и России, что, по мнению Варлама Шарвашидзе, было бы недемократично, так как в этом случае «десятки тысяч греков и армян лишились права участия, ибо они не получили (в свое время) от самодержавия русского подданства». ⁶⁵

В результате, данная статья *«Положения»* фактически была утверждена с учётом этого требования абхазского лидера: «Правом быть избранным в Абхазский Народный Совет пользуются сверх означенных в ст. 2 также и все лица, приобретшие оседлость в Абхазии после 19 июня 1914 г.». ⁶⁶ Выборы должны были проводиться «посредством всеобщего, равного, прямого, тайного голосования на началах пропорционального представительства». Для проведения выборов в Абхазии правительством Грузинской Демократической Республики выделялось 10 с лишним миллионов рублей. ⁶⁷

Тем временем, руководители «Добровольческой» армии, через своих английских покровителей, попытались оказать давление на грузинское правительство и добиться освобождения своих сторонников – депутатов распущенного «Абхазского Народного Совета», арестованных за активное участие в антигосударственном мятеже 9-10 октября 1918г. Особый интерес в этой связи представляют переговоры, состоявшиеся 6 декабря 1918г. в Баку между заведующим политической частью союзнической миссии полковником Стоксом и дипломатическим представителем Грузии в Азербайджане Григо-

лом Алшибаия, в которых принял участие также сотрудник грузинского представительства, абхаз по происхождению, полковник Марганадзе (Маргания). Во время этих переговоров Алшибаия и Марганадзе без особых усилий доказали английской стороне, что депутаты Абхазского Народного Совета арестованы вполне обоснованно, и что «они обвиняются в государственной измене, в организации восстания».⁶⁸ Несмотря на это, учитывая общую ситуацию как собственно в Абхазии, так и государстве в целом, власти Грузии, по видимому, сочли более правильным смягчить позицию в отношении провинившихся депутатов. В результате они не только были освобождены, но впоследствии даже стали депутатами Народного Совета Абхазии.

13 февраля 1919г. в Абхазии впервые были проведены всеобщие, демократические выборы в Народный Совет – в высший орган государственной власти в Абхазии. Победу на этих выборах, как ожидалось, одержала правящая социал-демократическая партия Грузии, которая получила подавляющее большинство (27 из 40) депутатских мест. Помимо социал-демократов, в Народный Совет были избраны независимые социалисты, эсеры, национал-демократы и другие.

Абхазская сепаратистская историография под большое сомнение ставит демократичность выборов в Абхазский Народный Совет 13 февраля 1919г. «В результате «выборов», – пишет например С. З. Лакоба, – грузинские меньшевики составили большинство в Народном Совете Абхазии (27 депутатов), а абхазы, представлявшие в основном «независимцев» (С. Чанба и др.), меньшинство (8 депутатов)».⁶⁹ Это утверждение основывается на заведомо ложной информации представленной в т.н. «Заявлении делегации группы 14-ти депутатов Народного Совета Абхазии на имя правительства Грузии» от 29 сентября 1919г., о котором говорилось выше. Так вот, в этом «Заявлении» депутаты из фракции «Независимых социалистов» – А. Чукбар, Мих. Тарнава, М. Цагурия, Р. Какуба, Д. Алания, С. Чанба и др. – обвиняли чрезвычайного комиссара В. Чхиквишвили в том, что он якобы «блестяще выполнил свою задачу (во время выборов в Народный Совет Абхазии – **З.П.**), проведя в Совет по преимуществу представителей неабхазского населения, совершенно не связанных... с интересами края».⁷⁰

В том, что это обвинение сепаратистски настроенных абхазских деятелей и их сторонников в адрес В. Чхиквишвили, впрочем, также как и утверждение о недемократичности выборов со стороны С. Лакоба и К°, ни больше, ни меньше, наглая ложь и фальсификация исторического прошлого, однозначно можно убедиться, озна-

комившись с поимённым списком депутатов Народного Совета Абхазии избранного 13 февраля. Вот как, например, выглядело т.н. «грузинское (меньшевицкое) большинство» в Абхазском парламенте в этническом отношении: 1) Н. Авдалбекян, 2) Н. К. Акиртава, 3) Д. Б. Базба, 4) К. С. Барциц, 5) Л. Д. Гвалия, 6) В. Г. Гурджуа, 7) Д. (Арзакан) К. Емхвари, 8) Д. В. Захаров, 9) Г. М. Зухбаи (Зухбаия), 10) М. И. Тарнава, 11) Т. К. Кварацхелия, 12) М. Кобахия, 13) Г. В. Королёв, 14) А. Г. Мартин, 15) А. И. Нодиа, 16) И. И. Рамишвили, 17) М. С. Убирия, 18) И. Н. Пашалиди, 19) Д. Шарвашидзе, 20) А. Кирия, 21) А. Цвижба, 22) П. И. Чачава, 23) А. Чукбар, 24) М. А. Цулукидзе, 25) Д. Х. Цкуа, 26) Л. М. Тумаркин, 27) М. Н. Цаава.⁷¹

Т.е. из 27 депутатов 12 были абхазами, и примерно 10 (мы говорим примерно, потому как этническую принадлежность некоторых представителей Самурзакано, к примеру, Н. Акиртава, Г. Зухбай и др., трудно определить) представляли грузин, остальные 5 же были представителями других национальностей (русские, греки, армяне и т.д.). Помимо этого депутатами Народного Совета Абхазии стали абхазы: 1) В. Т. Анчабадзе, 2) Д. И. Алания, 3) И. Маргания, 4) М. Цагурия, 5) Р. Чхотуа, 6) В. Шарвашидзе, 7) Д. И. Гулия.⁷² Итак, всего из 40 членов нового парламента Абхазии, избранного якобы в условиях грубого давления на население со стороны т.н. «грузинского оккупационного режима», абхазов было 18 депутатов, а грузин – 16, представителей иных национальностей – 6.

Более того, из числа депутатов-грузин как минимум двое (М. С. Убирия и вышеупомянутый Ражден Какубава) впоследствии примкнули к сепаратистски настроенным депутатам из фракции «независимых социалистов». Интересно, как можно обвинить т.н. «оккупационный режим» В. Чхиквишвили в некой фальсификации выборов, если он не сумел помешать избранию в парламент даже таких ярых противников демократической Грузии, какими являлись руководители недавнего антигосударственного путча Р. Чхотуа, И. Маргания и др., а также ставленник Алексеева и Деникина А. А. Демьянов. Как говорится, комментарии излишни.

Глава XIII

АБХАЗИЯ – АВТОНОМИЯ В СОСТАВЕ ГРУЗИНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Соотношение политических сил в Народном Совете Абхазии и первые шаги на пути углубления государственно-правовых отношений между Тбилиси и Сухуми. В феврале 1919г., параллельно с выборами в Народный Совет Абхазии были проведены и выборы в Учредительное Собрание Грузии. В парламент Грузии из Абхазии (по списку социал-демократической партии Грузии) прошли Варлам Шарвашидзе, Дмитрий (Арзакан) Эмухвари, Василий Гурджуа, Дмитрий Захаров, Иван Пашалиди. Т.е. среди пяти депутатов, избранных в верховный орган государственной власти Грузинской Демократической Республики из Абхазии, были 3 абхаза, 1 – русский, 1 – грек, и ни одного грузина. Это ещё одно доказательство того, как «ущемлял» «ненавистный» меньшевистский режим Грузии интересы абхазского народа. Абхазы занимали почти все руководящие посты как в Народном Совете – высшем законодательном органе, так и исполнительных структурах Комиссариата Абхазии. Председателем Народного Совета в начале стал Дмитрий (Арзакан) Эмухвари, а затем (с 20 мая 1919г.), после того, как тот пересел в кресло председателя правительства (Комиссариата), Народный Совет вновь возглавил Варлам Шарвашидзе.¹

В Народном Совете Абхазии сразу же наметились два течения. Большинство депутатов, во главе с В. Шарвашидзе и Д. Эмухвари, отстаивали курс на дальнейшую интеграцию с Грузией при сохранении полной автономии во внутренних вопросах. Небольшая часть депутатов, ведомые известными сепаратистами: Мих. Тарнава, Д. Алания, С. Чанба, М. Цагурия, Р. Чхотуа, И. Маргания, Р. Какуба и др., с самого начала заняла ярко выраженную антигрузинскую позицию и даже потребовала вывода правительственных войск из Абхазии. Однако первое же голосование в Народном Совете о государственном статусе Абхазии показало всю бесперспективность постановки вопроса о государственной независимости Абхазии.

Так, за I пункт принятого (20 марта 1919г.) Народным Советом Абхазии *«Акта об Автономии Абхазии»*, который гласил: **«Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузия, как её автономная единица»**² – проголосовало 27 из 34-х присутствовавших на заседании депутатов, трое воздержались, а четверо не приняли участие в голосовании, которое, кстати, проходило тайно. Что

же касается II пункта *«Акта об Автономии»* – «Для составления Конституции Автономной Абхазии и определения взаимоотношений между Центральной и Автономной властью избирается смешанная комиссия в равном числе членов от Учредительного Собрания Грузии и Народного Совета Абхазии и выработанные положения по принятии их Учредительным Собранием Грузии и Абхазским Народным Советом, должны быть внесены в Конституцию Демократической Республики Грузия»³ – он был принят единогласно.

Абхазский исследователь С. З. Лакоба, всемерно стремясь понизить роль избранного 13 февраля 1919г. Народного Совета Абхазии и свести на нет принятые им решения, совершенно необоснованно *«Акт об Автономии Абхазии»*, принятый Народным Советом Абхазии 20 марта 1919г., называет «ни к чему не обязывающим» документом.⁴ Спрашивается, почему же *«Акт об Автономии...»* был «ни к чему не обязывающим» документом, если им руководствовались даже те депутаты Народного Совета Абхазии, которые не голосовали за I пункт *«Акта об Автономии»*, и безуспешно добивались внесения поправки, по которой в случае изменения политического строя в Грузии, Абхазии фактически предоставлялось право прервать государственно-правовые отношения с ней и самостоятельно определить свою дальнейшую судьбу.⁵

В этой связи, привлекает особое внимание активное включение этих же самых депутатов (И. Маргания, Мих. Тарнава, М. Цагурия, Д. Алания, и др.), признанных сепаратистской историографией и самим С. Лакоба борцами за «независимую» Абхазию, в процесс урегулирования конституционно-правовых отношений между Грузией и Абхазией. Для наглядности считаем необходимым привести некоторые выдержки из проекта *«Конституции Автономной Абхазии»*, подготовленном как раз вышеназванными депутатами Народного Совета Абхазии и их сторонниками (всего 12 депутатов).

Этот проект, по словам самих же его составителей, был «единственно приемлемый в интересах и Абхазии и Грузии в деле устранения существующего взаимного недоверия и непонимания и установления дружеских отношений между обоими народами».⁶ Так вот, по I статье I главы *«Конституции»*, «Абхазия в границах с северо-запада на юго-восток от реки Мзымта до реки Ингур и с юга на север от берегов Чёрного моря до Кавказских хребтов...» объявлялась автономной единицей, входящей «в состав Грузинской Демократической Республики». По 7-й же статье той же главы **«Автономной Абхазии»** предоставлялось **«Право иметь в Грузинском Парламенте в качестве его членов своих представителей, избирае-**

мых на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права. **При этом Абхазия должна была составить отдельный избирательный округ**».⁷

«Общими для Грузии и Абхазии делами» объявлялись: 1) Внешняя политика, 2) Денежная система (отмечалось, что Народный Совет Абхазии получал «денежные знаки от Грузии, определяя размер суммы необходимой для Абхазии и в этой сумме». Грузия должна была гарантировать «выпуск денежных знаков»). Общими также считались: почта и телеграф; войско. При этом, «в Абхазии войсковые части» должны были формироваться «по принципу территориального комплектования комиссариатами Абхазии», и они были обязаны обслуживать «постоянно Абхазию, за исключением случаев, когда государство (т.е. Грузия – **З.П.**) находится в состоянии войны». В мирное время «перевод войсковых частей с территории Абхазии» должен был произойти «лишь по особому постановлению Народного Совета Абхазии. Нахождение в мирное время в Абхазии иных, кроме территориальных войск» допускалось «лишь с согласия Народного Совета Абхазии».⁸

Общими были также: «Гражданское и уголовное законодательство; Общие суды (окружной суд, судебная палата, сенат), кроме Мировых Установлений... Управление общегосударственными шоссейными и железными дорогами и др.». Особо следует отметить, что по проекту «*Конституции*» депутатов-оппозиционеров «Управление общими делами Грузии и Абхазии» должно было находиться «в ведении Грузинского Правительства».⁹ Не менее важным представляется нам статья, по которой Народному Совету предоставлялось право «законодательной инициативы в общегосударственном (т.е. в общегрузинском – **З.П.**) масштабе», а также статья, согласно которой назначение, увольнение и перемещение должностных лиц в общегосударственных учреждениях «на территории Абхазии» должны были находиться в ведении Правительства Республики Грузия, однако, при этом требовалось согласие Правительства Абхазии.¹⁰ И, наконец, в заключительной (VIII) главе «*Конституции*» тогдашних лидеров «абхазской оппозиции» отмечалось, что «все положения **Автономной** Абхазии по утверждению их Народным Советом Абхазии и Учредительным Собранием Грузии должны быть внесены в Конституцию Демократической Республики Грузии».¹¹

Приведённый нами материал однозначно свидетельствует о том, что, несмотря на явное наличие сепаратистских тенденций, у наиболее оппозиционно настроенных депутатов Народного Совета Абхазии, в то время не было иного выхода, чем пойти на признание

автономного статуса Абхазии в пределах единого грузинского государства. Более того, они, как это было показано выше, активно сотрудничали с представителями грузинского руководства и искали пути для разрешения конституционно-правовых отношений между Тбилиси и Сухуми. Большого признания «*Акта об Автономии Абхазии*» – первого официального документа новоизбранного высшего органа государственной власти Абхазии, трудно представить и объявление его «ни к чему не обязывающим» документом говорит лишь о стремлении С. Лакоба и К° выдавать желаемое за действительное.

Крушение авантюристических агрессивных планов генерала А. И. Деникина в Абхазии летом 1919г. Меры, принятые Правительством Грузинской Демократической Республики по установлению государственного порядка в Абхазии в конце 1918 – начале 1919г., встревожили командование «Добровольческой армии», с которым тесную связь поддерживали антигрузински настроенные абхазские лидеры. Как совершенно справедливо отмечено в грузинской историографии, не должно вызывать никакого сомнения, что именно под диктовку А. И. Деникина и его сподвижников была составлена петиция «от имени» абхазского народа, в которой была просьба «о помощи, изгнании грузин и присоединении Сухумского округа к России»,¹² а также предлагалась поддержка со стороны абхазов в походе (Деникина – **З.П.**) против Закавказья». ¹³

Вооружившись этой «петицией» т.н. «официальных представителей» абхазского народа, уже 1 февраля 1919г. ген. А. И. Деникин официально обратился с посланием к командующему 27-й Британской дивизии ген. Форестье-Уоккеру и главнокомандующему британскими войсками на Ближнем Востоке ген. Мильну, в котором требовал: «1) немедленно объявить Сухумский округ (Абхазию) нейтральным; 2) Отвести грузинские войска за рекой Ингур; 3) Удалить из Абхазии грузинскую администрацию; 4) Возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные». ¹⁴ 6 февраля того же года ген. А. И. Деникин уже непосредственно приступил к реализации своего плана по захвату Абхазии и оккупировал сперва Сочи, а затем и Гагру.

Эти действия «Добровольческой армии» вызвали резкий протест высшего органа государственной власти Абхазии – Народного Совета, который, специально рассмотрев на своем заседании данный вопрос 15 апреля 1919г., принял «*Заявление... о меморандуме добровольческой армии английскому командованию*». В «*Заявлении*» Народного Совета Абхазии подчёркивалось, что «**единственным правомочным, полномочным и полноправным представителем**

Абхазии является Абхазский Народный Совет, избранный на самых демократических началах... Через этот Совет Абхазия заключила определённый и тесный союз с Демократической Республикой Грузия, вступив в неё, как автономная часть и этим вполне определив общие с Грузией государственные границы... что всякие «официальные представители» Абхазского народа, упоминаемые в меморандуме, являются ничем иным, как самозванцами, врагами демократии Абхазии и Грузии, заинтересованными в создании благоприятных условий для контрреволюции, реставрации старых порядков и уничтожении демократического строя».

Народный Совет Абхазии выражал убеждённость в том, что «абхазская демократия в союзе с демократией Грузии сумеет обуздать непрощенных «представителей» абхазского народа, победит контрреволюцию и её агентов». Далее в *«Заявлении»* отмечалось, что Народный Совет Абхазии желает знать, кто те «официальные представители, которые от имени народов Абхазии обращаются к добровольческой армии. Народный Совет Абхазии клеймит этих самозванных представителей именем предателей народа и утверждение меморандума считает несоответствующим действительности»; в конце *«Заявления»* отмечалось: «Резолюцию эту довести через Правительство Демократической Республики Грузия до сведения союзных держав».¹⁵

Руководители Автономной Абхазии не довольствовались только лишь декларацией *«Заявления»* Народного Совета Абхазии и они потребовали от грузинского правительства конкретных шагов в этом направлении. В частности, в телеграмме председателя Народного Совета Абхазии Д. (А.) Эмухвари на имя Н. Н. Жордания содержалось требование «довести до сведения союзных держав о горячем протесте Народного Совета Абхазии по поводу захвата части территории Абхазии Добровольческой Армией А. И. Деникина», а также просьба «принять меры по немедленному очищению этой территории до р. Мзымта».¹⁶

О том, что «инициатива» самозванных «официальных представителей» абхазского народа не поддерживалась большинством населения и, прежде всего, видными представителями абхазской интеллигенции, свидетельствует статья под названием *«Иуда Абхазии»*, опубликованная 12 июня 1919г. в Сухумской газете *«Наше Слово»*, редактором которой являлся не кто иной, как основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа. В этой статье в частности отмечалось: «Представитель Абхазии, являвшийся к Деникину с настойчивыми просьбами о занятии Абхазии деникинскими войсками,

предатель Абхазии обнаружен! Это Александр Шервашидзе, тот самый, который в своё время старался о высадке турецкого десанта в Абхазии, это тот самый российский «патриот», который хотел отдать туркам бывшую часть России. Вот чьим именем оправдывал Деникин перед Европой свой разбойничий набег на Грузию и Абхазию». ¹⁷ «Самозванцами» и «авантюристами» называл т.н. «представителей народа», ведущих переговоры с Деникиным, абхазский депутат К. Барцыц. ¹⁸ Следует особо отметить, что даже депутаты из фракции «независимых социалистов», которые попытались защитить сторонников А. И. Деникина, были вынуждены признать, «что лица, именующие себя официальными представителями абхазского народа, являются самозванцами и врагами демократии Абхазии». ¹⁹

Правительство Грузинской Демократической Республики приняло дипломатические шаги для разрешения конфликта с «Добровольческой армией». Так, 24 мая 1919г. в Тбилиси состоялась встреча между Е. Гегечкори и Н. Рамишвили с одной стороны, и представителем ген. А. И. Деникина, английским генералом Бриггсом с другой. Эта встреча выявила истинные цели А. И. Деникина и его британских покровителей, стремившихся не только отбить Абхазию у Грузии, но вообще запретить грузинам добиваться признания государственной независимости. «Такой маленький народ, как Грузия, – заявлял ген. Бриггс, – не должен стремиться к самостоятельности». По словам английского генерала, Грузия должна следовать за советом Деникина, который «стоит за автономию маленьких народов и за воссоединение России». ²⁰ Эта встреча, из-за принципиальных разногласий между сторонами, как и следовало ожидать, завершилась безрезультатно.

Для обеспечения безопасности рубежей Грузии-Абхазии и приостановки агрессивных действий А. И. Деникина грузинское правительство попыталось использовать и трибуну Парижской Мирной Конференции. Так, 14 июня 1919г. руководитель грузинской делегации на Парижской Конференции Н. Чхеидзе обратился со специальным посланием к председателю конференции Жоржу Клемансо, а также правительственным делегациям США, Великобритании, Италии и Японии, в котором официально уведомил правительства этих стран об агрессивных действиях со стороны Деникина и попросил их «предписать русской Добровольческой армии уважение к границам, которые Грузия фактически занимала между Кавказским Хребтом и Чёрным морем, согласно с ее правами и волей населения и с согласия союзного командования». ²¹

Таким образом, в результате дипломатических шагов, пред-

принятых (весной и летом 1919г.) правительством Грузинской Демократической Республики на международной арене, на время удалось предотвратить вторжение «Добровольческой армии» Деникина в Абхазию и тем самым обеспечить безопасность северо-западных рубежей Грузии. Однако осенью, по мере наращивания военной мощи Деникина, вновь возникла угроза агрессии со стороны «Добровольческой армии». Одновременно подняли головы и борцы за «великую и неделимую» Россию внутри самой Абхазии, среди которых особенно выделялся член Народного Совета Абхазии А. Демьянов. 23 октября 1919г. он сделал провокационное заявление, в котором выступил против решения руководства Народного Совета Абхазии направить делегацию представителей различных партий в Кодорский и Гудаутские уезды для ведения среди населения этих районов антиденикинской пропаганды. Он фактически открыто пригрозил, что «пропаганда затеянная Малым Советом (т.е. руководящим ядром Народного Совета Абхазии, который и организовал вышеуказанную агитационную работу – З.П.), может иметь единственным последствием вмешательство во внутренние дела Абхазии, а следовательно, и Грузии, Добровольческой армии, поддерживаемой силами союзных держав».²²

Народный Совет Абхазии на своем заседании (18 ноября 1919 года) резко осудил этот подстрекательский демарш А. Демьянова, совершенно обоснованно усмотрев в нём попытку создания формального «повода для агрессивных действий военной партии России в отношении Абхазии и Республики» (т.е. Грузии – З.П.), а в действиях Демьянова – «элементы государственной измены Абхазии и Республике». Исходя из этого, Народный Совет Абхазии постановил: «исключить Демьянова из списка депутатов».²³ В ответ А. Демьянов, и вслед за ним оппозиционно настроенные депутаты: Д. Базба, И. Маргания, Д. Алания, А. Чукбар и С. Чанба – покинули заседание в знак протеста, остальные же (23 депутата) единогласно поддержали проект постановления.²⁴ Как видим, позиция Народного Совета Абхазии в вопросе об отношениях с Деникиным была однозначной и она полностью совпадала с официальной линией правительства Грузинской Демократической Республики.

Конечно, не все абхазские лидеры поддерживали политику Народного Совета Абхазии. Некоторые из них и не скрывали свою пророссийскую ориентацию. «Мы, абхазцы, – говорил на состоявшемся в феврале 1920г. съезде абхазской интеллигенции один из вождей т.н. «антигрузинского сопротивления» И. Маргания, – общены к русской культуре, отнимают у нас эту культуру, этот язык

и насильственно навязывают грузинский язык».²⁵ И это говорил представитель древнего абхазского дворянского рода, забывая при этом, что именно грузинский язык, как минимум, на протяжении одного тысячелетия был единственным письменным языком его предков. Забывая о том, что абхазская феодальная элита, несмотря на некоторые шатания в позднем средневековье, в целом, всё же продолжала оставаться в общегрузинском культурно-христианском ареале.

Самое интересное, что всё это говорилось как бы от имени всего народа, того народа, который, как это уже неоднократно отмечалось, на протяжении почти 70-ти лет вёл непримиримую, кровопролитную борьбу против России и категорически не воспринимал все, что было связано с нею. Вот какой чудовищной ложью питали своих наивных соотечественников лидеры тогдашнего «антигрузинского фронта». Жаль, что эту эстафету идеологической обработки абхазского населения «успешно» подхватили и «духовные отцы» современного абхазского сепаратизма, которые всемерно внушают народу мысль о том, что Абхазию никогда ничего не связывало с Грузией, и что Грузия всегда угнетала абхазов. С этой целью они активно тиражируют подобные данному высказыванию И. Маргания отдельные заявления других лидеров сепаратистского движения в 1918-1921гг.

Однако эти лидеры, вопреки большому желанию некоторых современных абхазских историков, отнюдь не являлись выразителями интересов всего абхазского населения. Большинство абхазов как раз поддерживало не их, а таких абхазов как: В. Шарвашидзе, Д. (А.) Эмухвари, В. Т. Анчабадзе, Д. Г. Гулиа, Г. Зухбай, В. Гурджуа и других, которые активно выступали за автономное устройство Абхазии в рамках Грузинской Демократической Республики. Современная абхазская сепаратистская историография закрывает глаза на эту очевидную истину и названных выше деятелей не только не считает выразителями интересов абхазов, но фактически ставит под сомнение само их абхазское происхождение. Зато в числе видных абхазских деятелей с гордостью произносятся такие имена как Д. Алания, Мих. Тарнава, М. Цагурия, М. Убирия и другие. Спрашивается, с каких это пор представители древнейших абхазских родов: Шарвашидзе, Анчабадзе, Эмухвари и т.д., перестали быть выразителями чаяний абхазского народа, а ими стали некие Алания, Цагурия, Тарнава, Убирия и т.д., абхазское происхождение которых, по меньшей мере, может вызвать только улыбку. Вот какие «авторитеты» абхазского народа ценятся ныне в Абхазии, вот на каких аргументах

строят свою фальсификацию С. Лакоба и К°.

Помимо подстрекательских действий в самой Абхазии, направленных против Тбилиси, ген. А. И. Деникин предпринял энергичные усилия и для подрыва авторитета Грузинской Демократической Республики на международной арене. Так, официальный представитель ген. А. И. Деникина на Парижской Мирной Конференции, бывший министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов передал ноту министру иностранных дел Великобритании лорду Джорджу Керзону, в которой было высказано недовольство тем, что «грузинские власти прибегают к секвестрации русских церквей не только в Грузии, но и местах вроде Сухум, не имеющее ничего общего с Грузией».²⁶ Дипломатический демарш С. Д. Сазонова был своего рода продолжением агрессивных акции российских клерикалов, о которых мы уже рассказывали выше.

Тогда, как известно, благодаря активному вмешательству лучших представителей абхазской общественности, удалось предотвратить выделение Сухумской епархии из состава Грузинского экзархата и ее присоединение к Кубани. Также было отмечено, что сепаратистски настроенные силы ещё в мае 1917г. созвали т.н. «съезд» духовенства Абхазии, на котором попытались обосновать тезис о независимости «Абхазской церкви». Однако и из этого ничего не вышло. Вместе с тем, представители русской православной церкви, ведомые епископом Сергием, упорно не признавали Грузинскую Демократическую Республику и всю надежду возлагали на А. В. Колчака и А. И. Деникина. Более того, епископ Сергей действовал по инструкциям полученным непосредственно от А. И. Деникина, который призывал епископа (18 января 1919г.) «к энергичной, планомерной и согласованной» работе.²⁷

В марте 1919г. Сергей, получив новое назначение, покинул Сухуми и переехал в Россию, хотя сохранил за собой должность Сухумского епископа. В этой обстановке Комиссариат Абхазии принял единственно правильное решение и специальным декретом признал (1 сентября 1919г.) «находящийся в г. Сухуми кафедральный собор с причтовым домом, архиерейский дом и здание бывшего училищного совета» «национальным достоянием автономной Абхазии»... «Временно, до избрания епископа, – говорилось далее в декрете, – назначить управляющего православными церквями Абхазии с резиденцией в г. Сухуме» и т.д.²⁸ Несмотря на противодействие со стороны А. Демьянова – агента А. И. Деникина, а также сепаратистски настроенных депутатов Народного Совета Абхазии, Мих. Тарнава, Д. Алания и И. Маргания, фактически требовавших отмену

декрета, правительство Абхазии приступило к его реализации. Оно обратилось с ходатайством в Совет Грузинского Католикосата, назначить временным управляющим известного церковного деятеля, Чкондидского митрополита Амвросия (Хелаия). Прибывший в Сухуми новый глава епархии сразу же призвал членов кафедрального причта и епархиального совета оставаться на своих местах и продолжать службу. Но некоторые русские священнослужители, в частности, протоиерей Голубцов, священник Протопопов и секретарь Автономов, «в виду запрещения Временным высшим церковным Управлением Юго-Восточной России иметь общение с представителями Грузинской церкви», демонстративно (в письменной форме) отказались подчиниться указаниям Митрополита Амвросия.²⁹

7 октября 1919г., по инициативе митрополита Амвросия, был созван чрезвычайный собор духовенства Сухумской епархии для «упорядочения церковных дел и... избрания епископа». В работе собора приняли участие настоятели и по одному представителю каждого прихода абхазских, греческих и русских церквей. Учитывая, с одной стороны, многовековую культурно-историческую общность грузинского и абхазского народов, а с другой и то, что **«со вступлением на автономных началах Абхазии в состав Грузинской Демократической Республики»**, а также посчитав недопустимым «существование здесь (т.е. в Абхазии – **З.П.**) инодержавной церковной власти», собор постановил: «1. На территории **автономной Абхазии** восстанавливается самостоятельная епархия Грузинского Католикосата с наименованием ее Сухумско-Абхазской... 3. В состав Сухумско-Абхазской епархии входят все без различия национальности приходы, монастыри и церковные учреждения между реками Энгури и Мехадыр».³⁰

Так была восстановлена историческая справедливость. Абхазия, которая, вопреки демагогическим утверждениям С. Д. Сазонова и К°, почти до позднего средневековья занимала чуть ли не центральное место в общегрузинском христианском пространстве (чего стоит один тот факт, что на протяжении долгого времени, как это уже не раз отмечалось, резиденцией главы западногрузинской церкви – Католикоса Абхазии была Бичвинта-Пицунда), вновь вернулась в лоно общегрузинской национальной церковной организации. Этим была предотвращена угроза церковной агрессии со стороны русских клерикалов. С 17 по 23 октября Абхазию посетил Католикос всея Грузии Леонид, которого восторженно встречало всё православное население края. В завершении своего визита, во время которого глава грузинской церкви совершил богослужение в Сухумском кафедр-

ральном соборе, а также Ново-Афонском и Драндском монастырях, в греческой церкви, правительство Абхазии и общественность города Сухуми, в том числе и представители абхазской интеллигенции, устроили торжественный приём в честь Католикоса.

Решение церковных проблем было ещё одним шагом на пути дальнейшей консолидации грузинского и абхазского народов и укрепления единой государственности. Этим был нанесён очередной удар российским имперским силам и их приспешникам в Абхазии.

Переговоры между представителями Народного Совета Абхазии и центральной власти Грузии по конституционным вопросам в 1919г. Как уже было отмечено, в своё время, с принятием *«Акта об Автономии Абхазии»* Народным Советом Абхазии 20 марта 1919г. был сделан решительный шаг на пути дальнейшей интеграции Абхазии в общегрузинскую государственную структуру. Однако это было лишь началом процесса общегосударственного строительства. Одной из неотложных задач государственного устройства Абхазии была выработка Конституции Автономной Абхазии. Для этой цели, Народный Совет Абхазии создал конституционную комиссию, которая уже 30 марта 1919г. провела своё первое заседание.³¹ В протоколе этого заседания, на котором присутствовали члены конституционной комиссии – П. Геловани (председатель), Мих. Тарнава (секретарь), А. Демьянов, С. Чанба, А. Маршани, М. Григолия, было записано буквально следующее: «приступая к рассмотрению проектов конституции по существу, Комиссия единогласно поддерживает и ставит первым пунктом резолюцию Совета (т.е. *Акта об Автономии Абхазии – З.П.*), что **Абхазия входит в состав Грузинской Демократической Республики, как автономная единица**».³²

Это ещё одно свидетельство того, что в то время даже такие деятели, как А. Демьянов, Мих. Тарнава и С. Чанба, безоговорочно признавали автономный статус Абхазии в пределах грузинского государства. Тем не менее, в ходе работы над проектом конституции выявились разногласия довольно принципиального характера. В результате появились сразу 3 альтернативных варианта проекта конституции. В основу первого проекта легли положения из декларации социал-демократической фракции Народного Совета Абхазии, которая была оглашена на первом же заседании Совета.³³ Данный проект однозначно ставил вопрос о более тесной интеграции Абхазии с остальной Грузией. По другому проекту также признавалась «необходимость присоединения к Грузии», однако его авторы высказывались за «более слабую связь с Республикой» (т.е. с Грузией – *З.П.*) с со-

хранением за Абхазией «больше прав, больше самостоятельности». Третий – компромиссный проект, подготовленный комиссариатом Абхазии, хоть и получил больше голосов (за него проголосовало 20 депутатов), но, тем не менее, также не был принят Советом.³⁴

21 июля 1919г. Народный Совет Абхазии принял решение о направлении в Тбилиси официальной делегации в составе Д. (А.) Эмухвари, Г. Королёва, М. Убирия, В. Гурджуа, М. Цава, М. Григолия, которая в течение сентября-октября вела активные консультации с представителями центральной власти.³⁵ Оппозиционно настроенные депутаты Народного Совета Абхазии (14 парламентариев), выразив недоверие официальной делегации, в Тбилиси направили своих представителей, в частности: И. Н. Маргания, Д. И. Алания, М. К. Цагурия и Мих. И. Тарнава. Грузинское руководство с большим вниманием отнеслось к этой делегации. Было организовано специальное заседание правительства, на котором заслушали доклад, который впоследствии, по просьбе Н. Н. Жордания, был передан в письменной форме.

Грузинское правительство выражало полную готовность удовлетворить все капризы делегации, лишь бы они не примкнули к Деникину: «Если в одном вопросе мы с вами сойдемся, – говорил Н. Н. Жордания членам абхазской делегации, – то во всех остальных, безусловно, сойдемся. Это вопрос об отношении к Деникину». На это члены делегации председателю правительства без колебания дали положительный ответ. Тогда Н. Н. Жордания, со своей стороны, ещё раз подтвердил, что в таком случае «мы сойдемся во всех вопросах».³⁶ В представленном делегацией докладе отмечалось, «что единственным выходом из создавшегося положения... является **устройство Абхазии на началах широкого автономного правления**».³⁷ Далее говорилось, что группой депутатов подготовлен проект конституции автономной Абхазии.

Выше, мы уже касались отдельных статей этой конституции, которые однозначно подтверждают желание её авторов видеть Абхазию в пределах единого грузинского государства. Трудно сказать, насколько искренними были депутаты-оппозиционеры в своём желании признать автономный статус Абхазии. Их последующие заявления дают повод серьёзно усомниться в их искренности. В этой связи особый интерес представляет декларация фракции социал-демократов-интернационалистов, оглашённая на заседании Народного Совета Абхазии 25 ноября 1919г., на которую обратили внимание грузинские исследователи Дж. Гамахария и Б. Гогия. В этой декларации её авторы не скрывают, что «фракция, рассматривая не-

зависимость Республики Грузии как средство к цели в будущем, при иных условиях политической обстановки, более целесообразных для культурного, экономического и политического развития демократии Абхазии и Грузии, будет стоять за присоединение этих краев к общей семье российских народов, не предрешая сейчас вопроса о формах связи с общим Российским государством и о формах внутренней самостоятельности Абхазии и Грузии».³⁸

Таким образом, Мих. Тарнава и К^о не только не ставили вопрос о строительстве суверенного абхазского государства, а ломали голову над тем, как «присоединить», в будущем, эти края, т.е. Грузию вместе с Абхазией, «к общей семье российских народов». Совершенно очевидно, чей политический заказ выполняли т.н. социал-демократы-интернационалисты. Вот настоящее лицо этих горе-патриотов, якобы заботившихся о национальном возрождении абхазского народа. И как всё это печально напоминает т.н. «национально-освободительную борьбу» абхазских сепаратистов нового поколения, поколения 70-80-х годов, всемерно добивавшихся вывода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР и её непосредственного включения в «обновлённый союз», на худой конец в состав РСФСР.

Грузинское руководство для обсуждения конституционных вопросов выделило 5 депутатов Учредительного Собрания во главе с председателем конституционной комиссии П. Сакварелидзе. Были изучены все три проекта конституции, однако от окончательного решения вопроса грузинская сторона воздержалась, и мотивировалось это тем, что «выработка Конституции одной части государства до выработки вообще Конституции всего государства представляла логическую неправильность».³⁹ Вместе с тем, консультации по конституционным вопросам между делегацией Народного Совета Абхазии и членами Учредительного Собрания (т.н. паритетной комиссии) на этом этапе всё же завершились принятием своего рода промежуточного документа – проекта *«Соглашения Паритетной Комиссии об основных положениях Управления Абхазии»*. В нём ещё раз подтверждалось что «Абхазия составляет автономную часть Демократической Республики Грузии». В целом же этот документ, по признанию члена абхазской делегации М. Убирия, представлял собой свод «фактических отношений, которые установились в жизни».⁴⁰

Политическая дискуссия по вопросу предоставления грузинскому языку в Абхазии государственного статуса. Одновременно с дебатами вокруг конституции, разгорелись страсти и по поводу государственного статуса грузинского языка. Оппозиционеры всеми средствами пытались заблокировать решение Комиссариата

Абхазии, по которому в школах Абхазии вводили изучение грузинского языка. Следует особо отметить, что сепаратистски настроенные депутаты Народного Совета Абхазии не посмели прямо выступить против изучения грузинского языка и вынуждены были признать «желательным», – как отмечал на специальном заседании Народного Совета Абхазии состоявшегося 18 ноября 1919г. один из лидеров оппозиции Мих. Тарнава, – «введение грузинского языка как Государственного в школах Абхазии», однако они протестовали против самоличного распоряжения Комиссариата, и требовали, чтобы решение о введении грузинского языка в школах Абхазии было санкционировано Народным Советом. Что же касается здравомыслящих депутатов абхазского парламента, то они открыто поддерживали правительственное решение.

Точку зрения этих депутатов наиболее чётко сформулировал один из самых образованнейших абхазов того периода, известный общественный и государственный деятель Вианор Тарасович Анчабадзе. **«Азбукой государственного права, – говорил он, – является изучение государственного языка, если не обучение на нём. Все здесь были согласны, что Абхазия составляет часть Грузии, как это признано 20 марта – (имеется в виду «Акт об Автономии Абхазии» принятый Народным Советом 20 марта 1919г. – З.П.), но почему-то они не хотят считаться с тем, что отсюда логически вытекает необходимость преподавания грузинского языка. Потому-то у некоторых депутатов, как только всплывает этот вопрос, разгораются страсти. Правда, всем хорошо известно, что Абхазия – страна интернациональная по составу населения, но грузинский язык должен быть признан по справедливости господствующим, как государственный. Вопрос этот имеет практическую сторону. ...Какой же язык должен изучаться, если не грузинский, язык соседнего народа, с которым Абхазия связала свою судьбу. Вот когда вы против этого языка возражаете, то вы просто не понимаете азбуки государственного права. ...Мы считаем правильным, что введён этот язык, – отмечал В. Т. Анчабадзе, – потому, что его введение в школах необходимо. Государственный язык должен проходиться – это аксиома».**⁴¹

Говоря о решении Комиссариата Абхазии ввести изучение грузинского языка, особо следует отметить, что грузинский язык вводили как отдельную учебную дисциплину, а не вместо русского языка. Вот какие разъяснения давал по этому поводу депутатам Народного Совета комиссар народного образования Абхазии И. Лордкипанидзе: «Если (бы) мы создали новый тип школы, если бы провели его помимо вас (т.е. депутатов абхазского парламента – З.П.),

вы были правы. Тут говорится, что мы нарушили какое-то согласие. В соглашении говорится о языке обучения и делопроизводства и что таким языком пока является русский. Вот если бы мы обучение установили на грузинском языке, Ваш запрос имел бы основание... Если вы считаете, что грузинский язык надо изучать, то подтвердите это... вопрос не в навязывании **чуждого** языка, – говорил Лордкипанидзе, – а в изучении **государственного языка**».⁴²

Подтверждением того, как осторожно подходило грузинское правительства к языковой политике в Абхазии, может служить выступление Вениамина Чхиквишвили на специальном заседании Учредительного Собрания Грузии 2 августа 1919г. Как известно, на этом заседании некоторые оппозиционно настроенные депутаты подвергли острой критике языковую политику грузинского правительства в Абхазии. В частности, они выступили против того, что «Грузинский язык вытеснен из Сухумской городской Управы», и что там «делопроизводство ведётся на русском языке». На эти протесты Вениамин Чхиквишвили ответил так: «Это правда, что делопроизводство ведётся не на грузинском языке, а на языке государства (имеется в виду Россия – **З.П.**) частью которого Абхазия ни сегодня, ни завтра не будет, но при этом для большей части народа и общества является более понятным языком. Это русский язык. Мы ничего против сказать не можем, и я думаю, до тех пор, пока сам Абхазский Совет не сможет использовать государственный грузинский язык с той целью, для чего существует вообще язык, до этого нельзя принуждать, чтобы непременно разговаривали и писали на грузинском языке. Это было бы беспочвенное действие и дало бы противоположные результаты, такую политику проводить мы не будем».⁴³

К сожалению, некоторые абхазские исследователи (в частности Б. Сагария) ещё в советское время, всемерно пытаясь очернить политику грузинского меньшевистского правительства в Абхазии, необоснованно обвиняли его в проведении насильственной национализации государственного аппарата, к чему служило якобы объявление грузинского языка «единственным языком делопроизводства во всех звеньях аппарата власти» в Абхазии.⁴⁴ На самом же деле, как совершенно правильно отмечают грузинские исследователи Дж. Гамахария и Б. Гогия, «Правительство Грузии... отнюдь не форсировало перевод делопроизводства в Абхазии на грузинский язык».⁴⁵ Для обоснования данного вывода, помимо вышеприведённого высказывания В. Чхиквишвили, обращается внимание на пункт из Приказа министра внутренних дел Грузии, в котором однозначно указывалось, что в г. Тбилиси, Сухумском и Закатальском округах, а так-

же в Борчалинском уезде, «наряду с грузинским продолжал действовать и русский язык».⁴⁶ В этой связи представляет интерес другой документ, также приведённый Дж. Гамахария и Б. Гогия: специальное разъяснение, сделанное МВД Грузии 30 августа 1918г. в ответ на запрос председателя Абхазского Народного Совета о национализации правительственных учреждений, в котором отмечалось, что правительство Грузии не издавало никаких распоряжений относительно национализации учреждений в Сухумском округе, что не предполагалось и в дальнейшем.⁴⁷ Так что, любые инсинуации абхазской сепаратистской историографии по поводу насильственного перевода делопроизводства на грузинский язык в Абхазии, лишены всякого основания.

Окончательное оформление конституционно-государственных взаимоотношений между Тбилиси и Сухуми в конце 1920 – начале 1921г. С весны 1920г. Народный Совет возобновил активную работу над проектом Конституции Автономной Абхазии. 21 мая 1920г. был утверждён состав делегации Народного Совета Абхазии, которой было поручено ведение консультаций с депутатами Учредительного Собрания Грузии. В эту делегацию, наряду с представителями парламентского большинства (В. Шарвашидзе, Д. Эмухвари, Д. Захаров, Г. Зухбай и В. Т. Анчабадзе), был включён и один из лидеров оппозиции Мих. Тарнава. В результате почти двухмесячной работы в Тбилиси были подготовлены два проекта конституции, которые затем были унифицированы конституционной комиссией Народного Совета Абхазии (Г. Зухбай, Д. Захаров, М. Цулукидзе, Г. Королёв, Мих. Тарнава) в единый проект.

Народный Совет Абхазии, после неоднократного тщательного рассмотрения этого документа (в сентябре-октябре 1920г.), 16 октября 1920г. официально утвердил проект конституции и принял решение направить «в Учредительное Собрание Грузии делегацию Совета для совместной разработки проекта Конституции Абхазии».⁴⁸ Этим была завершена первая, на наш взгляд, решающая часть юридической процедуры принятия конституции Абхазии. Т.е. высший орган власти Абхазии – Народный Совет фактически парафировал конституцию Автономии и по регламенту оставалось лишь её окончательное утверждение верховным законодательным органом страны – Учредительным Собранием Грузии. В историографии совершенно обоснованно признано, что утверждённый НСА 16 октября 1920г. проект конституции явился результатом разумного компромисса между различными политическими силами Абхазии.⁴⁹ Конституция ещё раз подтверждала неизбежность автономного статуса

Абхазии в пределах единого грузинского государства.

4 ноября 1920г. в Тбилиси прибыла представительная делегация Народного Совета Абхазии во главе с его председателем Варламом Шарвашидзе. В состав делегации вместе с другими вошли представители оппозиции: М. Цагурия, Д. Алания и Мих. Тарнава. Делегация Народного Совета Абхазии ставила вопрос о незамедлительном рассмотрении и утверждении конституции Абхазии парламентом Грузии. Однако грузинские парламентарии выступили против форсированного утверждения конституции Абхазии и это мотивировали тем, что конституцию Автономии следовало принимать не отдельно, а вместе с конституцией страны, разработка которой затягивалась. Этому же мнению придерживались политическое руководство Грузинской Демократической Республики и её лидер Ное Жордания, который, встречаясь с делегацией Народного Совета, принял «беспорным принцип автономии Абхазии», но, вместе с тем, указал, что разработка и принятие конституции является исключительно прерогативой Учредительного Собрания.⁵⁰ В сложившейся ситуации, когда, по словам главы грузинского правительства, «принятие общей конституции может затянуться», необходимо «оформить и нормировать законом существование автономной области и отношения её к центру». Т.е. Н. Жордания считал целесообразным «издание отдельного закона автономии Абхазии, который по принятии общей конституции может стать отдельной главой».⁵¹ Одновременно, 30 ноября 1920г. председатель правительства обратился в Президиум Учредительного Собрания с просьбой, в которой просил принять «меры по ускорению рассмотрения в Конституционной комиссии проекта Конституции Абхазии».⁵²

Однако в переговорах между грузинскими и абхазскими парламентариями возникли некоторые противоречия. Президиум Учредительного Собрания не принял предложение абхазской делегации об образовании из членов НСА и Учредительного Собрания смешанной комиссии на паритетных началах и призвал членов делегации Народного Совета Абхазии участвовать «в обыкновенной конституционной комиссии в качестве связующих лиц». Это вызвало резкий протест отдельных членов (М. Цагурия, Д. Алания и Мих. Тарнава) абхазской делегации, которые отказались от дальнейшего участия в обсуждении конституции. Более того, 24 декабря 1920г. по инициативе оппозиции даже было проведено голосование по вопросу доверия Президиуму Народного Совета Абхазии. Однако предложение оппозиции не прошло, за него проголосовало лишь 7 депутатов, против – 10.⁵³ 4 января 1921г. Народный Совет Абхазии офици-

ально одобрил деятельность конституционной делегации в Тбилиси. Между тем, 29 декабря 1920г. Малая Конституционная Комиссия Учредительного Собрания Грузии приняла *«Положение об управлении Автономной Абхазии»*, которое, впоследствии вошло в утверждённое Учредительным Собранием 21 февраля 1921г. Конституцию Грузии.

«Положение об управлении Автономной Абхазии» было составлено исключительно на основе проекта конституции, принятого Народным Советом Абхазии 16 октября 1920г. Оно фактически завершало юридическое оформление единой грузино-абхазской государственности и закрепляло автономное устройство Абхазии в пределах единого грузинского государства. Чтобы лишний раз убедиться в этом, считаем необходимым привести некоторые статьи из *«Положения»*.

1. **«Абхазия от реки Мехадыр до реки Энгури, и от берегов Чёрного моря до Кавказского хребта – неотъемлемая часть Республики Грузия и в этих границах автономно управляет своими внутренними делами...**
3. Ведению автономного управления Абхазии подлежат все земли и владения в пределах Абхазии и все живущие там лица согласно общим законам Республики (т.е. Грузии – **З.П.**)...
5. Автономное управление Абхазии самостоятельно ведаёт, по законам Республики, установлением размеров земельных наделов, определяет также формы передачи народу государственного земельного фонда.
6. Все земли и леса общегосударственного значения, Гагринская климатическая станция и водная энергия свыше десяти тысяч лошадиных сил остаются государственной (т.е. общегрузинской – **З.П.**) собственностью. Государству же принадлежат все недра земли, согласно законам Республики...
7. **Государственным языком Абхазии является грузинский. Но народный Совет вправе ввести для пользования в школах, в автономных учреждениях и в делопроизводстве местные языки.**⁵⁴ Причём, однако, все сношения с правительственными учреждениями Грузии ведутся исключительно на общегосударственном (т.е. на грузинском – **З.П.**) языке.⁵⁵
8. Права и обязанности граждан и гражданские свободы на территории Абхазии гарантирует Конституция и законы Республики (т.е. Грузии – **З.П.**).
10. На выборах в законодательный орган Грузии Абхазия составляет отдельный избирательный округ. В этом органе она поль-

зуется правом пропорционального представительства.

11. Члены Народного Совета Абхазии, представители её исполнительной власти, а также служащие учреждений автономной Абхазии дают клятву или обещание на верность Конституции Республики Грузия...
24. Для пополнения бюджета Управлению автономной Абхазии предоставляется определенная доля с общегосударственных налогов, собираемых на территории Абхазии. Ему предоставляется также доля с государственных концессий, отдаваемых государством на территории Абхазии.
25. Право общего и частичного пересмотра положения об автономной Абхазии принадлежит как Парламенту Грузии, так и Народному Совету. Право пересмотра и утверждения самого положения осуществляет Парламент Грузии в определенном законом порядке». ⁵⁶

Таким образом, принятием *«Положения об управлении Автономной Абхазии»* процесс оформления государственно-правовых отношений между Сухуми и Тбилиси фактически был завершён. Народный Совет Абхазии, одоблив на своём заседании (4 января 1921г.) деятельность конституционной делегации, тем самым высказал полное доверие решению Малой Конституционной Комиссии Грузинского Парламента. В этой связи, вызывает недоумение демагогическое заявление С. З. Лакоба, в котором, на основе произвольной интерпретации речи Варлама Шарвашидзе на заседании Народного Совета Абхазии 4 января 1921г., утверждается мысль о том, что даже после 29 декабря 1920г. (т.е. после принятия *«Положения об управлении Абхазией»*), автономия Абхазии якобы не была оформлена. Этим самым С. З. Лакоба как бы старается убедить читателя в том, что якобы Народный Совет не признал решения Малой Конституционной Комиссии парламента Грузии. ⁵⁷ Однако в произнесённой во время вышеуказанного заседания Народного Совета Абхазии речи председателя Совета В. Шарвашидзе, фрагмент которой приводит С. Лакоба, нет никакого намёка на то, что Народный Совет Абхазии имел что-нибудь против *«Положения об управлении Автономной Абхазией»*. Совершенно очевидно, что слова В. Шарвашидзе – «автономия Абхазии до сих пор не оформлена» – были своего рода досадой по поводу того, что автономия Абхазии всё ещё конституционно не была закреплена, и не более.

Завершая суждения по конституционным вопросам, считаем необходимым ещё раз напомнить, что в то время среди абхазских лидеров фактически не было ни одного деятеля, в том числе и из

оппозиции, который открыто возражал бы против вхождения Абхазии в состав единого грузинского государства на правах автономии. Более того, именно абхазская сторона, как уже неоднократно было отмечено нами, торопила грузинских парламентариев незамедлительно утвердить принятую 16 октября 1920г. Народным Советом Абхазии *«Конституцию Автономной Абхазии»* и этим самым ускорить юридическое оформление государственно-правовых отношений между Центром и Автономией. Вместе с тем, *«Положение об управлении Автономной Абхазии»* действительно следует рассматривать, как ещё один промежуточный документ, регулирующий (временно, до принятия конституции Республики) взаимоотношения между Сухуми и Тбилиси. 21 февраля 1921г. Учредительное Собрание Грузинской Демократической Республики, наконец-то утвердило конституцию страны, в которой отдельной (107) статьёй подтвердило автономный статус *«Абхазии (Сухумский округ), Мусульманской Грузии (Батумский край), Закатала (Закатальский округ...»*).⁵⁸ Вместе с конституцией страны, как уже было сказано, Парламент Грузии утвердил и *«Положение об управлении автономной Абхазии»*.

Таким образом, с принятием конституции страны, завершился длительный процесс установления государственно-правовых отношений между Грузинской Демократической Республикой и Абхазской Автономией. Конституция Грузии окончательно закрепила автономный статус Абхазии в составе Грузинской Демократической Республики, чего так упорно и последовательно добивалась вся абхазская политическая элита того периода. Любые попытки не признать эту очевидную истину и голословно утверждать, что *«применительно к Абхазии она (т.е. конституция Грузии – З.П.) не имела никакого значения»*, как это делает С. З. Лакоба,⁵⁹ по меньшей мере, смехотворны. И тут не поможет ссылка на 108-ю статью Конституции Грузии, в которой указано, что *«Положения упомянутых в предыдущей статье автономных управлений будут разработаны отдельным законом»*.⁶⁰ Дело в том, что этот закон по отношению Абхазии, как уже отмечалось, не только был уже разработан, а даже утверждён Малой Конституционной Комиссией Парламента Грузии ещё 29 декабря 1920г., и вступил в действие. Да и вообще следует ли на всё это обращать внимание тогда, когда Абхазия, уже не первый год, с подписанием (11 июня 1918г.) *«Договора между правительством Грузинской Демократической Республики и Абхазским Народным Советом»*, уж точно жила в условиях автономии, не говоря о том, что ещё 20 марта 1919г. верховный орган власти Абхазии – Народный Совет, единогласно приняв *«Акт об Автономии...»*,

официально признал автономный статус Абхазии в пределах Грузинского государства.

Не вызывает никакого сомнения, что сепаратистская историография, в первую очередь в лице С. З. Лакоба, закрывая на всё это глаза, явно пытается ещё одним «аргументом» усилить надуманный вывод о том, что в 1918-1921гг. Абхазию в государственно-правовом отношении якобы ничего не связывало с остальной Грузией и подобной ложью ещё более укрепить сепаратистские настроения своих соотечественников.

О некоторых демагогических заявлениях идеологов абхазского сепаратизма. Принятием Конституции Грузинской демократической Республики, окончательно (конституционно) закрепившей автономный статус Абхазии в составе единого грузинского государства, была поставлена последняя точка в начатом ещё в феврале-июне 1918г. процессе реинтеграции Абхазии в общегрузинское политико-государственное пространство. Это бесспорная истина, отрицать которую вряд ли в состоянии здравомыслящий человек. Несмотря на это, некоторые современные абхазские политиканствующие историки всемерно пытаются скрыть эту очевидную истину от своих наивных соотечественников и настойчиво пытаются внедрить в их сознание мысль о том, что Абхазия не была автономной единицей Грузинской Демократической Республики в 1918-1921гг.

Одновременно предпринимаются попытки представить Абхазию, как оккупированную грузинскими меньшевиками территорию, якобы не имевшую до этого ничего общего с остальной Грузией. На самом же деле (и это мы постарались показать воочию), все военные акции, проводимые на территории Абхазии (в 1918г.) с санкции Закавказского Сейма, а затем и правительства Грузинской Демократической Республики, были заранее согласованы с «Абхазским Народным Советом», в руках которого в то время оказалась вся полнота власти на месте. Более того, эти военные акции, направленные против большевистского засилья, а также предотвращения турецкой оккупации, были инициированы самим «Абхазским Народным Советом» и проводились исключительно по официальной просьбе руководства Народного Совета. Наглядным свидетельством сказанного могут служить слова произнесённые на заседании «Абхазского Народного Совета» ещё 19 июля 1918г. членом Совета Д. Маршания: «...грузинские части приглашены для оказания помощи нам в тяжёлую минуту...».⁶¹

Конечно, было бы ошибочно отрицать, что во время установления государственного порядка на мятежных территориях, части

грузинской национальной гвардии, в отдельных случаях, могли превысить свои полномочия и проявить излишнее усердие. Исходя из этого, претензии на этот счёт со стороны руководства «Абхазского Народного Совета» наверняка были обоснованы. Однако это отнюдь не даёт повода объявлять грузинские войска оккупационными и приписывать им всевозможные грехи. В связи с этим следует особо отметить, что даже наиболее агрессивно настроенные критики действий грузинских войск в Абхазии, т.н. депутаты «независимцы» – Мих. И. Тарнава, Д. И. Алания, М. К. Цагурия, И. Н. Маргания, которые, как уже отмечалось, от имени группы 14-ти депутатов Народного Совета Абхазии, 29 сентября 1919г. передали заявление правительству Грузии, ограничились лишь констатацией отдельных (и то не проверенных) фактов проявления т.н. «неуставных» действий со стороны войска по отношению к мирному населению.⁶²

Абхазская сепаратистская историография не располагает какими-либо конкретными фактами, свидетельствующими о жестоких, кровавых репрессиях по отношению видных абхазских деятелей. Объяснение этому простое. Власти ограничивались лишь временной изоляцией даже самых ярых противников Грузинской Демократической Республики, а такие оппозиционеры, как И. Маргания, Д. Алания, М. Цагурия, Мих. Тарнава и др., которые были обвинены в государственной измене (они, как уже отмечалось, организовали антигосударственный путч и попытались насильственно свергнуть «Абхазский Народный Совет»), не только были освобождены из-под стражи, но получили возможность баллотироваться в верховный орган власти Абхазии – Народный Совет, и стали его депутатами.

Теперь о том, как «преследовалась» грузинскими меньшевиками абхазская «национальная» культура. Так, 27 февраля 1919г. в Сухуми начала выходить первая газета на абхазском языке «*Апсны*» («*Абхазия*»), редактором которой был Д. И. Гулиа. Шрифт был доставлен из Тбилиси народным учителем, впоследствии известным учёным и общественным деятелем А. М. Чочуа. Выпуск газеты на абхазском языке признан «значительным событием... в культурной жизни абхазского народа. Она способствовала развитию абхазской литературы и литературного языка».⁶³ В этой газете были напечатаны произведения Д. И. Гулиа («*Моя родина*», «*Апсны*» и др.) и С. Я. Чанба («*Махаджири*», «*Апсны*»). В ней получили первое литературное крещение будущие классики абхазской национальной литературы: Иуа Когония, Михаил Лакербай, а также другие абхазские писатели.⁶⁴ Важным событием в культурной жизни Абхазии следует также считать создание (в 1919г.) литературно-драматического кружка

при Сухумской учительской семинарии и выпуск рукописного журнала «Утренняя звезда». В 1918г. по инициативе известного абхазского художника Александра Шарвашидзе в г. Сухуми было открыто драматическое училище.⁶⁵

Как уже отмечалось, Правительство Грузинской Демократической Республики максимально старалось создать все условия для нормального культурно-экономического развития всего населения Абхазии и, в первую очередь, собственно абхазов. О том, как честно и добросовестно относилось правительство Грузинской Демократической Республики к нуждам и чаяниям абхазского народа, наглядно свидетельствует его отношение к вопросу о возвращении на родину махаджиров-абхазов, насильственно высланных в своё время царским правительством в Турцию.

Вопрос о возвращении абхазских махаджиров стал особенно актуальным на съезде абхазской интеллигенции проходившем 22-23 февраля 1920г. Съезд принял специальное постановление по этому вопросу, в котором заявил о необходимости обратить «внимание **центрального правительства** (т.е. грузинского правительства – **З.П.**), дабы оно приняло меры к возможности переселения махаджиров на родину и придало бы ему государственный характер».⁶⁶ Чуть позже, в июне 1920г., по инициативе представителей абхазской интеллигенции даже был создан «Сухумский центральный комитет по делам абхазцев-махаджиров». Однако, до этого, ещё в феврале 1920г., махаджиры-абхазы, проживавшие в Турции, обратились к грузинскому правительству с просьбой «разрешить им вернуться на родину...».⁶⁷

В историографии долгое время имели ложное представление о реакции официального Тбилиси на эту просьбу махаджиров-абхазов. Это было вызвано, прежде всего, отсутствием соответствующих источников, проливающих свет на действия грузинского правительства в этом направлении. Именно по этой причине, даже такой правдивый и добросовестный исследователь каким был крупнейший абхазский учёный, член-корр. АН Грузии, проф. Г. А. Дзидзария ошибочно полагал, что «прошение махаджиров исчезло в Тбилиси».⁶⁸ На самом же деле, как это выяснил недавно проф. А. Ментешашвили (на основании материалов грузинского архива Гарвардского университета), прошение махаджиров переданное им руководителю грузинской дипломатической миссии в Турции Г. Рцхиладзе, этим последним было переслано не в Тбилиси, а в Париж – главе грузинской делегации на мирной конференции Н. Чхеидзе.

Вот что писал в сопроводительном письме Г. Рцхиладзе: «16 февраля (1920г.) у меня побывали представители абхазов, пересе-

лённых в Турцию Маршания и Маргания. Они поздравили с признанием независимости Грузии (имеется в виду признание Антантой в январе 1920г. независимости Грузии де-факто – **З.П.**) от своего имени и от имени абхазов переселенцев, и попросили передать их поздравления грузинскому правительству. Они заявили, что, как они персонально, так и все абхазы являются сторонниками единства Грузии и в будущем будут работать в этом направлении. Спросили каким путём можно возвратить на родину абхазских мухаджиров». Далее грузинский посол в Турции особо подчёркивал, что «переселённые со всех уголков Грузии мухаджиры считаются турецко-подданными и для их возвращения на родину надо преодолеть не одно препятствие, если этот вопрос заранее не будет учтён на конференции. Поэтому прошу иметь это ввиду и при заключении мира с Турцией потребовать, чтобы было принято специальное постановление для тех мухаджиров и их потомков, которые переселены в Турцию из Кавказа во время владычества России – право возвратиться на родину...». «Абхазам я ничего не обещал, известил только, что сообщу Вам их пожелания, для принятия соответствующих мер. Вместе с этим **пересылаю копию письма абхазов**».⁶⁹

Таким образом, совершенно очевидно, что «прошение абхазов» отнюдь «не исчезло» бесследно. Более того, грузинская делегация предприняла конкретные дипломатические шаги для того, чтобы подготовить международно-правовые условия для возвращения абхазских махаджиров на родину. Так, ещё 7 апреля 1920г. Н. Чхеидзе специальным посланием обратился к председателю Верховного Совета Антанты, в котором сообщал буквально следующее: «Очень много мусульман, выходцев из Грузии и Абхазии, которые были вынуждены покинуть родину в различные эпохи, поселились в областях Оттоманской империи, особенно после Берлинского трактата (1878г.) благодаря принятой тогда и проводимой потом русским правительством в Грузии антимусульманской политике. Грузины и абхазцы мусульмане, особенно выходцы из Батумской и Сухумской областей и названные «махаджирами» за религиозный характер их выселения, часто выражали желание вернуться к своим очагам, но их возвращение в родную страну было невозможно во время господства русских. **Независимая Грузия хочет наоборот облегчить всеми способами возвращение на родину своим разбросанным детям.** А для того, чтобы Турция и другие государства – наследники Оттоманской империи не воспротивились возвращению грузин-эмигрантов на родину, было бы очень важно включить в условия будущего договора с Турцией статью, предусматривающую свободное воз-

вращение в грузинские области всех тех, которые, покинув их по политическим или религиозным соображениям, захотели бы туда вернуться. Поэтому имею честь, – писал в заключении глава грузинской делегации, – просить Ваше Превосходительство передать Верховному Совету вышеизложенное пожелание населения и грузинского правительства».⁷⁰

Итак, как видно из приведённого материала, правительство Грузинской Демократической Республики самым серьёзным образом отнеслось к просьбе абхазов-махаджиров и попыталось заручиться поддержкой международного сообщества в решении вопроса об их возвращении на Родину. Но эти старания грузинского правительства, к сожалению, оказались тщетными, так как тогдашняя Европа, как выяснилось впоследствии, не была готова оказать содействие суверенной Грузии не то что в возвращении махаджиров, но даже в сохранении её государственной независимости, и отдала её большевистской России на растерзание.

Глава XIV

НАСИЛЬСТВЕННОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В АБХАЗИИ И ЕЁ ПОЛИТИКО- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАТУС В 1921-1931 ГОДАХ

Агрессия большевистской России и насильственное установление советской власти в Абхазии. Попытки насильственного установления советской власти как в Грузии в целом, так и в Абхазии в частности, большевистским руководством Кремля предпринимались со времён т.н. «Триумфального шествия советской власти». Со всей ответственностью можно утверждать, что все провокационные вылазки большевистских авантюристов по всей Грузии и, в первую очередь, в Абхазии, имевшие место в конце 1917 и начале 1918 года, были инспирированы и направлялись непосредственно В. И. Лениным и его окружением. «Мы тогда, – писал впоследствии признанный лидер абхазских большевиков Н. А. Лакоба, – аккуратно получали литературу.., а также **всякие инструкции от ЦК РСДРП** (затем РКП). В них мы черпали всё, что надо было».¹ Со своей стороны, Н. А. Лакоба, возглавлявший в то время Гудаутскую организацию большевиков, и его сподвижники ещё 16 января 1918г. торжественно докладывали в ЦК о своих намерениях **«завоевать»** власть в Сухуми и просили содействовать установлению **«связи с Черноморским флотом»**, что имело бы для Гудаутской организации «громадное значение... во всех отношениях».²

В феврале 1918г., как уже отмечалось, большевиками Абхазии, во главе с известным их лидером Е. А. Эшба, была предпринята первая серьёзная попытка контрреволюционного переворота в Абхазии. Воспользовавшись прибытием в Сухуми большевистски настроенных русских военных кораблей, Сухумский Совет рабочих и солдатских депутатов срочно создал т.н. «Военно-революционный комитет», который на несколько дней сумел захватить власть в городе. Однако после того, как 20 февраля русские суда покинули Сухумскую бухту, а Е. А. Эшба, Н. Сванидзе и другие руководители большевистской авантюры сбежали на *«Истребителе»*,³ в Сухуми был восстановлен государственный порядок.

Но большевики не унимались. В конце февраля 1918г. в Батуми состоялось совещание, в котором приняли участие М. Орахелашвили, Е. Эшба, Н. Лакоба, Г. Атарбеков, а также представитель Черноморского флота. На этом совещании был выработан план вооружённого восстания в Абхазии. Так было подготовлено новое «боль-

шевистское наступление» на Абхазию, ударной силой которого на этот раз явились красногвардейские отряды из Сочи и Туапсе под командованием Н. П. Поярко и И. П. Рудь. 8 апреля в Сухуми была установлена советская власть. Военно-революционный комитет вновь возглавил Е. А. Эшба, а в его состав вошли Н. А. Лакоба, Г. А. Атарбеков, С. И. Кухалеишвили, П. Е. Дзигуа, В. А. Агрба, К. Н. Макаров и др. Черноморскому флоту и в этом случае придавалось решающее значение, однако для «победы революции» в Абхазии необходима была более решительная поддержка Петрограда. До этого, ещё 26 февраля 1918г. Е. Эшба направил телеграмму лично В. И. Ленину, в которой говорилось о необходимости объявления Сухуми «советским фронтом». Одновременно, с просьбой об оказании помощи Е. Эшба обратился в Совет Народных Комиссаров и Чрезвычайный штаб обороны Кубанско-Черноморской Советской республики. Руководитель т.н. «Абхазской коммуны» просил дать точный ответ о возможности оказания помощи «Советской Абхазии» живой силой, оружием и финансами, а также дать общие стратегические указания, «чтобы не было сепаратных и ошибочных шагов».⁴ Общее руководство над «революционными» процессами в Абхазии осуществлял Чрезвычайный Комиссар юга России Г. К. Орджоникидзе, к которому, по словам проф. Г. А. Дзидзария, «сходились все нити событий».⁵

Правительство Закавказской Федеративной Республики приняло соответствующие меры для подавления большевистского мятежа. В критической ситуации Е. А. Эшба 11 мая вновь обратился к В. И. Ленину и Г. К. Орджоникидзе и попросил их, «**срочно дать распоряжение (в) Новороссийск командующему Черноморским флотом Саблину о высадке на Сухумский фронт боевых судов**».⁶ В ответ, 16 мая 1918г. Саблину официально было предписано «**немедленно вооружить ряд... судов... двинуть на юг для защиты Сухума**».⁷ Следует отметить, что вопрос об оказании помощи «революционной» Абхазии непосредственно был согласован с В. И. Лениным, который на полях «предписания» командующему Черноморским флотом, подметил: «По моему **Брестский договор не может нам запретить бороться против мятежников – пиратов**».⁸ Ясно, что мятежниками-пиратами В. И. Ленин называл политическое руководство Закавказской Федеративной Республики. В то же время глава внешнеполитического ведомства большевистской России Г. В. Чичерин поручил своему полпреду в Берлине согласовать с германским правительством вопрос о направлении кораблей Черноморского флота на поддержку «**абхазов против Закавказских узурпаторов**».⁹

Приведённые нами документальные материалы, которые, кстати, широко пропагандировались в советское время как **примеры братской солидарности большевистской России к своим абхазским и грузинским собратьям**, организовавшим военный путч в Абхазии, ярко свидетельствуют о «ведущей» и «направляющей» роли Москвы в событиях Абхазии весной 1918г. Однако эти старания В. И. Ленина и К^о тогда оказались тщетными и, как известно, Абхазия была очищена от большевистских провокаторов. Начиная с этого времени вплоть до конца 1918г. большевистское движение в Абхазии фактически было парализовано.

Новая активизация большевистских групп началась с конца 1918г. когда в Абхазию возвратился Е. А. Эшба. Большевистские организации Грузии особенно активизировались после подписания (7 мая 1920г.) договора между Грузинской Демократической Республикой и РСФСР, согласно которому грузинские коммунисты получили возможность легальной деятельности. В начале июня того же 1920г. был образован Сухумский окружной комитет КП(б) Грузии, который особенно прославился своей «противоправительственной деятельностью».¹⁰

Следует особо отметить, что решение о преобразовании Сухумского окружного комитета РКП(б) в Сухумский окружной КП(б) Грузии впоследствии было подтверждено и в Москве, где вышестоящие партийные инстанции (ещё до установления советской власти в Грузии), «с согласия руководителей абхазских и грузинских коммунистов», постановили, что «**сухумская партийная организация должна входить в грузинскую, Абхазия в состав Грузинской ССР на правах автономии**».¹¹ С коммунистами стали группироваться сепаратистски настроенные члены Народного Совета Абхазии, т.н. «независимцы», которые, как отмечает проф. Г. А. Дзидзария, уже в конце 1920г. начали «увязывать свою деятельность с подготовкой к вооруженному восстанию в крае... Член этой группы коммунист М. К. Цагурия был направлен в Баку для личных переговоров с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым, которые ознакомили его с общим планом восстания в Грузии».¹²

Поездка в Баку одного из лидеров т.н. «парламентской оппозиции» (в Народном Совете Абхазии) и получение им соответствующих инструкций по подготовке вооружённого восстания лично от соратников Ленина, показывает истинное лицо группы «независимцев», их двуличие и предательский настрой по отношению к Грузинской Демократической Республике. О предательских действиях группы «социал-демократов интернационалистов» и «незави-

симцев» ещё более определённо можно судить по «признаниям» другого известного деятеля тогдашней «абхазской оппозиции» Мих. Тарнава: «Не примирившись с политикой меньшевистской партии Грузии по национальному вопросу для Абхазии, – писал Мих. Тарнава, – я вышел из состава меньшевистской партии Грузии... и образовал свою фракцию под именем партии социал-демократов-интернационалистов... Идеологически объединились фракции СД интернационалистов и независимых социалистов, т.е. фактически: Я, Алания, Маргания, Чанба и Цагурия, которые **все вместе вели политику и тактику к соединению с Советской Россией (РСФСР)**. Для этого официально бойкотировали выборы в Учредительное Собрание Грузии по Абхазии, чтобы государственно ещё больше не скрепить Абхазию с так называемой Грузинской Демократической... Республикой и в своих сношениях с меньшевистским грузинским правительством по вопросам автономии и конституции Абхазии проводили политику срыва соглашения и критики действий меньшевистского правительства. Действуя так, **одновременно мы искали возможность сношения с РСФСР и вступления в нее**».¹³ Вот какой независимости Абхазии добивались в то время Мих. Тарнава и К°, выдававшие себя за «патриотов» Отечества. Именно на них, а также на большевистскую команду Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба делало ставку кремлёвское руководство во время подготовки «вооружённого восстания» в Грузии.

В Москве хорошо понимали, что «взорвать» Грузию изнутри не удастся, поэтому В. И. Ленин и его окружение всемерно старались поднять на «революционную борьбу» «угнетённые» меньшевистским правительством национальные регионы. Вот что писали по этому поводу 2 января 1921г. члены Кавбюро ЦК РК(б) Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров в ЦК РКП(б): «**нельзя надеяться, что внутри Грузии произойдет решающий взрыв..., без нашей помощи её советизация невозможна...** повод для нашего вмешательства в дела Грузии имеется. Для этого не нужно открытое нападение на Грузию. **Имеется возможность начать движение в Абхазии, Аджарии, Борчалинском уезде**».¹⁴

Вскоре Кавбюро РКП(б) действительно развернуло большую работу для подготовки вооружённого «восстания» в Грузии. Эта работа всецело направлялась Российским посольством в Грузии, которое превратилось в своего рода штаб подготовки «революции». Большое значение придавалось Абхазии, где были предприняты конкретные шаги по созданию вооружённых отрядов. «По полученным

последним сведениям, – писал военный атташе посольства РСФСР в Грузии П. П. Сытин, – наша работа в Абхазии успешно продвигается вперед. Образован коллектив из активных партийных работников Абхазии. В гарнизоне гор. Сухума образован военный РК из трёх лиц. Запасная часть из 380 солдат уже подготовлена... население ждёт призыва к восстанию».¹⁵

11 февраля 1921г., как известно, «вспыхнуло восстание» в Борчалинском уезде. Так начался спектакль именуемый «социалистической революцией в Грузии», главными героями которой, по меткому выражению известного грузинского учёного, проф. Л. Тоидзе, были «переодетые красноармейцы».¹⁶ Абхазия сразу же была подключена к «революционной борьбе». Уже 13 февраля один из руководителей Кавбюро ЦК РКП(б) Ал. Саджая активно призывал сепаратистски настроенных депутатов Народного Совета Абхазии поднять «красное знамя революции против лжесоциалистов – меньшевиков». «Надеюсь, – писал ренегат Ал. Саджая в своём послании к не раз упомянутому нами деятелю «абхазской оппозиции» М. Цагурия, – вы вполне понимаете, что **Абхазия имеет, наконец, возможность самоопределиваться, подобно другим горским народам, Дагестану, Азербайджану, народам Терека, организовавшим под защитой Советской России в автономные советские социалистические республики.** Я уверен, что вы, Маргания, Алеша (имеется в виду М. Убирия – З.П.), Чанба, – независимая фракция Абхазского Народного Совета, учитывая факт ближайшего падения меньшевистской власти в Грузии, примите немедленные меры теперь же к освобождению трудящихся масс Абхазии...».¹⁷

Действительно, М. Цагурия и его сподвижники, следуя за указаниями высшего партийного руководства, реально приступили к осуществлению плана организации вооружённого мятежа в Абхазии. 18 февраля 1921г. был образован революционный комитет Абхазии членом которого и стал М. Цагурия, а возглавил его известный тогда по всей западной Грузии большевистский деятель Исаки Жвания. И это было не случайно. Следует особо отметить, что на этом этапе борьбы за установление советской власти в Абхазии руководящую роль играли отнюдь не абхазские большевики, а грузины.¹⁸ Что же касается абхазских большевистских лидеров – Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба, то они в это время вообще отсутствовали в Абхазии и находились в Турции, где, как выясняется, выполняли ответственное дипломатическое поручение самого В. И. Ленина.¹⁹

В советское время представители марксистско-ленинской историографии, следуя за идеологическими установками партии, все-

мерно старались аннексию Грузии, независимого государства, суверенитет которого был признан самой большевистской Россией, преподнести как «социалистическую революцию». На самом же деле не вызывает никакого сомнения, что т.н. «социалистическая революция» в Грузии «победила» исключительно благодаря штыкам российской Красной Армии, что лидеры грузинских большевиков в то время вообще не находились в Грузии и фактически ничего не знали о начале «революции». Т.н. Ревком Грузии (в составе Ф. Махарадзе, Ш. Элиава, М. Орахелашвили и др.) не только не занимался подготовкой «вооружённого восстания», но вообще был создан за пределами Грузии и то лишь несколько дней спустя (16 февраля 1921г.) после начала «революции» (11 февраля).

Что же касается собственно Абхазии, то, как уже отмечалось, признанных абхазских большевистских лидеров Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба тогда также не было в Абхазии и вся инициатива приглашения частей Красной Армии исходила от т.н. «Ревкома» под руководством ренегата Исакия Жвания, который призывал Г. К. Орджоникидзе к незамедлительному вводу частей Красной армии в пределы Абхазии. Одновременно Г. К. Орджоникидзе получил телеграмму и от И. В. Сталина, который, по поручению ЦК РКП(б), давал следующее указание Г. К. Орджоникидзе – непосредственному организатору аннексии Грузии: **«Не забудьте абхазцев, которые тоже восстали и вблизи которых стоит IX-я армия».**²⁰ Г. К. Орджоникидзе, конечно же, «с честью» выполнил указание высшего партийного руководства и отдал приказ о вводе частей IX армии в Абхазию. **«Красная Армия, – писал в последствии Г. К. Орджоникидзе, – изменила бы себе, если она не пришла на помощь восставшим рабочим и крестьянам Абхазии».**²¹

19 февраля 1921г. части 91-й бригады 31-й дивизии при содействии сочинских и туапсинских красногвардейцев форсировали р. Псоу и начали продвигаться в сторону Гагры и Сухуми. До этого, 15 февраля, даже не дождавшись «официальной» просьбы от Ревкома Грузии (такая «просьба» была состряпана лишь 16 февраля, когда и был образован Ревком), части XI Красной Армии, грубо нарушив договор 7 мая 1920 года, вторглись в пределы Грузии со стороны Азербайджана. Так началось т.н. «триумфальное шествие» большевистских оккупантов. 25 февраля 1921г. был взят г. Тбилиси.

Более организованное сопротивление оказали интервентам в Абхазии, где грузинские и абхазские патриоты героически отбивали натиск агрессора. Борьбу населения Абхазии против российских оккупантов возглавил высший орган власти автономии Народный Со-

вет Абхазии, который 23 февраля 1921г. вынес специальное постановление о принятии решительных мер для отражения врага. В этих целях было признано необходимым «отпустить один миллион рублей в распоряжение... совета обороны». Вместе с тем предлагалось командировать членов Абхазского парламента «в районы для привлечения населения «тем или иным путем к обороне».²² Всё руководство обороной было возложено на председателя Комиссариата (т.е. правительства) Автономной Абхазии, пламенного патриота своей родины Д. (А.) Эмухвари, который был назначен генерал-губернатором края. По его приказу была объявлена мобилизация всех граждан Автономии до 35 летнего возраста.²³

Вооружённые силы Грузинской Демократической Республики оказали ожесточённое сопротивление российским войскам у Нового Афона, где они почти 3 дня (1-3 марта 1921г.) держали натиск значительно превосходящих сил врага. В этом бою, вместе с другими абхазскими патриотами, смертью храбрых пал полковник Валерьян Тарасович Анчабадзе (кстати, родной дядя видного учёного-историка, славного сына абхазского народа, первого ректора Абхазского государственного университета, члена-корреспондента АН Грузии, проф. З. В. Анчабадзе), который командовал арьергардом грузинской армии. Следует особо отметить, что из этой семьи в войне против красных полчищ рядом со своими грузинскими братьями героически сражались и защищали независимость Грузии – Абхазии ещё три брата Валерьяна Анчабадзе.

Но силы были слишком неравными и российским войскам удалось прорвать оборону и вступить в Сухуми, где 4 марта 1921г. объявили установление советской власти. Интересно, что эмиссары Москвы и не пытались скрывать, что всё это произошло исключительно благодаря военным действиям «доблестной» Красной Армии. Об этом весьма красноречиво свидетельствует хотя бы «признание» самого Г. К. Орджоникидзе: «...В Сухумском округе боевые операции происходят с обычным успехом. **Красная Армия двигается по Черноморью. Без боя был занят Сухум. В настоящее время форсирована река Кодор, и части Красной Армии подходят к реке Ингур**».²⁴ 9 марта части Красной Армии действительно подошли к р. Энгури и форсировали её. Этим самым, Красная Армия, выполнив «свою историческую миссию, свой интернациональный долг», как писали советские историки, закончила оккупацию Абхазии.²⁵

Проблема политико-государственного устройства Абхазии в 1921 году. Главной головоломкой, требовавшей незамедлительного

решения со стороны большевистского руководства Грузии-Абхазии, стал вопрос о государственном устройстве Абхазии. Мы, по возможности, обращали внимание на ту ярко выраженную антигрузинскую пропаганду, которую вели кремлёвское большевистское руководство и их приспешники в Абхазии. Тон в этой разнузданной антигрузинской компании задавали «славные сыны» грузинского народа И. В. Сталин и Г. К. Орджоникидзе, которые своими публикациями, конкретными действиями всемерно поощряли провокационные сепаратистские вылазки в отдельных регионах Грузии, в том числе, в первую очередь, в Абхазии.

Наглядным свидетельством сказанного может служить хотя бы статья Наркомнаца РСФСР И. В. Сталина, опубликованная в газ. *«Правда»* ещё в мае 1918г. (23 мая), в которой он восторженно писал о **«героической Абхазии, единодушно восставшей против чёрных банд Тифлисского правительства и с оружием в руках отстаивающей против них Сухум».**²⁶ Он же в другой своей публикации в той же газ. *«Правда»*, уже 10 февраля 1921г., т.е. накануне начала аннексии Грузии частями Красной Армии, прямо обвинил правительство Грузинской Демократической Республики в угнетении абхазов, осетин и армян, призывая тем самым эти народы на решительную борьбу против грузинского государства.²⁷

Антигрузинская пропаганда большевиков всецело строилась на «претворение в жизнь» пресловутого лозунга о «праве наций на самоопределение». Вооружившись этой лживой демагогической идеологической установкой ленинской партии, абхазские большевики, ведомые Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба, сразу же поставили перед вышестоящими партийными инстанциями вопрос об объявлении Абхазии независимой от Грузии Советской Социалистической Республикой. Требование абхазских коммунистов мотивировалось тем, что советская власть, как более «прогрессивная», чем «диктаторский режим» меньшевиков, должна была решить вопрос о национально-государственном устройстве Абхазии на более «демократических началах». Т.е. если при Грузинской Демократической Республике Абхазия была автономией, то советская власть должна была пойти ещё дальше и предоставить ей «независимость». Следует отметить, что Ревком Грузии в своём обращении к трудящимся Грузии ещё 16 февраля 1921г. торжественно декларировал, что после провозглашения Грузии советской социалистической республикой «братские народы Аджарии, Абхазии и Осетии сами определяют свою судьбу»,²⁸ чем дал толчок сепаратистским тенденциям в Абхазии.

Уже в начале марта 1921г. состоялось т.н. объединённое засе-

дание Ревкома Абхазии, представителей местных партруководителей и, что особо важно, Реввоенсовета IX Красной Армии и Кавбюро ЦК РКП(б), на котором было принято решение об объявлении Абхазии Советской Социалистической Республикой.²⁹ На таком решении настаивали, прежде всего, известные своими сепаратистскими взглядами бывшие депутаты Народного Совета Абхазии из группы т.н. «независимцев»: Мих. Тарнава, М. Цагурия, С. Чанба и др., которые вошли в состав Ревкома.³⁰

Однако очень скоро, абхазские большевики, видимо под диктовкой Реввоенсовета IX Красной Армии, «позабыли» о национальных интересах абхазского народа и выдвинули тезис уже о вхождении Абхазии в состав РСФСР. В этой связи представляет большой интерес отправленный 26 марта 1921г. членами Ревкома Абхазии – Е. А. Эшба, Н. А. Лакоба, П. Агниашвили и Н. Акиртава – запрос в Москву В. И. Ленину и И. В. Сталину. В этом документе они хотели знать мнение руководителей партии по вопросу государственного устройства Абхазии: «будет ли советская Абхазия самостоятельной республикой или административной единицей и какова будет общая политика...». И там же предлагали свой вариант решения данного вопроса, в котором однозначно говорилось, что **«Советская Абхазия должна непосредственно входить в общероссийскую федерацию»**.³¹ Как говорится, комментарии излишни. Вот какие горепатриоты Отечества оказались тогда во главе советской Абхазии.

Кремль решение вопроса о государственном устройстве Абхазии поручил своему главному эмиссару в Закавказье, секретарю Кавбюро ЦК РКП(б) Г. К. Орджоникидзе, который, возможно, впервые чётко осознал, чем реально обернулась оголтелая антигрузинская пропаганда, организованная в своё время им же и его грузинскими и абхазскими партийными соратниками в Абхазии. Г. К. Орджоникидзе срочно переговорил (27 марта 1921г.) по прямому проводу с Е. А. Эшба и призвал его пересмотреть позицию о вхождении Абхазии в состав России. В разговоре с Г. Орджоникидзе, Е. Эшба, явно оправдываясь за отход от достигнутых ранее договорённостей (их встреча состоялась в Москве ещё до установления советской власти в Грузии-Абхазии), согласно которым предполагалось сохранение автономного статуса Абхазии в пределах Грузии, отметил: «Мы думали, что Абхазия будет существовать как составная часть Советской Грузии, но когда мы сюда приехали и разобрались, в какую атмосферу попали... мы единодушно остановились на том, что для изживания национальной розни необходимо, **хотя бы временно**, до съездов советов объявить независимость Абхазии».³² Г.

К. Орджоникидзе отверг возможность вхождения Абхазии в состав РСФСР, так как, по его мнению, международное сообщество это могло «расценить как аннексию со стороны РСФСР». Поэтому он посоветовал руководителям Ревкома Абхазии при декларировании независимости Абхазии обойти вопрос о её «включении в ту или иную федерацию», на что получил согласие от Е. Эшба.³³

28-29 марта 1921г. в Батуми состоялось совещание по вопросу о структуре Советской власти и Компартии в Абхазии, на котором присутствовали: член Реввоенсовета фронта и Кавбюро ЦК РКП(б) Г. К. Орджоникидзе; член Ревкома, ЦК и Реввоенсовета XI Красной Армии, народный комиссар военно-морских сил Грузии Ш. Элиава; председатель ревкома Батумской области и член ЦК Компартии Грузии М. Торошелидзе; председатель ревкома Абхазии и член оргбюро РКП в Абхазии Е. Эшба, член оргбюро РКП в Абхазии и военком Абхазии Н. А. Лакоба. Совещание, хоть и с некоторой оговоркой, но фактически удовлетворило просьбу «абхазских товарищей», и постановило: «До съезда Советов Абхазии вопрос о федерации Советской Абхазии с РСФСР и ССРГ оставляется открытым, и Абхазия объявляется Социалистической Советской Республикой. Партийная организация до конференции носит название оргбюро РКП в Абхазии и работает по директивам Кавбюро ЦК РКП. Декреты ревкома Грузии должны служить для ревкома материалом, чтобы не было противоречий в действиях обоих ревкомов».³⁴ Как видим, грузинская сторона всё же сумела зафиксировать временный характер объявления Абхазии «независимой» советской социалистической республикой, которая, как государственное образование, на первом же съезде советов обязательно должна была связать свою дальнейшую судьбу или с РСФСР, или с советской Грузией. Иной альтернативы абхазам никто не предлагал.

31 марта 1921г. Ревком Абхазии уже официально объявил о создании Советской Социалистической Республики Абхазия и в тот же день торжественно доложил об этом В. И. Ленину, не забыв при этом о **«великой освободительной роли (доблестной) Красной Армии»**.³⁵ 21 мая 1921г. уже Ревком Грузии официально «признал» и «приветствовал» «образование независимой Социалистической Советской Республики Абхазия», правда, выразив при этом уверенность в том, «что вопрос о взаимоотношениях между ССР Грузии и ССР Абхазии окончательно будет решён на первом съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов, как Абхазии, так и Грузии».³⁶

Таким образом большевистское руководство Грузии было вынуждено выполнить своё обещание и дать «большую» свободу «брат-

ским народам Аджарии, Абхазии и Осетии», результатом чего и стало «признание» т.н. «независимости» ССР Абхазии 21 мая 1921г. На самом же деле, кремлёвское руководство, грузинские коммунисты, да и сами абхазские большевики, меньше всего думали о создании независимого абхазского государства. Предоставление Абхазии т.н. «независимости» было всего лишь политической спекуляцией и ставило целью привлечение на сторону советской власти сепаратистски настроенных слоев абхазского населения.

Истинную суть и мотивацию объявления «независимости» Абхазии наиболее ярко изложил Г. К. Орджоникидзе 12 августа 1921г. Вот что он говорил в своём выступлении на краевом партийном совещании: «Когда Абхазия потребовала независимость, мы указали коммунистам Абхазии, что независимость такого крошечного государства невозможна, но все же мы на это согласились. Мы говорили: если абхазский народ питает недоверие к грузинам, то пусть Абхазия будет независима, пусть она излечит свои раны, нанесённые меньшевиками, **но в дальнейшем абхазы сами убедятся в необходимости тесного объединения с советской соседкой – Грузией**».³⁷ Ещё более определённо высказывался по этому поводу один из руководителей абхазских большевиков Н. А. Лакоба, который уже к январю 1922г. «дозрел» до признания исторической необходимости объединения Абхазии с Грузией. Выступая на первой областной партконференции (в январе 1922г.) он заявлял: «Когда мы, ответственные работники Абхазии, сказали нашим старшим товарищам по партии, что для того, чтобы среди малых народностей, как например абхазской, сохранить идею советской власти (а это очень важно), **нужно на одну минуту объявить Абхазию независимой республикой**, нам ответили «Объявляйте себя независимой республикой, лишь бы это помогло сохранению советской идеи, укреплению советского строя в этой Абхазии». А советская Абхазия, просуществовав как независимая республика, говорит: «**Исторические и экономические условия требуют того, чтобы Абхазия и Грузия составляли одно целое**».³⁸

Эти высказывания новоявленных вождей Грузии-Абхазии показывают всю лживость и циничность проводимой ими т.н. «Ленинской национальной политики», главной целью которой, как известно, была не забота о национально-государственной перспективе малых народов, а создание новой коммунистической империи. Как метко подметил абхазский исследователь С. З. Лакоба, «Ильич был одержим идеей мировой революции и мыслил не «грузиями», «абхазиями», а континентами и «азиями».³⁹ Следует однако отметить, что,

тот же С. З. Лакоба, явно вступая в противоречие с самим собой, почему-то пытается представить В. И. Ленина чуть ли не «вдохновителем» независимости Абхазии, в противовес И. В. Сталину и Г. К. Орджоникидзе, которых он прямо обвиняет в «задушении» «абхазской независимости». При этом С. З. Лакоба предлагает совершенно фантастическую гипотезу, по которой якобы В. И. Ленин обещал Ефрему Эшба предоставление Абхазии независимости «в случае успешного завершения «абхазской миссии» в Турции». ⁴⁰ Речь идёт о «дипломатическом поручении» Кремля, когда Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба вели переговоры с правительством Кемаля Ататюрка по подготовке российско-турецкого договора, заключённого в Москве 16 марта 1921г. Так вот, по мнению С. З. Лакоба, В. И. Ленин якобы «даровал» Абхазии «независимость» в своего рода знак благодарности за оказанную Ефремом Эшба и Нестором Лакоба услугу в деле достижения соглашения по Батумскому вопросу, по которому Турция отказывалась от Батуми и его окрестностей. ⁴¹ Т.е. получается, что В. И. Ленин всеми средствами пытаясь заполучить Батуми, тут же отпускал Абхазию «на волю».

Не вызывает никакого сомнения, что С. З. Лакоба здесь явно блефует и преднамеренно вводит в заблуждение читателей. Он прекрасно понимает, что В. И. Ленина вовсе не интересовала «независимость» Абхазии, наглядным подтверждением чего как раз является данная им же оценка политических амбиций Ильича, о которых говорилось выше. Он также не может не знать, что создание т.н. Советских Социалистических Республик, даже таких, как Грузия, Армения, Азербайджан – официально суверенных государств, во главе которых стояли члены и кандидаты в члены Центрального Комитета **Российской** Коммунистической Партии (большевиков) и Кавказского бюро **Российской** Коммунистической Партии (большевиков), было лишь политической игрой. Этим Советская Россия стремилась прикрыть оккупацию и аннексию Закавказья.

О какой независимости стран Закавказья – Грузии, Армении и Азербайджана – можно говорить тогда, когда все вопросы национально-государственного строительства решались исключительно по официальным директивам Кремля и лично В. И. Ленина. В этом плане чего стоит одно только пресловутое письмо В. И. Ленина «*К коммунистам Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской республики*», написанное 14 апреля 1921г. Разве С. З. Лакоба не должен знать, что все важнейшие решения о государственном обустройстве Грузии, Армении и Азербайджана принимались не верховными законодательными органами, этих с позволения сказать,

«суверенных государств», а высшей партийной инстанцией – политбюро Центрального Комитета **Российской** Коммунистической Партии (большевиков) – в Москве. Непосредственная реализация же этих решения была поручена Кавказскому бюро Центрального Комитета **Российской** Коммунистической Партии (большевиков).

Так что, при объявлении Грузии, Армении, Азербайджана и др. советскими социалистическими республиками, не говоря уж об Абхазии, ни В. И. Ленину, ни другим руководителям партии и советского государства, в голову не приходило создание на территории бывшей Российской империи независимых от Москвы суверенных государств. Это было лишь ширмой, которая, как уже указывалось, прикрывала имперские замыслы нового большевистского руководства России. Однако сказанное вовсе не исключает того, что организаторы и инспираторы объявления Абхазии «независимой» социалистической республикой всё же могли строить определённые далеко идущие планы, а именно добиваться отторжения Абхазии от остальной Грузии.

То, что объявление Абхазии «независимой» советской социалистической республикой действительно было всего лишь средством отторжения Абхазии от остальной Грузии, которого добивались как абхазские большевики, так и их некоторые покровители из официальных кругов советской России, не вызывает никакого сомнения. Совершенно чёткую и однозначную картину истинных намерений официальной Москвы в связи с т.н. «абхазской независимостью» даёт доклад «военного атташе» РСФСР в Грузии генерала П. П. Сытина советскому правительству от 22 апреля 1921г.

Высказывая свои опасения по поводу шовинизма «маленькой нации (т.е. грузин – **З. П.**), занимающей», по его словам, «территориально столь важную позицию между РСФСР, с одной стороны, и Турцией и Антантой, с другой, ...одной из предупредительных мер против местных шовинистов» ген. П. П. Сытин предлагает «оставление достаточно сильных отрядов Красной Армии РСФСР в пределах Грузии», а «...второй мерой, ослабляющей грузинский шовинизм и территориально и материально», он считал «отделение Абхазии. ...Надо немедленно продвинуть границу РСФСР до правого берега р. Бзыби, т.е. непосредственного соседства Абхазией. Если засим, – продолжает бравый красный генерал, – абхазскому народу будет поставлен, например, путем плебисцита, вопрос о желательной форме государственного бытия, то нет никакого сомнения (можно взяться провести это в кратчайший срок), абхазский народ вынесет решение о полном присоединении к РСФСР, а такой акт, кроме ог-

ромного его стратегического и политического значения для РСФСР, передаст в руки ВСНХ (РСФСР) крупнейшие народные богатства этой страны... Самой Грузии, хотя бы и советской (ни тем более одной Абхазии), – пишет далее П. П. Сытин, – никогда не справиться с задачей правильной эксплуатации огромных лесных и горных богатств этой страны, ни даже с правильной постановкой табаководства, рыболовства и т.д. ...Таким образом, – приходит к выводу П. П. Сытин, – **отделение Абхазии от Грузии диктуется всеми соображениями, и замедление осуществления этого может быть чревато самыми нежелательными последствиями**».⁴²

Однако ген. П. П. Сытин не останавливается на этом, он предлагает идти ещё дальше и **«обратить внимание на Менгрелию»**, которая «непосредственно граничит по р. Энгури с Абхазией и простирается к югу до р. Риони. Эта территория с устьем р. Риони, при котором давно спроектировано проведение большого порта, могущего заменить Батум, ...чрезвычайно большая в стратегическом отношении, **она также может быть подчинена непосредственному влиянию РСФСР, если и мингрельцам, как абхазцам будет дана автономия**».⁴³

Подытоживая свои «рекомендации», ген. П. П. Сытин не скрывает, что всё это **«путь расчленения Грузинской республики на ряд автономных единиц... подчиненных влиянию РСФСР»**, и там же указывает, что «эти единицы меньше заслуживают большего внимания. Нет сомнения, – заключает генерал, – что автономное устройство этих маленьких республик не только благоприятно отразится на их отношении к РСФСР, но и также и на их благосостоянии: самостоятельность под могучим покровительством России поднимет жизнеспособность этих нации».⁴⁴

Вот какие идеи вынашивали высокопоставленные военные чины советской России по отношению к Грузии! Вот как заботились они о национально-государственной перспективе абхазов! Вот какой «независимостью» вскружали головы рядовых жителей Абхазии строители «коммунистического рая»! Лишь слепой не может видеть истинное лицо тех, кто лицемерно подталкивал абхазов на т.н. «независимость». Остаётся сожалеть, что современные идеологи абхазского национал-сепаратизма до сих пор скрывают правду от своих соотечественников и всемерно внушают им мысль о том, что в марте 1921г. Абхазия якобы обрела национально-государственный суверенитет.

В том, что объявление Абхазии «независимой» советской республикой было лишь формальным актом, и что Абхазию, даже до её

вхождения в состав Грузинской ССР в качестве т.н. «договорной» республики (16 декабря 1921г.), никто не воспринимал как независимую республику в государственном отношении, достаточно легко можно убедиться ознакомившись с некоторыми официальными документами того периода. Первый документ, на который обычно ссылаются исследователи, это уже упомянутое нами известное «Письмо» В. И. Ленина *«К коммунистам Азербайджана, Армении, Грузии, Горской республики»*. Руководитель коммунистической партии и советского правительства, давая советы своим партийным соратникам из кавказских республик, почему-то «позабыл» ещё об одной «независимой» республике – Абхазии.

Позже (28 ноября 1921г.) тот же В. И. Ленин, предлагая политбюро ЦК РКП(б) свой проект федерации Закавказских республик (который, кстати, с незначительными поправками и был принят Политбюро 29 ноября 1921г.) подчёркивал: «Предложить центральным комитетам Грузии, Армении и Азербайджана (через Кавбюро) поставить вопрос о федерации пошире... энергично вести пропаганду за федерацию, провести её через съезд Советов каждой Республики...». ⁴⁵ Т.е. и в этом послании В. И. Ленина почему-то отсутствует Абхазия и предлагается вхождение в Закавказскую федерацию исключительно трёх социалистических республик: Грузии, Армении и Азербайджана.

Об исключительно формальном характере т.н. объявления «независимости» Абхазии весной 1921г. и о том, что Абхазия ещё до её включения в состав грузинской ССР в качестве т.н. «договорной республики» (16 декабря 1921г.) однозначно рассматривалась как автономная единица входящая в состав Грузинской ССР, свидетельствуют и другие официальные документы того периода. Так, например, ещё 3 августа 1921г. Главное Управление НКВД Грузии за подписью начальника этого управления Н. Соколовского, направило циркулярное письмо по беженцам: *«Председателям ревкомов уездов и городов Грузинской советской социалистической республики и Абхазской и Аджарской автономных республик»*. ⁴⁶ Известны факты направления ревкомом и отдельными народными комиссариатами Грузии официальных директивных материалов, порой даже на грузинском языке в Ревком Абхазии «для сведения и исполнения», для «точного исполнения», «для сведения и руководства», «для руководства и срочного исполнения» и т.д. ⁴⁷

Исследователи обращают внимание и на тот факт, что Ревком Грузии, и после признания ССР Абхазии, «неоднократно обсуждал на своих заседаниях вопросы, касающиеся Абхазии – открытие ей

кредита, о Ткварчельских шахтах, о заключении Бзыбской концессии... и т.д.».⁴⁸ Кстати, говоря о последней, особо отмечают тот факт, что 21 мая 1921г., т.е. в день т.н. «признания» Ревкомом Грузии «независимости» Абхазской Советской Социалистической Республики, пленум ЦК Компартии Грузии, рассмотрев вопрос о заключении Бзыбской концессии, постановил: **«не возражать против подписания этой концессии Правительством Грузии, если она является солидной и полезной».**⁴⁹

Исследователи также обращают внимание и на то, что Абхазия, как независимый субъект, не фигурировала в экономическом союзе Кавказа, созданном в августе 1921г., в состав которого вошли Грузия, Армения, Азербайджан, а также: Дагестан, Горская республика, Кабарда и Нахичевань. Не было её и в «Экономическом бюро» закавказских республик, образованном Кавбюро ЦК РКП(б) 16 августа 1921г. Да и в заседаниях пленума Кавказского бюро ЦК РКП(б) «представители Абхазии наравне с другими автономиями, участвовали лишь совещательным голосом».⁵⁰

Об автономном статусе Абхазии ещё до её официального вступления в состав Грузии, которое, как уже отмечалось, произошло 16 декабря 1921г., говорится и в отдельных документах, исходящих от руководителей коммунистической партии и советского государства. В них Абхазия прямо названа автономной единицей Грузинской Советской Социалистической Республики. В этом плане наибольший интерес вызывает разъяснение, данное наркомом по делам национальностей РСФСР и одновременно наркомом рабоче-крестьянской инспекции И. В. Сталиным секретарю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) А. Енукидзе, в котором отмечалось, что **«Абхазия является автономной частью независимой Грузии, отсюда самостоятельных представителей при РСФСР не имеет и не должна иметь. Поэтому кредит от РСФСР она не может получить».**⁵¹ Ещё более категоричен И. В. Сталин в своей телеграмме тому же А. Енукидзе от 13 сентября 1921г., в которой читаем: «Виза... о выдаче денег абхазцам **без согласия Наркомфина Грузии недействительна...** Следует принять во внимание, что абхазцы продали европейцам несколько млн. пудов табаку... **не представив отчета ни Грузии, ни РСФСР,** что лишает их права требовать средств у РСФСР...».⁵²

Таким образом, кремлёвское руководство с самого начала рассматривало Абхазию в качестве автономной единицы Грузии, и это было официальной точкой зрения, а не кознями «всесильного грузина» Сталина, как это хочет представить С. З. Лакоба.⁵³ И зря наш

абхазский коллега пытается «реабилитировать» И. В. Сталина в роли радетеля своего «Отечества» (т.е. Грузии), забывая при этом, что именно И. Сталин, Г. Орджоникидзе и их сподвижники – грузинские коммунисты-интернационалисты – были «могильщиками» государственной независимости Грузии. Ведь не секрет, что именно Сталин и Орджоникидзе организовали «триумфальный» поход «доблестной» Красной Армии в Грузию, а впоследствии именно они силой затащили Грузию в Закавказскую федерацию, после чего она фактически потеряла даже внешние атрибуты государственного суверенитета.

Теперь же коснёмся официальных материалов, свидетельствующих о временном характере даже той независимости, которая была «пожалована» абхазским коммунистам большевистским режимом Тбилиси за их неустанную борьбу против меньшевистского правительства Грузинской Демократической Республики. Мы уже приводили цитату из выступления Н. А. Лакоба на областной партконференции, состоявшейся в январе 1922г., в которой оратор говорил о временном характере или, по словам самого Н. А. Лакоба, **«на одну минуту»** объявления Абхазии «независимой республикой». ⁵⁴ Другой лидер абхазских коммунистов Е. А. Эшба ещё в марте 1921г., накануне объявления т.н. «независимости» Абхазии, также говорил о необходимости объявления Абхазии самостоятельной советской республикой лишь «временно, до съезда Советов». ⁵⁵ И это было отнюдь не декларативное заявление, за ним следовали конкретные шаги официальных ведомств как самой Абхазии, так и Грузии, а также вышестоящих партийных структур. Так, 5 июля 1921г. пленум Кавбюро ЦК РКП(б), в работе которого принимал участие И. В. Сталин, специально рассмотрел вопрос об Абхазии и принял постановление о ведении партийной работы «в направлении **объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики входящей в состав Грузии**». ⁵⁶

Как видим, высшее партийное руководство, в лице Кавбюро ЦК РКП(б), с самого начала призывало к преобразованию ССР Абхазии в автономную республику, входящую в состав Грузинской ССР. Однако нельзя сказать, что отдельные абхазские лидеры были в восторге от таких рекомендаций. 15 октября 1921г. объединённое заседание Оргбюро РКП(б) в Абхазии и Ревкома приняло постановление, в котором говорилось лишь о необходимости установления «тесной связи между ССР Грузией и Абхазией... путём (оформления) официального договора двух союзных равноправных республик». ⁵⁷

Более того, Е. А. Эшба в своём письме в Кавбюро (14 ноября 1921г.) даже поставил вопрос «о непосредственном (минуя Грузию)

вхождении Абхазии в Закавказскую федерацию».⁵⁸ Однако Президиум Кавбюро ЦК РКП(б), 16 ноября 1921г., специально обсудив вопрос «о взаимоотношениях между Абхазией и Грузией» в присутствии Е. А. Эшба, принял совершенно противоположное решение. В этом постановлении прямо говорилось: «1. **Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии.** 2. Предложить тов. Эшба представить свое окончательное заключение **о вхождении Абхазии в состав Федерации Грузии на договорных началах, или на началах автономной области – в РСФСР**».⁵⁹

Таким образом, высшее партийное руководство вынесло окончательный вердикт, по которому Абхазия должна была распрощаться со своей мнимой «независимостью». Приведённый документ давно привлекает интерес исследователей и в том плане, что в нём Абхазской стороне были предложены два варианта решения вопроса о государственном устройстве Абхазии. В первом случае, ей предлагали войти в состав Грузии «на договорных началах», а в другом, в состав РСФСР, но почему-то в качестве лишь автономной области, что, как справедливо указывал видный грузинский учёный проф. Л. Тоидзе, «было на две ступени ниже», чем то, что предлагали Абхазии в пределах Грузии. Принято считать, что в данном постановлении явно просматривается «своеобразная дискриминация Грузии».⁶⁰

24 ноября 1921г. Кавбюро ЦК РКП(б) уже приняло решение, по которому Оргбюро РКП(б) в Абхазии было подчиненно ЦК КП(б) Грузии. Последняя же точка над этим вопросом была поставлена 16 декабря 1921г., когда в Тбилиси торжественно был подписан «*Союзный договор между Социалистической Советской Республикой Абхазии и Социалистической Советской Республикой Грузии*», согласно которому Абхазия вошла в состав Грузинской ССР в качестве т.н. «договорной республики». То, что Абхазия на основе договора 16 декабря 1921г. юридически действительно стала частью Грузинской ССР это неоспоримый и общепризнанный факт, который никогда ранее не подвергался какой-либо ревизии.

Наглядным свидетельством сказанного можно считать хотя бы выдержки из обобщающей работы «*История Абхазской АССР (1917-1937)*» изданной в 1983г. (автор соответствующего раздела известный абхазский учёный Баджгур Сагария): «**Вхождение Абхазии на договорных началах в состав советской Грузии, несомненно, имело большое значение**»⁶¹; «**Образование ССР Абхазии и вхождение её в состав ССР Грузии на договорных началах и через нее в ЗСФСР и СССР...**».⁶² Однако, в последнее время, некоторые

абхазские исследователи (в первую очередь, сам Б. Е. Сагария) совершенно безапелляционно стали отрицать факт вхождения Абхазии в состав Грузинской ССР и заговорили лишь об объединении Абхазии с Грузией, которое якобы зафиксировано в конституциях Грузии 1922 и 1927 годов.⁶³

Соответствующие положения из названных исследователем конституций Грузинской ССР и ССР Абхазии мы приведём ниже, теперь же коснёмся самого договора 16 декабря, отдельные пункты которого однозначно говорят о том, что Абхазия на договорных началах **всё же вошла** в состав Грузинской ССР, а не объединилась с нею как субъект некой равноправной федерации. Так, по договору 16 декабря объединёнными объявлялись комиссариаты: военный, финансовый, народного хозяйства, почты и телеграфа, юстиции, чрезвычайная комиссия, рабоче-крестьянская инспекция, и т.д. Иностранные дела оставались **«целиком в ведении Социалистической Республики Грузии»**, и, что самое важное, по 4 пункту Договора Абхазия должна была входить «во все краевые объединения, в частности в Федерацию Закавказских республик... **через Грузию**, которая» должна была предоставить «ей одну третью часть своих мест».⁶⁴

Вхождение Абхазии в состав Грузии было подтверждено во всех официальных документах Съездов Советов как Абхазии, так и Грузии. Так, по словам вышеназванного нами абхазского историка Б. Сагария, «Первый съезд Советов Абхазии законодательно закрепил форму государственно-правового положения Абхазии в составе Грузии».⁶⁵ Что же касается Конституции Грузинской ССР (1922г.), на которую ссылается С. З. Лакоба, то в ней, вопреки желанию нашего абхазского коллеги, прямо говорится: «**В состав Социалистической Советской Республики Грузия входят** на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджарии, автономная область Южной Осетии и **Социалистическая Советская Республика Абхазии**, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузии на основе особого союзного между этими республиками договора».⁶⁶ Т.е. совершенно очевидно, что все названные единицы, независимо от их государственно-правового статуса, всё же входили в состав единого государства, которое называли не иначе как Советская Социалистическая Республика Грузия.

Политические спекуляции сепаратистской «историографии» по вопросу политико-государственного статуса Абхазии в 1921-1931 годах. Как уже отмечалось, сепаратистская «историография» не признаёт вхождение ССР Абхазии в состав Грузинской ССР

на договорных началах 16 декабря 1921г. Более того, в 80-х годах XXв. эта тема стала предметом политико-идеологической спекуляции со стороны сепаратистских лидеров. Если бы ССР Абхазия на равных паритетных началах лишь объединилась с остальной Грузией и таким путём создавала некую двухсубъектную федерацию, или как теперь принято говорить, новое «союзное государство», то тогда это неминуемо отразилось бы, прежде всего, в названии государства. Известно, что в тот период, в результате объединения равноправных советских социалистических республик действительно были образованы т.н. «союзные государства», которые получили новые названия.

В начале это была Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР), которая в качестве отдельного субъекта заключила договор с другими советскими социалистическими республиками – России, Украины, Белоруссии, и создала единое союзное государство: т.н. Союз Советских Социалистических Республик (СССР). При этом следует особо отметить, что в договоре об образовании СССР было разъяснено, что ЗСФСР состоит из трёх советских социалистических республик: Грузии, Армении и Азербайджана. Что же касается самой Абхазии, то она не только не была отдельным субъектом образующим СССР (таковою не была даже Грузия), но вообще фигурировала среди автономных республик. Более того, согласно 15-ой статье четвёртой главы «*Союзного договора*», «**автономные республики** Аджария и **Абхазия**» (так записано в документе), де-факто, вовсе были приравнены к автономным областям РСФСР, так как, в отличие от входящих в состав РСФСР автономных республик, которые в верховный законодательный орган Союза – в Совет Национальностей направляли по 5 представителей (кстати, столько же, сколько союзные республики), Аджария и Абхазия могли иметь только по одному представителю, т.е. столько, сколько автономные области РСФСР, а также «автономные области Юго-Осетия, Нагорный Карабах и Нахичеванская...».⁶⁷

Абхазия в статусе автономной республики фигурировала и в Конституции СССР 1924г. В ней была подтверждена вышеприведённая статья из «*Союзного договора*», и также отмечается, что «**Автономные республики** Аджарии и **Абхазии**, Юго-Осетинская, Нагорно-Карабахская и Нахичеванская автономные области посылают в Совет Национальностей по одному представителю».⁶⁸ Абхазия в качестве автономной республики значилась и в официальных партийных документах. Вот что читаем, например, в постановлении Президиума ЦК Компартии Грузии, специально рассмотревшем 27 февраля 1922г. вопрос «О числе мест в ЦИК, предоставляемом Центру,

автономным Республикам, армии...»: «Предоставить: Центру 35, **автономным республикам Абхазии, Аджарии...** по 3 места».⁶⁹

То, что ССР Абхазия с самого начала фактически была автономной единицей Грузинской ССР, видно из того факта, что бюджет Абхазии составлял часть бюджета Грузии, а Правительство и партийные органы Абхазии были подотчётны законодательным и исполнительным органам Грузии, ЦК КП Грузии.⁷⁰ Следует отметить, что абхазская организация РКП(б) уже на первой же своей областной конференции, которая состоялась 7-12 января 1922г. приняла решение об её переименовании в Абхазскую организацию Коммунистической Партии (большевиков) Грузии и избрала делегатов на I съезд Коммунистической Партии Грузии.⁷¹ Чуть позже, I съезд Советов Абхазии (состоялся 12-18 февраля 1922г.) также избрал делегатов на I съезд Советов Грузии.⁷²

Из официальных материалов, однозначно свидетельствующих об автономном статусе т.н. ССР Абхазии в пределах Грузинской ССР, следует обратить внимание на выдержку из выступления Г. К. Орджоникидзе на заседании Тифлисского Совета 5 сентября 1924г.: «Что касается **Абхазии** и Аджаристана, – отмечал партийный лидер Закавказья, – **как раз той части нашей республики** (т.е. Грузии – **З.П.**), **которая не раз восставала против меньшевиков и их тирании, то эти автономные республики** не только не поддержали меньшевистскую авантюру, но Батум, Аджаристан... и Абхазия во главе с председателем Совнаркома т. Лакоба и т. Бахтадзе моментально ринулись в бой».⁷³

Как выясняется, партийное руководство Абхазии во время восстания 1924г. (и после его подавления) действительно оказалось «на высоте», и выполняя «постановления расширенного пленума ЦК КП(б) Грузии, обсудившего в октябре 1924г. вопрос об августовской меньшевистской авантюре», провела энергичную работу в деревне.⁷⁴ ССР Абхазия находилась в сфере действия законов и законодательных актов Грузинской ССР. Так, президиум ЦИК-а и СНК Абхазии в феврале 1923г. приняли совместное постановление «о распространении на всей территории ССР Абхазии... Уголовного Кодекса Грузинской ССР, утверждённого Всегрузинским ЦИК-ом в ноябре 1922 года».⁷⁵

Таким образом, приведённые нами материалы, вне всякого сомнения, свидетельствуют о том, что объявление ССР Абхазии в марте 1921г., а затем её т.н. «объединение» с Грузинской ССР, были лишь формальными актами. На самом деле, Абхазия, как уже не раз отмечалось, с самого начала, рассматривалась как автономная часть

Грузии. Всё это, конечно, не могло не волновать те силы Абхазии, которые, в своё время, давали демагогическое обещание сепаратистски настроенным слоям абхазского населения, что с установлением советской власти, Абхазия якобы обретёт национально-государственную независимость. Эти силы и предприняли попытку ревизии сложившихся к 1925г. между Тбилиси и Сухуми государственно-правовых отношений. Был подготовлен проект первой Конституции Советской Абхазии. В подготовке проекта деятельное участие принял С. Я. Чанба – тогдашний председатель Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) Абхазии (т.е. официальный руководитель республики), известный в своё время своими сепаратистскими взглядами абхазский лидер.

С 26 по 3 марта 1925г. в Сухуми прошёл III съезд Советов Абхазии, который утвердил Конституцию ССР Абхазии. Данная конституция идеологами абхазского сепаратизма признана «Конституцией Суверенной Абхазии»⁷⁶ и широко пропагандируется в народе. Более того, в своё время, в начале 90-х годов XXв. она стала чуть ли не главным «конституционно-правовым оружием» в политико-идеологическом арсенале сепаратистов. Как известно, именно эту конституцию реанимировало и, с грубейшим нарушением регламента (в отсутствие конституционного большинства), утвердило сепаратистское крыло Верховного Совета Абхазии 23 июля 1992г. Этим конституционным произволом сепаратисты попытались вывести Абхазию из конституционного поля Грузии и фактически объявить «Республику Абхазию» независимым от Грузии государством. Известно также, что именно этот провокационный шаг сепаратистов стал своего рода последней каплей переполнившей чашу терпения грузинского населения Абхазии и приведшей, несколько дней спустя, к развязыванию конфликта.

И всё-таки, что из себя представляла Конституция ССР Абхазии 1925г. и чем она была неприемлема грузинской стороне. В последнее время ряд грузинских исследователей (Л. Тоидзе, Д. Гамахария и Б. Гогия, А. Ментешашвили и др.) дали достаточно исчерпывающий анализ этого правового документа и указали на те юридические неувязки и порой даже «ляпсусы», которые имеются в нём. Первое, на что обращают внимание вышеназванные исследователи, это противоречие между отдельными статьями самой конституции. Так 4-ая статья I главы гласила: **«ССР Абхазия, объединившись на основе особого союзного договора с ССР Грузией, через неё входит в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику и в составе последней – в Союз Советских**

Социалистических Республик». Но в 5-ой статье II главы «конституции» почему-то «забывается» о вхождении Абхазии в состав ЗСФСР и СССР «через Грузинскую ССР» и говорится о том, что «Суверенитет ССР Абхазии, в виду добровольного её вхождения в ЗСФСР и Союз ССР, – ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в конституциях этих союзов».⁷⁷

Далее в той же статье указывается, что «Граждане ССР Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются гражданами ЗСФСР и Союза ССР».⁷⁸ И, наконец: «ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР».⁷⁹ Как видим, в этих статьях полностью отсутствует упоминание о Грузинской ССР, частью которой «на основе добровольного союза» стала ССР Абхазия 16 декабря 1921г. Т.е. получается, что Абхазия в ЗСФСР и СССР вступила через Грузинскую ССР, но почему-то выходит из этих «Союзов» самостоятельно. Совершенно очевидно, что эту, мягко говоря, неувязку, иначе как «юридический ляпсус», не назовешь. Упоминание о Грузинской ССР полностью отсутствовало и в разделе «О совете народных комиссаров», в котором были перечислены руководители отдельных ведомств входящие в совнарком (правительство) Абхазии.

Таким образом, этими статьями конституции абхазские «законодатели» фактически выводили Абхазию из правового поля Грузинской ССР. Однако они на этом не останавливались и в упомянутой выше 4-ой статье I главы прямо заявляли «о... твердой готовности» ССР Абхазии, «войти (явно имеется в виду самостоятельно – **З.П.**) в состав единой международной Социалистической Советской Республики, как только создадутся условия для ее возникновения».⁸⁰ Поражает и 6-ая статья «Конституции», согласно которой «языком государственных учреждений» (т.е. фактически государственным языком – **З.П.**) «суверенной» Абхазии почему-то признавался «язык русский».⁸¹ Это ещё одно доказательство того, как заботились «радетели Отечества» о родном абхазском языке, и интересы какого государства, на самом деле, защищали абхазские коммунисты-интернационалисты. После этого разве можно удивляться тому, как небрежно и даже оскорбительно отзывался всенародный вождь абхазских коммунистов Н. А. Лакоба на VI съезде советов Абхазии (6.И. 1931г.) об абхазском языке: «Какого черта нужно заниматься исследованием абхазского языка, – говорил он, высмеивая по его словам «профессорские упражнения» сотрудников Института Абхазского Языка и Литературы, – когда надо передать на этом языке то, что он не может дать...».⁸²

Вышестоящие партийные органы как Грузии, так и Закавказья, не могли не обратить внимания на «недостатки» Конституции ССР Абхазии. Вскоре, видимо в результате соответствующей «обработки», партийное и советское руководство Абхазии официально признало свои «ошибки» и пообещало привести в надлежащий порядок основной закон ССР Абхазии. В этой связи представляют особый интерес «признания» самого Н. А. Лакоба, который, выступая на VII-ой конференции Абхазской областной организации КП Грузии (26 ноября 1925г.), прямо говорил, что **«Конституцию написали глупейшим образом»**.⁸³ Ещё более определённо говорил Н. А. Лакоба на IV съезде компартии Грузии (2 декабря 1925г.): «Тов. Кахиани (тогдашний партийный руководитель Грузии – З.П.) был прав, когда говорил, что у некоторых ответственных работников бродила мысль о непосредственном вхождении Абхазии в Зафедерацию и т.д. Такая мысль бродила и у меня, и у многих других ответственных товарищей. От этой мысли мы отказались раз и навсегда и не потому, что тов. Кахиани где-нибудь нам пригрозил этой бродячей мыслью... **В Абхазии постановка вопроса о том, что она действительно независима и куда-то хочет уйти от Грузии, приведет к тому, что Абхазия, как карточный домик, построенный шаловливой рукой мальчика, распадется»**.⁸⁴

Говоря о метаморфозе Н. А. Лакоба по конституционному вопросу, нельзя пройти мимо и от его выступления на III-й сессии верховного законодательного органа Грузии – Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета, проходившей, кстати, в столице ССР Абхазии – в г. Сухуми 13 июня 1926г. «С самого начала образования Советской власти, – говорил Н. А. Лакоба, – кое-кто из не совсем хорошо усвоивших действительное положение вещей и кое-кто из наших противников всё время строят свою тактику по расшатыванию власти Республики Абхазии вот на чём: Абхазия захочет – уйдет от Грузии, захочет – останется с Грузией... Имеет ли это под собой почву? Для того, чтобы на этот счет не было никаких недоразумений, надо со всей решительностью заявить, **что Абхазия от Грузии уйти не может, не собирается и этого не хочет**. От советской Грузии советская Абхазия никуда не собирается уйти, но вместе с советской Грузией, **в составе советской Грузии**, Абхазия пойдет, если даже угодно и на тот свет... Судьба Абхазии с Грузией одина. **Сама Абхазия включила себя в состав Грузии**. Да здравствует Советская Грузия и ей преданные на все 100%, невзирая на все кривотолки, трудящиеся массы Абхазии!».⁸⁵

Эти выдержки из выступления одного из идейных вождей соз-

дания своего рода «крамольной» Конституции ССР Абхазии 1925г. однозначно свидетельствуют об изменении партийно-политической конъюнктуры, что, возможно, действительно было связано с ослаблением позиции Л. Д. Троцкого и его сподвижников в Абхазии и дальнейшим усилением власти И. В. Сталина в партии и государстве, как это полагает абхазский исследователь С. З. Лакоба.⁸⁶ Итоги этой «воспитательной» работы вышестоящих партийных и советских инстанции и, в первую очередь, ЦК Компартии Грузии и Всегрузинского ЦИК-а, были подведены уже 27 октября 1926г., когда, руководствуясь прямым указанием III-ей сессии Всегрузинского ЦИК-а о необходимости переработки Конституции ССР Абхазии и приведения её в соответствие с Конституцией Грузинской ССР, ЦИК ССР Абхазии на своей III-ей сессии принял новый отредактированный вариант Конституции ССР Абхазии. Окончательное же утверждение этой конституции произошло уже на IV съезде советов Абхазии в марте 1927г.

Новая редакция конституции принципиально отличалась от предыдущей. Уже в первой главе основного закона было продекларировано, что **«Республика Абхазия есть»** просто **«социалистическое государство рабочих и трудового крестьянства (а не «суверенное», как это отмечалось в Конституции 1925г. – З.П.), входящее, в силу особого договора в Социалистическую Советскую Республику Грузию и через нее в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику...»**. В этой же главе отмечалось, что **«Граждане Социалистической Советской Республики Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются тем самым гражданами Социалистической Советской Республики Грузии»**, чего не было в предыдущем варианте.⁸⁷ Корректировке подверглась и статья о государственном языке. В отличие от «Конституции» 1925г., по которой государственный статус, как уже отмечалось, был придан только русскому языку, теперь «языком государственных учреждений социалистической советской республики Абхазии» объявлялись сразу «три языка: абхазский, грузинский, русский».⁸⁸ Согласно 16-ой статьи I главы – ССР Грузии была в числе тех субъектов (СССР, ЗСФСР, ССР Абхазии), которые в пределах своей компетенции., «определяемой их конституциями» пользовались правом эксплуатации государственных богатств (земля, леса, воды, недра и т.д.) Абхазии.⁸⁹

Конституция устанавливала уровень и порядок участия населения Абхазии в управлении грузинским государством. «Во Всегрузинском съезде советов, – отмечалось в 18-ой статье главы II Кон-

ституции ССР Абхазии, – принимают участие представители съезда Советов Социалистической Советской Республики Абхазии в количестве депутатов по расчету: один депутат на каждые 10 000 населения».⁹⁰ А в 19-ой статье той же главы читаем: «Всегрузинский Съезд Советов избирает в состав Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета представителей от Социалистической Советской Республики Абхазии в количестве членов, **определяемом Всегрузинским съездом советов**».⁹¹ Т.е. в **верховном законодательном органе грузинского** (а не какого-то «союзного») **государства**, Абхазия не имела на паритетной основе своей установленной квоты, а определение её представительства было компетенцией исключительно Всегрузинского Съезда Советов.

Согласно 21-ой статье II главы Конституции, Абхазия имела 6 народных комиссариатов: Внутренних дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Земледелия и Социального обеспечения, которые действовали «самостоятельно и независимо от соответственных народных комиссариатов Социалистической Советской Республики Грузии, но взаимно» информировали «друг друга о своей работе».⁹² Внешне независимым был и Высший Совет Народного Хозяйства Абхазии, однако этот орган должен был осуществлять «в своей деятельности директивы Высшего Совета Народного Хозяйства Социалистической Советской Республики Грузии».⁹³ Что же касается ведомств Финансов, Труда и рабоче-крестьянской инспекции, то эти ведомства в Абхазии были представлены лишь уполномоченными соответствующих народных комиссариатов «Социалистической Советской Республики Грузии», которые, «являясь органами подлежащих народных комиссариатов... Грузии непосредственно им подчинёнными», тем не менее, отчитывались также «о своей деятельности перед Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров Социалистической Советской Республики Абхазии».⁹⁴

По Конституции Абхазия оставалась в общегрузинском государственно-правовом пространстве, о чём прямо указывалось в 22-й статье II главы Основного Закона, согласно которой «кодексы, декреты и постановления, принятые Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом с распространением их действия на всю территорию Социалистической Советской Республики Грузии, имеют обязательную силу и на территории Социалистической Советской Республики Абхазии».⁹⁵ В 24-ой же статье той же главы Конституции ССР Абхазии отмечалось, что: «**Всегрузинскому Съезду Советов и Всегрузинскому Центральному Исполнительному Ко-**

митету принадлежит право отмены постановлений Съезда Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Социалистической Советской Республики Абхазии, противоречащих положениям главы II настоящей конституции».⁹⁶

И, наконец, наглядным подтверждением того, что ССР Абхазия не была независимой от Грузии Советской Республикой, является 92-я статья IV главы Конституции ССР Абхазии, в которой отмечалось, что «**государственный бюджет Социалистической Советской Республики Абхазии входит составной частью в общегосударственный бюджет Социалистической Советской Республики Грузии и утверждается Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом в качестве составной части общегосударственного бюджета Социалистической Советской Республики Грузии**».⁹⁷

Таким образом, приведённые нами статьи из Конституции ССР Абхазии, утверждённой на IV съезде Советов Абхазии в марте 1927г., снимают все подозрения на то, что ССР Абхазии якобы была суверенной советской республикой, установившей с Грузией «равноправные федеративные государственно-правовые взаимоотношения», как это считал, в своё время, известный представитель сепаратистски настроенной абхазской интеллигенции С. П. Басария,⁹⁸ и как об этом твердят ныне идейные «вожди» сепаратистов. На самом же деле, нет никакого повода усомниться в том, что ССР Абхазии с самого начала (как минимум с 16 декабря 1921г., когда она на «договорных началах» вошла в состав Грузинской ССР) рассматривалась как составная часть единого грузинского государственного организма.

К концу 20-х годов XXв. стало уже очевидным, как это пишет известный абхазский учёный Б. Е. Сагария, что «происшедшие за десятилетие изменения в политической, хозяйственной и культурной жизни Абхазии, как и Грузии в целом, требовали, в свою очередь пересмотра форм государственных конституционных взаимоотношений между ними».⁹⁹ Как отмечалось в составленной СНК Абхазии специальной справке, «договор 16 декабря 1921 года... потерял реальное значение», так как «действительные... взаимоотношения этих республик точно определены в их конституциях». Исходя из этого, СНК Абхазии считал, что «наименование договорной ССР Абхазии не имеет реального содержания».¹⁰⁰

В апреле 1930г. III сессия ЦИК-а Абхазии на основании доклада Н. А. Лакоба уже приняла решение об исключении из Конститу-

ции ССР Абхазии названия «Договорная республика». А в феврале 1931г. уже VI съезд Советов Абхазии, одоблив решение III-ей сессии ЦИК-а, внёс соответствующие поправки в Конституции Абхазии. Отныне Абхазия официально стала Автономной Советской Социалистической Республикой в составе Грузинской ССР.

Такова историческая правда о т.н. «суверенной» Советской Социалистической Республике Абхазии в 1921-1931гг., которая, имея формальный статус «договорной республики», на самом же деле, на протяжении всего этого периода, официально входила в состав Грузинской ССР и «де-факто» (да практически, и «де-юре») являлась её автономной единицей. Любые утверждения о том, что ССР Абхазия в это время была «независимым» от Грузии государственным образованием, статус которого она якобы потеряла в 1931г. в результате козней «всесильного грузина» Сталина и тогдашнего коммунистического руководства Тбилиси, это лишь политические инсинуации идеологов современного абхазского сепаратизма, всемерно стремившихся использовать этот, с позволения сказать, «исторический аргумент» для дальнейшего разжигания антигрузинских настроений среди абхазского населения.

Глава XV

СЕПАРАТИСТСКИЕ ДЕЙСТВИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА АБХАЗИИ В 20-30-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Националистическо-шовинистическая политика большевистского руководства Абхазии в 1921-1931гг. Мы завершили освещение политических процессов, имевших место в Абхазии 1921-1931гг. и приведших к преобразованию т.н. «договорной республики» в автономную советскую социалистическую республику. Освещая события, происходившие в Абхазии в данный период, мы на конкретном документальном материале наглядно показали, что ССР Абхазия всё это время фактически и так была автономной единицей в составе Грузинской ССР, и то, что произошло в начале 1931г., было лишь официальным оформлением реально сложившихся между Тбилиси и Сухуми государственно-правовых отношений.

И всё-таки, почему понадобилось целое десятилетие для того, чтобы придать соответствующую форму реально существовавшим отношениям. Первой причиной, которая мешала вышестоящим партийно-государственным инстанциям, как в Тбилиси, так и в Москве, с самого начала назвать вещи своими именами, было демагогическое обещание данное в своё время абхазским коммунистам, ведущим, так сказать «героическую борьбу» против «национально-шовинистического» меньшевистского режима Грузинской Демократической Республики. Новое коммунистическое руководство Грузии, всемерно стараясь очернить в глазах общественности политику меньшевиков, тем самым, невольно, подогревало антигрузинские настроения в Абхазии.

Вот наглядные свидетельства близорукой и по своей сути предательской антигрузинской идеологической пропаганды, проводимой коммунистическим руководством тогдашней Грузии. «Вся политика меньшевиков, – писала газета *«Коммунист Грузии»*, – основанная на административном произволе и определённой колонизации края, привела к небывалому национальному антагонизму... Пресловутая автономия Абхазии оказалась пустой приманкой, лишённой всякого содержания».¹ И эта та самая Абхазия, которая, по словам Г. К. Орджоникидзе, «пыталась добиться свободы, когда восставала за свое освобождение, за советскую власть», за что с нею «меньшевики расправлялись... пушками и пулеметами»; и та Абхазия, которая «от грузинского меньшевистского правительства» так и не получила «никаких прав..., никакой свободы не добилась».²

Естественно, при таком пропагандистском фоне, грузинские большевики, верные демагогическому ленинскому лозунгу «права наций на самоопределение», разве могли не предоставить, как выражался тот же самый Г. К. Орджоникидзе, «полную возможность развиваться народам Осетии, Абхазии, Аджарии», «подвергшихся в своё время насилию» со стороны «меньшевистских шовинистов», «оросившим поля и горы кровью несчастных южных осетин, аджарцев и абхазцев».³

Подобные идеологические установки создавали весьма благоприятную почву для реализации далеко идущих сепаратистских устремлений абхазских большевиков. Внешне признавая Абхазию составной частью Грузинской ССР, лидеры тогдашней Абхазии – Ефрем Эшба и, особенно, Нестор Лакоба – завуалированно вели активную работу по подрыву грузино-абхазского историко-культурного и политического единства. В этом плане, чего стоит хотя бы тот факт, что при полном попустительстве коммунистических властей Абхазии, а может быть даже с их молчаливого согласия, началось создание историко-политической подоплёки т.н. государственной независимости Абхазии. Так, по заданию Наркомпроса ССР Абхазии, известный своими сепаратистскими взглядами абхазский деятель Симон Басария написал т.н. «руководство» по истории и географии Абхазии под названием: *«Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении»*, которое было издано в Сухуми в 1923г. В этой книге Абхазия была представлена как совершенно независимая от остальной Грузии страна, которая имела свою «национальную» 2-х тысячелетнюю историю. Одновременно Абхазия объявлялась родиной исключительно одних абхазов.

Ещё дальше пошёл другой, не менее известный сепаратистский деятель Семён Ашхацава, который в 1925г. опубликовал книжку *«Пути развития абхазской истории»*. В ней автор не только объявлял Абхазию исконно независимым государственным образованием со своей собственной (ничего не имеющей общего с Грузией) историей, но даже осмелился утверждать, что чуть ли не вся история Грузии это история абхазского народа, со своей национальной христианской цивилизацией и даже древней письменностью, которую позже якобы присвоили грузины.

В это же время на подмогу сепаратистски настроенным учёным пришли их русские собратья. Прежде всего, это К. Кудрявцев, который в 1922г. в Сухуми издал *«Сборник материалов по истории Абхазии»*, в котором историческое прошлое Абхазии также было полностью оторвано от общегрузинской истории.⁴

Подобными публикациями большевистское руководство Абхазии явно стремилось подорвать грузино-абхазское историко-культурное единство. Всё это, как уже было отмечено выше, делалось исключительно для создания своего рода историографической базы, оправдывавшей существование независимой от Грузии абхазской национальной государственности. Именно вооружившись подобным историографическим обоснованием и предприняли Н. А. Лакоба и его сподвижники известную нам уже попытку «конституционного переворота» в 1925г. Однако большевистское руководство Абхазии не довольствовалось достигнутыми на историографическом поприще достижениями. Оно параллельно вело последовательную работу и в других направлениях.

В частности, Н. А. Лакоба и К^о осуществили полный захват государственного аппарата. Все ключевые должности были заняты абхазами. Главное, всё это происходило с поощрения тбилисского руководства, которое, опасаясь осложнений, явно закрывало глаза на открытый националистический курс большевистских лидеров Абхазии. О том, как поверхностно и не по-государственному относилось большевистское руководство Грузии к проводимой в Абхазии кадровой политике, наглядно можно судить по выступлению партийного руководителя Грузии Левана Гогоберидзе на июньском пленуме ЦК КП(б) Грузии в 1926г., специально заслушавшем доклад секретаря Абхазского обкома КП(б) Грузии Г. Стуруа *«О работе Абхазского обкома партии»*. Так вот, на этом пленуме Л. Гогоберидзе заявил буквально следующее: **«Когда мы организовывали Абхазскую республику, мы знали, что там абхазцев меньше, чем грузин, но все же мы ее организовали и необходимо её поддержать. В ЦИК-е там (т.е. в Абхазии – З.П.) должно быть абхазцев, иначе это не Республика Абхазия... Тут никакого национализма я не вижу. Перевес тут должен быть на стороне абхазцев иначе это не республика, но нельзя перегибать палку в другую сторону, что если Абхазия, то только абхазцы должны быть представлены в ЦИК-е. Там должны быть и грузины, и армяне, и греки, но только в руководящих органах Абхазии должны быть абхазцы»**.⁵

В этом выступлении, помимо того, что на лицо явная капитулянтская позиция партийного руководства Грузии, нельзя не обратить внимание на совершенно очевидный факт, что тогда ни у кого не вызывало сомнения численное превосходство грузинского населения над абхазами. Кстати, это признаёт и С. З. Лакоба, который приводит данные всесоюзной переписи 1926г., по которым абхазцев было 55918 человек, а грузин 67494.⁶ В этой связи, привлекает ин-

терес и другая статистика. По данным не раз упомянутого нами известного абхазского учёного Б. Е. Сагария, в 1926г. национальный состав работников основных центральных учреждений ССР Абхазии выглядел следующим образом: абхазов, представлявших тогда 27.8% населения Абхазии, было 28.3%; грузин (33.5% общего населения) – 23%. На этом фоне поражает высокий процент русских чиновников – 44.9%, в то время как они составляли всего лишь 6.2% всего населения тогдашней Абхазии.⁷

Такой высокий процент русских объясняется тем, что делопроизводство во всех центральных (в масштабе Абхазии) госучреждениях велось исключительно на русском языке. Попытка приписать подобное активное привлечение русских на госслужбу меньшевистскому руководству Грузинской Демократической Республики, как это пытается делать Б. Сагария,⁸ выглядит, по меньшей мере, смехотворной. И уж никак это не увязывается с другим обвинением (кстати, также необоснованным), брошенным сепаратистски настроенными абхазскими исследователями в адрес грузинских меньшевиков, которые якобы всемерно пытались насильственно перевести делопроизводство в Абхазии на грузинский язык. Выше мы достаточно подробно остановились на этой проблеме и убедительно показали, что грузинское меньшевистское правительство тогда проявляло максимальную осторожность в области языковой политики.

Грузинская общественность, в отличие от большевистских лидеров Грузии, выражала большую обеспокоенность по поводу открытой шовинистической политики большевистского руководства Абхазии. Вот что писала в этой связи газета *«Социалист-федералисти»* 23 июля 1921г.: «Независимость Абхазии»... на деле означает установления господства русских. Прямо невозможно описать ту вакханалию, которая здесь царит. Русские политиканы, «поклонники» абхазов, и влюблённые в Россию некоторые лица (имеются в виду абхазы), ставшие привилегированными, «независимость» Абхазии представили в виде ненависти к Грузии... Почти все должности занимают русские. Грузины испытывают преследование и притеснение, которое невозможно описать. Такая антигрузинская кампания ведётся, что даже старой царской России и Восторговым не хватило бы наглости. ...Грузинскую газету в глаза не видели, не допускают ни привоз, ни издание на месте».⁹

В другой публикации той же газеты (24 июля 1921г.) читаем: «Независимость Абхазии сегодня носит имя абхазов, но дана на съедение русским, присваивающим от имени красного империализма то, что являлось мечтой царизма».¹⁰ «Независимость Абхазии нахо-

дится в настоящих когтях и если её авторы Эшба и Лакоба не чувствуют остроту этих когтей, то само обстоятельство свидетельствует в чьих руках окажется судьба республики абхазов». ¹¹ Ещё более определённо писал о ситуации в Абхазии известный грузинский деятель Вахтанг Котетишвили: «Возможно, кто-то видит здесь возрождение абхазов, но это лишь фарисейство, так как вся жизнь Абхазии загружена русским влиянием. Государственный язык – русский, театр – русский, газета русская... Кого обманывают? Кого хотят обмануть таким шутовством? Это и есть независимость Абхазии? Это есть самоопределение? Этого требует трудовой народ Абхазии?» ¹²

Было совершенно очевидно, что лидеры тогдашней Абхазии – Ефрем Эшба и Нестор Лакоба, как выражался тот же самый Вахтанг Котетишвили, считая Абхазию своей вотчиной, абсолютно не считались с грузинским населением, которое, как уже не раз отмечалось, представляло этническое большинство в республике. Ими двигала единственная цель – создать этнократический режим. В этом можно наглядно убедиться ознакомившись с докладной запиской инструктора Закрайкома РКП(б) В. Адамского о результатах проверки партийной работы в Абхазии (3 апреля 1922г.).

Так вот, в этой «*Записке*» прямо указывается, что «тов. Лакоба ставит во все учреждения в центре и на местах своих родственников или соратников, не считаясь с их подготовленностью, с работоспособностью, набирает сотрудников не по деловому принципу, создает себе базу, собирая удобных для себя людей». ¹³ В результате такой политики к 1925г. Нестору Лакоба фактически удалось установить этнократический режим, который принятием конституции как раз и попытался официально выйти из-под контроля Тбилиси. Но Н. А. Лакоба и его сподвижники на этот раз просчитались. Принятие «крамольной» конституции отрезвило коммунистическое руководство Грузии, свидетельством чего является замечание партийного лидера Грузии Л. Гогоберидзе о необходимости вовлечения грузин и представителей других национальностей в работу верховного органа власти ЦИК-а Абхазии, о котором говорилось выше.

Политическое руководство Абхазии, естественно, было вынуждено «признать» свои ошибки в области кадровой (а также языковой) политики и твёрдо заявить о своей готовности пересмотреть эту политику. В частности, об этом уже в декабре 1925г. заговорил сам Н. А. Лакоба, который, выступая на IV съезде Компартии Грузии, «второй ошибкой» абхазского руководства (первой он считал принятие конституции 1925г.) признал придание русскому языку статуса государственного языка. «Нам все время казалось, – отмечал Н.

А. Лакоба, – что вопрос о языке не требует никакого пересмотра и что в этом отношении все как будто бы обстоит благополучно. Но изучение этого вопроса доказало, что численное, культурное и экономическое соотношение сил народностей, населяющих Абхазию, не позволяет довольствоваться одним русским языком». Н. А. Лакоба открыто говорил также о том, что «под прикрытием русского языка все остальные языки в Абхазии должны были отходить на второй план».¹⁴

Что же касается кадровой политики, Н. А. Лакоба это уже считал «третьей ошибкой». Он признавал, «что руководящий состав работников по национальному признаку выглядел тоже не совсем благополучно. Мингрельцы, армяне, греки за последнее время стали поговаривать о том, что с Лакобой, с другим, с третьим они могут примириться, но не согласны с тем, чтобы все управление в Абхазии находилось исключительно в руках абхазцев».¹⁵ Большевикскому руководству Абхазии, в первую очередь, Н. А. Лакоба, пришлось оправдываться за проводимую им кадровую политику. В частности, этот вопрос он затронул в своём докладе на III-й сессии всегрузинского ЦИК-а, проходившей, как уже указывалось, в Сухуми 13 июня 1926г.

«Абхазскую республику, – отмечал Н. А. Лакоба, – кое-кто понимает в том смысле, что Абхазская Республика – это значит республика для абхазцев. Такое положение вещей не соответствует действительному положению дела в Абхазии и вот почему. **Хотя мы и называемся Абхазией, но в Абхазии мы имеем дело не только с абхазцами.** Здесь основными народами, по их численному весу, являются следующие: абхазцы, грузины, армяне, греки. Каково же численное соотношение между этими основными народностями? Должен сказать, что в отношении точно проверенных цифровых данных у нас дело обстоит плохо. Правильной статистики населения по национальному составу у нас не имеется, но... **во всяком случае, абхазцев несколько меньше, чем мингрельцев**». Далее Н. А. Лакоба говорил: «Абхазец не должен рассуждать таким образом: если меня угнетали раньше..., то теперь я имею право на большую свободу, на большую привилегию по сравнению с другими народностями. Так ничего не выйдет... Тут нужно провести такую политику, чтобы грузины, а наравне с ними и армяне, и греки не чувствовали себя на положении незваных или званых гостей».¹⁶

Конечно, Н. А. Лакоба преднамеренно лукавил, когда заявлял, что не было правильной статистики национального состава Абхазии. Такая статистика, как мы уже имели возможность удостове-

риться, существовала и она однозначно подтверждала численное превосходство грузинского населения над абхазами. Нельзя не обратить также внимание и на попытку лидера абхазских коммунистов отделить «мингрельцев» от остальных грузин. Конечно, в этом случае, коварный замысел Н. А. Лакоба совершенно очевиден. Это было прямое продолжение имперской политики царизма, суть которой, как известно, заключалась в том, чтобы не допустить консолидацию отдельных грузинских этнических групп в единую нацию.

Абхазскому руководству не только на словах, но и на деле действительно пришлось внести некоторые коррективы в области кадровой политики. Так вот, если в 1927г. из всех 14 высших руководящих должностей Абхазии 9 занимали абхазы и всего лишь 3 – грузины (а остальные два – армянин и русский), то уже в 1929г. картина несколько изменилась. На этот раз абхазов уже было 7, а грузин – 5, плюс 1 русский и 1 грек.¹⁷ Однако, нельзя сказать, что эти незначительные коррективы, внесённые в кадровую политику, качественно повлияли на общую ситуацию в Абхазии. Н. А. Лакоба и К^о всемерно старались не допустить к власти непослушных режиму лиц. Из грузин, а также представителей других национальностей, специально подбирались такие кадры, которые проявляли полную лояльность к национал-сепаратистскому курсу абхазского руководства.

Преобразование ССР Абхазии в Абхазскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в феврале 1931г. было серьёзным ударом по сепаратистски настроенным силам в Абхазии, которые на протяжении почти десятилетия держали народ под определённым идеологическим прессом. Этот акт воочию показал всю лживость и демагогичность т.н. «ленинской национальной политики», якобы давшей «угнетённому» ранее т.н. «буржуазно-националистическим» правительством демократической Грузии, абхазскому народу свободу и национально-государственную «независимость». На самом деле та, с позволения сказать, «независимость», которая была пожалована абхазскому народу в своего рода знак благодарности за проявленный им «героизм» в борьбе против Грузинской Демократической Республики, как это не раз уже было отмечено нами, с самого начала была фикцией и в 1931г. произошло всего лишь официальное оформление тех отношений, которые реально сложились после 16 декабря 1921г. – т.е. после подписания т.н. «союзного договора» между ССР Абхазией и ССР Грузией, в результате чего, как известно, Абхазия на «договорных началах» вошла в состав Грузинской ССР.

Сепаратистский курс политического руководства Абхазской АССР в 1931-1936гг. Абхазское население, наивно поддавшееся в свое время утопическим обещаниям своих новоявленных вождей о национально-государственной независимости, окончательно убедилось в том, как жестоко его обманули. Решение о преобразовании ССР Абхазии в автономную республику абхазы встретили всенародным протестом. 18 февраля 1931г., т.е. буквально через неделю после объявления Абхазии автономной республикой, в селе Дурипш (Гудаутский р-н) начался всенародный сход абхазов, который продолжался до 26 февраля. В годы советской власти причиной данного схода принято было считать недовольство абхазов проводимой в тот период политикой коллективизации сельского хозяйства. Однако, в последнее время С. З. Лакоба, на наш взгляд, совершенно обоснованно указал на взаимосвязь многодневного всенародного схода абхазов с изменением политико-государственного статуса Абхазии. По мнению абхазского учёного, именно «Всеобщее недовольство народа (имеются в виду абхазы, а не всё население республики – **З.П.**) преобразованием договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР», явилось главной причиной «грандиозного схода», а «вопрос... о колхозах... послужил (лишь) поводом к выступлению».¹⁸

Действительно, трудно поверить, что абхазы могли так открыто бунтовать против коллективизации и тем более в 1931г., когда, начался качественно новый этап. С этого времени (после публикации известной статьи И. В. Сталина: «*Головокружение от успехов*») в проведении коллективизации был взят более либеральный курс, что определённо сняло напряжённость среди крестьянства. Вот почему и нам, вслед за С. З. Лакоба, представляется, что настоящей причиной выступления абхазов в феврале 1931г. было недовольство, вызванное именно упразднением «договорной» республики. Ситуация настолько накалилась, что мятежные абхазы выразили недоверие правительству Абхазии и даже обратились к Н. А. Лакоба с «последней просьбой»: разрешить всем абхамам-крестьянам переселиться в Турцию, где им будет хорошо житья среди братьев-абхазцев, переселившихся в Турцию в 1878 году».¹⁹

Несмотря на такие радикальные антиправительственные требования, нам всё же кажется, что данное выступление явно было инспирировано самим Н. А. Лакоба и его соратниками. В этой связи, чего стоит один только факт непосредственного участия в «антиправительственном» мятеже матери Н. А. Лакоба – Шахусны, которая, как выясняется, шла впереди вооружённых абхазов-повстанцев,

защищая тем самым их от огня войск НКВД.²⁰ Однако, эта уловка сепаратистскому руководству Абхазии не удалась. Н. А. Лакоба был вызван в Москву, где очевидно имел встречу со Сталиным. «Вождь всех народов», несмотря на своё особое расположение к главному абхазскому большевику, конечно не мог допустить исключение даже для абхазов, которые, как уже отмечалось, в своё время (ещё в 1918г.), по словам самого Сталина, вели «героическую борьбу» против «чёрных банд Тифлисского правительства». У И. В. Сталина, как известно, было совершенно чёткое видение обустройства бывшей Российской империи, изложенное в его известных *«Тезисах об автономизации»*.

По формуле И. Сталина, не то что Абхазия, которая до установления советской власти и так была автономией, но и официально признанные независимые государства, каковою была, в первую очередь, Грузия (кстати, признанная де-юре самой Советской Россией 7 мая 1920г.), должны были войти в состав РСФСР именно в качестве автономных республик. Так что, попытки некоторых абхазских исследователей, и в первую очередь, С. З. Лакоба, приписать Сталину особую заботу о своей «Отчизне» – Грузии, и этим объяснить ликвидацию ССР Абхазии, лишены всякого основания. **Пора всем, как сепаратистски настроенным представителям абхазской интеллигенции, неизвестно почему недолюбливающих Сталина, так и современным грузинским коммунистам, выдающих себя за национал-патриотов Грузии, понять, что единственной целью И. В. Сталина, впрочем как и его учителя – «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина, было создание мировой коммунистической империи в лице «единой и неделимой России».**

Национальные интересы народов, населяющих бывшую Российскую империю, их вовсе не волновали. Иначе не встретили бы в штыки тот же самый И. Сталин и другой «великий» грузин – Г. Орджоникидзе – робкую попытку части грузинских коммунистов, получивших клеймо «национал-уклонистов», сохранить за Грузией хотя бы внешние атрибуты государственного суверенитета. Всем хорошо известно, как жестоко расправился «всесильный» грузин – Сталин со своими бывшими партийными соратниками, посмевшими как-то отстоять формальную независимость Грузии и не допустить её вхождение в т.н. «Закавказскую федерацию» (детище В. И. Ленина). Всё руководство Центрального Комитета Компартии Грузии: Михаил Окуджава, Буду Мдивани и их сподвижники, которые в знак протеста осенью 1922г. коллективно подали в отставку, позже были расстреляны. Т.е. «всемогущий» грузин Сталин не только не

заботился о национально-государственных интересах своей «Отчизны» – Грузии, как это мерещится С. З. Лакоба и его единомышленникам, но, наоборот, примерно наказывал, в первую очередь, тех своих «соотечественников», которые требовали лишь незначительную корректировку (вступление Грузии в СССР непосредственно, минуя Закавказскую федерацию) генеральной линии Кремлёвского руководства.

То, что изменение политико-государственного статуса Абхазии не было каким-то сверхъестественным явлением, а вытекало из общей политики КПСС и советского руководства, никак не связанной с этно-национальной принадлежностью вождя, подтверждаются аналогичными фактами, имевшими место в СССР в 20-30-х годах XX столетия. За примерами далеко идти не приходится. Ещё в июле 1920г. была объявлена такая же «независимая» как Абхазия, Нахичеванская Советская Социалистическая Республика, которая уже в феврале 1923г. была преобразована в автономный край (позже в автономную республику) в составе Азербайджанской ССР. Более того, в 1918г. были созданы: Ставропольская, Кубанская, Черноморская социалистические республики, получившие позже всего лишь статус административных областей и краёв в составе РСФСР.

Репрессии 30-х годов XXв. и Абхазия. 30-е годы XX столетия были такими же суровыми для Абхазии, как для всей Грузии. Советский тоталитарный режим не щадил никого. Как известно, в годы сталинской диктатуры миллионы людей разных национальностей стали жертвами кровавых репрессий. Репрессии эти начались ещё при жизни Ленина, когда были уничтожены миллионы ни в чём неповинных людей, однако, своего апогея они достигли в 30-е годы, по мере вступления страны в т.н. «решающую фазу строительства социализма», когда якобы особенно «обострились классовые противоречия». Естественно, репрессии не миновали и Грузию. Более того, совершенно однозначно можно утверждать, что именно здесь они отличались наибольшей масштабностью и жестокостью. Видимо, это объясняется тем, что грузинская интеллигенция всё же не была, как говорится, до конца «обработана» идеологически, и не проявляла нужную властям лояльность.

Гонениям подверглись и жертвами кровавой расправы стали лучшие представители «просвещённой Грузии» – писатели, учёные, деятели искусства, – как говорится, цвет нации. Стоит назвать такие имена, как: Паоло Иашвили, Тициан Табидзе, Михеил Джавахишвили, Григол Церетели, Вахушти Котетишвили, Евгений Микеладзе, Сандро Ахметели и многие другие. Как уже отмечалось, было рас-

стреляно почти всё т.н. «национал-уклонистское» коммунистическое руководство Грузии, которое в 1922г. осмелело выступить в защиту сохранения внешних атрибутов государственного суверенитета Грузии. Более того, не пощадили даже тех, кто непосредственно играл ведущую роль в процессе советизации Грузии. Это были руководители первого ревкома, впоследствии возглавлявшие партийные и советские органы Грузии и Закавказья: Мамия Орахелашвили, Шалва Элиава, Леван Гогоберидзе, Самсон Мамулия, Михеил Кахиани, Лаврентий Картвелишвили, Мариам Орахелашвили и др.

Чтобы представить масштабы проводимых в Грузии кровавых репрессий, можно привести список церковных деятелей, проходивших только по одному сфабрикованному делу. Ясно, что их единственной виной была забота о дальнейшей судьбе грузинской православной церкви. В этом списке числятся 18 представителей духовенства, которым был вынесен смертный приговор. В их числе были: 1) Бесарион Вашадзе, 2) Михеил Нанеишвили, 3) Иосиф Мирианшвили, 4) Илларион Окропиридзе, 5) Прокофий Чигогидзе, 6) Гиорги Дарчия, 7) Элизбар Анчабадзе, 8) Гиорги Цулая, 9) Иоане Панцулая и др.²¹ И это отнюдь не элита грузинской церкви, а, как говорится, рядовые служители церкви, имена которых ничего не говорят широкой общественности. А сколько было таких же простых людей, невинно убиенных кровавым режимом. Здесь нельзя не вспомнить также о Католикосе-Патриархе Грузии Амбросие (Хелая), который фактически стал жертвой невыносимого давления на него со стороны властей. Некоторые видные деятели грузинской церкви, во главе с Кутаисским митрополитом Назаром (Лежава), были расстреляны в августе 1924г.

Репрессии, проводимые в 20-30-х годах XXв., нанесли невосполнимый урон грузинскому народу. Погибли лучшие сыны и дочери Грузии. Это, как говорится, неоспоримый факт, и зря наши абхазские оппоненты ищут зло в Грузии и грузинах. Это зло было порождено советской тоталитарной системой, крушение которой до сих пор переживают идеологи абхазского сепаратизма. Разве не наивно думать, что всё это было лишь делом рук «великих грузин» И. В. Сталина и Л. П. Берия?! Разве не по личному указанию В. И. Ленина была истреблена семья императора Николая II-го, были беспощадно расстреляны безвинные малолетние дети?! Разве не вождю мирового пролетариата принадлежат слова: «На мой взгляд, нужно расширить применение расстрела (вместо выселения за рубеж) ... Добавить расстрел за возвращение из-за рубежа без разрешения».²² А чего стоит крылатая фраза В. И. Ленина: «Пусть 90% русского на-

рода погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции».²³

Под статью В. И. Ленину был и другой «вождь мирового пролетариата» Л. Д. Троцкий, которого, почему-то, в отличие от Сталина, чуть ни ли ангелом-хранителем хочет представить абхазский исследователь С. З. Лакоба, посвятивший пребыванию Троцкого в Абхазии трогательное эссе. На самом же деле, всем известно, что Л. Д. Троцкий был ещё более беспощадным к т.н. «врагам революции». Это он предлагал превратить Россию в пустыню, населённую белыми неграми и установить такую тиранию, которая, по его словам, не приснилась бы самым кровавым деспотам Востока... «Путём террора, – говорил любимчик Станислава Лакоба, – кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния...».²⁴ Это он – Троцкий – в годы красного террора, главным организатором которого был В. И. Ленин, и в результате которого в России было расстреляно более 10 миллионов человек, впервые в 1921г. применил римский принцип децимации и расстрелял каждого десятого красноармейца из мятежного Петербургского рабочего полка.²⁵

И. Сталин был всего лишь продолжателем «великих дел» Ленина и Троцкого. У него были свои верные исполнители, среди которых, конечно, не последнее место, действительно, занимал глава закавказских чекистов Л. П. Берия, ставший затем партийным руководителем Грузии и Закавказья, а позже возглавивший главный репрессивный орган страны – НКВД. Эти репрессии, конечно, не могли миновать и Абхазию, но нельзя сказать, что сталинские репрессии особый размах получили именно здесь, и главным виновником этого был Л. Берия, якобы ненавидевший первого абхазского большевика, ближайшего друга вождя – Н. А. Лакоба. Наши абхазские коллеги, обвиняя во всём И. Сталина и Л. Берия, явно скрывают от своих соотечественников, что и среди тогдашних абхазских коммунистов было немало лиц, которые также принимали самое непосредственное участие в ликвидации т.н. «врагов революции». Да и сам Н. Лакоба отнюдь не был ангелом, не говоря уж о его преемнике на посту председателя ЦИК-а Абхазии Алексее Агрба, ближайшем соратнике Л. П. Берия, возглавившем, по его рекомендации, ГПУ Закавказской федерации, который лично руководил кампанией по разгрому т.н. «Контрреволюционной диверсионно-вредительской, шпионской, террористической, повстанческой организации», якобы созданной самим Н. А. Лакоба.

Жертвами репрессий 30-х и начала 40-х годов, помимо известных партийных работников: Н. А. Лакоба, Е. А. Эшба, Н. Акиртава,

М. Чалмаз, М. Лакоба и др. – стали видные представители абхазской интеллигенции: В. Т. Анчабадзе, С. Я. Чанба, С. П. Басария, Мих. Тарнава, В. Кукба, Р. Какуба, З. Агрба и другие. От красного террора не меньше пострадало грузинское население Абхазии, а также представители других национальностей проживающих в Абхазии. Пора всем понять, что это было общее горе, общая трагедия, а не геноцид абхазов устроенный якобы грузинами, как это утверждают нынешние вожди абхазского сепаратизма.

И зря наши абхазские оппоненты пытаются свалить за всё это вину на т.н. «сталинско-бериевское руководство» Грузии, которое, по словам С. З. Лакоба, «вопреки воле грузинского народа, развернуло процесс подавления абхазов. Абхазский народ, – отмечает он, – пытались обезличить и представить как одну из грузинских народностей». Особый протест сепаратистски настроенных сил Абхазии в этой связи вызывает перевод абхазской письменности на грузинский шрифт. Это ими преподносится как сугубо местное явление вызванное кознями Тбилиси. Однако дело обстоит далеко не так, о чём мы расскажем в следующей главе.

Глава XVI

МИФ О Т.Н. «ПОПЫТКАХ» СО СТОРОНЫ ГРУЗИН ЛИШИТЬ АБХАЗСКИЙ НАРОД ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В КОНЦЕ 30-Х – 40-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Реформа абхазской письменности и её политико-идеологические аспекты. Новая конституция СССР 1936г., как известно, подвела определённую черту в процессе строительства союзного социалистического государства. Она внесла ряд изменений в федеративном устройстве страны. В частности была упразднена Закавказская Советская Федеративная Социалистическая республика, а её субъекты – Грузинская ССР, Азербайджанская ССР и Армянская ССР непосредственно вошли в состав СССР. КПСС и советским руководством были приняты и некоторые другие решения, внешне направленные на повышение государственного статуса союзных республик. В этом направлении представляет интерес специальное постановление о переводе алфавита письменностей т.н. малых народов (т.е. народов автономных образований) на шрифт письменности государственного языка союзной республики.

В последнее время, в историографии появились публикации, в которых даётся довольно исчерпывающий анализ официальных документов высших руководящих органов КПСС и советского правительства по проведению реформы письменностей малых народов. В этом плане особый интерес вызывают исследования сухумского учёного, известного специалиста истории Абхазии советского периода Г. П. Лежава (кстати, человека, которого, несмотря на его грузинское происхождение, трудно обвинить в «антиабхазских» настроениях). Так вот, в работах Г. П. Лежава, опубликованных в Москве, под грифом Института Этнологии РАН (эти работы легли в основу докторской диссертации, защищённой Г. П. Лежава в том же институте), раскрыта суть проводимой по всей стране (а не только в Абхазии) реформы письменностей малых народов СССР, и показана вся нелепость демагогических разглагольствований абхазской стороны по поводу притеснений Тбилиси в этой сфере.

Действительно, совершенно очевидно, что замена латинизированного абхазского алфавита грузинским не была инициативой грузинских властей, а целиком и полностью исходила от Кремля, который преследовал одну единственную цель – унифицировать на основе славяно-русской графики многочисленные письменности ма-

лых народов, проживавших на территории РСФСР, да и в стране в целом, и этим самым создать благоприятный фон для их дальнейшей русификации. Дело в том, что ещё в 1922г. письменности многих народов СССР (в том числе РСФСР) были переведены на латинский шрифт. Это, действительно, в некоторой степени, отдаляло эти народы (в первую очередь, народы РСФСР) от русской грамотности, что в корне противоречило имперским планам Москвы. Вот почему, после того, как более-менее завершился процесс федеративного устройства советского государства, что получило конституционное оформление в 1936г., советское руководство принялось за реформу письменностей малых народов.

С 1936г. начался массовый перевод латинизированных письменностей на Кириллицу, который в целом завершился в 1941г.¹ Следует отметить, что внешне всё это отнюдь не выглядело как проявление русификаторской политики, так как официально, как уже отмечалось, речь шла лишь о переводе письменностей малых народов на алфавит государственного языка соответствующей союзной республики. Однако, на самом деле, такой перевод был осуществлён почти на всей территории СССР. Единственным исключением стала Грузинская ССР и вовсе не потому, что во главе СССР находился грузин И. Сталин, а только потому, что грузинский язык был единственным среди государственных языков союзных республик, имевших в своих составах автономные образования (РСФСР, Узбекистан, Азербайджан), который исторически сохранил свой оригинальный шрифт, кстати, один из 14 в мировой письменной цивилизации (как известно, узбекские и азербайджанские письменности также были переведены на кириллицу).

Вот по какой причине был осуществлён перевод абхазской письменности с латинского шрифта на грузинский. Тогда же аналогичная реформа была проведена и в Юго-Осетинской Автономной области, где осетинскую письменность также перевели с латинского шрифта на грузинский. И это притом, что в Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республике латинский шрифт заменили кириллицей. Т.е. сложилась парадоксальная ситуация: один и тот же язык, язык одного и того же народа – осетин, проживающих в разных субъектах (официально якобы в разных государствах) одной федерации, одновременно имел две письменности: одну основанную на грузинской графике, а другую – на Кириллице. Нет спора, иначе, чем настоящим издевательством над осетинским народом, подобное решение не назовёшь.

Теперь о том, как проводилась данная реформа в Абхазии.

Подготовка к реформе абхазской письменности началась в 1937г., когда XV конференция Абхазской организации КП(б) Грузии признала целесообразность перевода абхазского алфавита на грузинскую графику. «Воодушевлённые» этим решением партии видные представители абхазской интеллигенции – А. Хашба, Д. Чагава и М. Хашба, в газете «Советская Абхазия» (17 июня 1937г.) опубликовали статью «Об абхазском алфавите», в которой подчеркнули непригодность латинизированного алфавита и поддержали позицию XV конференции абхазской областной организации КП Грузии. Ещё дальше пошёл основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа, который в той же газете «Советская Абхазия» (11 июля 1937г.) поместил статью «Об абхазском алфавите». В ней Д. И. Гулиа, в целом положительно отзываясь на статью А. Хашба, Д. Чагава и М. Хашба, особо подчёркивал, что «это мероприятие, безусловно, будет способствовать укреплению и росту всей абхазской культуры, ибо **грузинский алфавит является наиболее подходящим для более полного и совершенного обозначения звуков абхазского языка**».² Чуть позже по этому вопросу также одобрительно высказывался ещё один известный абхазский деятель М. К. Делба, который, в опубликованной в газете «Советская Абхазия» (23 марта 1938г.) статье «Об изучении нового абхазского алфавита», выражал уверенность в том, что «Новый алфавит должен привести к увязке алфавита с орфографией и полному соответствию с языком, с полиграфбазой, облегчит и закрепит усвоение алфавита трудящимися абхазами и будет способствовать снижению неграмотности и т.п.».³

В личном архиве акад. С. Н. Джанашиа сохранились протоколы совещания, проведённого в Сухуми (4-5 декабря 1937г.), в Институте Абхазской культуры им. Н. Я. Марра. Недавно материалы из этих протоколов стали достоянием широкого круга читателей благодаря публикации известного грузинского филолога-абхазоведа Т. Гванцеладзе. Так вот, решение о переводе абхазского алфавита на грузинский шрифт, оказывается, было принято на XV конференции Абхазской организации КП(б) Грузии в 1937г. Именно согласно данному решению было созвано рабочее совещание учёных-специалистов и деятелей культуры Абхазии 4-5 декабря. Из 33 участников совещания 8 (а не 6, как пишет Т. Гванцеладзе⁴) представляли грузинскую научную общественность, четверо были русскими, а остальные 22 – абхазами. С грузинской стороны участвовали видные учёные-картвелологи-кавказоведы, профессора: П. Шария, А. Шанидзе, В. Топурия, Арн. Чикобава, С. Джанашиа (все из Тбилиси), а также сухумские учёные – Н. Басилая, С. Акиртава (Т. Гванцеладзе их оши-

бочно считает абхазами) и Б. Джанашиа. Со стороны русских были: проф. А. Грен, И. Тищенко, З. Морина, А. Фадеев, – а абхазов представляла вся научная элита: С. Басария, Х. С. Бгажба, Н. Герия, М. Гочуа, Д. И. Гулиа, Г. Гулиа, М. К. Делба, Б. Кация, Н. Кокоскерия, В. Маан, Н. Патейпа, Г. Шакирбай, К. Шакрыл, П. Шакрыл, Г. А. Дзидзария, К. Дзидзария, А. М. Чочуа, В. Харазия, М. Хашба и др.⁵

На обсуждение были представлены 4 проекта: 1) проект А. Г. Шанидзе, 2) проект С. Н. Джанашиа, 3) проект Д. И. Гулиа, 4) совместный проект Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа и М. Хашба. Была создана специальная комиссия, куда вошли: Д. И. Гулиа (председатель), А. Г. Шанидзе, С. Н. Джанашиа, В. Харазия, В. Маан, П. Шакрыл, М. Хашба. Комиссия, изучив представленные варианты (за исключением последнего), приняла единый проект. Этот проект и был утверждён на итоговом заседании совещания 5 декабря, на котором председательствовал Г. А. Дзидзария.⁶ Абхазские учёные приняли самое активное участие в дебатах по реформе алфавита. Более того, именно они задавали тон работе совещания. Из 16 участников, выступивших на заседаниях, 11 были абхазы, среди которых один только М. Хашба выступил 6 раз; Д. И. Гулиа – 4 раза и т.д.⁷ Несмотря на то, что среди абхазских деятелей – участников совещания – было немало лиц, которых всегда раздражало любое проявление абхазо-грузинского единства (к примеру, С. Басария, К. Шакрыл, П. Шакрыл и др.), ни один из них не выступил против идеи перевода абхазской письменности на грузинскую графику. Конечно, нельзя сказать, что здесь не сыграла свою роль общеполитическая обстановка, сложившаяся к тому времени в Абхазии, но факт остаётся фактом. Вся элита научных работников и деятелей абхазской национальной культуры открыто поддержала реформу абхазской письменности, которая и была проведена в 1938г.

И всё же, было ли возможно проведение подобной реформы чуть раньше – во времена Н. А. Лакоба? Чтобы ответить на этот вопрос, на наш взгляд необходимо вкратце ознакомиться с «деяниями» первого абхазского большевика в 20-х – первой пол. 30-х годов ХХв.

Н. А. Лакоба, как известно, был старым революционером. В ряды РСДРП его приняли ещё в девятнадцатилетнем возрасте в августе 1912г. в Батуми. В 1917-1921гг. он вёл активную борьбу за установление советской власти в Абхазии, хотя временами находил возможность сотрудничать с властями, т.е. с Народным Советом Абхазии. Например, известно, что в какой-то период «при меньшевистском правительстве» его назначили комиссаром в Очамчире.⁸ После установления советской власти Н. А. Лакоба вошёл в состав

руководящего органа – Ревкома Абхазии, в котором роль первой скрипки играл Ефрем Эшба. Тогда именно Е. А. Эшба, а не Н. А. Лакоба считался большевистским лидером Абхазии. Он же, заняв пост председателя ЦИК-а Абхазии (кстати, по предложению Н. А. Лакоба) официально стал первым лицом в иерархии власти. Н. А. Лакоба же был назначен председателем Совнаркома, т.е. вторым человеком после Ефрема Эшба.

Однако, хитроумно используя тогдашнюю политико-властную конъюнктуру, в частности, то обстоятельство, что первым лицом в стране был В. И. Ленин, занимавший должность именно председателя правительства (Совнаркома), а не председателя ЦИК-а, Н. А. Лакоба сразу же перехватил инициативу и фактически обезличил роль ЦИК-а и его руководителя Е. А. Эшба, который вскоре вообще покинул Абхазию. Он был выдвинут на руководящую партийную работу в Тбилиси на должность секретаря ЦК КП(б) Грузии по идеологии (позже Е. А. Эшба работал и министром юстиции Грузии).

С этого времени Н. А. Лакоба и становится полновластным хозяином Абхазии. Он совершенно не считался ни с ЦИК-ом, ни с высшим партийным руководством Абхазии – с обкомом партии, который, в то время (в 20-х годах), как правило, возглавляли грузинские большевики. Подобное высокомерное отношение к высшему партийному органу республики не могло не вызвать определённую тревогу в Москве. Не случайно, что ещё в 1929г. действия Н. А. Лакоба стали предметом критики самого И. В. Сталина, который, в целом, поддержав своего друга и соратника в противостоянии с Абхазским обкомом партии, тем не менее, обвинил его в том, что он «иногда не подчиняется решениям обкома», что, по словам Сталина, является не большевистской политикой. «Лакоба, – отмечал генеральный секретарь ЦК ВКП(б), – может и должен освободиться от своих ошибок. Я думаю, что обком должен помочь т. Лакобе в этом деле, а тов. Лакоба должен признать без оговорок руководящую роль обкома во всех делах абхазской жизни».⁹

Однако Н. А. Лакоба и после этой критики по-прежнему пренебрегал уставными обязанностями члена партии. Более того, с 1930г., когда став председателем ЦИК-а – высшего органа власти Абхазии, одновременно исполнявшего функции правительства (Совнарком бы упразднён), Н. А. Лакоба вообще перестал считаться с областной партийной организацией. Известно, что даже заседания бюро обкома партии проводились не в кабинете первого секретаря, а в апартаментах самого Н. А. Лакоба. Интересно, что против этой унижительной для высшего партийного органа автономной респуб-

лики практики первым выступил уже упомянутый нами Алексей Агрба, которого в январе 1936г. Л. Б. Берия назначил первым секретарём Абхазского обкома партии. Так вот, Ал. Агрба заставил Н. А. Лакоба являться на заседании бюро в обком партии, хотя при этом, как отмечает С. З. Лакоба, он «неизменно опаздывал».¹⁰

Ал. Агрба пошёл ещё дальше. Он, решением бюро обкома, запретил его членам, в том числе и главе автономной республики, выезжать из Сухуми без разрешения бюро обкома, что, кстати, поставило Н. А. Лакоба в весьма щекотливое положение летом 1936г., когда по этой причине он не смог встретить своего друга и повелителя И. Сталина, прибывшего в то время на отдых в Мюссеру. На вопрос Сталина, почему же его не встречает Н. А. Лакоба, руководитель Абхазии попросил передать вождю что он «по-прежнему рад и счастлив, встретить его, но... лишён этой возможности, так как, будучи коммунистом дисциплинарным... не может нарушить постановление бюро обкома и выехать из Сухуми».¹¹ Сталин принял близко к сердцу эту «жалобу» своего друга и немедленно велел Л. П. Берия сместить с должности строптивного секретаря абхазского обкома партии Ал. Агрба.¹²

Сегодня уже не вызывает никакого сомнения, что Н. А. Лакоба долгое время оставался фаворитом И. В. Сталина. Как выясняется, в 1935г. он даже предложил лидеру Абхазии перебраться в Москву и занять там важный руководящий пост. Существует мнение (С. З. Лакоба), что его хотели сделать преемником Генриха Ягоды – шефа НКВД. Однако хитрый Н. А. Лакоба вежливо отклонил это предложение, чем, очевидно, вызвал разочарование вождя. Отказ Н. А. Лакоба, быть поближе к хозяину, следует объяснить тем, что он до конца не доверял Сталину. Заявление же абхазского исследователя С. З. Лакоба о том, что у лидера абхазских коммунистов якобы «был «серьёзный» недостаток – **он не был палачом**»,¹³ и поэтому отказался от предложенной высокой должности руководителя главного карательного органа страны, конечно, может вызвать только улыбку.

Не думаем, что наш абхазский коллега, хотя бы после всего, что стало нам известно в последнее время о красном терроре 20-30-х годов, настолько наивен, что серьёзно может рассуждать о гуманности кого-либо из высших руководителей партии как общесоюзного, так и местного масштаба. Пора понять, что это была эпоха кроваво-жидных фанатов, которые ни перед чем не останавливались для достижения т.н. «всеобщего блага человечества». И, безусловно, в этом плане, ни Н. А. Лакоба, ни кто-либо другой, конечно не были исключением. Об этом ярко свидетельствует хотя бы тот факт, что они

на своём пути уничтожали не только заведомо известных «классовых врагов», но и своих вчерашних боевых соратников.

Вместе с тем, действительно, вполне возможно (как это полагает С. З. Лакоба), что не только партийного руководителя Грузии Л. П. Берия, но и самого И. В. Сталина раздражали старания Н. А. Лакоба, во что бы то ни стало добиться максимального суверенитета от Тбилиси, и даже вывести автономную республику из состава Грузинской ССР. В книге С. З. Лакоба приведены некоторые (правда, несколько косвенные) факты, подтверждающие попытки Н. А. Лакоба в 1935-1936 гг., т.е. накануне принятия новой конституции (изменившей государственно-правовой статус Грузинской ССР), добиться от Сталина разрешения о включении Абхазской АССР в состав РСФСР.¹⁴ Думается, прав С. З. Лакоба, когда утверждает, что при Н. А. Лакоба Абхазия была чуть ли не «независимой» от Грузии советской республикой.¹⁵

Всё сказанное, а также некоторые другие факты из жизни главного абхазского большевика, которые не так широко рекламируются, на наш взгляд, однозначно свидетельствуют, что Н. А. Лакоба, на самом деле, в Абхазии установил национально-сепаратистский режим, конечной целью которого было отторжение Абхазии от остальной Грузии и её присоединение к РСФСР. Совершенно ясно, что в условиях подобной националистической конъюнктуры был немыслим перевод абхазской письменности на грузинскую графику.

Теперь вернёмся к вопросу, насколько обосновано утверждение идейных вождей абхазского сепаратизма о том, что перевод абхазской письменности на грузинский шрифт был направлен на «обезличивание» самобытности и этнической индивидуальности абхазского народа. Со всей ответственностью можно констатировать, что это очередная выдумка и преднамеренная ложь сепаратистов целиком и полностью направленная на разжигание антигрузинских настроений среди абхазского населения. В своё время, рассказывая о создании абхазской письменности во второй половине XIX в., мы специально обратили внимание на тот факт, что даже высокопоставленные чиновники царской администрации на Кавказе, которые принимали непосредственное участие в разработке абхазской азбуки, вынуждены были признать превосходство грузинского алфавита над кириллицей. В этой связи не лишнее ещё раз привести мнение ген. П. К. Услара, учёного-языковеда, для того времени крупного знатока кавказских языков, о том, что именно грузинский алфавит – по его выражению, едва ли не совершеннейший из всех существующих алфавитов – следует признать «за основание для общей азбуки всех

кавказских языков, чуждых до сих пор грамотности». Однако, в своё время, от этой идеи, как известно, власти отказались исключительно по политическим соображениям, в чём откровенно признавался тот же самый П. К. Услар: **«Если мы позаимствуем у грузин не только систему азбуки, но и начертания букв, то совершенно произвольно создадим затруднения, которые тем будут ощутительнее, чем более русская грамотность распространится по Кавказу... Туземная грамота должна служить только тому, чтобы облегчить для них изучение русского языка»**.¹⁶

Из приведённой выдержки совершенно однозначно видно, какой шрифт был в научном плане более подходящим для абхазской письменности и введение какого алфавита преследовало цель «обезличивания» абхазского этноса. Жаль только, что всю эту правду всемерно стараются скрыть от своих соотечественников нынешние вожди абхазского сепаратизма.

О пресловутом обвинении по поводу ликвидации т.н. «абхазских национальных школ». Теперь затронем ещё один вопрос, который также нередко используется идеологами абхазского сепаратизма в качестве своего рода «доказательства» попрапия исторической самобытности и этнической индивидуальности абхазского народа со стороны т.н. «грузинских шовинистов». Имеется в виду злополучное решение партийных и советских органов Абхазской АССР и Грузинской ССР о переводе обучения в абхазских школах на грузинский (а также русский) язык. Официальная формулировка постановлений, принятых Абхазским обкомом КП(б) Грузии (13 марта 1945г.) и ЦК КП(б) Грузии (13 июня 1945г.) по этому поводу была такова: *«О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР»*.¹⁷ На самом деле, действительно, как уже отметили, был осуществлён перевод всего обучения в общеобразовательных школах на грузинский язык. При этом следует особо отметить, что собственно русских школ никто не упразднял. Речь шла о переводе обучения на грузинский язык лишь в т.н. «абхазских» школах, где до того на абхазском языке обучение велось только в начальных – I-IV классах, а в 5-10 классах абхазские дети образование уже получали исключительно по-русски. В результате, целые поколения абхазов были лишены возможности овладеть государственным языком союзной республики, т.е. грузинским. Не секрет, что всё это было продолжением целенаправленной имперской политики царизма, в области просвещения, преследовавшей единственную цель окончательно разобщить жившие на протяжении многих столетии единой историко-культурной жизнью

грузинский и абхазский народы.

Вместе с тем со всей уверенностью можно сказать, что и эта реформа, наряду с реформой абхазской письменности, отнюдь не была «самодеятельностью» грузинских властей, как это преподносится широкой общественности сепаратистами. И на этот раз, соответствующие структуры, как Абхазской АССР, так и Грузинской ССР, выполняли указания высшего партийного руководства страны. Более того, как в Сухуми, так и в Тбилиси было проявлено некоторое непослушание Москве, и проведение данной реформы, фактически, было отодвинуто на несколько лет. В последнее время, уже названный нами известный сухумский исследователь доктор исторических наук Г. П. Лежава в научный оборот ввёл некоторые официальные документы ЦК ВКП(б), однозначно свидетельствующие о том, от кого, на самом деле, исходила инициатива проведения т.н. «школьной реформы».

Так вот, оказывается, ещё в 1937-1938гг. ЦК ВКП(б) принял следующие постановления: 1) «*О ликвидации и преобразовании искусственно созданных районов и сельсоветов и связанной с этим реорганизацией национальных школ*»; и 2) «*Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей*». В этом плане особый интерес вызывает постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1938г. (утверждённое на Политбюро ЦК ВКП(б) ещё 17 декабря 1937г.), в котором рекомендовалось: «а) Реорганизовать особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, эстонские, греческие, ижорские и т.д.) в советские (читай русские – **З.П.**) школы обычного типа, а также ликвидировать существовавшие при обычных советских школах особые национальные отделения. б) ...Необходимо особые национальные школы реорганизовать путем перевода их на учебные планы и программы советских школ обычного типа, с преподаванием **или на языке соответствующей республики или на русском**»; г) Наркома просвещения союзных республик лично утвердить сроки, а также порядок реорганизации каждой особой национальной школы, закончив всю работу к началу учебного года...».¹⁸

Как видим, в постановлении высшего руководящего партийного органа страны однозначно сказано, что наркомы просвещения союзных республик, в том числе естественно и Грузии, должны были завершить реорганизацию национальных школ уже к сентябрю 1938г. Однако выясняется, что ЦК КП(б) Грузии тогда воздержался от претворения в жизнь данного постановления ЦК ВКП(б). Для прояснения сложившейся тогда ситуации весьма ценные сведения при-

водит Г. П. Лежава. Оказывается, Абхазский обком партии 1938г. намеревался исполнить решение ЦК ВКП(б), однако против этого резко выступил тогдашний нарком просвещения Абхазской АССР, грузин Я. М. Дарсания, который возразил секретарю обкома К. Бечваия (также грузину) и заявил ему, что перевод обучения в абхазских школах на грузинский язык «вызовет недовольство абхазского населения». Свою позицию нарком просвещения Абхазии отстоял и в разговоре с первым секретарём ЦК КП(б) Грузии К. Н. Чарквиани, и убедил его не проводить реформу абхазских школ. В результате, К. Н. Чарквиани велел секретарю Абхазского обкома КП(б) Грузии даже не выдвигать этот вопрос для обсуждения.¹⁹

Таким образом, в 1938г. ЦК КП(б) Грузии приостановил реализацию постановления ЦК ВКП(б) и не стал проводить школьную реформу в Абхазии. Вновь этот вопрос на повестку дня был поставлен спустя 7 лет. 9 января 1945г. Абхазский обком КП(б) Грузии, заслушав доклад первого секретаря А. И. Мгеладзе «*О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазии*», принял решение о создании специальной комиссии в составе М. К. Делба (председатель), С. Сигуа (нарком просвещения Абхазской АССР), Ш. Хубутия (зав. школьным отделом обкома), А. М. Чочуа (директор АБНИИ) и И. Тускадзе (секретарь обкома по идеологии). Комиссия, изучив вопрос, подготовила докладную записку на имя первого секретаря Абхазобкома партии. Со своей стороны, опираясь на выводы комиссии, обком партии обратился в ЦК КП(б) Грузии. 13 июня 1945г. уже бюро ЦК КП(б) Грузии, в присутствии членов вышеназванной комиссии обсудило данный вопрос и «утвердило решение обкома о переводе обучения в абхазских школах на грузинский язык».²⁰

Рассказывая о проведении «школьной реформы» в Абхазии, нельзя не отметить, что абхазская интеллигенция и, прежде всего, наиболее известные педагоги автономной республики не стояли в стороне от происходивших событий. Более того, инициатива перевода обучения в абхазских школах на грузинский язык официально исходила от них. Это были видные представители абхазского педагогического корпуса, известные по всей Абхазии люди, среди них директор Моквинской абхазской средней школы, заслуженный учитель Грузинской ССР Баграт Кацья, зам. наркома просвещения Абхазской АССР Николай Герия, зав. Очамчирским РОНО А. Маргания, зав. райпедкабинетом Ашвамба, директор 1-ой Бедийской неполной средней школы Очамчирского р-на, преподаватель абхазского языка и литературы М. Х. Буава.²¹ Кроме них, как это было по-

казано выше, самое непосредственное участие в подготовке предложений по проведению реформы приняли Михаил Делба, один из высокопоставленных чинов тогдашней Абхазии, член бюро обкома партии, впоследствии председатель совета министров автономной республики, который официально возглавил специальную комиссию обкома, а также видный абхазский учёный и общественный деятель, директор АБНИИ А. М. Чочуа.

Конечно, было бы наивно думать, что названные представители абхазской интеллигенции «горели желанием» перевести обучение в абхазских школах на грузинский язык и, безусловно, не должны вызывать никакого сомнения то, что они, на самом деле, действовали по указанию «сверху». Однако, нельзя отрицать и тот факт, что в то время – в 1945г., против решения Абхазобкома КП(б) Грузии и ЦК КП(б) Грузии официально никто не выступал. Первый протест по этому поводу поступил лишь в феврале 1947г., когда с жалобой о проводимой в Абхазии школьной реформе в ЦК ВКП(б) обратились сотрудники научно-исследовательского института им. Н. Я. Марра, кандидаты филологических наук К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба и кандидат исторических наук Г. А. Дзидзария.

Жалоба, написанная от руки Г. А. Дзидзария, была отправлена на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова. Уже не раз упомянутый нами Г. П. Лежава, досконально изучивший материалы, связанные с историей отправления жалобы абхазских учёных в ЦК ВКП(б), совершенно обосновано задаёт вопрос, почему письмо было направлено именно А. А. Кузнецову, курировавшему административный отдел и управление кадрами ЦК, а не А. А. Жданову, секретарю ЦК по агитации и пропаганде. Совершенно очевидно, и это хорошо показал Г. П. Лежава, что адресат был выбран не случайно, и что именно в аппарате А. А. Кузнецова находились люди, которые, возможно, даже сами спровоцировали «инициативу» абхазских учёных.²²

То, что у К. С. Шакрыл и его команды были покровители в Москве, не должно вызывать никакого сомнения. Среди них явно подстрекательскую роль играл учёный-лингвист, ученик акад. Н. Я. Марра, зам. директора Института Языка и Мышления АН СССР, член-корр. АПН, проф. Г. П. Сердюченко, который, со своей стороны, ещё до того, как абхазские учёные отправили письмо в ЦК, написал аналогичную жалобу и направил её в аппарат ЦК ВКП(б). Как выясняется, этот же Г. П. Сердюченко являлся научным консультантом К. С. Шакрыл, с которым, помимо всего, его связывали личные дружеские отношения.²³

В этих письмах-жалобах острой критике был подвергнут курс

Абхазобкома и ЦК КП(б) Грузии в области языковой политики. В записке проф. Г. П. Сердюченко также были затронуты вопросы проведения реформы и в Южной Осетии.²⁴ ЦК ВКП(б) жалобу К. С. Шакрыл и его коллег переслал в ЦК КП(б) Грузии, который изучение поднятых в письме вопросов поручил секретарю ЦК КП(б) Грузии по идеологии, известному учёному-философу проф. П. А. Шария. Изучив состояние дел на месте, П. А. Шария составил докладную записку на имя первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Кандида Чарквиани, в которой опровергались обвинения в адрес Абхазобкома и ЦК КП(б) Грузии.²⁵

2 августа 1947г. авторы жалобы: К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба и Г. А. Дзидзария – были вызваны в обком, где им было предложено (секретарём ЦК КП(б) Грузии П. А. Шария) отказаться от письма-жалобы. В результате появилось известное «признание», в котором авторы жалобы признавали ошибочность своего поступка. Впоследствии (1991г.) один из авторов жалобы К. С. Шакрыл выступил с опровержением и стал утверждать, что его подпись под «признанием», в отличие от Б. В. Шинкуба и Г. А. Дзидзария, является подделкой. Следует отметить, что, по словам того же К. С. Шакрыла, Б. В. Шинкуба, в телефонном разговоре с ним, подтвердил, что «признание» было написано им (т.е. Багратам Шинкуба) собственноручно.²⁶ Смело можно утверждать, что не будь этого «признания», вряд ли авторы жалобы избежали бы сурового наказания и думается, что не только по партийной линии. Однако эта история тогда не закончилась. Позже, в 1953г. Б. В. Шинкуба и Г. А. Дзидзария направили письмо первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и первому секретарю ЦК КП(б) Грузии А. Мирцхулава, в котором как-бы оправдывались за то, что они «принуждены были... заявить... об ошибочности» своих поступков в 1947г.²⁷

Подытоживая освещение вопроса о школьной реформе в Абхазии, мы, конечно, далеки от того, чтобы оправдать действия тогдашнего руководства Абхазской АССР и Грузинской ССР в сфере школьного образования. Прежде всего, не выдерживает критику ликвидация начального образования на родном абхазском языке. Мы понимаем, что переводом школьного обучения на грузинский язык, руководители республики стремились предотвратить дальнейшее обрусение абхазов и вновь вернуть их в лоно общегрузинского культурно-исторического мира, однако это нельзя было делать путём упразднения начального обучения на родном языке.

Вместе с тем, мы категорически не согласны с теми обвинениями, которые по сей день обрушивают идеологи абхазского сепар-

ратизма в адрес тогдашнего грузинского руководства, якобы проводившего ярко выраженную ассимиляторскую политику в Абхазии. Если кто и проводил ассимиляторскую политику в Абхазии, то это, прежде всего, национал-сепаратистский режим Н. А. Лакоба, который, благодаря активной поддержке Москвы и при определённом попустительстве большевистского руководства Грузии, сумел обабхазить десятки тысяч грузин (в основном мегрелов), проживавших в Абхазии. Ведь не секрет, что как минимум 60% нынешних абхазов (некоторые специалисты называют более внушительную цифру) это вчерашние мегрело-грузины, люди, которые по сей день носят грузинские фамилии. И это в то время, когда огрузинившихся абхазов куда меньше. И главное, подавляющее большинство этих абхазов (в основном из Гальского района) гордятся своими абхазскими корнями и остаются поборниками грузино-абхазского исторического единства, истинными патриотами как своего родного края, так и большой Отчизны – Грузии. В то же время обабхазившиеся грузины всемерно клеймят своё грузинское Отечество и своими предательскими действиями разрушают всё то, что связывало грузин и абхазов на протяжении многих столетий.

Обвинение по поводу «массового заселения грузин в Абхазии». В идеологическом арсенале сепаратистов, наряду со злополучным вопросом о «школьной реформе», важное место занимает и т.н. «массовое заселение» грузин (из пострадавших от землетрясения районов западной Грузии) в Абхазию. Этот процесс представляется как проявление целенаправленной «колониальной» политики Тбилиси огрузинить Абхазию. В своё время мы неоднократно имели возможность на конкретном фактическом материале показать, что на территории современной Абхазии грузинский этнический элемент в численном отношении превосходил абхазов практически на протяжении всей истории и утверждения некоторых абхазских исследователей (Б. Е. Сагария, С. З. Лакоба и др.) о том, что грузинское этническое большинство здесь якобы появилось лишь в 1937-1953гг. в результате т.н. «переселенческой политики» грузинского руководства, в корне неверно.

Конечно, не будь той трагедии, которая называется махаджирством абхазов и главной виновницей которого является Россия, численность абхазского населения естественно была бы больше. И то правда, что после того, как в 60-70г. XIXв. абхазы покинули родные края и переселились в Турцию, места их обитания заняли представители других народов – русские, армяне, греки и, конечно же, грузины. Вместе с тем было отмечено также, что российские власти

всемерно старались не допустить в Абхазию большой приток именно грузинского населения и создать все условия исключительно для обрусения края.²⁸ Почему-то наши абхазские коллеги, которые ведут «точный арифметический подсчёт» когда и как переселились грузины из одного края в другой в пределах своей же страны, забывают о том, как пыталась Россия «обезличить» абхазов путём их вынужденного выселения в Османскую империю и заселения края именно чужеземцами, т.е. русскими и другими представителями т.н. русскоязычного населения.

Абхазия исторически всегда была частицей Грузии, родиной не только абхазов, но и (может быть, даже в большей степени) грузин. Это, в том числе, относится и к периоду с 1937 по 1953гг., когда происходило т.н. «массовое переселение» грузин в Абхазию. Пора всем понять, что это было одно государство, которое официально называлось «Грузинская ССР», куда в качестве её автономного образования входила «Абхазская АССР», и миграцию населения в пределах одного государства, если она даже организована государством, никак нельзя назвать преступлением. Более того, не секрет, что как в условиях Российской империи, так и во времена СССР, было единое государство, и любой гражданин независимо от национальной принадлежности мог по своему желанию выбирать постоянное место жительства. Что же касается организованного переселения людей (за исключением вынужденного изгнания отдельных «провинившихся народов») оно имело место не только в Абхазии, но и других регионах СССР, и в первую очередь, было продиктовано экономическими факторами. Вспомним хотя бы освоение целинных земель Казахстана, или же строительство промышленных гигантов в той или иной союзной республике, которое, как правило, сопровождалось переселением большой массы русского населения. В этом плане чего стоят хотя бы примеры Ингурского бумкомбината и Энгури ГЭС, когда в Зугдидском, Цаленджихском и Гальском районах появились целые поселения русских.

Почему же наших абхазских оппонентов волнует переселение нескольких десятков тысяч грузин в Абхазию, а совершенно не тревожит то, что с 1886г. по 1989г. численность русских в Абхазии выросла в 70 раз (примерно настолько же выросла численность и армян). Какой же вред нанесли именно грузины Абхазии? Может быть то, что они сделали цветущим этот край?! Сегодня всему миру видно, кто создавал материальные блага в Абхазии.

И спрашивается, вообще **была бы абхазская национальная культура, не будь тех обабхазившихся грузин, которые своим**

творчеством как раз и положили начало абхазскому национально-культурному самосознанию, формированию самой абхазской нации. Со всей ответственностью можно утверждать, что в первую пятёрку представителей абхазской национальной интеллектуальной элиты входят именно те деятели, грузинское (мегрельское) происхождение которых не вызывает никакого сомнения. Это: основоположник абхазской литературы, один из создателей абхазского алфавита – **Дмитрий Гулиа**; названный самими же абхазскими учёными-критиками основоположником абхазской прозы **Иванэ Папаскири**; классик абхазской поэзии – **Иуа Когония**, крупнейший учёный-педагог **Андрей Чочуа** и, наконец, самый именитый учёный-историк **Георгий Дзидзария**.

Глава XVII

СЕПАРАТИСТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В АБХАЗИИ В 50-70-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Сепаратистское выступление абхазов в 1957г. Изменение политического курса нового коммунистического руководства СССР, наметившееся после смерти И. В. Сталина и ухода с политической арены Л. П. Берия, создали благоприятный фон для «исправления ошибок, допущенных» ЦК и Абхазобкомом КП Грузии в годы культа личности и т.н. «бериевщины». В 1954г. срочно был изменён алфавит, и абхазская письменность была переведена на Кириллицу. Были восстановлены т.н. «абхазские» школы, где (кроме начальных классов) обучение велось, естественно, на русском языке. Всё это, как совершенно правильно указывает неоднократно упомянутый нами сухумский историк Г. П. Лежава, означало «возврат к прежней тенденции создания условий для обрусения абхазского населения и пресечения попыток их огрузинивания».¹

XX съезд КПСС и кровавая расправа над мирной демонстрацией студентов в Тбилиси 9 марта 1956г. дали новый толчок всплеску антигрузинских настроений в Абхазии, откуда в Москву начали поступать письма-жалобы, в которых остро критиковалась деятельность ЦК КП Грузии в области национальной политики. Более того, абхазские деятели, выступая в роли чуть ли не главных обвинителей, требовали от вышестоящих органов «привлечь к строжайшей партийной и политической ответственности всех организаторов, активных участников и попустителей националистической демонстрации в Грузии и Абхазии 5-9 марта 1956г.».²

В этот период, на передний план выдвинулись новые лидеры, среди которых особо выделялся зав. отделом пропаганды и агитации Абхазского обкома КП Грузии А. Т. Отырба. Именно он возглавил «абхазский фронт» на партийно-идеологическом участке, при этом стремясь продвинуться вверх на партийно-иерархической лестнице. Известно, что ещё в 1953г. бюро ЦК КП Грузии обсуждало возможность его назначения на пост первого секретаря Абхазобкома КП Грузии, однако оно не приняло такого решение только потому, что А. Т. Отырба (там же на бюро) открыто обвинил (явно по указанию Москвы) ЦК Компартии Грузии в проведении асимилиаторской политики в Абхазии.³

С усилением позиций Н. С. Хрущёва в ЦК КПСС националистически настроенные силы в Абхазии стали всё больше нагнетать

обстановку в автономной республике. В этой ситуации ни ЦК, ни Абхазский обком КП Грузии не оказались на высоте и фактически капитулировали как перед новым кремлёвским руководством, так и перед натиском абхазских националистов. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы выступление первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии О. Д. Гоциридзе на собрании актива Абхазской организации КП Грузии 16 августа 1956г., обсудившего вопрос «*О Постановлении Президиума ЦК КПСС от 10 июля 1956 г. «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии» и итогах II пленума ЦК КП Грузии и задачах Абхазской областной партийной организации»*. Так вот, на этом собрании О. Д. Гоциридзе прямо заявил, что «в Абхазии и Южной Осетии искусственно разжигалась рознь между грузинами, абхазами, армянами, осетинами, **умышленно проводилась линия по ликвидации национальной культуры местного абхазского, армянского и осетинского населения, осуществлялась его насильственная ассимиляция**».⁴

Однако тогдашних лидеров абхазского сепаратизма не удовлетворило «признание ошибок» прошлого со стороны грузинского руководства. В 1957г. они перешли «в решающее наступление» против Тбилиси. Поводом на этот раз послужила книга известного грузинского филолога П. И. Ингороква «*Георгий Мерчуле*». Данная книга была издана ещё в 1954г., но «крамольные» тезисы учёного достоянием широкого читателя стали лишь после того, как в июле 1955г. газета «*Заря Востока*» опубликовала рецензию акад. Г. С. Ахвледиани на эту книгу. В ней автор поддержал положение П. И. Ингороква о том, что абхазы раннего средневековья были этническими грузинами.

Публикация рецензии акад. Г. С. Ахвледиани возмутила абхазов, и они в ультимативной форме потребовали от грузинского руководства изъятие книги П. И. Ингороква. Ситуацию не удалось смягчить даже после появления в журнале «*Мнатоби*» (№12, 1956) статей акад. Н. А. Бердзенишвили⁵ и известного филолога-лингвиста, абхазоведа К. С. Ломтатидзе,⁶ в которых достаточно резкой критике были подвергнуты отдельные положения П. И. Ингороква. Уже во втором номере 1957г. того же журнала «*Мнатоби*» появились публикации Г. С. Ахвледиани,⁷ а также С. Г. Каухчишвили⁸ и Д. Кобидзе,⁹ в которых авторы отстаивали правильность концепции П. И. Ингороква. Это уже, как говорится, «переполнило чашу терпения» абхазов, и они незамедлительно «приступили к делу».

Уже 11 апреля 1957г. на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва посыпались телеграммы от представителей абхазской

общественности, среди которых были зам. зав. отделом Гудаутского РК КП Грузии, в последствии известный абхазский историк Б. Е. Сагария, видный партийный работник, в 80-х годах секретарь Абхазобкома КП Грузии по идеологии Р. М. Бутба и др. В этих телеграммах-жалобах направленных в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР, ни больше, ни меньше, был поставлен вопрос о выходе Абхазии из состава Грузинской ССР.

Параллельно, 11, 12, 13 апреля в Сухуми начались волнения. Абхазцы окружили здание обкома партии, прекратили занятия студенты абхазской национальности Сухумского госпединститута и педучилища. Было созвано экстренное заседание учёного совета Сухумского госпединститута, которое официально осудило публикации в журнале *«Мнатоби»*. Одновременно отдельные представители абхазской интеллигенции разъехались по районам и сёлам автономной республики и начали призывать к протесту абхазских крестьян. Демонстративно не вышла на репетицию абхазская труппа драматического театра, отказался выступить на концерте в Тбилиси руководитель ансамбля абхазской песни и пляски А. Чичба и т.д.¹⁰ Таким образом, был создан фон т.н. «всеобщего неповиновения» абхазского населения.

Высшее партийное руководство Грузии незамедлительно отреагировало на события в Абхазии и уже 12 апреля срочно созвало заседание Бюро ЦК КП Грузии, которое обсудило вопрос *«Об ошибочной дискуссии организованной журналом «Мнатоби» по книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле»*. В работе бюро, наряду с его членами, принимали участие и выступили И. К. Тарба, А. М. Лабахуа, Х. С. Бгажба, А. Т. Отырба. Бюро ЦК КП Грузии осудило публикации в журнале *«Мнатоби»* и признало ошибочной дискуссию по вопросу, который, по существу, ставит под сомнение историческое прошлое абхазского народа. Было особо подчёркнуто, что «публикация подобных материалов на страницах республиканских журналов и газет наносит большой вред делу воспитания, укрепления дружбы между народами и создаёт условия для различного рода националистических проявлений».¹¹ Вместе с тем Бюро ЦК КП Грузии высказало недовольство тем, что Абхазский обком КП Грузии «не сумел предупредить антиобщественные действия отдельных враждебно настроенных элементов».¹²

15-16 апреля 1957г. уже состоялось заседание Бюро Абхазского обкома КП Грузии, на котором рассматривался один вопрос: *«О решении бюро ЦК КП Грузии от 12 апреля 1957г. «Об ошибочной дискуссии, организованной журналом «Мнатоби» по книге П. Ингороква*

«Георгий Мерчуле». На Бюро были одобрены решения ЦК КП Грузии и приняты «к неукоснительному руководству и исполнению».¹³ После принятых ЦК и Абхазским обкомом КП Грузии решений напряжённость в автономной республике постепенно стихла и конфликтную ситуацию на этот раз, в целом, удалось урегулировать.

Завершая рассказ о т.н. «всеабхазском бунте» 1957г., мы считаем необходимым сделать некоторые комментарии. Первое, на что мы хотим обратить внимание, это то, что сепаратистски настроенные силы в Абхазии удачно выбрали момент для нанесения решающего удара против Тбилиси. Как известно, после событий 5-9 марта 1956г. Грузия и грузинский народ кремлёвским руководством были объявлены главными возмутителями спокойствия. Вот этим и воспользовались лидеры сепаратистов, которые своими «изобличительными» доносами в Москву, как говорится, сами «подливали масло в огонь», и этим самым придавали дополнительный импульс антигрузинской истерии центра. Совершенно прав Г. П. Лежава, специально изучивший антигрузинские выступления абхазов 50-80-х годов XXв., когда отмечает, что «под прикрытием исправления ошибок сталинского руководства в национальной политике, создавались условия для возобновления националистического движения в Абхазии».¹⁴

Что же касается повода, который был использован абхазскими сепаратистами, то без всякого преувеличения можно сказать, что он был явно надуман. В своё время мы неоднократно высказывали своё отношение к точке зрения П. И. Ингороква и отмечали, что современная грузинская историография (в том числе и автор этих строк), в целом (за исключением отдельных исследователей), не разделяет концепцию П. И. Ингороква и не ставит под сомнение этническую принадлежность абхазов («абазгов», «апсиллов») раннего средневековья к адыго-абхазскому этническому миру. Однако, вместе с тем, со всей убеждённости можно утверждать, что концепция П. И. Ингороква появилась не случайно. Она была своего рода ответной реакцией на те тенденции искажения исторического прошлого грузинского и абхазского народов, которые обозначились ещё в 20-х годах, в период разгула национал-сепаратистского режима Н. А. Лакоба. Мы имеем в виду публикации Симона Басария, Семёна Ашхацава, К. Кудрявцева и др., о которых также говорилось выше. Как верно замечает тот же Г. П. Лежава, грузинского учёного на эти новации подтолкнуло и то, что некоторые абхазские деятели, исходя из признания абхазов аборигенами (единственными – **З.П.**) на своей территории, ставили вопрос об обязательном отделении Абхазии от Грузии.¹⁵

И, наконец, нельзя не отметить некоторую капитулянтскую позицию тогдашнего коммунистического руководства Грузии во главе с В. П. Мжаванадзе, которое, сделав акцент на «ошибочность» действий грузинской стороны, наказало одних только грузин (партийному взысканию подверглись редактор журнала «*Мнатоби*» С. Чиковани, зав. отделом науки, школ и культуры ЦК КП Грузии М. Квеселава, секретарь ЦК КП Грузии по идеологии Д. Мchedlishvili). На этом фоне, лидеры «абхазского бунта», наоборот, продвинулись ещё выше по партийно-иерархической лестнице и заняли «командные высоты» во властных структурах автономной республики. Со всей ответственностью можно констатировать (и это наглядно показали события последующих десятилетий), что подобными действиями ЦК КП Грузии создавал лишь видимость решения т.н. «абхазского вопроса». На самом же деле капитулянтский курс, взятый коммунистическим руководством тогдашней Грузии, показал всю слабость Тбилиси, чем подтолкнул сепаратистски настроенные силы в Абхазии на новые «подвиги» в своей «освободительной борьбе». Плоды этой капитулянтской политики руководству Грузии пришлось пожинать уже через десять лет – в 1967г., когда вспыхнул новый антигрузинский «мятеж» в Абхазии.

Антигрузинский мятеж абхазских сепаратистов в 1967г.

Поводом нового всплеска националистической истерии и на этот раз стали научные публикации, в которых, по мнению идейных «вождей» абхазского сепаратизма, «неверно освещалось» историческое прошлое абхазского народа. Первые симптомы грядущего «общенационального бунта» появились ещё в 1965г., когда абхазы встретили в штыки издание книги видного абхазского филолога, лингвиста и литературоведа проф. Х. С. Бгажба «*Бзыбский диалект абхазского языка*». ¹⁶ За «крамольные» взгляды (в книге «неверно» объяснялось происхождение отдельных абхазских фамилий) Х. С. Бгажба был смещён с поста директора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

В 1966г. в Тбилиси был издан III том научных трудов акад. Н. А. Бердзенишвили: «*Вопросы истории Грузии*», в котором была помещена статья учёного «*Маленькое замечание по большому вопросу*». В этой статье представители абхазской интеллигенции «обнаружили» отдельные положения, которые, по их мнению, ставили под сомнение этнокультурную индивидуальность абхазского народа. Духовных лидеров абхазского сепаратизма возмутила и оценка данная Н. А. Бердзенишвили деятельности владетельного князя Абхазии Келеш-бея Шарвашидзе. В частности, они объявили антима-

учным его высказывание о том, что «всякое стремление к самостоятельности со стороны деятелей абхазской истории следует квалифицировать как явление реакционное и предательство по отношению к Грузии».¹⁷

На самом же деле в данной статье (да и в других работах акад. Н. А. Бердзенишвили) говорилось лишь об историко-культурном единстве грузин и абхазов, что же касается этнической принадлежности абхазов, то этот вопрос Н. А. Бердзенишвили оставлял открытым, хотя в этой статье вроде бы допускалась возможность картвельского (этнического) происхождения абхазов раннего средневековья. По мнению учёного, при определении этнической принадлежности того или иного народа, не следует придавать решающее значение языковому фактору.¹⁸ В этой связи, он в пример приводит современных азербайджанцев. «По языку теперешние азербайджанцы, – пишет Н. А. Бердзенишвили, – чистые турки, но разве они являются турками по происхождению? Кто может отрицать, что по своему происхождению они, хотя бы наполовину, не кавказские «албанцы»?». ¹⁹

Говоря же об абхазах, учёный обращает внимание на то, что этническая пестрота на территории Абхазии, характерная для античного периода, уже в «феодальный период истории Грузии» не наблюдается, и что в это время территория нынешней Абхазии состояла из независимых друг от друга эриставств. «Среди них **только одно называлось Абхазским**» (курсив Н. А. Бердзенишвили). Оно охватывало территорию «от современного Нового Афона (Анакопия) до Капоети-реки (Бзыби), или до теснин Гагры». Тут же акад. Н. А. Бердзенишвили подчёркивает, что «**для создания административной единицы феодальной эпохи исходным принципом был племенной фактор**».²⁰

Из этих рассуждений вытекает вывод, что Н. А. Бердзенишвили явно признавал этно-племенную индивидуальность населяющих Абхазское эриставство абхазских племён, хотя он не считает их более отдалёнными от лаз-иберов племенами, чем сваны, месхи, эри. В связи с этим учёный обращает внимание и на древнегрузинскую историческую традицию («*Картлис цховреба*»), согласно которой «Абхазское эриставство» территориально было частью страны-удела Эгрота. «Это предание, – пишет Н. А. Бердзенишвили, – весьма достоверное свидетельство как **этнического родства** племён Грузии, так и их культурно-исторического сотрудничества».²¹

Таким образом, акад. Н. А. Бердзенишвили в рассматриваемой статье, правда несколько гипотетически, но всё же допускал воз-

возможность этнического родства т.н. «древних абхазов» с картвельскими племенами (в других работах учёного это не встречается), что, на фоне точки зрения П. И. Ингороква, действительно могло вызвать некоторое раздражение сепаратистов. Несмотря на это, со всей категоричностью можно утверждать, что использование данной публикации для политических спекуляций было в корне неоправданным, так как целью грузинского учёного было вовсе не установление этнического происхождения абхазов, а показ бесспорного факта, что «**Абхазия культурно-исторически органическая часть Грузии, и что абхаз культурно-исторически (а не этнически – З.П.) был грузином...**», также как карт, эретинец, кахетинец, месх, клардж, шавш, эгри, сван, зан и т.д.».

То, что здесь совершенно не подразумевается этническая сторона, видно невооружённым глазом во второй части статьи, где автор даёт оценку деятельности владетельного князя Келаиш-Ахмед-бея Шарвашидзе. В ней акад. Н. А. Бердзенишвили **современных абхазов однозначно считает братским грузинам народом**. Он упрекает тех, кто объявляет Келеш-бея Шарвашидзе героем абхазского народа. **«Келеш-бей и ему подобные, – пишет учёный, – это отрицание тысячелетней истории Абхазии, отрицание тысячелетнего культурно-исторического сотрудничества с братьями, отторжение от грузин, предательство Грузии (да и самой Абхазии)**. И как может сегодня советский абхазский гражданин (т.е. нынешний абхаз – З.П.), отречься от собственного прошлого, от собственной славной истории и признать героем того, кто отрицал эту историю? Героем был Леон I, объединитель Лихтимерети, героями были те Георгии и Константины, которые делали всё для объединения Грузии-Кавказа. Героями были строители Мокви, Бедии, Лыхны и Анакопии, строители единой Грузии, а не Келаиш-Ахмед-беги – послушные рабы султана. Героем был тот абхазский юноша (сын владетеля), который в Хресильской битве вместе с царём Соломоном сражался против осмалов,* а не Келаиш-Ахмед-бег, возглавлявший решающий поход Османской империи в Рухском сражении.²² **...Мокви, Анакопия, Бедия, Лыхны, Бичвинта... памятники созданные в теснейшем сотрудничестве с грузинскими братьями и свидетельства этого исторического**

* Имеется в виду Хресильское сражение в 1757г., когда Хутуния Шарвашидзе – сын самурзаканского владетеля, проявив исключительный героизм (ворвался в лагерь неприятеля и лично заколол 16 турок), пал смертью храбрых. Об этом см. выше: с. 92.

сотрудничества».²³

Как видим, приведённая цитата из «крамольной» статьи акад. Н. А. Бердзенишвили не оставляет никакого сомнения у объективного читателя в том, что он **однозначно признавал идентичность современных абхазов с теми абхазами, которые на рубеже VIII-IX вв. вместе со своими грузинскими собратьями создавали единое западногрузинское государство – Царство «Абхазов» с общим грузинским государственным языком и общей грузинской христианской цивилизацией.**

Но, к сожалению, идеологи абхазского сепаратизма закрыли на всё это глаза и, используя инсинуации вокруг труда акад. Н. А. Бердзенишвили, призвали своих соотечественников к решительным действиям. Помимо третьего тома трудов Н. А. Бердзенишвили, резкой критике были подвергнуты также публикации С. Г. Каухчишвили²⁴ и Н. Кечакмадзе,²⁵ в которых отдельные топонимические названия Абхазии объяснялись при помощи грузинского языка.

Страсти накалились после того, как из Тбилиси в Сухуми начали поступать письма-жалобы студентов-абхазов, обучавшихся в столичных вузах. Они были адресованы как близким, так и официальным органам автономной республики. Эти письма-жалобы вызвали возмущение, в первую очередь, студентов-абхазов Сухумского госпединститута, а также сотрудников Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Так начались волнения, которые своего апогея достигли 7-9 апреля 1967г.²⁶

То, что время нового выступления сепаратистски настроенных сил было выбрано преднамеренно, не должно вызывать никакого сомнения. Оно, как говорится, с «арифметической точностью» совпало с десятилетним «юбилеем» первого «всеабхазского бунта». Роль инициатора нового выступления отводилась молодёжи. Ещё в середине марта 1967г., студенты Сухумского госпединститута (45 подписей) направили в официальные структуры автономной республики обращение, в котором в ультимативной форме потребовали переименования названий отдельных населённых пунктов с грузинских на абхазские.²⁷ 28 марта 1967г. абхазцы уже самовольно приступили к реализации требований по переименованию населённых пунктов. Так, техник Сухумской АТС, некий Абгаджава и водитель Цкуа замазали краской все грузинские надписи на дорожных знаках начиная от Сочинского р-на до Пицунды, за что они были арестованы. В ответ, 31 марта 1967г. группа жителей Гагры прибыла в Сухуми, где к ним присоединились местные жители (всего около 150

человек). Обе группы направились в обком партии и Совет министров автономной республики. Официальные власти Абхазии, испугавшись дальнейшей эскалации протеста немедленно освободили задержанных.²⁸ Однако это не удовлетворило сепаратистов, и они перешли к более решительным действиям.

7 апреля 1967г. абхазцы (около 400 человек) окружили здание Абхазского обкома КП Грузии, а позже направились к летнему театру и самовольно заняли его. Здесь поздно ночью (в 12 часов) состоялась встреча с руководством автономной республики. Однако протестовавших не удовлетворили разъяснения местных руководителей и они потребовали прямого вмешательства союзного центра. Речь почему-то шла о необходимости приезда одного из секретарей ЦК КПСС. Одновременно было подготовлено письмо в адрес ЦК КПСС, в котором вновь был поставлен вопрос об отделении Абхазии от Грузинской ССР и её преобразовании в союзную республику.²⁹

Встреча руководителей автономной республики завершилась ничем. Более результативной оказалась вторая встреча – 9 апреля. После неё большая часть митингующих покинула здание летнего театра. Остались лишь активисты (около 100 человек), которые избрали редакционную комиссию (в количестве 20 человек) по подготовке «Обращения» в ЦК КПСС. В эту комиссию вошли доцент Сухумского госпединститута, канд. филологических наук Т. П. Шакрыл,* молодой писатель Дж. Ахуба, юрист Н. Колбая, народный артист А. Агрба и др. 10 апреля документ был уже готов. Одновременно был определён состав делегации, которая должна была отправиться в Москву. В неё вошли Т. П. Шакрыл, Дж. Ахуба, А. Агрба, Х. Х. Чамагуа, О. Б. Шамба, а также А. Ш. Зухба и О. Н. Дамения, которые к делегации должны были присоединиться в Москве.³⁰ Помимо названных лидеров антигрузинского мятежа, в Москву отправились Ш. Д. Хаджимба, И. Г. Мархолия, А. Шларба. От поездки отказались знатный шахтёр О. Б. Шамба, колхозник К. Ф. Шларба и зам. декана Сухумского госпединститута В. Б. Кураскуа. Делегация в сопровождении 10 молодчиков, своего рода группы охраны, выехала в Москву из Адлера на поезде.³¹

В «Обращении» в ЦК КПСС приводились факты «притеснения» Абхазии со стороны Тбилиси. В частности указывалось, что все совхозы автономной республики, а также 90% промышленных

* Эта та Тамара Шакрыл, которая погибла в конце 2004г. во время штурма здания «парламента» сторонниками нынешнего «президента» сепаратистской Абхазии С. В. Багапша.

предприятий и 83% торговых организации, находятся в подчинении Тбилиси.³² Доходы от курортов и туризма (50% общего бюджета Абхазии) полностью изымаются в бюджет Грузинской ССР. Происходит хищническое истребление лесных богатств Абхазии и т.д. Вместе с тем в документах, направленных в ЦК КПСС, сепаратисты ставили вопрос о переименовании отдельных топонимов на абхазский лад; об обеспечении преимущественной прописки в городах абхазцев и предпочтительном их трудоустройстве; о введении обязательного изучения абхазского языка во всех школах автономной республики; о назначении на руководящие посты исключительно абхазов; об организации переселения из Турции 200 тысяч абхазов – потомков махаджиров; о введении делопроизводства на абхазском языке и др. Подытоживая эти и другие свои требования, авторы «Обращения» делали вывод, что реализация этих «насуточных» задач невыполнима в условиях нахождения Абхазии в составе Грузинской ССР. Исходя из этого, предлагалось отделение Абхазии от Грузии и объявление её союзной республикой.³³

18 апреля 1967г. «делегацию» принял ответственный работник ЦК КПСС В. Васильев (он был куратором Грузии), но «официальные документы» не были переданы ему. Т. П. Шакрыл и К^о добивались встречи исключительно с одним из секретарей ЦК КПСС (с кем именно, не уточнялось) или Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. Но эта затея сепаратистов провалилась, и они, сдав «документы» в приёмную ЦК КПСС, возвратились в Сухуми.³⁴

Тем временем, ЦК КП Грузии провёл определённую работу по урегулированию ситуации в Абхазии. Ещё 31 марта состоялось заседание бюро ЦК КП Грузии, которое рассмотрело докладную записку за подписью первого секретаря Абхазского Обкома КП Грузии В. О. Кобахия, Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии Б. В. Шинкуба и Председателя Совета Министров Абхазии М. Г. Чиковани. В работе бюро, кроме названных руководителей автономной республики, принимали участие первые секретари горкомов и райкомов Абхазии: С. Алания (Гудаута), И. Г. Амичба (Очамчире), Кварандзия (Ткварчели), Х. Джикия (Гагра), В. Кокая (Сухумский р-н). Какое-либо конкретное решение на этот раз не было принято и бюро ограничилось лишь «обсуждением», признав ошибочной публикацию статей акад. Н. А. Бердзенишвили и некоторых других работ грузинских учёных. Было также признано справедливым требование о восстановлении абхазских названий отдельных населённых пунктов и т.д.³⁵

12 апреля 1967г., по завершении очередной сессии Верховного Совета Грузинской ССР, в ЦК КП Грузии состоялась встреча с депутатами из Абхазии, в которой её участники единодушно осудили «неправильные действия отдельных представителей интеллигенции Абхазии».³⁶ 14 апреля же состоялось весьма важное заседание бюро ЦК КП Грузии, на которое были приглашены ведущие грузинские учёные академики Г. В. Церетели и Г. А. Меликишвили, профессора: Ш. А. Месхия, М. К. Думбадзе, И. Г. Антелава, Н. Стура, М. Д. Лордкипанидзе и др. Формулировка рассматриваемого на бюро вопроса была такова: «1. О нездоровых проявлениях в Абхазии, 2. О серьезной оплошности, допущенной при издании III тома избранных сочинений академика Н. А. Бердзенишвили. 3. О переименовании некоторых сёл Абхазской АССР».³⁷ В ходе заседания бюро, грузинским учёным удалось отстоять книгу Н. А. Бердзенишвили и она не была «передана анафеме», как того требовали сепаратисты. На этом же бюро был одобрен проект Указа Президиума Верховного Совета Грузинской ССР «О переименовании названий некоторых сёл Абхазской АССР».

Заседание бюро ЦК КП Грузии признало ошибочным включение в III том трудов акад. Н. А. Бердзенишвили статью «*Маленькое замечание по большому вопросу*». Вместе с тем, в постановлении бюро ЦК КП Грузии однозначно было отмечено, что «Некоторые лица в Абхазии, использовав» публикацию данной статьи «в качестве повода... стали на путь подстрекательства абхазского населения к выступлению в знак протеста против якобы ущемляемых интересов абхазского народа».³⁸ Исходя из этого, бюро ЦК КП Грузии обязало «Абхазский обком партии, Сухумский горком и райкомы КП Грузии принять исчерпывающие меры, исключаящие в дальнейшем нездоровые проявления».³⁹

Несмотря на то, что в целом «в постановлении (бюро) политические акценты», безусловно, были «расставлены правильно»,⁴⁰ и событиям в Абхазии была дана достаточно строгая оценка, некоторая противоречивость в действиях ЦК КП Грузии всё же наблюдалась. Это, в первую очередь, выразилось в том, что высший партийный орган Грузии, призвав отделы «пропаганды, науки и учебных заведений ЦК КП Грузии **осуществлять постоянный контроль и оказывать помощь (!)** научно-издательским учреждениям и высшим учебным заведениям **в дальнейшем повышении теоретического и идейного уровня издаваемой печатной продукции**»,⁴¹ фактически, установил жёсткую цензуру, в результате которой грузинские учёные долгое время были лишены возможности давать

должный отпор фальсификаторской пропаганде сепаратистски настроенных учёных, широко развёрнутой в Абхазии в 70-х годах.

Следует особо отметить, что любая инициатива отдельных грузинских исследователей (кстати, таких «смельчаков» в тот период было немного) как-то отреагировать на «историографический беспредел» абхазских коллег, в корне пресекалась властями, а сепаратистская пропаганда тотчас же объявляла этих исследователей фальсификаторами истории и «врагами» абхазского народа. В начале 70-80-х годов этой «честью» удостоились такие известные грузинские историки как: акад. М. Д. Лордкипанидзе, проф. Н. Ю. Ломоури и некоторые другие.*

Однако вернемся к событиям 1967г. 18 апреля в Сухуми состоялось собрание партийно-хозяйственного актива Абхазской АССР, на котором с докладом выступил первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе. В резолюции собрания было констатировано, что оно «решительно осуждает самочинный сход, состоявшийся в г. Сухуми 7-9 апреля 1967г. и призывает партийные и советские, профсоюзные и комсомольские организации... настойчиво укреплять трудовую и государственную дисциплину, проявлять непримиримость к любым нарушениям советского правопорядка и социалистической законности».⁴²

Обстоятельный разговор на эту же тему был продолжен на VII Пленуме Абхазского обкома КП Грузии, на котором первый секретарь обкома В. О. Кобахия осудил действия подстрекателей антигрузинского мятежа. «Нельзя мириться, – говорил партийный руководитель Абхазии, – с любыми проявлениями национальной ограниченности, от кого бы они ни исходили... Мы знаем тех людей, которые подогревали ненужные страсти. Неприглядную, если не сказать более резко, роль, в частности, играли старший преподаватель пединститута со степенью кандидата наук Т. Шакрыл, экономист Ш. Хаджимба, литератор Д. Ахуба, директор Гагрской восьмилетней школы Б. Бения, учитель Х. Чамагуа».⁴³

Но у сепаратистского бунта были и другие, более влиятельные лидеры, о которых открыто не говорил В. О. Кобахия. Это, прежде всего, заместитель Председателя Совета Министров Абхазии А. Т. Отырба, которого однозначно считали руководителем т.н. «подпольного обкома». Почти открыто поддерживали участников схода и

* В этом плане немало досталось и автору этих строк, который, идеологами сепаратистского движения, в своё время (в начале 80-х годов), фактически был объявлен персоной «non grata» в Абхазии.

фактически выступали «в роли организаторов волнений» тогдашний министр культуры автономной республики В. Кварчелия и заместитель директора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР А. Хонелия.⁴⁴ У партийного руководства Грузии были сведения о том, что «некоторые из организаторов акции, имеющих националистическую направленность», искали поддержку у Б. В. Шинкуба, известного абхазского поэта и учёного, который тогда занимал (третий, по иерархической лестнице власти) пост Председателя Президиума Верховного Совета автономной республики.⁴⁵

Несмотря на достаточно принципиальную оценку, которая была дана очередному «абхазскому бунту» как со стороны ЦК КП Грузии, так и Абхазского обкома партии, со всей убеждённостью можно сказать, сепаратисты вовсе не чувствовали себя побеждёнными. Более того, оргвыводы, которые были сделаны высшим партийным руководством Грузии, вселяли определённую надежду у сепаратистски настроенной части абхазского населения и создавали весьма благоприятную конъюнктуру для дальнейшего укрепления позиции абхазской номенклатуры. Так вот, ни один из видных «деятелей» т.н. абхазского «национального движения» практически не пострадал. В какой-то мере единственным исключением можно лишь считать отстранение от педагогической деятельности в вузе Т. П. Шакрыл, которую перевели «на научную работу» в Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

На этом фоне, куда более внушительным выглядели репрессивные меры по отношению грузинской партийной номенклатуры. Так, 21 мая 1967г. пленум Абхазского обкома КП Грузии, в работе которого принимал участие второй секретарь ЦК КП Грузии П. А. Родионов, демонстративно вывел из состава бюро обкома партии и освободил от занимаемых должностей второго секретаря Абхазского обкома КП Грузии Д. В. Гогохия и Председателя Совета Министров автономной республики М. Г. Чиковани. В то же время, вопрос об ответственности «абхазских товарищей», в первую очередь В. О. Кобахия и Б. В. Шинкуба, никто и не ставил. Наоборот, они после апрельских событий ещё больше укрепили своё влияние.

Таким образом, вновь был создан прецедент наказания одних грузин. Это, естественно, ещё больше подхлестнуло идеологов национал-сепаратизма, которые с этого времени не пропускали любой повод для очередной демонстрации своей «боееспособности», как это было сделано, например, в 1968г., когда они встретили в штыки публикацию книги И. Адамия «Грузинское народное зодчество».⁴⁶

В ней автор повторял тезис П. И. Ингорквва о происхождении абхазов. ЦК КП Грузии вновь показал сепаратистам свою «принципиальность» в отношении к т.н. «фальсификаторам» истории абхазского народа и в газете *«Заря Востока»* (4.VI.1968) срочно поместил редакционную статью под весьма громогласным названием: *«С чувством ответственности перед историей»*, в которой были подвергнуты резкой критике положения И. Адамия, что было воспринято сепаратистами как очередная их победа.

Завершая рассказ об «антигрузинском мятеже» в Абхазии 1967г., мы хотим привести оценку, данную этим событиям известным грузинским учёным-историком и общественным деятелем Д. Г. Стуруа. Его оценка тем более заслуживает внимания, что он тогда был одним из партийных руководителей Грузии, секретарём ЦК по идеологии и непосредственно находился в гуще событий. Так, по мнению Д. Г. Стуруа, сепаратисты «путч» 1967г. «рассматривали как **очередной этап** (курсив Д. Г. Стуруа) в осуществлении своих конечных вероломных планов». Вместе с тем, они «добивались (и не без успеха) получения от руководства Грузии уступок такого характера, которые подняли бы их авторитет, или как сейчас говорят и пишут, рейтинг, чтобы предстать перед общественностью борцами за национальные интересы абхазского народа» и одновременно «протащить» на руководящие посты своих людей». ⁴⁷ Понимало ли всё это руководство Грузии и осмысливало ли оно суть происходящих в Абхазии событий? – задаёт вполне естественный вопрос Д. Г. Стуруа, и сам же отвечая на него утвердительно, пытается объяснить, «почему же в таком случае оно шло на заведомые уступки? Почему не назывались вещи своими именами? Почему, как правило, избегали наказания сепаратисты и карьеристы?». ⁴⁸ Однако аргументы, приводимые Д. Г. Стуруа в оправдание действий тогдашнего партийного руководства Грузии, ⁴⁹ весьма шаткие. Единственное, с чем действительно можно согласиться, то, что Тбилиси, «в процессе преодоления этих конфликтов», безусловно, зависел от союзного центра, ⁵⁰ и что сами эти выступления вообще были инициированы Москвой.

Сепаратистские выступления абхазов в 1977-1978гг. 70-е годы XX столетия ознаменовались новым всплеском национальной напряжённости в Абхазии. Сепаратистские силы, выиграв (в 1967-1968гг.) очередной раунд у центральной власти Грузинской ССР, ещё больше укрепили свой позиции и стали играть ведущую роль в общественно-политической жизни автономной республики. Политическое руководство тогдашней Абхазии, особенно в лице первого секретаря Абхазобкома КП Грузии В. О. Кобахия и Председателя

Президиума Верховного Совета Абхазской АССР Б. В. Шинкуба, полностью стало креатурой сепаратистских кругов. Однако среди представителей высшей абхазской партийной номенклатуры были отдельные деятели, которые явно не вписывались в этот сценарии. К таковым, в первую очередь, следует отнести секретаря Абхазского обкома КП Грузии по идеологии М. Ш. Хварцкия, который тогда (в отличие от сегодняшнего дня) занял критическую позицию по отношению скрытого сепаратистского курса, проводимого В. О. Кобахия и Б. В. Шинкуба.

В 1972г., после того, как сменилось высшее партийно-политическое руководство Грузии и к власти пришёл молодой, энергичный Э. А. Шеварднадзе, как известно, по всей Грузии началась кардинальная «чистка» прежнего партийно-хозяйственного аппарата, которая коснулась и Абхазской АССР. В 1975г. новому руководителю Грузии удалось сместить В. О. Кобахия с поста первого секретаря обкома и на эту должность выдвинуть своего протеже В. М. Хинтба. Выбор на молодого работника пал не случайно. Он был из команды Э. А. Шеварднадзе, так как до этого работал министром внутренних дел Абхазии, а Э. А. Шеварднадзе, будучи министром внутренних дел Грузии, был его прямым начальником. После того, как Э. А. Шеварднадзе стал первым секретарём ЦК, В. М. Хинтба уже был переведён в аппарат ЦК КП Грузии, где вновь работал непосредственно под руководством своего бывшего шефа.

Громкое увольнение В. О. Кобахия и назначение на его место В. М. Хинтба пришлось явно не по душе сепаратистским кругам в Абхазии. Они, не без основания, усмотрели в этом попытку грузинского руководства ослабить сепаратистские тенденции в Абхазии и поднять роль центра. Первые шаги в этом направлении были предприняты ещё в 1973г., когда по «рекомендации» ЦК КП Грузии из Тбилиси в Абхазию были направлены и назначены на ключевые руководящие посты: Ш. Татарашвили (Председателем Совета Министров Абхазской АССР), А. П. Сакварелидзе (вторым секретарём Абхазобкома КП Грузии) и Г. Жоржолиани (первым секретарём Сухумского горкома КП Грузии). Всё это идейные вожди абхазского сепаратизма восприняли как своего рода «реставрацию» т.н. «сталинско-бериевской» конъюнктуры. Однако они не сразу перешли в контрнаступление и постепенно, исподволь, стали готовить ответный удар по грузинскому руководству.

В первую очередь, они попытались переманить на свою сторону В. М. Хинтба. Несмотря на то, что в действиях молодого лидера Абхазии можно усмотреть некоторую противоречивость и, может

быть, даже нерешительность, нельзя сказать, что он пошёл на поводу у сепаратистов. Более того, его отстранение в апреле 1978г. в некотором роде выглядело как уступка перед сепаратистами. Однако, обо всём этом по порядку.

Как мы уже отметили, идеологи абхазского сепаратизма не сидели сложа руки и всемерно старались не упустить любой повод для нанесения контрудара. В качестве такого повода была использована ситуация вокруг публикации нашумевшей книги известного абхазского учёного, историка и этнографа, заместителя директора Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, проф. Ш. Д. Инал-ипа.

Проф. Ш. Д. Инал-ипа пользовался значительным авторитетом среди сепаратистов, так как в его трудах, особенно в обобщающем историко-этнографическом исследовании: «*Абхазы*»,⁵¹ они находили своего рода историографическое обоснование необходимости создания независимого абхазского национального государства. Однако, в названной монографии, а также в некоторых других публикациях учёного, всё это было изложено несколько скромно и завуалировано, и поэтому не вызывало серьёзного протеста со стороны грузинских коллег.

В 1976 году же Ш. Д. Инал-ипа уже опубликовал монографию «*Вопросы этнокультурной истории Абхазов*», в которой безапелляционно объявил абхазов единственными аборигенами края.⁵² Более того, в книге Ш. Д. Инал-ипа, которая, кстати, была издана неслышанным даже в те времена тиражом (5000 экземпляров), утверждалось, что предки абхаз-адыгов были первопоселенцами не только территории нынешней Абхазии, но и всей древней Колхиды, во всяком случае, Восточного побережья Чёрного моря уж точно. Картельские же племена (мегрело-чаны, сваны), по его мнению, проникли сюда позже.⁵³ Помимо этого, под сомнение был поставлен грузинский национально-государственный и этнокультурный облик «Абхазского» царства. Совершенно необоснованно говорилось о большом вкладе абхазского этнического элемента в средние века как в культурную жизнь православно-христианского мира, так и в международную политику. Этническими абхазами объявлялись выдающиеся грузинские деятели средневековья, такие как, например, известный философ Иоанн Петрици и т.д.⁵⁴

На эти «открытия», естественно, откликнулись грузинские историки, а также филологи (в книге весьма тенденциозно были освещены и языковедческие вопросы). Их особенно задело то, что книга Ш. Д. Инал-ипа не прошла апробацию в соответствующих институ-

тах АН Грузии, а её редактором был московский академик – египтолог М. Коростовцев, который, будучи абсолютным дилетантом в области абхазоведения, тем не менее, объявил указанную книгу «настоящей энциклопедией» по истории и культуре Абхазии. Видные грузинские учёные (М. Д. Лордкипанидзе, О. М. Джапаридзе и др.) подготовили соответствующие рецензии на книгу Ш. Д. Инал-ипа. Однако руководство республики тогда воздержалось от их публикации, и Абхазскому обкому КП Грузии было предложено организовать обсуждение монографии Ш. Д. Инал-ипа на месте, в Сухуми, в Абхазском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, где оно и состоялось в марте 1977г.

Первоначально планировалось обсуждение книги провести в узком кругу специалистов: историков, этнографов, археологов и языковедов – без привлечения широкой общественности и несколько втайне от неё. Однако соблюсти «конспиративность» этого мероприятия до конца не удалось. В зал заседания проникли и некоторые другие «заинтересованные» лица, которые чуть было не сорвали обсуждение книги*. Тон агрессивным выходкам сепаратистски настроенной части аудитории задавал не кто иной, как сама Т. П. Шакрыл. Однако, благодаря выдержке и твёрдой позиции крупнейших абхазских учёных, профессоров – З. В. Анчабадзе и Г. А. Дзидзария, под руководством которых проходило обсуждение, нездоровые эксцессы были пресечены. Практически все выступавшие подвергли острой и вполне обоснованной критике отдельные положения Ш. Д. Инал-ипа. В этом плане особенно следует выделить выступление главного оппонента – проф. З. В. Анчабадзе, длившееся в течение полутора часов, в котором был дан исчерпывающий анализ рассмотренных в книге Ш.Д. Инал-ипа проблем и убедительно доказана ошибочность его взглядов по ряду кардинальных вопросов истории древней и средневековой Абхазии. Не менее критическими были выступления других абхазских учёных – Г. А. Дзидзария, Х. С. Бгажба, Г. К. Шамба и особенно, как ни странно может это показаться сегодня, Ю. Н. Воронова, которому экстремисты также устроили обструкцию.

Чуть позже, своего рода «отчёт» об обсуждении книги Ш. Д. Инал-ипа, подготовленный Г. А. Дзидзария и З. В. Анчабадзе, одно-

* Особенно «в штыки встретили» они выступление автора этих строк, тогда ещё совсем молодого специалиста, кстати, единственного из присутствовавших на заседании грузинских историков, посмевшегося открыто высказать критические замечания по поводу фальсификаторских утверждений Ш. Д. Инал-ипа.

временно был опубликован в трёх ведущих газетах автономной республики («Советская Абхазия», «Сабчота Апхазети» и «Апсны Капи»). В нём, в целом, акценты были расставлены правильно, и книге была дана достаточно строгая критическая оценка, что и вызвало возмущение абхазской интеллигенции. Вот тогда и началось «брожение» в сепаратистских кругах, однако это было лишь прелюдией. Главные же события развернулись позже, с конца 1977г. Время выступления было выбрано неслучайно. 7 октября 1977г., как известно, была принята новая конституция СССР, после чего началась работа над проектом новых конституций уже союзных и автономных республик. Этим и воспользовались лидеры сепаратистов и срочно подготовили письмо-жалобу, которую 10 декабря 1977г. направили Президиуму восьмой сессии Верховного Совета СССР, Политбюро ЦК КПСС и Председателю Президиума ВС РСФСР М. Я. Яснову. Под письмом подписались видные представители абхазской интеллигенции (всего 130 человек).⁵⁵

В письме-жалобе вновь повторялись те обвинения в адрес грузинского руководства, которые не раз выдвигались сепаратистами, начиная с 50-х годов. Вместе с тем они выдвинули новый тезис. Они считали дискриминацией то обстоятельство, что автономные республики, в отличие от союзных, не имели права свободного выхода из «той или иной республики», и ставили вопрос о присвоении такого конституционного права и автономным республикам. При этом они напоминали руководству страны, что Ревком Абхазии ещё в 1921г. настаивал на непосредственном вхождении Абхазии «в общероссийскую федерацию» (Вот почему одним из адресатов письма был Председатель Президиума ВС РСФСР М. Я. Яснов).

ЦК КПСС не стал рассматривать письмо-жалобу абхазов и переслал её в ЦК КП Грузии и Абхазский обком, что вызвало негодование сепаратистов и они забросали высшие партийные инстанции страны телеграммами протеста. Однако бюро Абхазобкома КП Грузии не пошло на поводу у сепаратистов и 22 февраля 1978г. на своём заседании дало жёсткую и принципиальную оценку деструктивным действиям авторов жалобы. Обращение необоснованной жалобой в Москву было оценено как «возмутительный факт, **результат беспринципности и либерализма, допускаявших прежде в аналогичных случаях**».⁵⁶ Аналогичную оценку этому факту дал и IX Пленум ЦК КП Грузии, состоявшийся 24 февраля 1978г., после чего бюро Абхазского обкома КП Грузии приняло решение об исключении из рядов КПСС тех авторов письма, которые занимали руководящие должности. Из рядов КПСС были исключены редактор жур-

нала «Алашара» А. Джения, директор госмузея Юрий Аргун, заместитель редактора Гудаутской районной газеты «Бзыб» – И. Ахиба.

Однако этот курс ЦК КП Грузии и Абхазского обкома партии не был одобрен в центре, где явно пришлось не по душе слишком смелые действия ЦК КП Грузии. Москва должна была продемонстрировать грузинскому руководству, что последнее слово при решении абхазских проблем принадлежало именно ей, а не Тбилиси. Со своей стороны, и Э. А. Шеварднадзе и его команда не сумели должным образом надавить на кремлёвское руководство и отступили. В. М. Хинтба демонстративно был освобождён с должности первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии. Одновременно, провинившиеся деятели были реабилитированы и восстановлены в партии. Однако сепаратистам всё же не удалось добиться решающего успеха, в частности, они не сумели провести на высший партийный пост автономной республики своего кандидата. Первым секретарём обкома был избран Б. В. Адлейба, человек к которому грузинское население автономной республики относилось с не меньшей симпатией, чем к В. М. Хинтба.

Центр счёл необходимым непосредственно вмешаться в конфликт и взять ситуацию под свой непосредственный контроль. Именно эту цель преследовало направление, по решению секретариата ЦК КПСС, в Абхазию группы ответственных работников во главе с секретарём ЦК, заведующим отделом организационно-партийной работы И. В. Капитоновым. 21 мая состоялось собрание партхозактива Абхазской АССР, рассмотревшее вопрос *«О ходе всенародного обсуждения новой конституции Абхазской АССР»*. На собрании большой речью выступил И. В. Капитонов, который категорически отверг возможность перехода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР в состав РСФСР и признал неправомерным запись в конституции автономной республики специальной статьи, допускавшей право такого перехода. «У нас в стране (т.е. в СССР – З.П.) 20 автономных республик, – говорил на собрании И. В. Капитонов. – Сейчас в каждой из них опубликованы и широко обсуждаются проекты новых конституций», но **«нигде ни в одной из автономных республик не выдвигается подобных требований или каких-либо других вопросов, идущих вразрез с конституцией СССР, конституциями союзных республик»**.⁵⁷

Крайне отрицательная позиция высшего партийного и государственного руководства СССР по вопросу перехода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР в РСФСР была изложена И. В. Капитоновым и 22 мая 1978г. на площади Ленина во время выступления

перед участниками акции протеста – представителями абхазского населения, что с их стороны вызвало возмущение и они сорвали выступление высокопоставленного московского гостя. Не стали слушать они и первого секретаря ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе. Ситуация накалилась настолько, что и И. В. Капитунову и Э. А. Шеварднадзе пришлось срочно покинуть площадь. Однако, в тот период всё же удалось усмирить сепаратистов и новая конституция Абхазской АССР была «единогласно» принята Верховным Советом автономной республики. В ней, конечно, отсутствовала статья разрешавшая автономной республике свободный выход из состава союзной республики. Не было удовлетворено и другое требование сепаратистов – исключить грузинский язык из числа государственных языков автономной республики. И всё же этим конфликт не был исчерпан.

Осенью 1978г. ситуация в Абхазии вновь обострилась. На этот раз поводом для нового накала страстей националистически настроенной части абхазского населения стало назначение на пост председателя Совета Министров Абхазской АССР грузина Ю. Д. Убилава. Дело в том, что ещё весной сепаратисты буквально настаивали на том, чтобы все три высшие руководящие должности: первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии, Председателя Совета Министров и Председателя Президиума Верховного Совета автономной республики занимали только представители абхазской национальности. Это требование, ни больше ни меньше, было настоящим издевательством над национальным достоинством коренного грузинского населения Абхазии, составлявшего 43% всего населения автономной республики (абхазы составляли лишь 17%). Ещё более внушительным было процентное соотношение членов партии в пользу грузин. Несмотря на это, грузины ни разу не выступили против «избрания» на пост первого секретаря обкома (т.е. фактического руководителя автономной республики) абхазца. Из абхазов избирали и официального главу автономной республики – Председателя Президиума Верховного Совета. И лишь одна должность – Председателя Совета Министров, – руководителя исполнительной власти, предназначалась грузинам. Однако сепаратистам и этого показалось мало. Они хотели полностью прибрать к своим рукам все ветви власти и тем самым создать этнодиктатуру в автономной республике. У них даже был свой кандидат на пост председателя Совета Министров – В. О. Кобахия, которого, как уже отмечалось ранее, в 1975г. сместил с поста первого секретаря Абхазского обкома новый партийный лидер Грузии Э. А. Шеварднадзе. Этим сепаратисты демонстративно

настаивали на его политическую реабилитацию.

С 25 сентября по 2 октября 1978г. по некоторым городам (Сухуми, Гудаута, Гагра, Очамчире, Ткварчели) и сёлам Абхазии прокатились акции протеста. Была парализована работа отдельных предприятий, транспорта и торговли. Бойкотировали учебные занятия студенты абхазской национальности Сухумского государственного пединститута. Кстати, отдельные сепаратистски настроенные преподаватели вуза не только не призывали своих студентов возобновить занятия, но, наоборот, путём гнусных доносов и провокаций, пытались не допустить к ним других своих коллег, проводивших разъяснительную работу.* И всё же, сепаратисты были вынуждены отступить. Им не удалось повторить то, что они сделали в мае 1978г., когда под их давлением ЦК КП Грузии был вынужден пересмотреть своё решение о назначении первым секретарём Гагрского горкома партии грузина Г. К. Начкебия. Тогда абхазские сепаратисты, просто напросто, не позволили Г. К. Начкебия, уже избранного на пленуме горкома первым секретарём, приступить к своим обязанностям и в ультимативной форме потребовали, чтобы Гагрский горком возглавил абхаз А. К. Гварамия, работавший до этого первым секретарём Гудаутского райкома КП Грузии. К сожалению, ЦК КП Грузии, и лично Э. А. Шеварднадзе, не проявили должную решительность, срочно отозвали Г. К. Начкебия из Гагры, и на его место рекомендовали А. К. Гварамия. Это был беспрецедентный в истории организационно-партийной работы КПСС факт, который однозначно продемонстрировал слабость ЦК КП Грузии.

В сентябре 1978г. сепаратисты фактически разыграли аналогичный сценарии, но на этот раз они не смогли добиться цели и Ю. Д. Убилава не был отозван из Сухуми. И всё-таки руководство Грузии отчасти пошло на поводу капризов сепаратистов и реабилитировало В. О. Кобахия. Он был избран Председателем Президиума Верховного Совета Абхазской АССР вместо ушедшего в отставку Б. В. Шинкуба. Этим самым сепаратистское движение посчитало очередной раунд борьбы с Тбилиси выигранным и не без основания. Центральное руководство Грузинской ССР, опасаясь новых осложнений, постепенно начало сдавать позиции. Этим воспользовались сепаратистски настроенные силы, которые последовательно стали «завоевывать» «командные высоты» в общественно-политической жизни

* Объектом подобной провокации, в частности, стал и автор этих строк, которому затем даже пришлось «оправдываться» перед соответствующими органами за свои «грехи».

автономной республики.

Главным идеологическим орудием в их руках стало специальное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР *«О мерах дальнейшего развития экономики и культуры Абхазской АССР»*. Данное постановление фактически повторяло принятое ранее Центральным Комитетом КП Грузии Постановление *«О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики»*. Однако нельзя не обратить внимания на существенную разницу в формулировке. В Постановлении ЦК КПСС и советского правительства, в отличие от соответствующего Постановления ЦК КП Грузии, почему-то отсутствует указание на необходимость **«усиления организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики»**. Совершенно очевидно, что центр закрывал глаза на разгул националистической пропаганды среди абхазского населения, осуществляемой т.н. «подпольным обкомом», и фактически всю вину за произошедшее в Абхазии возлагал на Тбилиси. Т.е. получалось так, что протест сепаратистов был обоснованным и в их требованиях ничего антиконституционного не было, значит, не было никакой проблемы в сфере **«идейно-воспитательной работы»**.

В этой ситуации ЦК КП Грузии фактически ограничился лишь декларативным заявлением, призывающим к пропаганде дружбы и братства между абхазским и грузинским народами. В этом плане примечательно выступление первого секретаря ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе на собрании актива Гагрской партийной организации 16 августа 1980г. «Когда появляются люди, – отмечал партийный руководитель Грузии, – которые ведут себя неправильно, а иногда вызывающе, не желая подчиниться общепринятым и признанным правилам, когда под угрозу ставится самое дорогое и самое заветное для всех нас – дружба и братство народов, тогда мы готовы проявить самую большую твёрдость, непоколебимость. Тот, кто становится на путь всевозможных националистических отклонений и шовинистических проявлений любого толка, пусть не забывает, что это опасный путь, он к добру не приведёт».⁵⁸ К сожалению, ЦК КП Грузии ни разу не проявил эту **«самую большую твёрдость и непоколебимость»** в отношении обнаглевших лидеров абхазского сепаратистского движения, особенно поднявших головы как раз после «победы» в 1978г. Вместе с тем, как центральное руководство Грузии, так вышестоящие партийные органы автономной республики, «встречали в штыки» любую попытку со стороны грузин предотвра-

тить как раз «националистические и шовинистические проявления» абхазских сепаратистов.

Преследованию подверглись отдельные представители научной и творческой интеллигенции, был арестован известный лидер грузинского населения г. Гагры Аркадий Маркозия. Всё это переполнило чашу терпения грузин, и они, впервые за годы советской власти, возвысили голос против разгула сепаратистов. Было подготовлено обращение в адрес XXVI съезда КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе. Обращение подписали представители всех слоёв грузинского населения автономной республики, всего 338 чел.

Авторы т.н. «Грузинского письма» требовали навести порядок в республике и «дать соответствующую партийную оценку провокационному антигрузинскому движению в Абхазии».⁵⁹ В письме приводились конкретные факты притеснения грузин, разжигания межнациональной розни. В этом плане было обращено внимание на факт, имевший место в Абхазском государственном университете в 1979г. Речь идёт о публичной лекции, прочитанной неким сотрудником Института истории СССР, кандидатом исторических наук Г. Трапезниковым. Этот, с позволения сказать, эксперт из Москвы, нагло искажая историю Грузии, во всех бедах абхазского народа обвинил грузин и грузинское государство.*

Однако протест грузинского населения не был услышан, и в 80-х годах XXв., при полном попустительстве ЦК КП Грузии и Абхазского обкома, сепаратистская идеология получила все возможности открытой антигрузинской националистической пропаганды. Главным рупором этой кампании стало т.н. «Абхазское телевидение», как говорится, детище Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, вещавшее только на абхазском и русском языках.

* Следует отметить, что данное выступление Г. Трапезникова не осталось без соответствующего реагирования со стороны грузинской части профессорско-преподавательского состава АГУ. Некоторые из них, в том числе и автор этих строк, в письменной форме разоблачили «деяния» новоявленного покровителя сепаратистов, которому пришлось срочно покинуть Грузию.

Глава XVIII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АБХАЗИИ В 80-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Общественно-политическая ситуация в Абхазии в I половине 80-х годов XXв. Начало 80-х годов прошлого столетия, как известно, ознаменовалось неоднократной сменой политического руководства СССР. Это, естественно, не могло не повлечь за собой определённое оживление общественно-политической жизни по всей стране. Оно не миновало и Абхазию, где сепаратистские силы начали готовиться к новому «наступлению» «в борьбе за свои национальные права». В 1984г. ими было подготовлено и отправлено в Москву очередное «Обращение» на имя нового генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко и Председателя Совета Министров СССР М. С. Соломенцева. В «Обращении» повторялись те же самые обвинения в адрес руководства Грузинской ССР, которые выдвигались в предыдущих документах аналогичного характера. Вместе с тем, приводились «новые факты» искажения «ленинской национальной политики» в Абхазии. В частности, говорилось о том, как притесняют абхазские «национальные» кадры на фоне «засилья» грузин; как искажают историю многострадального абхазского народа грузинские исследователи не только в Тбилиси, но даже «в стенах Абхазского государственного университета»^{*} и т.д.

Сепаратисты и на этот раз чуть ли не главной причиной, почему Абхазия не должна оставаться в составе Грузинской ССР, считали исторический фактор. Т.е. они утверждали, что Абхазия имеет собственную, ничем не связанную с Грузией историю, что у абхазов всегда было своё национальное государство, своя национальная христианская цивилизация. Но абхазы не были одиноки в своей разнузданной антигрузинской кампании. В 80-х годах им на подмогу пришли их русские собратья. Новый толчок получили сенсационные «открытия» ленинградского филолога Георгия Турчанинова, который ещё в 60-х годах, на основе собственного «прочтения» «надписи» т.н. «Майкопской плиты» на современном (!?) абхазском языке, признал эту надпись древнейшим памятником алфавитного письма в мировой цивилизации вообще. Эту «сказку» подхватили национал-шовинисты в Абхазии и стали широко рекламировать её среди

^{*} В этой связи, особо отмечалась «подрывная» деятельность автора этих строк.

доверчивого абхазского населения. В этом плане особо выделялся сын одного из основоположников абхазской письменности и патриарха абхазской литературы Д. И. Гулиа, русскоязычный писатель Г. Д. Гулиа (он не знал абхазского языка и естественно не мог сочинять на «родном» языке), посвятивший этой проблеме ряд популистских статей, опубликованных не где-нибудь, а на страницах *«Литературной газеты»*, членом редколлегии которой он являлся на протяжении многих лет.

Эту же тему развил известный русский литературовед, один из главарей русской великодержавной-фашистской идеологии Вадим Кожинов, также опубликовавший в одном из всесоюзных журналов статью о том, какой вклад внесли предки абхазов в сокровищницу мировой культуры.¹ Так вот, этот с позволения сказать учёный-филолог, первооткрывателями алфавитного письма вообще, однозначно, считает абхазов. Ещё во втором тысячелетии до н.э., по «гениальной» догадке нашего «грамотея», финикийские мореплаватели, захватив абхазских рабов у берегов Чёрного моря, через них узнали «секреты» алфавитного письма, и на основе «абхазской» письменности создали финикийскую письменность. Со своей стороны, финикийцы приобщили к искусству алфавитного письма все остальные цивилизованные народы. Абхазы же, имея высокоразвитую письменную культуру, создали своё национальное государство. В начале это было Колхидское царство, а затем, конечно же, «Царство абхазов». Ведь немыслимо, – утверждает наш «всезнающий эксперт» по древним цивилизациям, – чтобы такое мощное государство как Абхазское царство не имело письменную культуру.

Действительно немыслимо, что такое солидное государственное образование, каким, безусловно, являлось Царство «Абхазов» в IX-Xвв., не имело свою письменную культуру и книжность. Но вот незадача, **оказывается, что эта письменность была отнюдь не абхазо-апсуйской**, как этот мерещилось Турчаниновым, Кожиновым и им подобным «светилам» русской филологической науки, **а грузинской**. Выше, мы достаточно подробно коснулись вопроса, почему и как получило название Царство «Абхазов», возникшее в конце VIIIв. западногрузинское, подчёркиваем **западногрузинское**, а не абхазо-апсуйское, государство, и по какой причине стал грузинский язык единственным языком государственного делопроизводства и церковного богослужения (вместо греческого) в этом государстве.² Поэтому нет никакой необходимости вновь возвращаться к этой теме.

Что же касается утверждения В. Кожинова о том, что у абхазов якобы украли (естественно грузины) древнейшую письменность,

которую благородно вернули затем (XIXв.) им русские в лице славяно-русской графики – это что-то из области фантастики, ничего не имеющей общего с научной логикой. Да и зачем научная логика В. Кожинуву и ему подобным? Им, к сожалению, без всякой логики и аргументации весьма успешно удаётся одурманить простых абхазов и поиздеваться над их национальными чувствами.

Вопросами истории и культуры Абхазии, помимо филологов, занимались и собственно русские историки. Один из них – Я. Фёдоров, сотрудник кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова, издал книгу, в которой создателями т.н. «Колхидской культуры» были объявлены абхаз-адыги.³ Все эти «достижения» русских учёных широко пропагандировались в Абхазии сепаратистски настроенными «деятелями». Со своей стороны, и абхазские учёные пытались не отставать от своих русских коллег и выдвигали все новые гипотезы о легендарном прошлом своего Отечества. Однако при жизни крупнейших абхазских историков, членов-корреспондентов АН Грузии профессоров З. В. Анчабадзе (скончался в 1984г.) и Г. А. Дзидзария (скончался в 1988г.), как-то удавалось не давать зелёный свет фантастическим измышлениям любителей сенсации.

Так, в начале 1984г. в АГУ сепаратисты дважды организовали т.н. «слушания» «научного» доклада кандидата филологических наук А. Л. Папаскири о значении термина «обезы» древнерусских письменных памятников, во время которого докладчик «Абхазское» царство объявил абхазо-апсуйским национальным государством, имевшим непосредственные контакты (культурно-политического характера) с Древней Русью. Пресечь это «наступление» невежества удалось благодаря научно-обоснованной критике со стороны З. В. Анчабадзе,^{*} воочию показавшего всю нелепость и абсурдность утверждений А. Л. Папаскири. Но справедливости ради следует сказать, что это был чуть ли не единственный факт в Абхазии (во всяком случае, после обсуждения книги Ш. Д. Инал-ипа в 1977г.), когда публичной критике подверглась статья абхазского исследователя и была приостановлена её публикация.^{**} В других случаях абхазы практически беспрепятственно печатали свои «труды», преднамеренно

* Весьма критическим было и выступление автора этих строк, для дискредитации научной объективности которого и было организовано, в основном, обсуждение статьи А. Л. Папаскири.

** Следует отметить, что позже, когда сепаратистская конъюнктура окончательно взяла верх в Абхазском государственном университете, данный доклад, под другим названием («Проблемы изучения русско-абхазских литературных и культурных связей») всё же был опубликован в *Трудах АГУ* (т. VI. Сухуми, 1988).

искажающие историческое прошлое Грузии-Абхазии, в то время как любая попытка грузинских учёных дать отпор фальсификации истории, как уже неоднократно отмечалось, в корне пресекались властями как в Сухуми, так и Тбилиси.

Начало Перестройки и общественно-политическая жизнь в Абхазии. «Лыхненский сход» – главная причина нового кризиса в Абхазии. Весной 1985г., как известно, произошла очередная смена высшего партийно-политического руководства Советского Союза. К власти пришёл относительно молодой и энергичный М. С. Горбачёв, который провозгласил новый политический курс, получивший название «Перестройки». «Перестройка», в первую очередь, означала отказ от догматических социалистических доктрин в экономике и её перевод на новые принципы хозяйствования; а также, что самое главное, либерализацию общественно-политической системы путём внедрения «гласности» и других демократических ценностей.

Официальное провозглашение политики «гласности» фактически стало началом своего рода «демократической революции», которая охватила почти все слои общества. Активизировали свою деятельность диссиденты, в союзных республиках поднялось национально-освободительное движение. В авангарде этого движения, наряду с Грузией, оказались Прибалтийские республики и Молдавия, где оформились национально-патриотические неформальные организации – народные фронты. Первой неформальной организацией в Грузии стало «*Общество Ильи Чавчавадзе*», куда вошли все известные лидеры национально-освободительного движения: Акакий Бакрадзе, Звиад Гамсахурдиа, Мераб Костава, Зураб Чавчавадзе, Гиорги Чантурия и др.

Коммунистическое руководство Грузии настороженно встретило появление радикальной оппозиции и сразу же попыталось противопоставить ей созданную сверху своего рода «либеральную оппозицию» в лице официальной организации – «*Общества Шота Руставели*». Однако эта уловка не удалась. «*Общество Руставели*», которое весной 1989г. возглавил один из лидеров «*Общества Ильи Чавчавадзе*» – Акакий Бакрадзе, отнюдь не стало проявлять нужную властям лояльность. Среди неформальных организаций Грузии следует отметить также восстановленную в то время «*Национал-демократическую партию*», лидером которой стал Гиорги Чантурия.

Именно национал-демократическая партия Грузии выступила с инициативой и организовала первую всеобщую акцию протеста в ноябре 1988г. взбудоражившей весь Союз. Эта акция была направлена

против намечавшихся тогда принципиальных изменений в Конституции СССР, предусматривавших ограничение суверенитета союзных республик. Акция протеста грузинской молодёжи, которая переросла в массовую голодовку, напугала властей, и центр был вынужден отказать от внесения изменений в конституцию. Это было первой серьёзной победой грузинского национально-освободительного движения, что естественно не могло не вызвать особую тревогу кремлёвского руководства. Ответная реакция не заставила себя ждать. Москва предприняла контрмеры для нейтрализации «мятежных грузин». Акцент был сделан на активизации антигрузинских сил в автономных формированиях Грузии: Абхазии и т.н. «Южной Осетии».

То, что т.н. «национальные движения» абхазов и осетин целиком и полностью были инспирированы центром, не вызывает никакого сомнения. Это документально подтверждает не кто иной, как сам Вадим Бакатин, последний шеф главного карательного органа страны – КГБ СССР. Говоря о деятельности КГБ в этом направлении В. Бакатин писал: «Комитет безопасности стоял у истоков создания «интернациональных фронтов» в союзных республиках, проявлявших строптивость в отношениях с центром. Порочная логика «разделяй и властвуй» стимулировала раскол общества в этих республиках на два непримиримых лагеря, приводила к обострению социальных напряженностей... Действовала схема: «не хотите подчиниться – получите интерфронт, который призовет к забастовкам, поставит вопрос о границах республики и о законности избранных там органов власти», а затем деятельность этих интерфронтов преподносилась комитетом госбезопасности как проявление «воли всего народа».⁴

Как раз по этой схеме были и задействованы т.н. «национально-освободительные движения» в Абхазии и Южной Осетии, где официально оформились т.н. «народные фронты» – «Народный форум Абхазии *«Аидгылара» («Единение»)* и *«Адамон Нихас»* в Южной Осетии. Но первые симптомы обострения ситуации в Абхазии появились ещё весной 1988г. Абхазов насторожил подъём национально-освободительного движения в Грузии, который охватил и Абхазию. Грузинское население автономной республики, которое ранее, за редким исключением, не проявляло особую политическую активность и которое фактически полностью передало бразды правления абхазской номенклатуре, на этот раз начало пробуждаться. Активизировали свою деятельность лидеры т.н. «грузинского сопротивления» 1978-1980гг.: Владимир (Вова) Векуа, Аркадий Маркозия, Нугзар Мгалоблишвили, Анзор Гварамия, Темур Лордкипанидзе, Борис

Какубава и др. Были созданы местные региональные организации общегрузинских неформальных объединений, среди которых главенствующую роль начала играть Абхазская региональная организация «*Общества Ильи Чавчавадзе*». К национально-освободительному движению была приобщена студенческая молодёжь, особенно грузинское студенчество Абхазского государственного университета.

Раскрепощение свободы слова – главный результат политики гласности, дало возможность начать широкое обсуждение наиболее острых в обществе вопросов, среди которых наиболее острым оказался национальный вопрос. Выяснилось, что торжество т.н. «ленинской национальной политики» всего навсего блеф и самообман и что национальный вопрос в Советском Союзе далеко не решён. Как уже отмечалось, Грузия оказалась чуть ли не главной «возмутительницей спокойствия» в масштабе всей страны. Нарастающее грузинское национальное движение не скрывало, что конечной целью её борьбы было обретение государственной независимости. Борьба шла под лозунгом великого Ильи Чавчавадзе: «*Язык, Отечество, Вера*». Первым шагом на этом пути была подготовка проекта государственной программы грузинского языка, в которой однозначно ставилась задача повышения роли грузинского языка как государственного языка по всей республике. Это стало первым тревожным сигналом для сепаратистски настроенных кругов в Абхазии и они начали открыто высказывать своё недовольство по этому поводу.

Сепаратистские круги начали организованную контрпропаганду. Главным идеологическим щитом для проводимой сепаратистами антигрузинской кампании были «священные принципы ленинской национальной политики» и неустанная забота о государственном могуществе СССР.⁵ Москва, естественно, сразу же пришла на подмогу радетелям советского отечества и оказала необходимую «интеллектуальную» помощь. Совместными усилиями уже в июне 1988г. было завершено составление т.н. «*Абхазского письма*», которое было адресовано Президиуму XIX всесоюзной партконференции. Вместе с «*Письмом*» (под ним было 60 подписей) в Москву также направили своего рода «Приложение», в котором разъяснялись цели и задачи т.н. абхазской «национально-освободительной» борьбы.

Как выяснил не раз упомянутый нами Г. П. Лежава, первоначальный вариант т.н. «*Абхазского письма*» был составлен ещё в 1985г. в Железноводске, ставшим затем весьма одиозной фигурой в абхазском сепаратистском движении Игорем Мархолия (он же теперь Марихуба), под «мудрым руководством» «человека из центра», небезызвестного нам Георгия Трапезникова, который, как уже было

отмечено, «мутил воду» в Абхазии ещё в конце 70-х годов.⁶ Своего рода рецензентом этого совместного «шедевра» стал один из партийных боссов Академии общественных наук при ЦК КПСС, абхаз по национальности, доктор юридических наук Тарас Шамба. Окончательный же текст был написан в 1988г. учёным секретарём Абхазского госмузея Альмиром Абреговым.⁷

«Абхазское письмо», естественно, не стало предметом специального обсуждения на Всесоюзной партконференции. Михаилу Горбачёву и его команде тогда было не до абхазов. Там были дела поважнее – им надо было расправиться с мятежным Борисом Ельциным. Поэтому в Москве ограничились направлением в Абхазию рядового сотрудника орготдела ЦК КПСС Виктора Рябова, который вместе с зам. зав. отделом ЦК КП Грузии Деви Путкарадзе провёл разъяснительную работу среди представителей абхазской интеллигенции, а также в трудовых коллективах Гудаутского и Очамчирского р-нов. На этом и закончилась тогда реакция центра на очередной «донос» абхазских сепаратистов.

Однако, позже, спустя 3-4 месяца, когда массовые антиимперские выступления грузинской молодёжи взбудоражили центр, «на старой площади вдруг вспомнили»⁸ о претензиях абхазов к Тбилиси и сразу же предприняли конкретные шаги для создания мощного антигрузинского фронта в Абхазии. В ноябре 1988г. группа представителей абхазской научной и творческой интеллигенции, при поддержке властных структур автономной республики, и, прежде всего, Абхазского обкома КП Грузии, выступила с инициативой и фактически основала первую официальную абхазскую национал-патриотическую организацию «Форум Народов Абхазии» (впоследствии – «Народный Форум Абхазии») – «Аидгылара» («Единение»). Первым председателем новой организации стал известный своими национал-сепаратистскими взглядами абхазский писатель, председатель союза писателей Абхазии Алексей Гогуа. В руководящее ядро «Аидгылары» вошли Р. К. Чанба, О. Н. Дамения, И. Г. Мархолия и другие прославившиеся к этому времени на национально-сепаратистском поприще деятели. 13 декабря 1988г. был созван учредительный съезд «Народного Форума Абхазии», на котором были приняты устав и программа организации.

Вновь созданная организация с самого начала стала проявлять свои агрессивные антигрузинские настроения. При этом лидеры «Аидгылары», в противовес грузинскому национальному движению, ставившему своей главной целью крушение империи и обретение национальной независимости, всемерно показывали Москве свою

преданность КПСС и советской отчизне. В этих условиях, как говорится, «конфликт интересов» был неминуем. Это хорошо понимали лидеры грузинского национально-освободительного движения, которые сразу же стали искать пути примирения с абхазами. Именно эту цель преследовала первая массовая акция проведённая грузинскими неформальными организациями в Сухуми 3 декабря 1988г. На митинге из уст таких видных деятелей, какими были М. Костава, З. Чавчавадзе и др., звучали призывы к миру и согласию между двумя братскими народами, было высказано единодушное желание вместе с абхазским народом строить новое единое грузинское государство, в котором абхазский народ получил бы все возможности дальнейшего культурно-экономического процветания, автономия в целом обрела бы качественно новый уровень самоуправления.

Однако призывы грузинских патриотов, как и ожидалось, не встретили адекватную реакцию со стороны абхазов. Более того, эта акция грузинской молодёжи, особенно тот факт, что среди участников митинга было немало людей, прибывших из Тбилиси и других регионов Грузии, лидерами сепаратистского движения был использован для дальнейшей эскалации антигрузинских настроений среди абхазского населения.

Вскоре сепаратисты уже перешли к конкретным действиям направленным на нагнетание обстановки в автономной республике. 7 февраля 1989г. гудаутская районная газета «*Бзыбь*», ставшая к этому времени своего рода пропагандистским рупором «*Аидгылары*», опубликовала полный текст т.н. «*Абхазского письма*». Этим самым сепаратисты официально объявили о своём желании выйти из состава Грузинской ССР. Но это было лишь началом «большого наступления» сепаратистов на Грузию и грузинскую государственность. 14 марта 1989г. инициативная группа «*Народного Форума Абхазии*» подала заявление на имя Председателя Гудаутского райисполкома, в котором официально попросила разрешение на проведение 18 марта в селе Лыхны всенародного схода посвященного «обсуждению проекта предложений по вопросу политического статуса автономной республики». ⁹ Необходимость проведения этой акции мотивировалась тем, что ЦК КПСС готовил специальный пленум по проблемам межнациональных отношений.

18 марта 1989г., в ясный субботний день, в селе Лыхны состоялось многотысячный митинг – сход абхазов, на котором присутствовало всё партийное и советское руководство Абхазии, во главе с первым секретарём Абхазского обкома КП Грузии Б. В. Адлейба и Председателем Президиума Верховного Совета автономной респуб-

лики В. О. Кобахия. На сходе был принят проект *«Обращения»* в ЦК КПСС, Верховный Совет и Совет Министров СССР, под которым подписались буквально все руководители абхазской национальности, в том числе и названные выше первые лица автономной республики – Б. В. Адлейба и В. О. Кобахия. Именно это обстоятельство и сыграло роковую роль в дальнейшем развитии событий в Абхазии. Местное грузинское население, до того, в целом, проявлявшее политическую индифферентность, вдруг перестало молчать и ответило резким протестом.

Ввиду того, что принятые на Лыхненском сходе документы и, в первую очередь, *«Обращение»* участников схода в адрес ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета министров СССР, не раз комментировались на разном уровне, думаем, нет необходимости детального изложения их содержания. Скажем только, что это был очередной «донос» на Грузию и грузинский народ, якобы обрекший абхазов на тяжелейшие испытания. Говорилось о грубом нарушении «Ленинской национальной политики» и требовалось исправление «трагической ошибки» совершённой в 1931г., когда «независимую», по мнению авторов *«Обращения»*, Советскую Социалистическую Республику Абхазия, против волеизъявления абхазского народа, включили в состав Грузинской ССР в качестве автономной республики.

Исходя из этого, организаторы съезда ставили вопрос о восстановлении прежнего государственного статуса и объявления Абхазии союзной республикой. Это ни больше, ни меньше означало выход Абхазской АССР из состава Грузинской ССР, что противоречило Конституциям как СССР, так и Грузинской ССР, обеспечивавших территориальную целостность союзной республики, на этот раз Грузинской ССР. Выше мы довольно обстоятельно осветили события 1921-1931гг. и на конкретном документальном материале убедительно доказали, что т.н. «договорная» ССР Абхазия не была никакой «независимой» от Грузии «союзной» республикой, и что она де-факто всё это время считалась автономным образованием в пределах Грузинской ССР.

Более того, попытка национал-сепаратистского режима Н. А. Лакоба конституционно отделить Абхазию от остальной Грузии, предпринятая в 1925г., как известно, полностью провалилась. Так что сам по себе факт создания очередного пасквиля серьёзно мог и никого не задеть. *«Обращения»* аналогичного характера, как уже было показано выше, составлялись и раньше – в 1957, 1967, 1978, 1984 годах. Известно и то, что Москва, в целом, достаточно сдержанно относилась к этим *«Обращениям»* и, как говорится, «воплъ»

абхазского народа «к сердцу близко не принимала», хотя и использовала это для давления на Тбилиси. Однако, на этот раз, «Обращение» абхазов, может быть неожиданно для них самих, сильно задело национальное достоинство грузинского населения Абхазии и вызвало их бурное негодование.

Резкое обострение политической ситуации в Грузии-Абхазии после Лыхненского схода. Решения, принятые сепаратистами 18 марта, грузинами были восприняты как наглое и непреклонное предательство по отношению к ним. Им, без лишних реверансов, прямо дали знать, что они являются всего лишь второсортными жителями автономной республики, которые обязаны во всём следовать тому, чего захотят абхазы – «настоящие хозяева» Абхазии. Было заявлено, что именно только абхазы должны нести ответственность за судьбу своей родины, а грузины, просто напросто, обязаны молча подчиняться их воле. Этим самым, грузинам фактически предлагалось, ни больше, ни меньше, стать предателями своего Отечества, неразрывной частью которого они считали Абхазию. Так, одним росчерком пера, сепаратисты стали отнимать родину у подавляющего большинства населения Абхазии. Это было уже слишком. Поэтому и последовал настоящий взрыв негодования, который и охватил не только Абхазию, но и всю Грузию в целом.

Инициаторами массовых акций-протестов по всем городам и районным центрам Абхазии выступили неформальные организации, в первую очередь, Абхазская региональная организация Общества Ильи Чавчавадзе, являвшаяся в то время своего рода флагманом грузинского национально-освободительного движения в Абхазии. Центральным событием должен был стать многотысячный митинг протеста на Ленинской площади, перед Домом Правительства в г. Сухуми, который был запланирован на 25 марта. Партийное руководство как автономной республики, так и Грузии было встревожено брожением среди грузинского населения Абхазии. Из Тбилиси срочно был командирован секретарь ЦК КП Грузии по идеологии Нугзар Попхадзе, который, вместе с председателем Совета Министров Абхазской АССР О. Г. Зухбая и первым секретарём Сухумского горкома КП Грузии З. Д. Эрквания, в кабинете ректора Грузинского Института Субтропического Хозяйства Н. И. Каркашадзе встретился с представителями грузинской научной и творческой интеллигенции и призвал их проявить спокойствие и не накалять обстановку. Фактически это была попытка как-то помешать вовлечению грузинской интеллигенции в общенациональную акцию протеста. Однако данная миссия высокопоставленного партийного чиновника не

увенчалась успехом. Участники встречи, среди которых особую активность проявляли секретарь абхазской организации Союза писателей Грузии, поэт Гено Каландия, Народный артист Грузии Димитри Джаиани, зав. кафедрой Грузинского Института Субтропического Хозяйства, доц. Шамиль Цхведиани, доценты Абхазского государственного университета: Мурман Берия, Зураб Папаскири и др., однозначно дали знать Н. Попхадзе и его «команде», что грузинское население Абхазии больше не намерено терпеть унижение их национального достоинства и что оно готово, в рамках конституции, дать отпор бесчинству сепаратистов.

Власти, взвесив сложившуюся в Сухуми взрывоопасную ситуацию, не стали принимать радикальных мер и сочли более разумным «де-факто» разрешить проведение митинга в г. Сухуми. Был создан оргкомитет по подготовке и проведению митинга. Руководящую роль в нём играли члены неформальных организаций. Из Тбилиси прибыли М. Костава, З. Чавчавадзе, Т. Чхеидзе и другие лидеры грузинского национально-освободительного движения, которые вместе с местными активистами: В. Векуа, Дж. Латария, А. Гварамия, Р. Куправа, Н. Мгалоблишвили и др. – фактически взяли в свои руки руководство акцией. Своеобразным штабом стала квартира сотрудника кафедры истории Грузии-Абхазии Абхазского государственного университета им. А. М. Горького, члена Общества Ильи Чавчавадзе Давида Читаиа.

Ситуацию особенно накалило то обстоятельство, что на 26 марта были назначены выборы народных депутатов в верховный законодательный орган страны. Была опасность срыва выборов, что могло привести к непредсказуемым последствиям. В этих условиях, партийное руководство автономной республики вместо того, чтобы как-то смягчить обстановку, наоборот, демонстративно опубликовало в официальных органах Абхазского обкома КП Грузии в газетах «*Апсны Капи*» и «*Советская Абхазия*», отредактированный текст «*Обращения*» Лыхненского схода, чем преднамеренно пошло на дальнейшую эскалацию ситуации.

25 марта 1998г. в Сухуми состоялся многотысячный митинг грузинского населения. Следует отметить, что в последний момент митинговавших не пропустили к Ленинской площади и они были вынуждены провести его на перекрёстке улиц Кирова и Орахелашвили. Собралось около 10 тысяч человек. На митинге выступили М. Костава, З. Чавчавадзе, В. Векуа, Д. Джаиани, Г. Каландия, Дж. Джанелидзе и др., которые осудили действия сепаратистов и призывали абхазский народ не предавать историческую дружбу и братст-

во между двумя народами. Вместе с тем, выступавшие резко критиковали политику Абхазского обкома и ЦК КП Грузии, и что самое главное, имперскую политику кремлёвского руководства. Звучали также призывы не голосовать на выборах за тех кандидатов в депутаты, которые подписались под Лыхненским обращением. Митинг прошёл мирно, без всяких эксцессов.

В тот же день многотысячный митинг состоялся и в Гали. Акции протеста прокатились по другим районам Абхазии. Масштабы этих акций напугали сепаратистов и они незамедлительно предприняли ответные шаги. Лидеры сепаратистов в срочном порядке состряпали очередной донос в Москву. Эта была телеграмма-жалоба на имя генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва. В ней особо подчёркивалось, что «митинг проходил с применением меньшевистской символики и националистическими призывами, носящими антисоветский, антирусский и антиабхазский характеры». Авторы жалобы, как бы угрожая, заявляли, что «подобные несанкционированные антисоветские, националистические выступления провоцируют ответные действия», и что «усилиями руководства *«Народного Фронта»* Абхазии пока удается сдерживать ответную реакцию. Сложившаяся ситуация, – говорилось в телеграмме, – требует безотлагательного вмешательства ЦК КПСС и высших органов власти в целях нормализации обстановки в Абхазии». Эту телеграмму подписали руководители *«Аидгылары»*: А. Гогова, Дж. Ахуба, В. Кварчия, С. Шамба, О. Дамения.¹⁰ Однако остановить грузинское население подобного рода угрозами было уже невозможно.

Действительно, вскоре последовали новые акции протеста против сепаратистских действий руководства Абхазской АССР. Наиболее масштабной среди них был митинг в Леселидзе, также организованный *«Обществом Ильи Чавчавадзе»* 1 апреля 1989г. Для участия на митинге из Сухуми выехали представители студенческой молодёжи. На обратной дороге у села Бзыби, а затем и у Нового Афона, на автобусы, в которых находились участники митинга, напали абхазские молодчики, ведомые первым секретарём Гудаутского райкома КП Грузии Константином Озганом. В результате этого нападения ранения и увечья получили около 10 человек. Следует отметить, что пассажиры одного автобуса – студенты Грузинского Института Субтропического Хозяйства, возвращавшиеся из Гудауты, где они были на похоронах, вовсе пострадали случайно.

Информация о погроме автобусов с участниками митинга сразу же облетела всю Грузию и резко накалила обстановку по всей республике. 2 апреля в Сухуми вновь состоялся митинг, на котором

выступил З. Чавчавадзе, раскрывший провокационный характер инцидента 1 апреля и призвавший присутствовавших не поддаваться аналогичным провокациям. Вместе с тем обстановка в городе становилась всё более взрывоопасной. В знак протеста прекратили занятия студенты грузинской национальности Абхазского государственного университета.

Партийное руководство Грузии вновь спохватилось. В начале апреля почти всё бюро ЦК КП Грузии, во главе с первым секретарём ЦК Дж. И. Патиашвили, срочно выехало в Сухуми, где состоялось совместное заседание бюро ЦК и Абхазского обкома КП Грузии, на которое были приглашены представители абхазской и грузинской научной и творческой интеллигенции. Следует отметить, что в начале грузины отказывались от участия во встрече вместе с абхазами и добивались отдельной аудиенции, однако Дж. И. Патиашвили демонстративно отказался от приёма грузинской стороны отдельно, и представители грузинской интеллигенции были вынуждены, несколько с опозданием, присоединиться к участникам встречи. Как уже отмечалось, это было своего рода совместное открытое заседание бюро ЦК и обкома КП Грузии. Вёл заседание Дж. И. Патиашвили, который несколько скованно чувствовал себя в окружении формальных и неформальных лидеров сепаратистов, высказывавших бурный протест по поводу «деструктивных действий» грузинского населения автономной республики. Представители абхазской интеллигенции в своих выступлениях однозначно давали знать, что Абхазия это их родина и забота об её государственном устройстве прерогатива исключительно абхазского народа, и что грузины не вправе вмешиваться в решение судьбоносного вопроса их отечества.

Справедливости ради следует сказать, что члены бюро ЦК КП Грузии как-то пытались призвать абхазов к благоразумию и отказаться от постановки вопроса о выходе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР. Как ни странно, наиболее активно и даже, можно сказать, агрессивно, выступал второй секретарь ЦК КП Грузии Б. Н. Никольский, который открыто критиковал действия сепаратистов и подчёркивал антиконституционный характер решений Лыхненского схода. Абхазы встречали «в штыки» любую попытку представитель грузинской интеллигенции перевести разговор в конструктивное русло и не давали им возможность высказать своё мнение. Особенно «разошелся» новый директор Абхазского Института Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулиа АН Грузии, избранный на-

кануне народным депутатом СССР В. Г. Ардзинба.* Возмущённые подобным сверхнаглым поведением В. Г. Ардзинба и некоторых его сподвижников, большинство грузин, по призыву поэта Джано Джанелидзе, в знак протеста, покинуло зал заседания. Они вернулись туда лишь после уговоров секретаря ЦК КП Грузии по идеологии Н. Попхадзе и председателя Совета Министров Абхазии О. Г. Зухбая. И всё же, выступившим на этой встрече Н. И. Каркашадзе, М. В. Берия, З. В. Папаскири и др. удалось как-то отстоять позицию грузинской стороны. Несмотря на это, данная встреча завершилась ничем. Ожидание грузин, что будут приняты оргвыводы и те абхазские руководители, которые подписались под *«Лыхненским обращением»* получают строгое партийное взыскание, вплоть до освобождения с занимаемых должностей, не оправдалось.

Пассивность партийного руководства Грузии вызвало возмущение национально-патриотических организаций и они на бездействие властей ответили резким протестом. С 4 апреля 1989г. в Тбилиси, по инициативе *«Общества Ильи Чавчавадзе»*, начались перманентные митинги протеста. Митинговавшие заняли площадь перед Домом Правительства на проспекте Руставели. В начале они требовали наказания организаторов *«Лыхненского схода»*. Однако, со временем, митинговавшие, под влиянием радикальных оппозиционных группировок во главе со Звиадом Гамсахурдиа, Мерабом Костава, Гиоргием Чантурия и Ираклием Церетели, стали вынашивать лозунги более глобального характера. В частности, был поставлен вопрос о выходе Грузии из состава СССР и восстановлении национальной государственности.

Не утихала ситуация в самой Абхазии, где национально-патриотические силы начали подготовку к проведению грандиозного митинга в Гульрипши. В этих условиях, стало необходимым вмешательство высшего партийного руководства СССР. Было принято решение о направлении в Грузию ответственных работников ЦК КПСС В. Н. Лобко, В. А. Михайлова и Г. А. Селезнёва, которые 5 апреля прибыли в Тбилиси. 6 апреля Дж. И. Патиашвили, вместе с В. Михайловым, вылетел в Сухуми, где состоялся Пленум Абхазского обкома КП Грузии. Пленум освободил первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии Б. В. Адлейба от занимаемой должности, и на

* В одном случае, будущий вождь абхазских сепаратистов чуть было не пошёл в *«рукопашную»* с автором этих строк лишь только потому, что тот стал разъяснять присутствующим банальную истину – **Абхазия родина не только абхазов, но и грузин, и они также имеют полное право решать её судьбу.**

этот пост избрал В. Ф. Хишба, работавшего до этого в Тбилиси, заместителем министра лесного хозяйства Грузии. Однако, как выяснилось, это решение явно запоздало и остановить дальнейшую эскалацию ситуации в Абхазии, а главное, в Тбилиси, не удалось.

Продолжалось брожение и среди грузинского населения Абхазии. Власти не сумели помешать проведению многотысячного митинга в Гульрипши 8 апреля. На этот раз инициаторами митинга выступили Абхазская региональная и Гульрипшская районная организации Всегрузинского Общества Руставели. В Абхазию прибыла представительная делегация из Тбилиси во главе с президентом общества Руставели Акакием Бакрадзе, который и выступил с большой речью на митинге. Наряду с А. Бакрадзе на митинге выступили также: Гурам Мамулия, Гено Каландия, Джано Джанелидзе, Шота Джгмадзе и др. Выступавшие однозначно осудили деструктивные действия сепаратистов и очередной раз призвали абхазский народ крепить дружбу и братство с грузинским народом.

Тем временем, вся Грузия тревожно следила за развитием событий в Тбилиси, где 7 апреля власти, в принципе, приняли решение о применении военной силы для разгона митинговавших. Контроль над «военной операцией» должен был осуществить первый заместитель министра обороны СССР ген. К. Кочетков, специально прибывший в Тбилиси для этой цели. Ситуация особенно накалилась к вечеру 8 апреля, когда состоялось собрание партхозактива республики, на котором, от имени партийного руководства Грузии, один из секретарей ЦК Н. Попхадзе, проявив настоящую коммунистическую непоколебимость, прямо заявил, что против врагов советской власти необходимо использование силы. Между прочим, опасность разгона митинга ещё вечером 8 апреля отчётливо предвидел Акакий Бакрадзе, который об этом заявил в селе Ачадара, в семье члена Общества Ильи Чавчавадзе Бесика Одишария, где он остановился после митинга в Гульрипши.

Действительно, как известно, в 4 часа утра 9 апреля, в Тбилиси была осуществлена «славная» военная «операция» по разгону митинга. Погибли ни в чём не повинные люди, в основном женщины. Бравые генералы Красной Армии не довольствовались сапёрными лопатками и вдобавок применили отравляющий газ, в результате чего пострадало несколько тысяч человек, многие из которых и по сей день находятся под наблюдением врачей.

О кровавой расправе в Тбилиси в Абхазии стало известно с раннего утра. Сразу же в г. Сухуми, на площади Конституции состоялся стихийный митинг протеста, на котором Акакий Бакрадзе,

резко осудив действия властей, объявил трёхдневный траур по всей Грузии. После 9 апреля антиимперские акции протеста вспыхнули с новой силой. Лучшая часть грузинской творческой и научной интеллигенции, однозначно встав на позиции «неформалов», выступила с резкой критикой действий властей и потребовала наказания организаторов и исполнителей операций по разгону митинга. Естественно, бурлила и Абхазия, где масло в огонь подлило и то, что лидеры сепаратистов вновь состряпали очередной донос и срочно отправили его в Москву. Обвиняя во всех грехах грузин и руководство Грузинской ССР, Народный форум Абхазии ставил вопрос о необходимости решительного и безотлагательного вмешательства «ЦК КПСС и советского правительства. В «Обращениях» отмечалось, что создавшаяся в республике ситуация ещё раз со всей определённой продемонстрировала невозможность дальнейшего сохранения Абхазии в составе Грузии». ¹¹ Авторы «Обращения» особенно возмущались тем, что в Абхазии не прекращались «ежедневные несанкционированные митинги... Ряд важнейших народнохозяйственных объектов, школ, вузов, техникумов города Сухуми» были парализованы.

Действительно, акции неповиновения в Абхазии шли по восходящей линии. В его авангарде оказались грузинские студенты и преподаватели Абхазского государственного университета. Это было неслучайно, так как именно Абхазский государственный университет, к этому времени, окончательно попал под влияние сепаратистски настроенных сил и стал своего рода мозговым центром нарастающего сепаратистского движения. До этого функцию идеологического штаба сепаратистского движения, в основном, исполняли Абхазская организация Союза писателей Грузии и Абхазский Институт Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулия АН Грузии.

Абхазская организация Союза писателей Грузии, в основном, представляла собой объединение абхазских писателей, приём местных грузинских писателей в этот элитарный клуб был сильно ограничен. Так, к 1989г. из 78 членов Союза грузин было всего 25, абхазов же, как минимум, в 2 раза больше. И это в то время, когда грузинское население автономной республики превышало абхазов почти в 3 раза. Да и в творческом отношении они ни чем не уступали своим абхазским собратям по перу. Кроме этого, известно также, какие препятствия приходилось преодолевать грузинским поэтам и писателям при публикации своих произведений. И, наконец, ярким подтверждением того, что Союз писателей стал главным штабом абхазского сепаратизма, является избрание председателем первой официальной сепаратистской организации – «Аудгылара» тогдаш-

него руководителя Союза писателей Абхазии, известного абхазского писателя Алексея Гогуа. Кстати, именно этот факт переполнил чашу терпения грузинских писателей и они, в знак протеста, вышли из Союза писателей Абхазии и создали свою организацию – структурное подразделение Союза писателей Грузии.

Что же касается Абхазского Института Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулиа АН Грузии, то это академическое учреждение было исключительно абхазским национальным научным центром, где работали всего лишь несколько (2 или 3) грузина. Этот институт на протяжении последних десятилетий являлся настоящим «умственно-интеллектуальным» центром сепаратистского движения, главным назначением которого было создание научно-историографического обоснования вывода Абхазии из состава Грузинской ССР. Антигрузинская деятельность всё более вызывающей стала с 1988г., с назначением на пост директора института (после смерти выдающегося абхазского учёного-историка, члена-корреспондента АН Грузии, проф. Г. А. Дзидзария), В. Г. Ардзинба – будущего вождя абхазских сепаратистов, который фактически вывел институт из юрисдикции АН Грузии.

И всё же, протекавшие в вышеназванных учреждениях процессы не были так масштабны, чтобы вызвать всеобщий протест грузинского населения автономной республики. Абхазию «взорвал» конфликт в университете. Для того, чтобы вникнуть в причины, почему именно университет стал эпицентром грузино-абхазского противостояния, считаем необходимым более подробно остановиться на ситуации, сложившейся в АГУ накануне бурных событий 1989г.

Грузинское студенчество и профессора-преподаватели Абхазского государственного университета в авангарде борьбы против абхазского сепаратизма. Решение об открытии государственного университета в Сухуми (на базе педагогического института), как известно, было принято Советом Министров СССР 5 февраля 1979г. Это было событием огромного значения в культурной жизни не только Абхазии, но и всей Грузии. Сбылась давнишняя мечта всего населения Абхазии. Следует отметить, что открытие государственного университета в Сухуми не было обычным явлением в советской действительности. Более того, в некоторой степени оно было исключением. Дело в том, что в Советском Союзе, кроме РСФСР и Украины, все остальные союзные республики имели только лишь один университетский центр. Был выработан своего рода стереотип, отойти от которого кремлёвское руководство и не думало. Вот почему в Москве так равнодушно относились к предложениям, иду-

щим из Грузии об открытии университетов в Кутаиси, Батуми или Сухуми.

Идея открытия государственного университета была особенно актуальна в Абхазии, где нарастающее сепаратистское движение использовало её для политической спекуляции. Идеологи абхазского сепаратизма, естественно, во всём обвиняли Тбилиси и этим «обосновывали» невозможность дальнейшего нахождения Абхазии в составе Грузинской ССР. На самом же деле, было совершенно очевидно (конечно, это прекрасно понимали и абхазы), что вопрос об открытии университета в Сухуми никак не мог решаться на уровне грузинского руководства, и что это целиком и полностью было компетенцией Москвы. Тбилиси не только не мешал реализации идеи открытия университета, но наоборот, ЦК КП и Совет Министров Грузии в 1978г. сделали всё для того, чтобы центр пошёл на неординарный шаг и согласился на открытие второго университета в республике.

Факт открытия университета в Сухуми абхазское сепаратистское движение полностью записало в свой актив и с самого начала приступило к превращению вуза в сугубо абхазский национальный университетский центр. Прежде всего, это выразилось в том, что лидеры сепаратистского движения в ультимативной форме потребовали от властей, чтобы новый университет был назван «**Абхазским**», а не «**Сухумским**», хотя в соответствующем решении Совмина СССР говорилось о преобразовании **Сухумского** госпединститута им. А. М. Горького в **Сухумский** государственный университет.*

Требуя отражения в названии университета наименования титульной нации, абхазская сторона апеллировала тем, что в названиях функционирующих в то время в автономных республиках РСФСР университетов фигурировали названия соответствующих автономных образований. В пример можно привести следующие университеты: «**Северо-осетинский** (а не Орджоникидзевский) государственный университет», «**Чечено-ингушский** (а не Грозненский) государственный университет», «**Кабардино-балкарский** (а не Нальчикский) государственный университет», «**Дагестанский** (а не Махачкалинский) государственный университет». Более того, даже некоторые университеты союзных республик в своём названии включали название республики. Например, «**Белорусский** (а не Минск-

* Интересно, что во всех официальных всесоюзных документах вплоть до распада СССР фигурировал именно «**Сухумский**» (а не Абхазский) государственный университет.

ский) государственный университет», «**Латвийский** (а не Рижский) государственный университет» и т.д. Кроме этого, абхазы акцентировали внимание и на то обстоятельство, что в Сухуми функционировал вуз, в названии которого фигурировало название союзной республики – «**Грузинский** Институт Субтропического Хозяйства». Все эти аргументы активно пропагандировались в обществе. В результате, под давлением сепаратистских сил, которых поддержало и партийное руководство автономной республики, ЦК КП и Совмин Грузии 23 апреля 1979г. принял совместное постановление (за подписью Э. А. Шеварднадзе и З. А. Патаридзе), согласно которому вновь открытый университет официально получил название **Абхазского государственного университета**.

На первый взгляд, изменение названия вроде бы не было принципиальным, так как по-грузински и по-абхазски «**Абхазский** государственный университет» звучал как государственный университет Абхазии (т.е. „აფხაზეთის“) или «Апсны», а не „აფხაზეთი“ или «апсуйский». Но грузинская сторона всё же была обеспокоена, и неспроста. Было совершенно ясно, что «духовные отцы» абхазского сепаратизма в название «**Абхазский**... университет» вкладывали реальное содержание и всемерно пытались превратить университет в чисто абхазское национальное учебное заведение.

Вторым шагом в претворении в жизнь этого далеко идущего плана явилось открытие т.н. «абхазского» сектора. До того, в Сухумском госпединституте функционировали два сектора: русский и грузинский. В виду того, что в грузинских школах, за редким исключением, фактически обучались одни грузины, естественно, на грузинский сектор поступали только грузины, в то время как на русский сектор могли поступить все, в том числе и грузины, которые, наряду с представителями других национальностей, также учились в русских школах. В результате, в Сухумском государственном педагогическом институте число грузинских студентов значительно превышало число абхазов, что всегда вызывало тревогу сепаратистских кругов. Вот почему был поставлен вопрос об открытии т.н. «абхазского» сектора.

Официальная мотивация вроде бы была вполне закономерной – абхазские студенты должны были получить высшее образование на родном языке. Однако реализация этой идеи выглядела весьма призрачной, так как обучение в т.н. «абхазских» школах на родном языке велось лишь в начальных классах, а с V класса абхазские дети овладевали знаниями исключительно на русском языке. В этих условиях перевод обучения в вузе на родной язык, конечно, был нере-

альным и это прекрасно понимали сами абхазы, но их цель была в другом – они, во что бы то ни стало, добивались искусственного увеличения численного состава абхазских студентов путём их зачисления на т.н. «абхазский» сектор. Было решено: контингент ежегодного приёма студентов разделить на 3 части: 40% – русский сектор; по 30% грузинский и «абхазские» сектора. На «абхазский» сектор зачисляли исключительно абхазов, владевших родным языком. Таким образом, за 5-6 лет сепаратистам удалось решить проблему численного превосходства грузин среди студентов.

Открытие т.н. «абхазского» сектора дало повод сепаратистам поставить вопрос и о дополнительном привлечении на работу преподавателей – абхазов, якобы для обеспечения обучения (в перспективе) на родном языке. Однако всё это было фикцией, так как за 10 лет функционирования (с 1979 по 1988гг.) никто и не думал серьёзно перевести обучение на родной язык – не только в вузе, но даже в средней школе. Всё это понадобилось только для того, чтобы искусственно увеличить число абхазов и среди профессорско-преподавательского состава.

Несмотря на эти усилия сепаратистов, в бытность ректором З. В. Анчабадзе, видного абхазского учёного-историка, пламенного патриота как своего родного края, так и большой Отчизны – Грузии, сепаратистам не удалось установить свой контроль над университетом. Но после смерти первого ректора АГУ (в 1984г.) и назначения на это место совершенно случайного для подобной ответственной академической должности человека, каковым был кандидат филологических наук З. Х. Авидзба, известный всего лишь своей партийной карьерой (он долгое время работал вторым секретарём Сухумского горкома КП Грузии), открылись новые возможности для претворения в жизнь далеко идущих планов духовных отцов абхазского сепаратизма.

Главной фигурой стал проректор по научной работе, известный идеолог абхазского сепаратизма, кандидат философских наук, доц. Олег Дамения, вокруг которого сплотились сепаратистски настроенные круги. Новое руководство АГУ по инициативе О. Н. Дамения, провело ряд мероприятий, которые явно были направлены на эскалацию антигрузинских настроений среди абхазского студенчества. Наиболее ярко это проявилось в марте 1987г., когда в университете было организовано обсуждение первого учебного пособия по истории Абхазии, авторами которого были профессора З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария и А. Э. Куправа. Особенно острой и совершенно необоснованной критике был подвергнут раздел, подготов-

ленный З. В. Анчабадзе. Сепаратистам не нравилось то, что автор древнюю и средневековую историю Абхазии (до XIX в.) представил в неразрывной связи с общегрузинской историей. Идеологи абхазского сепаратизма обсуждение учебного пособия фактически превратили в судилище З. В. Анчабадзе и других представителей грузинской историографии. К сожалению, т.н. «грузинская номенклатура» АГУ и на этот раз промолчала. Лишь проф. Г. А. Дзидзария, а также тогда ещё кандидат наук Георгий Анчабадзе (сын З. В. Анчабадзе) и зам. зав. кафедрой истории Грузии-Абхазии, доц. З. В. Папаскири сумели дать отпор клеветническим нападкам представителей т.н. абхазской сепаратистской «историографии».

Рупором сепаратистской пропаганды становился периодический орган АГУ газета *«Абхазский университет»*. Неслучайно, что именно эта газета поместила на своих страницах обширное интервью не раз упомянутого нами ленинградского филолога, проф. Г. Турчанинова, в котором ещё раз напоминали абхазам, как, якобы под нажимом Тбилиси, преследовали Г. Турчанинова и не давали ему возможность опубликовать материал о своём сенсационном открытии. Как уже отмечалось, Г. Турчанинов ещё в 60-х годах XX в. всему свету объявил о том, что создателями древнейшей в мире алфавитной письменности являются абхазы. На этот раз Г. Турчанинов пошёл ещё дальше и как минимум на одно тысячелетие удревнил создание древнеабхазской письменности. Это событие он со II тысячелетия перенёс в III тысячелетие до н.э.

И главное, всё это преподносилось на фоне нарастающей антигрузинской истерии. Эти и другие факты, имевшие место в АГУ особенно после 1984 г., явно показали, что университет фактически стал флагманом абхазского сепаратистского движения. В университете тревожно следили за процессом пробуждения национального самосознания грузинского студенчества и всемерно старались в корне пресечь любые проявления их активности в общегрузинском национально-освободительном движении.

Ситуация не изменилась к лучшему и после того, как сепаратистски настроенная часть профессорско-преподавательского состава АГУ потерпела поражение (в апреле 1988 г.) на выборах ректора вуза и не смогла провести на этот пост своего лидера доц. О. Н. Дамения. Ректором стал доктор физико-математических наук Алеко Алексеевич Гварамия, на которого делала ставку в основном грузинская часть профессорско-преподавательского состава. Однако, к сожалению, новый руководитель университета не сумел изменить ярко выраженный националистический курс предыдущего руково-

дства и почти сразу же стал креатурой сепаратистов. Впервые это наглядно проявилось осенью 1988 г., когда он демонстративно отказался выступить по-грузински на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном к 60-летию основания ТГУ.

В данном случае, особенно вызывающим было то обстоятельство, что А. А. Гварамия, абхаз по национальности, достаточно хорошо знал грузинский язык (он долгое время работал заведующим кафедрой в Грузинском Институте Субтропического Хозяйства и читал лекции и на грузинском языке). Более того, он даже подготовил грузинский текст своего приветствия,^{*} но, как выяснилось, «духовные отцы» абхазского сепаратизма в последний момент запретили ему произнесение речи на грузинском языке. В результате получилось так, что в то время, когда почти все зарубежные гости, как правило, выступали по-грузински, только Алеко Гварамия, абхаз, носящий чисто грузинскую фамилию, демонстративно обратился к присутствующим на русском языке. Это было встречено весьма неодобрительно аудиторией, а сам А. Гварамия попал в неловкое положение. Данный факт не мог не насторожить грузинскую часть АГУ, которая до этого, как уже было сказано, возлагала определённые надежды на нового руководителя вуза. Действительно, вскоре ректор университета открыто сделал ставку на националистические силы и фактически стал проводить антигрузинскую политику.

Как уже отмечалось выше, оживление общегрузинского национально-освободительного движения пробудило национальное самосознание грузинского студенчества АГУ. Этому способствовала активная антикоммунистическая и антиимперская пропаганда, которую начали вести отдельные молодые преподаватели университета, члены неформальных организаций: Иосиф (Сосо) Адамия, Вахтанг Чания, Давид Читаиа, Бесик Одишария и др. Именно по их инициативе студенты выпустили рукописный журнал «*Цхуми*». Следует отметить, что это был первый литературный и общественно-политический журнал на грузинском языке, в котором студенты, а также некоторые преподаватели открыто стали пропагандировать свободлюбивые и национально-освободительные идеи.

Вместе с тем, в журнале были помещены и материалы, призывавшие абхазскую молодёжь стать вместе со своими грузинскими собратьями в борьбе за свободу и демократию. Более того, в журнале даже были опубликованы – на грузинском языке – статьи отдельных абхазских студентов. Именно это обстоятельство насторожило

^{*} В подготовке данного текста принимал участие и автор этих строк.

сепаратистов. В этом они увидели опасность дальнейшего сближения грузинских и абхазских студентов. Их особенно обеспокоило то, что в некоторых статьях вынашивалась мысль о проживании грузинских племён на территории современной Абхазии с древнейших времён. В этом плане, сепаратисты особенно ополчились на статью тогда ещё доцента Теймураза Мибчуани, в которой была дана единственно правильная этимология топонима «Цхуми», на основании которой автор приходил к совершенно верному выводу о том, что это название городу могли дать только картвельские племена.

И, наконец, особенно вызывающим для сепаратистских кругов стало то, что журнал был посвящён 70-летию восстановления грузинской национальной государственности, о чём недвусмысленно указывала дата выхода журнала – 26 мая. Между прочим, на это не сразу было обращено внимание. Об этом шум подняли лишь после того, как на презентации журнала, состоявшейся в актовом зале АГУ, в присутствии ректора А. А. Гварамия, а также комсомольского руководства автономной республики, тогдашний первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Сесили Гогиберидзе, совершенно неожиданно для присутствовавших номенклатурных работников, демонстративно поздравила студентов с днём восстановления грузинской государственности, что было встречено бурной овацией.

Именно после этого и началось преследование тех студентов и преподавателей, которые принимали активное участие в создании журнала «Цхуми». По инициативе национал-сепаратистских сил, ректор организовал (в узком кругу) обсуждение журнала. Однако тогда сепаратистам не удалось запретить выпуск журнала. Не удалось также изменить его название. Это было серьёзной победой грузинского студенчества, профессорско-преподавательского состава, и она была одержана благодаря активной позиции, прежде всего, сотрудников кафедр истории: И. Адамия, В. Чания, Т. Мибчуани, М. Берия, З. Папаскири и др.

Однако страсти постепенно всё больше накалялись. Осенью 1988г., по инициативе некоторых преподавателей АГУ (Нугзара Кереселидзе, Тенгиза Цулая, Зураба Папаскири и др.), в университете началось движение за создание первичной организации *Всегрузинского общества Шота Руставели*. Руководство университета вновь не сумело помешать этой инициативе. Более того, оно попыталось взять ситуацию под свой контроль. Интересно, что собранием, которое учредило университетскую организацию, фактически руководил сам ректор А. А. Гварамия. Председателем первичной организации был избран зав. кафедрой истории грузинской литературы проф.

Отар Чургулия, заместителями же – доц. Зураб Папаскири и, что особенно важно, известный абхазский поэт и литературовед, доц. Борис Гургулия (до недавнего времени председатель Союза писателей сепаратистской Абхазии).

Включением в руководящее ядро университетской организации общества Руставели Б. А. Гургулия, ректор и его абхазское окружение естественно стремились как-то проконтролировать деятельность вновь созданной организации. Со своей стороны грузинская сторона также не была против включения абхазских деятелей в руководящий орган общества. Наоборот, даже самому ректору было предложено войти в президиум организации, но тот деликатно отказался. Эта позиция инициаторов создания университетской организации, кстати, одной из первых в Абхазии (до этого функционировала лишь Гульрипшская районная организация общества Руставели), была продиктована стремлением максимально разрядить обстановку в университете и вовлечь его абхазскую часть в общегрузинское национально-патриотическое движение.

Эта тенденция была продолжена и в дальнейшем, когда началось движение уже за создание Абхазской региональной организации Всегрузинского общества Руставели. И на этот раз некоторые представители абхазской интеллигенции, среди них такие видные, как лауреаты премии Руставели Баграт Шинкуба, Мушни Ласурия и др., вроде бы не встретили в штыки инициативу создания общества Руставели, наоборот, они даже охотно согласились войти в руководящий орган региональной организации.

11 марта 1989г. в Сухумском грузинском драматическом театре им. Константине Гамсахурдиа состоялось учредительное собрание Абхазской региональной организации Всегрузинского общества Руставели. Председателем организации был избран ректор Грузинского института субтропического хозяйства проф. Наполеон Каркашадзе, заместителями – поэт Гено Каландия и доц. Зураб Папаскири. На этом же собрании были избраны и делегаты первого съезда Всегрузинского общества Руставели, который состоялся ровно через неделю – 18 марта 1989г. Но участвовать в работе этого съезда абхазы отказались и, как выяснилось, неспроста. Именно в этот день, по инициативе народного форума Абхазии – «*Аидгылара*», в селе Лыхны состоялся т.н. «съезд абхазов», решения которого буквально всколыхнули всю Грузию.

Такова, вкратце, предыстория активного вовлечения грузинского студенчества и профессоров-преподавателей АГУ в общегрузинские акции протеста весной 1989г. Неофициально оформилось

руководящее ядро акции протеста грузинских студентов и преподавателей, куда вошли тогдашние студенты: Каха Кварацхелия, Роин Берия, Абесалом Микеладзе, Лия Ахаладзе, Мери Кирия, Марина Джгамадзе, Русудан Эзугбая, Паата Чачибая, Хатуна Кварацхелия, Бадри Гогия, Бежан Хорава, Гоча Лордкипанидзе, Гоча Двалишвили, Манана Дзидзигури, Нодар Гогелия, Лела Поцхверашвили, Русудан Пипия, Мурман Ткебучава и др. Студенческое движение фактически направляли молодые сотрудники кафедры истории Грузии-Абхазии Абхазского государственного университета: Иосиф (Сосо) Адамия, Давид Читаиа, Вахтанг Чания и Бесик Одишария. Постепенно, всё большую активность стали проявлять и преподаватели старшего поколения: профессора Гульджавар Пирцхалава, Владимир Карчава, Реваз Харебава; доценты Мурман Берия, Этери Каджая, Джумбер Хубутя, Юрии Гулуа, Зураб Папаскири; преподаватели Тенгиз Цулая, Рамин Анджапаридзе, Мурман Квеквескири и др.

Сначала студенты и преподаватели всего лишь требовали от руководителей (абхазов) университета, в первую очередь, от ректора А. Гварамия, дезавуировать свои подписи под Лыхненским Обращением. Однако руководство университета, под давлением Народного форума Абхазии, принципиально отказывалось от такого шага. Местом проведения акции стала кафедральная церковь, куда не раз приходила делегация абхазских преподавателей университета, которые призывали участников акции вернуться в университет, при этом они категорически отказывались выполнить какое-либо их требование. Не дал результата и приезд в Сухуми министра просвещения Грузии Гурама Енукидзе. Встреча с ним, которая состоялась в актовом зале АГУ, фактически была сорвана, так как грузинской стороне не дали возможность отстоять свои позиции, и в знак протеста малочисленная делегация участников акции демонстративно покинула зал заседания.

Тем временем ситуация всё больше накалялась. К акции протеста грузинских студентов начали присоединяться национально-патриотические силы, а также широкие слои грузинского населения автономной республики. В этой ситуации, новое руководство Грузии во главе с первым секретарём ЦК КП Грузии Гиви Гумбаридзе явно выглядело растерянным. В критический момент инициативу попытался взять в свои руки председатель совета министров Нодар Читанава. Предпринимая этот шаг, новый премьер-министр советской Грузии надеялся на свой личный авторитет среди грузинской интеллигенции Абхазии, в том числе, и среди грузинской части профессорско-преподавательского состава Абхазского государственного

университета. Определённую надежду на приезд Н. А. Читанава возлагало и партийное руководство автономной республики.

Однако первая же встреча с представителями грузинской профессуры и студенчества, которая состоялась в зале заседания бюро обкома партии, в присутствии первого секретаря Сухумского ГК КП Грузии Зураба Эрквания, однозначно показала, что ситуация не простая и что «мятежные» студенты и преподаватели АГУ отнюдь не намерены отступать. Следует отметить, что эта встреча длилась примерно 8 часов и завершилась где-то к 2 часам ночи. Выступавшие на нём преподаватели (З. Папаскири, Н. Лемонджава, А. Гадилля) и студенты (Р. Берия, Р. Эзугбая, М. Кирия и др.) дали понять главе правительства Грузии, что если руководство университета и, в первую очередь, ректор А. Гварамия не признают свою ошибку и не откажутся от своих подписей под предательским по отношению грузин и грузинского государства документом, т.е. под «Лыхненским «Обращением», то ни о каком прекращении акции речь не может идти. Переговоры, уже в более узком кругу, были продолжены на следующий день. В результате, вроде бы удалось достичь компромисса: протестующие согласились на оставление в должности ректора А. Гварамия, но потребовали обновления парткома университета и включения туда тех представителей грузинской профессуры, которые, по их мнению, могли реально осуществить контроль над администрацией и не допустить дальнейшего превращения университета в идеологический штаб абхазского сепаратизма. Однако власти не пошли даже на это, после чего акция протеста обрела более широкие масштабы.

Участники акции реально заговорили о выходе из структуры Абхазского государственного университета и создании на базе его грузинской части отдельного грузинского высшего учебного заведения. Следует особо отметить, что создание нового университета отнюдь не было самоцелью. Как уже отмечалось, участники акции даже представить не могли, что власти не сумеют обуздать сепаратистов и не предпримут каких-либо усилий для удовлетворения требований акции протеста. Они не только категорически отказывались сменить руководство университета, но даже пошли против освобождения редактора университетской газеты Н. Джонуа, газеты, которая к этому времени стала чуть ли не главным рупором антигрузинской националистической пропаганды.

В этой ситуации идея создания нового университетского центра в Сухуми в виде Филиала Тбилисского государственного университета становилась всё более популярной. Однако у этой идеи

были противники, и не только во властных структурах как Абхазии, так и Грузии, но, как ни странно, и в национально-патриотических кругах Грузии. Это наглядно показали встречи (они проходили в разное время в течение апреля и начале мая 1989г.) представителей акции протеста в Сухуми: С. Адамия, Д. Хубутия, Ю. Гулуа, М. Берия, Р. Харебава, Р. Абсава, Н. Кереселидзе, З. Заркуа, З. Папаскири – со многими видными деятелями грузинской научной и творческой интеллигенции. Особенно активно возражал против выхода грузинской части из АГУ и создания отдельного вуза один из признанных лидеров грузинского национально-освободительного движения, президент Всегрузинского Общества Руставели Акакий Бакрадзе. Он призывал участников акции не покидать АГУ и вести борьбу внутри университета. В начале мая он даже специально приехал в Сухуми и встречался с участниками акции, которая к этому времени из кафедральной церкви переместилась в здание грузинского государственного драматического театра им. К. Гамсахурдиа и переросла в массовую сидячую забастовку-голодовку.

Следует отметить, что эскалация акции произошла несколько неожиданно даже для самих её руководителей и исключительно по инициативе студентов. Дело в том, что 5 мая 1989г. делегацию участников акции в составе: С. Адамия, Ю. Гулуа, М. Берия, Р. Харебава, З. Папаскири, принял первый секретарь ЦК КП Грузии Г. Гумбаридзе, который согласился на то, чтобы на время, пока не будет найден взаимовыгодный компромисс, грузинская часть университета начала функционировать отдельно. Более того, он предложил выбрать одного человека, который временно стал бы куратором и возглавил бы коллектив. Там же была предложена кандидатура одного из участников встречи, проф. Р. Харебава, и делегация возвратилась в Сухуми в надежде на то, что в следующий же день начнётся работа по возобновлению учебного процесса.

С перемещением протестовавших студентов из кафедральной церкви в здание драмтеатра акция вступила в качественно новый этап. С этого времени она приобрела всеобщий характер, ей выразили солидарность студенты Грузинского Института Субтропического Хозяйства, учащаяся молодёжь г. Сухуми, представители научной и творческой интеллигенции; всё большую активность начали проявлять лидеры неформальных организаций, в первую очередь, общества Ильи Чавчавадзе. Забастовали отдельные предприятия и организации г. Сухуми.

Был создан своеобразный стачечный комитет – руководящий штаб, который возглавил известный грузинский театральный дея-

тель, народный артист Грузии, художественный руководитель и главный режиссёр Сухумского государственного драматического театра им. К. Гамсахурдиа Гоги Кавтарадзе, его заместителем был избран доцент Мурман Берия. В штаб по руководству акции протеста также вошли: Н. Каркашадзе – ректор Грузинского института субтропического хозяйства, председатель Абхазской региональной организации Всегрузинского общества Руставели; Г. Каландия, секретарь Абхазской организации союза писателей Грузии; Д. Джаиани – актёр, член общества Ильи Чавчавадзе; В. Векуа, член общества Ильи Чавчавадзе; Н. Мгалоблишвили, художник, член общества Ильи Чавчавадзе; представители университета – профессора В. Карчава, и Р. Харебава, доценты Д. Хубутия, З. Папаскири и В. Чания, преподаватели С. Адамия, Д. Читаиа, Б. Одишария, Т. Цулая и др., студенты Р. Берия, А. Микеладзе и т.д. В работе штаба активное участие принимали представители педагогической, медицинской и технической интеллигенции: Тамар Одишария, Манана Дзодзуашвили, Джумбер Джоджуа, Темур Шургая, Александр Микадзе и др.

Ситуация становилась всё более неуправляемой. На фоне нарастания акции протеста студентов, по решению штаба, в Тбилиси отправилась представительная делегация (около 40 человек), куда вошли как бастующие студенты и преподаватели, так представители грузинской интеллигенции г. Сухуми. Делегацию принял первый секретарь ЦК КП Грузии Г. Г. Гумбаридзе. На встрече ещё раз было заявлено, что терпение грузинской стороны иссякает, и если не будут приняты соответствующие меры по удовлетворению требований бастующих студентов и преподавателей, то ситуация вообще может выйти из-под контроля. Высшее партийное руководство Грузии вновь проявило своё бессилие и не сумело заставить абхазскую сторону пойти хоть на какую-нибудь уступку. Получалось, что руководству Грузии ничего не оставалось, кроме как действительно удовлетворить требование об открытии в Сухуми Филиала ТГУ.

В критической ситуации, 13 мая 1989г., в Совет Министров Абхазии были вызваны представители штаба: Г. Кавтарадзе, Н. Каркашадзе, М. Берия, Р. Харебава, З. Папаскири и др. Там им было сообщено, что в Тбилиси принято принципиальное решение об открытии Сухумского филиала ТГУ и нужно всего лишь подготовить проект соответствующего правительственного распоряжения. В присутствии членов штаба, председатель совета министров Абхазии О. Г. Зухбая по прямому проводу связался с первым заместителем министра Народного Образования Грузии Рамазом Хуродзе. Стороны стали обговаривать формулировку правительственного распоряже-

ния. Следует отметить, что фактически текст распоряжения был продиктован из Сухуми. В составлении текста данного документа непосредственно принимали участие сам О. Г. Зухбая, который и передавал его содержание по телефону в Тбилиси, а также Н. И. Каркашадзе и З. В. Папаскири.

Уже 14 мая 1989г., на основе подготовленного в Сухуми проекта (он подвергся лишь небольшой доработке), было издано Распоряжение Совета Министров Грузинской ССР следующего содержания:

1. «В связи с создавшимся чрезвычайным положением в Абхазском государственном университете, удовлетворить поставленный грузинскими профессорами, преподавателями и студентами вопрос о создании в г. Сухуми Филиала Тбилисского государственного университета.
2. Поручить Совету министров Абхазской АССР выделить соответствующее помещение для филиала.
3. Поручить Ректору Тбилисского государственного университета тов. Н. С. Амаглобели с 15 мая с.г. приступить к организации филиала и восстановить учебный процесс на всех факультетах.
4. Поручить Министерству Народного Образования Грузинской ССР осуществить контроль за оперативным решением всех поставленных вопросов».¹²

Распоряжение было подписано первым заместителем председателя Совета Министров Грузии О. Квилитая. То, что под распоряжением подписался именно О. Квилитая, было неслучайным. Накануне он как бы «инкогнито» прибыл в Сухуми, где встречался с участниками акции, а также с членами штаба. Эти встречи лишней раз убедили О. Квилитая и, в его лице, правительство Грузии, что иного решения баствующие просто не примут.

Весть о принятии правительственного решения об открытии Сухумского филиала ТГУ баствующими студентами и преподавателями была воспринята с восторгом, хотя были и те, которые несколько скептически отнеслись к этому, и выступили против прекращения акции протеста. Однако они оказались в меньшинстве и акция, совершенно обоснованно посчитав свою миссию выполненной, немедленно была прекращена.

15 мая 1989г. в Сухуми прибыл назначенный по приказу ректора ТГУ акад. Н. Амаглобели директором Сухумского филиала ТГУ проф. Феликс Ткебучава, известный учёный-физик, занимавший в то время пост заместителя директора научно-исследовательского ин-

ститута высоких энергий ТГУ. При назначении проф. Ф. Ткебучава на пост руководителя вновь созданного филиала, в первую очередь, учитывалось то, что он был уроженцем Гагры. Следует отметить, что назначение Ф. Ткебучава, как говорится, человека со стороны, и фактически никому не известного в коллективе, сначала вызвало некоторое замешательство, однако после того, как он в №1 средней школе г. Сухуми, где разместили филиал, произнёс пламенную патристическую речь, студенты и профессорско-преподавательский состав единодушно поддержали директора филиала.

Сепаратистски настроенные круги абхазского населения с возмущением встретили открытие филиала ТГУ в г. Сухуми. Уже на следующий день – 15 мая, вечером, в г. Сухуми, на площади Ленина состоялся стихийный митинг, в котором приняло участие около 10 тысяч человек. Митинговавшие категорически требовали от властей отмену распоряжения правительства Грузии и упразднения Сухумского филиала ТГУ. В противном случае, они грозились кровопролитием. На митинге пришлось выступить первому секретарю Абхазского обкома КП Грузии В. Хишба, который пообещал митинговавшим не допустить функционирование в Сухуми филиала ТГУ. Успокоившись этим заявлением первого лица автономной республики, митинговавшие мирно разошлись. Однако, как показали последующие события, напряженность не стихла и впереди были новые потрясения.

Грузинское руководство не пошло на поводу сепаратистов и оставило в силе своё решение. Такая позиция Тбилиси была обусловлена тем, что власти в этот период больше опасались протеста грузинского населения Абхазии, нежели самих абхазов. И это было совершенно обосновано, так как «революционные события» весны 1989г. чётко показали, что грузинское население автономной республики больше не было намерено выступать в роли пассивного наблюдателя и было готово активно включиться в борьбу за свои права. Это выявилось уже в предвыборной кампании в Союзный парламент, когда в одном избирательном округе г. Сухуми в борьбе за один депутатский мандат столкнулись сразу три кандидата в народные депутаты: ректор Абхазского государственного университета, абхаз А. Гварамия, директор научно-исследовательского института экспериментальной патологии, русский Б. Лапин и директор Сухумского физико-технического института, грузин Р. Салуквадзе. В начале всё шло к тому, что на выборах мог победить А. Гварамия, которого всё ещё активно поддерживали даже некоторые грузинские преподаватели АГУ. Однако после Лыхненского схода и начала т.н.

«грузинской революции» шансы А. Гварамия начали падать. В итоге, на выборах с большим отрывом победил грузинский кандидат Р. Салуквадзе.

Этот факт лишний раз показал, что всё более разворачивавшиеся по всей стране демократические процессы ничего хорошего не сулили абхазским сепаратистам стремившимся установить диктатуру этнического меньшинства в автономной республике. Это побудило их однозначно встать на сторону реакционно-консервативных сил, всемерно пытавшихся удержать тоталитарно-коммунистическую систему и спасти от развала советскую империю. И это в то время, когда вся Грузия, благодаря активной антикоммунистической и антиимперской пропаганде национально-патриотических сил, бесповоротно стояла на другой стороне баррикад. В борьбу за демонтаж коммунистическо-тоталитарной системы и обретение национально-государственной независимости активно включилась грузинская интеллигенция и молодёжь Абхазии. 1 мая 1989г., на фоне проходившей забастовки грузинских студентов и преподавателей АГУ, по инициативе одного из лидеров Абхазской региональной организации Всегрузинского общества Ильи Чавчавадзе, преподавателя кафедры истории Грузии-Абхазии АГУ Сосо Адамия, была проведена беспрецедентная для советской действительности акция. Вместо всенародного праздника, торжественно отмечавшегося в честь международного дня солидарности трудящихся, молодёжь г. Сухуми демонстративно вышла на работу и вместе с рабочими Сухумской железной дороги осуществила ремонтные работы по восстановлению железнодорожной линии. Но это было лишь прелюдией тех бурных событий, которые имели место позже.

26 мая 1989г. в Сухуми, впервые за годы советской власти, всенародно отметили 71-ю годовщину восстановления государственной независимости Грузии. Тон этой акции задавали студенты и преподаватели только что приступившего к функционированию Сухумского филиала ТГУ. Тысячи студентов и сотрудников вуза с трёхцветными знамёнами Грузинской Демократической Республики начали движение от I средней школы, где как уже отмечалось, размещался Сухумский филиал ТГУ, демонстративно прошли по улице Энгельса мимо зданий Абхазского обкома КП Грузии и Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузии и вышли к Площади Конституции, где состоялся многотысячный митинг. Абхазская сторона заранее знала о готовившейся акции. Более того, сепаратистов возмутило то, что ЦК КП Грузии принял специальное решение о праздновании 26 мая

как дня восстановления грузинской национальной государственности. В ответ, 23 мая 1989г., по инициативе руководящего штаба сепаратистов в Сухуми, в доме творческих союзов состоялось собрание представителей городов и районов Абхазской АССР, на котором было принято очередное «Обращение» в ЦК КПСС. В этом «Обращении» особо подчёркивалось, что «Решение ЦК КП Грузии о праздновании 26 мая принято без учёта волеизъявления широких слоёв многонационального населения Абхазской АССР и является актом оскорбления национальных чувств абхазского народа, глумлением над памятью жертв меньшевизма. И это, – говорилось далее в «Обращении», – не может не обострить до крайности и без того напряжённую политическую обстановку в республике, что повлечет за собой самые непредсказуемые последствия». Исходя из вышеизложенного, авторы нового доноса на Грузию и грузинское руководство предлагали центру «принятие решительных, безотлагательных мер для того, чтобы предотвратить празднование 26 мая на территории Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики».¹³

Выше на конкретных фактах мы наглядно показали всю нелепость и необоснованность подобного рода измышлений в адрес меньшевистского руководства Грузинской Демократической Республики, и считаем, что нет никакой необходимости вновь возвращаться к этой теме.¹⁴ Спрашивается просто, где, в каких «захоронениях» обнаружили наши оппоненты останки «жертв меньшевизма», о памяти которых они так пекутся. Вместе с тем, история прекрасно помнит во времена какого режима действительно имело место настоящее издевательство и глумление над многострадальным абхазским народом, кто организовал махаджирство абхазов и обрёл десятки тысяч абхазов на скитание на чужбине, и наконец, какой режим истребил лучшую часть грузинской и абхазской интеллигенции в 30-х годах XX столетия.

Резкое обострение кризиса летом 1989г. Трагедия 15-16 июля. Тем временем ситуация вокруг Сухумского филиала ТГУ всё больше накалялась. На встречу с группой сотрудников и студентов филиала решил прийти первый секретарь Абхазского обкома КП Грузии В. Ф. Хишба, которого сопровождал председатель Совета Министров О. Г. Зухбая. Встреча, которую вёл директор филиала Ф. Ткебучава, проходила в весьма нервной обстановке. Выступавшие преподаватели (в том числе и автор этих строк) и студенты резко критиковали партийного руководителя Абхазии за его выступление на митинге 15 мая, где он, как уже было сказано, пригрозил упразд-

нить филиал. В. Ф. Хишба не смог предложить что-либо для урегулирования кризиса, и данная встреча, как и ожидалось, завершилась ничем. Не дала никаких результатов аналогичная встреча уже с председателем Президиума Верховного Совета Абхазской АССР В. О. Кобахия, которого сопровождали высокопоставленные чины абхазской национальности. Абхазская сторона настаивала на том, чтобы грузинские студенты и преподаватели безоговорочно вернулись в АГУ, при этом отказывалась пойти на какие-либо компромиссы. Эти встречи убедили сепаратистски настроенную часть абхазского населения и их лидеров, что своими силами они не смогли бы переубедить «мятежных» грузин. Поэтому они начали действовать через Москву.

В Сухуми был командирован первый заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР Ф. И. Перегулов, однако его миссия не увенчалась успехом. Затем, по просьбе народных депутатов СССР абхазской национальности, Верховный Совет СССР направил в Абхазию специальную комиссию, куда вошли 4 народных депутата. В их числе был известный русский учёный-лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов. Депутатская группа в Сухуми встретилась и с абхазской и с грузинской стороной. Последняя встреча состоялась в Грузинском Институте субтропического хозяйства. Выступившие на этой встрече: Ректор ГИСХ-а проф. Н. И. Каркашадзе, директор Сухумского филиала ТГУ проф. Ф. Г. Ткебучава, проф. Л. Г. Джахая, доц. З. В. Папаскири и др. – однозначно дали понять представителям высшего законодательного органа страны, что грузинская сторона больше не была намерена терпеть капризы абхазских сепаратистов. Следует особо отметить, что на этой встрече В. В. Иванов попытался «блеснуть» своими знаниями в области языкознания и серьёзно заговорил о мегрельском языке как о самостоятельном языке. Свои умозаключения в этой области он использовал в политических целях и стал «авторитетно» утверждать, что мегрелы не являются грузинами. Исходя из этого он обратился к аудитории и фактически запретил присутствующим грузинам выступать от имени мегрельского населения Абхазии. В ответ на эту провокационную выходку В. Иванова, председательствующий на встрече проф. Ф. Г. Ткебучава обратился к аудитории и попросил всех присутствующих мегрелов-грузин демонстративно подняться с мест. Оказалось, что кроме 3-х или 4-х человек (а в аудитории всего находилось около 40 человек) все остальные были именно мегрелы-грузины. Этого явно не ожидал эмиссар Москвы, и он был вынужден прекратить всякие научно-политические инсинуа-

ции по мегрельской тематике. Кстати, позже, когда об этой наглой выходке московского учёного-депутата стало известно в Тбилиси, он подвергся резкой критике и со стороны руководства ЦК КП Грузии. В итоге, проф. В. В. Иванову пришлось отказаться от своей посреднической миссии и досрочно покинуть Грузию. Этот пример мы привели для того, чтобы наглядно показать полную некомпетентность и тенденциозность т.н. «доброжелателей» из Москвы.

Тем временем лидеры абхазского сепаратизма начали всё больше нагнетать обстановку в Сухуми. Ещё 22 июня 1989г. по инициативе Народного форума Абхазии «*Аидгылара*», в Сухуми состоялось собрание представителей абхазского народа. В нём приняло участие около 1000 человек, в том числе и почти вся абхазская номенклатура. На собрании было принято обращение в ЦК КПСС. 25 июня 1989г. «*Аидгылара*» огласила уже обращение «*К населению Абхазии*», а 27 июня было принято очередное обращение в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР, в котором фактически призывали власти создать законодательную основу для выхода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР.

Сепаратистов всё более выводило из равновесия налаживание учебного процесса в Сухумском филиале ТГУ и, особенно, то, что во вновь созданном вузе готовились к приёмным экзаменам. В начале июля 1989г. народные депутаты, члены ВС СССР Б. В. Шинкуба и А. Н. Гогуа послали телеграмму А. И. Лукьянову и В. В. Бакатину, в которой отмечалось: «В эти дни в Абхазии сложилась чрезвычайная обстановка на межнациональной основе. Особо остро стоит вопрос Абхазского государственного университета и незаконно функционирующего филиала Тбилисского государственного университета в г. Сухуми. С ведома Совета Министров Грузинской ССР продолжается разделение университета по национальному признаку. Ни силы органов внутренних дел, ни общественность не способны предотвратить межнациональные столкновения. В связи с этим, просим незамедлительно решить вопрос о выделении войсковых сил МВД СССР, так как 16 июля незаконно созданный филиал намеревается приступить к приёмным экзаменам».¹⁵ Одновременно, 8 июля 1989г. Народный форум Абхазии «*Аидгылара*» обратился к председателю Верховного Совета СССР М. С. Горбачёву, в котором потребовал от него введение «в Абхазии особой формы управления с прямым подчинением центру».¹⁶ Все эти телеграммы-обращения фактически были информационно-пропагандистским прикрытием готовившейся в Сухуми кровавой расправы. Со всей ответственностью можно утверждать, что грузинская сторона абсолютно не проявляла никакой

агрессивность. Наоборот, она была больше всех заинтересована в сохранении стабильной обстановки и максимально старалась не давать лишнего повода для нагнетания обстановки в автономной республике. На встречах с представителями сепаратистски настроенных кругов руководство филиала призывало их не поддаваться эмоциям и, в конце концов, примириться с открытием нового университетского центра в Сухуми.

Критическая ситуация сложилась с 13 июля, когда в Сухуми начали собираться толпы приезжих из разных абхазских сёл людей. В тот же день представительная делегация абхазов, в том числе и старейшины, явились в среднюю школу №1 г. Сухуми, где, как уже не раз отмечалось, был размещён Филиал ТГУ, и в ультимативной форме потребовали от руководства вуза отмену приёмных экзаменов, иначе они открыто грозились кровопролитием. Руководство Сухумского филиала ТГУ и лично его директор проф. Ф. Г. Ткебучава очередной раз призвали сепаратистов проявить благоразумие и отказаться от незаконных действий. Вместе с тем, они дали знать, что угрозами грузинскую сторону не напугать.

14 июля, в течение всего дня напряжённость в Сухуми сохранялась, а к полуночи абхазы уже окружили здание 1-ой средней школы. В то же время на ул. Маркса осквернили временный стенд поставленный в честь памяти жертв трагедии 9 апреля в Тбилиси. 15 июля, с утра, 1-ая средняя школа была в осаде. Органы внутренних дел не смогли очистить прилегающую к ней территорию. Возникла реальная угроза погрома школы, где находились члены приёмной комиссии – около 10 человек, среди них были и студенты. К середине дня, недалеко от школы, в парке им. Руставели начали собираться представители грузинской общественности, которые максимально пытались не вступать в контакт с абхазами, осаждавшими 1-ую школу. Около 17 часов к парку подъехала автомашина «Волга», из которой абхазский оператор вызывающе стал снимать собравшихся там людей. К машине подошли молодые люди. Они попросили оператора прекратить съёмку и удалиться. Однако тот не подчинился их требованию и демонстративно продолжал снимать присутствовавших. Началась перебранка, и машина срочно покинула территорию. А уже буквально через несколько минут с улицы Энгельса хлынули толпы людей вооружённых металлическими прутьями, камнями, дубинками. Началась настоящая «рукопашная», в которой смертельно был ранен один из лидеров Абхазской региональной организации Всегрузинского общества Ильи Чавчавадзе, Владимир (Вова) Векуа, тяжёлые ранения и увечья получил другой лидер этой же организа-

ции, старший преподаватель Сухумского филиала ТГУ Сосо Адамия. Одновременно абхазы ворвались в здание 1-ой средней школы, устроили там настоящий погром, жестоко избив членов приёмной комиссии: Маизера Баблуани, Роина Берия, Кахабера Кварацхелия, Абесалома Микеладзе (студенты); Мераба Джикия, Мераба Ломадзе, Карло Шаматава, Мамуку Чедия, Джемала Харебава. В городе началась стрельба. Противостояние продолжалось всю ночь. 16 июля грузинской стороне удалось прийти в себя и постепенно взять контроль над ситуацией в городе. Был даже создан своеобразный штаб, который разместился в здании кинотеатра «Апсны».

Узнав о состоявшейся в Сухуми резне, тысячи жителей Гальского р-на, а также прилегающих р-нов Мегрелии хлынули к р. Галидзга. Почувствовав опасность, абхазы также предприняли меры для «обороны», как они выражались, Своего «Отечества». По сообщению корреспондента газеты «Комсомольская правда» С. Лобанова, «в течение дня 16 июля и ночи 17 июля в г. Гудаута была организована беспрепятственная загрузка на прогулочные катера лиц, вооруженных холодным и огнестрельным оружием, в том числе боевым автоматическим оружием, а также бутылками с зажигательной смесью и т.д. Таким образом, на шести прогулочных катерах из города Гудаута были переправлены около 1000 боевиков».¹⁷ Тем временем в Очамчирском райотделе милиции произошёл захват боевого оружия, которое попало в руки сепаратистски настроенных молодчиков.

На мосту реки Галидзга 16 июля с абхазской стороны была обстреляна двигавшаяся в направлении Очамчире автомашина, в результате чего погибли жители Гальского р-на Нури Шаматава, Реваз Эхвая и Омар Шенгелия. Однако дальнейшую эскалацию конфронтации всё же удалось остановить. В этом была заслуга, в первую очередь, лидеров грузинского национально-освободительного движения, прежде всего, Мераба Костава, а также политического руководства Грузии. Положительную роль сыграло и своевременное вмешательство внутренних войск СССР под командованием ген.-полковника Ю. В. Шаталина. Так закончились трагические дни июля 1989г. В результате столкновений погибло 14 человек – 9 грузин и 5 абхазов.

Было совершенно очевидно, что главными виновниками трагедии 15-16 июля были экстремистски настроенные слои абхазского населения. Утверждать противоположное и сваливать вину на грузинскую сторону, как это пытались в то время, да и сейчас не перестают разглагольствовать идеологи абхазского сепаратизма, просто

напросто бессмысленно, да и бессовестно. Можно подумать, что грузины выступили с требованием закрытия Абхазского университета, они окружили и учинили погром здания, где находились абхазские преподаватели и студенты, а затем на автобусах отправились в Гудауту и напали на собравшихся там мирных жителей-абхазов. Однако, как известно, всё было как раз наоборот. **Это абхазы, почитав себя единственными хозяевами «своей Отчизны», категорически запретили грузинам в собственном государстве – в пределах Грузинской ССР, частью которой и была Абхазия, учиться и работать в грузинском вузе.**

Следует особо отметить, что стремление грузин иметь грузинский университет никак не могло негативно отразиться на функционировании собственно АГУ, так как всё имущество университета оставалось в распоряжении абхазской части, и главное, прежним оставался контингент приёма, т.е. абхазы абсолютно ничего не теряли. Они просто не могли допустить, чтобы в Сухуми начал функционировать новый вуз, не только с обучением на грузинском языке (это и так было в АГУ, на грузинском секторе), но и с делопроизводством на родном, а не на русском языке. Известно, что в самом АГУ всё делопроизводство велось исключительно на русском языке и в этом плане он фактически ничем не отличался от вузов автономных республик, входивших в состав РСФСР. Сепаратисты совершенно чётко осознавали, что в условиях, когда вся Грузия была охвачена освободительным движением и бесповоротно шла к достижению государственного суверенитета, открытие нового грузинского вуза в Сухуми, который, безусловно, стал бы носителем общегрузинской национальной идеи, могло придать дополнительные импульсы вовлечению Абхазии в общегрузинские процессы. Вот против чего ополчились абхазские сепаратисты. Вот почему они грозились кровопролитием и на самом деле исполнили своё обещание, учинив кровавую расправу над грузинами 15-16 июля 1989г. Так что, сколько бы ни старались наши оппоненты, факты говорят за себя и им никак не удастся переложить вину за июльскую трагедию на грузинскую сторону.

Это прекрасно понимали тогда и лидеры абхазского сепаратизма, поэтому они, следуя принципу: «наступление лучшей способ обороны», – начали направлять в разные всесоюзные инстанции жалобы-обращения с требованием немедленного введения военного положения на всей территории Абхазии. Необходимость такого решения мотивировалась тем, что якобы «при попустительстве и содействии руководства и правоохранительных органов Грузии» осуществлялось вооружение грузинских национал-экстремистов для

проведения массового уничтожения абхазов». Однако сепаратисты на этом не остановились. В обращении Народного форума Абхазии – «*Аидгылары*» с громким названием: «*Всем! Всем! Всем!*» – они, ни больше, ни меньше, сообщали о том, что в западной Грузии якобы происходит свержение советской власти и что в Абхазию начали просачиваться «тысячи боевиков грузинской национальности». В результате, по утверждению сепаратистов, возникла реальная угроза жизни абхазов, русских, армян» и т.д. В этой ситуации, – отмечалось в обращении, – «Правительство Грузии дезинформирует Правительство СССР о положении дел в Грузии и Абхазии, препятствует введению комендантского часа, ибо его введение выявит наличие в Абхазии грузинских боевиков, приехавших извне, и лишит правительство Грузии возможности влиять на развитие событий в антиабхазском направлении».¹⁸ Не менее категоричным и конфронтационным было содержание «*Обращения*» народного форума Абхазии – «*Аидгылары*» от 20 июля 1989г., адресованное командующему ВВ МВД СССР ген.-полковнику Ю. В. Шаталину. В нем отмечалось, что «идет чёткая запланированная акция по уничтожению абхазского народа. Как этнос он поставлен на грань катастрофы». Далее авторы обращения, лидеры «*Аидгылары*»: Алексей Гогуа, Роман Чанба, Сергей Шамба, Николай Джонуа, Игорь Мархолия и др., предлагали командующему принять их «предложение о временной мобилизации лиц абхазской национальности на добровольных началах».¹⁹

На самом же деле, никто никогда не угрожал жизни абхазов, а проведение мероприятий по изъятию огнестрельного оружия, организованных силами войск МВД СССР, наоборот, стало проблематичным как раз по вине абхазской стороны. Именно **в одном из абхазских сёл Очамчирского р-на**, при проведении операции по разоружению местного населения, **от рук абхазских боевиков погибли русские солдаты – военнослужащие ВВ СССР**. Этот факт воочию показал, от кого действительно исходила угроза дестабилизации в автономной республике. Главное, это поняли в Москве, где, несмотря на настойчивые требования сепаратистов, приняли решение поручить расследование событий 15-16 июля прокуратуре Грузинской ССР. Однако, расследование, к сожалению, выявило лишь «стрелочников». Так, за незаконную раздачу оружия населению и разжигание межнациональной розни, к двум годам лишения свободы был приговорён прокурор Очамчирского р-на В. Гурджуа, за этот же проступок чуть меньший срок получил начальник вневедомственной охраны Очамчирского райотдела милиции Н. Шларба. К 13 годам лишения свободы был осуждён Юрий Палба смертельно

ранивший Вову Векуа. Главные же виновники – «духовные отцы» и непосредственные организаторы кровопролития 15-16 июля – руководители *«Аидгылары»*, естественно, остались ненаказанными.

Одним из главных виновников трагедии 15-16 июля явно следует считать лидера *«Аидгылары»* Алексея Гогуа, председателя Союза писателей Абхазии, народного депутата Верховного Совета СССР. Личность А. Гогуа, достаточно талантливого прозаика, привлекла внимание общественности ещё с 60-х годов прошлого столетия. Однако, в общественно-политическом плане он долгое время находился в тени и довольствовался скромной должностью редактора детского журнала *«Амцабз»*. Возвышение А. Гогуа на общественно-политическом поприще началось с 1985г. Сперва он возглавил Союз писателей Абхазии, а затем и первую официальную сепаратистскую организацию *«Аидгылара»*.

Рейтинг нового вождя сепаратистов ещё более вырос после его избрания народным депутатом Верховного Совета СССР весной 1989 года. Именно с этого времени становится он ведущим идеологом абхазского сепаратизма. Вот почему он был чуть ли не главным подписантом множества писем-жалоб направленных из Сухуми в Москву. Кроме этого, А. Гогуа выступил в качестве «авторитетного знатока» истории и культуры Абхазии и попытался обвинить грузин в присвоении чужой (абхазской) истории. Как известно, сепаратисты постоянно апеллировали историей и чуть ли не главной причиной, почему Абхазия не может и не должна оставаться в составе Грузинской ССР, считали исторический момент. Т.е. они утверждали, что Абхазия имеет собственную, ничем не связанную с Грузией историю, что у абхазов всегда было своё национальное государство, своя национальная христианская цивилизация и что всё это у них теперь отнимают грузины, присвоившие себе и «Абхазское» царство и «Абхазский Католикосат» и т.д. Всё это подгонялось под политическую подоплёку: мол, автономная республика потому и автономная, что в отличие от союзной республики, не имеет и не может иметь такую же богатую историю как союзная республика.

Как раз эту мысль развивал в своей статье, опубликованной в одном из всесоюзных журналов,²⁰ Алексей Гогуа. В подтверждение этого, более чем странного вывода, он, в частности, приводил пример выдающегося грузинского средневекового философа Иоанна Петрици.²¹ В своё время, акад. Н. Я. Марр высказал мнение, что друг и соратник известного византийского философа Иоанна Италы, некий «грамматик абазг» не кто иной, как Иоане Петрици. На основании этой гипотезы, не раз упомянутый нами абхазский учёный, проф. Ш.

Д. Инал-ипа решил, что этот «грамматик абазг» действительно Иоанн Петрици, однако он никакой не грузинский философ, а по национальности абхаз, который возможно создавал «абхазскую грамматику».²²

И вот, имея в виду эту сенсационную выдумку (иначе не назовёшь этот «научный» опус), Ал. Гогуа на весь Союз обвинил грузинских «империалистов» в присвоении чужой истории. На самом же деле, это не что иное, как кощунство и настоящее издевательство над историей. Прежде чем рассуждать о такой величине средневековой грузинской философской мысли, Ал. Гогуа, по меньшей мере, следовало узнать хотя бы кое-что об его творческом наследии, об его окружении и о той роли, которую сыграл Иоанн Петрици в культурно-просветительской жизни Грузии рубежа XI-XII вв. Тогда может быть нашему «грамотею» (я имею в виду «светило» современной абхазской прозы Ал. Гогуа) стало бы известно, что **Иоанн Петрици писал свои философские трактаты**, а также переводы сочинений греческих философов, таких как Аристотель, Прокл и др., **именно на грузинском**, а не на языке, на котором сочиняет сегодня неизвестно когда ставшим абхазом грузин Алексей Гогуа; узнал бы, что именно **Иоанн Петрици создал целую литературную школу по выработке новой грузинской философской терминологии**, что **Иоанн Петрици оказал большое влияние вообще на развитие древнегрузинской** (а не абхазской) философской мысли, **грузинской светской поэзии и исторической литературы**.

Что же касается собственно грамматики, учёные специалисты (а не дилетанты, типа Ал. Гогуа) особо отмечают вклад Иоанна Петрици и в этой области, но отнюдь не грамматики родного для Ал. Гогуа абхазского языка, а языка его предков – грузин. Всё это также ясно, и не требует особых доказательств, как и то, что сам Ал. Гогуа и его собратья – вчерашние грузины, в одночасье стали абхазами и теперь проливают крокодиловые слёзы по поводу присвоения грузинами «абхазской истории» и отдельных деятелей абхазской культуры. Однако г-н Гогуа и ему подобные абсолютно правы, когда утверждают, что Иоанн Петрици был их предком. Да, если учесть, что подавляющее большинство нынешних абхазов являются генетическими потомками грузин – современников великого философа, конечно же Иоанна Петрици на самом деле следует считать предком современных абхазов.

Но главное не это. Если даже гипотетически представить, что Иоанн Петрици родом был из этнических абхазов (хотя специалисты его считают выходцем из южно-грузинской провинции Самцхе),

говорить об его принадлежности абхазскому культурно-национальному миру в современном его понимании – полная чушь. Никакой абхазской национальной цивилизации, способной создать философские трактаты уровня произведений Иоанна Петрици, в то время, просто-напросто, не было. Это знает мало-мальски образованный человек. Однако, какой толк?! Вот уже какое десятилетие простых абхазов (среди которых, как уже было отмечено, процентов 60, если не больше, обабхазившиеся грузины – в основном мегрелы) без всякого угрызения совести нагло обманывают подобного рода измышлениями. И делают это кто? Алексей Гоуга и его генетические собратья, вчерашние грузины – предатели крови и памяти своих предков.

Новые союзники сепаратистов из Северного Кавказа и их борьба против Грузии. В кризисные дни лета 1989г. в абхазские события Кремль активно подключил «братские народы» Северного Кавказа. 25-26 августа в Сухуми состоялся т.н. I съезд представителей горских народов Кавказа: абхазов, абазин, адыгов, кабардинцев, черкесов, чеченцев и ингушей. Т.е. в основном собрались представители лишь двух кавказских этнических групп – адыгейской и вайнахской; ни осетины, ни тюркские народы кавказского региона участия в нём не принимали. Несмотря на это, данное мероприятие официально было названо: *«Собранием партий и национально-демократического движения народов Северного Кавказа, Абхазии и Дагестана»*. На нём приняли постановление о создании т.н. *«Ассамблеи горских народов Кавказа»* (АГНК) и был избран «Координационный Совет» председателем которого стал Муса (Юрий) Шанибов,²³ доцент Кабардино-Балкарского университета, кандидат философских наук. На данном съезде была провозглашена главная цель нового движения, а именно – создание единой кавказской республики горских народов со столицей в г. Сухуми. Создание единой горской республики мотивировалось необходимостью восстановления и развития некоего единого кавказского этноса. «Горские народы, вышедшие из одной колыбели Протокавказя, – писал лидер вновь созданной *«Ассамблеи»* Муса Шанибов в первом же номере газеты *«Кавказ»* (органа АГНК), – должны, прежде всего, возродить свое духовное, культурное единство...» При этом он особое значение придавал мусульманской религии, считая её чуть ли не главной «объединяющей силой».²⁴

Ещё более категоричным было выступление другого лидера АГНК, чеченца Юсуфа Сосламбекова. Он открыто заявил о «полной решимости» АГНК «восстановить новую Горскую федерацию, которая была объявлена и получила международное признание раньше

Грузинской республики», и которая, по утверждению Сосламбекова, якобы «была аннексирована в результате сговора между русскими и грузинскими генералами. Следствием этого сговора, – отмечал новоиспечённый вождь горских народов Кавказа, – **«наша южная область – Абхазия, с традиционной столицей Кавказа (?!), досталась Грузии, а остальные наши территории прибрала к рукам Россия. Мы восстановим наше государство, и оно больше не присоединится ни к кому».**²⁵

Таким образом, как видим, против Грузии, единой грузинской государственности, фактически был открыт новый идеологический фронт. Территория современной Абхазии, издревле входившая, как уже не раз отмечалось, в общегрузинское государственно-политическое и этнокультурное пространство и являвшаяся её органической частью, совершенно безапелляционно объявлялась **«южной областью»** некоего, не существовавшего никогда **Северо-кавказского государства, а один из древнейших грузинских городов – Цхуми (Сухуми) – даже столицей этого мифического государства.**

Со временем деятельность АГНК, отдельных т.н. национально-патриотических организаций Северного Кавказа всё более приобретали откровенную антигрузинскую направленность. Для наглядности можно привести выдержку из *«Заявления Народного Фронта содействия перестройке Чечено-Ингушской АССР»*, на которое, в своё время, обратила внимание известный русский политолог С. М. Червонная: «Политика потакания советских и партийных органов Грузии т.н. неформалам, при попустительстве центра, приближает нас к очередной трагедии – к массовому возмущению всех народов Северного Кавказа... По вине высшего руководства страны, которое не торопится дать политическую оценку положению в Грузии, над абхазским народом продолжает висеть опасность новой агрессии, и это будоражит наши народы, считающие бесчестьем равнодушно взирать на несправедливость положения, в котором оказался абхазский народ». В связи с этим, Народный Фронт Чечено-Ингушской АССР заявлял «решительный протест» одному из лидеров грузинского национально-освободительного движения Звиладу Гамсахурдиа (в документе он ошибочно назван председателем национально-демократической партии – **З.П.**), который в своём обращении к грузинскому народу договорился до того, что Абхазия находится на грузинской земле и «своим провокационным заявлением поставил Абхазию в один ряд с недавно образованной АО в Хабаровском Крае». «Его молодчики, – отмечалось далее в *«Заявлении»*, – развёртывают по всей Абхазии... разнузданную кампанию травли абхазского

народа, вывешивая по всей абхазской земле флаги меньшевистской Грузии».²⁶

Не менее наглой и бесцеремонной была телеграмма, направленная от имени общего собрания Кабардинского национально-демократического движения «*Адыга Хасе*» (21 сентября 1989г.) из Нальчика одновременно в разные инстанции: в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР, в ЦК КП Грузии и в Верховный Совет ГССР, в Народный Форум Абхазии и Абхазский обком КП Грузии, а также, что особенно примечательно, в некоторые «Дома культуры» Пицунды и Гудауты, где, по-видимому, отдыхали отдельные покровительствовавшие сепаратистам высокопоставленные лица из центра. В этой телеграмме участники Собрания Кабардинского национально-демократического движения, ни больше, ни меньше, требовали: «1. Предоставить Абхазии, как Нагорному Карабаху, статус особого управления. 2. Создать комиссию ЦК КПСС и Верховного совета СССР для объективного анализа... 3. Срочно устранить вопиющую несправедливость..., заключающуюся в том, что одной из сторон конфликта – Грузии – предоставлена возможность установить истину по фактам правонарушений..., передать ведение дел незаинтересованной бригаде из других регионов СССР».²⁷

Ещё более активизировала свою подстрекательную деятельность Ассамблея Горских Народов Кавказа в ноябре 1989г., когда в г. Нальчике состоялась III сессия АГНК, в работе которой приняла участие делегация Народного Фронта Грузии во главе с его председателем Нодаром Натадзе. Грузинская делегация тщетно пыталась перевести разговор по «абхазской тематике» в конструктивное русло. Лидеры АГНК откровенно призывали центральное руководство страны навести порядок в Грузии. «На примере Абхазии видно, – отмечалось в специальном обращении АГНК в адрес Верховного Совета СССР Верховного Совета ГССР, – что эффективных мер Центр... не принимает... Центр не желает или не может выполнять взятые на себя обязательства... Если углубляющийся процесс лишения абхазов гарантированных законом прав не будет остановлен, то это может привести к новой волне кровопролития».²⁸

На этой сессии была образована «*Конфедерация Горских Народов Кавказа*». Её президентом стал лидер АГНК Муса Шанибов. В состав конфедерации вошли 16 народов Кавказа, каждый из которых получил свой пост вице-президента Конфедерации. От абхазов вице-президентом стал известный деятель абхазского сепаратистского движения К. Озган, долгое время работавший первым секретарём Гудаутского райкома КП Грузии.

Эти документы и решения, принятые как АГНК, так и другими общественно-политическими организациями, однозначно свидетельствуют о той предательской позиции, которую заняли по отношению Грузии и грузинскому народу наши северо-кавказские «братья», которые вместо того, чтобы встать между противоборствующими сторонами и как-то постараться примирить их, открыто стали поддерживать сепаратистские устремления абхазов.

Ещё раз о пресловутом «угнетении» абхазов со стороны грузин. Как уже отмечалось выше, различные т.н. «национально-патриотические» организации Северного Кавказа возвышали голос по поводу углубления процесса «лишения абхазов гарантированных законом прав». При этом, эти новоиспечённые «друзья» «угнетённого» абхазского народа даже не удосуживались хоть как-нибудь разъяснить, в чём всё же конкретно ограничивались права абхазов.

На самом деле, о каком углубляющемся процессе «лишения абхазов гарантированных законом прав» можно говорить тогда когда, наоборот, не абхазы, а именно 250-тысячное коренное грузинское население автономной республики, составляющее 45 с лишним процентов всего населения Абхазии (самих абхазов было всего лишь 17%), в своём же Отечестве постепенно превращалось во второстепенную нацию, которая должна была молча следовать за предательскими, по отношению к Грузии, действиями сепаратистов.

Сегодня уже весь мир знает, да это известно было и тогда – в 1989г., как «ущемлялись» права абхазского народа. На протяжении 3 последних десятилетий во главе партийного и советского руководства, т.е. на посту I секретаря Абхазобкома КП Грузии (фактического руководителя автономной республики) и председателя Президиума Верховного Совета Абхазии (официального главы автономной республики) бесменно находились только абхазы. И это в то время, когда в областной парторганизации в численном отношении грузины значительно превосходили абхазов. Абхазы имели больше депутатских мест в высшем органе власти автономной республики – в Верховном Совете. Так, в 1989г. из 140 депутатов абхазов было – 57 (т.е. 40,7%), грузин – 53 (37,9%). Их было значительно больше и в правительстве автономной республики. Из 20 руководителей центральных (в масштабе автономной республики) ведомств – министерств, государственных комитетов – 13 были абхазы, а всего лишь 6 – грузины. Из 15 народных депутатов СССР, избранных в 1989г. в Абхазии, больше половины – 8 были абхазами, а грузин было всего лишь 5. Председателем Верховного суда был абхаз. Прокурором автономной республики также был абхаз. Из 8 городских и районных

прокуроров абхазов было – 5.²⁹

Теперь посмотрим, каким «притеснениям» подвергались абхазы в области культуры и просвещения. Как известно, в Конституции Абхазской АССР абхазский язык, наряду с грузинским и русским, был объявлен государственным языком автономной республики. Следует особо отметить, что подобной записи не было ни в одной конституции автономных образованиях СССР, в том числе конечно и тех северо-кавказских автономных республик, представители которых так рьяно пеклись о правах «угнетённого» абхазского народа. Абхазы пользовались преимущественным правом при приёме в ряды Союза писателей СССР. Они составляли $\frac{3}{4}$ членов Союза писателей Абхазии. А в 1988г. по наименованию книг и брошюр, издаваемых на родном языке на каждые 10000 человек абхазы заняли первое место в СССР (4,3 наименования), в то время как по этому показателю грузины попали лишь во вторую десятку (0,3 наименования). «По тиражу изданий абхазы уступали лишь эстонцам и латышам».³⁰

В Абхазии функционировал Абхазский государственный драматический театр. Всемирную известность получили абхазские государственные ансамбли песни и танца; серьёзных успехов достигли государственный симфонический оркестр и государственная хоровая капелла. На абхазском языке выходили газеты и журналы, в том числе и научные. На абхазском языке вещали радио и телевидение.

Сухуми был фактически вторым после Тбилиси научным центром Грузии. Там функционировал второй в союзной республике и четвёртый в Закавказье государственный университет, где приём студентов, как уже отмечалось, осуществлялся и на абхазский сектор, что также не имело аналога ни в одной автономной республике СССР. Более того, в автономных образованиях РСФСР, в том числе автономных республиках Северного Кавказа, не то что не было национального сектора в университете, но не было даже национальных общеобразовательных школ и дети коренного населения учились исключительно в русских школах. И это тогда, когда в Абхазии к началу 1989-1990 учебного года функционировало 73 абхазских и смешанных (абхазский сектор в русских школах) общеобразовательных школ.³¹

В Абхазии было около 20 научно-исследовательских учреждений, среди которых особое место занимал Абхазский Институт Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Этот институт был ведущим центром научного абхазоведения, где шло планомерное изучение абхазского языка и литературы, истории абхазского народа.

Таким образом, самое беглое знакомство с истинной картиной общественно-политической и культурной жизни Абхазии 70-80-х годов XXв. достаточно для того, чтобы убедиться в полной несостоятельности и беспочвенности утверждений т.н. «друзей» абхазского народа об «углубляющемся процессе» «лишения абхазов гарантированных законом прав».

Однако вернёмся к событиям в Абхазии 1989г. Трагедия 15-16-го июля наглядно продемонстрировала, что абхазские сепаратисты были готовы к решительным действиям. Вместе с тем, кровавая расправа, учинённая над грузинами, придала дополнительные импульсы процессу пробуждения национального самосознания грузинского населения автономной республики и его дальнейшей консолидации. Мощной демонстрацией единства грузинских национально-патриотических сил Абхазии стала учредительная конференция Абхазской Региональной Организации Народного Фронта Грузии, которая состоялась в Сухуми 23 сентября 1989г. Её председателем стал известный врач, профессор Шота Джгмадзе, зверски расстрелянный впоследствии (в сентябре 1993г.) абхазскими боевиками. Вновь созданной региональной организации Народного фронта Грузии на время удалось взять на себя координацию деятельности всех грузинских национально-патриотических организаций Абхазии. Стала выходить газета «*Золотое руно*» (гл. редактор, известный поэт Дж. Джанелидзе) – официальный орган Абхазской Региональной Организации Народного фронта Грузии, сыгравшая значительную роль в идеологической борьбе с абхазским сепаратизмом. Наряду с материалами, освещавшими актуальные темы общественной жизни, в ней публиковались статьи и по ключевым вопросам истории Грузии-Абхазии, в которых была дана научно-обоснованная критика фальсификаторских утверждений отдельных абхазских историков.

Очередным ударом по сепаратистам стали приёмные экзамены в Сухумский филиал ТГУ, которые параллельно с АГУ были проведены в ноябре 1989г. Это означало, что новый грузинский университетский центр в Абхазии приступил к полноценному функционированию. Однако это успешное начало деятельности нового вуза было омрачено трагической гибелью (в автомобильной катастрофе) одного из его основателей и лидера Абхазской организации Общества Ильи Чавчавадзе, известного деятеля грузинского национально-освободительного движения в Абхазии, старшего преподавателя кафедры истории Грузии Сухумского филиала ТГУ Сосо Адамия.

Так закончился 1989г. и начался 1990-й, не менее бурный и насыщенный событиями.

Глава XIX

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ АБХАЗИИ В 1990 ГОДУ

Демократические процессы в Грузии и общественно-политическая ситуация в Абхазии в I половине 1990г. Прежде чем коснемся политических перипетий собственно в Абхазии, считаем необходимым, дать общее представление о ситуации в СССР в целом и в Грузии в частности. Теперь уже не вызывает никакого сомнения, что 1989г. стал переломным в процессе демократического обновления СССР, продекларированного новым советским руководством ещё весной 1985г. В первые годы «*Перестройки*» М. С. Горбачёву и его команде как-то удавалось контролировать ситуацию и не выводить демократические процессы за рамки дозволенного. Однако поистине сенсационное начало Первого Съезда Народных Депутатов СССР 25 мая 1989г., когда, по предложению до того никому не известного врача из Риги Вилена Толпежникова, весь зал почтил минутой молчания память жертв 9 апреля в Тбилиси, буквально взорвало общественно-политическую ситуацию в стране.

Как совершенно правильно отмечает известный русский политолог С. М. Червонная, «именно эта минута, – минута, когда зал встал, игнорируя растерянность высших руководителей, было началом того неповиновения, которое привело – в поразительно короткие исторические сроки – к полному краху тоталитаризма и коммунистического режима».¹ Начиная с этого времени Кремль окончательно выпустил инициативу из своих рук и постепенно начал сдавать позиции. Пламя национально-освободительного движения охватило союзные республики, в авангарде борьбы за восстановление государственной независимости, как уже отмечалось, наряду с республиками Балтии, прочно и бесповоротно встала Грузия.

В этой ситуации новое руководство ЦК КП Грузии, пришедшее к власти после 9 апреля во главе с Г. Г. Гумбаридзе, попыталось идти в ногу с общественно-политическими процессами и как-то «сбалансировать радикализм национального движения».² В этом плане этапным событием была XIII внеочередная сессия Верховного Совета Грузинской ССР, состоявшаяся 9 марта 1990г., которая приняла историческое постановление «*О гарантиях защиты Государственного суверенитета Грузии*». В этом постановлении Верховный орган власти советской Грузии, «подтверждая заключение Комиссии

Верховного Совета Грузинской ССР по вопросам политической и правовой оценки нарушения договора, заключенного между Грузией и Советской Россией 7 мая 1920 года», объявил, «что ввод войск советской России в Грузию в феврале 1921 года и занятие всей её территории являлись с правовой точки зрения военным вмешательством (интервенцией) и оккупацией с целью свержения существующего политического строя, а с политической точки зрения – фактической аннексией. Осуждая оккупацию и фактическую аннексию Грузии Советской Россией как международное преступление, – говорилось далее в постановлении, – Верховный Совет Грузии декларировал своё стремление добиться аннулирования последствий нарушения Договора от 7 мая 1920 года для Грузии и восстановления «прав» Грузии, признанных Советской Россией этим договором».³

Исходя из вышеизложенного, Верховный Совет официально объявил «незаконными и недействительными Союзный рабоче-крестьянский договор между ГССР и РСФСР от 21 мая 1921 года и Союзный договор об образовании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья от 12 марта 1922 года». Сессия Верховного Совета постановила также «начать переговоры о восстановлении независимого Грузинского государства, поскольку Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 года является в отношении Грузии незаконным».⁴

Одновременно, Верховный Совет Грузинской ССР решительно выступил против принятия закона об учреждении поста Президента СССР и фактически запретил депутатам из Грузии участвовать в обсуждении данного законопроекта. Свою позицию парламент Советской Грузии мотивировал следующими соображениями: «Союзные республики являются суверенными государствами. Следовательно, в условиях президентского правления Грузия как суверенное государство должна иметь своего Президента. Наличие поста Президента СССР при отсутствии поста Президента Грузии является отрицанием существования Грузии как суверенного государства. Принимаемые президентом меры по охране территориальной целостности страны (имеется в виду СССР в целом – **З.П.**) не должны ограничить право союзной республики на свободный выход из состава СССР... Гарантом защиты суверенитета республики может быть только сама республика».⁵

Таким образом, приведённые нами выдержки из Постановления XIII сессии Верховного Совета Грузинской ССР, однозначно свидетельствуют о том, что коммунистическое руководство тогдаш-

ней Грузии окончательно отвернулось от конъюнктуры центра и предприняло решительные шаги на пути вывода республики из состава СССР и восстановления национально-государственной независимости.

Эти решения высшего органа власти республики были настоящим ударом, который не мог не насторожить кремлёвское руководство. Первым ответом на дерзкие действия Верховного Совета Грузии следует считать «Закон Союза Советских Социалистических республик о порядке решения вопросов, связанных с выходом Союзной Республики из СССР», подписанный М. С. Горбачёвым (тогда уже президентом СССР) 3 апреля 1990г. Этот закон был направлен против 72-й статьи Конституции СССР, согласно которой, как известно, для выхода Союзной республики из СССР достаточно было всего лишь соответствующее решение Верховного Совета (т.е. высшего органа власти) союзной республики. Новым законом же решение о выходе союзной республики из СССР принималось «свободным волеизъявлением **народов** союзной республики путём референдума», и главное, «В союзной республике, имеющей в своём составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум» должны были провести «**отдельно по каждой автономии**».⁶

Таким образом, «За народами автономных республик и автономных образований» сохранялось «право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своём государственном правовом статусе». «Решение о выходе союзной республики из СССР» считалось «принятым посредством референдума, если за него» проголосовало бы «не менее двух третей граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики к моменту постановки вопроса о её выходе из СССР...» Т.е. если даже население Грузии, в целом, проголосовало бы за выход республики из СССР, это отнюдь не означало, что абхазская АССР и Юго-Осетинская Автономная Область, а также отдельные районы, где большинство населения составляли представители национальных групп, автоматически выходили из СССР. Для этого необходимо было, чтобы «не менее двух третей» жителей названных регионов обязательно проголосовали за выход из СССР.⁷

Совершенно очевидно, что при такой постановке вопроса Грузия стояла перед реальной опасностью потери Абхазии, т.н. «Южной Осетии» и возможно некоторых районов Восточной и Южной Грузии. Но это не всё. Последней инстанцией, за которой было за-

креплено право окончательного решения вопроса, был Съезд народных депутатов СССР, который ещё «и устанавливал» переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны «были быть» решены «вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР». И наконец, «в последний год переходного периода союзная республика обязательно» должна была провести повторный референдум «если этого требует одна десятая часть граждан СССР постоянно проживающих на территории республики и имеющих право голоса...». В том случае, «если за подтверждение решения о выходе союзной республики из СССР» проголосует «менее двух третей граждан СССР... к моменту постановки вопроса о проведении повторного референдума... решение о выходе союзной республики из СССР» считалось «отменённым и процедуры предусмотренные... Законом прекращались».⁸

Как видим, этот закон фактически сводил к нулю шанс той или иной «мятежной» республики выйти без территориальных потерь из состава СССР и достичь национально-государственной независимости. Неслучайно, этот, с позволения сказать, «закон» – своего рода «шедевр» имперского юридического мышления, в народе получил название «Закона о невыходе из СССР».

Тем временем, идея обретения национально-государственной независимости Грузии становилась всё более популярной. Ещё более активизировали свою деятельность национально-патриотические силы: 13 марта 1990г. в Тбилиси начала работу объединительная конференция представителей национально-освободительного движения, призвавшая народ бойкотировать выборы в Верховный совет Грузии, назначенные на 25 марта. Власти были вынуждены пойти на уступки и внести изменения в Конституцию Грузинской ССР. Согласно новой редакции 49-й статьи Конституции, граждане Грузии получали право «объединиться в политические партии, общественные организации, участвовать в массовых движениях»... и т.д. Т.е. в Грузии официально устанавливалась многопартийная система. Конференция учредила координационный орган – Национальный форум, куда вошли Хельсинкский союз Грузии, Национально демократическая партия, Партия национальной независимости, Христианско-демократическая партия и т.д.⁹

По завершении конференции были предприняты шаги для объединения грузинских национально-патриотических организаций функционировавших в Абхазии, в единый «*Национальный Комитет Цхум-Абхазети*» (НКЦА), куда вошли все действовавшие в автономной республике организации: Общество Ильи Чавчавадзе, На-

ционально-демократическая партия, Общество Шота Руставели, Христианско-демократический союз, организация «Лели», Ассоциация врачей, Хельсинкский союз, общество Мераба Костава, монархистско-консервативная партия и т.д. От вступления в Национальный комитет воздержалась Абхазская региональная организация Народного Фронта Грузии.

Важным событием в жизни грузинских национально-патриотических организаций в Абхазии стало открытие близ Сухуми, в селе Ачадара, вдоль главной автомагистрали, мемориала памяти жертв трагедии 9 апреля в Тбилиси, которое состоялось в апреле 1990г. Открытие мемориала переросло во всенародную акцию, охватившую все районы и города Абхазской АССР. Масштабы этой акции, естественно, не могли не напугать абхазских сепаратистов, которые начали настоящую травлю председателя Ачадарского сельсовета Леонида Отырба, абхаза по национальности, чья подпись стояла под разрешением о выделении земельного участка для сооружения мемориала. Сепаратисты его объявили предателем «отчизны». Всё это закончилось трагедией. Не выдержав постоянного давления со стороны своих соотечественников, Л. Отырба покончил с собой.

Общественно-политическая ситуация в Грузии постепенно всё больше накалялась. Национально-патриотические организации стали выступать против проведения выборов в Верховный Совет Грузии, назначенные на 25 марта 1990г. Единственной национально-патриотической силой, которая активно выступала за проведение выборов, являлся Народный фронт Грузии, возглавляемый Нодаром Натадзе. Следует отметить, что на тот период Народный фронт Грузии имел наибольший политический рейтинг и фактически рассматривался как альтернатива компартии Грузии, которая, со своей стороны, увидев реальную опасность потери власти, решила отложить выборы на осень, а оставшееся время максимально использовать для укрепления своих позиций.

Важной вехой на этом пути должен был стать XXVIII съезд КП Грузии, который был назначен на 15 мая 1990г. Справедливости ради следует отметить, что новое руководство ЦК КП Грузии во главе с Г. Г. Гумбаридзе, которое, как уже отмечалось, пришло к власти после 9 апреля 1989г., открыто взяло курс на демократизацию. Более того, можно смело утверждать, что компартия Грузии фактически превратилась в партию национально-демократического толка, которая окончательно отказалась от построения «светлого будущего человечества» – коммунизма и главной целью поставила борьбу за восстановление государственной независимости Грузии. В

этой связи, представляет большой интерес проект программы партии, представленный на утверждение съезда. Так вот, в этой программе, именуемой «Программой коммунистической партии», ни разу не упоминалось имя В. И. Ленина, а слово «социализм» (и то в сочетании «демократический социализм») встречалось лишь в одном месте.

В новой ситуации была изменена система избрания делегатов съезда КПСС. Эти изменения, прежде всего, коснулись партийных организаций автономных образований. Так, если раньше выборы делегатов были многоступенчатыми, т.е. чтобы попасть на съезд КПСС в Москву член партии должен был пройти через выборы в первичной, районной (городской), областной и республиканской парторганизации, на этот раз из схемы выпала областная парторганизация. В условиях Абхазии это означало, что Абхазский обком КП Грузии в какой-то степени оказался «не у дел» и до конца не мог контролировать процесс избрания делегатов на форумы вышестоящих партийных инстанций: т.е. на съезды КП Грузии и КПСС. Важным новшеством было также и то, что выборы делегатов съезда КП Грузии на районных и городских конференциях могли проводиться на альтернативных началах.

Учитывая эти обстоятельства, первичные партийные организации под давлением национально-патриотических сил, при избрании делегатов городских и районных конференции старались предпочтение отдавать членам партии, занимавшим ярко выраженную патриотическую позицию. Особенно наглядно это проявилось на партсобраниях первичных организаций г. Сухуми, на которых делегатами городской партконференции были избраны некоторые «инакомыслящие» члены партии. В результате конференция Сухумской городской организации КП Грузии оказалась «неуправляемой». Для выявления делегатов съезда КП Грузии, выборы которых проходили на альтернативной основе, понадобились три тура. Впервые за последние десятилетия абхазской партийной номенклатуре не удалось провести данное мероприятие по своему сценарию и делегатами съезда КП Грузии были избраны некоторые неугодные абхазской стороне представители грузинской интеллигенции: зав. кафедрой философии Грузинского Института Субтропического Хозяйства, проф. Л. Г. Джахая, зав. кафедрой истории Грузии Сухумского филиала ТГУ им. Иванэ Джавахишвили, доц. З. В. Папаскири и др.

Однако отход от демократического централизма – основы организационной монолитности КПСС – позволил сепаратистским силам в Абхазской парторганизации действовать самовольно и не подчиниться партийной дисциплине. Так, по решению ЦК КПСС

делегаты XXVIII съезда КПСС из Грузии должны были избираться только на съезде КП Грузии. Этот же форум имел исключительное право рекомендовать своих представителей в руководящие органы съезда КПСС. Но отдельные партийные организации в Абхазии демонстративно нарушили эту норму. Так, например, на конференции Гудаутской районной организации КП Грузии непосредственно делегатами XXVIII съезда КПСС, минуя съезд КП Грузии, были избраны известные своими сепаратистскими взглядами партийные лидеры Константин Озган и Саид Таркил. Этим Гудаутская районная парторганизация фактически поставила себя вне Грузинской партийной организации, чем грубо нарушила партийную дисциплину. Есть все основания полагать, что этот шаг гудаутских коммунистов был инициирован Москвой. Однако руководству ЦК КП Грузии тогда удалось пресечь эти сепаратистские действия отдельных абхазских коммунистов. По требованию лидера грузинских коммунистов Г. Г. Гумбаридзе, XXVIII съезд КПСС не принял полномочия К. К. Озгана и С. Р. Таркила и выпроводил их из Москвы. В то же время в работе съезда КПСС принял участие первый секретарь Гудаутского райкома КП Грузии Игорь Лакоба, который (при полном соблюдении новых правил) был избран делегатом на XXVIII съезде КП Грузии.

Делегаты из Абхазии на XXVIII съезде КП Грузии, в целом, проявили себя вполне лояльно, хотя попытки демарша со стороны отдельных делегатов-абхазов всё же имели место. Так, например, во время приёма абхазской делегации в ЦК КП Грузии (накануне начала съезда) один из делегатов, проректор АГУ доц. О. Н. Дамения почти в ультимативной форме потребовал разъяснения от первого секретаря ЦК КП Грузии Г. Г. Гумбаридзе по поводу известных решений XIII сессии Верховного Совета Грузинской ССР о выходе Грузии из СССР, о которых говорилось выше. Партийному руководителю Грузии пришлось проявить всё своё дипломатическое искусство, чтобы успокоить возмутителя спокойствия. Но капитулянтский тон Г. Гумбаридзе вызвал негодование уже присутствовавших на встрече некоторых грузинских делегатов, в первую очередь, автора этих строк, который фактически заставил первого секретаря ЦК и председателя Верховного Совета Грузинской ССР ещё раз публично подтвердить правильность и неотвратимость решений принятых XIII сессией грузинского парламента. На этой же встрече проф. Л. Г. Джахая поставил вопрос об официальной поддержке Литовской компартии, заявившей в то время о выходе из КПСС, однако Г. Г. Гумбаридзе отказался включить данный вопрос в повестку дня съезда.

Съезд утвердил программу и устав партии, а также избрал де-

легатов XXVIII съезда КПСС. Что касается избрания руководящих органов партии, то это было отложено до второго этапа съезда, проведение которого планировалось по завершению XXVIII съезда КПСС. Съезд прошёл без эксцессов, хотя в речи первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии В. Ф. Хишба от имени абхазской организации прозвучало требование не ставить вопрос о выходе КП Грузии из КПСС, как это предлагали партийные руководители отдельных регионов, например, первый секретарь Кутаисского горкома КП Грузии Темур Шашиашвили и др. Несмотря на это, Съезд в целом продемонстрировал, что руководство ЦК КП Грузии, в принципе, контролирует ситуацию в Абхазской парторганизации, и секретари райкомов и горкомов Абхазии, в том числе и представители абхазской национальности: Валерий Пилия (Гагра), Игорь Лакоба (Гудаута), Сергей Багапш (Очамчире), Давид Пилия (Ткварчели) – проявляют полную лояльность по отношению к Тбилиси.

Тем временем, весной 1990г. вновь накалились страсти вокруг Сухумского филиала ТГУ. Это было вызвано тем, что власти Абхазии явно не торопились выполнить поручение Совмина Грузии о выделении соответствующего помещения для вновь созданного вуза. Ситуация особенно обострилась после того, как 26 марта, в знак протеста, в Тбилиси, в своей квартире объявил голодовку директор филиала проф. Ф. Г. Ткебучава. Неординарный шаг руководителя вуза, учёного с международным авторитетом, вызвал замешательство во властных структурах как Грузии, так и Абхазской АССР. Профессорско-преподавательский состав, студенты филиала выразили полную солидарность своему ректору и пригрозили властям новой вспышкой всеобщего неповиновения. Об этом от имени коллектива официально заявили на встрече с первым секретарём Абхазского обкома КП Грузии В. Ф. Хишба и секретарями обкома партии доценты Э. Каджая, З. Папаскири, а также один из лидеров студенчества Р. Берия. Властей особенно напугало то, что требования проф. Ф. Г. Ткебучава и коллектива филиала, активно поддержали З. Гамсахурдия и другие лидеры национально-освободительного движения. В результате, руководство автономной республики было вынуждено предпринять конкретные шаги по обеспечению филиала соответствующим помещением. С их согласия генеральный директор производственного объединения «*Оргтехника*», Алу Гамахария передал в аренду Сухумскому филиалу ТГУ новое здание на Проспекте Мира г. Сухуми. Этим кризис был исчерпан.

В тоже время на ситуацию в Абхазии оказывали влияние деструктивные тенденции, наметившиеся в общегрузинском националь-

ном движении. Так, 7 мая 1990г. политические партии, покинувшие Национальный форум: Хельсинский союз Грузии, Монархическая партия, «Общество святого Ильи Праведного», «Всегрузинское общество Мераба Костава» – объявили о создании новой структуры – «Круглого Стола». Соответственно, абхазские региональные организации этих партий также оставили Национальный Комитет Цхум-Абхазети и учредили Абхазскую организацию «Круглого стола». Это был опрометчивый шаг отдельных лидеров грузинского национально-освободительного движения, приведший, впоследствии, к разобщению национально-патриотических сил в Абхазии.

Чётко осознавая всю пагубность подобных действий, НКЦА призвал к единству патриотических сил. «Грузинские национально-политические организации, тем более в Абхазии, – отмечалось в заявлении НКЦА, – должны стать выше всяческих групповых интересов и констатации «упрямства» некоторых. ...Калькирование структур оппозиционных политических партий в Абхазском регионе по подражанию Тбилиси недопустимо. Нынешняя ситуация требует координированных действий НКЦА и «Круглого стола».¹⁰

Таким образом, амбициозными действиями некоторых политических организаций было нарушено достигнутое ранее единство грузинских национально-патриотических сил в Абхазии. И это в то время, когда даже некоторые партийные функционеры открыто заняли национально-патриотическую позицию. Среди них, в первую очередь, следует назвать Т. В. Надареишвили, занимавшего в то время пост второго секретаря Гагрского ГК КП Грузии. Неслучайно, что именно на него «молодчиками» «Аидгылары» было совершено нападение во время празднования дня восстановления государственной независимости Грузии 26 мая на Гагрском стадионе. Многотысячные митинги-демонстрации в честь 26 мая прошли и в других городах и районных центрах Абхазии.

Следует отметить, что одновременно во многих трудовых коллективах г. Сухуми, в том числе и тех, где преобладали т.н. представители русскоязычного населения, был проявлен живой интерес ко дню независимости Грузии и проведены лекции-беседы о значении этого события в истории Грузии. Одну из таких бесед пришлось провести и автору этих строк не где-нибудь, а во Всесоюзном Институте Экспериментальной Патологии АМН СССР, директором которого был Б. А. Лапин, известный учёный, член-корреспондент АН Грузинской ССР и академик АМН СССР, к тому же член бюро Абхазского обкома КП Грузии. Интересно, что данное мероприятие было проведено лично по инициативе и при активном участии само-

го Б. А. Лапина. Подобного рода факты проявления лояльного отношения русскоязычного населения Абхазии к общественно-политическим инициативам грузинских национально-патриотических сил насторожили лидеров сепаратистского движения, которые с этого времени резко активизировали антигрузинскую пропаганду как раз среди представителей т.н. «национальных меньшинств» Абхазии.

1990 год был отмечен новым наступлением сепаратистов на историографическом фронте. В это время вышла книга известного своими сепаратистскими взглядами историка Станислава Лакоба: *«Очерки политической истории Абхазии»*, в которой автор совершенно бесцеремонно искажал историю Абхазии XIX и первой половины XX столетий, обвиняя Грузию и грузин во всех бедах нагрянувших на абхазский народ в этот период. Основной удар был сделан на «разоблачение» т.н. «имперской политики», якобы проводимой правительством Грузинской Демократической республики в 1918-1921гг. Насильственное установление же советской власти в Абхазии Красной армией в марте 1921г. рассматривалось не иначе, как «избавление от оккупации Грузинской демократической республикой и репрессивного режима правящей меньшевистской партии».¹¹

Освещая историю Абхазии 1918-1921гг. мы на конкретном материале воочию показали всю нелепость и необоснованность фальсификаторских умозаключений С. З. Лакоба,¹² поэтому не видим никакой необходимости лишний раз возвращаться к этой теме. Однако не он один ополчился на грузинских меньшевиков. На страницах официального органа Абхазского обкома КП Грузии, газеты *«Советская Абхазия»* под громкой рубрикой *«Забвению не подлежит»* появилась статья до того ничем особо не проявившего себя на националистическом поприще абхазского учёного, доктора исторических наук, Баджгура Сагария: *«Грузинские опричники в Абхазии»*, в которой ни больше, ни меньше говорилось «о зверском облике» грузинской «гвардии и её миссии в Абхазии».¹³

К антигрузинской историографической пропаганде в это время активно подключился не раз упомянутый выше А. Л. Папаскири, кандидат филологических наук, давно уже выдававший себя за знатока «отечественной» абхазской истории. По его «авторитетному» утверждению, «для науки кровность абхазского и грузинского народов – пустой звук, метафора. Кровного родства между этими народами нет. Оно имеется между абхазцами и адыгами».¹⁴ Мы неоднократно отмечали, что грузинская историография, в целом, за исключением отдельных историков, отнюдь не отрицает «кровное родство» между апсуа-абхазами и адыгами, однако говорить о том, что те, ко-

которые сегодня представляют абхазский народ, по своему происхождению одни абхаз-адыги, полный бред.

Со всей ответственностью можно констатировать, что около 60% (если не больше) теперешних абхазов – вчерашние грузины (в основном мегрелы) и их, в генетическом плане, абсолютно ничего не связывает с абхазо-адыгским этническим миром. Это известно всем, в том числе, конечно, и А. Папаскири, чьё грузинское (мегрельское) происхождение не может опровергнуть даже он сам. Если делить население Абхазии на т.н. «коренных жителей – абхазов» и т.н. «пришельцев» – грузин, как это пытаются делать наши оппоненты, то явно придём к абсурду. Получится, что представители грузинских фамилий: Папаскири, Кварацхелия, Гварамия, Гогуа и т.п. – которые, как уже отмечалось, составляют как минимум добрую половину всего нынешнего абхазского населения, являются аборигенами края, а представители же собственно абхазских фамилий: Хинтбая, Абухбая, Кецбая, Адзинбая и т.д. – жители Гальского р-на, которые давно стали грузинами, не могут претендовать на аборигенство в Абхазии, не говоря уж о тех же грузинских Папаскири, Кварацхелия, Гварамия, Гогуа и т.д., которым не «посчастливилось» стать абхазами. Спрашивается, чем же они хуже своих абхазских однофамильцев? И почему им запрещено считать себя аборигенами Абхазии? Вряд ли на эти вопросы найдут вразумительный ответ А. Гогуа, А. Папаскири, О. Дамения и их собратья. Да и незачем! От людей, давно забывших о своих настоящих корнях и предающих чуть ли не анафеме родину своих предков, разве можно ожидать другие «откровения».

Однако вернёмся к антигрузинской историографической пропаганде, широко развернувшейся, как уже отмечалось, в 1990г. Оценивая, в целом, эту разнузданную кампанию, нельзя не согласиться с выводом С. М. Червонной о том, что «воспитание историей» «...на страницах абхазской националистической печати, по... радио и телевидению, с кафедры Абхазского университета, из аудиторий, кабинетов Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, ...даже в школах, где курс «Истории Абхазии» преподавали активисты НФА «Аидгылара», было направлено на раскачивание этнополитической ситуации, на возбуждение национальной вражды, на идеологическое обеспечение готовящейся провокации – «выхода» Абхазии из Грузии».¹⁵

Общественно-политическая ситуация в Абхазии во второй половине 1990г. Лето 1990 в политическом плане оказалось весьма жарким. Абхазская сторона, серьёзно обеспокоенная дальнейшей ак-

тивизацией грузинских национально-патриотических сил, особенно продемонстрировавших свой «революционный настрой» во время всеобщего празднования дня государственной независимости Грузии – 26 мая, предприняла ответные шаги для защиты «национальных интересов» абхазского народа. 28 мая, по инициативе НФА «Аидгылары», состоялось собрание абхазской общественности, на котором председатель организации С. М. Шамба поставил вопрос о необходимости смены партийного и советского руководства Абхазии, при этом он выразил надежду, что грузинские национально-патриотические организации поддержат их инициативу.¹⁶ Однако грузинские оппозиционные силы Абхазии разошлись во мнениях. Организации, входящие в «Круглый стол», отказались от диалога с «Аидгыларой», в то же время, НКЦА заявил о своей готовности вести политические консультации «с любым представительством абхазского народа».¹⁷

Возникает вопрос, чем же было вызвано недовольство сепаратистов и почему они требовали отставки тогдашнего руководства автономной республики? Чтобы ответить на этот вопрос, следует дать краткую характеристику деятельности властных структур Абхазии, Абхазского обкома КП Грузии, Совмина и Президиума ВС Абхазской АССР начиная с апреля 1989г. Как известно, после Лыхненского схода 18 марта и экстремистских эксцессов 1 апреля, вызвавших бурный протест по всей Грузии, руководство ЦК КП Грузии, чтобы успокоить митинговавших в Тбилиси, пошло на кадровые перестановки в Абхазском обкоме. Первый секретарь обкома Б. В. Адлейба был смещён с должности и его место занял В. Ф. Хишба, работающий до этого заместителем министра Лесного хозяйства Грузии. Чуть позже, после трагических дней 15-16 июля, пленум Абхазского обкома КП Грузии вывел из состава бюро обкома председателя совета министров Абхазии О. Г. Зухбая, который был смещён с поста главы правительства. Тогда же был выведен из состава бюро и председатель Президиума Верховного Совета Абхазии В. О. Кобахия, чем фактически была сделана заявка об его отставке и с поста Председателя Президиума ВС. Но, под давлением сепаратистских сил, тогда не удалось созвать сессию Верховного Совета, и В. Кобахия по-прежнему оставался официальным главой автономной республики.

Изменение политической обстановки в Грузии, последовавшее за трагическими событиями 9 апреля, да и по всему СССР, совершившему резкий поворот к демократическому обновлению после начала I съезда народных депутатов СССР в мае 1989г., ещё больше

усугубило кризис в обществе. КПСС всё труднее было играть роль единственной «руководящей и направляющей силы советского общества». В новых условиях ЦК КП Грузии, возглавляемый Г. Г. Гумбаридзе, стал активно проводить более либеральную политику. В сложной ситуации оказался Абхазский обком КП Грузии, который подвергся давлению сразу с двух сторон. С одной стороны, «верные ленинским принципам» абхазские коммунисты и сепаратистски настроенная часть абхазской интеллигенции почти в ультимативной форме требовали от В. Ф. Хишба и его аппарата проводить принципиальную партийную линию и не допустить эскалацию «националистических» выступлений т.н. грузинских экстремистов». С другой стороны, грузинские национально-патриотические силы, наоборот, ставили вопрос о привлечении к ответственности лидеров сепаратистского движения.

В то же время, «Аидгылара» и сепаратистски настроенные силы всемерно старались превратить В. Ф. Хишба орудием проведения националистической политики. Однако смело можно утверждать, что это им так и не удалось. Новый руководитель Абхазской партийной организации был весьма далёк от сепаратистских взглядов и, более-менее, оставался поборником грузино-абхазского единства. Но вместе с тем, он не пользовался авторитетом среди абхазского населения, так как его с самого начала считали ставленником Тбилиси. И главное, у него, несмотря на внутреннее благородство и порядочность, не оказалось необходимых для политического лидера качеств, прежде всего, смелости и решительности. Это особенно проявилось в трагические дни 15-16 июля 1989г., когда он вообще не смог повлиять на ситуацию и предотвратить нагрянувшую трагедию. Конечно, нельзя категорически утверждать, но сегодня многие склонны считать, что будь на его месте Б. В. Адлейба, действительно имевший довольно большой вес как среди абхазов, так и грузин, возможно, ему удалось бы отвести беду и примирить конфликтующие стороны.

На авторитет власти не повлияло и назначение на пост Председателя Совета Министров Абхазии Г. Анчабадзе, видного партийного и хозяйственного работника, секретаря ЦК КП Грузии. На него возлагала определённые надежды, прежде всего, грузинская сторона. Обращалось внимание на то обстоятельство, что, исполняя обязанности главы правительства Абхазской АССР, он одновременно оставался членом бюро и секретарём ЦК КП Грузии. Т.е. в партийной иерархии Грузии он занимал более высокое положение, нежели сам В. Ф. Хишба. Исходя из этого, представители грузинской обще-

ственности, совершенно обоснованно, требовали от него большей инициативы и решительности. Однако, к сожалению, и у Г. Анчабадзе не оказалось, как говорится, бойцовских качеств, и он даже не попытался стать политическим лидером.

Полностью был парализован и законодательный орган власти. Председатель Президиума Верховного Совета Абхазии В. О. Кобабия, на которого долгое время делали ставку сепаратистски настроенные слои абхазского населения, после того, как он был выведен из состава бюро Абхазского обкома КП Грузии, лишь формально сохранял свой пост.

Таким образом, кризис власти в Абхазии, начавшийся сразу же после 18 марта 1989г., к лету 1990г., можно сказать, вступил в решающую фазу. Именно поэтому, *«Аидгылара»* и её руководство не стали больше дожидаться и перешли к активным действиям. В начале августа 1990г., под давлением *«Аидгылары»*, представители абхазской делегации ВС Абхазской АССР выступили с инициативой созыва сессии Верховного Совета, на которой планировалось обсудить вопросы: *«О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии»* и *«О государственном суверенитете Абхазской АССР»*. Вопрос о подготовке сессии был вынесен на обсуждение Президиума ВС 3 августа.

Однако грузинская сторона заявила протест в связи с предлагаемой повесткой дня сессии и предложила рассмотрение вопроса о назначении выборов в Верховный Совет автономной республики и в местные советы. Вместе с тем, грузинские депутаты (в частности проф. Р. Салуквадзе, директор Сухумского физико-технического института, одновременно и народный депутат Верховного Совета СССР) выступили с инициативой разработки и принятия законодательных актов, которые способствовали бы снятию напряжённости в обществе и развертыванию демократических процессов. Однако, абхазская сторона категорически отвергла эти предложения и стала настаивать на рассмотрении вопросов, связанных с т.н. «государственным суверенитетом» Абхазии. Настойчивое требование постановки вопроса о государственном суверенитете Абхазской АССР летом 1990г. было неслучайным. Сепаратистские силы тревожно следили за политическими процессами в Тбилиси, где полным ходом шла подготовка к принятию решений по выходу Грузии из СССР и восстановлению государственной независимости. Москва была серьёзно обеспокоена стремлением Грузии обрести национальную независимость и всемерно старалась воспрепятствовать этому. Сессия Верховного Совета Абхазской АССР, с заведомо провокационной

повесткой дня, как раз рассматривалась как своего рода превентивная мера против строптивного руководства Грузии.

21 августа состоялось собрание объединённого совета государственных трудовых коллективов, на котором призвали депутатов Верховного Совета, не принимать участие в работе сессии. 23 августа по инициативе грузинских национально-патриотических организаций собрались уже депутаты всех ступеней (всего 582 человека) и призвали абхазских депутатов, не проводить сессию высшего органа власти автономной республики с провокационной повесткой дня. Однако все старания грузинских депутатов оказались тщетными.

25 августа 1990г. абхазскому руководству Верховного Совета всё же удалось собрать депутатов, правда лишь 68 из 138, что составило меньше половины его списочного состава, и с нарушением регламента провести т.н. «сессию». В ходе подготовки сессии на депутатов оказывалось сильное давление. Так, депутата Фитозова, по национальности грека, заранее изолировали, а затем насильно привезли на «сессию», где за него и «проголосовали». Аналогично поступили и с депутатом Н. Кузнецовой, русской по национальности и с известным абхазским актёром, народным артистом Грузинской ССР и Абхазской АССР Азизом Агрба, которого буквально на носилках доставили в зал заседания, но затем были вынуждены срочно отправить домой. Что же касается ещё одного абхазского депутата, жительницы села Чхортоли Гальского р-на – Э. Кварандзия, она хоть и присутствовала на т.н. «сессии», от голосования воздержалась, однако это почему-то не нашло отражения в протоколе.¹⁸ Вот, с такими нарушениями была проведена т.н. «X сессия ВС Абхазской АССР XI созыва».

Это было началом того правового беспредела, который, как будет показано в дальнейшем, своего апогея достиг весной и летом 1992г. На «сессии» с докладом «*О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии*» выступил председатель Президиума Верховного Совета автономной республики В. О. Кобахия. В докладе В. Кобахия, а также в постановлении, принятом «сессией» ВС, в очередной раз грубо искажались исторические факты, на основе чего доказывалось, что Абхазию в государственном отношении никогда ничего не связывало с Грузией и что абхазский народ должен самостоятельно решать судьбу своей национальной государственности. В частности, в «*Постановлении*» отмечалось, что «Абхазия вступила под покровительство Российской империи в 1810 году **как самостоятельное и независимое от царств и княжеств западной и восточной Грузии государство**. Если Грузия, – говорилось далее в Поста-

новлении, – сразу же после вхождения в состав Российской империи в 1801 году утратила свою государственность, то Абхазское княжество, как национально-государственное формирование с внутренним правлением владетельного князя, существовало до 1864 года, то есть ещё 63 года после ликвидации Грузинской государственности».¹⁹

Абхазские депутаты, среди которых чуть ли не половину составляли лица, носившие грузинские (в основном мегрельские) фамилии (среди них и сам В. О. Кобахия), без угрызения совести голословно заявляли, «что грузины компактно стали жить в Абхазии лишь после окончания Кавказской войны и последовавшего за ней массового насильственного выселения абхазов в Турцию во второй половине прошлого (XIXв. – **З.П.**) века».²⁰ Далее в «*Постановлении*» утверждалось, что «Демократическая республика Грузия, нарушив Договор от 11 июня 1918 года... осуществила во второй половине июня 1918 года военное вмешательство с целью насильственного присоединения территории Абхазии и ликвидации независимости абхазского народа» (!) и что эта акция, нарушившая международно-правовой принцип, запрещающий присоединение чужой территории путём силы, является незаконной».²¹

Вместе с тем, т.н. Советская Социалистическая Республика Абхазия, провозглашённая в марте 1921г. после действительно насильственного свержения всенародно избранной (весной 1919г.) законной власти – Народного Совета Абхазии – войсками IX Красной Армии большевистской России преподносилась как единственно законная форма государственности Абхазии, созданная якобы неизвестно откуда взявшимся «свободным волеизъявлением народов Абхазии». В конце «*Постановления*» Абхазия почему-то объявлялась самостоятельным субъектом Советской федерации, образованной 30 декабря 1922г. (таковым, как уже было отмечено выше, не была даже Грузинская ССР, в составе которой на т.н. «договорных началах» пребывала ССР Абхазия), и она (т.е. Абхазия – **З.П.**), «на равных с другими субъектами Союза ССР», должна входить в переговоры, участвовать в разработке и заключении Союзного договора».²²

Ещё более вызывающей была «*Декларация о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики*», подчёркиваем **не Абхазской АССР, а Абхазской Советской Социалистической Республики**, принятая сессией Верховного Совета. В ней, ни больше, ни меньше, говорилось о «неотъемлемом праве» «абхазской нации на самоопределение» и о его «исторической ответственности» «за судьбу Абхазии».²³ В «*Декларации*» Абхазия объявлялась Советской Социалистической Республикой, соз-

данной «на основе осуществления Абхазской нацией её неотъемлемого права на самоопределение, верховенства народа в определении своей судьбы». За абхазской нацией, «давшей название Республике», обеспечивалось институционное представительство в Верховном Совете Абхазской ССР. Абхазской ССР присваивалось право открытия своих представительств «в союзе ССР и советских республиках, а также в зарубежных странах». Абхазская ССР устанавливала также гражданство Абхазской ССР и гарантировала каждому гражданину право на сохранение гражданства СССР». ²⁴ На территории Абхазской ССР государственным языком объявлялся только лишь абхазский язык, а «официальными языками абхазский, грузинский, русский». ²⁵

Вот каким, с позволения сказать, историко-правовым «шедевром» прославилась т.н. «X сессия» Верховного Совета Абхазской АССР, состоявшаяся 25 августа 1990г. Выше мы довольно обстоятельно осветили как историю присоединения Абхазского княжества к России, ²⁶ так и события 1918-1921гг., ²⁷ и достаточно наглядно показали всю нелепость подобного рода исторических измышлений, поэтому не видим никакой необходимости вновь заострять внимание на этом. Скажем только, что принятые «сессией» «*Постановление*» и «*Декларация о государственном суверенитете Абхазской ССР*», ни в историческом и ни юридическом плане, не выдерживали критику, что наглядно было продемонстрировано уже на сессии Верховного Совета Абхазской АССР, созванной грузинской стороной с полным соблюдением регламента 31 августа 1990г.

Центральная власть, естественно, не могла проигнорировать антиконституционный демарш сепаратистов и на следующий же день – 26 августа 1990г. состоялось специальное заседание Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, которое рассмотрело вопрос о принятии Верховным Советом Абхазской АССР декларации о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики и постановления о правовых гарантиях защиты государственности Абхазии, и приняло соответствующее постановление. В нём отмечалось, что «упомянутые решения являются в правовом отношении несостоятельной попыткой изменения национально-государственного и территориального устройства Грузинской ССР, что является грубым нарушением Конституции Грузинской ССР, Абхазской АССР, а так же Конституции СССР». Далее в постановлении говорилось, что «подобные действия и решения, основанные на искажениях исторических фактов и политических реалий современности, наносят ущерб интересам народов нашей многонациональной республики, межнациональным взаимоотно-

ношениям...». Исходя из вышесказанного, Президиум Верховного Совета Грузинской ССР объявил недействительным и не имеющим юридической силы декларацию и Постановление Верховного Совета Абхазской АССР от 25 августа 1990г.²⁸

В тот же день в Сухуми, по инициативе Абхазской организации «Круглого стола», состоялся митинг протеста, а 31 августа 1990г. грузинская депутация сумела созвать сессию Верховного Совета Абхазской АССР с полным соблюдением регламента. На сессии, которая состоялась в актовом зале Грузинского института субтропического хозяйства, присутствовали 72 депутата из 138 (т.е. больше половины). На сессии докладом «О десятой сессии Верховного Совета Абхазской АССР» выступил заместитель председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР Вахтанг Колбая. В постановлении сессии подчёркивалось, что «необоснованные, злобные обвинения, высказанные» на т.н. «сессии» Верховного Совета 25 августа «в отношении Грузии и грузинского народа, вопреки исторической справедливости, возведены в ранг официальной политики, что ведёт нас к конфронтации и дестабилизации обстановки».²⁹ Постановление отменяло принятые абхазскими депутатами 25 августа решения, как антиконституционные и нарушающие «исторически сформировавшуюся территориальную целостность Грузии». Вместе с тем, сессия Верховного Совета постановила: «создать депутатскую комиссию для расследования фактов нарушения процедурных вопросов и регистрации депутатов, а также фактов воздействия на депутатов неправовыми и недемократическими методами, имевших место в процессе подготовки и проведения сессии 25 августа».³⁰

Тем временем обеспокоенная усилением центробежных тенденций союзных республиках, и в первую очередь, в «мятежной» Грузии, Москва предприняла новые шаги для создания мощного фронта против этих республик. С этой целью, по инициативе Верховного Совета СССР 22 сентября 1990г. в Москве был организован т.н. «Первый Съезд представителей национально-государственных, национально-территориальных образований» (т.е. автономных республик, автономных областей и округов) и народов, не имеющих своей государственности. Как чётко заметила С. М. Червонная, «главной сверхзадачей этого съезда была выработка «особого мнения» автономий и «народов, не имеющих своей государственности» на случай, если новое демократическое руководство тех или иных союзных республик не пожелает подписать союзный договор и поставит вопрос о выходе этих республик из Советского Союза».³¹

Роль первой скрипки на этом съезде играл будущий лидер аб-

хазских сепаратистов, тогда председатель подкомиссии по государственному и правовому статусу автономных республик, автономных областей и округов Верховного Совета СССР Владислав Ардзинба, ставший уже к этому времени одним из фаворитов наиболее одиозной фигуры советского руководства, председателя Верховного Совета СССР А. В. Лукьянова. Неслучайно, что именно Владислав Ардзинба был удостоен чести выступить на съезде первым после выступления председателей палат национальностей Верховного Совета СССР и РСФСР – Рафика Нишанова и Рамазана Абдулатипова. Абхазская делегация стала своего рода главной ударной силой, протаскивающей «союзную идею».³² Чего стоит один тот факт, что главным докладчиком по теме «*Союзный договор и перспективы национально-государственного устройства СССР*» был не кто иной, как зав. кафедрой Теории государства и права Абхазского государственного университета им. А. М. Горького, кандидат юридических наук Вахтанг Кецба. Другой представитель «ССР Абхазии», подчёркиваем, не *Абхазской АССР*, а «ССР Абхазии», Игорь Ахба получил руководящий пост управляющего делами созданной на съезде Ассоциации представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. Небезынтересно также, что во главе этой «*Ассоциации*» оказался не кто иной, как Муса Шанибов, который при этом сохранил и пост председателя АГНК.³³

Однако Кремлёвскому руководству не удалось сплотить интерфронты в союзных республиках, в том числе и в Грузии, где шла подготовка к первым многопартийным выборам. 18 октября 1990г., под давлением национально-патриотических сил, был принят новый закон о выборах в Верховный Совет Грузии. Но вопрос о проведении выборов всё же стал предметом полемики в обществе. Отдельные политические партии: Национально-демократическая партия, Партия национальной независимости Грузии и др. – выступили с инициативой бойкота намеченных на 28 октября выборов в Верховный Совет и призвали население принять участие в выборах альтернативного органа Национального Конгресса. 30 сентября были проведены выборы в национальный Конгресс Грузии. Выборы прошли по всей республике, в том числе и в Абхазии, где этим процессом руководил НКЦА. Сепаратистские силы Абхазии призвали своих соотечественников не принимать участие в выборах Национального конгресса Грузии, но при этом они не стали мешать проведению этих выборов на территории автономной республики, тем самым как бы поощряя раскол среди грузинских национально-патриотических сил.

28 октября 1990г. в Грузии состоялись первые, после установления советской власти, многопартийные выборы в высший орган власти – в Верховный Совет. Выборы проводились как по мажоритарной, так и пропорциональной системе. Результаты выборов оказались сенсационными. В них уверенную победу одержало наиболее радикальное крыло национально-патриотических сил, избирательный блок *«Круглый Стол – Свободная Грузия»*, возглавляемый Звиадом Гамсахурдиа. За этот блок проголосовали почти 56% избирателей. За коммунистическую партию Грузии отдали голоса лишь 24% избирателей. Другие партии и блоки не смогли преодолеть 4% барьер и остались вне парламента. Избирательный блок *«Круглый Стол – Свободная Грузия»* выиграл выборы и по мажоритарной системе. Большого успеха *«Круглый Стол – Свободная Грузия»* добился в Абхазии. Особенно наглядно это проявилось в выборах по мажоритарной системе. Кроме Тамаза Надареишвили, который несмотря на свою высокую партийную должность (он тогда был вторым секретарём Гагрского ГК КП Грузии), баллотировался как независимый кандидат, никто из партийных функционеров Абхазии не смог победить в своём избирательном округе. Всего из Абхазии в Верховный Совет Грузии были избраны 16 депутатов. **Тамаз Надареишвили, Владимир Джолгуа** (Гагра), **Нугзар Мгалоблишвили, Темур Лорджикианидзе, Димитрий Кебурия** (г. Сухуми), **Джемал Саджая** (Сухумский р-н), **Велоди Мирцхулава** (Гульрипшский р-н), **Гиорги Субелиани** (Очамчирский р-н), **Джемал Шония** и **Эдишер Джанджулия** (Гальский р-н). Из них, кроме Т. Надареишвили, который, как уже отметили, был независимым кандидатом, буквально все представляли избирательный блок *«Круглый Стол – Свободная Грузия»*. По списку данного избирательного блока в Верховный Совет прошли также: **Манана Дзодзуашвили, Реваз Кемулария, Теймураз Мжавия, Звиад Надареишвили**. По списку же коммунистической партии Грузии прошли **Гоги Кавтарадзе**, тогда директор и художественный руководитель Сухумского государственного драматического театра им. К. Гамсахурдиа, и директор Сухумского Физико-технического института, проф. **Реваз Салуквадзе**.

Абхазское население автономной республики по призыву *«Аидгылары»* бойкотировало выборы Верховного Совета Грузии. Однако сепаратистам удалось сорвать выборы только в Гудаутах и Ткварчели. Началась травля тех абхазских деятелей, которые попытались участвовать в выборах в высший орган власти Грузии. В этой ситуации не смогли проявить политическую зрелость те партии, которые принимали участие в выборах. В их списках не оказалось канди-

датов в депутаты абхазской национальности. В результате, в Верховном Совете Грузии, избранном 28 октября 1990 года, впервые в истории парламентаризма Грузии не было ни одного абхазского депутата. Это был серьёзный промах грузинской политической элиты.

14 ноября первая сессия нового Парламента Грузии избрала председателем, тем самым фактически главой республики, лидера победившего блока «*Круглый Стол – Свободная Грузия*» З. Гамсахурдиа. Одной из неотложных задач, стоявших перед новым руководством Грузии, безусловно, было урегулирование кризисной ситуации в автономиях. Осенью 1990г. особенно обострилась обстановка в т.н. «Юго-Осетинской» автономной области, где сепаратисты предприняли конкретные шаги по отторжению исконно грузинской земли – части Шида Картли от Грузии.

Кризис в т.н. «Юго-Осетии» начался ещё при коммунистическом режиме, когда 20 сентября на четырнадцатой сессии Юго-Осетинского областного Совета депутатов было принято решение о преобразовании Юго-Осетинской области в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику. Областной совет постановил также: «Обратиться в Верховный Совет СССР о включении в состав СССР в качестве самостоятельного субъекта федерации Юго-Осетинской Советской Демократической Республики». На той же сессии была принята Декларация о Государственном суверенитете Юго-Осетинской Советской Демократической Республики, в которой т.н. ЮОСДР объявлялась суверенным государством в составе СССР, а гарантами суверенитета этого новоиспечённого «государства» признавались Конституция СССР и Конституция «Юго-Осетинской Советской Демократической Республики».³⁴ Таким образом, т.н. «Южная Осетия» была «выведена» из государственно-правового пространства Грузии.

Президиум Верховного Совета Грузии сразу же отреагировал на решение 14-ой сессии юго-осетинского облсовета «*О суверенитете и статусе Юго-Осетии*» и уже 21 сентября объявил его «недействительным и не имеющим юридической силы».³⁵ Однако новое руководство т.н. «Южной Осетии», во главе с Торезом Кулумбековым, со своей стороны, подтвердило законность принятого 20 сентября решения. Более того, 16 октября очередная 15-я сессия народных депутатов т.н. «Юго-Осетинской Советской Демократической Республики» признала «незаконным функционирование избирательных округов, участков и участие местного населения в выборах депутатов в Верховный совет Грузинской ССР на территории Юго-Осетии».³⁶

22 ноября 1990г. уже новоизбранный Верховный совет Республики Грузия отменил решения принятые сепаратистским руководством Цхинвали и призвал жителей региона, в особенности граждан осетинской национальности, «проявить благоразумие, политическую бдительность и дать правильную оценку опасным действиям сепаратистских сил, могущим привести к общей дестабилизации».³⁷ Вот в такой сложной, почти взрывоопасной обстановке новое руководство Грузии пошло на неординарные решения в Абхазии. З. Гамсахурдиа дал согласие на избрание председателем Верховного Совета Абхазской АССР, т.е. на высший государственный пост автономной республики, наиболее одиозной фигуры из стана сепаратистов Владислава Ардзинба.

Чем же был одиозен В. Ардзинба? Чтобы ответить на этот вопрос, считаем необходимым вкратце остановиться на пройденном им жизненном пути до декабря 1990г. Владислав Григорьевич Ардзинба, 1945г. рождения, выходец из абхазской семьи, сын школьного педагога, первое «боевое крещение» на сепаратистском поприще получил во время учёбы на историческом факультете Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького, где, по наблюдениям его же товарищей, он уже проявлял скрытую неприязнь по отношению грузин и Грузии. После окончания вуза В. Ардзинба продолжил учёбу в Москве, в Институте Востоковедения АН СССР, где специализировался в области древней истории Анатолии. Защитив кандидатскую диссертацию, В. Г. Ардзинба был оставлен на работу в том же институте. В первое время у него были определённые трудности по работе и он часто жаловался по этому поводу, в том числе в разговорах со своими грузинскими коллегами, и даже выдавал себя чуть ли не за диссидента, которого преследует советский режим.* Внешне это выглядело достаточно правдоподобно, так как был случай, когда его действительно не выпустили «за кордон» на международный симпозиум. Пренебрежительно относился к нему директор института, известный учёный (впоследствии видный политический и государственный деятель, министр иностранных дел, а затем и председатель правительства Российской Федерации) акад. Е. М. Примаков. В частности, в 80-х годах перед В. Ардзинба возникли определённые трудности в связи с защитой докторской диссертации. В эту трудную минуту молодого абхазского учёного, которого, по его же признанию, преследовали русские шо-

* Эту информацию нам предоставили проф. Н. Хазарадзе и академик (ныне покойный) Г. Г. Гиоргадзе.

винисты, поддержали грузинские коллеги: академики Т. В. Гамкредидзе и Г. Г. Гиоргадзе. По их инициативе, В. Ардзинба приехал в Тбилиси и успешно защитил докторскую диссертацию на специализированном Учёном Совете Тбилисского государственного университета. С получением докторской степени он видимо нашёл общий язык с соответствующими службами, и вскоре получил должность заведующего сектора в Институте Востоковедения. С этого времени он стал верным слугой советского тоталитарного режима.

Весной 1988г. скончался директор Абхазского Института Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, видный абхазский учёный-историк, член-корреспондент АН Грузии, проф. Г. А. Дзидзария. Этим воспользовались определённые круги в Абхазии и они стали выдвигать на эту должность В. Ардзинба. Следует особо отметить, что по роду своей научной деятельности (он был хеттологом) В. Ардзинба, конечно, не соответствовал профилю названного института. Достаточно сказать, что за свою научную биографию (до 1988г.) он лишь один раз проявил себя в области абхазоведения, когда опубликовал (в соавторстве с неким Грантковским) в газете *«Советская Абхазия»* хвалебную рецензию на нашу-мевшую книгу Ш. Д. Инал-ипа *«Вопросы этнокультурной истории абхазов»*. Других публикаций (во всяком случае, имеющих научную ценность) по проблемам абхазоведения, насколько нам известно, тогда у В. Г. Ардзинба не было. Несмотря на это, упорно предлагалась его кандидатура именно на высший научный пост в области абхазоведения. Президиум АН Грузии, учитывая некоторую щекотливость ситуации, счёл возможным пойти навстречу абхазской стороне, и утвердил В. Г. Ардзинба на посту директора Абхазского Института Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулиа.

Пост директора Абхазского Института Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР считался самой почётной академической должностью в Абхазии. «В табели о рангах» директор АБНИИ ничем не уступал даже ректору Абхазского государственного университета и в обществе его фактически воспринимали как президента Академии Наук. Но это ещё не всё, пост директора АБНИИ нёс и определённую политическую нагрузку. Так, например, проф. Г. А. Дзидзария, занимая эту должность, одновременно избирался депутатом Верховного Совета СССР, а в последние годы бессменно был председателем Верховного Совета Абхазской АССР. Правда, в большой политике Верховный Совет автономной республики тогда представлял Председатель Президиума Верховного Совета, а не просто председатель Верховного Совета, главной

функцией которого было всего лишь ведение сессии (как правило, два раза в год), но формально он всё же входил в политическую элиту, был членом Абхазского обкома КП Грузии.

Приступив к работе на посту директора главного академического учреждения Абхазии, В. Г. Ардзинба сразу же был избран депутатом ВС Абхазской АССР, а весной 1989г. он уже стал народным депутатом СССР от Гудаутского р-на. Вот тогда и началась его политическая карьера. В Верховном Совете СССР (в Совете Национальностей), где В. Г. Ардзинба, вместе с другими депутатами (Р. А. Аршба, Р. Г. Салуквадзе, К. С. Чолокян), представлял Абхазскую АССР, он примкнул к наиболее реакционному крылу Верховного Совета – к группе «Союз». Как известно, эта группа объединяла самых ярких сторонников сохранения тоталитарного режима и советской империи. Влияние группы «Союз» стало особенно заметным после того, как на посту Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачёва, избранного президентом СССР, сменил А. И. Лукьянов. Именно вокруг него и сплотились настоящие ястребы: В. И. Алкснис и Е. В. Коган (из Прибалтийских республик), Н. С. Петрушенко (из Казахстана) и другие.

Ударную силу этой группы составляли также представители автономных республик: М. Ш. Шаймиев (Татарстан), С. З. Умалатова (Чечено-Ингушетия) и В. Г. Ардзинба (Абхазская АССР). Неслучайно, что В. Г. Ардзинба был избран председателем подкомиссии Верховного Совета, которой была поручена подготовка законопроектов по государственному и правовому статусу автономных республик, автономных областей и округов. Этого почёта В. Ардзинба был удостоен за ту антигрузинскую истерику, которую он не раз поднимал на заседаниях как съезда, так и Верховного Совета. Именно он, как и другой абхазский депутат Т. М. Шамба, а также представитель т.н. «Южной Осетии» А. Г. Чехоев стояли в авангарде антигрузинской пропаганды, обвиняя Грузию и грузин во всех мыслимых и немыслимых грехах против советского строя. Вот поэтому В. Г. Ардзинба стал одним из фаворитов А. И. Лукьянова, главного идеолога и вдохновителя т.н. *«Закона Союза Советских Социалистических Республик о порядке решения вопросов связанных с выходом союзной республики из СССР»*.

Со всей ответственностью можно утверждать, что именно подобный подход со стороны союзного руководства, стремление во что бы то ни стало удержать в «братской семье» Грузию и некоторые другие непокорные республики, в конце концов, и привели к полному краху в августе 1991г., когда кучка великодержавных шо-

винистов под «мудрым» идейным руководством А. И. Лукьянова, попыталась повернуть вспять колесо истории путём военного переворота и вновь загнать народы СССР в модернизированную империю. Именно провал августовского путча, как известно, дал мощный импульс форсированному распаду СССР.

Но это было потом, а в конце 1990г. не всё ещё было ясно, и самое главное, перед новым руководством Грузии возникли серьёзные проблемы в т.н. «Юго-Осетинской» автономной области. Была опасность открытия своего рода «второго фронта» и в Абхазии. Именно это обстоятельство толкнуло З. Гамсахурдиа на довольно рискованное кадровое решение, согласиться на избрание В. Г. Ардзинба председателем Верховного Совета Абхазской АССР.

Вопрос о выдвижении на высший государственный пост в Абхазии В. Г. Ардзинба, безусловно имевшего в ту пору наибольший рейтинг среди абхазских лидеров, предварительно обсуждался среди депутатов Верховного Совета Грузии из Абхазии. Необходимость подобного решения мотивировалась тем, что В. Г. Ардзинба, после проведения выборов в Верховный Совет автономной республики, при поддержке союзного руководства, якобы и так мог стать первым лицом в Абхазии. Хотя не совсем понятно, почему инициаторы выдвижения В. Г. Ардзинба считали изначально проигранными демократические выборы в Абхазии, где почти половину населения составляли **грузины** и, главное, они полностью **контролировали ситуацию в пяти из восьми административных единиц** (в том числе, в таких густонаселённых пунктах, как г. Сухуми и Гальский р-н) уж точно. На наш взгляд, единственным оправданием избрания В. Ардзинба председателем Верховного Совета Абхазской АССР можно считать стремление найти общий язык с лидером абхазского сепаратистского движения, и тем самым обеспечить лояльность абхазского населения накануне всесоюзного референдума по вопросу сохранения Союза ССР.

Так или иначе, после соответствующего обсуждения среди депутатов из Абхазии (в основном из блока *«Круглый стол – Свободная Грузия»*) и некоторых других представителей грузинской политической элиты Абхазии, было решено выйти на абхазскую сторону и предложить им избрание на высший государственный пост В. Г. Ардзинба. Переговоры по этому вопросу с абхазцами вели люди из ближайшего окружения З. Гамсахурдиа: депутат ВС Грузии Н. Мгалоблишвили и М. Оманидзе, занимавший в то время пост первого заместителя министра транспорта республики. Нельзя сказать, что идя на переговоры, грузинская сторона совершенно не думала о за-

щитных механизмах. В качестве такого механизма рассматривалось возвращение в большую политику Б. В. Адлейба, которого, параллельно с избранием В. Г. Ардзинба, должны были вернуть на пост первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии.

Личность Б. В. Адлейба воспринималась как фигура, способная сыграть стабилизирующую роль. Несмотря на то, что Компартия проиграла выборы и лишилась власти в Грузии, в Абхазской АССР она всё ещё пользовалась значительным влиянием в обществе и обком партии играл ведущую роль в политической жизни автономной республики. Во всяком случае, абхазское население считалось с ним. В этих условиях Б. В. Адлейба, имевший довольно большой авторитет как среди абхазов, так и грузин, будучи ещё и народным депутатом СССР, безусловно, мог в некоторой степени сбалансировать ситуацию и при необходимости выступить против единоличного правления В. Ардзинба. Однако, в последний момент, абхазская сторона не пошла на такую рокировку. Со своей стороны, опасаясь усиления позиции Компартии в Абхазии, и З. Гамсахурдиа выступил против возвращения Б. Адлейба в активную политику. Как выяснилось, это было серьёзной ошибкой со стороны грузинского лидера.

4 декабря 1990г. в Сухуми, после продолжительного перерыва, вызванного кризисом власти (о котором говорилось выше), была созвана сессия Верховного Совета Абхазии в полном составе. На ней В. Г. Ардзинба фактически единогласно был избран председателем Верховного Совета Абхазской АССР. Одновременно были внесены некоторые изменения в конституцию Абхазской АССР. Позитивным моментом этой сессии, безусловно, следует считать то, что абхазская сторона фактически отказалась от принятых 25 августа 1990г. решений, в частности, от постановления *«О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии»* и декларации *«О государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики»*, так как сессия проходила как сессия Верховного Совета Абхазской **Автономной** Советской Социалистической Республики, а не **ССР Абхазии**. Таким образом, попытка изменения государственно-правового статуса Абхазии, предпринятая абхазскими депутатами 25 августа 1990г., провалилась. К сожалению, это было единственным позитивом в работе данной сессии. Сессия избрала и первого заместителя председателя Верховного Совета Абхазской АССР. Им стал Вахтанг Колбая. Другие кадровые вопросы, среди них и вопрос о назначении председателя Совета Министров, были отложены.

Подытоживая всё вышесказанное, нельзя не отметить, что поддержка кандидатуры В. Г. Ардзинба со стороны грузинского руководства до сих пор вызывает достаточно острую полемику среди аналитиков. Одни (в основном сторонники президента З. Гамсахурдиа) считают это решение единственно правильным в той ситуации. По мнению же других, напротив, данный шаг следует считать большой политической ошибкой З. Гамсахурдиа.

Нам представляется, что несмотря на действительно сложную политическую обстановку в Грузии, вызванную кризисом в т.н. «Южной Осетии», ситуация в Абхазии не была уж такой критической, чтобы идти на подобную беспрецедентную уступку и открыть дорогу к власти злейшему врагу Грузии и грузин, каковым, безусловно, проявил себя к тому времени В. Ардзинба. Но, с другой стороны, решение З. Гамсахурдиа нельзя оценивать слишком строго. Нам кажется, что грузинский лидер имел право попытаться использовать авторитет В. Ардзинба, как-то оторвать его от Москвы и дать ему шанс для политической самореализации в Абхазии. Совершенно ясно, что вместе с В. Ардзинба было бы легче повернуть к Грузии сепаратистов. Здесь, вроде, не было большого риска, так как на пороге были новые выборы Верховного Совета и если В. Ардзинба не оправдал бы доверия, можно было бы ему найти альтернативу. Однако вся беда в том, что З. Гамсахурдиа и его окружение, почему-то закрыв глаза на «подвиги» В. Ардзинба на антигрузинском фронте весной и летом 1991г., вновь поддержали зарвавшегося авантюриста, чем поневоле сами способствовали подготовке почвы для нанесения решающего удара единой грузинской государственности. Это уже было роковой ошибкой Звиада Гамсахурдиа.

Глава XX

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АБХАЗИИ В 1991 ГОДУ

Политические процессы в Абхазии весной 1991г. Как уже отмечалось, новое руководство Грузии и лично З. Гамсахурдиа, дав согласие на избрание В. Г. Ардзинба председателем Верховного Совета Абхазской АССР, пытались переманить на свою сторону лидеров абхазского сепаратистского движения и тем самым смягчить напряжённость в автономной республике. Однако те (из окружения З. Гамсахурдиа), кто ратовал за кандидатуру В. Г. Ардзинба, явно недооценили, с одной стороны, его тесные связи с наиболее реакционными имперскими силами в Москве, и с другой стороны, его личные амбиции. З. Гамсахурдиа и его окружение не учли, что те, кто заботился о карьере В. Ардзинба в Москве и отпускал его из Верховного Совета СССР, «кто напутствовал его перед отъездом в Сухуми.., чтобы возглавить большое и ответственное дело, которое ждало его в Абхазии»,¹ отнюдь не горели желанием способствовать урегулированию кризисной ситуации в Абхазии.

Наоборот, направляя в Сухуми одного из идеологов сохранения Союза ССР, эти силы стремились создать в Абхазии мощный фронт против Тбилиси, который должен был быть задействован в нужный момент. Личность В. Г. Ардзинба, честолюбивого интеллигента «с ещё свежим дипломом доктора исторических наук», красноречивого оратора и одного «из самых удобных для манипулирования «национальными голосами» народного депутата СССР, примкнувшего к группе Союз,² была весьма привлекательной для осуществления далеко идущих планов Москвы. Задача центра облегчалась и тем, что В. Г. Ардзинба мог выполнить эту свою «историческую миссию», как метко заметила С. М. Червонная, «увлечённо, вдохновенно, не по долгу службы, не по приказу Москвы, не для давно ставшего ему чуждым народа, а по собственной воле, по собственной жажде власти и для самого себя».³

То, что В. Г. Ардзинба был весьма далёк от мысли способствовать укреплению единой грузинской государственности и вовлечению абхазского населения в процесс построения независимого грузинского государства, стало очевидным почти сразу же после его избрания на высший государственный пост автономной республики. Наиболее отчётливо это впервые проявилось в феврале 1991г., в ходе подготовки проведения Всесоюзного референдума о сохранении

Союза ССР. Так, Верховный Совет Республики Грузия 28 февраля 1991г., обсудив на своём заседании вопрос «*О постановлении Верховного Совета СССР об организации проведения референдума СССР по вопросу сохранения СССР и мероприятиях по его осуществлению*», принял решение «не проводить на территории Республики Грузия референдум, назначенный Верховным Советом СССР на 17 марта 1991». Одновременно, этим же постановлением верховный орган власти Грузии, вместо всесоюзного референдума, назначил «на 31 марта 1991 года в Республике Грузия референдум по поводу восстановления государственной независимости с единственным вопросом: «Согласны ли вы на восстановление государственной независимости Грузии на основании акта о независимости от 26 мая 1918 года».

Отказ от проведения всесоюзного референдума на территории Грузии мотивировался тем, что «грузинский народ уже дважды в XX веке подтвердил свою волю иметь независимую государственность, и поэтому» не существовало «никакой правовой основы проведения референдума по данному вопросу». «Вместе с тем, – говорилось далее в «Постановлении», – не ясен вопрос референдума, непонятно что представляет собой обновлённая федерация Союза Советских Социалистических Республик, тем более, что её статус не определён ни одним юридическим документом. Кроме того, федерация суверенных государств не возможна». И, наконец, Верховный Совет Грузии обращал внимание, и это на наш взгляд главное, на то, что «Закон СССР о референдуме» ущемлял «суверенитет Республики Грузия, потому, что будущая судьба Грузии» по этому референдуму определялась «не её гражданами, а решением населения других республик, входящих в СССР».⁴

Решение властей Грузии не проводить общесоюзный референдум на своей территории было настоящим вызовом и, естественно, центр не мог не отреагировать на это. По указанию Москвы, в срочном порядке, в тот же день (28 февраля 1991г.) в Сухуми было составлено «*Постановление Верховного Совета Абхазской АССР о проведении общесоюзного референдума в Абхазской ССР*», за подписью В. Г. Ардзинба. В этом «*Постановлении*» отмечалось, что «Абхазия является многонациональной республикой» и что «мир и согласие в ней могут быть сохранены только с учётом мнений всех проживающих в республике народов и путем общих усилий». Исходя из этого, а также «в соответствии с «*Декларацией прав человека*», каждому гражданину должно быть предоставлено право высказать своё мнение по любому жизненному вопросу. Поэтому участие гра-

ждан в общесоюзном референдуме СССР объявлялось «их неотъемлемым правом». Обосновывая, таким образом, необходимость проведения общесоюзного референдума Верховный Совет Абхазской АССР постановил: «17 марта 1991 года принять участие в общесоюзном референдуме по вопросу сохранения СССР».⁵

Этим же постановлением обязанности Республиканской Центральной избирательной комиссии по проведению референдума о необходимости сохранения Союза ССР были возложены на окружную избирательную комиссию №669 по выборам депутата Верховного Совета СССР охватившей города: Сухуми, Гагра, Ткварчели, Гудаутский, а также Сухумский и Гульрипшский р-ны. Для проведения же референдума в Очамчирском и Гальском районах были дополнительно образованы участковые избирательные комиссии. Этим обеспечивалось проведение референдума на всей территории Абхазской АССР. Этим шагом В. Г. Ардзинба фактически вывел Абхазию из правового поля Республики Грузия.

Руководство Грузии попыталось помешать проведению референдума в Абхазии и специальным постановлением Президиума Верховного Совета Республики Грузия 16 марта, накануне референдума, упразднило окружную избирательную комиссию №669. Однако этот шаг оказался запоздавшим, референдум в Абхазии всё же был проведён. В. Ардзинба и его окружение, «*Аидгылара*», общественно-политические организации русскоязычного населения призывали граждан автономной республики принять активное участие в референдуме и однозначно проголосовать за сохранение Союза ССР. И всё же, несмотря на большие старания, сепаратистским силам так и не удалось получить положительный результат.

Тогда В. Ардзинба и его команда пошли на явный подлог – из числа голосовавших полностью исключили жителей Гальского р-на, которые демонстративно объявили бойкот референдуму и не приняли участия в голосовании, т.е. в Гальском р-не, в котором насчитывалось свыше 50000 граждан имевших право голоса, референдум не был проведён, поэтому, при подсчёте, чтобы скрыть истинную картину, решили вообще вычеркнуть жителей Гальского р-на из общего числа голосовавших по всей автономной республике. В результате подобного обмана был получен нужный процент (50,3 процента) якобы проголосовавших за сохранение Союза ССР. Это было первой серьёзной политической пощёчиной Звиаду Гамсахурдиа со стороны В. Ардзинба. Тбилиси, естественно, не мог не отреагировать на факт незаконного проведения референдума в Абхазии. 22 марта 1991 года Президиум Верховного Совета Республики Грузия, на основа-

нии 77-й статьи Конституции Грузии и постановления Верховного Совета Республики Грузия от 28 февраля 1991 года, а так же постановления Президиума ВС Республики Грузия от 16 марта, «результаты референдума СССР, проведённого 17 марта 1991 года на территории Абхазской АССР, в г. Цхинвали и Джавском районе»... признал незаконными и «не имеющими юридической силы».⁶

Однако это не было первым случаем противостояния между Тбилиси и Сухуми после избрания В. Ардзинба на высший государственный пост в Абхазии. Ещё 11 февраля 1991г. Верховный Совет Республики Грузия, без ведома Сухуми, освободил главу исполнительной власти Гальского р-на председателя райисполкома Рабо Шония и назначил на должность префекта (этот институт местного управления в то время был введён новым руководством Грузии) одного из депутатов Верховного Совета Республики Грузия от Гальского р-на – Эдишера Джанджулия. На данный шаг грузинских властей сразу же отреагировало руководство Абхазской АССР. 13 февраля Верховный Совет автономной республики принял постановление, в котором смещение с поста Р. Шония и назначение Э. Джанджулия на должности префекта Гальского р-на было объявлено незаконным, так как оно было «принято в нарушение... действующей конституции Абхазской АССР».⁷ Действительно, это было нарушением сразу нескольких статей конституции автономной республики.

Ситуацию усугубляло и то, что решение Верховного Совета Республики Грузия было приведено в исполнение весьма грубо и вызывающе: Эдишер Джанджулия был введён в должность председателем экономической комиссии ВС Грузии Гиви Тактакишвили, который для этой цели, в сопровождении префекта города Зугдиди Т. Жоржолиани и десятка вооружённых лиц, специально прибыл в Гали.⁸ То, что это было «серьёзной политической и правовой ошибкой» З. Гамсахурдиа и его окружения,⁹ не вызывает никакого сомнения. Этим центральная власть Грузии как-то посягнула на территориальную целостность Абхазской АССР, что, безусловно, дало лишний повод сепаратистским силам для новых нападков в адрес грузинского руководства. Нельзя не отметить и то, что форма смены местной власти не получила одобрения и значительной части ответственности самого Гальского района.¹⁰

Следующим фактом, по которому разошлись центральные власти и новое руководство Абхазии, стал назначенный на 31 марта 1991 года референдум по вопросу восстановления национально-государственной независимости Грузии. В. Г. Ардзинба не посмел официально запретить проведение референдума на территории Абхазии,

однако были задействованы все механизмы для его срыва. Но все попытки воспрепятствовать свободному волеизъявлению населения автономной республики оказались тщетными и референдум по Абхазии был проведён (сорвать голосование сепаратистам удалось только лишь в Гудаутском р-не и Ткварчели). Абсолютное большинство голосовавших (а в нём приняло участие около 62% всех граждан, имевших право голоса) проголосовало за восстановление национально-государственной независимости Грузии.

Несколько дней спустя, 9 апреля, на основании результатов референдума, Верховный Совет Республики Грузия официально провозгласил государственную независимость Грузии, а 14 апреля Верховный Совет избрал Звиада Гамсахурдиа президентом Республики Грузия. Пост председателя Верховного Совета занял Акакий Асатиани.

Переговоры между Тбилиси и Сухуми по вопросу проведения выборов Верховного Совета Абхазии. Тем временем сепаратистские силы Абхазии уже приступили к реализации «наказа» населения автономной республики, якобы проголосовавшего за сохранение Союза ССР. Сразу же после оглашения сфальсифицированных результатов референдума 17 марта, по абхазскому телевидению выступил председатель Верховного Совета Абхазской АССР В. Ардзинба, который «торжественно» заявил о своей готовности подписать т.н. «Новый Союзный договор». Данное выступление руководителя Абхазии, большинство населения которой как раз и не приняло участие в референдуме 17 марта, а наоборот, 31 марта поддержало восстановление национально-государственной независимости Грузии, естественно, вызвало негативную реакцию со стороны грузинской общественности автономной республики. В г. Гагра состоялось представительное собрание, работой которого руководил тогда ещё депутат Верховного Совета Республики Грузия Т. В. Надареишвили. Собрание потребовало, чтобы В. Ардзинба официально отказался от своего заявления подписать «Новый Союзный договор». Одновременно В. Ардзинба было предложено срочно начать переговоры с центральным руководством Грузии и в кратчайшие сроки назначить выборы Верховного Совета Абхазии, а так же местных органов власти.¹¹

После проведения референдума 17 марта 1991г., Кремль, как известно, приступил к форсированной подготовке «Нового Союзного договора». К этой кампании, которая получила название «Ново-

Огарёвского процесса)»,* активно были подключены руководители некоторых автономных республик. Своего рода юридической базой такого решения стал закон «*О разграничении полномочий между СССР и субъектами Федерации*», принятый Верховным Советом СССР ещё 26 апреля 1990г. В данном законе подчёркивалось «равенство экономических, социальных и культурных прав автономных республик с союзными республиками».¹² Это было началом реализации поставленного (явно с подачи центрального руководства СССР) ещё на I съезде народных депутатов СССР (в мае-июне 1989г.) представителями отдельных автономий (Татарстан, Абхазия и др.) вопроса о повышении статуса автономных республик до уровня союзных республик. «В политическом плане данный закон, – как совершенно правильно отмечено в специальной литературе, – представлял попытку привлечь строптивые автономные республики на сторону Кремля».¹³ Со всей ответственностью можно утверждать, что именно открытая и незавуалированная поддержка стремлений автономных республик возвыситься до уровня союзных, и стать соучредителями (наравне с ними) нового Союза суверенных государств, стала роковой ошибкой М. Горбачёва и его команды, в конечном итоге вызвавшей распад СССР.

Но весной 1991г., когда М. Горбачёв развернул «Ново-Огарёвский процесс», настрой Кремля был весьма боевым. З. Гамсахурдиа, как и ожидалось, отверг предложение Москвы включиться в «переговорный процесс» по подписанию нового Союзного договора. Это стало очередным поводом, который вызвал раздражение центра. М. Горбачёв, в телефонном разговоре с президентом З. Гамсахурдиа, открытым текстом пригрозил, что у Грузии возникнут проблемы в Абхазии. Несмотря на эту угрозу, З. Гамсахурдиа демонстративно отказался принять участие в «Ново-Огарёвском процессе». Со своей стороны, В. Ардзинба охотно согласился на приглашение Кремля и, вместе с лидером Татарстана М. Шаймиевым, а также с некоторыми другими лидерами автономных республик, стал участником переговорного процесса.

Активное подключение В. Ардзинба в Ново-Огарёвский процесс заставило Тбилиси вновь предпринять шаги для предотвращения дальнейшего сближения абхазского лидера с Москвой. Для этой цели начались переговоры с окружением В. Ардзинба по вопросу

* Появление данного названия связано с тем, что консультации по подготовке т.н. «Нового Союзного договора» в основном проводились в Ново-Огарёве (в Подмосковье), в одной из летних резиденций президента СССР.

проведения выборов в Верховный Совет Абхазии. Мы уже отметили, что с марта 1989г. в Абхазии был кризис власти. Одним из показателей этого кризиса было то, что из-за сложившейся ситуации не удалось своевременно провести выборы в верховный орган власти, и продолжал функционировать Верховный Совет автономной республики избранный ещё в 1985г. Т.е. все сроки полномочия этого Совета (он был избран на 5 лет) давно уже вышли. Одной из неотложных задач В. Ардзинба, после прихода к власти 4 декабря 1990г., как раз и было проведение очередных выборов в Верховный Совет Абхазской АССР. Однако переговоры между Тбилиси и Сухуми по этому вопросу почти сразу же зашли в тупик. Абхазская сторона, под давлением сепаратистских сил, потребовала «гарантированного институционного представительства в Парламенте народа, давшего название Республике».¹⁴ Т.е. сепаратисты открыто требовали, чтобы в верховном органе государственной власти автономной республики у абхазов было гарантированное большинство.

Руководство Грузии, после некоторого колебания, во избежание новых осложнений, и с целью обеспечения мира и межнационального согласия в Абхазии, проявило исключительное великодушие и пошло на неслыханные уступки. Было принято решение согласиться на требование сепаратистских кругов и узаконить численное превосходство абхазов над грузинами в верховном органе власти Абхазии. 9 июля 1991г. закон о выборах в Верховный Совет Абхазской АССР был официально принят и на его основе, указом Президиума Верховного Совета Абхазской АССР от 2 июля 1991г. была создана центральная избирательная комиссия по выборам депутатов Верховного Совета Абхазской АССР, во главе с Вячеславом Цугба, тогда секретарём совпрофа Абхазии.

По новому избирательному закону устанавливались дискриминационные для подавляющего большинства многонационального населения Абхазии квоты: 28 депутатских мест получали представители абхазской национальности (они тогда составляли около 17% всего населения автономной республики), 26 депутатских мест грузины (составляющие около 45% всего населения) и 11 депутатских мест представители некоренных жителей (русских, армян, греков и т.д. – всего около 35 % населения) Абхазии. Нельзя сказать, что квотируемое представительство абхазов в верховном органе власти Абхазии было некой новацией, прежде не имевшей прецедента. Такая практика имела место в советское время. Так, в Верховном Совете Абхазской АССР избранном в 1985г., абхазы как раз имели на два депутата больше, чем грузины. Более того, как было подчеркну-

то выше, ещё в 1919г. из 40 депутатов Народного Совета Абхазии, избранного, по утверждению некоторых сепаратистски настроенных абхазских историков (в частности С. З. Лакоба), в условиях якобы грубого давления на население со стороны т.н. «грузинского оккупационного режима», 18 были абхазами, 16 – грузинами, а остальные 6 мест получили представители иных национальностей.¹⁵ Следует особо отметить, что такое большое представительство абхазов в основном было обеспечено благодаря дальновидной и доброжелательной политике правящей социал-демократической партии Грузии, одержавшей на выборах Народного Совета Абхазии убедительную победу. Так вот, из 27 депутатов, прошедших в парламент Абхазии в 1919г. по списку социал-демократической партии Грузии, абхазов было 12, грузин – всего лишь 10; представителей других национальностей (русские, армяне, греки) – 5.

Такой подход со стороны руководства Грузии сохранился и в последние десятилетия существования СССР, когда, как уже было отмечено, абхазы по-прежнему имели численное превосходство над грузинами в парламенте Абхазии. Чего стоит один только тот факт, что около 20 депутатов абхазов Верховного Совета предпоследнего (1985г.) созыва были избраны в избирательных округах, где подавляющее большинство составляли грузины. Т.е. и в 1919г., и в советское время, благодаря доброй воли центрального грузинского руководства и грузинского населения Абхазии, без всяких официальных юридических механизмов, как бы путём «демократических» выборов, обеспечивалось абхазам, так сказать, народу давшему название республике, гарантированное большинство в парламенте.

Однако после 1989г., когда постепенно демократические процессы становились нормой жизни, сепаратистски настроенные круги совершенно обоснованно стали опасаться, что при демократических выборах они не смогут получить гарантированное большинство в верховном законодательном органе автономной республики и тем самым потеряют рычаги власти. Поэтому они, чуть ли не в ультимативной форме, потребовали юридического закрепления в законе о выборах своей квоты, на что дали согласие руководство Грузии и лично президент З. Гамсахурдиа.

Решение грузинского руководства отказаться от проведения демократических выборов в Абхазии и узаконить численное превосходство абхазов над грузинами в парламенте Абхазии вызвало довольно бурную реакцию в обществе. Оппозиция однозначно восприняла данное решение как оскорбление национального достоинства грузин, и обвинила З. Гамсахурдиа и его окружение в преда-

тельстве. Со своей стороны власти и поддерживавшие президента З. Гамсахурдиа силы, энергично, порой даже проявляя излишнюю агрессивность, стали отстаивать правильность принятого решения и объясняли это, прежде всего, необходимостью смягчить напряжённость в Абхазии и не дать Кремлю повода для развязывания там кровавого конфликта. Более того, учитывая, что «в новый избирательный закон были заложены предусмотренные конституцией... защитные механизмы, которые мыслились правовым гарантом недопущения выхода Абхазии из Грузии»,¹⁶ авторы и апологеты закона о выборах в Верховный Совет Абхазии, даже после того, что произошло в 1992-1993гг., упорно отстаивают правильность тогдашнего решения З. Гамсахурдиа, и по сей день считают данный компромисс с абхазской стороной чуть ли не гениальным шагом президента Грузии.

Несмотря на то, что мы также считаем выборы в верховный орган власти Абхазии по заранее установленным квотам почти безальтернативными (хотя более приемлемым нам представляется проведение демократических выборов и уж потом установление высокого кворума при вынесении важнейших решений),¹⁷ тем не менее, ни в коем случае не можем оправдать решение З. Гамсахурдиа и его окружения об официальном возведении в ранг закона преимущественного права абхазов иметь гарантированное численное превосходство над грузинами в парламенте автономной республики. Максимум уступки, на которые могли (и может быть, даже должны были) пойти власти Грузии тогда, это соблюдение соотношения 50 на 50. Т.е. можно было предложить равное представительство грузин и абхазов в высшем органе власти Абхазии и не более. Этим было бы подчеркнуто, что, несмотря на значительное численное превосходство грузин над абхазами, грузинская сторона проявляла добрую волю, не стремилась путём демократических выборов обязательно заполучить большинство мест в парламенте, со всеми вытекающими отсюда последствиями, и предлагала им наравне управлять автономной республикой. Установлением же квоты 28-26 в пользу абхазов грузинское руководство фактически официально признало, что Абхазия действительно является родиной одних абхазов, которые как полноправные хозяева своей земли и должны иметь монопольные права на управление Абхазией. В то же время, грузины, которые вопреки голословным и безосновательным утверждениям сепаратистов, не в меньшей степени, а может быть и даже в большей, являются коренным, аборигенным населением Абхазии, официально объявлялись второстепенными жителями региона. Вот это было

уже действительно оскорблением для 250-тысячного грузинского населения Абхазии, которое в одночасье превратилось в изгоев в своём же Отечестве. По нашему глубокому убеждению, рассматривать данное решение как оправданный компромисс, в корне неверно. Это уже было не только политической, но и историографической и идеологической капитуляцией.

Баталии вокруг нового избирательного закона и проведение выборов осенью 1991г. Избирательный закон ущемлял права коренного грузинского населения не только потому, что абхазы должны были иметь в парламенте на два депутатских места больше, чем грузины. Это было только полбеда. Как уже было отмечено, такое превосходство абхазы имели и раньше. Но на этот раз, в отличие от практики советской эпохи, абсолютное большинство абхазских депутатов должны были быть избранными исключительно в контролируемых абхазами избирательных округах. И главное, избирательные округа были распределены весьма неравномерно. Для того, чтобы грузины не смогли провести в парламент неугодных сепаратистским кругам абхазских деятелей, абхазская сторона потребовала для малонаселённых (в основном абхазами) районов почти столько же избирательных округов, сколько предназначалось для густонаселённых р-нов. В результате, получилось, что тнварчельские избиратели (всего 14 тысяч человек) избирали 8 депутатов – абхазов, а гальские избиратели (50 с лишним тысяч человек) – всего лишь 9 депутатов; а в Гаграх (где было 22 тысячи грузинских избирателей) – 4 депутата; 42 тысячи грузинских избирателей г. Сухуми также должны были избрать всего лишь 3 депутатов грузин (кстати, в одном округе победитель так и не был выявлен), тогда как абхазы (число избирателей всего около 14 тысяч) также имели три округа, где баллотировались только абхазы. Вместе с тем, примерно такое же число грузинских избирателей Гудаутского р-на вообще было лишено права иметь своего депутата.¹⁸

Нельзя сказать, что подобное распределение избирательных округов было воспринято грузинским населением спокойно. Наоборот, даже те, кто были «творцами» нового избирательного закона, из ближайшего окружения президента З. Гамсахурдиа, 9 августа 1991г. срочно организовали многотысячный митинг протеста в Сухуми на центральном стадионе. Самое примечательное то, что для участия в этой акции из Тбилиси прибыла представительная делегация, куда входили председатель комиссии Верховного Совета Грузии Т. Коридзе, министры внутренних дел и здравоохранения Грузии Д. Хабулиани, М. Дзодуашвили и другие. Они, в сопровождении депута-

тов Верховного Совета Грузии из Абхазии – Н. Мгалоблишвили, Р. Кемулария, и некоторых других грузинских руководящих работников автономной республики, а так же местных активистов блока «Круглый стол – Свободная Грузия», вышли на беговую дорожку стадиона и обратились с пламенными речами к собравшимся.

В своих выступлениях они клеймили В. Ардзинба и его команду за принятие апартеидного избирательного закона. Один из них (Т. Коридзе) договорился даже до того, что объявил В. Ардзинба учеником Э. Шеварднадзе, от которого он якобы в тайне получал инструкции и натравливал его против нового руководства Грузии. Можно подумать, что В. Ардзинба вопрос о принятии унижающего национальное достоинство коренного грузинского населения Абхазии избирательного закона обговаривал не с ближайшим окружением президента З. Гамсахурдиа, а с бывшим министром иностранных дел СССР. Т.е. вместо того, чтобы вести деловую полемику с сепаратистами и в прямом диалоге с ними добиться желаемого результата, представители высшего эшелона властей Грузии, к сожалению, предпочитали разговаривать на языке митингов.

Тем не менее, митинг, проведённый в г. Сухуми 9 августа, был своего рода демонстрацией «всенародной поддержки» грузинского населения Абхазии указа президента З. Гамсахурдиа «*О приостановлении действий Указа Президиума Верховного Совета Абхазской АССР «Об образовании Центральной избирательной комиссии по выборам депутатов Верховного Совета Абхазской АССР»* принятого, как уже отмечалось, 20 июля 1991г. В президентском указе перечислялись те нарушения, которые были допущены в указе Президиума ВС Абхазской АССР. В частности, говорилось о том, что две трети членов Центральной избирательной комиссии представляли блок «Союз». Из 17 членов 13 были жителями г. Сухуми, в то время как в состав комиссии не были включены кандидатуры, выдвинутые исполкомами Гульрипшского, Очамчирского и Сухумского районов. Отмечалось, что это является грубым нарушением 20-ой статьи избирательного закона Абхазской АССР, согласно которой Центральная избирательная комиссия должна была быть образована с учётом предложений исполкомов районных и городских Советов. Исходя из этого, а также из-за нарушения 34-ой статьи Конституции Республики Грузия, установившей на территории страны принцип обеспечения равных прав для граждан различных национальностей, президент Грузии приостановил действие Указа Президиума Верховного Совета Абхазской АССР от 20 июля 1991г. «*Об образовании Центральной избирательной комиссии по выборам депута-*

тов Верховного Совета Абхазской АССР», как противоречащего конституции и действующему законодательству Грузии.¹⁹

И всё же, решение грузинского лидера, а так же акция протеста грузинского населения на центральном стадионе г. Сухуми проведённая 9 августа 1991г. вряд ли могли остановить сепаратистов, которые были настроены весьма решительно. В. Ардзинба и его окружение подхлестывало и то, что в тот период в Москве готовились к подписанию т.н. «Нового союзного договора». З. Гамсахурдиа, как уже отмечалось, демонстративно отказывался подписывать этот «Союзный договор», в то время как на В. Ардзинба, наряду с другими лидерами автономных республик, была возложена почётная миссия быть соучредителем обновлённого союза. Т.е. складывалась весьма угрожающая для государственной целостности Грузии ситуация. Часть её территории – Абхазская АССР – могла оказаться в составе государства, частью которого она, т.е. Грузия в целом, не собиралась становиться.

Однако надежды Кремля путём минимальных уступок союзным республикам всё же сохранить Союз, не оправдались. Реакционно-консервативное крыло тогдашнего советского руководства во главе с вице-президентом страны Геннадием Янаевым и председателем Верховного Совета СССР Анатолием Лукьяновым выступило против Горбачёвского проекта нового союзного договора, и 19 августа 1991г. предприняло попытку государственного переворота вооружённым путём. Но военный путч провалился благодаря выдержке и стойкости президента России Б. Н. Ельцина, в руках которого фактически оказалась вся власть.

После подавления вооружённого мятежа идея подписания нового союзного договора фактически была похоронена, и стало очевидным, что распад СССР, как единого государства, неминуем. Естественно, это не могли не почувствовать и в Сухуми. В этой ситуации В. Ардзинба, чей «духовный отец» и главный покровитель А. Лукьянов уже отсиживался «в Матросской тишине», решил пойти на некоторый компромисс с Тбилиси. Сепаратисты всемерно старались во что бы то не стало отстоять апартеидный избирательный закон и этим обеспечить гарантированное большинство депутатских мест за абхазами в новом парламенте. Была создана т.н. согласительная комиссия, куда вошли: со стороны абхазов – А. Джергения, С. Багапш, К. Озган, Д. Пилия, С. Шамба, а с грузинской – В. Колбая, Г. Ломинадзе, Н. Мгалоблишвили, Н. Месхия, Т. Мжавия.

Грузинская сторона согласилась провести выборы в Верховный Совет автономной республики по абхазскому сценарию. Взамен

абхазы пошли на внесение некоторых изменений в конституцию Абхазии. В частности, 27 августа Владиславом Ардзинба был подписан закон Абхазской АССР «*О внесении изменений в конституцию Абхазской АССР*», согласно которому 98-ая статья дополнялась словами: «Законы и другие акты по вопросам правового статуса Абхазской АССР принимаются двумя третями голосов общего числа депутатов Верховного Совета Абхазской АССР». В тот же день были внесены изменения и в закон «*О всенародном голосовании (референдуме) в Абхазской АССР*». По новой редакции, «решение вопросов проведения референдума, связанных с изменениями конституции Абхазской АССР» должно было приниматься «только Верховным Советом Абхазской АССР двумя третями общего числа депутатов Верховного Совета...».²⁰

Таким образом, получалось, что, несмотря на численное превосходство абхазов над грузинами в верховном органе власти автономной республики, сепаратисты фактически лишались возможности конституционным путем изменить государственный статус Абхазии, так как они не могли набрать квалифицированного большинства в парламенте если даже все 11 депутатов – представителей некоренных национальностей, перешли бы на сторону абхазов. Также две трети голосов нужно было набрать, чтобы утвердить правительство. Так что все важнейшие решения новый парламент должен был принимать только лишь путём компромисса между абхазской и грузинской сторонами. Однако всё это, как выяснилось потом, оказалось «Филькиной грамотой», и т.н. «Джентльменские соглашения» были грубо и бесцеремонно попораны Владиславом Ардзинба и его окружением.

31 октября и 1 декабря, в два тура, были проведены выборы в Верховный Совет Абхазии. Абхазы сумели преодолеть внутренние противоречия и фактически без особых усилий выбрали свой депутатский корпус (второй тур понадобился лишь в 3 или 4-х округах). В парламент попали все известные лидеры сепаратистского движения. Это была фактически вся абхазская политическая и интеллектуальная элита, которая достаточно грамотно и квалифицированно отстаивала свои интересы.

В отличие от абхазов, грузины не смогли договориться между собой и в каждом избирательном округе, где баллотировались представители грузинской национальности, развязалась жестокая, непримиримая борьба. Более того, как уже отмечалось, в одном из избирательных округов в г. Сухуми даже во втором туре не удалось выявить победителя и грузинская депутация вовсе потеряла это ме-

сто в Верховном Совете. Ответственность за создавшуюся ситуацию явно лежит на местных лидерах правящей в Грузии политической силы – «Круглый Стол – Свободная Грузия». Они не смогли, или не захотели, найти общий язык с лидерами оппозиционных партий и везде и всюду стали выдвигать своих кандидатов. В результате, в новый парламент Абхазии в основном попали люди, не способные дать достойный отпор демагогическим выходкам сепаратистов.

Разногласия и противостояние не позволили грузинской стороне безболезненно провести выборы своих депутатов и всё внимание сосредоточить на те округа, где баллотировались представители иных национальностей. При той раскладке избирательных округов, где должны были избрать представителей некоренных национальностей, которое было принято Центральной избирательной комиссией, как минимум в восьми округах из 11 должны были победить кандидатуры, поддерживаемые грузинским населением. Т.е. получалось так, что, несмотря на все старания, абхазская сторона всё же лишалась гарантированного большинства в парламенте, так как из 65 депутатских мест 34 могли получить те, кого поддерживало грузинское население и всего лишь 31 депутатских мест могли занять выдвиженцы сепаратистов.

Вот поэтому разгорелась ожесточённая борьба именно в этих округах. Сепаратисты, имея полный контроль над Центральной избирательной комиссией, путём различных уловок и подтасовок, всё же сумели отбить у грузин два избирательных округа и провели в парламент 5 своих сторонников из 11 депутатов – представителей некоренных национальностей. В результате, они обеспечили гарантированное большинство – 33 против 31-го – в верховном органе власти автономной республики.

Вот как выглядел Верховный Совет Абхазии, избранный в октябре-декабре 1991г. – *Абхазская депутация*: 1) **Ринат Карчаа**, 2) **Даур Барганджиа**, 3) **Натела Акаба** (г. Сухуми); 4) **Вячеслав Бганба**, 5) **Леонид Лакербаия**, 6) **Алеко Гварамия** (Гагра); 7) **Энвер Капба**, 8) **Валери Кварчия**, 9) **Далила Пилия**, 10) **Олег Дамения**, 11) **Давид Пилия**, 12) **Валери Гурджуа**, 13) **Сократ Джинджолия**, 14) **Константин Джинджолия** (Ткварчели); 15) **Саид Таркил**, 16) **Станислав Лакоба**, 17) **Владислав Ардзинба**, 18) **Игорь Лакоба**, 19) **Александр Анкваб**, 20) **Геннадий Аламия**, 21) **Константин Озган**, 22) **Сергей Шамба** (Гудаутский р-н); 23) **Владимир Зантария**, 24) **Сергей Багапш**, 25) **Даур Тарба**, 26) **Зураб Ачба**, 27) **Владимир Ашхацава** (Очамчирский р-н); 28) **Этери Авидзба** (Сухумский р-н). *Грузинская депутация*: 1) **Элгуджа (Гия) Гвазава**, 2)

Темур Лордкипанидзе (г. Сухуми); 3) Темур Каландия, 4) Темур Мжавия (Сухумский р-н); 5) Акакий Гасвиани, 6) Тамаз Надареишвили, 7) Раиса Убилава, 8) Михеил Джинчарадзе (Гагра); 9) Давид Гвадзабия, 10) Ким Джачвлиани, 11) Вахтанг Качарава, 12) Нугзар Мгалоблишвили, 13) Раиса Карая (Гульрипшский р-н; 14) Тамаз Гогохия, 15) Мурман Кварацхелия, 16) Шота Хецуриани (Очамчирский р-н); 17) Джемал Гамахария, 18) Риналди Дгебуадзе, 19) Отар Зухбая, 20) Наполеон Месхия, 21) Тамаз Хубуа, 22) Зураб Джгубурия, 23) Рудик Цатава, 24) Вахтанг Колбая, 25) Ростом Шамугия (Гальский р-н).

Депутатами из представителей некоренных национальностей стали: 1) Этери Астемирова, 2) Ольга Нагарнина, 3) Виктор Васильев, 4) М. Джаловян, 5) А. Гомцкян, 6) А. Зебелян (поддерживающие грузинскую сторону); 7) Юрий Воронов, 8) Виктор Логиннов, 9) Альберт Тополян, 10) М. Депелян, 11) А. Какуев (все они поддерживали сепаратистов).

Правовой беспредел режима В. Ардзинба в 1991г. На первой сессии новоизбранного Верховного Совета Абхазии Председателем Верховного Совета почти единогласно был избран В. Г. Ардзинба. Первым заместителем председателя стал Т. В. Надареишвили, а вторым заместителем председателя – один из лидеров армянской общественно-политической организации «Крунк», А. Г. Тополян. В состав Президиума Верховного Совета кроме них вошли: К. Озган, С. Шамба, В. Колбая, Э. Гвазава, Э. Астемирова, Ю. Воронов. Такой состав Президиума обеспечивал простое большинство (5 против 4-х) В. Ардзинба, чем он и воспользовался, и в нарушение 103-й статьи конституции Абхазской АССР, стал принимать президиумом почти все важнейшие решения.

Но в этом ничего нового не было. Практика игнорирования конституции и принятия некоторых актов одним лишь Президиумом Верховного Совета Абхазской АССР стала нормой жизни ещё до избрания нового Верховного Совета. Именно тогда началась т.н. «война законов» между Тбилиси и Сухуми. Мы уже приводили несколько примеров нарушения конституции и действующего законодательства со стороны В. Ардзинба, и обращали внимание на то, как центральное руководство Грузии пыталось (порой тщетно) не допустить претворения в жизнь некоторых решений В. Ардзинба и его команды. На этот раз же мы хотим обратить ваше внимание на некоторые другие нормативные акты, принятые, в нарушение конституции, Президиумом Верховного Совета Абхазской АССР начиная с июля 1991г. Так, 2 июля 1991г. В. Г. Ардзинба подписал постанов-

ление Президиума Верховного Совета Абхазской АССР «О Законе Республики Грузия «Об образовании Внутренних Войск – Национальной гвардии Республики Грузия», согласно которому данный закон признавался противоречащим Указу Президента СССР «О запрещении создания вооружённых формирований, не предусмотренных законодательством СССР...» и объявлялся «не имеющим юридической силы и не подлежащим исполнению на территории Абхазской АССР».²¹

30 августа 1991г. было принято Постановление Президиума Верховного Совета Абхазской АССР «О законах Республики Грузия «О денежно-кредитном регулировании в Республике Грузия», «О Национальном Банке Республики Грузия» и «О банках и банковской деятельности», в котором эти законы также были признаны противоречащими Законам СССР. Более того, принятие этих законов воспринималось как акт «грубейшего вмешательства в суверенные права Абхазии в части реализации ею возможностей в банковской деятельности, предоставленные союзным законодательством». Исходя из вышеизложенного, Президиум Верховного Совета Абхазии, законы принятые Верховным Советом Республики Грузия также объявлял «не имеющими юридической силы и не подлежащими исполнению на территории Абхазской АССР». Одновременно министерству финансов автономной республики предписывалось: «не принимать к исполнению и незамедлительно» сообщать Президиуму Верховного Совета Абхазской АССР обо всех поручениях правительства Республики Грузия по выполнению вышеназванных законов».²²

27 сентября 1991г. Президиум Верховного Совета Абхазской АССР специальным постановлением запретил исполнение некоторых актов Министерства Просвещения Республики Грузия.²³ В тот же день, Президиум Верховного Совета Абхазской АССР принял постановление «Об обеспечении экономической основы суверенитета Абхазии», по которому Совету Министров автономной республики предписывалось «до 1 января 1992 года обеспечить передачу и принятие в ведение органов государственного управления Абхазской АССР предприятий, учреждений и организаций союзного и союзно-республиканского подчинения, находящихся на территории Абхазии». 27 сентября 1991г. Президиум Верховного Совета Абхазской АССР принял ещё одно незаконное решение «О создании Абхазской республиканской таможенной службы, согласовав вопросы структуры штатов и деятельности с Таможенным комитетом СССР». Этим, также как и другими актами, Президиум грубо нарушал 82-ую статью Конституции Республики Грузия, согласно кото-

рой законы Республики Грузия объявлялись обязательными и имеющими «одинаковую силу на территории автономной республики». Следует отметить, что Президент Республики Грузия З. Гамсахурдиа и Верховный Совет приостановили и объявили недействительными Постановления Президиума Верховного Совета Абхазской АССР как о создании таможенной службы Абхазии, так и «*Об обеспечении экономических основ суверенитета Абхазии*».²⁴

Особенно тревожным было постановление Президиума Верховного Совета Абхазии «*О создании службы государственной безопасности Абхазии*», принятое 27 ноября 1991г. «В связи с упразднением КГБ СССР и его структурных подразделений в республиках». Было решено упразднить КГБ Абхазии и на его базе создать Службу государственной безопасности Абхазии. Отдельным пунктом было указано, что «финансирование деятельности Службы Государственной Безопасности Абхазии» должны были осуществлять «за счёт средств республиканского бюджета Абхазии».²⁵ Это, ни больше, ни меньше, означало, что В. Ардзинба, полностью игнорируя центральное руководство Грузии, единолично подчинил себе Службу государственной безопасности.

Таким образом, как до избрания нового Верховного Совета, так и после него, В. Г. Ардзинба грубо нарушал конституцию автономной республики и через Президиум Верховного Совета принимал важнейшие нормативные акты. Однако правовой беспредел в Абхазии невиданных размахов достиг после упразднения СССР. Так, 29 декабря 1991г. Президиум Верховного Совета Абхазской АССР принял постановление «*О дислокации военных частей, учреждений пограничных и внутренних войск, сил ВМФ и внесение изменений в порядок их функционирования на территории Абхазии*». В постановлении прямо указывалось, что «Воинские части, учреждения, пограничные, внутренние войска, силы ВМФ дислоцируются на территории Абхазии **в соответствии с волей народа и конституции Абхазии**. Их дальнейшее пребывание в Абхазии **целиком и полностью относится к компетенции Верховного Совета Абхазии**». Данным постановлением войсковые части 5482, 3697, «их имущества, техника и вооружение, а так же здания, сооружения» объявлялись собственностью Абхазии.²⁶

Как видим, при решении такого архиважного вопроса, как военное присутствие другого государства, в этом случае правопреемницы СССР – России, на территории Абхазской АССР, официально всё ещё признававшей себя в качестве части государства – Республики Грузия, полностью было игнорировано мнение руководства

самого государства, и право его решения объявлялось прерогативой исключительно Верховного Совета Абхазской АССР, а военные объекты были признаны собственностью не государства в целом, а автономии.

Ещё более вызывающим было постановление Верховного Совета Абхазской АССР *«О создании при председателе Верховного Совета Абхазии Временного Совета по координации деятельности и переподчинения воинских и милицейских частей, дислоцированных на территории Абхазии»*, принятое также 29 декабря 1991г. В нём указывалось: «В связи с прекращением существования СССР и ликвидации союзных структур, в том числе и воинских частей союзного МВД, руководствуясь интересами многонационального населения Абхазии, создать при Председателе Верховного Совета Абхазии Временный Совет по координации деятельности и переподчинения воинских и милицейских частей, дислоцированных на территории Абхазии...».

Председателем Совета, естественно, был утверждён сам В. Ардзинба. В состав Совета вошли: полковник А. И. Аршба – первый заместитель министра ВД Абхазии (он стал первым заместителем председателя Совета); подполковник Л. Р. Гогжян (заместитель председателя Совета); полковник Т. Чкадуа – военный комиссар Абхазии, полковник С. П. Дбар – военный комиссар г. Сухуми, полковник Б. Г. Мирвелов – военный комиссар г. Гагра, Майор милиции А. Б. Клитов – командир воинской части 5482 и подполковник Г. К. Агрба. Не трудно догадаться, что этот Совет фактически был военным ведомством, своего рода прообразом министерства обороны. Примечательно и то, что из 8 членов совета 4 были абхазами, 3 – представителями некоренных национальностей и лишь только один – грузином (Т. Чкадуа). Вот как представлял В. Г. Ардзинба т.н. «многонациональное население Абхазии», в интересах которого он якобы и создал «Временный Совет».

Образование «Временного Совета» совершенно обоснованно было признано как шаг на пути обретения военно-политического суверенитета Абхазии и создания собственной, независимой от Тбилиси, военной структуры. Поистине кощунственным, в первую очередь для 250-тысячного грузинского населения, составляющего, как известно, почти половину всего населения автономной республики, выглядели имевшиеся в постановлениях Президиума ВС Абхазской АССР ссылки на «волю народа» и «конституцию Абхазии». Всё это, по оценке С. М. Червонной, было «чистейшей демагогией». Дело в том, что «никакая конституция Абхазии» (а единственной

действующей в это время была Конституция Абхазской АССР 1978 года) не предусматривала узурпацию Верховным Советом автономной республики (тем более его Президиумом – **З.П.**) той системы управления дислоцированными на её территории воинскими частями бывших вооружённых сил СССР, которая относилась к компетенции государства-правопреемника Советского Союза. Таким государством, наряду с четырнадцатью другими республиками, образовывавшими до 1991г. Союз ССР, могла выступать только Грузия, но никак не находившаяся в составе Грузии автономия или область.²⁷ Вот так, «грубо попирая конституцию и международное право, единоличным росчерком пера... (даже не решением Верховного Совета, а постановлением Президиума) Ардзинба... фактически совершал акт политического самоуправства».²⁸

Конечно, эти незаконные действия, безусловно, стали возможны и потому, что в этот период центральному руководству Грузии, из-за начавшегося военно-политического мятежа в Тбилиси, было не до Абхазии. «Однако, – как правильно отмечает С. М. Червонная, – ни временный паралич государственных структур и военных ведомств Республики Грузия..., ни собственная неразборчивость в делах, касающихся чужого имущества и правовой компетенции, всё же не позволили бы Председателю Верховного Совета автономной республики принимать столь дерзкие решения, если бы эти решения не были заранее обеспечены сговором с командным составом, вероятно, имевшим соответствующие инструкции и с поразительной лёгкостью вверившим себя в непредусмотренную никакими воинскими уставами «компетенцию» Верховного Совета Абхазии». Вне всякого сомнения, всё это действительно была «единая, заранее согласованная, спланированная в высших эшелонах военно-промышленного комплекса, акция».²⁹

Создание военного ведомства, подчинённого непосредственно председателю Временного Совета Абхазии и не признававшего какой-либо иной власти, было наиболее вызывающим шагом, который фактически подрывал государственную целостность Грузии. Эту опасность ясно видели как в Сухуми, так и в Тбилиси, однако развернувшиеся в конце декабря 1991г. в Тбилиси трагические события дали полную свободу действиям В. Ардзинба и его окружению.

Первые симптомы кризиса власти в Тбилиси, как известно, появились ещё в августе 1991г., в дни путча в Москве, когда президент З. Гамсахурдия, под давлением эмиссара ГКЧП-истов, заместителя министра обороны СССР В. Шуравлёва, принял роковое решение о подчинении Национальной Гвардии министерству Внутрен-

них дел. Этот акт, а также кадровые перестановки в высшем руководстве страны, были восприняты весьма негативно не только в стане оппозиции, но и среди сторонников правящего блока «*Круглый Стол – Свободная Грузия*». Масло в огонь подлили нерасторопные действия ОМОН-а во время разгона митинга оппозиции 2 сентября 1991г. Начиная с этого времени, политическая ситуация в Тбилиси, да и в регионах также, стала всё больше накаляться. Некоторые подразделения национальной гвардии, под командованием Тенгиза Китовани, бывшего соратника З. Гамсахурдиа, объявили неповиновение и «ушли в лес». Дело дошло до того, что сторонники президента З. Гамсахурдиа поставили палатку на проспекте Руставели перед «Домом правительства», где находилась резиденция президента, а заседания Верховного Совета стали проводить в подвальном помещении Верховного Совета. 22 декабря на рассвете прогремели первые выстрелы. Так началось военное противостояние, которое завершилось 6 января 1992г. Президент З. Гамсахурдиа в сопровождении своих сторонников, был вынужден покинуть Тбилиси. Он сначала перебрался в Армению, а затем нашёл убежище в Чечне. Власть в стране в свои руки взял Военный Совет во главе с Тенгизом Китовани и Джабой Иоселиани. Военный Совет создал временное правительство, которое возглавил Т. Сигуа – бывший премьер-министр Республики Грузия, смещённый в свое время (в августе 1991г.) президентом З. Гамсахурдиа.

Так наступил новый 1992г. – год новых тревог и испытаний, принесший Грузии много крови и горя.

Глава XXI

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В АБХАЗИИ В ЯНВАРЕ – НАЧАЛЕ АВГУСТА 1992 ГОДА

Обострение политической ситуации в Грузии и обстановка в Абхазии в начале 1992г. Гражданское противостояние в Тбилиси, начавшееся ещё в декабре 1991г., вызвало накал политических эмоций и страстей по всей Грузии, в том числе и в Абхазии, где у первого президента Грузии было достаточно много сторонников среди грузинского населения. Отдельные лидеры местной организации блока «*Круглый Стол – Свободная Грузия*» почти в ультимативной форме потребовали от грузинской общественности выступить против нового руководства страны. В авангарде этой кампании встал Сухумский филиал Тбилисского государственного университета, ректором которого всё ещё оставался проф. Ф. Г. Ткебучава, получивший, как известно, в первом национальном правительстве портфель министра связи страны. Руководство вуза и ближайшее окружение ректора делали всё для того, чтобы превратить университет в главный штаб пропрезидентских сил в Абхазии. Были предприняты даже шаги для отправки в Тбилиси студентов-добровольцев для обороны Дома Правительства. Призывы отдельных сотрудников вуза, воздержаться от активного вмешательства в Тбилисские события на чьей-либо стороне, и попытаться примирить воюющие стороны, грубо пресекались сторонниками З. Гамсахурдиа.

8 января 1992г. в Сухумском филиале ТГУ, по инициативе директора вуза, состоялось собрание актива профессорско-преподавательского состава и студенчества, на котором было объявлено неповиновение Военному Совету и Временному правительству Республики Грузия, и единственной законной властью был признан Верховный Совет Абхазии во главе с В. Г. Ардзинба. Призывы некоторых участников собрания (в том числе и автора этих строк), воздержаться от подобной постановки вопроса и не допустить самоизоляции от Тбилиси, не были услышаны. Более того, те сотрудники (их было не так много), которые не проголосовали за резолюцию о неповиновении, фактически были объявлены «предателями» родины, и началась их травля, как в коллективе, так и вне его.

На самом деле, нетрудно было догадаться, что стремление значительной части грузинского населения автономной республики отдалиться от Тбилиси, в условиях, когда сами абхазы и их лидер В. Ардзинба, и так, шаг за шагом, весьма последовательно демонстри-

ровали своё неповиновение центральному руководству Грузии, самовольно, в нарушение конституции и действующего законодательства, принимая важнейшие нормативные акты, явно шло на руку сепаратистскому руководству Абхазии и, естественно, создавало серьёзную угрозу государственной целостности Грузии. К сожалению, эту очевидную опасность не замечали, или, может быть, не хотели замечать, «горячие головы» из сторонников президента З. Гамсахурдиа, которые активно начали вести кампанию неповиновения населения Абхазии (в первую очередь грузин) в отношении новых властей Тбилиси.

В этой ситуации не смогла выработать единую позицию грузинская депутация Верховного Совета Абхазии. Лидер грузинской депутации, первый заместитель председателя Верховного Совета автономной республики Т. Надареишвили выразил полную лояльность временному правительству Грузии и поддерживал постоянную связь с главой правительства с Т. Сигуа. Также лояльно относились к новому руководству Грузии и отдельные представители исполнительной власти Абхазии, в том числе, в первую очередь, Министр Внутренних Дел Г. Н. Ломинадзе и глава службы безопасности А. Иоселиани. Вместе с тем, отдельные депутаты – грузины открыто встали на сторону тех сил, которые поддерживали свергнутого президента. Эти силы особенно активизировались после того, как 16 января З. Гамсахурдиа неожиданно покинул Грозный и прибыл в Зугдиди. Некоторое замешательство наблюдалось и в окружении Т. Надареишвили. Однако пребывание свергнутого президента в западной Грузии оказалось кратковременным. Вскоре вооружённые формирования Военного Совета вошли в районы, контролируемые до этого верными Звиаду Гамсахурдиа частями Национальной Гвардии, и ему пришлось вновь покинуть страну.

Всё это время В. Ардзинба и его окружение занимали несколько выжидательную позицию и максимально старались использовать эту сложнейшую ситуацию для реализации своих далеко идущих планов. Внешне В. Ардзинба выглядел довольно спокойно, всем своим видом как бы показывая обществу, что происходящее в Тбилиси и других регионах Грузии не касается Абхазии. Тем не менее, он имел контакты с премьером Т. Сигуа и достаточно благожелательно отзывался о нём. Так, например, отвечая на вопрос, какие у него отношения с новым главой грузинского правительства, В. Ардзинба ответил: «Два доктора наук всегда поймут друг друга». Тем не менее, он пытался наладить контакты, и не безуспешно, со сторонниками свергнутого президента, фактически поощряя исподволь кам-

панию неповиновения.

Со своей стороны, начавшиеся акции протеста – перманентные митинги сторонников свергнутого президента, на которых клеймили новое руководство Грузии и призывали население к неповиновению, создавали весьма благоприятный фон для антиконституционных действий В. Ардзинба, чем он и воспользовался, и один за другим начал издавать незаконные нормативные акты. Так, 25 января 1992г. Верховный Совет Абхазии принял постановление *«О действии законов и других законодательных актов на территории Абхазской Автономной Республики в связи с прекращением существования СССР»*, согласно которому «дискриминационно ограничивалось действие законов Республики Грузия».¹ Также дискриминационным по отношению граждан Грузии было постановление Президиума Верховного Совета Республики Абхазия *«О временном порядке прописки граждан на территории республики Абхазия»*, принятое 24 марта 1992г.²

Вместе с тем, нельзя сказать и то, что руководство Абхазии вовсе не было обеспокоено активизацией сторонников свергнутого президента Грузии. Уже 13 января 1992г. Президиум Верховного Совета Абхазии принял постановление *«О мерах по обеспечению правопорядка и законности в Абхазии»*, в котором признавалось, «что на территории Абхазии резко ухудшилась общественно-политическая обстановка в результате проведения рядом общественных организаций акций неповиновения новым структурам власти Республики Грузия... Эти акции стали принимать противозаконный характер, проводятся несанкционированные митинги, шествия и забастовки, самоуправно устанавливаются пикеты, блокируются железные дороги. Их организаторы, на словах призывая к соблюдению конституции и законов, сами способствуют нарушению общественного порядка»... В связи с этим Президиум поручал «Прокуратуре, МВД, Службе... безопасности Абхазии активнее выявлять и привлекать к установленной законом ответственности нарушителей общественного порядка, в том числе организаторов незаконных забастовок, митингов».³

Руководство Абхазии особенно забеспокоилось после того, как в автономной республике появились люди с оружием в руках – «бойцы формирований Национальной Гвардии Грузии». Исходя из того факта, что Национальная Гвардия Республики Грузия была официально признана властями Абхазии незаконным формированием, Президиум Верховного Совета Абхазии в своём постановлении (от 20 января 1992г.) дал указание «Правоохранительным органам

Республики Абхазия» (МВД, Прокуратуре... Службе Государственной Безопасности)... и, что особенно важно, «формированиям внутренних войск, находящихся под юрисдикцией Верховного Совета Республики Абхазия немедленно организовать совместную работу по изъятию незаконно хранящегося оружия у населения и лиц, пребывающих на территории Абхазии».⁴

Критическая ситуация сложилась в Абхазии в феврале 1992г., когда батальон Национальной Гвардии Республики Грузия под командованием Гиоргия Каркарашвили с тяжёлой техникой вступил в Абхазию, без единого выстрела достиг берегов р. Псоу и вышел к государственной границе Республики Грузия. Эта акция Тбилиси была своего рода демонстрацией силы нового руководства Грузии и, прежде всего, ставила целью призвать к порядку протестовавших сторонников свергнутого президента З. Гамсахурдиа. Одновременно, конечно же, организаторы данного марш-броска рассчитывали и на то, что эта акция в какой-то степени повлияет и на В. Ардзинба и его окружение, и заставит их быть более лояльными по отношению к центральной власти Грузии. Сепаратистская верхушка, несмотря на большое раздражение, не смогла оказать какое-либо сопротивление дерзкому манёвру Г. Каркарашвили. Однако, через некоторое время, по требованию В. Г. Ардзинба, грузинское руководство всё же приняло решение отозвать Г. Каркарашвили и его батальон обратно.

Борьба за консолидацию грузинских общественно-политических организаций Абхазии весной 1992г. Тем временем, в Сухуми началось движение по консолидации грузинских национально-патриотических сил и созданию единого фронта, способного дать достойный отпор разгулу сепаратистов. Оно было инициировано, как говорится, «сверху». Главным инициатором нового движения был министр внутренних дел Абхазии Гиви Ломинадзе, который к этому времени стал ведущей политической фигурой среди грузинской номенклатуры. Авторитет Г. Ломинадзе вырос особенно после того, как против него ополчились представители абхазской депутации. Он сумел отразить нападки абхазской стороны и сохранить за собой пост министра внутренних дел автономной республики вопреки желанию самого В. Ардзинба. Более того, во время дебатов в Верховном Совете Г. Ломинадзе проявил качества политического лидера и, с этого времени, стал самым реальным кандидатом на пост Председателя Совета Министров Абхазии, который был вторым по значению после Председателя Верховного Совета автономной республики.

В новое движение была вовлечена почти вся грузинская политическая элита Абхазии, министры, депутаты и т.д., а также пред-

ставители научной и творческой интеллигенции, руководители предприятий. Новое движение получило название «*Прогрессивно-демократического союза Абхазии*» (ПДС). После соответствующей подготовительной работы, 11 марта 1992г. в Сухуми, в клубе им. А. М. Горького состоялся учредительный съезд Прогрессивно-демократического союза Абхазии. С докладом о целях и задачах нового общественного движения выступил член инициативной группы З. В. Папаскири. На съезде присутствовали сторонники свергнутого президента З. Гамсахурдиа, которые, безуспешно, пытались внести диссонанс в его работу, требуя от участников осуждения т.н. «Тбилисской хунты». Председателем новой общественной организации стал заместитель министра внутренних дел Абхазии Алеко Ломинеишвили, которому было предложено оставить занимаемую должность в МВД. В состав руководящего ядра вошли Гурам Маглакелидзе, Шамиль Цхведиани, Мурман Берия, Александр Берулава, Зураб Папаскири и др.

Создание нового общественного движения, претендующего на роль консолидирующей силы грузинской общественности, было воспринято как событие большого политического значения, и не только в масштабе Абхазии. Симптоматично, что грузинское телевидение сочло нужным показать видеозапись съезда, что позволило широким кругам общественности страны ознакомиться с целями и задачами *Прогрессивно-Демократического Союза Абхазии*. Новая общественно-политическая организация сразу же начала активную информационно-идеологическую работу по разоблачению деструктивных, антигосударственных действий сепаратистского руководства Абхазии. Были изданы «*Информационные бюллетени*» на русском и грузинском языках, в которых были опубликованы материалы, дискредитирующие, по мнению В. Ардзинба и его окружения, Верховный Совет и, особенно, его абхазскую депутацию. Поэтому срочно были приняты меры по запрещению издания «*Информационного бюллетеня*» ПДС. По поручению В. Ардзинба, заместитель председателя Верховного Совета Абхазии А. Г. Тополян даже официально потребовал от прокурора автономной республики Анри Джергения, привлечь к уголовной ответственности (за попытку «дискредитации Верховного Совета, особенно его состава и руководства абхазской национальности») издателей «*Информационного бюллетеня*» и руководства ПДС.⁵

Прокуратура действительно занялась выполнением данного поручения руководства парламента, однако из этого ничего не вышло, так как было совершенно очевидно, что заведение уголовного

дела против политических оппонентов В. Ардзинба и его команды могло вылиться в крупный политический скандал. Да и само т.н. «уголовное дело» было бы явно сфабриковано и не имело бы никакой перспективы для сепаратистского руководства Абхазии, так как в материалах *«Информационного бюллетеня»* приводились неопровержимые факты, подтверждавшие антигосударственные действия сепаратистов, по своей сути угрожавшие государственной безопасности Грузии. Для наглядности можно привести факт отправки абхазских боевиков (официально бойцов из т.н. «полка внутренних войск» Верховного Совета Абхазии) в Грозный для прохождения «военно-политической подготовки» и приобретения военных навыков. Кстати, об этом стало известно по Абхазскому телевидению из уст одного из идеологов абхазского сепаратизма, депутата ВС Абхазии, проректора АГУ доц. О. Н. Дамения, который фактически похвастался перед телеаудиторией тем, что абхазские ребята прошли хорошую подготовку за пределами республики.

Тем временем, по инициативе Прогрессивно-демократического союза, началась подготовка объединительного съезда грузинской общественности Абхазии. В эту работу были подключены и политические организации, активно поддерживавшие свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа и ратовавшие за общенациональную кампанию неповиновения новым властям страны. Следует отметить, что эти силы, через своих представителей в Верховном Совете Абхазии, по инициативе депутата Дж. Гамахария, даже предложили высшему органу власти Абхазии проект постановления, согласно которому Верховный Совет должен был осудить военный переворот в Тбилиси и отказаться признать новые властные структуры Грузии. Эту инициативу сразу же подхватили сепаратистски настроенные абхазские депутаты, которые со своей стороны предложили грузинским депутатам пойти ещё дальше и объявить независимость Абхазии. Этот факт может служить наглядным доказательством того, насколько опасно было проводить в Абхазии кампанию неповиновения Тбилиси. Кстати, в последний момент это почувствовали сами авторы данной инициативы и они тут же забрали обратно предложенный проект постановления.

Сепаратистски настроенная часть Верховного Совета Абхазии всемерно пыталась максимально использовать внутригрузинское противостояние и добиться полного суверенитета автономной республики, вплоть до объявления независимости. Данное стремление абхазская депутация проявила ещё во время утверждения государственной символики (флага и герба) Абхазии. Сепаратисты катего-

рически требовали принятия государственного флага, фактически аналога флага т.н. «*Конфедерации народов Кавказа*», создатели которого, как известно, явно не скрывали исламско-фундаменталистскую направленность этой организации, выражением чего было преобладание зелёного цвета в её флаге. Принятием такой же символики как у «*Конфедерации*», сепаратистски настроенные абхазские депутаты недвусмысленно давали знать, что Абхазия является не частью грузинского государства, а вышеназванного сообщества мусульманских народов Северного Кавказа. И это в то время, как в Абхазии исторически всегда преобладало христианство (ярким свидетельством чего являются сохранившиеся до сих пор блестящие памятники христианского зодчества), а ислам практически никогда (даже в XVIII-XIX вв.) не играл здесь существенную роль.

Грузинская депутация, естественно, выступила против утверждения предложенных сепаратистами вариантов государственного флага и герба, однако это не остановило В. Ардзинба и его сподвижников, и позже абхазская депутация, грубо нарушив конституционные нормы (в отсутствие кворума), всё же приняла новую государственную символику и демонстративно водрузила над зданиями Верховного Совета и Совета Министров Абхазии зелёный флаг КНК. Грузинская депутация также не согласилась на изъятие слова «автономная» из официального названия Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики, но абхазские депутаты и при решении данного вопроса пошли на антиконституционные действия, и без согласия грузинской стороны, опять же с нарушением регламента, приняли новое название – «Республика Абхазия».

Эти действия сепаратистов, естественно, до предела накалили обстановку в автономной республике. Ситуацию ещё больше усугубило решение В. Ардзинба о вводе формирований т.н. полка ВВ Верховного Совета Абхазии в Гальский район и их размещение на правом берегу р. Энгури, вдоль административной границы с Зугдидским районом. Формально этот вопрос был согласован с новым руководством Грузии и размещение абхазского военного формирования на Энгури официально мотивировалось как бы необходимостью недопущения проникновения в пределы автономной республики вооружённых гвардейцев – сторонников свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа. Однако этой акции руководство Абхазии, и в первую очередь, сам В. Ардзинба, придали совершенно иную идеологическую нагрузку. Сепаратисты открыто заявляли, что бойцы полка внутренних войск были размещены на «государственной границе Абхазии с Грузией» и они охраняли «святые рубежи» своего

«отечества». Это особенно наглядно было продемонстрировано после инцидента в районе Отобая-Набакеви, когда при задержании проникших туда из Зугдидского р-на сторонников президента З. Гамсахурдиа (их было всего 5 человек), в перестрелке погиб один из бойцов т.н. «Абхазской Гвардии». Этот случай был использован поводом для очередной национально-патриотической шумихи. Погибший абхазский парень был объявлен чуть ли не национальным героем, совершившим настоящий подвиг при охране «государственной границы» своей «родины».

Таким образом, абхазские сепаратисты открыто демонстрировали своё всемогущество и вседозволенность. Кульминацией своего рода «весеннего наступления» В. Ардзинба и его команды стал отказ абхазской депутации поддержать кандидата грузинской стороны Г. Н. Ломинадзе на посту председателя совета министров, т.е. главы исполнительной власти автономной республики. Как известно, принимая избирательный закон, ущемлявший права коренного грузинского населения Абхазии, между абхазской и грузинскими сторонами было достигнуто т.н. «джентльменское соглашение». По этому соглашению грузинская депутация должна была безоговорочно поддержать на посту председателя Верховного Совета Абхазии предложенную абхазской стороной кандидатуру, а со своей стороны точно также должны были поступить абхазы при назначении председателя совета министров автономной республики.

Грузинская сторона честно и добросовестно выполнила взятое обязательство и почти единогласно поддержала кандидатуру В. Г. Ардзинба, хотя все знали, что он был наиболее неприемлемым для грузин кандидатом на высший государственный пост автономной республики. Абхазская сторона не оценила должным образом этот шаг доброй воли грузинской депутации и когда на пост председателя Совета министров была предложена кандидатура Г. Н. Ломинадзе, она её заблокировала. Но это было ещё полбеды. В. Г. Ардзинба, полностью игнорируя мнение грузинской депутации, Верховному совету предложил кандидатуру до этого ничем себя не проявившего Важи Зарандия, человека полностью лишённого грузинского национального менталитета. Несмотря на категорические протесты грузинских депутатов, 5 мая 1992г., по команде В. Ардзинба, Верховный Совет Абхазии, в отсутствие грузинской депутации, единогласно утвердил Важу Зарандия в должности председателя Совета Министров Абхазии.

Назначение Важи Зарандия на предназначенный для грузин самый высокий государственный пост, конечно, было неслучайным.

Сепаратисты и до этого всегда стремились выдвигать на т.н. «грузинские должности» тех грузин, национальное самосознание которых не выходило за рамки отметки в графе «национальность», т.е. оно фактически приравнивалось к нулю. Да и в профессиональном плане они подбирали отнюдь не лучших. Предпочтение всегда отдавалось ничем не отличавшимся в профессиональном и общественном отношении середнякам, послушным работникам, которые молча исполняли все капризы абхазских руководителей. Эта тенденция стала особенно заметной после «революции» 1978г. Так сформировалась грузинская партийно-хозяйственная номенклатура, которая, к сожалению, в нужный момент, не смогла дать ярких лидеров-патриотов, способных достойно отстаивать общенациональные интересы в полемике с абхазской политической и интеллектуальной элитой.

Эти действия председателя Верховного Совета Абхазии однозначно показывали, что с его стороны началась неприкрытая узурпация власти. К сожалению, в этих условиях грузинские национально-патриотические силы не всегда проявляли должное единство, чем создавали весьма благоприятный фон для антиконституционных действий сепаратистов. Политические организации, поддерживавшие свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа, вместо того, чтобы сосредоточить все свои усилия на борьбу против разгула сепаратистов, упрямо требовали от грузинской общественности выступить единым фронтом, в первую очередь, против новых властей Грузии. В результате, противоречия во взглядах среди грузинских политических организаций не позволили им в апреле 1992г. созвать съезд представителей грузинской общественности Абхазии. 29 апреля в Сухуми, в грузинском государственном театре им. К. Гамсахурдиа собрались сторонники свергнутого президента. На этом собрании, которое его участники окрестили как съезд и на котором с докладом выступил депутат Верховного Совета Абхазии, один из лидеров сторонников президента З. Гамсахурдиа – Дж. Гамахария, была дана оценка политических событий как в Тбилиси, так и в Абхазии.

Вместе с тем, 14 грузинских общественно-политических организаций выразили своё несогласие с некоторыми решениями собрания сторонников блока *«Круглый Стол – Свободная Грузия»* и в совместном заявлении прямо обвинили их в альянсе с сепаратистами. *«Сегодня уже стало ясным, – говорилось в «Заявлении», – кто мутит воду в Абхазии: те, кто призывают к общегрузинской консолидации, или те, кто выдвигает лозунг об организации «единого грузино-абхазского фронта» на р. Энгури».*⁶

Тем временем, по инициативе Прогрессивно-Демократическо-

го Союза Абхазии, шла подготовка съезда представителей грузинской общественности, который был созван 9 мая в актовом зале Грузинского Института Субтропического Хозяйства. На нём присутствовали полномочные представители грузинской общественности автономной республики. Основным доклад о политической ситуации в Абхазии сделал председатель Абхазской региональной организации Всегрузинского общества Руставели Малхаз Патарая. Как в докладе, так и в выступлениях участников съезда выражалась большая обеспокоенность в связи с игнорированием конституционных и правовых норм со стороны сепаратистского руководства Верховного Совета Абхазии. Съезд поставил вопрос об аннулировании всех законодательных и нормативных актов, принятых окружением В. Ардзинба с нарушением конституции и действующего законодательства, а также самороспуска Верховного Совета и назначения новых выборов. Съезд призвал население Абхазии общими усилиями выступить против узурпации власти и к объединению всех демократических сил автономной республики.

Съезд принял решение о создании координирующего органа – Совета Национального Единства (СНЕ), куда на паритетных началах вошли все существовавшие в Абхазии грузинские общественные, политические, профессиональные и творческие организации, за исключением политических организаций входивших в блок *«Круглый Стол – Свободная Грузия»*, которые демонстративно отказались от сотрудничества со вновь созданным Советом. В Совет Национального Единства вошли некоторые депутаты Верховного Совета Абхазии, лидеры политических партий и общественно-политических движений, руководители региональных профессиональных организации, руководители крупных предприятий, отдельные видные деятели научной и творческой интеллигенции: **Гено Адамия, Мурман Берия, Вахтанг Векуа, Гурам Габескирия, Дуду Гулордава, Димитри Джаяни, Джано Джанелидзе, Ким Джачвлиани, Марине Джгамадзе, Александр Джикия, Вахтанг Джорджикия, Василий Кадинец, Борис Какубава, Гено Каландия, Юрий Квачахия, Торнике Киланава, Зураб Кокая, Джони Латария, Гиви Ломинадзе, Алеко Ломинишвили, Гурам Маглакелидзе, Наполеон Месхия, Гиви Мешвелиани, Александр Микадзе, Александр Москаленко, Тамаз Надареишвили, Зураб Нароушвили, Зураб Папаскири, Малхаз Патарая, Мераб Пация, Вахтанг Пруидзе, Давид Рogaва, Мурман Схулухия, Шамиль Цхведиани, Шалва Цулеискири, Отар Чарквиани, Жанна Челидзе, Темура Чилачава, Темура Шенгелия, Джани Эзугбая и др.**

Через некоторое время Совет Национального Единства для постоянного руководства избрал рабочий орган – исполком, куда вошли Г. Габескирия, Б. Какубава, Г. Мешвелиани, Т. Надареишвили, М. Патарая, А. Джикия, М. Схулухия. Штаб-квартира Совета и его исполкома находилась на турбазе им. XV съезда ВЛКСМ, директором которой был Г. В. Мешвелиани. Совет Национального Единства первоначально вроде бы должен был выполнять функции всего лишь совещательного органа, однако, со временем, его авторитет значительно вырос и он превратился в своего рода «общественный парламент», решения которого фактически становились обязательными для грузинской делегации в верховном органе власти Абхазии.

Одним из первых ответных шагов Совета Национального Единства на провокационные действия В. Ардзинба было создание Сухумского Механизированного батальона внутренних войск, командиром которого был назначен Сосо Ахалая. Батальон размещался на турбазе им. XV съезда комсомола, где, как уже было сказано, находилась и штаб-квартира Совета Национального Единства. Создание грузинского военного формирования напугало сепаратистское руководство Абхазии и оно сразу же выступило с инициативой пересмотра решения Верховного Совета о назначении Важи Зарандия на пост главы правительства. Грузинской стороне было предложено дать своего кандидата на этот пост. По этому вопросу в кабинете первого заместителя Председателя Совета Министров Абхазии Сергея Багапша состоялись переговоры между представителями абхазской делегации и объединённой делегации грузинского депутатского корпуса и Совета Национального Единства. С абхазской стороны на встрече принимали участие депутаты Верховного Совета: Зураб Ачба, Олег Дамения, Леонид Лакербаия, Константин Озган, Давид Пилия; с грузинской – депутаты Верховного Совета: Ким Джачвлиани и Наполеон Месхия, а также члены Совета Национального Единства: Торнике Киланава, Шалва Цулеискири и Зураб Папаскири. Вёл встречу С. Багапш.

На встрече абхазской стороне были предъявлены вполне обоснованные претензии по поводу правового произвола совершённого 5 мая 1992г. при назначении председателем Совета Министров Важи Зарандия. Абхазская сторона, как ни странно, признала свою ошибку и выразила готовность исправить её на ближайшем же пленарном заседании Сессии Верховного Совета Абхазии. Однако абхазы тут же заявили, что они не намерены голосовать слепо за любого кандидата, кого выдвинет грузинская сторона на этот пост. Один из членов Абхазской делегации, депутат З. Ачба, даже дошёл

до того, что прямо продиктовал те необходимые качества, которыми должен был обладать представленный грузинской стороной на пост премьер-министра кандидат. Т.е. получалось, что грузинская сторона не имела полную свободу при выборе своего кандидата, тогда как абхазы, как уже было отмечено, во время избрания председателя Верховного Совета имели такую привилегию и они, без всяких оговорок со стороны грузин, успешно реализовали её, избрав на этот пост крайне неугодного грузинам В. Ардзинба.

Этим абхазская сторона, просто напросто, опять растоптала достигнутое ранее т.н. «джентльменское соглашение». В этот критический момент отдельные члены грузинской делегации (Ш. Цулеискири, З. Папаскири), проявив неуступчивость, категорически потребовали от абхазов обязательного выполнения одного из главных условий «джентльменского соглашения», и принципиально поставили вопрос о безоговорочном утверждении на посту председателя Совета Министров **любого представленного грузинской стороной кандидата**, пусть даже самого Г. Ломинадзе, которого, как известно, забаллотировала абхазская депутация. К сожалению, против такой постановки вопроса, как ни странно, демонстративно выступили другие члены грузинской делегации (Н. Месхия и К. Джачвлиани).

Причиной всплеска их эмоций, в частности, Н. Месхия, известного врача-нейрохирурга, оказывается было то, что одна группа депутатов грузинской фракции Верховного Совета на посту Председателя Совета Министров выдвигала именно его кандидатуру, и, в надежде понравиться абхазам, Н. Месхия фактически устроил скандал, чем не дал возможность другим членам грузинской делегации добиться желаемого максимального результата, т.е. получить принципиальное согласие абхазской стороны без всяких условий утвердить на посту премьер-министра любого кандидата, которого выдвинет грузинская депутация. В результате, переговоры фактически были сорваны и вопрос о замене Важи Зарандия на посту Председателя Совета Министров другим, уже предложенным грузинской депутацией кандидатом, больше не ставился. А это означало, что правительство автономной республики по-прежнему оставалось под полным и неограниченным диктатом самого В. Ардзинба и его ближайшего окружения.

На этом факте мы заострили внимание лишь для того, чтобы ещё раз воочию показать, насколько губительной была любая разобщённость среди грузин и как искусно использовали эти внутригрузинские противоречия сепаратисты.

Не меньше возмутило грузинскую общественность другое незаконное кадровое решение В. Ардзинба – освобождение Г. Н. Ломинадзе с поста министра внутренних дел и назначение на его место Александра Анкваба. Данное решение Председателя Верховного Совета Абхазии было незаконным, так как, по действующему законодательству, смещение и назначение министра внутренних дел автономной республики должны были происходить с согласия Министерства внутренних дел Грузии, а такого согласия со стороны Тбилиси не было. Более того, позже, когда вокруг этого факта накалились страсти, министр внутренних дел Грузии Р. Гвенцадзе направил письмо в Верховный Совет Абхазии «с предложением восстановить статус-кво и в дальнейшем следовать законности».⁷

Тем временем, общая политическая обстановка в Грузии оставалась взрывоопасной. Крайне напряжённая ситуация сложилась в т.н. «Южной Осетии». Непокойно было в западной Грузии, где сторонники свергнутого президента З. Гамсахурдиа всемерно пытались взять контроль в свои руки. 24 июня 1992г. в Дагомысе была назначена встреча руководителей Российской федерации и Республики Грузия на высшем уровне, на которой должны были принять основополагающий документ о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. Однако, в этот день, на рассвете, ещё до отъезда государственной делегации из Тбилиси в Сочи, сторонники свергнутого президента З. Гамсахурдиа захватили здание теле-радио-департаментов в Тбилиси и призвали население ко всеобщему выступлению против временного правительства Грузии. Властям удалось локализовать антиправительственное выступление и за несколько часов подавить вооружённое сопротивление мятежников, после чего грузинская делегация во главе с Э. Шеварднадзе всё же вылетела в Сочи и подписала известное Дагомыское соглашение.

Тем не менее, антиправительственный мятеж в Тбилиси имел свои негативные последствия в Сухуми. В разгар кризиса в Тбилиси, по приказу В. Ардзинба, боевики из т.н. полка ВВ Верховного Совета атаковали здание Министерства Внутренних дел Абхазии, силой заняли помещение Министерства ВД и посадили в кресло министра А. Анкваба. Одновременно, сторонники свергнутого президента Грузии собрались на площади Конституции в г. Сухуми. Готовилось их нападение на турбазу им. XV съезда ВЛКСМ, где, как уже отмечалось, была размещена штаб-квартира Совета Национального Единства. Но провал вооружённого мятежа в Тбилиси не позволил сторонникам З. Гамсахурдиа осуществить свой план. В результате, очередным проявлением внутригрузинского противостоя-

ния не преминули воспользоваться сепаратисты.

В. Ардзинба, «под предлогом защиты общественного порядка», мобилизовал дополнительные вооружённые подразделения, которые взяли под свой контроль «здания Верховного Совета и Совета Министров, центральные магистрали, улицы и площади города». ⁸ В связи с этим, фракция Верховного Совета «*Демократическая Абхазия*» сделала достаточно резкое заявление: «Сегодня в Абхазии устанавливается диктатура, тоталитарный режим... Стратегические объекты в осадном положении. Заседания Верховного Совета проводятся в условиях террора и давления со стороны вооружённых групп. Исходя из ситуации мы пришли к выводу, что у депутатской фракции «*Демократическая Абхазия*» остался один путь – оставить здание Верховного Совета». ⁹

В этой ситуации Государственный Совет Грузии, исполнявший в то время функции высшего органа власти страны, принял решение начать диалог с абхазским руководством. В Сухуми была направлена представительная делегация Госсовета в составе Левана Алексидзе, Ивлиана Хаиндрава, Давида Бердзенишвили, Вахтанга Хмаладзе, министра юстиции Джони Хецуриани и др. На встрече, которая прошла в зале заседания Президиума Верховного Совета Абхазии, с абхазской стороны присутствовали депутаты Верховного Совета: Энвер Капба, Анри Джергения, Сергей Шамба, Зураб Ачба, Натела Акаба, Даур Барганджия. Накануне делегация Госсовета Грузии встречалась с членами Совета Национального Единства, который счёл нужным для участия в переговорах с абхазской стороной дополнительно выделить членов Совета: М. Патарая, Т. Шенгелия, З. Папаскири и др. Встречу открыл В. Ардзинба, который, после краткой вступительной речи, напав на Левана Алексидзе и обвинив грузинское руководство, демонстративно покинул зал заседания и поручил ведение переговоров своим соратникам. На встрече Л. Алексидзе и Дж. Хецуриани, от имени руководства страны, заверили абхазскую сторону в том, что грузинское правительство готово пойти на любое повышение статуса Абхазии в рамках единого государства, но это официально может оформить лишь после проведения парламентских выборов, которые были назначены на 11 октября 1992г. Речь шла о возможном преобразовании Грузии в федеративное государство, где Абхазия стала бы особым субъектом с максимальными правами на самоуправление.

Следует отметить, что среди членов абхазской делегации не было полного единства взглядов. В то время, как З. Ачба, Э. Капба и А. Джергения вроде бы допускали установление между Тбилиси и

Сухуми федеративных отношений, С. Шамба, явно с подачи В. Ардзинба, подчёркивал, что это было мнение не всей делегации. Было совершенно очевидно, что В. Ардзинба и его окружение нагнетали обстановку и шли на открытую конфронтацию с центральной властью Грузии с поощрения Москвы, где всё больше набирала темпы антигрузинская пропагандистская кампания. В этих условиях, национально-патриотические силы грузинской общественности Абхазии не сидели сложа руки и предпринимали конкретные шаги для развеивания мифа о притеснении абхазов со стороны грузин.

В частности, с этой целью, в начале июня 1992г. из Сухуми в Москву вылетела делегация грузинской депутации Верховного Совета Абхазии и Совета Национального Единства под руководством первого заместителя председателя Верховного Совета Тамаза Надареишвили. В состав делегации входили депутат Верховного Совета Абхазии Г. Гвазава, заместитель министра внутренних дел Абхазии М. Гамзардия, члены Совета Национального Единства Т. Шенгелия, З. Папаскири, редактор *«Информационного бюллетеня»* Прогрессивно-Демократического Союза Абхазии Ал. Берулава и др. В Москве, в посольстве Грузии, делегация провела пресс-конференцию, которая вызвала большой интерес масс-медии. В тот же вечер все ведущие телекомпании, в том числе оба центральных канала российского телевидения оперативно передали исчерпывающую и достаточно объективную информацию об этой пресс-конференции. Т. Надареишвили и члены делегации довольно обстоятельно осветили сложившуюся в автономной республике взрывоопасную ситуацию, ознакомили присутствовавших с предысторией грузино-абхазского противостояния. Особенно было обращено внимание на деструктивную и провокационную роль т.н. Конфедерации Народов Кавказа. В частности, было сказано, что эта организация вредит не только Грузии, но своими антирусскими призывами может обострить обстановку и на Северном Кавказе. Пресс-конференция имела большой резонанс. Она была записана и полностью показана по грузинскому телевидению.

Но грузинские национально-патриотические организации Абхазии не довольствовались только лишь ведением идеологической контрпропаганды. Во избежание кровавой развязки, они требовали от Тбилиси принятия более решительных мер для обуздания сепаратистов. В качестве одной из таких предупредительных мер считалось создание структурного подразделения министерства обороны Грузии с постоянным размещением в Абхазии. Особенно активно на этом настаивало наиболее радикальное крыло Совета Национально-

го Единства во главе с Борисом Какубава. По его инициативе, в конце июня 1992г. в Тбилиси, для встречи с высшим руководством страны, прибыла объединённая делегация грузинской фракции Верховного Совета Абхазии и Совета Национального Единства, в состав которой входили депутаты Верховного Совета: Н. Месхия, К. Джачвлиани, Э. Астемирова; члены Совета Национального Единства: Г. Габескирия, Г. Мешвелиани, Д. Джаиани, В. Кадинец, А. Москаленко, М. Патарая, М. Джгамадзе, З. Папаскири и др. Делегацию принял председатель Госсовета Э. Шеварднадзе. В обсуждении злободневных вопросов, поставленных членами делегации, активное участие приняли премьер-министр Республики Грузия Т. Сигуа, первый заместитель председателя правительства и министр обороны Т. Китовани, секретарь Госсовета Вахтанг Гогуадзе, член Госсовета Рауль Куправа и др. Встреча, которая длилась более 5 часов, завершилась на довольно оптимистической ноте и члены делегации возвратились в Сухуми с надеждой на то, что центр более серьёзно займётся проблемами Абхазии.

Однако в Тбилиси всё же предпочитали действовать осторожно. Более того, руководство Грузии даже пошло на признание моноэтнической «Абхазской Гвардии». В Сухуми по этому вопросу состоялись переговоры между В. Ардзинба и министром обороны Грузии Т. Китовани. Речь шла о т.н. «двойном подчинении» «Абхазской Гвардии». Т.е. Т. Китовани предлагал абхазской стороне объединить полк ВВ Верховного Совета Абхазии и грузинский батальон расположенный на турбазе им. XV съезда ВЛКСМ в одно подразделение, поставить во главе этого подразделения полковника Виктора Какалия – командира «Абхазской Гвардии», и, сохранив подчинённость Верховному Совету Абхазии, формально ввести его в структуру министерства обороны Грузии.

Параллельно с переговорами с В. Ардзинба этот вариант обсуждался и на расширенном заседании Совета Национального Единства. С предложением Т. Китовани аудиторию ознакомил первый заместитель министра обороны Грузии, генерал-лейтенант Леван Шарашенидзе. Он буквально просил членов Совета поддержать министра. Однако в то время идея двойного подчинения военного подразделения представлялась невыполнимой и она была воспринята как своего рода капитуляция центра перед сепаратистами. В выступлениях членов Совета (в том числе и автора этих строк) прозвучало категорическое требование отказаться от этого плана. Б. Какубава даже открыто пригрозил, что приедет в Тбилиси и в знак протеста перекроет проспект Руставели. В результате, Т. Китовани пришлось

отказаться от этой идеи. Спустя 18 лет, нам представляется, что занятая тогда Советом Национального Единства непримиримая позиция, может быть, была ошибочной и что, возможно, грузинская сторона тогда, поддавшись эмоциям, упустила шанс избежать провокацию 14 августа.

В июне 1992г. ситуация в Абхазии, особенно в Сухуми, постепенно всё больше накалялась. Подавляющее большинство сотрудников городского управления внутренних дел продолжали акцию протеста из-за вступления в должность министра внутренних дел автономной республики Александра Анкваба и не признавали полномочия нового руководителя министерства. В кампанию неповиновения подключились и работники других районных и городских отделов внутренних дел. В результате, система правоохранительных органов, в целом, была парализована. Однако В. Ардзинба и его сподвижников это мало волновало. Они по-прежнему были одержимы желанием максимально взвинтить обстановку и спровоцировать кровавое столкновение. Даже прозвучали провокационные выстрелы. Так, 28 июня 1992г. из автоматического оружия был обстрелян контрольно-пропускной пункт первого механизированного батальона размещённого на территории гостиницы «*Цхуми*». В начале июля ранним утром «боевики» из т.н. «Полка внутренних войск Верховного Совета» задержали заместителя начальника Сухумского Городского Управления внутренних дел полковника Анзора Цоцонава. После проверки документов он был отпущен, но вдогонку боевики всё же обстреляли его машину. К счастью, никто не пострадал.¹⁰

На ситуацию в Абхазии оказывали влияние и процессы, протекавшие в Самегрело, где власти не справлялись с вылазками вооружённых сторонников свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа. 9 июля 1992г. было совершено нападение на машину вице-премьера временного правительства Грузии Ал. Кавсадзе. Вице-премьер был похищен, и этот факт резко подорвал авторитет новых властей Грузии, в целом страны, на международной арене. Первым проявлением недоверия к Грузии стало решение исполкома Европейской Федерации Футбола об исключении футбольных команд Грузии из официальных турниров УЕФА. Это было большим ударом по Грузии не только в спортивном отношении. Участие грузинских команд в официальных Европейских турнирах могло отвести в сторону внутриполитические дразги и несколько стабилизировать обстановку, особенно в Абхазии, представитель которой футбольный клуб «*Цхуми*» – второй призёр чемпионата Грузии и финалист кубка – был заявлен на участие в турнире за Кубок Обладателей Кубков.

Проведение матчей европейского масштаба в Сухуми, с участием местного футбольного клуба, естественно, консолидировало бы всех футбольных болельщиков и возможно сняло бы напряжённость в обществе. Однако руководство УЕФА, к сожалению, из-за нестабильности политической ситуации, не только воздержалось от проведения официальных международных матчей на стадионах Грузии, но вообще исключило грузинские команды из официальных турниров УЕФА. Есть все основания полагать, что не последнюю роль в принятии подобного решения УЕФА сыграла позиция руководителя футбольной федерации России, вице-президента ФИФА Вячеслава Колоскова, известного своими антигрузинскими настроениями.

Тем временем, кризис власти в Абхазии достиг своего апогея. Фракция «*Демократическая Абхазия*», в знак протеста, продолжала бойкотировать заседания парламента, а абхазская сторона упрямо отказывалась идти на какие-либо компромиссы. Шла неприкрытая узурпация власти. Всё это завершилось очередным антиконституционным актом. 23 июля 1992г. т.н. «сессия» Верховного Совета Абхазии, с грубым нарушением регламента, в отсутствие кворума, простым большинством (на сессии присутствовало всего лишь 36 депутатов из 65) приняла Постановление «*О прекращении действия конституции Абхазской АССР 1978 года*». Мотивация, почему абхазские депутаты принимали данное решение, была таковой: «Государственно-правовой статус Абхазской АССР и её взаимоотношения с Грузинской ССР и СССР определялись и регламентировались Конституциями Абхазской АССР и Грузинской ССР 1978г., а также конституцией СССР 1977г. В 1989-1990гг. Верховный Совет Грузинской ССР в одностороннем порядке принял ряд правовых актов, которые по существу положили начало выходу Грузии из состава СССР... Этими документами были признаны незаконными все... государственно-правовые акты, принятые органами власти» с 1921г., а «в феврале 1992г.» вовсе «было принято решение о переходе Республики Грузия к конституции Грузинской Демократической Республики 1921г., в которой Абхазская АССР не была предусмотрена». «Таким образом» – говорилось далее в постановлении, – в результате принятия органами власти Грузии перечисленных выше актов Грузинская ССР, с которой Абхазская АССР находилась в государственно-правовых отношениях, фактически перестала существовать, образовалось новое государство – Грузинская Демократическая Республика, с которой Абхазская АССР никаких взаимоотношений не имеет».¹¹

Подобное объяснение мотивов прекращения действия консти-

туции 1978г. было не только лживым и абсурдным, но и циничным. Во-первых, никакого **реального перехода к Конституции 1921г.** на самом деле **не произошло, и страна по-прежнему называлась – Республикой Грузия, а не Грузинской Демократической Республикой.** Да и документ, принятый в этой связи Военным Советом Грузии, а не законно избранной властью страны, **был не каким-нибудь основополагающим государственно-правовым актом, а всего лишь своего рода политической декларацией.** Этот документ так и называется: *«Декларация Военного Совета Республики Грузия»*.¹² Во-вторых, в этой декларации прямо указано, что Военный Совет Республики Грузия **«признаёт неизменными международные правовые акты и верховенство Конституции Демократической Республики Грузия от 21 февраля 1921 года и её задействие с учётом сегодняшних реалий».** Т.е. **«без изменения существующих границ и национально-государственного устройства Республики Грузия (с нынешним статусом Абхазии и Аджарии)»**.¹³ Спрашивается, как можно после этого серьёзно говорить о том, что данным решением Военного Совета возник правовой вакуум «во взаимоотношениях Абхазии и Грузии», как это утверждалось в Постановлении Сессии Верховного Совета Абхазии.

Но это не всё. Главное то, что В. Ардзинба и его окружение преднамеренно ввели и вводили в заблуждение общественность, когда утверждали, что якобы Абхазия никаких взаимоотношений не имела с Грузинской Демократической Республикой. Выше мы достаточно обстоятельно осветили процесс установления государственно-правовых отношений между Тбилиси и Сухуми в 1918-1921 годах и воочию показали всю нелепость подобного рода утверждений.¹⁴ Поэтому считаем нужным лишь напомнить, что начиная с 11 июня 1918г. Абхазия была автономной частью Грузии. Это было официально подтверждено законно избранной властью Абхазии – Народным Советом – 20 марта 1919г. Более того, 16 октября 1920г. Народный Совет Абхазии утвердил проект Конституции **Автономной** Абхазии и передал его на утверждение Учредительному Собранию Грузинской Демократической Республики. И главное, Конституция Грузинской Демократической Республики 1921г. конституционно закрепила автономный статус Абхазии в пределах единого грузинского государства.

Исходя из всего вышесказанного, ещё раз хотим подчеркнуть: всякие разглагольствования о том, что т.н. «восстановлением» Конституции Грузинской Демократической Республики якобы прервалась государственно-правовая связь между Республикой Грузия и

Абхазской АССР, являются полным абсурдом и невежеством. Что же касается т.н. Конституции ССР Абхазии 1925г., выше мы также достаточно обстоятельно раскрыли суть этого «шедевра» юридической мысли,¹⁵ и считаем, что нет необходимости вновь возвращаться к этому вопросу, скажем только, что восстановление мёртворожденной Конституции (в 1926г., так и не вступив в силу, она была отвергнута верховным органом власти Абхазии) было настоящим вызовом. Этим В. Ардзинба и его окружение фактически официально заявляли, что Абхазия является суверенным государством, осуществляющим государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти, и которая добивается установления с Грузией лишь «межгосударственных отношений».¹⁶

Несмотря на принятие т.н. «сессией Верховного Совета специального постановления *«О проекте договора между Республикой Абхазия и Республикой Грузия»*, общественность в Абхазии, а также по всей Грузии и вне её, восстановление Конституции 1925г. восприняла как объявление независимости Абхазии. Не случайно, телерадиокомпания *«Останкино»*, в вечерней программе *«Новостей»*, на весь мир объявила о провозглашении Республикой Абхазия полной независимости.¹⁷ На самом деле, заверения абхазской стороны о восстановлении Абхазией межгосударственных отношений с Грузией на основе *«Особого договора»*, были предназначены лишь для того, чтобы ввести в заблуждение мировую общественность и скрыть от неё свои истинные сепаратистские устремления.¹⁸ Да и проект *«Договора об основах взаимоотношений между Республикой Абхазия и Республикой Грузия»*, подготовленный одним из идеологов абхазского сепаратизма, доктором юридических наук Тарасом Шамба, фактически был направлен не на воссоединение, а на *«культурный развод»*.

По этому договору стороны должны были признать *«Грузию и Абхазию суверенными государствами и полноправными участниками международных и внешнеэкономических отношений»*, имеющими право самостоятельно заключать *«с иными государствами договора и соглашения»*.¹⁹ Договор предусматривал так же *«верховенство законов и Конституции Абхазии на её территории, существование единой мононациональной Абхазской гвардии с её подчинением Верховному Совету Абхазии»* и т.д. Согласно договору, стороны должны были уважать территориальную целостность и не вмешиваться *«во внутренние дела друг друга»*. После всего этого, пункт о *«добровольном объединении»* Абхазии с Республикой Грузия, как совершенно правильно указывает С. М. Червонная, безусловно, вы-

глядел как «благовидный камуфляж», скрывавший реально предлагаемый раскол Грузии на «суверенные государства».²⁰

Конечно же, всё это не могли не заметить как в Сухуми, так и Тбилиси. На следующий же день Совет Национального Единства Абхазии сделал заявление, в котором принятые 23 июля т.н. сессией Верховного Совета решения были квалифицированы, как «конституционный переворот», и призвал население объявить неповиновение властным структурам Абхазии. 25 июля 1992г. Государственный Совет Грузии, временно исполнявший в то время функции высшего органа власти страны, специальным постановлением объявил решение Верховного Совета Абхазии «*О прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года*» незаконным.²¹

28-30 июля в Сухуми парламентская фракция «Демократическая Абхазия» организовала контрсессию, которая дала политико-правовую оценку принятых 23 июля т.н. сессией Верховного Совета Абхазии решений. В нём говорилось, что «23 июля 1992 года часть депутатов Верховного Совета Абхазской АССР осуществила государственный переворот парламентским путем» и что это является «закономерным следствием легитимации авторитарного режима и национальной исключительности в управлении высшими органами государственной власти автономной республики... В результате незаконного решения Верховного Совета от 23 июля 1992 года была фактически ликвидирована правовая база самого Верховного Совета автономной республики как представительного органа. А исходя из этого, закономерным итогом всей деятельности Верховного Совета Абхазской АССР является его самороспуск».²²

Таким образом, грузинская депутация не поддавалась эмоциям и не стала принимать какие-то радикальные меры, которые могли destabilизировать обстановку. Что же касается руководства Грузии, оно действовало ещё более осторожно, всемерно пытаясь не дать сепаратистским силам и их покровителям извне лишнего повода для провокации.

31 июля 1992г. Грузия была принята в Организацию Объединённых Наций. Этим фактически завершился довольно затянувшийся процесс официального признания Грузии в качестве независимого государства на международной арене, и она обрела полный суверенитет. В честь этого события руководство Грузии 4 августа решило провести официальные торжества в Тбилиси. На эти торжества были приглашены руководители Абхазии и лично В. Ардзинба. Однако лидер сепаратистов дипломатично отказался от поездки в Тбилиси. Свой отказ он мотивировал тем, что у него якобы не было са-

молета, чтобы вылететь в Тбилиси. Вместе с тем, на праздник прибыла грузинская делегация Верховного Совета Абхазии во главе с первым заместителем председателя Верховного Совета Тамазом Надареишвили.

Так, по вине абхазской стороны был упущен ещё один шанс к компромиссу. Этим сепаратисты ещё раз продемонстрировали своё нежелание найти пути выхода из кризиса. Это было неслучайно и устремления сепаратистов были совершенно иными. В. Ардзинба и его окружение вовсе не пытались найти общий язык с Тбилиси. Наоборот, они были одержимы желанием воспользоваться ситуацией в Грузии и, во что бы то ни стало, спровоцировать кровавую развязку. К сожалению, это им удалось.

Глава XXII

БРАТОУБИЙСТВЕННАЯ ВОЙНА В АБХАЗИИ

Провокация 14 августа 1992г. и начало военных действий в Абхазии. 14 августа 1992г., безусловно, один из самых трагических дней в истории грузинского и абхазского народов. Именно в этот день, 18 лет назад начался братоубийственный конфликт, переросший затем в широкомасштабную войну, которая растянулась на 13 месяцев. С того трагического дня все в недоумении: Что произошло? Как это случилось, что пролилась кровь двух близких, бесспорно связанных между собой самими тесными родственными узами, народов. У каждой стороны есть своя правда, однако, как говорится, истина одна, и никому не позволено в угоду своих политических амбиций, закрывать глаза на очевидное и сваливать вину за произошедшее в Абхазии на противоположную сторону.

И всё-таки, что произошло в то роковое утро 14 августа 1992г.? Согласно официальной версии, которую просто невозможно опровергнуть, **по решению правительства Грузии, страны уже признанной международным сообществом суверенным государством, полноправным членом ООН,** – с целью обеспечения дополнительной защиты железнодорожной магистрали, были перемещены подразделения Министерства обороны и Министерства внутренних дел – **внутри государства Грузия, на территории Абхазской автономной республики.** Однако, подъезжая к блокпосту т.н. «Абхазской Гвардии» близ села Охуреи Очамчирского р-на колонна внутренних войск Республики Грузия совершенно неожиданно была обстреляна бойцами «Абхазской Гвардии». Следующая перестрелка имела место уже в посёлке Агудзера Гульрипшского р-на.

Вооружённое сопротивление абхазов, за которым последовала инспирация конфликта, действительно было неожиданным, потому что передислокация военного контингента, запланированная центральной властью страны, была заранее согласована с руководством автономной республики и, прежде всего, с Владиславом Ардзинба. Да, дело было именно так. Сегодня даже представители тогдашнего абхазского руководства, в частности, министр внутренних дел Абхазии Ал. Анкваб (в настоящее время «вице-президент» сепаратистской Абхазии), однозначно подтверждают, что В. Ардзинба действительно был информирован о вводе военных подразделений Республики Грузия на территорию Абхазии.¹

Более того, как выясняется, в 10 часов утра 14 августа В. Ард-

зинба по телефону давал инструкции тогдашнему председателю Гальской районной управы Рудика Цатава и даже выражал возмущение по поводу решения главы района оставить в Гали 50 человек из вступившего в Абхазию контингента. Вместе с тем, Председатель Верховного Совета Абхазии приказал Р. Цатава «как можно быстро пропустить... Тенгиза Китовани и его сопровождающих лиц до административной границы Гали-Очамчире, именно до поста Госавтоинспекции в селе Охурей, где», по словам В. Ардзинба, его (т.е. Рудика Цатава – **З.П.**) должен был встретить глава Очамчирской администрации И. Гургулия, который уже со своей стороны должен был сопровождать военные подразделения до Очамчире-Гульрипшской административной границы.² Т.е. получается, что В. Ардзинба давал одно указание Р. Цатава, а его «боевики» действовали совершенно по-другому. То, что это было неслучайно, совершенно очевидно. Иначе, В. Ардзинба просто был обязан хотя бы разобраться в случившемся в Охурей. Однако он не только не предпринял никаких шагов для предотвращения «недоразумения», но призвал всё население Абхазии «к отечественной войне» против «грузинских оккупантов и агрессоров». Именно этот призыв лидера Абхазии, как совершенно правильно указывает политолог С. М. Червонная, и спровоцировал конфликт, а не перемещение грузинских вооружённых сил внутри государства.³

Со всей ответственностью можно утверждать, что центральное руководство Грузии имело полное юридическое право самому определять необходимость ввода войск в любой регион страны. Поэтому демагогические разглагольствования абхазских сепаратистов, их покровителей и подстрекателей об аннексии и оккупации Абхазии Грузией, не что иное, как проявление полного политического и юридического невежества. Остаётся только сожалеть, что подобные абсурдные обвинения сепаратистов в своё время были подхвачены сторонниками свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа, которые фактически объявили солидарность «героическому абхазскому народу», борющемуся против «грузинских оккупантов», и категорически потребовали вывода войск «хунты» из Абхазии.

Несмотря на сказанное, мы не отрицаем, что при вводе войск в пределы Абхазской автономной республики, где обстановка действительно была чрезвычайно накалённой, руководству Грузии следовало действовать максимально осторожно, чтобы не дать сепаратистам повода для провокации. Что мы имеем в виду? На наш взгляд, глава государства не должен был довольствоваться лишь телефонными разговорами с В. Ардзинба. Ему следовало самому отправить-

ся в Сухуми, встретиться с ним лично и получить от него, как первого лица автономной республики, официальное согласие на ввод формирований Республики Грузия в Абхазию. Однако, к сожалению, всё это не было сделано, Э. Шеварднадзе явно подвело политическое чутье, и он не пошёл на такой, безусловно, по тогдашним меркам, неординарный шаг. В результате, В. Ардзинба получил шанс для реализации своих коварных замыслов, чем он и воспользовался. Вот так и началось кровопролитное военное противостояние, которое нередко называют «бессмысленной войной».

Те аналитики, которые дают конфликту в Абхазии подобное определение, исходят из того факта, что в Абхазии шла по-настоящему братоубийственная война. И это действительно так. Разве не бессмыслица, когда абхаз Папаскири, забывая о своих грузинских корнях, с оружием в руках воюет против грузина Папаскири, и всей семьей выдворяет его из Абхазии. В этой связи, вспоминается, как весной 1993г., в разгар военных действий, одна из сухумских газет опубликовала списки погибших с обеих сторон. Выяснилось, что представители одних и тех же фамилии (Сичинава, Читанава, Кирия, Дзадзамия, Жвания, Ахвледиани и т.д.) погибли с обеих воюющих сторон. Известно, что среди абхазских полевых командиров своей жестокостью и беспощадностью отличился некий Артур Читанава, который непосредственно руководил массовым расстрелом грузин в селе Эшера.⁴ Также обабхазившемуся грузину Олегу Папаскири, командиру т.н. «Сухумского батальона» ставят в вину расстрел Жиулия Шартава и его соратников.⁵

Несмотря на это, говорить о бессмысленности войны несправедливо по отношению к памяти сотен героически погибших людей, которые умирали за Родину. Может показаться странным, но по нашему мнению, в некоторой степени, это распространяется и на тех молодых абхазских парней, которые верили, что они воевали за свободу родной Абхазии. Их участь гораздо более трагична, потому что они действительно стали жертвами самой бессмысленной и бесперспективной авантюры. Сепаратистские лидеры заставили абхазскую молодёжь воевать против собственной истории, под знамёнами великого царя Леона II. Того самого Леона, который в конце VIII столетия положил начало единой западногрузинской государственности. Т.е. имя основателя нового западно-грузинского государства (подчёркиваем **грузинского**, а не апсуа-абхазского, как это твердят некоторые горе-историки и политики) – Леона II-го использовано (да используется ныне) своего рода идеологическим символом борьбы против единой грузинской государственности. Без всякого пре-

увеличения можем констатировать, что это есть настоящее издевательство над историей, так как именно грузины (а не сепаратисты) защищали знамя Леона II, созданное его трудами грузино-абхазское государство и его территориальную целостность. Защищали не только и не столько от своих заблудших абхазских братьев, сколько от скрытой, иногда и открытой агрессии соседнего государства. После августовских событий 2008г. в этом уже не сомневается ни один здравомыслящий человек, т.к. эта агрессия стала совершенно очевидной и для всего мира. Вот почему именно для Грузии эта война была по-настоящему Отечественной. Вот почему мы должны чтить память тех героев, которые не задумываясь сложили головы на алтарь Отечества.

Сегодня уже не вызывает никакого сомнения то, что сепаратисты и их подстрекатели к военной развязке готовились давно, и не только в информационно-идеологическом отношении. Уже к 12 часам дня 14 августа, когда подразделения министерства внутренних дел и министерства обороны Республики Грузия ещё не вошли в Сухуми, Абхазское радио и телевидение передавало текст т.н. Постановления Президиума Верховного Совета Абхазии «*О проведении мобилизации взрослого населения и передаче оружия в полк внутренних войск Абхазии*». В нём говорилось: «В связи с вводом вооружённых формирований Госсовета Грузии на территорию Республики Абхазия и возникшей реальной угрозой суверенитету Республики Абхазия, жизни населения, Президиум Верховного Совета Республики Абхазия постановляет:

1. Провести мобилизацию взрослого населения в Абхазии от 18-40 лет включительно и направить его в полк Внутренних Войск.
2. Командиру полка Внутренних Войск сформировать на базе полка 5 батальонов по 500 человек каждый».⁶

В то же самое время, по местному телевидению к абхазскому населению обратился только что назначенный начальником республиканского Штаба обороны один из лидеров «*Аидгылара*», Сергей Шамба, который объявил тотальную мобилизацию всего мужского населения Абхазии от 18 до 40 лет.⁷ Тем временем, грузинские подразделения подошли к центру города и остановились у Красного Моста. Появились первые жертвы в самом Сухуми. Во избежание излишнего кровопролития грузинским формированиям был отдан приказ не вступать в центр города. Этим воспользовались срочно поставленные «под ружьё» абхазские «ополченцы», которые взяли под свой контроль остальную часть г. Сухуми. Контролируемая аб-

хазами часть города подверглась грабежу и мародёрству. В первую же ночь с автостоянок исчезли машины, были разграблены магазины. Существовала реальная угроза расправы над грузинским населением г. Сухуми и других, контролируемых сепаратистами регионов Абхазии.

15 августа, в Гагра с моря высадился небольшой грузинский десант. В тот же день в Сухуми прибыла представительная делегация из Тбилиси во главе с премьер-министром Тенгизом Сигуа и заместителем председателя Госсовета Джабой Иоселиани. Однако переговоры с абхазской стороной завершились ни чем. В. Ардзинба демонстративно отказался от встречи с грузинскими руководителями. После провала переговоров, абхазские «ополченцы» покинули г. Сухуми и 17 августа грузинские формирования без боя заняли центр, северо-западные районы города и вышли к р. Гумиста. В Сухуми был введён особый режим поведения граждан, комендантом города был назначен генерал-майор Гия Гулуа. Одновременно, абхазы оставили Гагру и город перешёл под контроль грузинских формирований. Комендантом города был назначен руководитель местной военизированной организации «*Мхедриони*» Бадри Пирцхелиани, а его заместителем – один из лидеров грузинских национально-патриотических сил, член Общества Ильи Чавчавадзе Джони Латария.

Между тем В. Ардзинба и его окружение развернули широко-масштабную антигрузинскую информационно-идеологическую кампанию. Ещё 17 августа В. Ардзинба распространил обращение к «*Парламентам, Президентам, Народам мира*», в котором было подчёркнуто, что грузинские войска вторглись «на территорию Республики Абхазия с целью её оккупации», что в результате агрессии «погибли десятки невинных людей, отдыхающих, женщин, детей»... и т.д. Вместе с тем, В. Ардзинба, явно вводя в заблуждение мировую общественность, писал о том, как «абхазы, русскоязычное население и представители многих десятков национальностей (армяне, греки, эстонцы, турки) практически без оружия насмерть стоят, защищая своё жилище, деревни, города».⁸ На самом деле, бойцы абхазского сопротивления, как совершенно правильно указывает С. М. Червонная, были «вооружены современным автоматическим оружием... из арсеналов дислоцированных в Абхазии вооружённых сил РФ, где частично разыгрывались плохо поставленные комедии захвата-разграбления невооружёнными абхазами (!) воинских арсеналов...».⁹ Одновременно В. Ардзинба искал помощь и поддержку у руководителей Северо-Кавказских республик. По данным С. М. Червонной, 15 августа он побывал в Грозном, где встречался с Джохаром Дудае-

вым и Звиадом Гамсахурдиа.¹⁰ Лидер сепаратистов также обращался за помощью к атаманам казаков, русским национал-патриотам и шовинистам, к т.н. Конфедерации Горских Народов Кавказа.

17 августа в связи с событиями в Абхазии Парламент Конфедерации Горских Народов Кавказа в Грозном принял специальное постановление, в котором, отметив «вероломный характер агрессии Грузии и попрание ею законных прав и интересов суверенной Республики Абхазия и её народов», и «принимая во внимание Договор о Конфедеративном союзе горских народов Кавказа, а также обращение о помощи руководства Абхазии и Абхазского Народного Форума», решил «в случае продолжения оккупации Абхазии, объявить о начале военных действий КГНК в отношении Грузии».

Ещё более вызывающим был т.н. «Указ Президента Конфедерации горских народов Кавказа Мусы Шанибова и Председателя парламента КГНК Юсуфа Сосламбекова» от 22 августа 1992г. В нём читаем: «В связи с тем, что исчерпаны все меры для мирного решения вопроса о выводе оккупационных сил Грузии с территории суверенной Абхазии и во исполнение постановления сессии Парламента КГНК указываем:

1. Всем штабам Конфедерации обеспечить переброску добровольцев на территорию Абхазии для вооружённого отпора агрессорам.
2. Всем вооружённым формированиям Конфедерации при противодействии им каких-либо сил вступать в бой и пробиваться на территорию Абхазии любыми методами.
3. Объявить город Тбилиси зоной бедствия, при этом использовать все методы, включая теракты.
4. Объявить всех лиц грузинской национальности на территории Конфедерации заложниками.
5. Задержать все грузы, предназначенные Грузии, и все виды их переброски».¹¹

Думаем, нет необходимости, комментировать эти наглые, провокационные угрозы, идущие, кстати, с территории соседнего государства, при полном попустительстве, может быть, даже с поощрения властных структур в Москве. Выше мы вскользь коснулись вопроса, в каких условиях и для какой цели создавалась на Северном Кавказе т.н. «Конфедерации Горских Народов Кавказа», столицей которой, как известно, был провозглашен г. Сухуми. Сегодня уже не вызывает никакого сомнения, что антироссийские лозунги иногда звучавшие в то время из уст лидеров Конфедерации: Мусы Шанибова и особенно Юсуфа Сосламбекова – были лишь ширмой. На са-

мом же деле единственной целью т.н. «Конфедерации» с самого начала было не «освобождение» народов Кавказа от российского гнёта и образование единого мусульманского государства на Северном Кавказе, куда они включили и Абхазию, а создание мощного анти-грузинского фронта.

Существуют неопровержимые доказательства того, что вооружённые формирования «*Конфедерации*» находились в Абхазии ещё до начала конфликта, а молодые абхазы проходили военную подготовку в Грозном. Об этом факте, как уже было отмечено нами, «торжественно» оповестил своих соотечественников по местному телевидению один из идеологов абхазского сепаратизма Олег Дамения. После 14 августа число конфедератов росло изо дня в день.* Из Северного Кавказа в Абхазию направились не рядовые «ополченцы» – пришедшие «по зову крови» – братья, а вышколенные в советской армии офицеры. Чего стоит один только полковник Советской Армии Султан Сосналиев (по происхождению кабардинец), который по рекомендации военных структур Российской Федерации был назначен исполняющим обязанности «Министра Обороны» Абхазии.** Среди «конфедератов» самыми многочисленными и имевшими хорошую военную выучку были чеченские добровольцы. Среди них самой заметной фигурой стал Шамиль Басаев со своим т.н. «Первым чеченским батальоном». Интересно, что этот батальон в период чеченской войны назывался уже «Абхазским батальоном».

Тем временем, вдоль реки Гумиста образовался фронт. Сепаратисты при помощи российских военных структур организовали мощную оборону на правом берегу реки Гумиста. В районе Ткварчели ими же был образован т.н. «Восточный фронт». «Линия фронта» проходила и близ Гагры, в районе села Колхида. На начальном этапе конфликта грузинское командование имело все возможности нанести решающие удары как в р-не Ткварчели, так и по Гумисте, однако политическое руководство Грузии, во избежание излишнего кровопролития, воздержалось от наступательных военных операций. Подобная выжидательная позиция грузинского руководства была обусловлена и тем, что Москва почти в ультимативной форме требовала прекращения военных действий и вывода грузинских

* В августе 1993г. в селе Линдава (Сухумский р-н), на самой линии фронта, автору этих строк удалось встретиться с чеченским боевиком, неким Куреишем Аулдиновым, который подтвердил, что воевал в Абхазии с 21 августа 1992г.

** Этот генерал «абхазской армии» (ныне покойный), спустя несколько лет, вновь занял пост «министра обороны», на этот раз в «кабинете» С. В. Багапша, но почти сразу же был отстранён от занимаемой должности.

подразделений из Абхазии.

Между тем, камнем преткновения между грузинскими и российскими военными ведомствами стала т.н. «Эшерская лаборатория», которую сепаратисты превратили в свой главный бастион. Именно отсюда вели они артиллерийский огонь по оборонявшим Сухуми грузинским формированиям. Любое же попадание ответного артиллерийского снаряда на территорию «Лаборатории» вызывало резкий протест уже российской стороны. Несмотря на настоятельные требования грузинского руководства немедленно эвакуировать «Лабораторию» из Эшеры, дабы избежать столкновения с российскими войсками, Москва упрямо отказывалась выполнять это требование. Было совершенно очевидно, что «фактор лаборатории» становился чуть ли не главным козырем в руках российских военных позволявшим им почти открыто оказывать поддержку сепаратистам.

Абхазские сепаратисты при явном содействии российских военных начали ещё более наращивать свою мощь. В бой были пущены даже российские бомбардировщики. Сепаратисты и их покровители во всеуслышание стали заявлять о том, что это якобы неизвестно откуда взявшаяся «абхазская авиация» наносила удары по грузинским позициям. И всё-таки в первые дни конфликта не было кровопролитных сражений. Всё ещё была надежда: сегодня-завтра это недоразумение завершится. Более-менее, спокойно было в г. Сухуми и в других контролируемых грузинскими формированиями городах и районах: Гагра, Гульрипши, Очамчире и т.д. 31 августа в Сухуми был создан Временный координационный совет по стабилизации обстановки в Абхазии во главе с генерал-майором Гиви Ломинадзе. Этот орган фактически выполнял функции исполнительной власти.

Несмотря на усилия Временного Координационного Совета, комендатур и местных органов власти г. Сухуми, Гагры, Гульрипши, Очамчире, к сожалению, полностью избежать фактов мародёрства не удалось. В этот критический момент подавляющее большинство грузинского населения городов и сёл Абхазии, особенно Сухуми, вело себя весьма достойно. Грузины совместно со своими абхазскими соседями организовали круглосуточные дежурства по местам своего проживания и тем самым охраняли общественный порядок. Сказанное вовсе не означает, что в городах Сухуми, Гагра, Очамчире и др. не было уголовных правонарушений, их было предостаточно, что впрочем, объяснялось присутствием множества вооружённых лиц, в том числе преступных элементов. Однако со всей ответственностью можно утверждать, что никакой расправы над абхазским населением не было. Более того, фактически не было

ни одного факта (в Сухуми уж точно) не только на начальном этапе, но и за всё время военного противостояния, убийства лиц абхазской национальности. Поэтому точка зрения о том, что не только с абхазской, но якобы и с грузинской стороны имели место факты геноцида, в корне неправильна и даже кощунственна.

В Сухуми, да и других городах, контролируемых грузинской стороной, совершенно свободно выходило на улицу абхазское население. Несмотря на то, что большинство учреждений и предприятий фактически не функционировало, работники и служащие абхазской национальности, в том числе представители профессорско-преподавательского состава АГУ и научные сотрудники Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузии, Абхазского госмузея и т.д. получали зарплату в грузинских купонах. В Сухуми находились не только видные деятели абхазской науки и культуры, но даже известные идеологи сепаратистского движения, среди них, например один из основателей и первый председатель *«Народного форума Абхазии» – «Аидгылара»*, председатель союза писателей Абхазии Алексей Гогуа, который лишь после Гагрской трагедии решил покинуть город и перебраться в Гудауту. На протяжении всей войны не покидал Сухуми и проф. Ш. Д. Инал-ипа – один из духовных отцов сепаратистской идеологии.

Московское соглашение 3 сентября 1992г. и его вероломное нарушение сепаратистами. Гагрская трагедия. Тем временем политическое руководство Грузии продолжало активные поиски мирного урегулирования конфликта. Чётко осознавая, что без нейтрализации российского фактора трудно будет достичь мира, Тбилиси стал активно призывать Кремлевское руководство выступить в роли инициатора мирных переговоров. Президент России Б. Н. Ельцин, который в то время был настроен конструктивно, принял это предложение, и 3 сентября 1992г. в Москве состоялась встреча лидеров России и Грузии. Да, это была именно встреча руководителей двух государств, в которой с российской стороны принимали участие также руководители северокавказских автономных республик, краёв и областей, а с грузинской, наряду с премьер-министром Т. Сигуа, министром иностранных дел А. Чикваидзе, министром обороны Т. Китовани на встрече участвовали так же руководители Абхазии: В. Г. Ардзинба, Т. Надареишвили, К. К. Озган и др.

С того периода по сей день аналитики не сходятся во мнениях по вопросу оценки *«Итогового документа Московской встречи»*. Некоторые считают его дипломатическим поражением Грузии, при этом недовольство выражают не по содержанию самого документа,

а исходят из того факта, что Москва ничего не сделала для реализации её условий. На самом же деле, при оценке Московской встречи, в первую очередь следует исходить как раз из содержания *«Итогового документа»*. Со всей ответственностью можно утверждать, что Итоговый документ Московской встречи – это соглашение, подписанное руководителями двух равноправных государств – России и Грузии, в котором фактически нет ничего ущемляющего суверенитета Грузии. Об этом свидетельствует уже вступительная часть документа, в которой отмечается что «Президент Российской Федерации и Председатель Государственного Совета Республики Грузия, обсудив при участии руководителей Абхазии, северокавказских республик, краёв и областей Российской федерации положение сложившееся в Абхазии... договорились о следующем»¹²:

Т.е. главными субъектами переговоров являлись именно лидеры двух государств. Именно они обсуждали проблему Абхазии, и они же договаривались между собой. Абхазия не была третьей стороной. Она фигурировала как составная часть Грузии. В частности, это прямо сказано в I статье, где речь идёт о создании комиссии «по контролю и инспекции из представителей, назначаемых органами власти в Грузии, в том числе Абхазии, и России».¹³ Аналогичная запись встречается и в 9-ой статье, где говорится о том, что «вооружённые силы Российской федерации, временно находятся на территории Республики Грузия, – в том числе и в Абхазии», соблюдают строгий нейтралитет и не участвуют во внутренних (т.е. внутригрузинских – **З. П.**) конфликтах».¹⁴

Явной победой грузинской дипломатии следует признать запись об обеспечении территориальной целостности Республики Грузия, а также запись о том, что «вооружённые силы Республики Грузия в зоне конфликта не превышали согласованного уровня, необходимого для достижения целей настоящего соглашения (охраны железной дороги и других определённых объектов)».¹⁵ Т.е. этим самым, российская сторона фактически подтвердила законность и целесообразность ввода грузинских военных подразделений в Абхазию для охраны железнодорожных магистралей.

Решение об оставлении в Абхазии грузинского военного контингента было большой идеологической победой и на фоне другой записи, согласно которой следовало осуществить «разоружение, расформирование и удаление из Абхазии, а также недопущение в Абхазию незаконных вооружённых формирований и групп».¹⁶ Не менее важной в этом плане следует считать и 11-ую статью, в которой «органы власти и управления республик, краёв и областей Северного

Кавказа в составе Российской Федерации» были обязаны принять эффективные меры по пресечению и недопущению любых действий с их территории, расходящихся с положениями настоящего Соглашения».¹⁷

И, наконец, под документом официально подписались и за него взяли ответственность главы государств – Б. Ельцин и Э. Шеварднадзе, а остальные участники своими подписями лишь согласились с изложенными в документе статьями и этим самым как бы выразили свою готовность содействовать их осуществлению.

Однако, подписав Итоговый документ Московской встречи по которому однозначно признавалась территориальная целостность Грузии, а Абхазия рассматривалась как часть единого грузинского государства, В. Г. Ардзинба тут же приступил к его ревизии. 16 сентября 1992г. он подписал т.н. *Постановление Президиума Верховного Совета Республики Абхазия*, в котором совершенно бесцеремонно объявлялось, что на 14 августа 1992г., когда по утверждению сепаратистов грузинские войска вторглись в Абхазию, она, т.е. Абхазия, якобы «являлась суверенным государством, субъектом международного права», а «при этих обстоятельствах – говорилось в *Постановлении*, – вторжение войск Госсовета Грузии на территорию Абхазии, согласно определению ООН, является актом агрессии...». Исходя из этого, Президиум Верховного Совета Абхазии «вооружённое нападение войск Госсовета Грузии на Абхазию 14 августа 1992г. и оккупацию части ее территории» признал «актом агрессии против Республики Абхазия».¹⁸

Но В. Ардзинба и его сподвижники на этом не остановились. В тот же день – 16 сентября, лидером сепаратистов было подписано ещё одно постановление Президиума Верховного Совета Республики Абхазия, в котором ни больше, ни меньше отмечалось: «Признать массовый террор, физическое уничтожение людей, пытки пленных и заложников, осуществляемые войсками Госсовета Грузии в Республике Абхазия, актом геноцида абхазского народа».

Эти два документа явно подготавливали идеологическую почву для отказа от принятых 3 сентября 1992г. обязательств. Следует особо отметить, что приводимые в последнем постановлении факты, якобы свидетельствующие о геноциде абхазского народа, по указанию самих же авторов постановления, имели место до 3 сентября. Однако это обстоятельство вовсе не помешало В. Ардзинба признать Абхазию частью Республики Грузия, согласиться на оставление грузинского военного контингента в Абхазии для охраны железнодорожных магистралей и даже взять на себя обязательство

принять меры для разоружения, расформирования и удаления «из Абхазии незаконных вооружённых формирований и групп».

Было совершенно очевидно, что в Москве не всем пришлось по душе конструктивные решения Московской встречи. Не вызывает сомнения и то, что вышеприведенные постановления Президиума Верховного Совета явно были инициированы оттуда. Внешне создавалось впечатление, что к ревизии Итогового Документа Московской Встречи, предпринимаемой В. Ардзинба и его окружением, команда президента Б. Н. Ельцина не имела никакого отношения и она происходила при активной поддержке прокоммунистических сил Верховного Совета Российской Федерации. Действительно, Верховный Совет Российской Федерации, по инициативе одного из ястребов – С. Бабурина, 25 сентября 1992г. вынес постановление, совершенно противоречившее духу и направленности Итогового Документа Московской Встречи.

В этом постановлении решительно осуждались «действия руководства Республики Грузия, предпринявшего попытку путём насилия решить сложные проблемы межнациональных отношений», а так же почти в ультимативной форме было потребовано от грузинской стороны немедленное прекращение огня и вывод войсковых формирований с территории Абхазии. Более того, президенту Российской Федерации и Правительству предписывалось до урегулирования конфликта в Абхазии «приостановить передачу Республике Грузия вооружений, боевой техники, боеприпасов частей и соединений Вооружённых Сил Российской Федерации; прекратить поставки вооружений, боевой техники, боеприпасов по ранее заключённым контрактам; а также комплектующих материалов и сырья для предприятий, производящих вооружения, боевую технику и боеприпасы; воздержаться от заключения экономических соглашений с Грузией».¹⁹

Руководство Грузии сразу же отреагировало на постановление Верховного Совета Российской Федерации и совершенно обоснованно оценило его как грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Однако это не остановило врагов Грузии. 27 сентября российские власти выпустили из заключения президента ассамблеи Конфедерации Горских Народов Кавказа Мусу Шанибова. В тот же день В. Ардзинба официально заявил о приостановлении вывода из Абхазии вооружённых формирований КГНК.²⁰ Было совершенно ясно, что Москва готовила новую большую провокацию против Грузии.

В этот критический момент обострилась ситуация и в сосед-

нем с Абхазией регионе – Мегрелии, где военные формирования свергнутого президента З. Гамсахурдиа перешли в наступление и 1 октября взяли г. Хоби. А 2 октября, вероломно нарушив решение Московской встречи и воспользовавшись тем, что грузинская сторона в соответствии с Московским соглашением вывела из зоны Гагры вооружённые формирования, абхазские и северокавказские боевики, при активной поддержке регулярных частей российской армии, перешли в наступление и заняли город. При взятии Гагры была использована новейшая военная техника, танки, авиация. Акватория моря была блокирована кораблями российских военно-морских сил.²¹ А всей этой операцией фактически руководил начальник штаба вооружённых сил России ген. М. П. Колесников.

Грузинские вооружённые формирования оборонявшие Гагру, отступили к Гантиади и Леселидзе и попытались не пропустить противника к российско-грузинской границе. В этой критической ситуации в Сухуми прибыл председатель госсовета Грузии Э. Шеварднадзе, другие руководители государства. Из Сухуми Э. Шеварднадзе вылетел в Леселидзе. По пути его вертолёт подвергся нападению со стороны военно-воздушных сил России и едва не был сбит. Однако этот вояж руководителя Грузии не принес ожидаемого результата. Абхазская сторона продолжала наступление.

4 октября в Сухуми на главной площади города, перед домом правительства по инициативе Совета Национального Единства состоялся многотысячный митинг протеста, на котором выступили члены Совета: Г. Каландия, Д. Джаиани, Ш. Цулеискири, Г. Гвазава, З. Папаскири и др. К митинговавшим обратился и призвал их сплотиться единым фронтом против Гудаутского преступного режима В. Ардзинба известный абхазский деятель Рауль Эшба, а также митрополит Цхум-абхазский Владыка Давид. На митинге выступил и Э. Шеварднадзе. Участники митинга резко осудили вероломные действия сепаратистов и их покровителей и призвали руководство страны отдать приказ вооружённым силам немедленно перейти в наступление и освободить Гудауту и Гагру.

Однако предпринятые руководством Грузии меры не оказались достаточными для приостановки наступления. Сепаратисты, заняв Гантиади и Леселидзе, взяли под свой контроль российско-грузинскую границу. Продвижение военных формирований сепаратистов и конфедератов сопровождалось массовым изгнанием грузинского населения из родных мест. Те, которые не успели во время покинуть Гагру и другие населённые пункты, подверглись кровавой расправе. В результате карательных операций сепаратистов погибло

несколько тысяч мирных жителей – грузин. Сепаратисты и их пособники не щадили женщин, стариков и даже детей.

Гагрская трагедия, показав истинное лицо фашистского режима В. Ардзинба и его покровителей, резко изменила характер военного противостояния. С этого времени чаша терпения грузинского населения Абхазии, в частности г. Сухуми, Гульрипшского и Очамчирского р-нов, старавшегося до того не ввязываться активно в братоубийственный конфликт, и наоборот, всемерно способствовать к урегулированию ситуации, иссякла. Грузинская молодёжь, и не только она, взяв оружие в руки, без колебания встала на страже Отечества. Было решено создание двух бригад – 23-й в Сухуми и 24-й в Очамчире, которые вошли во вновь созданный 2-й армейский корпус министерства обороны Грузии. Эти бригады были укомплектованы в основном бойцами из местных жителей, а командиром 23-й бригады вообще был назначен не кадровый офицер, а руководитель местного ополчения Гено Адамия. Командиром 24-й бригады стал полковник Заур Учадзе, а II армейский корпус возглавил генерал-майор Паата Датуашвили. Произошли изменения и в политических структурах Абхазии. Временный координационный совет, который выполнял функции исполнительной власти в контролируемых грузинской стороной районах, сложил свои полномочия. Была учреждена должность государственного министра по Абхазии, им стал Гиорги Хаиндрава. В руках государственного министра была сосредоточена вся исполнительная власть в автономной республике. Роль грузинской части Верховного Совета Абхазии отошла на второй план.

11 октября 1992г. в Грузии были проведены парламентские выборы. Несмотря на большие старания, В. Ардзинба и его окружению не удалось сорвать выборы в Абхазии. Во всех районах (г. Сухуми, Сухумский р-н, Гульрипшский и Очамчирские р-ны), где прошли выборы, в голосовании приняло участие абсолютное большинство представителей всех национальностей, в том числе и абхазы. Так, например из 1500 избирателей-абхазов Гульрипшского р-на в выборах приняло участие около 800 человек, а из примерно 12000 избирателей-армян того же района – около 10000. Победили на выборах и в парламент Грузии прошли по пропорциональной системе: **Ада Маршания** (избирательный блок «11 октября»), **Константин Салия** (Блок «Единство»), **Отар Зухбая** и **Вахтанг Колбая** (блок «Мир»), **Гиви Ломинадзе** (*Хартия – 91*), **Александр Джикия** (национал-демократическая партия Грузии), **Малхаз Барамидзе** (Демократическая партия Грузии), **Борис Какубава** (Общество Ильи Чавчавадзе), **Герман Пацация** (партия Традиционалистов), **Элгуд**

жа (Гия) Гвазава (партия Зелёных Грузии). По мажоритарной системе депутатами парламента стали: **Тамаз Надареишвили** (г. Сухуми), **Джемал Саджая** (Сухумский р-н), **Анзор Цоцонава** (Гульрипшский р-н) и **Арнольд Пендерава** (Очамчирский р-н). Таким образом, в новом парламенте Грузии Абхазия была представлена 14-ю депутатами. Среди них были представители абхазской национальности – Ада Маршания и Константин Салия (впоследствии, после назначения на пост министра, его место в парламенте занял **Гено Каландия**).

Мы обратили внимание на этот факт потому, что в последнее время, некоторые, с позволения сказать, «аналитики» пытаются поставить под сомнение легитимность депутатов парламента Грузии избранных в Абхазии в 1992г. якобы из-за того, что эти выборы не были проведены по всей Абхазии. Конечно, отрицать этот бесспорный факт никто не собирается. В отдельных районах Абхазии: в Гагра, Гудаута и Ткварчели, контролируемых сепаратистами, выборы действительно не были проведены. Более того, к сожалению, сторонники свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа сорвали выборы даже в Гальском р-не. Несмотря на это, население г. Сухуми и Сухумского района, Очамчирского и Гульрипшского р-нов, большинство беженцев-грузин из Гудаутского р-на и Гагрской зоны, которые нашли убежище в контролируемых грузинской стороной районах, а также большая часть жителей Гальского р-на, которые голосовали в Очамчирском р-не, составили свыше 50% общего числа избирателей Абхазии.

Вот почему эти выборы были легитимными и они фактически ничем не отличались от выборов Верховного Совета Грузии проведённых 28 октября 1990г., когда подавляющее большинство абхазского населения объявило бойкот выборам и впервые за 70 с лишним лет в Верховном органе власти Грузии не было представительства абхазского народа. Следует также отметить, что абхазы бойкотировали и президентские выборы Грузии проведённые 26 мая 1991 года, хотя из-за этого никто никогда не высказывал никакого сомнения по поводу легитимности этих выборов в Абхазии. В отличие же от названных выборов, абхазское население г. Сухуми, Сухумского, Гульрипшского и Очамчирского р-нов не только приняло участие в выборах Парламента Грузии 11 октября 1992г., но, как уже отмечалось, даже провело в Парламент двух представителей собственно абхазского народа.

Тем временем, ситуация в Абхазии всё больше накалялась. Гагрские события явно показали, что военное противостояние всту-

пает в новую фазу. В этих условиях для координированного руководства грузинскими вооружёнными формированиями, находящимся на территории Абхазии по постановлению государственного совета Республики Грузия, в Сухуми был создан главный штаб под командованием бригадного генерала Автандила Цкитишвили. Членами штаба стали: Г. Каркарашвили, Г. Хаиндрава, Т. Надареишвили, Г. Ломинадзе, А. Иоселиани. Однако принятые меры не привели к улучшению общей обстановки, как в военном, так и в административно-хозяйственном отношении.

Сепаратисты и их пособники всё больше наращивали военное давление. Началась бомбёжка г. Сухуми. От этих бомбёжек почти каждый день гибли мирные жители, в том числе и абхазы. Среди них оказалась известная абхазская актриса, председатель Абхазского отделения Грузинского Театрального Общества, народная артистка Грузии Этери Когония. В начале ноября 1992г. абхазские боевики в Очамчирском р-не вывели из строя высоковольтную линию и тем самым лишили г. Сухуми и Гульрипшский р-н электричества. Прекратилась также подача газа и воды. Руководство Грузии специальным постановлением Совета обороны и национальной безопасности наметило ряд неотложных мер по проведению восстановительных работ. Более того, 16 ноября 1992г. Совет обороны и национальной безопасности Республики Грузия принял решение о проведении специальной военной операции по освобождению железнодорожного и автомобильного сообщения между Тбилиси и Сухуми под кодовым названием «*Магистраль*».

Несмотря на эти меры, ситуация в контролируемых грузинской стороной городах и районах оставалась весьма сложной. Чувствовалась несогласованность между гражданской и военной властью. Госминистр по Абхазии оказался в затруднительном положении. Налицо был кризис исполнительной власти. В этих условиях, по инициативе Совета Национального Единства, началось движение за создание временного правительства Абхазии. В Сухуми было созвано собрание общественности, которое приняло решение о создании кабинета министров Абхазии под руководством первого заместителя председателя Верховного Совета Тамаза Надареишвили. Это решение фактически было узаконено парламентом Грузии 26 ноября 1992г. В тот же день Парламент Грузии образовал комиссию по делам Абхазии, председателем которой был утверждён депутат Нико Чавчавадзе. Одновременно была образована и комиссия по изучению Гагрских событий. Её председателем стал депутат Рауль Куправа.

В конце ноября 1992г. обстановка в прифронтовых районах

Абхазии ещё больше осложнилась. Это вынудило руководство Грузии 30 ноября объявить военное положение в г. Сухуми и Очамчирском р-не. На протяжении декабря продолжались позиционные бои как по р. Гумиста, так и в районе Очамчире-Ткварчели. Абхазскую сторону активно поддерживали регулярные войска Российской армии дислоцированные в Гудаута. Руководство Грузии пыталось дипломатическим путём нейтрализовать Россию, но безуспешно. 17 декабря 1992г. Парламент Грузии был вынужден принять специальное заявление, в котором Россия однозначно обвинялась во вмешательство во внутренние дела Грузии. В частности, в заявлении отмечалось, что российские военные принимали непосредственное участие в бомбёжке г. Сухуми и его окрестностей 2 и 9 декабря; они же сбили вертолёт МИ-24 ВВС Республики Грузия 5 октября, а так же штурмовик СУ-25 – 13 октября. В заявлении были приведены и другие факты вмешательства российских военных в конфликт. На основании этих фактов Парламент Грузии, впервые, открыто заявил, что дислоцированные в Абхазии вооружённые силы России стали участвующей в конфликте стороной, и что они совместно с реакционными политическими кругами России проводят имперскую политику посягательства на территориальную целостность Грузии.²²

Российские парламентарии 25 декабря 1992г. приняли специальное постановление *«О ходе выполнения постановления Верховного Совета Российской Федерации от 25 сентября «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии»*, в котором говорилось, что «грузинская сторона грубо нарушила достигнутые договорённости о правовом статусе пребывания воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Грузия». Среди ответных мер, предлагаемых Верховным Советом президенту и правительству Российской Федерации, была выработка возможных санкций «по отношению к Грузии в случае неприятия грузинской стороной мер, обеспечивающих безопасность граждан и имущества Российской Федерации на территории Республики Грузия».²³

Эскалация военных действий в январе-марте 1993г. и обострение грузино-русских взаимоотношений. В начале января 1993 года ситуация изменилась. В ночь с 4 на 5 января сепаратисты, при активной поддержке российской артиллерии, предприняли первый серьёзный штурм на Сухуми. Однако грузинские формирования оказали достойное сопротивление и успешно отразили эту атаку. Это было первым по-настоящему боевым крещением 23-й бригады вооружённых сил Республики Грузия под командованием Гено Адамия. За проявленный 4-5 января 1993г. героизм многие рядовые бойцы и

офицеры получили боевые ордена и медали.

В январе-феврале 1993г. со стороны сепаратистов больше не было попытки штурма Сухуми, хотя на фронтах всё же было неспокойно. Военное и политическое руководство Грузии всемерно пыталось наладить отношения с Россией и тем самым нейтрализовать Москву. В феврале 1993г. в Тбилиси с рабочим визитом побывали Председатель Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации Рамазан Абдулатипов и заместитель председателя правительства России Сергей Шахрай. В ходе визита они встречались с главой государства Э. Шеварднадзе, с руководителями Парламента и правительства. По результатам визита было оглашено официальное коммюнике, под которым, наряду с Р. Абдулатиповым и С. Шахраем, с грузинской стороны подписались вице-премьер правительства Р. Гоциридзе, вице-спикер Парламента В. Рчеулишвили и председатель государственного комитета по защите прав человека и межнациональным отношениям – А. Кавсадзе. Следует отметить, что данное коммюнике подверглось серьезной критике политического истеблишмента Грузии. Более того, Парламент Грузии принял специальное постановление об этом коммюнике, в котором была дана отрицательная оценка «позиции делегации Грузии по целому ряду вопросов». Особенно подчёркивалась неприемлемость наличия «в коммюнике двусмысленных положений о российско-грузинских соглашениях 3 сентября 1992 года в Москве...». На основании этого Парламент Грузии счёл нужным «дезаурировать коммюнике *«Об итогах рабочего визита Председателя Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации Абдулатипова Р. Г. и заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Шахрая С. М. в Республику Грузия от 18 февраля 1993 года»*.²⁴

Тем временем руководство Грузии приняло ряд мер по упорядочению административно-хозяйственной жизни и укреплению правопорядка в Абхазии. В этих целях, согласно указу Главы государства, мэром г. Сухуми был назначен Гурам Габескирия, председателем управы Гульрипшского р-на – Давид Гвадзабия, председателем Гальской районной управы – Рудик Цатава, председателем управы Сухумского района – Мераб Дгебуадзе, председателем Очамчирской районной управы – Хута Гугучия. Одновременно, был оглашён приказ главнокомандующего вооружёнными силами Республики Грузия о мероприятиях по обороне г. Сухуми и Очамчирской зоны.

Жёсткую позицию в связи с нахождением российских регулярных частей в зоне конфликта занимал Парламент Грузии, который 25 февраля 1993г. по этому поводу принял специальное поста-

новление. В нём было признано недопустимым дальнейшее пребывание российских военных частей на территории Абхазии. Одновременно, верховный законодательный орган страны поручил главе государства вести переговоры с президентом Российской Федерации по вопросу вывода российских военных частей из зоны конфликта. Всё это не могло не встревожить Москву и там было принято решение наказать Грузию. При непосредственном участии высокопоставленных чинов российской армии и генштаба была подготовлена очередная операция по захвату г. Сухуми. 14 марта с утра сепаратисты и их пособники открыли массированный огонь по грузинским позициям, а вечером начали бомбить г. Сухуми из всех имеющихся у них орудий.²⁵

В 2 часа ночи с 15 на 16 марта противник предпринял массированную атаку одновременно с суши, моря и воздуха. Бомбардировка длилась всю ночь непрерывно, после чего ранним утром сепаратисты перешли в наступление по всей линии фронта. Впереди шли войска спецназначения российской армии, которым была поручена «очистка» дороги, по которой вторым эшелоном следовали уже абхазские боевики и наёмники. Российским спецназовцам удалось прорвать оборону и занять несколько участков Ачадарской линии.²⁶ В этой критической ситуации безукоризненно действовала грузинская артиллерия под командованием полковника (впоследствии генерала) Емзара Чочуа. Непосредственное участие в боевых действиях принимал и этим самым подавал личный пример бойцам начальник штаба II армейского корпуса генерал-майор Валерий Кварая. Решающую роль в отражении прорвавшегося в районе «Маяка» неприятеля сыграл отряд военной полиции под командованием полковника Сосо Ахалая. Перелом наступил 17 марта, когда грузинские формирования перешли в контрнаступление и полностью очистили левый берег Гумисты от противника. Наступление, предпринятое 15-16 марта, по общему признанию, было самым масштабным в ходе военного противостояния. Абхазская сторона понесла большие потери. Естественно, были потери и со стороны грузин, но их было значительно меньше.

В разгар военного столкновения – 17 марта Парламент Грузии направил специальное обращение ООН, Европарламенту, парламентам стран мира, Верховному Совету Российской Федерации, в котором однозначно указывалось, что Россия фактически ведёт необъявленную войну против Грузии с целью отторжения Абхазии от остальной Грузии. Парламент страны призвал мировое сообщество не оставлять без соответствующего реагирования агрессивные дейст-

вия России по отношению суверенного государства и не допустить грубое нарушение международного права со стороны России. Одновременно, Парламент ещё раз поставил вопрос о выводе российских войск с территории Грузии.²⁷

18 марта сложилась весьма благоприятная в военном отношении ситуация для перехода грузинских формирований в контрнаступление и освобождения как минимум Эшеры и Нового Афона. Однако, к сожалению, некоторые военачальники скептически отнеслись к этой идее и убедили военно-политическое руководство страны в бесперспективности ведения наступательных операции в сторону Нового Афона и Гудауты. Как выяснилось, это было очередной грубой военно-политической ошибкой грузинского руководства. Дело в том, что военные формирования сепаратистов были полностью деморализованы, население было охвачено паникой. В этой ситуации, Гудаутское руководство пошло на отчаянный шаг. 23 марта 1993г. сепаратистская часть Верховного Совета Абхазии официально обратилась к Верховному Совету Российской Федерации, с просьбой удовлетворить «желание народов Абхазии войти в состав или под покровительство Российской Федерации».²⁸

После провала штурма Сухуми на гумистинском направлении установилось некоторое затишье, хотя военная авиация Российской Федерации не прекращала свои провокационные полёты над грузинскими позициями. Во время одного из таких полётов 19 марта у села Одиши (Сухумский р-н) был сбит штурмовик СУ-27 российских военно-воздушных сил, пилотируемый майором В. Шипко. Этим очередной раз была развеяна наглая и циничная ложь министра обороны России Павла Грачёва о том, что грузины якобы сами перекрашивали свои самолёты, а затем сбивали их. Вместе с тем, сепаратисты активизировались на т.н. «Восточном фронте». 25 марта они предприняли безуспешную попытку прорвать грузинскую оборону у с. Беслахуба.

Тем временем, 1 апреля 1993г. Парламент Грузии принял специальное постановление *«Об осуществлении необходимых мероприятий по охране жизни и безопасности мирного населения в зоне вооружённого конфликта»*. В нём верховный законодательный орган страны впервые официально заявил о том, что «на части территории Грузии, в Абхазии, контролируемой Гудаутской сепаратистской группировкой, при содействии российских войск, проводятся этнические чистки, принявшие вид геноцида, направленного против граждан грузинской и других национальностей». В постановлении говорилось о необходимости «незамедлительно обратить внимание

международных организации и мировой общественности на факты этнической чистки, проводимой на части территории Грузии при содействии иностранного государства, с целью пресечения их непосредственной причины – агрессии».²⁹

Одновременно руководство Грузии вело переговоры по вопросу вывода российских войск из зоны конфликта. В частности, по этому поводу 6-9 апреля 1993г. в Сочи состоялись российско-грузинские переговоры, в которых принимали участие Т. Китовани и Д. Иоселиани с грузинской стороны и П. Грачёв и Б. Пастухов с российской.

22 апреля 1993г. Парламент Грузии принял специальное обращение к абхазскому народу, в котором говорилось о том, что братоубийственная война, разгоревшаяся в Абхазии на руку лишь реаниматорам «империи зла» и она инспирирована ими же. Грузинские парламентарии призывали представителей абхазского народа, старейшин, депутатов Верховного Совета автономной республики сесть за стол переговоров и мирным путём решить все наболевшие вопросы.³⁰ Чуть позже, 27 апреля Парламент Грузии принимает уже постановление *«О выводе частей Российской Федерации из зоны Абхазского конфликта»*. В нём прямо, без всяких оговорок, отмечалось, что «дислоцированный на территории Абхазской Автономной Республики контингент Вооружённых Сил России активно участвует в военных действиях против Республики Грузия» и что «Верховный Совет России неоднократно принимал постановления, грубо ущемляющие суверенитет государства Грузия». «Россия, – говорилось далее в постановлении, – нарушила Московский Договор от 3 сентября 1992 года, в результате обструкционистской политики России Сочинские переговоры между Россией и Грузией практически оказались безрезультатными; Российская сторона не прислушалась к выдвинутым Грузинской стороной справедливым требованиям...».

Исходя из этого, и «считая главной причиной трагического развития событий попытку Российской Федерации осуществить фактическую аннексию части территории Грузии», Парламент Грузии постановил: «1. Главе государства Грузия обратиться к Президенту Российской Федерации по поводу вывода войск России из Абхазии... 2. В случае невыполнения этого требования считать зону абхазского конфликта северо-западнее реки Гумиста вплоть до российско-грузинской границы – территорией, оккупированной Российской Федерацией, в связи с чем главе государства Грузия, Министерству иностранных дел Республики Грузия, Правительству Республики Грузия в Организации Объединённых Нации поставить в

Совете Безопасности ООН и других международных организациях вопрос о приведении в действие механизмов, предусмотренных международным правом».³¹

Конечно же, российская сторона не могла оставить жесткую позицию Грузинского Парламента без соответствующего реагирования. И вот уже 30 апреля Совет Национальностей Верховного Совета Российской Федерации принимает постановление с довольно пространным названием: «*О реализации постановлений Верховного Совета Российской Федерации «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» от 25 сентября 1992 года и «О ходе выполнения постановления Верховного Совета Российской Федерации «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии от 25 сентября 1992 года».* В этом постановлении российские парламентарии, ни больше, ни меньше, с удовлетворением воспринимали «выраженное в Обращении» сепаратистской части Верховного Совета Абхазии от 23 марта 1993 года желание народов Абхазии войти в состав... Российской Федерации» и предлагали президенту Российской Федерации и Правительству... «в соответствии с нормами международного права и, прежде всего, уважения прав человека и права народов на самоопределение активизировать переговоры с руководством Республики Грузия по вопросу Обращения Верховного Совета Республики Абхазия к Верховному Совету Российской Федерации...».³²

Военно-политическое положение в Абхазии весной и летом 1993г. Однако вернёмся к событиям в Абхазии. Несмотря на некоторую передышку, наступившую после провала мартовского штурма Сухуми, ситуация в Абхазии, как в военном, так и хозяйственно-административном отношении, оставалась весьма сложной. Не было должной взаимосвязи между военными и гражданскими властями. Это вынудило руководство Грузии пойти на создание единого военно-политического органа – Совета Оборона Абхазии, который должен был сосредоточить всю полноту власти, как военной, так и гражданской, в контролируемых грузинской стороной районах Абхазии. Председателем Совета Оборона по распоряжению Главы государства и верховного главнокомандующего был назначен Председатель Совета Министров Абхазии Тамаз Надареишвили, которому в связи с этим было присвоено воинское звание генерал-майора.

В состав Совета Оборона вошли: командир 23-й бригады II армейского корпуса министерства обороны Республики Грузия, генерал-майор Гено Адамия, мер города Сухуми Гурам Габескирия, министр внутренних дел Абхазской Автономной Республики пол-

ковник Давид Гулуа, командир II армейского корпуса министерства обороны Грузии, генерал-майор Валерий Кварая, начальник информационно-разведывательной службы Абхазской Автономной Республики, генерал-майор Юрий Кешелава, первые заместители председателя Совета Министров Абхазской Автономной Республики: Лорик Маршания и Рамаз Сичинава, командир 24-ой бригады II армейского корпуса министерства обороны, генерал-майор Заур Учадзе. 6 мая министром обороны Грузии был утверждён генерал-майор Гия Каркарашвили. Чуть позже, 11 мая командир II армейского корпуса генерал-майор В. Кварая был назначен командующим ракетными войсками и артиллерии Министерства Обороны Республики Грузии, а командиром II-го армейского корпуса стал генерал-майор Заур Учадзе. Однако нельзя сказать, что эти изменения в значительной степени способствовали улучшению общей обстановки как на полях сражений, так и в тылу.

14 мая 1993г. в Москве состоялась встреча руководителей Грузии и России на высшем уровне, на которой рассматривались набравшие вопросы российско-грузинских взаимоотношений и проблема урегулирования конфликта в Абхазии. Стороны договорились ускорить подготовку документов по абхазскому вопросу к повторной встрече на высшем уровне по формату итогового Документа Московской встречи от 3 сентября 1992г. Главное, на встрече было принято решение о прекращении огня между воюющими сторонами с 20 мая 1993г. Тогда же президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин своим специальным представителем в зоне конфликта назначил первого заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Б. Н. Пастухова.³³

Решения второй Московской встречи обнадёжили население Абхазии. Создавалось впечатление, что вскоре военному противостоянию действительно будет поставлена точка и в Абхазии наступит мир. Личный представитель президента России Б. Н. Пастухов развернул активную дипломатическую деятельность. Он прибыл в Сухуми, где вёл переговоры с руководством Абхазской Автономной Республики. Он также встретился с членами Совета Национального Единства. Члены Совета Б. Какубава, Т. Мибчуани, З. Папаскири и другие, а также присутствовавший на встрече начальник информационно-разведывательной службы Абхазии генерал-майор Юрий Кешелава, в довольно резкой форме обвинили Российскую сторону в нарушении нейтралитета и всю вину за трагические события в Абхазии возложили именно на Россию

Главной целью данного приезда в Сухуми Б. Н. Пастухова бы-

ла подготовка визита представительной правительственной делегации Российской Федерации в Грузию. В эту делегацию входили министры иностранных дел и государственной безопасности России Андрей Козырев и Виктор Баранников, другие высокопоставленные лица, в том числе и вышеназванный Б. Н. Пастухов, а также неизвестный генерал Борис Громов. Делегация побывала в Тбилиси, Гудаута и Сухуми, где она встречалась с председателем Совета Оборона и Совета Министров Абхазской Автономной Республики Т. Надареишвили. С грузинской стороны на этой встрече присутствовали как члены Совета Оборона, так и представители центральной власти Грузии: вице-премьер правительства Ал. Кавсадзе, руководитель информационно-разведывательной службы страны Ираклий Батиашвили и другие официальные лица. На встрече разрешили присутствовать также членам Совета Национального Единства депутату Парламента Грузии Борису Какубава и З. Папаскири, который, вступив в полемику с министром госбезопасности России с В. Баранниковым и обвинив российскую сторону в агрессивных действиях против Грузии, в некоторой степени застал врасплох членов российской делегации.

Тем временем, передышка, наступившая после 20 мая 1993г., позволила грузинской стороне начать подготовку к переходу к мирной жизни. Благоустраивались автомобильные дороги в городе Сухуми. Начали восстанавливать повреждённые в результате бомбёжек здания. Руководство Абхазской Автономной Республики предпринимало шаги по восстановлению учебного процесса в общеобразовательных школах и в вузах. В этой связи, особо следует отметить совместное решение Совета Оборона и Совета Министров Абхазии о воссоединении Абхазского государственного университета и Сухумского Филиала ТГУ им. Иванэ Джавахишвили в единый учебно-научный комплекс – в Государственный университет Абхазии им. З. В. Анчабадзе, выдающегося абхазского учёного, одного из ярких представителей грузинской историографии, первого ректора Абхазского Государственного Университета. Был даже назначен (по распоряжению Совета Оборона) исполняющий обязанности ректора университета (доктор исторических наук З. Папаскири).

Однако этим нововведениям не суждено было осуществиться. Сепаратисты, при активной поддержке российских официальных военных структур, готовились к новым решающим схваткам. Шло активное вооружение военных формирований на т.н. «Восточном фронте», куда систематически доставляли на вертолётах российских военно-воздушных сил оружие и боеприпасы. В район Ткварчели

перебрасывались и новые группы наёмных боевиков из Российской Федерации. Как выясняется, только за один день – 14 июня 1993г. российская авиация осуществила 5 рейсов и высадила в контролируемых сепаратистами сёлах Очамчирского района: Мокви, Река, Бедия, Тхина около 250 боевиков, среди которых были русские, кабардинцы и др.³⁴ Более того, 16 июня российское правительство официально, с разрешения грузинской стороны направило в г. Ткварчели 30 грузовиков марки «КАМАЗ» и 3 автобуса с т.н. «гуманитарным грузом». Из-за беспечности грузинской стороны, груз не прошёл надлежащую проверку. В результате, оказалось, что вместе с гуманитарным грузом, в руки сепаратистов попало большое количество оружия и боеприпасов.³⁵

24 июня 1993г. сепаратисты нарушили перемирие и возобновили активные военные действия. Массированной бомбёжке подвергся г. Сухуми, в результате чего погибли мирные жители. Руководство Грузии немедленно отреагировало на деяния сепаратистов. Парламент страны официально обратился к генеральному секретарю ООН Бутросу Бутросу-Гали и Президенту Российской Федерации Борису Ельцину и потребовал от них в кратчайшие сроки принять меры для выполнения взятых международно-правовых обязательств.³⁶ Однако сепаратисты и их покровители не унимались. Российскими инструкторами был разработан очередной план захвата г. Сухуми, который предусматривал высадку морского десанта в р-н Тамыша и установления полного контроля над автотрассой и железнодорожной магистралью Сухуми-Очамчире. Одновременно, планировалось наступление и на Гумистинском фронте с целью овладения высотами вокруг Сухуми.³⁷

Реализацию этого плана сепаратисты начали уже 1 июля, когда, несмотря на героическое сопротивление со стороны местных ополченцев, штурмом взяли село Каман, где они учинили настоящую бойню, истребив десятки мирных жителей. Среди погибших были не только грузины, но и представители других национальностей, в том числе и абхазы. Именно там сепаратисты варварски расправились с известным не только в Абхазии, но и по всей Грузии абхазским деятелем, большим поборником и пропагандистом грузино-абхазской исторической дружбы, восстановителем Каманской церкви Юрием Ануа, а так же со священнослужителями: отцом Андрия и отцом Серги, дьяконом Кравцовым и сестрой Марией.³⁸

2 июля в р-не села Тамыш была осуществлена высадка десанта, основной костяк которого составляли вооружённые до зубов российские спецназовцы. На встречу с ними из Ткварчели двинулись

абхазские формирования и наёмники. Прорвав грузинскую оборону, сепаратистам удалось взять под свой контроль железнодорожную и автомобильные магистрали и укрепиться в сёлах Лабра и Тамыш.³⁹ Таким образом, Сухуми фактически оказался отрезанным от остальной Грузии. В этих условиях грузинское командование приняло решение сосредоточить основное внимание на нанесении главного удара именно по высадившемуся в Тамыше десанту. Грузинские части начали продвигаться к Тамышу одновременно с двух сторон: Сухуми и Очамчире. Впервые за всё время Абхазской военной кампании в боевых действиях против сепаратистов и наёмников принимали участие верные свергнутому президенту Грузии Звиаду Гамсахурдиа бойцы национальной гвардии во главе с Вахтангом (Лоти) Кобаля. После продолжительных боёв, длившихся со 2 по 10 июля, грузинские формирования успешно одолели упорное сопротивление российских спецназовцев и наёмников и ликвидировали десант. В боях за Тамыш противник потерпел очередное чувствительное поражение. Погибло около 600 боевиков, были потоплены 3 баржи и 1 корабль, выведены из строя 2 танка, сбиты 2 вертолёта.⁴⁰

Так провалилась ещё одна авантюра сепаратистов и их покровителей. Несмотря на это, нельзя утверждать, что в целом июльская кампания была безуспешной для абхазской стороны. Наоборот, 5-9 июля, в разгар Тамышской схватки, сепаратисты взяли сёла Сухумского района: Ахалшени, Гума, Шрома, и тем самым овладели стратегически весьма важными высотами вокруг Сухуми, что впоследствии фактически и решило исход военного противостояния в целом.

8 июля Парламент Грузии был вынужден утвердить распоряжение Главы Государства *«Об объявлении военного положения на территории Абхазской Автономной Республики»*. Одновременно принимались определённые дипломатические усилия для предотвращения дальнейшей эскалации конфликта. 9 июля 1993г. Совет Безопасности ООН принял специальную Резолюцию 849, согласно которой в Грузию направлялись международные военные наблюдатели. Днём раньше в Сухуми прибыли аккредитованные в Грузии послы, которые имели встречу с руководством военного совета. С ними также встречался находившиеся в Сухуми Э. Шеварднадзе. Однако все эти усилия оказались тщетными. Абхазская сторона при поддержке российских военных успешно продолжала наступление в сторону села Шрома и всё больше приближалась к Сухуми. Грузинское руководство оказалось не в состоянии предпринять адекватные ответные меры и взяло курс на активизацию мирного диалога. В условиях новой конъюнктуры в Абхазии понадобился лидер, с кото-

рым абхазская сторона (да и русские также) более охотно села бы за стол переговоров. Поэтому в Тбилиси было принято решение освободить Т. Надареишвили с занимаемых постов председателя Совета Оборона и Совета Министров Абхазии и на его место назначить члена Парламента Грузии Жиулия Шартава.

Помимо того, что Ж. Шартава был известен как энергичный и талантливый организатор, при его назначении учитывалось и то обстоятельство, что он по комсомольской работе в прошлом имел тёплые дружественные связи как с отдельными абхазскими лидерами, так и, что особенно важно, с личным представителем президента Российской Федерации в зоне конфликта Борисом Пастуховым, долгое время работавшим первым секретарём ЦК ВЛКСМ. Сам же Ж. Шартава в тот период был первым секретарём ЦК ЛКСМ Грузии.

Ж. Шартава довольно активно приступил к своей деятельности. Однако военную ситуацию изменить к лучшему не удалось. Более того, к середине третьей декады июля обстановка на Гумистинском направлении для грузинской стороны резко ухудшилась. Возникла реальная угроза падения Сухуми. В этой ситуации, в Сухуми под руководством Жиулия Шартава состоялось расширенное заседание Совета Оборона, на котором присутствовали начальник генерального штаба Вооружённых Сил Грузии генерал Автандил Цкитишвили, представители политического руководства Грузии, члены Совета Национального Единства (в том числе и автор этих строк). Выступившие на совещании ген. А. Цкитишвили, командир II армейского корпуса ген. З. Учадзе, начальник Службы Безопасности Абхазии ген. Ю. Кешелава и другие компетентные лица, оценив военную обстановку как критическую, единственным выходом из сложившейся ситуации посчитали немедленное подписание соглашения *«О прекращении огня»*. Практически никто из присутствовавших (в том числе депутат Парламента Грузии Б. Какубава) не возражал. Так, с согласия военных, политического истеблишмента, а также представителей общественности Абхазии, было принято решение о необходимости подписания злополучного Сочинского Соглашения 27 июля 1993г. *«О прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением»*.

По этому соглашению «участвующие в конфликте стороны» должны были прекратить военные действия с 12 часов 28 июля 1993г. Далее, в зону конфликта был запрещён ввод дополнительных войск и военных формирований, а так же проведение мобилизации, несогласованные перемещения войск и иных формирований, завоз оружия и боеприпасов, строительство объектов военных инфра-

руктур. С 29 июля должны были начать функционирование грузино-абхазско-российские временные контрольные группы (по 3-9 человек), которым поручался контроль «за соблюдением режима прекращения огня». Они размещались в Сухуми, Гульрипши, Очамчире, Гудаута, Новом Афоне, Ткварчели, Гагра, Гали. До 5 августа должны были сформировать Объединённую комиссию по урегулированию в Абхазии с участием наблюдателей от ООН, ОБСЕ.⁴¹

По условиям 6-го пункта соглашения участвующие в конфликте стороны обязывались начать поэтапную демилитаризацию. В зону конфликта незамедлительно вводились международные наблюдатели. «В течение 10-15 дней со дня прекращения огня с территории Абхазии выводились «вооружённые формирования Республики Грузия». Одновременно должны были расформировать и вывести с территории Абхазии «вооружённые формирования, группы и лица, находящиеся в зоне конфликта». Вооружённые формирования абхазской стороны должны были быть преобразованы в полк внутренних войск. «Для охраны магистральных путей, важных объектов, в соответствии с Итоговым Документом Московской Встречи 3 сентября 1992 года, в зоне конфликта из местного населения» должны были сформировать «подразделения внутренних войск грузинской стороны», которое, впоследствии, вместе с абхазским полком внутренних войск должно было войти «в состав полинациональных внутренних войск Абхазии».⁴²

По соглашению «российские войска, временно находящиеся на территории Абхазии», должны были придерживаться строгого нейтралитета. Также, «в соответствии с Итоговым Документом Московской Встречи 3 сентября 1992 года», стороны обязывались, создать «условия для возобновления нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии», вести дальнейшие переговоры «под эгидой ООН и при содействии России» «по подготовке Соглашения о полномасштабном урегулировании конфликта в Абхазии».⁴³ Сочинское соглашение подписали: за Грузинскую сторону спикер Парламента Грузии Вахтанг Гогуадзе, за Абхазскую сторону заместитель председателя Верховного Совета Абхазии Сократ Джинджолия, за Российскую сторону, министр иностранных дел Российской Федерации – Андрей Козырев.

Начиная с того времени по сей день не прекращаются споры вокруг этого документа. Подавляющее большинство аналитиков считают данное соглашение капитулянтским со стороны грузинского руководства. Более того, даже существует мнение, что Э. Шеварднадзе и его окружение якобы преднамеренно подписали Сочинское

соглашение и этим самым подготовили почву для сдачи Абхазии. Мы, конечно, далеки от мысли, что тогдашнее руководство Грузии могло пойти на такое предательство. Во всяком случае, для подобного утверждения нужны более весомые аргументы, нежели те, которые выдвигаются авторами этих обвинений. Сказанное вовсе не означает, что мы снимаем вину с Э. Шеварднадзе и его команды за те катастрофические последствия, которые последовали именно за подписанием Сочинского соглашения.

Однако в вину грузинского руководства мы ставим не то, что оно подписало Сочинское соглашение (как уже отмечалось, в то время другого выхода не было), а то, что оно привело страну к этой вынужденной мере. Конечно же, Соглашение 27 июля не было идеальным для грузинской стороны, но назвать его (особенно в той ситуации) абсолютно проигрышным, тем более предающим государственные интересы Грузии, нельзя. Вспомним, что оно, хоть и предусматривало вывод грузинских формирований из Абхазии и общую демилитаризацию региона, не запрещало грузинской стороне иметь военное подразделение Внутренних Войск, которое, как уже отмечалось, с абхазским полком внутренних войск должно было составить единую военизированную систему, обеспечивающую правопорядок в Абхазии. Конечно, реальное осуществление этой почти утопичной, для того времени, идеи всецело зависело от желания сторон уйти от конфронтации и найти пути к большому примирению.

На первый взгляд, не так уж неприемлемым казался и пункт о возобновлении деятельности законных органов власти Абхазии, хотя и его реализация была практически невозможна. Дело в том, что оно подразумевало возвращение в Сухуми абхазской депутации во главе с В. Г. Ардзинба и абхазской части правительства и возобновление совместной с грузинской депутацией и грузинской части правительства деятельности. Против этого выступила, прежде всего, грузинская общественность, которая не могла представить себя под властью режима В. Г. Ардзинба и его приспешников – главных виновников развязывания кровопролития.

Таким образом, в Сочинском соглашении, внешне, каких-либо серьёзно ущемлявших суверенитет Грузии пунктов вроде бы не было. Главный его недостаток состоял в том, что оно не предусматривало реальных механизмов осуществления контроля над его выполнением и это соглашение, как и Итоговый Документ Московской Встречи 3 сентября 1992г., осталось на бумаге. Грузинское руководство в очередной раз проявило беспечность и ротозейство, и полнотью доверилось Москве. Именно это ему нельзя простить, а не

то, что оно подписало Сочинское соглашение.

С 28 июля 1993г., когда стороны прекратили огонь, наступила мирная передышка, хотя, временами, сепаратисты всё же нарушали перемирие. Начался переговорный процесс по широкомасштабному урегулированию. Комиссию по мирному урегулированию конфликта в Абхазии с грузинской стороны возглавил Ж. Шартава. Внешне действительно вырисовывались контуры мира и стабилизации обстановки, что было не по душе оппозиционным силам в Грузии. Ещё 27 июля в Тбилиси сторонники свергнутого президента З. Гамсахурдиа организовали митинги, на которых открыто обвинили властей в предательстве национальных интересов и требовали продолжения военных действий. Возникла несколько курьёзная ситуация: за продолжение войны выступали те силы, которые до того (во всяком случае, до Тамышских батальонов, в которых принимали участие верные З. Гамсахурдиа формирования Национальной Гвардии) всячески осуждали боевые действия в Абхазии и категорически требовали от грузинских властей незамедлительного вывода вооружённых формирований министерства обороны Грузии из Абхазии. Сторонники свергнутого президента З. Гамсахурдиа перешли на более активные действия. 28 июля отряд Национальной Гвардии под командованием Л. Кобаля занял г. Сенаки. Одновременно, 29-30 июля, нарушив соглашение о прекращении огня, сепаратисты атаковали грузинские позиции у села Тамыш, а также на Гумистинском направлении, у с. Цугуровка и в окрестностях Шрома-Ахалшени.

Тем не менее, грузинская сторона честно выполняла взятые обязательства. Началось поэтапное расформирование батальонов; готовилось к переезду в Кутаиси командование II армейского корпуса министерства обороны Грузии; была вывезена вся тяжёлая военная техника (танки, бронемашины, артиллерийские установки). Однако наиболее уязвимым было намечаемое возвращение В. Ардзинба и его окружения в Сухуми и возобновление деятельности возглавляемого им правительства. В Сухуми даже состоялся многотысячный митинг протеста, на котором была принята резолюция, призывавшая не допустить возвращение к власти В. Г. Ардзинба. Следует отметить, что эта акция грузинской общественности вызвала негодование в Гудаута, где сепаратисты настойчиво требовали безоговорочного выполнения пункта о возобновлении деятельности законных властей в Абхазии.

9 августа В. Г. Ардзинба, явно с подачи Москвы, направил послание Генеральному Секретарю ООН Бутросу Бутросу Гали и президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину, в котором призвал их

содействовать выполнению Сочинского соглашения. Сепаратисты и их российские покровители этим как бы готовили идеологический фон для нарушения Соглашения о прекращении огня. 24 августа лидер сепаратистов уже лично отправился в Москву, где встречался с президентом Б. Ельциным. Становилось всё более очевидным, что сепаратисты уже перешли в решающую фазу подготовки нового штурма на Сухуми.

Вероломное нарушение Сочинского соглашения сепаратистами и падение Сухуми. На этом фоне общеполитическая обстановка в Грузии всё больше накалялась. Позиции сторонников свергнутого президента Грузии З. Гамсахурдиа постепенно укреплялись. Они фактически контролировали ситуацию в г. Зугдиди, куда в августе начали прибывать не только вооружённые гвардейцы, но и представители политической элиты во главе с первым заместителем Верховного Совета Республики Грузия Н. Бурчуладзе. Шла оперативная подготовка к военной операции по захвату городов и районных центров западной Грузии.

В этой напряжённой ситуации политическое руководство Грузии выступило с инициативой всеобщего примирения, которое должно было состояться 28 августа в день Успения Пресвятой Богородицы в Кутаиси, у храма Баграта. В этот день, с участием католикоса-патриарха всея Грузии Ильи II действительно была организована многотысячная акция примирения. В ней приняли участие представители различных политических сил со всех уголков страны. В Кутаиси прибыла и делегация из Абхазии во главе с первым заместителем председателя Совета Министров автономной республики Л. В. Маршания. Однако из этого ничего не вышло, так как утром 28 августа верные З. Гамсахурдиа военные формирования Национальной Гвардии внезапно выступили из Зугдиди и без всякого сопротивления заняли Хоби и Сенаки. С этого времени всё внимание руководства Грузии было переключено именно на подавление мятежа и стабилизации обстановки в Мегрелии.

Тем временем, общая обстановка в Абхазии внешне вроде бы оставалась спокойной. Стороны, за редким исключением, в целом, соблюдали перемирие. Более того, в окрестностях села Линдава (Сухумский р-н), на линии фронта, даже был сыгран футбольный матч между бойцами противоборствующих сторон. В Сухуми полным ходом шла подготовка к началу нового учебного года. Сегодня многие упрекают тогдашнее руководство Грузии из-за того, что оно разрешило начать учебные занятия в школах и вузах Сухуми 1 сентября. Однако со всей ответственностью следует заявить, что в этом

меньше всего была вина политического руководства страны и решение о целесообразности возобновления учебного процесса принималось исключительно в Сухуми. На этом настаивали, прежде всего, представители местной общественности (в том числе и автор этих строк). Кстати, сам Ж. Шартава, проявляя осторожность, долгое время воздерживался от принятия решения о начале учебного года.

1 сентября 1993г. в Сухуми действительно начались занятия в общеобразовательных школах и вузах. Это имело большое политическое значение. Оно поднимало моральный дух грузинского населения и показывало всему миру, что оно настроено миролюбиво и без всякой паники возвращается к мирной жизни, призывая тем самым абхазских собратьев последовать их примеру. Однако, к сожалению, надежды тех людей, которые верили в необратимость мирного процесса, начатого 27 июля и поэтому настаивавших на возобновление учёбы, не оправдались. Абхазские сепаратисты и их российский покровители думали совершенно иначе.

14 сентября разразился острый политический кризис в Тбилиси, который был вызван противостоянием между Джабой Иоселиани и Тенгизом Китовани с одной стороны и Э. Шеварднадзе с другой. Глава государства настаивал на уход с политической арены этих одиозных фигур. Парламентское большинство поддержало Э. Шеварднадзе. Несмотря на это Глава государства прибег к крайней мере – он заявил о своём уходе в отставку. Этот ход Э. Шеварднадзе вызвал большой переполох в Парламенте и обществе. Перед зданием ИМЛ-а (Института Марксизма-Ленинизма), где размещался в то время верховный законодательный орган страны, состоялась многотысячная акция, участники которой потребовали от Э. Шеварднадзе отказать от опрометчивого шага. Об этом попросил его и глава грузинской православной церкви Католикос-Патриарх всея Грузии Илья II. Э. Шеварднадзе пошёл навстречу и взял своё заявление обратно.

Этим кризис вроде бы был исчерпан, однако политическая ситуация в стране, в целом, оставалась весьма взрывоопасной. 15 сентября вновь перешли в наступление верные З. Гамсахурдиа гвардейцы, которые вступили в Гурию, а 16 сентября абхазская сторона, грубо нарушив Сочинское соглашение «О прекращении огня...», возобновила бомбардировку г. Сухуми. Одновременно сепаратисты осуществили успешный бросок на т.н. «Восточном фронте» и взяли под контроль авто и железнодорожные магистрали в районе Адзюбжа-Цагера. В результате этого Сухуми и Гульрипшский р-н фактически оказались в кольце. Противник перешёл в наступление и на Гумистинском направлении.

При поддержке российских спецназовцев и конфедератов, используя артиллерию и авиацию, сепаратисты атаковали сёла Сухумского р-на: Тависуплеба, Одиши, Ачадара. В отсутствие артиллерии и тяжёлой техники, которые согласно условиям Сочинского Соглашения были вывезены из зоны конфликта, бойцы грузинской армии оказали героическое сопротивление превосходящим силам неприятеля и сумели на время приостановить дальнейшее продвижение противника.

Сопротивлением грузинских войск явно были обескуражены Российские военные структуры, в том числе Генеральный штаб Министерства Обороны Российской Федерации, где и разрабатывался план захвата Сухуми. Непосредственную причастность главного военного ведомства России к авантюре сепаратистов фактически признал не кто иной, как сам начальник генштаба ген. М. П. Колесников, лично заявивший в Госдуме России ещё 17 сентября о неминуемом падении г. Сухуми в ближайшие сутки. В этой критической ситуации в Сухуми вылетел глава государства Э. Шеварднадзе. 17 сентября в Адлере состоялась конфиденциальная встреча руководителя Грузии и министра обороны Российской Федерации генерала Армии Павла Грачёва, который в качестве единственного выхода из создавшегося положения предложил ввод двух российских дивизии в Сухуми. Эти дивизии, по разъяснению П. Грачёва, должны были развести воюющие стороны и установить мир в Абхазии. Данное предложение российского министра было отвергнуто грузинской стороной.

Начиная с того времени по сей день не прекращаются споры по вопросу, насколько было оправдано это решение грузинского руководства. Неоднократно высказывал своё мнение по данному вопросу сам Э. Шеварднадзе. В своих комментариях он постоянно апеллировал тем, что против ввода российских регулярных частей на территорию Грузии категорически выступили министр обороны Г. Каркарашвили и руководитель информационно-разведывательной службы И. Батиашвили. Да и сам Э. Шеварднадзе признаёт, что ввод российских войск означал бы оккупацию Абхазии Россией. Может быть, на первый взгляд, это, действительно означало бы оккупацию части государства, а идти на подобный непопулярный шаг в ситуации, когда оппозиция перешла на тотальное наступление и грозила свержением существующей власти, для Э. Шеварднадзе было слишком рискованно.

Вместе с тем, была и другая мотивация. Всё ещё была надежда, что в критический момент оппозиция откажется (хотя бы временно) от своей борьбы за власть и повернёт оружие против сепара-

тистов и их покровителей. Справедливости ради следует отметить, что, поначалу, переговоры с оппозицией в этом направлении были вполне обнадеживающими. Более того, верные З. Гамсахурдиа подразделения Национальной Гвардии вступили в Абхазию и направились в сторону Очамчире-Киндги. В этой ситуации, казалось, что Э. Шеварднадзе и его окружение действовали вполне логично, когда отклоняли предложение П. Грачёва о вводе двух российских дивизий в Абхазию. Были все основания предположить, что объединённые грузинские силы не только сумеют остановить продвижение противника, но сами перейдут в наступление, освободят Гудауту и Гагру, и нанесут окончательный удар по сепаратизму.

18 сентября Э. Шеварднадзе из осаждённого Сухуми распространил *«Обращение ко всем друзьям моей Родины»*, в котором прямо обвинил высшие военные чины и определенные политические круги России в развязывании кровопролития. Лидер Грузии призвал мировое сообщество осознать, что «Абхазия – это поле боя кровавого реванша империи, «второй август», та пороховая бочка, посредством которой хотят взорвать... Грузию».⁴⁴

Однако призыв Э. Шеварднадзе так и остался «гласом вопиющего в пустыне». Ни к чему не привело и возобновление (19 сентября) работы Временной Комиссии по урегулированию положения в Абхазии в Адлере. Из-за деструктивной позиции абхазской стороны руководитель грузинской делегации Ж. Шартава был вынужден прервать переговоры. В этой ситуации Российское правительство, вроде бы приняло превентивную меру, издав специальное распоряжение *«О мерах в связи с нарушением абхазской стороной Сочинского Соглашения от 27 июля 1993 года о прекращении огня»*. В распоряжении председателя Российского правительства В. С. Черномырдина отмечалось, что «если абхазская сторона и впредь не будет соблюдать условия Сочинского соглашения, применить к ней предусмотренные международным правом меры, в частности, прекратить энергоснабжение Абхазии с территории России».⁴⁵ Но всё это ровным счётом ничего не изменило, и сепаратисты и их пособники успешно продолжали наступление на Сухуми.

Грузинские формирования, в отсутствие тяжёлой техники и артиллерии, вывезенных из зоны конфликта по условиям Соглашения *«О прекращении огня...»* от 27 июля 1993г., отчаянно отбивали наступление неприятеля и как могли, пытались не пропустить его к Сухуми. В городе чувствовалась некоторая паника, хотя население, в ожидании подмоги со стороны Очамчире, всё же сохраняло надежду. Основания для определённого оптимизма в этом плане дейст-

вительно были, так как в районе Очамчире было сосредоточено достаточно большое число вооружённых формирований (в общей сложности около 5 тысяч бойцов и до 60 единиц боевой техники). Это были как правительственные войска, так и верные свергнутому президенту З. Гамсахурдиа подразделения Национальной Гвардии. Одновременно постоянно доносились сообщения о том, что войска вот-вот преодолеют сопротивление сепаратистов в районе Кодори и беспрепятственно вступят в Сухуми. Однако, к сожалению, этим прогнозам не суждено было сбыться.

24 сентября из Грозного в Грузию неожиданно возвратился изгнанный президент З. Гамсахурдиа. Выступая перед многотысячной аудиторией собравшейся на митинге в г. Зугдиди, он торжественно объявил о принятии им полномочий Верховного главнокомандующего и направился в район Очамчире, где встретился как с командирами правительственных войск, так и с верными ему гвардейцами. Складывалось впечатление, что внутригрузинские противоречия будут отодвинуты на задний план и грузинские вооружённые формирования единым фронтом выступят в сторону Сухуми. Однако, в последний момент, верные З. Гамсахурдиа подразделения отказались идти в бой вместе с правительственными войсками, которые, со своей стороны, не сумели прорвать оборону сепаратистов и их пособников на левом берегу р. Кодори.

Тем временем сепаратисты успешно продвигались в Гумистинском направлении. Ещё вечером, 23 сентября, они переправились через Гумисту и заняли село Ачадара. Так началась операция по взятию Сухуми. 25 сентября противник уже полностью взял под свой контроль улицу Эшба и её окрестности до центрального железнодорожного вокзала. Дальше других продержались подразделения, оборонявшие село Гумиста. Вплоть до утра 27 сентября грузинская сторона контролировала Бзыбское шоссе и II микрорайон «Нового Района». Но уже утром 27 сентября наёмные боевики сепаратистов заняли весь «Новый Район» и атаковали центр города. Ожесточённые бои развернулись у здания Совета Министров, где размещался Совет Оборона во главе с Жиули Шартава. В это время Глава Государства Э. Шеварднадзе и его ближайшее окружение находились на окраине города (в Синопи), где был размещён штаб II армейского корпуса Министерства Оборона Республики Грузия. Все попытки направить подмогу осаждённому в здании Совета Министров оказались тщетными и к полудню сепаратисты штурмом взяли здание. В плен были взяты Ж. Шартава и его однополчане, в том числе члены Совета Оборона, мэр города Сухуми Г. Габескирия,

министр промышленности автономной республики Рауль Эшба, руководитель аппарата Совета Министров Дж. Беташвили, помощник председателя Совета Министров В. Гегелашвили и другие. По дороге в Гудаута они были зверски расстреляны. Чудом удалось спасти лишь известному журналисту, главному редактору русскоязычной газеты «Демократическая Абхазия» Юрию Гавва, которого поместили в Гудаутскую тюрьму, откуда впоследствии был освобождён в результате вмешательства российских журналистов и широкой общественности.

27 сентября грузинские формирования, а также мирное население спешно покинули г. Сухуми и начали отступать по двум направлениям. Небольшая часть мирного населения была эвакуирована из Гульрипши на российских кораблях. Несколько же десятков тысяч человек, среди них старики и дети направились в сторону Кодорского Ущелья. Многие не выдержали эту голгофу и навсегда остались в горах Сванетии. Число погибших при переходе через Чуберский перевал достигло 400 человек. В основном это были дети, женщины и старики.

28 сентября ранним утром из Бабушерского аэропорта взлетел самолёт, на борту которого находился Глава государства Республики Грузия Э. Шеварднадзе. Вместе с ним вылетели вице-премьер правительства Ал. Кавсадзе, руководитель информационно-разведывательной службы И. Батиашвили, мер г. Тбилиси К. Габашвили, заместитель министра здравоохранения А. Джорбенадзе, ген. Ш. Квираия и др. По взлетевшему самолёту был открыт огонь, но он уцелел. В тот же день, после промежуточной посадки в Батуми, самолёт главы государства благополучно приземлился в Тбилиси.

28-30 сентября абхазские сепаратисты и их союзники продолжили наступление и заняли Гульрипшский р-н, Очамчире и Гали. Грузинские военные формирования, как правительственные, так и верные З. Гамсахурдиа батальоны, не оказав никакого сопротивления, покинули Абхазию. Вместе с ними было вынуждено бежать и мирное грузинское население Очамчирского и Гальского районов.

Так трагически для Грузии завершилась т.н. «Абхазская война», длившаяся чуть больше 13 месяцев. С этого времени, по сей день, юрисдикция грузинского государства на территории Абхазии не распространяется, и Абхазия считается непризнанной республикой.

Война обернулась большим горем для всей Грузии. Жертвой военного противостояния стали 10 тысяч человек, большую часть которых представляло мирное население. Более 300 тысяч человек (в основном этнические грузины) были вынуждены покинуть род-

ные места и в собственной же родине превратились в беженцев. Что же касается тех грузин, которые предпочли остаться, или не смогли вовремя покинуть Абхазию, то они стали жертвами геноцида устроенного сепаратистами. Т.н. «миротворческая операция», осуществлявшаяся регулярными частями Российской Федерации с мая 1994г., превратилась в фикцию. С первых же дней основной миссией российских «миротворцев» было не обеспечение безопасности в зоне конфликта и создание условий для возвращения беженцев, а охрана «государственной границы» Абхазии с Грузией. Это при их попустительстве с 1994г. по сей день, только в Гальском р-не сепаратистскими бандформированиями было убито около 1500 мирных жителей.

Вместе с тем, «победа» в т.н. «отечественной войне» не принесло каких-либо ощутимых результатов и «победителям». От «военного триумфа» 27 сентября 1993г. практически ничего не осталось. Совершенно очевидно, что иллюзии относительно обретения национально-государственной независимости и статуса субъекта международного права так и остались иллюзиями. В этом отношении ровным счётом ничего не меняет «дипломатический фарс» Кремля – т.н. «признание» независимости Абхазии и «Южной Осетии» со стороны Российской Федерации, последовавшее за открытой военной агрессией и оккупацией части территории Грузии в августе 2008г.

Наоборот, теперь уже всему миру стало ясно, кто инспирировал сепаратистские мятежи в Грузии в 1992-1993гг. и кто был настоящим организатором и вдохновителем своего рода «крестового» похода против единой грузинской государственности в начале 90-х годов XX-го столетия. И если даже абхазским сепаратистам всё это время кто-то может быть ещё сочувствовал, то сегодня, после очередного разгула российской военщины в Грузии, т.н. «независимая Абхазия» вместе со своим грозным покровителем оказалась в куда большей международной изоляции. Теперь уже всем стала очевидной главная «историческая миссия» борцов за «независимую» Абхазию и «Южную Осетию». Ведь наивно думать, что за пресловутым «признанием независимости» действительно последуют реальные шаги для становления и укрепления новых «независимых государств». Это очередной имперский блеф, которым, с подачи своих хозяев, всё ещё питают наивных соотечественников новоявленные вожди абхазского и осетинского народов. На самом же деле, только люди с большим воображением могут поверить, что в Москве кто-нибудь когда-нибудь допустит существование независимой Абхазии, не говоря уже о комической «Южной Осетии».

ТАК НЕ ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

*Некоторые замечания по поводу т.н. «учебника» «Истории Абхазии» О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба**

В 2006г. в Сухуми вышла книга: *«История Абхазии»*. С древнейших времён до наших дней. Её авторами являются О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба. По решению Министерства образования сепаратистской Абхазии данному изданию присвоен статус учебника 10-11 классов общеобразовательных учебных учреждений. Позже, в 2007 году фактически та же самая книга была переиздана уже для более обширной аудитории.

Оба автора хорошо известны в научных кругах. Олег Бгажба – один из ведущих абхазских археологов, доктор исторических наук, профессор Абхазского государственного университета, исследует археологические памятники Абхазии древнего и средневекового периодов. Станислав Лакоба – кандидат исторических наук, один из компетентных абхазских историков, в основном занимается изучением истории Абхазии XIX-XXвв. Он вдохновитель и главный редактор учебного пособия по *«Истории Абхазии»*, изданного в 1991г. (среди авторов данной книги был и О. Х. Бгажба). Вместе с тем, С. Лакоба является известным политическим деятелем – до недавних пор занимал пост секретаря совбеза сепаратистского правительства.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении т.н. «школьного учебника» *«Истории Абхазии»*, это безудержное стремление авторов, во что бы то ни стало, вырвать Абхазию и абхазов из общегрузинского этнокультурного и политико-государственного мира и историческое прошлое нынешней Абхазии представить в полном отрыве от общегрузинской истории. Кого только не обнаружит читатель в изложенной О. Бгажба и С. Лакоба *«Истории Абхазии»*:

* Опубликовано (с соответствующим научным аппаратом) в журн.: *«Кавказ и мир»*, №8, 2010, с. 69-90. Электрон. версию см.: <http://iberiana.wordpress.com/afxazeti/papaskiri-recenzia-ru/>. Несколько сокращённый вариант данного отзыва был опубликован и на грузинском языке в газете *«Сакартвелос республика»* (См.: **З. Папаскири**. Лживая история. Об учебнике *«Истории Абхазии»* Олега Бгажба и Станислава Лакоба. – Газ.: *«Сакартвелос республика»* 24, 25, 28, 29 апреля 2009. Электрон. версию см.: <http://iberiana.wordpress.com/afxazeti/papaskiri-recenzia/>).

протохетты, древние греки, римляне, византийцы, готы, армяне, хазары, аланы-осетины, турки и, конечно же, русские. Только для Грузии и Грузии не нашлось место в этой «истории». Единственный период, который не смогли обойти в этом отношении авторы «учебника» – это XI – первая пол. XIII в., когда, по их утверждению, существовало единое абхазо-грузинское государство – т.н. «Царство абхазов и картлийцев».

Весьма односторонними и субъективными представляются суждения О. Бгажба и С. Лакоба об этногенезе абхазов. Отмечая генетическое родство абхазо-адыгской группы языков только с нахо (вайнахо)-дагестанскими языками, которые по их утверждению составляют кавказскую семью языков, они хранят полное молчание о том, что в науке (в том числе среди ведущих абхазских лингвистов) до последнего времени почти не вызывало сомнения генетическое родство вышеназванных языковых групп с картвельскими языками и, что самое главное, эта семья языков в лингвистической науке вообще носит название «Иберо-кавказской». Правда, в последнее время некоторые исследователи, в том числе весьма авторитетные (Г. И. Мачавариани, Т. В. Гамкрелидзе, С. Н. Николаев и С. А. Старостин, Х. Фенрих и др.), отрицают генетическое родство картвельских языков с северокавказскими языками, однако современное состояние изучённости данной проблемы пока никак не даёт повода одним махом отказаться от традиционного взгляда. Складывается впечатление, что авторы просто избегают лишнее упоминание понятия «иберо-кавказская семья языков» и этим самым стремятся даже гипотетически не допустить какую-либо близость абхазов с грузинами.

Не менее тенденциозно и в научном отношении весьма неубедительно выглядит использование т.н. «майкопской» и «эшерской» «надписей» для доказательства наличия этнокультурных связей древнейшего населения Западного Кавказа с народами Малой и Передней Азии, с древневосточными цивилизациями в целом. В этой связи, особенно не выдерживает критики очередное тиражирование сенсационных «открытий» русского филолога Г. Турчанинова, который, как известно, в своё время (ещё в 60-х годах прошлого столетия) на основе собственного «прочтения» «надписи» т.н. «Майкопской плиты» на современном (!) абхазском языке, признал эту «надпись» древнейшим памятником алфавитного письма в мировой цивилизации вообще (тогда Г. Турчанинов датировал её XIII в. до н.э., однако, позже – 80-х годах – он пошёл ещё дальше и как минимум на одно тысячелетие удревнил создание древнеабхазской письменности). В этой связи, считаем нужным напомнить читателю, что наиболее

компетентные знатоки Кавказа и древневосточных цивилизаций, в том числе и крупнейшие русские (И. М. Дьяконов, Е. И. Крупнов, Л. И. Лавров и др.) и грузинские (Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе, Н. Ю. Ломоури и др.) учёные подвергли основательной критике эти «новации» Г. Турчанинова, воочию показали всю абсурдность его «теории» и объявили её плодом фантазии автора.

Что же касается определения этнической принадлежности племён, населяющих Северо-Западную Колхиду в I тыс. до н.э., авторы «учебника» и здесь стараются стереть следы проживания картвельских племён на территории современной Абхазии, при этом они особенно не утруждают себя привлечением какой-либо научной аргументации. Вместе с тем, в науке (М. П. Инадзе) давным-давно известно, что древнегреческие письменные источники (а они единственные) однозначно подтверждают проживание **колов** «на нижних склонах Кавказского хребта» и **кораксов**, населяющих «места к западу от них» («*Землеописание*» Гекатея Милетского – VI в. до н.э.), названных в словаре «*Этника*» Стефана Византийского (VI в. до н.э.) «**Колхским племенем**». В «*Перипле*» же Псевдо-Скилака Кариандского (IV в. до н.э.) имеется прямое свидетельство о том, что территорию «к югу от кораксов и колов **от Диоскурии** (ныне г. Сухуми) **до р. Апсароса** (р. Чорохи) **в раннеантичную эпоху занимали... колхи**».

Исходя из этих данных, исследователи (М. П. Инадзе, Д. Л. Мухелишвили и др.) не сомневаются, что в I тысячелетии территорию современной Абхазии, как предгорные регионы, так и прибрежную полосу, явно населяли племена западно-картвельского происхождения – колы, кораксы, колхи. Если даже оспорить картвельское происхождение колов и кораксов, **как можно обойтись с колхами, которые даже самими О. Бгажба и С. Лакоба признаны «древнекартвельскими племенами»** (с. 63) и которые, как уже было отмечено, по весьма достоверному указанию вышеназванного Псевдо-Скилака Кариандского, занимали территорию к югу «от Диоскурии... до р. Апсароса (р. Чорохи)».

Гениохи авторами «учебника» однозначно объявлены абхазскими племенами, которые в I тыс. до н.э. якобы занимали, ни больше, ни меньше, «**почти всё Западное Закавказье и прилегающие области**» (с. 63, курсив наш – З.П.). Здесь не может не возникнуть совершенно естественный вопрос. Если «**всё Западное Закавказье**» было населено «абхазо-гениохами», то **почему древние греки данный регион называли «Колхидой»** а не, допустим, «Гениохийей»? В «учебнике» также безоговорочно объявлены абхазскими племенами и «саниги» (с. 95). Данная точка зрения (кстати, она берёт начало от

З. В. Анчабадзе, затем её отстаивал Ш. Д. Инал-ипа, а ныне этого взгляда придерживается и Г. З. Анчабадзе) явно надумана и не выдерживает критики.

подавляющее большинство учёных непосредственно занимающихся данной проблематикой (И. А. Орбели, Н. Я. Марр, С. Н. Джанашия, П. И. Ингороква, Г. А. Меликишвили, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури, Д. Л. Мухелишвили, Т. Ш. Мибчуани, Г. А. Гасвиани и др.), санигов причисляет к картвельскому (мегрело-чанскому, сванскому) этническому миру. О картвельском происхождении санигов однозначно свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) В этнониме «саниги», как совершенно обоснованно подчеркнуто в науке (Н. Ю. Ломоури), легко выделяется корень «сани» – греческая форма этнонима «чани» („ჯანბო“), мегрело-чанское происхождение которого не подлежит никакому сомнению; 2) Древнейшее грузинское название Диоскурии – Себастополиса (т.е. – современного Сухуми) – «Цхуми» на сванском языке означает «граб», а появление сванского топонима в окрестностях Сухуми-Диоскурии возможно было лишь тогда, когда в этих краях обитали именно сванские племена.

Учитывая, что после VIII века, к которому относится древнейшее упоминание в грузинской хронике «города Апшилети – Цхуми» (т.е. времени, когда Цхуми уже не принадлежал сванам, а был городом Апшилети-Апсилии), трудно найти следы пребывания сванских племён в окрестностях Сухуми, то сванское название данного места должно было возникнуть раньше VIII в. Со всей ответственностью можно утверждать, что сванское название г. Сухуми могло появиться еще до IV в. до н.э., когда, по словам известного древнегреческого географа Страбона (64 г. до н.э.-20 г. н.э.), над вершинами вокруг Сухуми-Диоскурии «господствовали сваны», и в земле которых (т.е. санигов), по почти документальному сообщению другого греческого автора Пв. н.э. Флавия Арриана, и «лежал Себастополис» (Диоскурия-Сухуми). Вместе с тем, нельзя исключить также возможность объяснения топонима «Цхуми» и при помощи мегрело-занского языка (по-мегрельски «цхимури», «тхуму» – также породы деревьев). Своего рода документальным подтверждением подобного варианта может служить известное указание другого древнегреческого географа Клавдия Птолема (II в. н.э.) о том, что у северной границы Колхиды, к северо-западу от Диоскурии, вдоль реки Коракс (по мнению учёных, р. Бзыби) жили «свано-колхи» – своего рода смешанное свано-мегрельское племя.

В «учебнике» совершенно произвольно освещается история распространения христианства в Абхазии. По утверждению О. Бгаж-

ба и С. Лакоба к сер. VIв. завершился процесс христианизации абхазов, чему, по их мнению, способствовало ослабление языкового барьера, так как, к этому времени, оказывается, «среди местного населения ... многие прекрасно изъяснялись и по-гречески», да и не исключено, что «если церковная служба проходила на греческом языке, **то проповедь могли проводить и на абхазском**» (с. 115, курсив наш – З.П.). Интересно, если абхазы так усердно приобщались к христианству в VIв., да ещё и на родном языке, как же это получилось, что на фоне политического возвышения региона завершившегося, по утверждению авторов «учебника», образованием «национального» государства – Царства «Абхазов», они не сумели перевести церковное богослужение на родной – абхазский – язык и создать национальную христианскую книжную культуру, также как это сделали, например грузины, армяне, славяне и т.д.

Или что же заставило царей «абхазов», которые почти сразу заявили о своих далеко идущих амбициях, **перевести официальное делопроизводство и церковное богослужение с греческого не на свой «родной» абхазский, а на грузинский язык?** Естественно, на этот вопрос вразумительного ответа у авторов «учебника» нет. Вернее, они и вовсе обходят его, хотя в историографии этот вопрос давным-давно решён. И, главное, не кто иной, как сам крупнейший абхазский историк Зураб Анчабадзе однозначно указал на те факторы, из-за которых именно грузинский язык стал языком государственного делопроизводства и церковного богослужения в Царстве «Абхазов». По совершенно обоснованному заключению З. В. Анчабадзе, **«всеобщее распространение» грузинского языка «в качестве основного языка письменности и культуры во всём Абхазском царстве»** было вызвано тем обстоятельством, что в этом государственном образовании именно **«картвельский элемент составлял значительное большинство населения, а также занимал бóльшую и ведущую часть... царства в территориальном отношении. Кроме того, картвельский элемент оказался более развитым в социально-экономическом и культурном отношении»**.¹ Вот эту неопровержимую истину скрывают О. Бгажба и С. Лакоба от своих соотечественников.

Формат данной публикации, конечно, не позволяет дать исчерпывающий ответ, почему созданное в конце VIIIв. «эриставом Абхазии» Леоном II-ым Царство «Абхазов» изначально было не собственно абхазо-апсуйским «национальным» государством, как это пытаются представить авторы «учебника», а таким же чисто грузинским национальным политическим образованием, каковым было к приме-

ру т.н. «Картвельское» царство Багратионов. Несмотря на это, считаем необходимым всё же сделать отдельные комментарии.

То, что Леон II – «эристав Абхазии» назвал себя «царём абхазов» («мепе апхазта»), и как в Грузии, так и за её пределами это новое государственное образование стали называть страной «царя абхазов», т.е. Царством «Абхазов» или просто «Абхазией», отнюдь не означает, что этим самым произошло существенное изменение национально-государственного облика Западной Грузии и было положено начало созданию в пределах всей Западной Грузии качественно нового, собственно абхазского национального государства, правопреемником которого якобы является нынешняя непризнанная Республика Абхазия, а не современное грузинское государство в целом.

В связи с этим, нелишне вспомнить, что в мировой истории немало примеров, когда название страны не соответствует своему содержанию. Возьмём хотя бы Болгарию. Так, общеизвестно, что название «Болгария» страна получила от основателя государства, болгарского хана Аспаруха, перебравшегося из Волжской Болгарии на Балканы. Однако, кто может сказать, что это государство было тюркским, а не славянским (*следует отметить, что этот пример – для показа грузинского национально-государственного облика Царства «Абхазов» IX-X вв. – часто приводил в своих лекциях и выступлениях сам З. В. Анчабадзе*). Или же Киевская Русь. Сейчас уж не вызывает никакого сомнения, что название «Русь» скандинавского происхождения и оно было дано стране лишь потому что основатели государства – Рюрик, Олег и т. д. были норманнами. Но даже самый ярый приверженец т.н. «Норманнской теории» не сможет отрицать, что Киевская Русь с самого начала была именно славянским государством, а не норманно-скандинавским. То же самое можно сказать и об испанском прецеденте. Разве возведение на испанский престол (в 1700г.) внука французского короля Людовика XIV-го, герцога Анжуйского (он же Филипп V) привело к замене испанского государства французским? То, что этническое происхождение правящей династии не играет решающую роль при определении национально-государственного облика страны видно и из политической практики самой Грузии. Так, известно, что после смерти первого царя Кахети-Эрети Квирикэ III-го на престол вступил (около 1039 г.), его племянник (сын сестры) – представитель ташир-дзоракетской армянской династии – Гагик, но из-за этого Кахетинское царство никак не стало армянским государством.

Также неверно, утверждение авторов «учебника» о том, что, «Царство Абхазов» – национальное государство апсуа-абхазов поя-

вилось в результате «военного покорения» правителем Абхазии всей Западной Грузии. Если бы «абхазская» династия пришла к власти в бывшем Лазско-Эгрисском царстве как иноземная сила, якобы «окупировавшая» территорию соседней страны и навязавшая местному грузинскому населению совершенно чуждую ему абхазскую государственность, то тогда, совершенно не понятно, почему средневековое грузинское общественное и политическое сознание так мирно и безболезненно восприняло этот акт «агрессии»? Ведь, достаточно самого беглого ознакомления с памятниками древнегрузинской исторической литературы, для того, чтобы однозначно убедиться в самом благожелательном отношении к представителям т.н. «абхазской» династии со стороны буквально всех средневековых грузинских писателей и летописцев, которые в той или иной мере касались деятельности царей «абхазов». Разве *«Летопись Картали»* – главный и единственный источник, в котором изложена более или менее полная история Царства «Абхазов» и которая целиком и полностью отражает грузинскую, подчеркиваю, именно **грузинскую**, а не вымышленную абхазо-апсуйскую национально-государственную конъюнктуру, могла допустить ту лесть и восхваление, на которые явно не скупится по отношению грозных «абхазских» царей, якобы «завоёвывающих» всю Грузию, патриотически настроенный грузинский летописец?

Здесь может быть только одно объяснение – **в представлении грузинской общественности цари «абхазов» были не какими-то «чужестранцами»–«завоевателями», а такими же грузинскими лидерами, каковыми являлись, например, представители династии Багратионов. Это, безусловно, одно общегрузинское культурно-политическое и государственное пространство, внутри которого, на этот раз, выдвинулась новая, «абхазская» династия. Независимо от того, кем бы ни были Леон II и его преемники в этноплеменном отношении (если даже они на самом деле являлись этническими абхазами, что, на наш взгляд, вполне вероятно), это равным счётом ничего не меняет, так как, по своей политической и государственной деятельностью династия «Леонидов» однозначно представляла общегрузинский государственный и культурно-политический мир. Цари «абхазов» строили единое грузинское государство – «Сакартвело» – «Грузия»), а не национальное государство апсуа-абхазов «Апсны».**

То, что Леон II и его преемники создавали исключительно грузинское, а не абхазо-апсуйское государство наиболее отчётливо проявилось в церковной политике царей «абхазов». Как известно, после обретения государственной независимости, «Леониды» активно ста-

ли добиваться вывода страны из идеологическо-конфессионального влияния Византийской империи и создания национальной государственной идеологии, что невозможно было без церковного разрыва с Византией. Венцом этой политики царей «абхазов» стало обретение церковного суверенитета «Абхазским» царством и учреждение т.н. «Абхазского» Католикосата. После обретения церковной независимости **цари «абхазов» развернули бурную деятельность по созданию новых церковных центров и обеспечению условий для внедрения грузинской письменной культуры и грузинской христианской книжности по всей Западной Грузии, в том числе и на территории современной Абхазии.** В этой связи, следует особо отметить, что самая ранняя грузинская надпись обнаружена не в восточных областях Западной Грузии (где-нибудь в Имерети), а именно в пределах нынешней Абхазии. Мы имеем в виду надписи на асонтаврули из церкви Мсигхуа (Гудаутский р-н), найденные абхазским исследователем А. К. Кацья, которые по мнению специалистов (В. Силогавя, Л. В. Ахаладзе) датируются IX-X вв. Этому процессу сопутствовало упразднение старых греческих епархий и основание вместо них новых грузинских епископских кафедр, о чём находим прямые свидетельства в *«Летописи Картли»*.

Именно благодаря этой, ярко выраженной, грузинской национальной политике царей «абхазов» в церковной сфере, уже в Хв. (а не в XI-XII вв.) **Западная Грузия в целом, естественно, включая и территорию современной Абхазии превратилась в страну грузинской письменной культуры и книжности.** Если бы цари «абхазов» намеревались строить абхазо-апсуйское национальное государство, то тогда они просто-напросто были обязаны позаботиться о формировании своей абхазо-апсуйской национально-государственной идеологии, что в первую очередь подразумевало создание собственной письменной традиции и книжности. Но «абхазские» цари, как видим, вовсе не ставили перед собой такую задачу и греко-византийской идеологии почему-то противопоставили грузинскую национальную идеологию, которую олицетворяла грузинская церковь.

Единственное объяснение тому, почему так поступили цари «абхазов», это то, что Леон II и его предки, не говоря уж о преемниках основателя «Абхазского» царства (несмотря на своё возможное абхазо-апсуйское этническое происхождение) давно, до воцарения Леона II-го, считали себя представителями общегрузинского государственного и культурно-политического мира. Для них грузинский язык, язык восточных грузин-картов, который лёг в основу грузинского литературного языка и грузинская христианская культура бы-

ли такими же родными, как и для остального картвельского населения Западной Грузии, в том числе для мегрело-чанов и сванов, которые, как известно, говорили (и теперь говорят) на своих языках-диалектах. И всё же, если даже гипотетически допустить наличие узкоабхазского национально-государственного менталитета в самосознании царей «абхазов» хотя бы на начальном этапе формирования «Абхазского» царства, совершенно очевидно, что далеко идущие политические амбиции безусловно вынудили бы их считаться с национально-государственными интересами подавляющего большинства населения страны и взять курс на строительство именно грузинского (а не абхазо-апсуйского) государства.

Таким образом, нравится это или нет нашим абхазским друзьям-коллегам, с полной уверенностью можно сказать, что Царство «Абхазов» – это новое западногрузинское государство, возникшее на развалинах Лазско-Эгрисского царства. Оно является своего рода правопреемником древне-колхидского и лазско-эгрисского государств. **Более того, образование «Абхазского» царства качественно новый этап в истории грузинской государственности. В отличие от Лазики-Эгриси (не говоря уже о древней Колхиде), национально-государственное строительство которого явно следует считать далеко не завершённым (стоит вспомнить, что языком государственного делопроизводства и церковного богослужения в Лазике-Эгриси оставался греческий язык), «Абхазское» царство было первым, понастоящему грузинским национальным государством в Западной Грузии со своей грузинской национальной христианской идеологией и грузинским государственным языком. Всецело грузинской была и политическая направленность «Абхазского» царства. Оно неуклонно стояло на страже общегрузинских политических и государственных интересов.** Именно неустанная забота Кутаисского престола, направленная на дальнейшее расширение и упрочение «Абхазского» царства, в конечном итоге, и привела к созданию единого грузинского государства под эгидой царя «абхазов» в начале XI века.

Немало сказок встречаем мы в «учебнике» при изложении собственно истории «Абхазского» царства. Среди них следует выделить фантазии О. Бгажба и С. Лакоба относительно особой роли матери Леона II-го – дочери хазарского кагана в формировании религиозно-конфессионального облика основателя «Абхазского» царства. Они почему-то считают, что царь Леон «был менее подвержен христианству» и это объясняют влиянием матери. Или чего стоит громкое заявление о том, что «абхазы и хазары... создали в своё время

могущественные раннефеодальные государства, которые противостояли арабам и остановили их продвижение в Европу; одного этого достаточно, чтобы обеспечить этим народам прочное и достойное место на страницах всемирной истории» (с. 133).

Если даже оставим в стороне, что главными творцами наиболее нашумевшей победы одержанной над арабами (у стен Анакопийской крепости) были правители Картли Мир и Арчил (а «эристав Абхазии» Леон вовсе отсутствовал во время сражения, хотя в нём участвовало 2000-ное абхазское войско), в арабо-хазарском противостоянии за Кавказ, в целом, вряд ли следует признать победителями хазаров. Кстати, говоря о хазарах, хотим призвать наших абхазских коллег, полностью игнорирующих достижения грузинской историографии, при рассмотрении вопроса о национально-государственном облике Царства «Абхазов», считаться хотя бы с мнением видного русского востоковеда, крупнейшего знатока Кавказа, одного из наиболее компетентных исследователей истории хазар, члена-корреспондента Академии Наук СССР А. П. Новосельцева, который однозначно считал «Абхазское» царство **«западнотурецким государством, игравшим важную роль в истории Грузии»** (курсив наш – З.П.) .

Также сказочным представляется и утверждение О. Бгажба и С. Лакоба о том, что в 80-х годах IXв. «нарастает соперничество» между «Абхазским» царством (по их мнению, абхазо-апсуйским государством) и Багратидской Арменией «из-за княжества Картли» (с. 143). На самом же деле, в начале X столетия (а не в 80-х годах IXв.) вступает в новую фазу борьба за т.н. «Картлийское наследство» – реально за «Шида Картли», являвшегося доменом царей, а затем и эрисмтаваров Картли, в которую, наряду с царём «абхазов» и лидерами т.н. «Картвельского» царства, в это время активно подключилось и Армянское царство. **Именно правительницей этого региона – «Шида Картли» – а не исторической Картли-Иберии и была в 70-х годах Xв. царица Гурандухт** – дочь могущественного царя «абхазов» Гиоргия II-го (922-957), супруга «царя-царей» Гургена – сына царя «картвелов» Баграта II-го (958-994), мать первого царя объединённой Грузии Баграта III-го Багратиони. При этом абсолютно неверно утверждение авторов «учебника» о том, что царица Гурандухт **«впервые становится правительницей Картли»** (с. 147, – курсив наш – З.П.).

Нашим уважаемым коллегам, амбициозно взявшим за написанием учебника, следовало бы знать, что цари «абхазов» назначали представителей «абхазского» царского дома – наследников Кутаисского престола – правителями «Шида Картли» как минимум за 100

лет назад до появления царицы Гурандухт на политической авансцене Шида Картли, ещё с 60-х годов IX в. Наиболее известными среди них были родные братья Гурандухт, царевици Константин (*которого, кстати, картлийские азнауры уговорили выйти из подчинения Кутаисского престола и объявить себя суверенным правителем, за что отец – царь «абхазов» Гиорги II – «покарал его немилосердно: вначале выжгли глаза, затем оскопили, и он умер»*²) и Леон.

Авторы «учебника» проявляют полную наивность, когда царицу Гурандухт (явно принимая к сердцу её материнские чувства) объявляют чуть ли не главным творцом создания единого «Царства абхазов и картлийцев», активной сподвижницей централизаторской политики своего сына. На самом же деле, как бы парадоксально это не выглядело, доподлинно известно, что царица Гурандухт была креатурой картлийских азнауров – традиционных противников установления власти царей «абхазов» в Шида Картли (впрочем их не устраивала любая власть «извне» и они добивались создания собственной государственной структуры во главе марионеточного правителя). Именно поэтому Баграт III, после подавления (в начале 80-х годов X в.) очередного «антиабхазского» мятежа картлийских азнауров, отобрал данный регион у своей матери, которая по почти документальному указанию одной армянской надписи из Атенского храма,³ и возглавляла сепаратистское выступление картлийских азнауров против своего «родного» Кутаисского престола. Более того, царь Баграт счёл необходимым вообще удалить свою мать из Картли и забрал её к себе. Этот вопрос давно решён в историографии (З. Н. Алексидзе,⁴ З. В. Папаскири⁵ и др.) и приходится сожалеть, что об этом наши абхазские коллеги в полном неведении.

Не менее искажена в «учебнике» и история XI-XIII вв. В частности, авторы дают ложную информацию о том, что якобы в Абхазии, в период царствования третьего царя объединённой Грузии Баграта IV-го (1027-1072) имели место сепаратистские выступления (с. 161). Со всей категоричностью можно утверждать, что в источниках нет и намёка о каких-либо сепаратистских настроениях абхазских феодалов, якобы недовольных упразднением «Абхазского» царства, как это полагал Ш. Д. Инал-ипа. Во-первых, в 978 г. никакого упразднения Царства «Абхазов» не произошло (не говоря уж о том, что данное царство, с самого начала его возникновения, было не «национальным» государством собственно этнических абхазов, а западногрузинским политическим образованием), поэтому сама постановка вопроса в этой плоскости в корне неправильна. Во-вторых, **буквально все антиправительственные выступления, имевшие место в XI-XIII вв.,**

как на Востоке, так и на Западе Грузии, ставили целью не обособление той или иной области от грузинского государства, а смещение того или иного монарха и возведение на царский престол претендента, отвечающего интересам мятежников. Как совершенно справедливо отмечал академик Н. А. Бердзенишвили, в своей борьбе феодальная оппозиция в указанный период главной целью ставила упрочение своих позиций при царском дворе и, как правило, добивалась всего лишь изменения политического курса в конкретном направлении.

Так было, в частности, во время выступления сторонников царевича Деметре против своего сводного брата – царя Баграта IV-го. Описывая эти события, автор *«Матиане Картлиса»* отмечает, что некоторые азнауры поддерживали укрепившегося в Анакопийской крепости мятежного царевича, но при этом нет никакого намёка на то, что это было сепаратистское выступление абхазских (этнически) феодалов, как это допускал З. В. Анчабадзе. Совершенно очевидно, что сторонники царевича Деметре добивались не отделения какой-либо области от грузинского государства, а воцарения своего претендента в Кутаиси, т.е. мы здесь имеем дело с попыткой государственного переворота, в котором необязательно участие одних абхазских (этнически) азнауров.

Более того, как показали дальнейшие события, царевича Деметре в борьбе против своего венценосного брата поддерживала феодальная оппозиция в основном из Восточной и Южной Грузии (Месхети), в то время как царь Баграт полностью контролировал ситуацию в Западной Грузии, в том числе и на территории современной Абхазии, за исключением, конечно, Анакопийской крепости, которую ещё в начале 30х годов XIV в. передал Византийской империи сбежавший в Константинополь мятежный царевич. Если учесть также, что в 40-х годах XIV в. освобождение Анакопийской крепости Баграт IV поручил абхазскому войску во главе с Куабулели Чачасдзе Отаго, по всей вероятности, руководителю Абхазского эриставства, которого отдельные исследователи (Ш. Д. Инал-ипа) считают чуть ли не родоначальником абхазского княжеского рода Шарвашидзе, то утверждения о каких-либо сепаратистских настроениях абхазов в данное время абсолютно несостоятельны.

В «учебнике» встречаем ещё одну устаревшую сказку, которую фактически никто (за исключением сепаратистски настроенных абхазских историков и политиков) не воспринимает всерьёз. Эта пресловутая тема об «Обезах». Как известно, именно этим термином («Обези») древнерусские летописи и другие памятники письменности

обозначали единое грузинское государство XI-XII вв. В историографии, в том числе в трудах ведущих русских и украинских учёных: акад. М. Н. Тихомирова⁶ и члена-корреспондента Национальной академии наук Украины М. Ф. Котляра,⁷ совершенно чётко и аргументировано показана вся несостоятельность и абсурдность попыток, интерпретировать «Обези», «обежанин» древнерусских источников, как «Абхазия» и «абхазы» в современном их понимании (в этом плане в последнее время особенно преуспел А. Л. Папаскири, чьи «домыслы» по данному вопросу, в своё время – в начале 1984 г. – были подвергнуты – разгромной критике со стороны З. В. Анчабадзе). Сегодня уже со всей категоричностью можно утверждать, что буквально во всех известных науке сообщениях древнерусских письменных памятников, упоминающих «Обези», речь идет об «Абхазии» в широком значении, т.е. об едином грузинском государстве и его населении. Так что, утверждения наших абхазских коллег о том, что в сообщении древнерусской летописи о женитьбе Киевского великого князя Изяслава Мстиславича на царской дочери «из Обез», якобы подразумевается некая княжна «абасинская» (т.е. абхазо-абазинка – **З.П.**) и что «Обезы» (абхазы-абазины) ... вместе с греческими мастерами участвовали в оформлении знаменитой Софии Киевской» (с. 171), мягко говоря, весьма далеки от истины.

Очередная сказка, которая преподносится авторами «учебника» читателю, это утверждение о том, что в эпоху царицы Тамар имело место объединение Цхумского и Бедийского эриставств, что, по их мнению, якобы было обусловлено этно-племенной однородностью населения этих эриставств (с.150). В этом случае мы имеем дело с искажённой интерпретацией устаревшего взгляда З. В. Анчабадзе. По мнению маститого учёного, в период правления царицы Тамар произошло слияние Цхумского и **Абхазского** (а не **Бедийского** как это ошибочно пишут О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба) эриставств, что, согласно З. В. Анчабадзе, было вызвано тем, что территорию этих эриставств населяли однородные абхазо-апсуйские племена.

Данная точка зрения была основана на некритическом осмыслении одного сообщения из *«Истории и восхвалении венценосцев»* – сочинения т.н. Первого историка царицы Тамар. Однако, в настоящее время, в результате более обстоятельного текстологического изучения данных летописцев Тамар, учёные (Г. Цкитишвили, И. П. Антелава, Д. Гоголадзе, М. А. Бахтадзе и др.), совершенно обоснованно, пришли к выводу, что никакого слияния двух эриставств – Абхазского и Цхумского – в указанный период не было. Исходя из этого, вопрос об этнической однородности вышеназванных эрис-

тавств отпадает. Сказанное, конечно, не означает, что абхазы не могли жить за пределами собственно Абхазского эриставства, в том числе и на территории Цхумского, впрочем, как и в любом другом регионе грузинского государства. Однако, тот факт, что в Царстве «Абхазов» и в эпоху Леонидов (IX-X вв.), а затем и в период правления потомков Баграта III-го, т.е. в объединённом Грузинском царстве, название «Абхазское» чётко было закреплено за конкретной областью – северной частью современной Абхазии (куда не входила территория Цхумского эриставства), явно говорит о том, что этнические абхазы в основном были сосредоточены именно в пределах данного эриставства. Если же этнические абхазы населяли и территорию Цхумского эриставства, и этот фактор предопределял административное деление страны, то тогда непонятно, почему подобное слияние двух эриставств с этнически однородным населением не произошло с самого начала, ещё в эпоху Леона II – основателя Царства «Абхазов», которому древнегрузинская историческая традиция (Вахушти Багратиони) и приписывает административное устройство страны – деление на эриставства.

Весьма тенденциозной и в научном плане абсолютно необоснованной выглядит и попытка О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба полностью оторвать средневековую материальную культуру современной Абхазии от остальной Грузии. Они особо подчёркивают влияние византийской школы (с. 200) и безапелляционно причисляют памятников христианского зодчества Абхазии к мифической «абхазо-аланской» школе (с. 137, 200). Это в то время, когда сама Алания-Осетия была насыщена памятниками именно грузинского христианского зодчества. Как известно, построение этих храмов сами осетины приписывают царице Тамар, хотя, как справедливо отмечал известный знаток древностей Алании-Осетии В. Б. Пфаф, такое количество церквей и монастырей вряд ли могло быть построено только в период царствования Тамар.⁸ **Пора, в конце концов, всем понять, что в средние века никакой собственно абхазской «национальной» христианской цивилизации, со своим абхазским «национальным» архитектурным стилем и фресковой живописи не существовало и что современная Абхазия целиком и полностью была частицей общегрузинского христианского мира, общегрузинской христианской цивилизации.**

Вот почему переписанное в 1300г. Моквское евангелие, которым хвастаются (явно считая его достоянием абхазской «национальной» культуры) авторы «учебника» (с. 197), является памятником не абхазо-апсуйской, а грузинской книжности. Вот почему

резиденция духовного пастыря всей Западной Грузии, Католикоса «Абхазии», руководителя т.н. «**Абхазского**» Католикосата – **исключительно грузинской** (а не абхазо-апсуйской, как это мерещится некоторым современным «деятелям» абхазской «национальной» церкви типа В. Аплия) **церковной организации** – **долгое время** (как минимум, до середины XVIв.) находилась в Бичвинте (Пицунда). Вот почему, несмотря на произошедший резкий возврат к первобытности (в результате нового наплыва родственных горских джико-абхазских племён, носителей первобытнообщинных устоев), вызвавший спад общего культурного уровня, Абхазия и в позднем средневековье (да и в XIXв. вплоть до упразднения владетельного княжества) по-прежнему оставалась в ареале грузинской письменной культуры и книжности, а грузинский литературный язык сохранял здесь функции языка государственного делопроизводства и церковного богослужения.

Наглядным свидетельством сказанного могут служить официальные документы и эпистолярное наследие представителей Абхазского владетельского дома Шарвашидзе: Квапу Шарвашидзе и Келеш-бея Шарвашидзе, его преемников: Гиоргия (Сафар-бея) и Мхеила Шарвашидзе. Доподлинно известно, что свои официальные и неофициальные послания они составляли исключительно на грузинском языке. Следует отметить, что даже представители царской администрации на Кавказе (во времена Мхеила Шарвашидзе – 20-60-е годы XIXв.), однозначно признавали, что «**в фамилии князей Шарвашидзе употребительный письменный язык грузинский**».

Можно совершенно однозначно утверждать также, что абхазские владетели, несмотря на то, что они действительно несколько отошли от истинно христианского образа жизни, по-прежнему относились к «Абхазским» (западно-грузинским) Католикосам как к своим духовным отцам и считали своим долгом верно служить святому престолу, кстати, находившемуся в это время не в Абхазии – в Бичвинте-Пицунде, а вдали от неё – в Гелати. Со своей стороны, и «Абхазские» Католикосы по-прежнему считали Абхазию своей паствой и проявляли заботу об упокое души её владетелей. В частности, это наглядно проявилось в 1704г., когда в связи с кончиной Квапу Шарвашидзе в его резиденцию из Гелати специально прибыл «Абхазский» Католикос Григол Лордкипанидзе, который совершив обряд отпевания, взял у семьи покойного предназначенный в таких случаях для церкви единовременный налог. Всё это конечно следовало бы отразить в «учебнике» Истории Абхазии, но разве могли утруждать себя подобными «мелочами» наши уважаемые абхазские коллеги, все-

мерно пытающиеся высветить исключительно собственно абхазскую «национальную» историю.

О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба распад единого грузинского государства и формирование Абхазского владетельного княжества датируют XIII веком, в то время как, по всеобщему признанию, распад единой грузинской монархии произошёл в конце XVв. В XIII-XVвв. нынешняя Абхазия не то что не представляла собой «независимое» княжество, но она вообще не была единой в административном отношении. Большая часть территории современной Абхазии (бывшее Цхумское и Бедийское эриставства) до Анакопии-Нового Афона в этот период входила в пределы Одишского эриставства. Доподлинно (кстати, не по грузинским, а иноязычным письменным источникам) известно, что Цхуми в XIII-XVвв. по всем параметрам был грузинским городом, где большинство населения по документальному указанию Пьетро Геральди «католического епископа Нижней Иберии» (местом пребывания которого и был Цхуми-Себастополис) составляли грузины. Там была резиденция правителя (мтавари) Одиши-Мегрелии, где он чеканил монету. Собственно абхазские племена проживали, главным образом, в Абхазском эриставстве, южная граница которого проходила в районе Анакопии. Данное эриставство, во главе которого стоял древнейший род Шарвашидзе, также являлось органической частью общегрузинского государственного организма. На протяжении почти всего этого периода (XIII-XVвв.) представители рода Шарвашидзе сохраняли преданность центральной власти Грузии. Более того, в отдельных случаях, они проявляли большую, нежели другие западногрузинские лидеры, лояльность к тбилисскому престолу и нередко становились её главной опорой в Западной Грузии.

Весьма тенденциозно освещена и история XIX столетия. Авторы «учебника» совершенно необоснованно сомневаются (это видимо заслуга С. З. Лакоба) в том, что гибель Келеш-бея Шарвашидзе дело рук его сына Аслан-бея Шарвашидзе, и совершенно бездоказательно объявляют эту версию «состряпанной» тогдашней правительницей Одиши-Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани. При этом они не считают с тем, что данная трагедия в Абхазском владетельском доме разыгрывалась на фоне большого геополитического противостояния между Российской империей и Оттоманской Портой. Именно жертвой этого противостояния (а не интриг вдовствующей владетельницы Одиши) и стал считавшийся до этого «истинным мусульманином» Келеш-бей Шарвашидзе, который начал постепенно отходить от прежнего проосманского политического курса. Вместе с тем, спра-

ведливости ради следует отметить, что в другом месте «учебника» (с. 220) всё же обращено внимание на российско-османское противостояние и совершенно правильно подмечена его решающая роль в трагических событиях, происходивших тогда в Абхазии.

Более того, при рассмотрении этих вопросов, к нашему удивлению (на фоне теперешней русско-абхазской «гармонии»), авторы «учебника» высказывают совершенно правильную мысль о том, что **вступление Абхазского владетельного княжества под покровительство Российской империи в 1810г. «никак нельзя назвать добровольным присоединением Абхазии к России»** и что **«Военный захват Сухум-Кале – это лишь первый шаг завоевательной политики царизма в Абхазии. Для укрепления здесь новой власти России понадобилась ещё полувекковая война с абхазским народом»** (с. 220 – курсив наш – **З.П.**). Вообще, складывается впечатление, что О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба явно сочувствуют освободительной борьбе абхазов и мусульманского населения Северного Кавказа против Российской империи, что, безусловно, следует приветствовать. Также бесспорно правы авторы «учебника», когда, оценивая политику Российской империи по отношению к Абхазии в период махаджирства, пишут, что **«Царизму нужна была Абхазия без абхазов»** (с. 240 – курсив наш – **З.П.**). Следует отметить, что подобного рода критические (главное правдивые) высказывания С. З. Лакоба по поводу имперской политики России в отношении Абхазии и абхазского народа в XIXв., в последнее время, вызывают гнев некоторых теперешних российских «ястребов» (типа К. Затулина и ему подобных), которые фарисейски «заботясь» о «светлом» будущем «братского» абхазского народа, на самом же деле планомерно превращают (это может не заметить лишь слепой) «суверенную» Абхазию в обычную российскую губернию.

В «учебнике» полностью искажена и история т.н. «Самурзаканского вопроса». Авторы всемерно стараются представить Самурзакано территорией изначального проживания абхазов. Однако до начала XVIIIв. на этой территории (междуречье р. Галидзги и Энгури) никаких следов расселения абхазских племён не обнаружено. Абхазы появились в этом крае лишь после того, как представители боковой ветви Абхазского владетельского дома Шарвашидзе перешли р. Галидзга и, захватив всю территорию до Энгури, приступили к её демографическому освоению путём заселения абхазами. Самурзакано на протяжении почти одного столетия являлось камнем преткновения между абхазским и мегрельским владетельскими домами. Несмотря на то, что эта область своё название в начале XVIIIв. получила от

Мурзакана Шарвашидзе и ею управляли потомки этого владельца, она, как правило, по-прежнему считалась владением дома Дадиани. Владетели Абхазии неоднократно пытались окончательно вывести Самурзакано из-под сюзеренитета мегрельских владетельных князей. Больше других в этом преуспел Келеш-бей Шарвашидзе, которому в начале XIX в. даже удалось занять важную крепость на левом берегу р. Энгури – Анаклию и превратить её в одну из своих резиденции.

Несмотря на это, и в данный период представители самурзаканской ветви рода Шарвашидзе больше ориентировались на дом Дадиани. В частности, это было наглядно продемонстрировано в 1805 году, во время торжественного утверждения Левана V-го Дадиани (русским императором) владельцем Мегрелии. Так вот, в этом церемониале (состоялся 9 июля 1805 г. в с. Бандза), наряду с представителями одишской аристократии, принимали участие **Леван и Манучар Шарвашидзе**, которые, **официально подтвердив принадлежность Самурзакано «самодержавному таваду Мегрелии Дадиани»**, также присягнули на верность российскому императору. Это означало вхождение Самурзакано, как неразрывной части Мегрельского княжества, в состав Российской империи.

Вот этот бесспорный факт и скрывают от своих соотечественников авторы «учебника» и всемерно стараются представить дело так, как будто Леван и Манучар Шарвашидзе были приняты под покровительство Российской империи как самостоятельные «державцы Самурзакани» независимо от мегрельского владельца, который, по их утверждению, был всего лишь посредником (с. 245). Также полная ложь утверждение о том, что в 1840 г. «владелец Абхазии доказал свои права на эту область (т. е. на Самурзакано – **З.П.**) и с этого времени она являлась отдельным приставством». На самом же деле, всё было иначе: в 1840 г. по решению российских властей Самурзакано было отобрано у владетельского дома Дадиани за определённое денежное вознаграждение, но оно отнюдь не было передано Мхеилену Шарвашидзе, а там была образована отдельная административная единица – приставство, с непосредственной российской администрацией, на которое распространилась юрисдикция кутаисского генерал-губернатора. Документально подтверждено, что это решение российских властей сильно задело владельца Абхазии. Более того, Мхеил Шарвашидзе, явно раздосадованный таким вероломством царских властей, в 1847 г. даже поставил вопрос перед верховной властью, чтобы ему было позволено оставить владетельский престол и поселиться в Имерети с предоставлением ему там 1500 дворов крестьян и освобождением их от правительственных податей и налогов. Однако

эта «просьба» владельца Абхазии тогда была «дипломатично» отклонена властями.

Несколько растерянными выглядят авторы «учебника» при осуждении беспрецедентного по своим масштабам антирусского восстания абхазов в 1877г. Правильно отмечая, что высадившийся в Абхазии т.н. «турецкий десант» в основном состоял «из абхазских махаджиров» (с. 256), они хранят полное молчание о масштабах протеста местного абхазского населения, о том, что Сухуми, а также и Очамчире «**сожгли дотла**» именно абхазские повстанцы (курсив наш – **З.П.**). Неверно (да и не совсем понятно) их утверждение о том, что «нетронутой (видимо от военных действий – **З.П.**) оказалась лишь территория Самурзакани, так как её прочно защищали русские войска» (с. 259). С уверенностью можно сказать, что русские тут ни причём. Дело в том, что сами самурзаканцы (в том числе и представители абхазского дворянства) не поддерживали антирусское выступление и даже побаивались появления абхазских повстанцев в их края. Об этом свидетельствует хотя бы поведение населения Бедийской общины, которое «под впечатлением первого страха перед неприятелем, начало бежать к Ингуру». Более того, самурзаканцы приняли активное участие в подавлении абхазского восстания. Особенно отличилась сотня самурзаканцев князя Бата Эмухвари. Именно эта сотня, во время одного сражения, в котором регулярными российскими частями командовал полковник Григол Шарвашидзе, настигла отряд восставших и взяла в плен известного вождя повстанцев Херипса Маршани. Именно за такую военную доблесть и заслужили они восторженную похвалу от ген. Кравченко (начальника Сухумского отдела), который в своём рапорте написал: «Самурзаканцы молодцы».

С Самурзакано и самурзаканцами связана ещё одна фальсификация, которая встречается в «учебнике». Имеются в виду т.н. «статистические данные», приводимые авторами, согласно которым якобы в 1886г. население нынешней Абхазии насчитывало 69 тыс. чел. Оказывается, из них абхазы составляли 58 963 чел. (85% всего населения), а «мегрелы, лазы и грузины» только 4 116 чел., т.е всего 6% (с. 263-264). Это своего рода продолжение фальсификаторской демагогии начатой С. З. Лакоба ещё 80-х годах прошлого столетия на страницах грузинской газеты «*Сахалхо ганатлеба*» («*Народное образование*»), которую он развивает в своих последующих публикациях.

Грузинские исследователи (в частности С. Лекишвили) давно разоблачили цифровые манипуляции С. З. Лакоба и на основании конкретных статистических данных воочию показали, как менялась численность абхазов от переписи к переписи. Так, по переписи 1886г.

собственно абхазов было 28 323 человека, а самурзаканцев – 30640, но общее число абхазов составило 58 963 человека, что было получено путём элементарного арифметического сложения вышеназванных цифр. Однако существует и другая статистика, о которой С. Лакоба умалчивает. Это материалы переписи 1883г., по которым число абхазов равняется 27 526, а самурзаканцев – 25 424. Но по переписи 1914г. абхазов было почему-то всего 42 073. Ещё больше уменьшилась эта цифра в 1917г. – 38 121, а уж в 1923г. абхазов стало вовсе 36 816 человек. Параллельно с уменьшением численности абхазов происходит рост грузинского населения. Если грузин в 1897г., когда к абхамам присовокупили самурзаканцев и получили 58 697 человек, было всего 25873 человека, то в 1923г. их стало – 71 181. Но самое интересное произошло в 1926г., когда за три года число абхазов с 26 816 человек выросло до 55 918 человек. При этом, как указывает С. Лекишвили, ни в 1897-1923гг. не было особых неблагоприятных демографических факторов (эмиграция, репрессии, эпидемии и т.п.), ни, наоборот, в 1923-1926гг. совершенно уж не было никаких объективных условий настоящего демографического бума, в результате чего, как уже было показано, якобы число абхазов за три года сразу выросло почти на 20 000 человек. Единственным объяснением этих изменений совершенно логично признано как раз причисление коренного населения Самурзакано то к абхамам (в 1886, 1897 и 1926 гг.), то к грузинам (1914, 1917, 1923 гг.). Интересно, что не кто иной, как признанный лидер абхазских большевиков Н. А. Лакоба в 1926г. официально признавал, что «абхазцев с большой натяжкой около 57-60 тысяч душ. Почему с большой натяжкой? – Спрашивал Н. Лакоба, – «Потому что несколько тысяч человек причисляют себя к абхазской народности, но язык у них не абхазский, а менгрельский».

Исходя из всего вышеизложенного, любые попытки объявления коренных жителей Самурзакано абхамами, и, на основании этого заведомо ложного аргумента, искусственное увеличение численности абхазского населения в XIXв., равно как утверждения об отсутствии коренного грузинского населения в Абхазии вплоть до махаджирства абхазов в 1877-1878гг., являются грубым искажением исторической правды и всецело направлены на разжигание антигрузинской истерии среди абхазов.

Эту же цель преследует и развиваемый в «учебнике» тезис о «массовом заселении» Абхазии грузинами в послемахаджирский период (с. 261) и «подрывной» деятельности грузинского духовенства, широко развернувших богослужение на непонятном грузинском языке (с. 264). И это на фоне полного умалчивания о русской и ар-

мянской колонизации края и открытой русификаторской политики властей всемерно добивающихся, как выразился один из высокопоставленных чинов российского полицейского режима на Кавказе, **«полного слияния абхазцев с населением империи».**

В «учебнике» О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба крайне тенденциозно освещена и история XX столетия, особенно события 1917-1921гг. Они не скрывают ненависть в отношении тех политических лидеров, которые будущее Абхазии представляли в пределах единого грузинского государства. И это понятно. Наши **уважаемые коллеги никак не могут расстаться со ставшим для них родным русско-советским коммунистическим менталитетом.** Вот почему они так восторженно пишут об «освобождении» Сухуми «от меньшевиков» и установлении там советской власти 8 апреля 1918г. (с. 293-294), забывая при этом, что **большевики отобрали** (временно) Сухуми не у меньшевиков, а у **Абхазского Народного Совета, избранного** в своё время (в ноябре 1917г.) **исключительно представителями одного абхазского населения** и олицетворявшего тогда местную власть в регионе. Вот почему они так переживают и то, что «Советская Россия в силу политических обстоятельств (договор с Германией в Бресте и др.) не имела возможности оказать **вооружённую помощь Абхазии»** (с. 294, курсив наш – **З.П.**).

Вместе с тем, авторы «учебника» скрывают от читателей и то, что **регулярные части Красной Гвардии Закавказской Федеративной Республики** (а не меньшевистской Грузии), которые положили конец очередной большевистской аванюре в Сухуми, **в Абхазию вступили не по своей инициативе, а явно по просьбе и с согласия Абхазского Народного Совета, т.е органа, избранного, как уже отмечалось, одними абхазами и пользовавшегося полным доверием именно абхазского населения.** Вместе с тем, нам не совсем понятно, по какой логике следует оправдывать, в одном случае, вооружённое вмешательство РСФСР для свержения существующей (в определённой степени легитимной, во всяком случае, в глазах абхазской общественности и самих авторов учебника) власти – Абхазского Народного Совета и почему надо признавать, в другом случае, обязательно незаконным приглашение этой же властью, в свою защиту, вооружённых формирований Закавказской Федеративной Республики.

Авторы «учебника» вводят в заблуждение своих читателей и тогда, когда пишут, что «После подавления советской власти в Абхазии меньшевики установили здесь режим военной диктатуры» (с. 295). Во-первых, никакой военной (тем более грузинской) диктатуры не было. Наоборот, **регулярные части Красной Гвардии Закавказ-**

ской Федеративной Республики, а не грузинские меньшевики, как отмечено в «учебнике» (с. 297), **восстановили власть Абхазского Народного Совета** (впрочем, это не отрицают и наши уважаемые коллеги). Также высосано из пальца и утверждение об якобы имевшем место в Абхазии массовом терроре и репрессиях (с. 296). Тот факт, что было возбуждено уголовное дело по поводу «Большевистского путча в Сухумском округе» и в государственной измене были обвинены большевистские авантюристы – агенты России, никак нельзя считать проявлением военной диктатуры. С полной уверенностью можно констатировать, что наука не располагает какими-либо конкретными фактами, свидетельствующими о жестоких, кровавых репрессиях по отношению видных абхазских большевистских деятелей. Более того, известно, что не кто иной, как сам Н. А. Лакоба Народным Советом Абхазии был назначен комиссаром в Очамчирском районе.

Авторы «учебника» также нагло врут, когда заявляют, что в т.н. «Юго-Восточный Союз» вступила вся Абхазия и якобы это было волеизъявлением всего населения региона. На самом деле, в соответствующем документе («*Союзный договор Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей*») совершенно однозначно зафиксировано, что в состав «Союза» вошёл лишь «горский народ Сухумского округа (**абхазцы**)». Также полной фальсификацией является и развиваемый в «учебнике» тезис о т.н. «грузинской оккупации». Главное, данный тезис основан не на каком-нибудь документальном подтверждении, а, ни больше, ни меньше, на демагогических заявлениях ген. А. И. Деникина (с. 323-324), того самого Деникина, главной целью которого, как известно, было восстановление «Единой и Неделимой России». Следует отметить, что в осуществлении этой «исторической миссии» бравого русского генерала, пытались внести свою «скромную» лепту и отдельные абхазские «деятели». Среди них пальма первенства, безусловно, принадлежит Александру Шарвашидзе, который, явно по указке Деникина, состряпал т.н. «Петицию» «от имени» абхазского народа, в которой была просьба «о помощи, изгнании грузин и **присоединении Сухумского округа к России**», а также предлагалась поддержка со стороны абхазов в походе (Деникина – **З.П.**) против Закавказья» (курсив наш – **З.П.**).

К счастью, подавляющее большинство абхазов тогда отмежевалось от очередной авантюры известного сепаратиста. О том, что «инициатива» самозванных «официальных представителей» абхазского народа не поддерживалась большинством населения и, прежде

всего, видными представителями абхазской интеллигенции, свидетельствует статья под названием *«Иуда Абхазии»*, опубликованная 12 июня 1919г. в Сухумской газете *«Наше Слово»*, редактором которой являлся не кто иной, как сам основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа. В этой статье в частности отмечалось: «Представитель Абхазии, являвшийся к Деникину с настойчивыми просьбами о занятии Абхазии деникинскими войсками, **предатель Абхазии** обнаружен! Это **Александр Шервашидзе**, тот самый, который в своё время старался о высадке турецкого десанта в Абхазии, это тот самый **российский «патриот», который хотел отдать туркам бывшую часть России**. Вот чьим именем оправдывал Деникин перед Европой свой разбойничий набег на Грузию и Абхазию» (курсив наш – **З.П.**).

Также лживым является и утверждение о насильственном разгоне Абхазского Народного Совета властями Грузинской Демократической Республики (с. 321-322). На самом деле, доподлинно известно, что именно по указанию командования т.н. «Добровольческой» армии (М. С. Алексеев, А. И. Деникин), отдельные члены Абхазского Народного Совета, ведомые полковником Р. Чхотуа и окружным комиссаром И. Маргания 9 октября 1918г. организовали вооружённый путч. Отряд абхазской конницы, а также вызванные из Гудауты и «абхазская сотня» ворвались в здание «Абхазского Народного Совета», где проходило заседание, и в ультимативной форме потребовали от депутатов отстранения председателя Совета В. Шарвашидзе. На должность председателя предлагалась кандидатура одного из участников заговора С. Ашхацава. Но Варламу Шарвашидзе удалось вовремя связаться с командованием правительственных войск. В результате оперативных действий начальника штаба подполковника Тухарели здание было освобождено от ворвавшихся туда вооружённых лиц, а руководители заговора: Р. Чхотуа, И. Маргания и их сподвижники из числа членов «Абхазского Народного Совета» – С. Ашхацава, Д. Алания, В. Чачба, Г. Аджамов и др. – были арестованы и помещены в Метехскую тюрьму в Тбилиси.

10 октября 1918г., по прямому проводу в Тбилиси было направлено своего рода просьба-представление, подписанное председателем Абхазского Народного Совета В. Шарвашидзе, а также членами совета: Д. Эмухвари, Я. Гогелашвили, И. Пашалиди, П. Геловани и другими, в котором предлагалось распустить Абхазский Народный Совет «временно, впредь до созыва подлинного народного представительства, созданного на началах всеобщего избирательного права». Вместе с тем, председатель Совета В. Шарвашидзе и его

сторонники требовали от грузинского правительства, чтобы т.н. «инициативная группа алексеевцев» была «решительно и надёжно изолирована», так как «пребывание их на свободе может создать для них благоприятные условия для иной авантюры, что уже будет сопряжено с большими жертвами». В сложившейся взрывоопасной ситуации, В. Шарвашидзе и поддерживавшая его группа депутатов Абхазского Народного Совета считали необходимым «немедленное назначение правительственной власти окружного комиссара, вполне солидного, который энергично должен взяться за водворение государственного правления». Ими же в качестве необходимой мерой предлагались специальные «распоряжения штабу о принятии решительных мер предотвращения могущих быть вновь разыграться Алексеевской авантюры».

Связь штаба М. С. Алексеева с авантюрой Р. Чхотуа и И. Маргания, целью которой было свержение В. Шарвашидзе и его команды, и установление в Абхазии антигрузинского, марионеточного режима, также как и факт тесного сотрудничества отдельных абхазов с «Добровольческой» армией подтверждает не кто иной, как С. Данилов, чейopus *«Трагедия абхазского народа»*, изданный в 1951г. в Мюнхене, в последнее время нередко используется нашими оппонентами в своей антигрузинской пропаганде в качестве ещё одного «идеологического аргумента». Так вот, по признанию этого автора, «немало абхазцев, офицеров и всадников, тайком ушло из Абхазии и вступило в ряды Добровольческой армии ген. Деникина». Спрашивается, как же после этого можно говорить о незаконном роспуске Абхазского Народного Совета грузинскими «оккупационными» войсками!? Так что обвинения, выдвинутые против Р. Чхотуа и его сподвижников были вполне обоснованными. Не вызывает никакого сомнения, что в то время с их стороны действительно имело место попытка государственного переворота, на что реакция властей, нравится это нашим уважаемым коллегам или нет, была совершенно естественной и легитимной.

Явная ложь и фальсификация и утверждение авторов «учебника» о том, что выборы Народного Совета Абхазии 13 февраля 1919г. были проведены с нарушением демократических норм, в условиях «грузинской оккупации», в результате чего, якобы «**Абхазы**, представляющие в основном независимцев, **составляли меньшинство** (8 депутатов)... (с. 330, – курсив наш – **З.П.**). Данный вывод, по-видимому, основывается на заведомо ложной информации представленной в т.н. *«Заявлении делегации группы 14-ти депутатов Народного Совета Абхазии на имя правительства Грузии»* от 29 сентября

1919г. Так вот, в этом «Заявлении» депутаты из фракции «Независимых социалистов» – А. Чукбар, Мих. Тарнава, М. Цагурия, Р. Какуба, Д. Алания, С. Чанба и др. – обвиняли чрезвычайного комиссара В. Чхиквишвили в том, что он якобы «блестяще выполнил свою задачу (во время выборов в Народный Совет Абхазии – **З.П.**) проведя в Совет по преимуществу представителей неабхазского населения, совершенно не связанных ни в какой области с интересами края».

В том, что это обвинение сепаратистский настроенных абхазских деятелей и их сторонников в адрес В. Чхиквишвили, впрочем, также как и утверждение о недемократичности выборов со стороны авторов «учебника», ни больше, ни меньше, полное враньё и искажение исторического прошлого грузинского и абхазского народов, однозначно можно убедиться, ознакомившись с поимённым списком депутатов Народного Совета Абхазии избранного 13 февраля. Вот как, например, выглядело **т.н. «грузинское (меньшевицкое) большинство»** в Абхазском парламенте в этническом отношении: 1) Н. Авдалбекян, 2) Н. К. Акиртава, 3) Д. Б. Базба, 4) К. С. Барциц, 5) Л. Д. Гвалия, 6) В. Г. Гурджуа, 7) Д. (Арзакан) К. Эмухвари, 8) Д. В. Захаров, 9) Г. М. Зухбаи (Зухбая), 10) М. И. Тарнава, 11) Т. К. Кварацхелия, 12) М. Кобахия, 13) Г. В. Королёв, 14) А. Г. Мартин, 15) А. И. Нодиа, 16) И. И. Рамишвили, 17) М. С. Убирия, 18) И. Н. Пашалиди, 19) Д. Шарвашидзе, 20) А. Кирия, 21) А. Цвижба, 22) П. И. Чачава, 23) А. Чукбар, 24) М. А. Цулукидзе, 25) Д. Х. Цкуа, 26) Л. М. Тумаркин, 27) М. Н. Цаава.

Т.е. из 27 депутатов не меньше 11-ти были абхазами, примерно столько же (мы говорим примерно, потому как этническую принадлежность некоторых представителей Самурзакано, к примеру, Н. Акиртава, Г. Зухбай и др., трудно определить) представляли грузин, остальные 5 же были представителями других национальностей (русские, греки, армяне и т.д.). **Помимо этого депутатами Народного Совета Абхазии стали абхазы: 1) В. Т. Анчабадзе, 2) Д. И. Алания, 3) И. Маргания, 4) М. Цагурия, 5) Р. Чхотуа, 6) В. Шарвашидзе, 7) Д. И. Гулиа.** Итак, всего **из 40 членов нового парламента Абхазии**, избранного якобы в условиях грубого давления на население со стороны т.н. «грузинского оккупационного режима», **абхазов было 18 депутатов, а грузин – 16**, представителей иных национальностей – 6. Более того, из числа депутатов-грузин как минимум двое (М. С. Убирия, Р. Какубава) впоследствии примкнули к сепаратистский настроенным депутатам из фракции «независимых социалистов». Интересно, как можно обвинить т.н. «оккупационный режим» В. Чхиквишвили в некой фальсификации выборов,

если он не сумел помешать избранию в парламент даже таких ярых противников демократической Грузии, какими являлись руководители недавнего антигосударственного путча Р. Чхотуа, И. Маргания и др., а также ставленник Алексеева и Деникина А. А. Демьянов. Как говорится, комментарии излишни.

В этой связи, нельзя не обратить внимание и на следующее обстоятельство: авторы «учебника» таких абхазов, как: В. Шарвашидзе, Д. (А.) Эмухвари, В. Т. Анчабадзе, Д. Г. Гулиа, Г. Зухбай, В. Гурджуа и других, которые активно выступали за автономное устройство Абхазии в рамках Грузинской Демократической Республики, не признают выразителями чаяний абхазского народа и вообще ставят под сомнение само их абхазское происхождение. Зато, в числе видных абхазских деятелей с гордостью произносятся такие имена как Д. Алания, Мих. Тарнава, М. Цагурия, М. Убирия и другие. Спрашивается, с каких это пор представители древнейших абхазских родов: Шарвашидзе, Анчабадзе, Эмухвари и т.д., перестали быть патриотами Абхазии, а ими стали некие Алания, Цагурия, Тарнава, Убирия и т.д., абхазское происхождение которых, по меньшей мере, может вызвать только улыбку. Вот какие «авторитеты» абхазского народа ценятся ныне в Абхазии, вот на каких аргументах строят свою фальсификацию О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба и их единомышленники.

В «учебнике», как и следовало ожидать, развита мысль о том, что т.н. «ССР Абхазия» в 1921-1931гг. представляла собой «суверенную» советскую социалистическую республику, которая согласно «союзному договору», подписанному 16 декабря 1921г. в Тбилиси, объединилась с ССР Грузии. В этот период Абхазия, – отмечают авторы, – «по своему статусу являлась не автономной, а по сути союзной республикой, имевшей статус суверенного государства», которая якобы была конституционно закреплена в принятой (в апреле 1925г.) на III съезде Советов Абхазии, «Конституции ССР Абхазии» (с. 342). К сожалению, и это утверждение является ложью и фальсификацией, которой вот уже более 30 лет питают своих наивных соотечественников идеологи абхазского сепаратизма, в числе которых почётное место, безусловно, занимает и один из авторов «учебника» С. З. Лакоба. Коснемся этого вопроса более подробно.

Начнём с того, что в последнее время грузинская историография (Л. Тоидзе, А. Ментешашвили, Дж. Гамахария и Б. Гогия, З. В. Папаскири и др.) на основании всестороннего исчерпывающего анализа соответствующих документальных материалов воочию показала всю абсурдность и необоснованность тезиса о т.н. «суверенной» ССР

Абхазии и однозначно доказала, что согласно т.н. «Союзного договора» 16 декабря 1921г. ССР Абхазия лишь формально считалась «союзной» («договорной») республикой, реально же она с самого начала была автономной республикой в составе Грузинской ССР. Приведём некоторые неопровержимые аргументы для обоснования данного вывода.

Выясняется, что ССР Абхазия отнюдь не была «независимым государством» не только после подписания т.н. «Союзного договора» 16 декабря 1921г., но даже до этого. Это однозначно видно из партийных и государственных документов того периода, в которых Абхазия, как правило, рассматривалась как автономная часть «независимой Грузии» (выражение И. В. Сталина). Так, например, 24 ноября 1921г. Кавбюро ЦК РКП(б) приняло решение, по которому Оргбюро РКП(б) в Абхазии было подчинено ЦК КП(б) Грузии. Последняя же точка над этим вопросом была поставлена 16 декабря 1921г., когда, как уже отмечалось, в Тбилиси торжественно был подписан «*Союзный договор между Социалистической Советской республикой Грузией и Социалистической Советской Республикой Абхазии*». То, что Абхазия на основе договора 16 декабря 1921г. юридически действительно стала частью Грузинской ССР это неоспоримый и общепризнанный факт, который никогда ранее не подвергался какой-либо ревизии. Наглядным свидетельством сказанного можно считать хотя бы выдержки из обобщающей работы «*История Абхазской АССР (1917-1937)*» изданной в 1983г. (автор соответствующего раздела известный абхазский учёный Баджгур Сагария): «**Вхождение Абхазии на договорных началах в состав советской Грузии**, несомненно, имело большое значение»; «**Образование ССР Абхазии и вхождение её в состав ССР Грузии на договорных началах и через нее в ЗСФСР и СССР...**» (курсив наш – **З.П.**). Однако, в последнее время, некоторые абхазские исследователи (в первую очередь, сам Б. Е. Сагария) совершенно безапелляционно стали отрицать факт вхождения Абхазии в состав Грузинской ССР и заговорили лишь об объединении Абхазии с Грузией, которое якобы зафиксировано в конституциях Грузии 1922 и 1927 годов.

Вместе с тем, следует отметить, что вхождение ССР Абхазии в состав Грузии было подтверждено во всех официальных документах съездов Советов как Абхазии, так и Грузии, а также в Конституции Грузинской ССР (1922), в которой прямо говорилось, что «**в состав Социалистической Советской Республики Грузии входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджарии, Автономная область Южной**

Осетии и **Социалистическая Советская Республика Абхазии**, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузии на основе особого союзного между этими республиками договора». В первой Конституции СССР было разъяснено, что Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) – субъект СССР состоит из трёх социалистических республик: Грузии, Армении и Азербайджана. Что же касается самой Абхазии, то она не только не была самостоятельным субъектом, образующим СССР (таковой не была даже Грузинская ССР), но вообще фигурировала среди автономных республик. Более того, согласно 15-й статье IV главы «*Союзного договора*», помещённого в Конституцию СССР 1924г., «**автономные республики Аджария и Абхазия**» (так записано в документе – **З.П.**) де-факто, вовсе были приравнены к автономным областям РСФСР, т.к. в отличие от входящих в состав РСФСР автономных республик, которые в Верховный законодательный орган Союза в Совет национальностей направляли по 5 представителей, Аджария и Абхазия могли иметь только по одному представителю, т.е. столько, сколько имели «автономные области Юго-Осетия, Нагорный Карабах и Нахичеванская...».

Абхазия в статусе автономной республики фигурировала и в Конституции СССР 1924г. В ней была подтверждена вышеприведенная статья из «*Союзного договора*» и также отмечалось, что «**Автономные республики Аджарии и Абхазии**, Юго-Осетинская, Нагорно-Карабахская и Нахичеванская автономные области посылают в Совет Национальности по одному представителю». **Об автономном статусе Абхазии в составе Грузинской ССР** свидетельствует и тот факт, что бюджет Абхазии составлял часть бюджета Грузии, а правительство и партийные органы Абхазии были подотчетными законодательным и исполнительным органам Грузии, ЦК КП Грузии. В этой связи следует отметить и то, что Абхазская организация РКП(б) на первой же своей областной конференции (7-12 января 1922г.), приняла решение об ее переименовании в **Абхазскую организацию Коммунистической партии (большевиков Грузии)** и избрала делегатов на I съезд Коммунистической партии Грузии. Чуть позже 12-18 февраля 1922г. I съезд Советов Абхазии также избрал делегатов на I съезд Советов Грузии.

Таким образом, объявление ССР Абхазии в марте 1921г., а затем и ее т.н. «объединение» с Грузинской ССР, были лишь формальными актами, на самом же деле, Абхазия, с самого начала, рассматривалась как автономная часть Грузии. Все это, конечно, не могло не волновать те силы абхазского общества, кото-

рые в свое время давали обещание сепаратистский настроенным слоям абхазского населения, что с установлением советской власти, Абхазия якобы обретёт национально-государственную независимость. Эти силы действительно предприняли попытку некоей ревизии, сложившегося в 1921–25 гг. государственно-правового положения Абхазии в составе Грузинской ССР. Был подготовлен проект первой Конституции Советской Абхазии, утверждённый на III съезде Советов Абхазии (в 1925 г.).

Конституция ССР Абхазии не выдерживала критики как в юридическом, так и в политическом плане. Главным юридическим ляпсусом было противоречие между ее отдельными статьями. Так 4-ая статья I главы гласила: «ССР Абхазия, объединившись на основе особого союзного договора с ССР Грузией, **через неё входит в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику и в составе последней – в союз Советских Социалистических Республик**», но в 5-ой статье II главы «Конституции» почему-то «забывалось» о вхождении Абхазии в состав ЗСФСР и СССР через Грузинскую ССР и говорилось о том, что «суверенитет ССР Абхазии, ввиду добровольного ее вхождения в ЗСФСР и Союз ССР, – ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в конституциях этих «Союзов». Далее, в той же статье указывалось, что «Граждане ССР Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются гражданами ЗСФСР и Союза ССР». И наконец: «ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР».

Таким образом, этими и некоторыми другими статьями «Конституции», абхазские законодатели фактически выводили Абхазию из государственно-правового поля Грузинской ССР. Вышестоящие партийные организации как Грузии, так и Закавказья не могли не обратить внимание на «недостатки» Конституции ССР Абхазии. После проведения соответствующей «воспитательной» работы руководители Абхазии и, в первую очередь, лидер абхазских большевиков Н. Лакоба «признали», что «Конституция написана глупейшим образом». **III сессия Всегрузинского ЦИК-а, проведенная, кстати, в Сухуми 13 июня 1926 г.**, дала указание высшему законодательному органу ССР Абхазии переработать Конституцию и привести ее в соответствие с Конституцией Грузинской ССР, что и было реализовано на III сессии ЦИК-а ССР Абхазии 27 октября 1926 г. Окончательное же утверждение нового отредактированного варианта Конституции ССР Абхазии произошло на IV съезде Совета Абхазии в марте 1927 г.

В новом варианте Конституции однозначно указывалось, что

«Республика Абхазия есть социалистическое государство (а не «суверенное», как это было зафиксировано в «Конституции» 1925г.) ...входящее в силу особого договора в Социалистическую Советскую Республику Грузию», что «граждане Социалистической Советской Республики Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются тем самым гражданами Социалистической Советской Республики Грузии». По Конституции 1927г. Абхазия оставалась в общегрузинском государственно-правовом пространстве. «Кодексы, декреты, постановления, принятые Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом» имели «обязательную силу и на территории Социалистической Советской республики Абхазии», И, наконец, «Государственный бюджет социалистической Советской Республики Абхазии» входил «составной частью в общегосударственный бюджет ССР Грузии».

Итак, вышеприведенные статьи из Конституции ССР Абхазии 1927г. снимают все подозрения в том, что ССР Абхазия была суверенной Советской Республикой, якобы установившей с Грузией равноправные федеративные государственные взаимоотношения. На самом деле, совершенно очевидно, что ССР Абхазия с самого начала (с 1921г.) рассматривалась как составная часть единого грузинского государственного организма, в качестве его автономии.

Такова историческая правда о т.н. «суверенной» Советской Социалистической Республики Абхазии в 1921-1931гг., которая, имея формальный статус «договорной республики», на самом же деле, на протяжении всего этого периода, официально входила в состав Грузинской ССР и «де-факто» (да практически, и «де-юре») являлась её автономной единицей. Любые утверждения о том, что ССР Абхазия в это время была «независимым» от Грузии государственным образованием, статус которого она якобы потеряла в 1931г. в результате козней «всесильного грузина» Сталина и тогдашнего коммунистического руководства Тбилиси, это лишь политические инсинуации идеологов современного абхазского сепаратизма, всемерно стремившихся использовать этот, с позволения сказать, «исторический аргумент» для дальнейшего разжигания антигрузинских настроений среди абхазского населения.

Авторы «учебника», естественно, не обходят и пресловутый вопрос «о массовом заселении грузин» в Абхазию в конце 30-х – начале 50-х гг. XXв. и «мастерски» используют эту тему для разжигания антигрузинских настроений среди абхазского населения (с. 356-358). Имеется в виду организованное переселение грузин (из

пострадавших от землетрясения районов Западной Грузии в Абхазию. Этот процесс нашими абхазскими коллегами представляется как проявление целенаправленной «колониальной» политики Тбилиси огрузинить Абхазию.

В грузинской историографии, на основании соответствующих первоисточников, убедительно доказано, что на территории современной Абхазии грузинский этнический элемент в численном отношении превосходил абхазов практически на протяжении всей истории, и утверждения некоторых абхазских исследователей (Б. Е. Сагария, С. З. Лакоба и др.) о том, что грузинское этническое большинство здесь якобы появилось лишь в 1937-1953гг., в результате т.н. «переселенческой политики» грузинского руководства, в корне неверно. Конечно, не будь той трагедии, которая называется махаджирством абхазов и главной виновницей которого является Россия, численность абхазского населения естественно была бы больше. И то правда, что после того, как в 60-70г. XIXв. абхазы покинули родные края и переселились в Турцию, места их обитания заняли представители других народов – русские, армяне, греки и, конечно же, грузины.

Вместе с тем, было отмечено также, что российские власти всемерно старались не допустить в Абхазию большой приток именно грузинского населения и создать все условия исключительно для обрусения края. В этой связи, достаточно вспомнить, хорошо известное С. З. Лакоба, разъяснение главы русской администрации Сухумского округа, полковника Бракера (1895г.) о том, что: «Вселение в Сухумский округ иноземного элемента допущенное в начале... **прекратить** теперь же, **в особенности вселение мингрельцев. Желательно сберечь возможно большой фонд свободной земли для водворения исключительно коренных русских людей**» (курсив наш – З.П.). Или же чего стоит знаменитое изречение другого «ястреба» тогдашней имперской политики в Грузии, кутаисского военного губернатора Ф. Гершельмана, весьма многозначительно характеризующего его отношение к абхазскому народу: «Русская колонизация округа, – писал бравый русский генерал – имеет большое государственное значение в политическом отношении. **Абхазцы... до сих пор представляют из себя народность крайне малокультурную, мало развитую как в умственном, так и в нравственном отношении, шаткую в своих религиозных убеждениях и не раз уже проявившую свою политическую неблагонадежность.** Все это вызывает необходимость особого внимания к ним. **Помочь делу можно внесением в край русской гражданственности... Лучшим средст-**

вом к осуществлению ся надо бесспорно признать колонизацию края русским населением».

Почему-то наши абхазские коллеги, которые ведут «точный арифметический подсчёт» когда и как переселились грузины из одного края в другой в пределах своей же страны, забывают о том, как пыталась Россия «обезличить» абхазов путём их вынужденного выселения в Османскую империю и заселения края именно чужеземцами, т.е. русскими и другими представителями т.н. русскоязычного населения.

Да, господа, Абхазия исторически всегда была частицей Грузии, родиной не только абхазов, но и (может быть, даже в большей степени) грузин. Это, в том числе, относится и к периоду с 1937 по 1953гг., когда происходило т.н. «массовое переселение» грузин в Абхазию. Пора всем понять, что эта была одна страна, одно государство, которое официально называлось «Грузинская ССР», куда в качестве её автономного образования входила «Абхазская АССР», и миграцию населения в пределах одного государства, если она даже была организована государством, никак нельзя назвать преступлением. Более того, не секрет, что как в условиях Российской империи, так и во времена СССР, было единое государство, и любой гражданин независимо от национальной принадлежности мог по своему желанию выбирать постоянное место жительства. Что же касается организованного переселения людей (за исключением вынужденного изгнания отдельных «провинившихся народов») оно имело место не только в Абхазии, но и других регионах СССР, и в первую очередь, было продиктовано экономическими факторами. Вспомним хотя бы освоение целинных земель Казахстана. Или же строительство промышленных гигантов в той или иной союзной республике, которое, как правило, сопровождалось переселением большой массы русского населения. В этом плане чего стоят хотя бы примеры Энгурского бумкомбината и Энгури ГЭС, когда в Зугдидском, Цаленджидском и Гальском районах появились целые поселения русских.

Почему же наших абхазских оппонентов волнует переселение нескольких десятков тысяч грузин в Абхазию, а совершенно не тревожит то, что с 1886г. по 1989г. численность русских в Абхазии выросла в 70 раз (примерно на столько же выросла численность и армян). Какой же вред нанесли именно грузины Абхазии? Может быть то, что они сделали цветущим этот край?! Сегодня уж всему миру видно, кто создавал материальное благо в Абхазии. И спрашивается, **была бы вообще абхазская национальная культура, не будь тех обабхазившихся грузин, которые своим творчеством как раз и**

положили начало абхазскому национально-культурному самосознанию, формированию самой абхазской нации. Со всей ответственностью можно утверждать, что **в первую пятёрку представителей абхазской национальной интеллектуальной элиты входят именно те деятели, грузинское (мегрельское) происхождение которых не вызывает никакого сомнения.** Это основоположник абхазской литературы, один из создателей абхазского алфавита – **Дмитрий Гулиа**; названный самими же абхазскими учёными-критиками патриархом абхазской прозы **Иванэ Папаскири**; классик абхазской поэзии – **Иуа Когония**, крупнейший учёный-педагог **Андрей Чочуа** и, наконец, самый именитый учёный-историк **Георгий Дзидзария**.

Конечно же, в развитие абхазской национальной культуры свой весомый вклад внесли и многие другие видные представители абхазской научной и творческой интеллигенции (в этом плане чего стоят такие славные имена, как: **З. В. Анчабадзе, Б. В. Шинкуба, Х. С. Бгажба, Ш. Д. Инал-ипа** и т.д.), но без всякого преувеличения можно констатировать, что формированию национально-культурной индивидуальности абхазского этноса наибольший толчок дала именно эта своеобразная «могучая пятёрка». Вот какое пополнение дал грузинский народ абхазским братьям. И как жаль, что всё это предают забвению не только одурманенные антигрузинской русской имперской пропагандой апсуа-абхазы, но и потерявшие историческую память обабхазившиеся (совсем недавно) грузины.

В «учебнике» максимально заидеологизирована т.н. «национально-освободительная борьба абхазского народа» против «ненавистных» грузин и во всём, что произошло в Абхазии, обвиняется одна грузинская сторона. В этом плане особо обращено внимание на ситуацию в историографической сфере (с. 370-376). В «учебнике» отдельным параграфом выделена т.н. «Отечественная война народа Абхазии 1992-1993 годов». В ней, конечно же, авторы повторяют миф о том, что ввод подразделений Министерства обороны и Министерства внутренних дел Республики Грузия – **кстати, уже признанной международным сообществом суверенным государством, полноправным членом ООН – на территорию Абхазии, представляющую её автономную часть,** был интервенцией. Со всей ответственностью можно утверждать, что **это проявление полного политического и юридического невежества.** Центральное руководство Грузии имело полное юридическое право самому определять необходимость ввода войск в любой регион страны. Так что в этом плане никакого нарушения правовых норм (тем более международного права) не было. Бесправными, безусловно, следует признать действия бойцов т.н.

«Абхазской гвардии», созданной чуть раньше единоличным (в нарушении конституции и существующего законодательства) решением тогдашнего лидера Абхазии, которые неожиданно открыли огонь по движущей колонне у села Охуреи в Очамчирском районе.

Между прочем, вооружённое сопротивление абхазов, за которым последовала инспирация конфликта, действительно было неожиданным, так как, оказывается, передислокация военного контингента, запланированная центральной властью страны, была заранее согласована с руководством автономной республики и, прежде всего, с Владиславом Ардзинба. Это не наша выдумка. Это информация, исходящая не от кого-нибудь, а от самого тогдашнего министра внутренних дел Абхазии Ал. Анкваба (ныне «вице-президент» в администрации С. В. Багапша).

Авторы «учебника» всемерно стараются убедить читателей в том, что «отечественную войну» выиграл абхазский народ при поддержке «братьев» из Северного Кавказа и «добровольцев» казаков. На самом деле, не должно вызывать никакого сомнения, что «славная победа абхазского народа» одержана благодаря активной поддержке и непосредственного участия российской военной машины, официальных военных структур. Если в этом кто-нибудь ещё сомневался, то после очередного разгула российской военщины в Грузии в августе 2008г., всё стало на свои места. Теперь уж всему миру стало ясно, кто инспирировал сепаратистские мятежи в Грузии в 1992-1993гг., и кто был настоящим организатором и вдохновителем своего рода «крестового» похода против единой грузинской государственности в начале 90-х годов XX-го столетия, и кто стоит за «славной» победой абхазских сепаратистов в сентябре 1993 года. Как бы не старались наши уважаемые коллеги, эту истину никак не перечеркнуть, тем более, что в последнее время это открыто стали признавать сами ведущие российские эксперты-политологи.

И наконец, при рассмотрении т.н. «учебника» О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба, нельзя не выразить своё возмущение по поводу крайне субъективного и недобросовестного освещения вопросов культурной жизни Абхазии XIX-XX столетий, в первую очередь, полное игнорирование участия грузин в культурной жизни региона. Любой несведущий читатель, ознакомившись с книгой О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба, обязательно придёт к выводу, что в Абхазии никогда не было ни грузинских мастеров художественного слова, ни грузинского театра, ни представителей других сфер искусства; что здесь научной деятельностью всегда занимались одни абхазы. Чести быть названными в «учебнике» Истории Абхазии они удостоили лишь отдельных

деятели здравоохранения: Ал. Григолия, Н. Рухадзе, Н. Шубладзе, П. Джапаридзе, а также историков: С. Н. Джанашия, А. Э. Куправа и Г. З. Анчабадзе, которые, однако, попали в «учебник» благодаря своим абхазским корням. Они названы в числе тех абхазских учёных, которые вышли «из среды абхазского народа» (с. 361). Вот и всё грузинское культурное наследие XIX-XXвв.

«Забычивость» наших абхазских коллег доходит до абсурдного предела. Они «пропустили» такого действительно выдающегося деятеля, каким являлся Мириан Циколия (он же известный грузинский поэт Мириан Мирнели), что и говорить «коренной» абхазо-грузин, доктор филологических наук, один из крупнейших исследователей абхазского языка, переведший к тому же не одно творение абхазских поэтов на грузинский язык. Они не вспомнили об Отаре Чургуглия, докторе филологических наук, профессоре, посвятившем фундаментальные труды грузино-абхазским литературным связям и Баграте Джанашия, известном лингвисте-абхазоведе, составившем первый абхазо-грузинский словарь. Конечно, всё это, мягко говоря, обидно и, безусловно, не делает чести авторам «учебника».

Таковы наши некоторые наблюдения над «учебником» истории Абхазии О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба. Конечно, мы не могли охватить и дать исчерпывающие разъяснения по каждому вопросу, в освещении которых наши уважаемые коллеги грешат; полагаем, что на эти и другие вопросы мы дали более менее убедительные ответы в основной части предлагаемой книги. Данный отзыв, как наверно понял читатель, как раз, является своего рода кратким резюме настоящего издания, куда порой без изменения вошли отдельные пассажи из основной части (за редким исключением без научного аппарата). Потому и назвали её послесловием.

Как видим, общее впечатление весьма плачевное. Первое чувство, которое овладевает нами, это глубокое сожаление и разочарование по поводу непрофессионализма авторов, которые, к сожалению, остались в далёком прошлом, как в научно-информационном, так и методологическо-идеологическом плане. Но это не главное. Нас больше огорчает их недобросовестность и тенденциозность, причиной чего (это видно не вооружённым глазом) является патологическая ненависть ко всему грузинскому. Мы прекрасно осознаем, что родную историю трудно написать без соответствующей эмоциональной «нагрузки», но это не даёт право полностью игнорировать историческую реальность и оказаться в плену вымышленных фантазий. **Так не пишется история!**

Скажу откровенно, мне тяжело говорить всё это, так как к Станиславу Лакоба и особенно Олегу Бгажба я всегда относился с большим уважением и почтением. С. Лакоба один из талантливейших людей среди наших абхазских коллег, человек большого кругозора, настоящий эрудит, борец, защитник национальных интересов абхазского народа (кстати, это он, воочию, продемонстрировал недавно в полемике с известным русским шовинистом, «большим другом» Абхазии К. Затулиным), и вдруг такой интеллектуальный и человеческий промах. То же самое (если не больше) я могу сказать и об Олеге Бгажба, с которым к тому же меня связывали тёплые дружеские отношения. От кого, но от О. Бгажба, человека большого ума и таланта, рафинированного интеллигента, всегда выделявшегося как раз своим высоким профессионализмом и никогда не допускавшим опрометчивых, необдуманных выводов, сына Хухута Соломоновича Бгажба – выдающегося абхазского учёного, настоящего рыцаря науки, который никогда не менял свой высочайший научный авторитет на дешёвый популизм, никак не мог ожидать столько злости, субъективизма и откровенного вранья. **Жаль, очень жаль.**

Но все же, я не теряю надежду и уверен, что обида (не говоря уж о ненависти, которая никому никогда не приносила добра) со временем пройдёт и наши абхазские друзья, наконец-то, выйдут из состояния ложной эйфории, разберутся в настоящих друзьях и недоброжелателях своего Отечества и по другому начнут смотреть на вещи, в том числе на пройденный нашими народами исторический путь.

Даст Бог!

P.S. Работа над вторым исправленным и дополненным изданием была завершена, когда в Абхазии развернулись бурные события. Уже ко второй годовщине т.н. «признания» Россией «независимости» Абхазии, Москва устами некоторых «экспертов» – апологетов имперской политики нынешнего кремлёвского руководства – открыто заявила о своих истинных намерениях и нашим абхазским соотечественникам дала однозначно понять, кто является настоящим автором «освобождения» Абхазии, что из себя представляет т.н. «суверенная» Абхазия, и кто должен распоряжаться её дальнейшей судьбой.

Так, по утверждению А. Епифанцева – одного из новоявленных «гениев» русской политической аналитики, серьёзно занявшегося в последнее время т.н. «Грузинским вопросом», – **«в экономическом, политическом и во всех иных отношениях реальная независи-**

мость и реальная самостоятельность Абхазии... – это чистый блеф, рекламный слоган, красивый фантик...», и что на самом деле т. н. «независимая» Абхазия – всего лишь «территория, которая живет благодаря России и за счет России».⁹

Более того, А. Епифанцев отнюдь не скрывает, что т.н. «международное признание» Абхазии «происходит либо за российские деньги, либо за российские скидки, либо за российские контракты». При этом, он выражает своё негодование по поводу «дикости и национально-дискриминационного характера абхазского законодательства», по поводу того, что в Абхазии создаётся «этноцентрический тип государства с доминирующим абхазским этносом». Совершенно очевидно, что Россия не намерена долго терпеть эти капризы «своенравной жены» (сравнение А. Епифанцева), «которая после штампа в паспорте – юридического признания и российских гарантий – при показной внешней покорности и верности мужу начала вести себя увереннее, преследовать свои цели, отличные от семейных и, в общем-то, быть самой собой».¹⁰

Вот почему, – пишет А. Епифанцев, – «Россия, содержащая с потрохами Абхазию, вправе рассчитывать на некие возвратные шаги, некие реверансы в свою сторону...». А «...если в какой-то момент станет понятно, что это можно будет сделать только при прекращении государственности Абхазии, то на это тоже надо будет идти».¹¹

Что и говорить, откровеннее не скажешь. Благо, и наши абхазские коллеги наконец-то поняли, что к чему и уже начали давать отпор (правда, пока ещё весьма робкий) имперскому информационно-идеологическому наступлению своих вчерашних «покровителей».

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

- ¹ **Ш. Д. Инал-ипа.** Абхазы. Сухуми, 1965, с. 163-164; **З. В. Анчабадзе.** Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976, с. 96, курсив наш – **З.П.**
- ² **С. П. Басария.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.
- ³ **С. М. Ашхацава.** Пути развития абхазской истории. Издание Наркомпроса Абхазии, 1925.
- ⁴ *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, т. II. Сухуми, 1964.
- ⁵ **П. И. Ингороква.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Тб., 1954, с. 118-189 (на груз. яз.).
- ⁶ **М. Д. Лордкипанидзе, З. В. Папаскири.** Единственный приоритет – незыблемость, целостность государства. *По поводу мнения г-на Давида Бердзенишвили о статусе Абхазии.* – Газ. «Свободная Грузия», №122, 13.V.2000. Данную публикацию см. также в кн.: **З. Папаскири.** И восстала Грузия от Никопсии до Дарубанда. Тб., 2009 (на груз. яз.), с. 247-252.
- ⁷ *История Абхазии.* Учебное пособие. Гл. ред. **С. Лакоба.** Сухуми, 1991; **О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба.** История Абхазии. *С древнейших времён до наших дней.* 10-11 классы. Учебник для общеобразовательных учебных учреждений. Сухуми, 2006; **О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба.** *История Абхазии. С древнейших времён до наших дней.* Сухуми, 2007.
- ⁸ *Разыскания по истории Абхазии/Грузия.* Изд. «Мецниереба». Тб., 1999.
- ⁹ **З. В. Папаскири.** Очерки из истории Современной Абхазии. Ч. I. *С древнейших времён до 1917г.* Тб., 2004; ч. II. *1917-1993гг.* Тб., 2007 (на груз. яз. Резюме на русском и английском языках). Электронную версию см: <http://sites.google.com/site/zpapakiri/publications-georgian>
- ¹⁰ **З. В. Папаскири.** О национально-государственном облике Абхазии/Грузия. *С древнейших времён до 1993г.* Тб., 2003 (резюме на английском языке). Электронную версию см: <http://sites.google.com/site/zpapakiri/publications-georgian>

Глава I

- ¹ **С. Н. Замятнин.** Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937; **С. Н. Замятнин.** Палеолитические местонахождения Восточного побережья Черного моря. – *Очерки по палеолиту.* М.-Л., 1961, с. 67-98; **Н. З. Бердзенишвили.** Новые данные о палеолите Абхазии. – *Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории* (Далее: АБНИИЯЛИ) *АН Грузинской ССР*, т. XXX. Сухуми, 1959, с. 159-182.
- ² **М. М. Трапш.** Первобытно-общинный строй и рабовладельческие отношения на территории Абхазии. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 5-6.
- ³ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации Северо-западного Закавказья в эпоху камня и раннего металла. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия.* Тб., 1999, с. 7.
- ⁴ **Н. З. Бердзенишвили.** Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии. Яштхва. – *Материалы по археологии Грузии и Кавказа.* VIII. Тб., 1979, с. 40 (на груз. яз.).

- ⁵ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 7.
- ⁶ **М. М. Трапш.** Первобытно-общинный строй..., с. 8.
- ⁷ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 8.
- ⁸ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 9.
- ⁹ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 9. См. также: **Л. Д. Церетели.** Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тб., 1979, с. 40 (на груз. яз.).
- ¹⁰ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 9.
- ¹¹ **Л. Небиеридзе.** Неолит Западного Закавказья. Тб., 1972, с. 108 (на груз. яз.); **О. М. Джапаридзе.** К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тб., 1976, с. 36 (на груз. яз.); **К. Каландадзе.** Неолитическая культура Западной Грузии в свете новых археологических открытий. Тб., 1986, с. 92-95, 109 (на груз. яз.).
- ¹² **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 10; **К. Каландадзе.** Неолитическая культура Западной Грузии..., с. 15-49.
- ¹³ Об этом см.: **А. Л. Лукин.** Неолитическое селище Кистрик близ Гудаута. – *Советская археология*, т. XII. М., 1950.
- ¹⁴ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 10-11.
- ¹⁵ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 10-11.
- ¹⁶ **Г. Пхакадзе.** Энеолитические останки Окумской пещеры. – *Материалы по археологии Грузии и Кавказа.* VII. Тб., 1979, с. 68-76 (на груз. яз.); **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 11.
- ¹⁷ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 13.
- ¹⁸ **О. М. Джапаридзе.** К этнической истории грузинских племен..., с. 59.
- ¹⁹ **М. М. Трапш.** Первобытно-общинный строй..., с. 10; **Л. Н. Соловьев.** Энеолитическое селище у Очамчыры в Абхазии. – *Материалы по истории Абхазии*, вып. XV, сб. I, изд. АБНИИ АН СССР, 1939.
- ²⁰ **О. М. Джапаридзе.** К этнической истории грузинских племен..., с. 174-175; **Г. Пхакадзе.** Западное Закавказье в III тысячелетии до н.э. Тб., 1993, с. 88-92 (на груз. яз.).
- ²¹ **В. В. Бжания.** Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии. – *Кавказ и Восточная Европа в древности.* М., 1973, с. 16.
- ²² **В. В. Бжания.** Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. – *Советская археология*, I. М., 1966, с. 122.
- ²³ **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды. *Три этапа истории культурного и этнического формирования феодальной Абхазии.* I. Тб., 1949, с. 258-322.
- ²⁴ **В. И. Марковин.** Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с. 283-319.
- ²⁵ О дольменной культуре Абхазии подробно см.: **О. М. Джапаридзе.** Дольменная культура в Грузии. – *Труды ТГУ*, т. 77. Тб., 1959 (на груз. яз.); **О. М. Джапаридзе.** К этнической..., с. 179-182, там же соответствующая специальная литература.
- ²⁶ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 14.
- ²⁷ **Л. Н. Соловьев.** Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовских пещер. – *Труды АБНИИЯ-ЛИ АН Грузинской ССР.* Сухуми, 1958, с. 135-164.
- ²⁸ **З. В. Анчабадзе.** История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 120-126
- ²⁹ **Ш. Д. Инал-ипа.** Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, с. 53.
- ³⁰ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 120.
- ³¹ **О. М. Джапаридзе.** К этнической истории грузинских племен..., с. 299-301. см. также: **Г. А. Меликишвили.** К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1965, с. 42 (на груз. яз.).

- ³² **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 14.
- ³³ **М. В. Барамидзе.** Некоторые проблемы археологии Западного Закавказья в III-I тысячелетиях до н.э. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия.* Тб., 1999, с. 27.
- ³⁴ **М. В. Барамидзе.** Некоторые проблемы археологии..., с. 27.
- ³⁵ **М. В. Барамидзе.** Некоторые проблемы археологии..., с. 27.
- ³⁶ Об этом см. **Д. Л. Коридзе.** К истории колхидской культуры. Тб., 1965, на груз. яз.
- ³⁷ **А. А. Иессен.** Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. – *Материалы и исследования по археологии СССР*, №23, 1951; **М. М. Трапш.** Первобытно-общинный строй..., с. 12-14; **О. М. Джапаридзе.** Позднебронзовая культура. Западногрузинская культура. – *Очерки истории Грузии.* Тб., 1989, с. 130.
- ³⁸ **М. В. Барамидзе.** Исследования в с. Пичори. – *Археологические открытия.* За 1982г. М., 1983; **М. В. Барамидзе.** Исследования в с. Пичори. – *Археологические открытия.* За 1986г. М., 1988.
- ³⁹ **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды, т. I, с. 178-192; **М. В. Барамидзе.** Некоторые проблемы..., с. 31.
- ⁴⁰ **О. М. Джапаридзе.** Позднебронзовая культура..., с. 130-132.
- ⁴¹ **М. В. Барамидзе.** Некоторые проблемы..., с. 32.
- ⁴² **М. Г. Абдушлишвили.** Антропология древнего и современного населения Грузии. Тб., 1964, с. 90. Об этом см. также: **М. Г. Абдушлишвили.** Антропологический анализ аборигенного населения Кавказа. – *Труды Московского общества испытателей природы*, т. XLIII. М., 1972, с. 231; **О. М. Джапаридзе.** К этнической истории грузинских..., с. 305.
- ⁴³ **О. М. Джапаридзе.** К этнокультурной ситуации..., с. 15-18.
- ⁴⁴ **П. Услар.** Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1888.
- ⁴⁵ **И. А. Джавахишвили.** Первичная природа и родство грузинского и кавказских языков. – *Сочинения в двенадцати томах*, т. X. Тб., 1992 (на груз. яз.).
- ⁴⁶ Подробно об этом см.: **О. М. Джапаридзе.** К этнической истории грузинских племен..., с. 253-366; **О. М. Джапаридзе.** У истоков этногенеза грузинского народа. Тб., 2006, с. 203-210, там же соответствующая литература.
- ⁴⁷ **Г. Г. Гиоргадзе.** К этническому происхождению каскских (кашкских) племён хеттских клинописных текстов. – *Артануджи*, 10, 2002, с. 12 (на груз. яз.); **Г. Г. Гиоргадзе.** Неиндоевропейские этнические группы (хатты, каска) в древней Анатолии по хеттским клинописным текстам. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия.* Тб., 1999, с. 52. См. также: **Н. Г. Волкова.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Тб., 1973, с. 19.
- ⁴⁸ **Г. Г. Гиоргадзе.** Неиндоевропейские этнические группы..., с. 52-53.
- ⁴⁹ **Л. Н. Соловьев.** Новый..., с. 135-164; **В. Г. Ардзинба, В. Ф. Чирикба.** Происхождение абхазского народа. – *История Абхазии.* Учебное пособие, Сухуми, 1991, с. 9-11.
- ⁵⁰ **Л. Н. Соловьев.** Новый..., с. 162-163; **З. В. Анчабадзе.** История и культура..., с. 120-126.
- ⁵¹ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории..., с. 145.
- ⁵² **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории..., с. 145; **В. Г. Ардзинба, В. Ф. Чирикба.** Происхождение..., с. 11; **Ю. Н. Воронов.** Абхазы – кто они, с. 5.
- ⁵³ **Ю. Н. Воронов.** Абхазы – кто они, с. 10.
- ⁵⁴ **Г. Г. Гиоргадзе.** Неиндоевропейские этнические группы..., с. 45-55.
- ⁵⁵ **Г. Г. Гиоргадзе.** Неиндоевропейские этнические группы..., с. 55.

⁵⁶ Г. Г. Гиоргадзе. Неиндоевропейские этнические группы..., с. 48-49.

⁵⁷ Г. Г. Гиоргадзе. К этническому происхождению..., с. 10.

⁵⁸ Г. Г. Гиоргадзе. Неиндоевропейские этнические группы..., с. 50.

⁵⁹ С. Н. Джанашиа. Тубал-Табали. Тибарени. Ибери. – *Труды*, т. III. Тб., 1959, с. 15 (на груз. яз.); Э. В. Хоштария-Броссе. Вопросы истории Абхазии в грузинской историографии. Тб., 2000, с. 9 (на груз. яз.).

Глава II

¹ М. П. Инадзе. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия*. Тб., 1999, с. 61; М. П. Инадзе. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. – *Мацне*, серия истории..., №1, 1992, с. 8 (на груз. яз.).

² М. П. Инадзе. Вопросы этнополитической истории..., с. 61.

³ См.: О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии. *С древнейших времён до наших дней*. 10-11 классы. Учебник для общеобразовательных..., с. 62; О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. *История Абхазии*. С древнейших времён до наших дней. Сухуми, 2007, с. 61-62.

⁴ Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языки народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971; Я. А. Фёдоров. Историческая этнография Северного Кавказа, М., 1983. О поистине фантастических открытиях Г. Ф. Турчанинова см.: Г. Г. Гиоргадзе. Истина превыше всего. – Газ. «*Заря Востока*», 9 апреля, 1989г.; Э. В. Хоштария-Броссе. История и современность. Абхазская проблема в конфликтологическом аспекте, Тб., 1996, с. 6-16. Там же соответствующая литература.

⁵ М. П. Инадзе. Вопросы этнополитической истории..., с. 61; Д. Л. Мухелишвили. Исторический статус Абхазии в Грузинской государственности. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия*. Тб., 1999, с. 115.

⁶ М. П. Инадзе. Вопросы этнополитической истории..., с. 67.

⁷ Н. Ю. Ломоури. Из этнокультурной истории древней Абхазии. Тб., с. 20-30 (на груз. яз.).

⁸ Н. Ю. Ломоури. Из этнокультурной истории..., с. 10-20.

⁹ И. А. Орбели. Город близнецов «Диоскурия» и племя возниц «Гениохов». – *Журнал Министерства Народного Просвещения*, 1911, апрель, с. 200, 208; Н. Я. Марр. К истории термина «абхаз». – *Известия Академии Наук*, СПб., 1913, с. 327; П. И. Ингороква. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Тб., 1954, с. 135 (на груз. яз.); Г. А. Меликишвили. К вопросу..., с. 63-68; Г. А. Меликишвили. К вопросу об этнической принадлежности населения древней Грузии. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа. – *Очерки истории Грузии*, т. I, Тб., 1989, с. 183; Б. Гигинейшвили. К происхождению этнонима гениох. – *Мацне*, серия истории..., №1, 1975, с. 115-124 (на груз. яз.); М. П. Инадзе. Вопросы этнополитической истории..., с. 67-69; Т. Ш. Мибчуани. Из истории этногенеза, расселения и культуры западногрузинских горцев. Тб., 1990, с. 56-64 (на груз. яз.); Г. А. Гасвиани. Очерки из истории средневековой Сванетии. Тб., 1991, с. 212 (на груз. яз.).

¹⁰ М. П. Инадзе. Вопросы этнополитической истории..., с. 68.

¹¹ З. В. Анчабадзе. История..., с.136-137; Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы..., с. 188.

¹² См.: О. Х. Бгажба. Страна гениохов. – *История Абхазии*, гл. ред. С. Лакоба. Сухуми, 1991, с. 31-46.

¹³ **О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба.** История Абхазии. *С древнейших времён до наших дней.* 10-11 классы..., с. 63-64. См. также: **О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба.** *История Абхазии.* С древнейших времён до наших дней..., с. 13, 62-64.

¹⁴ **Т. С. Каухчишвили.** Сведения древнегреческих писателей о Грузии. Тб., 1987, с. 11-13 (на груз. яз.); **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 118.

¹⁵ **И. А. Орбели.** Город близнецов..., с. 200-208; **Н. Я. Марр.** К истории..., с. 327; **С. Н. Джанашиа.** Тубал-Табали..., с. 11-15; **П. И. Ингороква.** Георгий Мерчуге..., с. 135; **Г. А. Меликишвили.** К вопросу о древнейшем населении..., с. 67; **М. П. Инадзе.** Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. – *Мацне*, серия истории..., №2, 1992, с. 46 (на груз. яз.); **М. П. Инадзе.** Вопросы этнополитической истории..., с. 70; **Н. Ю. Ломоури.** Из этнокультурной истории..., с. 30-34; **Т. Ш. Мибчуани.** Из истории этногенеза, с. 84-89; **Г. А. Гасвиани.** Очерки из истории..., с. 200.

¹⁶ **З. В. Анчабадзе.** История и культура..., с. 132; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 15-16; **Ш. Д. Инал-ипа.** Абхазы. Сухуми, 1965, с. 97; **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории абхазов..., с. 35; **Ю. Воронов.** Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху. – *История Абхазии.* Гл. ред. **С. Лакоба**, Сухуми, 1991, с. 52-53; **О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба.** *История Абхазии.* С древнейших времён..., с. 13, 64, 91-93.

¹⁷ **Н. Ю. Ломоури.** Из этнокультурной истории..., с. 33.

¹⁸ **Т. С. Каухчишвили.** «География» Страбона. *Сведения о Грузии.* Тб., 1957, с. 126.

¹⁹ **Флавий Арриан.** Путешествие вокруг Чёрного моря. Грузинский перевод, исследование, комментарии и карты **Н. Кечакмадзе.** Тб., 1961, с. 43.

²⁰ **Н. Ю. Ломоури.** «География» Клавдия Птолемея. Сведения о Грузии. – *Материалы по истории Грузии и Кавказа*, вып. 32. Тб., 1955, с. 43-44 (на груз. яз.).

²¹ **Н. Ю. Ломоури.** «География» Клавдия Птолемея..., с. 43-44; **Н. Ю. Ломоури.** Из этнокультурной истории..., с. 33.

²² **Гай Плиний Секунд.** Естественная история, VI, 12; **В. В. Латышев.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – *Вестник древней истории*, №2, 1949, с. 290-291; **Флавий Арриан.** Путешествие вокруг Чёрного моря..., с. 42-45.

²³ **Флавий Арриан.** Путешествие вокруг Чёрного моря..., с. 42-45.

²⁴ **Н. Ю. Ломоури.** Из этнокультурной истории..., с. 33.

²⁵ **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 118.

²⁶ **Г. А. Меликишвили.** Грузия в I-III веках н.э. – *Очерки истории Грузии*, т. I. Тб., 1970, с. 545-546 (на груз. яз.); **Н. Ю. Ломоури.** Из этнокультурной истории..., с. 33.

²⁷ **Н. Ю. Ломоури.** Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия.* Тб., 1999, с. 95.

²⁸ **Г. А. Меликишвили.** Грузия в I-III веках н.э., с. 545-546; **Н. Ю. Ломоури.** Из этнокультурной истории..., с. 33.

²⁹ **П. И. Ингороква.** Георгий Мерчуге..., с. 118-189.

³⁰ **Н. А. Бердзенишвили.** О книге Павле Ингороква «Георгий Мерчуге». – Журн.: «*Мнатоби*», №12, 1956, с. 125-131 (на груз. яз.).

³¹ **З. В. Анчабадзе.** Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуге – грузинский писатель X века». – *Труды АБНИИЯЛИ АН Грузинской ССР.* Сухуми, XXVII, 1956, с. 261-278; **Х. С. Бгажба.** Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии (В связи с работой Павле Ингороква «Георгий Мерчуге»). – *Труды АБНИИЯЛИ АН Грузинской ССР.* Сухуми, XXVII, 1956, с. 279-303; **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории абхазов..., с. 50-51, 406.

- ³² **К. С. Ломтатидзе.** К происхождению этнонима «абазг». – Тезисы *XLIX научной конференции Института Языкознания*. Тб., 1990, с. 19-20 (на груз. яз.); **О. Кахадзе.** По поводу корня апхаз/апхаза. – В сб.: *Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятия «Грузия» и «грузины»*. Тб., 1993 с. 551-564 (на груз. яз.); **Е. Осидзе.** К происхождению этнонима Абаск/абас. – В сб.: *Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятия «Грузия» и «грузины»*. Тб., 1993, с. 565-570 (на груз. яз.); **Т. Гванцеладзе.** Ещё Раз об этнониме абхаз и связанных с ним корнях. – В сб.: *Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятия «Грузия» и «грузины»*. Тб., 1993, с. 571-580 (на груз. яз.).
- ³³ **Т. В. Гамкрелидзе.** Из истории племенных названий древней Колхиды. – *Мацне*, серия истории..., №2, 1992, с. 7-16.
- ³⁴ **Т. В. Гамкрелидзе.** Из истории племенных названий..., с. 7-16.
- ³⁵ **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 122-123.
- ³⁶ **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 131.
- ³⁷ **О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба.** *История Абхазии*. С древнейших времён..., с. 13, 64.
- ³⁸ **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 118.
- ³⁹ **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 119.
- ⁴⁰ **Ю. Н. Воронов.** Абхазы – кто они, с. 21.
- ⁴¹ **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 119.
- ⁴² **Г. А. Меликишвили.** Грузия в I-III веках н.э..., с. 545; **М. П. Инадзе.** Вопросы этнополитической истории..., с. 61; **Н. Ю. Ломоури.** Из этнокультурной..., с. 33.
- ⁴³ **Прокопий Кесарийский.** *De Bello Gothico*. – *Георгика*. Сведения византийских писателей о Грузии. Грузинский текст издал и разъяснениями снабдил **С. Каухчишвили**. Т. II. Тифлис, 1934, с. 162-165.
- ⁴⁴ **Прокопий Кесарийский.** *De Bello Gothico*..., с. 134-135.
- ⁴⁵ *Из воспоминаний Теодосия Гангерского*. – *Георгика*. Сведения византийских писателей о Грузии. Греческий текст с грузинским переводом издал и разъяснениями снабдил **С. Каухчишвили**. Т. IV, ч. I. Тб., 1941, с. 50; **Т. Г. Папуашвили.** Взаимоотношения грузин и абхазов на фоне политической обстановки в Эгриси и Абхазии в VII-VIII вв. – В кн.: **Г. А. Амичба, Т. Г. Папуашвили.** Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI-VIII вв.). Тб., 1985, с. 58.
- ⁴⁶ **Феофан Хронограф.** – *Георгика*. Сведения византийских писателей о Грузии. Грузинский текст издал и разъяснениями снабдил **С. Каухчишвили**. Т. IV, ч. I. Тб., 1941, с. 105; *Летопись византийца Феофана*. От Диоклетиана до царей Минахаила и сына его Феофилакта. В переводе с греческого **В. И. Оболенского** и **Ф. А. Тернавского**. С предисловием **О. М. Богдянского**. М., 1884. Интернет-версию см.: http://www.krotov.info/acts/08/3/feofan_00.htm.
- ⁴⁷ **З. В. Анчабадзе** Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 59.
- ⁴⁸ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 85; **Т. Г. Папуашвили.** Взаимоотношения..., с. 75.
- ⁴⁹ **В. Г. Силагадзе.** Арабское владычество в Грузии. *По арабским источникам*. Тб., 1991, с. 85 (на груз. яз.).
- ⁵⁰ **А. А. Богверадзе.** Раннефеодальные грузинские государства в VI-VIII вв. – *Очерки истории Грузии*, т. II. Тб., 1988, с. 177; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 132; **А. П. Новосельцев.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990, с. 178; **З. В. Папаскири.** Византийская дипломатия и политические изменения в Западной Грузии в I половине VIII в. – *Грузинская дипломатия*. Ежегодник, IV. Тб., 1997, с. 300-308 (на груз. яз.); **З. В. Папаскири.** Из политической истории Западной Грузии-Абхазии. – В кн.: **З. В. Папаскири.** Абхазия – это Грузия. Тб., 1998, с. 114-120 (на груз. яз.).

⁵¹ **Джуаншер Джуаншеряни.** Жизнь Вахтанга Горгасала. – *Картлис цховреба.* Грузинский текст подготовил по всем основным рукописям проф. **С. Г. Каухчишвили.** Т. I. Тб., 1955, с. 235; **Джуаншер Джуаншеряни.** Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания **Г. В. Цулая.** Тб., 1986, с. 102-103.

⁵² Об этом подробно см.: **З. В. Папаскири.** Византийская дипломатия..., с. 298-300; **З. В. Папаскири.** Из политической истории..., с. 110-112.

⁵³ **А. А. Богверадзе.** Раннефеодальные..., с. 184.

⁵⁴ **Феофан хронограф.** – *Георгика...*, т. IV, ч. I, с. 115-116; *Летопись византийца Феофана...*, см интернет-версию.: http://www.krotov.info/acts/08/3/feofan_00.htm.

Глава III

¹ **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 210, курсив наш – **З.П.**

² **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда..., с. 117, курсив наш – **З.П.**

³ **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда..., с. 214, курсив наш – **З.П.**

⁴ **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда..., с. 214, курсив наш – **З.П.**

⁵ **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда..., с. 223, курсив наш – **З.П.**

⁶ **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда..., с. 94, курсив наш – **З.П.**

⁷ **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда..., с. 96, курсив наш – **З.П.**

⁸ О нём см.: **Р. В. Метревели, З. В. Папаскири.** Видный учёный, большой друг Грузии. *К 70-летию Анатолия Петровича Новосельцева.* – *Грузинская дипломатия*, Ежегодник, т. 11. Тб., 2004, с. 724-729. Данную публикацию см. также: в кн.: **З. Папаскири.** И восстала Грузия..., с. 601-606.

⁹ **Константин Багрянородный.** «Об управлении империей». Греческий текст, перевод, комментарии. Под ред. **Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева.** М., 1989, с. 401, комментарий 17 к главе 42, в соавторстве с **М. В. Бибиковым.** Интернет-версию см.: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_k30_43.htm#42.

¹⁰ Интернет-версию см.: <http://gumilevica.kulichki.net/HE2/he2103.htm>, курсив наш – **З.П.**

¹¹ **В. А. Кузнецов.** Введение в Кавказоведение. Владикавказ, 2004. См. Интернет-версию: <http://www.ossetia.ru/caucasus/abx-adig>, курсив наш – **З.П.**

¹² Фрагмент из радиопередачи: „Суть событий“, радиостанция „Эхо Москвы“, 13.VIII.2004. См.: <http://www.echo.msk.ru/programs/sut/26630/> – курсив наш – **З.П.**

¹³ **М. И. Тарнава.** Краткий очерк истории Абхазской церкви. Сухуми, 1917.

¹⁴ Приведено по книге: *Православная Абхазия.* М., 1994, с. 9.

¹⁵ **С. М. Ашхацава.** Пути развития абхазской истории, с. 12-22.

¹⁶ **С. М. Ашхацава.** Пути развития..., с. 21.

¹⁷ **С. М. Ашхацава.** Пути развития..., с. 28, курсив наш – **З.П.**

¹⁸ **С. М. Ашхацава.** Пути развития..., с. 21, курсив наш – **З.П.**

¹⁹ **К. Кудрявцев.** Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми, 1926, с. 120-121, курсив наш – **З.П.**

²⁰ **А. В. Фадеев.** Краткий очерк истории Абхазии. Ч. I. Сухуми, 1934, с. 84, 86.

²¹ **Д. И. Гулиа.** История Абхазии. Тифлис, 1925, с. 191-222.

²² **Д. Гулиа.** О моей книге «История Абхазии». Сухуми, 1951. Репринтное издание. Тб., 1998, с. 14-16. Интернет-версию см.: <http://www.amsi.ge/istoria/div/gulia1.html>.

²³ **З. В. Анчабадзе.** Из истории средневековой Абхазии..., с. 166, 171.

²⁴ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории абхазов..., с. 412.

- ²⁵ Об этом см. Подробно: **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 95-158.
- ²⁶ *Абхазская Автономная Социалистическая Советская Республика*. Исторический очерк. – *Грузинская Советская Энциклопедия*, т. **Грузинская ССР**. Тб., 1981, с. 324, курсив наш – **З.П.**
- ²⁷ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 153, курсив наш – **З.П.**
- ²⁸ **Р. А. Хонелия**. Некоторые вопросы политической истории Абхазии VI-VIII вв. по данным армянских источников. – *Сборник научных работ аспирантов Абхазского института языка, литературы и истории*. Сухуми, 1967; **Р. А. Хонелия**. Политические взаимоотношения Абхазского царства и царства Армянских Багратидов в IX-X веках. *Автореф. канд. дис.* Ереван, 1967.
- ²⁹ **Ш. Д. Инал-ипа**. Вопросы этнокультурной истории..., с. 403.
- ³⁰ **В. В. Кожин**. Современная жизнь традиций. Размышления об абхазской литературе. – *Дружба народов*, №4, 1977, с. 256.
- ³¹ **В. Кожин**. Шеварднадзе в Абхазии продолжает дело Берии. – *Литературная Россия*, 8 января 1993г. Интернет-версию см. на сайте: [http://abkhazia.com/book/?page=book &cat=wb_41](http://abkhazia.com/book/?page=book&cat=wb_41), курсив наш – **З.П.**
- ³² **М. М. Гунба**. Абхазия в первом тысячелетии н. э. *Социально-экономические и политические отношения*. Сухуми, 1989, с. 232-249.
- ³³ **А. Л. Папаскири**. Проблемы изучения русско-абхазских литературных и культурных связей. – *Труды АГУ*, т. VI. Сухуми, 1988, с. 114-129.
- ³⁴ См.: **Ю. Н. Воронов**. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975; **Ю. Н. Воронов**. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.
- ³⁵ **Ю. Н. Воронов**. Ядовитые уроки госпожи Мариам. – газ. «*Абхазия*», 16. 07.1991.
- ³⁶ см.: газ. «*Заря Востока*», 7.08.1991, 8.08.1991.
- ³⁷ Об этом см.: **З. Папаскири**. Новые «подвиги» лидера интерфронта. *Или о том, как раскритиковал Ю. Воронов книгу проф. М. Лордкипанидзе: «Абхазы и Абхазия»*. – газ. «*Апхазетис хма*», 16.08.1991, 17.08.1991 (на груз. яз.). Данную публикацию см. также в кн.: **З. В. Папаскири**. Абхазия – это Грузия. Тб., 1998 (на груз. яз.).
- ³⁸ **Ю. Н. Воронов**. Абхазы. – кто они? Гагра, 1992. Данная брошюра целиком внесена в книгу: *Белая Книга Абхазии*. Документы, материалы, свидетельства. 1992-1993. М., 1993. Интернет-версию см. на сайте: http://psou.narod.ru/history/wb/wb_06.html. Критику изложенных в этой публикации «мудростей» см.: **З. Папаскири**. Парад невежества. *Или очередная выходка известного фальсификатора*. – Газ. «*Апхазетис хма*», 21.11.1992, 26.11. 1992 (на груз. яз.). Данную публикацию см. также в кн.: **З. В. Папаскири**. Абхазия – это Грузия. Тб., 1998 (на груз. яз.); **З. Папаскири**. Парад невежества. *Или очередной вымысел известного фальсификатора*. – Газ. «*Демократическая Абхазия*», 26.02.1993, 3.03.1993, 7.03.1993. Данную публикацию см. также: в кн.: **З. Папаскири**. И восстала Грузия..., с. 224-246.
- ³⁹ **Ю. Н. Воронов**. Абхазы. – Кто они..., с. 21; *Белая Книга...*, с. 28. Интернет-версию см.: http://psou.narod.ru/history/wb/wb_06.html.
- ⁴⁰ *История Абхазии*. Учебное пособие. Гл. редактор **С. З. Лакоба**. Сухуми, 1991, с. 68-88.
- ⁴¹ *История Абхазии...*, с. 70.
- ⁴² *История Абхазии...*, с. 74, курсив наш – **З.П.**
- ⁴³ *История Абхазии...*, с. 76, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁴ *История Абхазии...*, с. 89, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁵ *История Абхазии...*, с. 89, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁶ *История Абхазии...*, с. 90, курсив наш – **З.П.**

⁴⁷ *История Абхазии...*, с. 90.

⁴⁸ О характере взаимоотношений между «Абхазским» царством и Византией в IX-Xвв. см.: **З. Папаскири**. Об уточнении внешнеполитической ориентации «Абхазского» царства. – *Грузинская дипломатия*. Ежегодник, 6. Тб., 1999, с. 325-335 (на груз. яз.). Данную публикацию см. также: в кн.: **З. Папаскири**. И восстала Грузия..., с. 184-195.

⁴⁹ См.: *Абхазское царство*. – Официальный сайт Президента Республики Абхазия: <http://www.abkhaziagov.org/ru/state/history/abkh.phpb>; *Царство Багратидов*. – <http://www.abkhaziagov.org/ru/state/history/bagratid.php>.

⁵⁰ *История Абхазии...*, с. 98.

⁵¹ *История Абхазии...*, с. 98.

⁵² Напр. см.: *Страноведение – все о странах мира*. Интернет-версию см.: <http://maxpj.ru/state.php/796>.

⁵³ См.: **С. М. Шамба**. К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании права Абхазии на независимость. – *Международное право*, №4, М., 1999. Интернет-версию см.: http://www.apsny.ru/history/history.php?page=content/nov_hist/k_yorposu.htm. курсив наш – **З.П.**

⁵⁴ **Е. К. Аджинджал**. Из истории Абхазской государственности. Сухуми, 1996, с. 12-15.

⁵⁵ **С. М. Шамба**. К вопросу о правовом, историческом..., курсив наш – **З.П.**

⁵⁶ **С. М. Шамба**. К вопросу о..., курсив наш – **З.П.**

⁵⁷ **С. М. Шамба**. Абхазия: право на независимость. – Интернет-журнал „Новая политика“. См. на сайте: <http://www.novopol.ru/article2350.html>, курсив наш – **З.П.**

⁵⁸ **Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин**. Абхазия. *Правовые основы государственности и суверенитета*. М., 2003. См. на сайте Интернет-группы „Абхазия – страна души“: <http://abkhazia.narod.ru/SN/char-41.html>. Курсив наш – **З.П.**

⁵⁹ **Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин**. Постсоветское пространство после Беловежья. *Абхазия – De Facto и De Jure*. – Периодический политический журнал: „Гразданин“, №2, 2004. Интернет-версию см.: <http://www.grazhdanin.com/grazhdanin.phtml?val=Vipuski/2004/2/statya7&number=%B92%A02004%E3>, курсив наш – **З.П.**

⁶⁰ **Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин**. Постсоветское..., курсив наш – **З.П.**

⁶¹ **Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин**. Постсоветское..., курсив наш – **З.П.**

⁶² **Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин**. Постсоветское пространство...

⁶³ **Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин**. Постсоветское пространство...

⁶⁴ **Т. М. Шамба, А. Ю. Непрошин**. Постсоветское..., курсив наш – **З.П.**

⁶⁵ **М. М. Гунба**. Об автохтонности абхазов в Абхазии. – *Абхазия – страна души*. На сайте: <http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-67b29ce2daa13cbacb983efe16775a02.html>.

⁶⁶ **А. Л. Папаскир**. Начало абхазо-русских взаимоотношений. – *Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на юге России*, вып. 29. 2005. Интернет-версию см.: http://kavkazonline.ru/csrp/elibrary/uro/uro_29/uro_29_07.htm.

⁶⁷ **И. Ш. Агрба**. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (Конец VIII – Xвв). *Автореферат на соиск. уч. степени канд. исторических наук*. М., 1989, с. 17.

⁶⁸ **Г. Гумба**. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. Сухуми, 1994, с. 4-5.

⁶⁹ **О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба**. История Абхазии. *С древнейших времён до наших дней*. 10-11 классы..., Сухуми, 2006.

⁷⁰ *История Абхазии. С древнейших времён...*, с. 118.

⁷¹ См.: **З. Папаскири**. Политическая ситуация в Грузии накануне образования «Абхазского» царства. – Газ. «Свободная Грузия», 23.VIII.2002; **З. Папаскири**. Образование «Абхазского» царства и его национально-государственный облик. – Газ. «Свободная Грузия», 12.IX.2002, 31.X.2002).

⁷² **З. В. Папаскири**. О национально-государственном облике Абхазии/Грузия. Тб., 2003, с. 17-25; Интернет-версию см.: <http://zrapaskiri.googlepages.com/publications-georgian>; а также: <http://arpsny.ge/upload/history.pdf>; **З. В. Папаскири**. Очерки из истории Современной Абхазии. *С древнейших времен до 1917г.* Тб., 2004, с. 37-55, на груз. яз. Интернет-версию см.: <http://zrapaskiri.googlepages.com/publications-georgian>). Об этом см. также: **З. Папаскири**. Территория Абхазии в XI-XV вв. – В сб.: «Разыскания по истории Абхазии/Грузия». Тб., 1999, с. 177-202.

⁷³ См.: **З. В. Папаскири**. «Абхазское» царство – грузинское государство. – *Исторические разыскания*. Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такашвили. VIII-IX. Тб., 2006, с. 68-106. Электр. версию см: <http://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani> 2005-2006

⁷⁴ *Картлис цховреба*, т. I, с. 235. **Джуаншер Джуаншерияни**. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания **Г. В. Цулая**. Тб., 1986, с. 102-103.

⁷⁵ *Картлис цховреба*, т. I, с. 239; **Джуаншер Джуаншерияни**. Жизнь..., с. 103.

⁷⁶ **Ю. Н. Воронов**. Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху. – *История Абхазии...*, 1991, с. 70; **О. Х. Бгажба**. Абхазия в эпоху феодализма. – *История Абхазии...*, 2006, с. 124.

⁷⁷ *Картлис цховреба*, т. I, с. 239-240; **Джуаншер Джуаншерияни**. Жизнь..., с. 104-105.

⁷⁸ *Картлис цховреба*, т. I, с. 242-243; **Джуаншер Джуаншерияни**. Жизнь..., с. 106.

⁷⁹ *Картлис цховреба*, т. I, с. 243; **Джуаншер Джуаншерияни**. Жизнь..., с. 106.

⁸⁰ **Г. Гумба**. Значение терминов..., с. 10-11.

⁸¹ Об этом подробно см.: **З. Папаскири**. Византийская дипломатия и..., с. 300-308; **З. В. Папаскири**. Из политической истории..., с. 114-120.

⁸² **Иован Сабанис-дзе**. Мученичество Або Тбилели. – *Памятники древнегрузинской агиографической литературы*. Под ред. **И. В. Абуладзе**. Т. I. Тб., 1963, 59-60 (на груз. яз).

⁸³ Датировка дана по И. А. Джавахишвили. См.: **И. А. Джавахишвили**. История грузинского народа. Кн. II. – *Сочинения*, т. II. Тб., 1983, с. 80-81 (на груз. яз).

⁸⁴ **З. Папаскири**. К хронологии установления «Абхазского» Католикосата. – В кн.: «Шота Месхия – 90». Юбилейный сборник, посвященный к 90-летию Шота Месхия. Тб., 2006, с. 204 (на груз. яз). Данную публикацию см. также: в кн.: **З. Папаскири**. И восстала Грузия..., с. 171-183.

⁸⁵ *Матиане Картлиса*. – *Картлис цховреба*. Грузинский текст подготовил по всем основным рукописям проф. **С. Г. Каухчишвили**. Т. I. Тб., 1955, с. 251; *Летопись Картли*. Перевод, введение и примечания **Г. В. Цулая**. Тб., 1982, с. 48.

⁸⁶ *Матиане Картлиса*, с. 251; *Летопись...*, с. 48; **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 98.

⁸⁷ *Картлис цховреба*, т. I, с. 222; **Джуаншер Джуаншерияни**. Жизнь..., с. 99.

⁸⁸ **С. Н. Джанашиа**. О времени и условиях возникновения Абхазского царства. – *Труды*, т. II. Тб., 1952, с. 331-333.

⁸⁹ **С. Никитин**. Аспарух. Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства. – *Вестник МГУ*, 1952, № 1.

- ⁹⁰ **В. Я. Петрухин.** Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории древнерусского государства. – *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1992-1993. М., 1995, интернет-версию см.: <http://norse.ulver.com/articles/petruhin/slavs.html>. О правильной интерпретации этнонима «Русь» см.: **Г. А. Хабургаев.** Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979; **Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин.** Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX-X вв.). – *Вопросы истории*, № 8, 1989, с. 24-38; **Д. А. Авдусин.** Современный антинорманизм. – *Вопросы истории*, 1988, №7, с. 2; **Е. В. Пчелов.** Происхождение династии Рюриковичей. – *Труды Историко-архивного института*, т. 34. М., 2000, с. 139-183, интернет-версию см.: <http://www.auditorium.ru/books/6107/text.pdf>; **И. Н. Данилевский.** Киевская Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). *Несколько лекций из курса.* М., 2000, интернет-версию см.: <http://www.lants.tellur.ru:8100/history/danilevsky/index.htm> и т.д.
- ⁹¹ См.: *Испанские короли.* Под ред. **В. Л. Бернекера.** Ростов-на-Дону, 1998, интернет-версию см.: http://www.world-history.ru/persons_about/46.html.
- ⁹² **Матиане Картлиса.** с. 297; *Летопись Картли*, с. 67; **Вахушти.** История Грузии. *Картлис цховреба.* Грузинский текст подготовил по всем основным рукописям проф. **С. Г. Каухчишвили.** Т. IV. Тб., 1973, с. 562.
- ⁹³ **Вахушти.** История Грузии, с. 742.
- ⁹⁴ См.: Глава VIII. *Объединение Грузии.* § 4. *Борьба княжеств за первенство.* – *История Грузии.* Учебное пособие. Гл. редактор **Н. А. Бердзенишвили**, т. I. Тб., 1962, с. 135-137.
- ⁹⁵ **М. Д. Лордкипанидзе.** Возникновение новых феодальных княжеств. – *Очерки истории Грузии*, т. II. Тб., 1973, с. 421 (на груз. яз.); **М. Д. Лордкипанидзе.** Возникновение новых феодальных государств. – *Очерки истории Грузии*, т. II. Тб., 1988, с. 285.
- ⁹⁶ **Иован Драсханакертский.** История Армении. Армянский текст, грузинский перевод с исследованием и указателями снабдила **Е. Цагарейшвили.** Тб., 1965, с. 38, 64, 109, 111, 119, 257; **Ованес Драсханакертци.** История Армении. Перевод с древнеармянского **М. О. Дарбинян-Меликян.** Ереван, 1984, глава XLI.
- ⁹⁷ **М. М. Гунба.** Абхазия в первом тысячелетии н.э., с. 234-244.
- ⁹⁸ *Матиане Картлиса...*, с. 265; *Летопись Картли...*, с. 53, курсив наш – **З.П.**
- ⁹⁹ *Матиане Картлиса...*, с. 270; *Летопись Картли...*, с. 55, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁰⁰ *Матиане Картлиса...*, с. 270; *Летопись Картли...*, с. 56, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁰¹ *Матиане Картлиса...*, с. 275; *Летопись Картли...*, с. 58, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁰² *Матиане Картлиса...*, с. 270; *Летопись Картли...*, с. 55, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁰³ См.: **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 69; **З. В. Анчабадзе.** Процесс консолидации абхазской народности в раннефеодальную эпоху. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 63-64; **З. В. Анчабадзе.** Очерк этнической..., с. 51-52.
- ¹⁰⁴ **Н. А. Бердзенишвили.** Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 590-593, 604-605 (на груз. яз.).
- ¹⁰⁵ **Н. Ю. Ломоури.** Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую..., с. 103-105.
- ¹⁰⁶ **Д. Бакрадзе.** История Грузии. *С древнейших времён до конца X в.* Ч. I. Тифлис, 1989, с. 273-274 (на груз. яз.).
- ¹⁰⁷ **П. Уварова.** Христианские памятники Кавказа. – *Материалы археологии Кавказа*, IV. М., 1894, с. 8.
- ¹⁰⁸ **Д. И. Гулиа.** *История Абхазии...*, с. 208.

- ¹⁰⁹ **В. В. Латышев.** К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. – *Сборник в Честь графа А. А. Бобринского.* СПб., 1911, с. 10-11.
- ¹¹⁰ **П. И. Ингороква.** Георгий Мерчуле, с. 192.
- ¹¹¹ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 76-79; **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы..., с. 407.
- ¹¹² **Н. А. Бердзенишвили.** Везират в Феодалной Грузии. – В кн.: **Н. А. Бердзенишвили.** Вопросы истории Грузии, т. III. Тб., 1966, с. 45 (на груз. яз.); **Б. К. Кудавя.** Константинопольская патриархия и церковные центры Западной Грузии (IX в.). – В сб.: *«Историани».* К 60-летию Роина Метревели. Тб., 2000, с. 47 (на груз. яз.); **Б. К. Кудавя.** Из истории Абхазского Католикосата. IX-XIII вв. – *Грузинская дипломатия.* Ежегодник, 9. Тб., 2002, с. 565 (на груз. яз.); **Т. Коридзе.** История Абхазского Католикосата (IX-XVI вв.). *Автореферат на соиск. уч. степени кандидата исторических наук.* Тб., 2003, с. 9-10.
- ¹¹³ Об этом подробно см.: **З. Папаскири.** Об уточнении..., с. 325-335.
- ¹¹⁴ Об этом подробно см.: **З. Папаскири.** К хронологии установления „Абхазско-го“ Католикосата..., с. 201-213.
- ¹¹⁵ Об этом подробно см.: **А. К. Качия.** Памятники архитектуры в долине Цкуара. – *Материалы по археологии Абхазии.* Сухуми, 1967; *Корпус грузинских надписей.* Т. II. Составил **В. Силогавя.** Тб., 1980, с. 31-32; **В. Силогавя.** Грузинская эпиграфика Мегрелии-Абхазии. Тб., 2004, с. 258-259; **Л. В. Ахаладзе.** Эпиграфические памятники Абхазии. – В сб.: *«Разыскания по истории Абхазии/Грузия».* Тб., 1999, с. 364; **Л. В. Ахаладзе.** Эпиграфика Абхазии как исторический источник. I. *Лapidарные и фресковые надписи.* Тб., 2005, с. 140-146 (на груз. яз.).
- ¹¹⁶ *Матиане Картлиса...*, с. 265, 270; *Летопись Картли...*, с. 53, 55.
- ¹¹⁷ **Вахушти.** История Грузии..., с. 796.
- ¹¹⁸ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 106-108.
- ¹¹⁹ **Ю. Н. Воронов.** Царство Багратидов. – *История Абхазии...*, 1991, с. 89; **С. М. Шамба.** Абхазия: право на независимость... и др.
- ¹²⁰ *Матиане Картлиса...*, с. 295; *Летопись Картли...*, с. 66.
- ¹²¹ **Сумбат Давидис-дзе Багратиони.** Жизнь и деятельность Багратионов. – *Картелис цховреба*, т. I. Тбилиси, 1955, с. 382; **Сумбат Давидис-дзе Багратиони.** История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечания **М. Д. Лордкипанидзе.** Тбилиси, 1979, с. 38.
- ¹²² *Жизнь царя царей Давида.* – *Картелис цховреба*, т. I. Тбилиси, 1955, с. 358; *Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников.* Грузинские тексты на русский язык перевёл, предисловием и примечаниями снабдил **Г. А. Амичба.** Тбилиси, 1988, с. 87.
- ¹²³ *Картелис цховреба*, т. I (1955), с. 369; *Абхазия и абхазы...*, с. 99.
- ¹²⁴ *История и восхваление венецосцев.* – *Картелис цховреба.* Грузинский текст подготовил по всем основным рукописям **С. Г. Каухчишвили**, т. II. Тб., 1959, с. 38; *История и восхваление венецосцев.* Грузинский текст перевёл, предисловием и примечаниями снабдил **К. С. Кекелидзе.** Тб., 1954, с. 41.
- ¹²⁵ **М. Д. Лордкипанидзе.** Образование грузинской феодальной монархии. – *Очерки истории Грузии*, т. 2. Тб., 1988, с. 376-377.
- ¹²⁶ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 175-177.
- ¹²⁷ **Н. Ш. Асатиани.** К вопросу об антимонгольском восстании Давида Нарина. I. – *Исторические штудии*, II. Тб., 2001, с. 28-49 (на груз. яз.); **Н. Ш. Асатиани, Ш. Дарчишвили.** К вопросу об антимонгольском восстании Давида Нарина. II. – *Исторические штудии*, V. Тб., 2004, с. 3-28 (на груз. яз.).

¹²⁸ Об этом подробно см.: **Э. Гвенетадзе**. Из истории возникновения Имеретинского царства. Тб., 2003 (на груз. яз.).

¹²⁹ **Жамтаагмцерели**. – *Картлис цховреба*. Грузинский текст подготовил по всем основным рукописям **С. Г. Каухчишвили**. Т. II. Тбилиси, 1959, с. 229. Перевод с коррективами дан по Г. А. Амичба. См.: *Абхазия и абхазы...*, с. 107, курсив наш – **З.П.**

Глава IV

¹ *Корпус грузинских надписей*, т. I. Составил **Н. Шошиашвили**. Тб., 1981, с. 56; *Корпус грузинских надписей*, т. II. Составил **В. Силогва**. Тб., 1980, с. 52-53; **М. Д. Лордкипанидзе**. Возникновение новых феодальных государств..., с. 338-339.

² Об этом подробно см.: **З. В. Папаскири**. Возникновение единого грузинского феодального государства и некоторые вопросы внешнеполитического положения Грузии. Тб., 1990, с. 75-82 (на груз. яз.).

³ **Ю. Н. Воронов**. Абхазы – кто они, с. 8.

⁴ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 106-108.

⁵ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 177-178.

⁶ Об этом подробно см.: **Г. Цкитишвили**. К прочтению одного места из «Истории и восхваления венценосцев». – Сб.: «Грузия в эпоху Руставели». Тб., 1966, с. 222-227 (на груз. яз.); **И. П. Антелава**. Грузинские исторические источники XI-XIV вв. Тб., 1988, с. 42-47 (на груз. яз.); **Д. Гоголадзе**. Об эриставстве «апхазов», о древних этносах современной Абхазии и вопрос о конкретном этносе. Тб., 1995, с. 12-14 (на груз. яз.); **М. А. Бахтадзе**. Институт эриставства в Грузии. Тб., 2003, с. 245-247 (на груз. яз.).

⁷ **Д. Гоголадзе**. Об эриставстве «апхазов»..., с. 14-15.

⁸ **Вахушти**. История Грузии..., с. 796.

⁹ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 178.

¹⁰ **Г. В. Цулая**. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. *Домонгольский период*. М., 1995, с. 37 (курсив наш – **З.П.**).

¹¹ **Г. В. Цулая**. Абхазия и абхазы..., с. 131.

¹² Ср. **Т. Берадзе**. Из политической географии Одиши. – *Сборник исторической географии Грузии*. III. Тбилиси, 1967, с. 155 (на груз. яз.).

¹³ **Т. В. Берадзе**. Из политической географии..., с. 155.

¹⁴ Критику точки зрения Т. Берадзе см.: **М. А. Бахтадзе**. Генеалогия Дадрианов XI-XIII вв. – В сб.: *Мариам Лордкипанидзе – 85*. Тб., 2007, с. 285-286 (на груз. яз.).

¹⁵ **Г. В. Цулая**. Абхазия и абхазы..., с. 37 (курсив наш – **З.П.**).

¹⁶ **Г. В. Цулая**. Абхазия и абхазы..., с. 132.

¹⁷ **Г. В. Цулая**. Абхазия и абхазы..., с. 130 (курсив наш – **З.П.**).

¹⁸ **М. Броссе**. История Грузии..., с. 154.

¹⁹ **Д. И. Гулиа**. История Абхазии. Тифлис, 1925, с. 138, 208.

²⁰ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 192. Об этом см. подробно: **Г. З. Анчабадзе**. О происхождении рода Шарвашидзе. – *Грузинское источниковедение*, XI. Тб., 2006, с. 72-80 (на груз. яз.).

²¹ *Картлис цховреба*, I, с. 299; *Летопись Картли...*, с. 68.

²² **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 193-194.

²³ **Ш. Д. Инал-ипа**. Вопросы этнокультурной истории..., с. 408.

²⁴ **Н. А. Бердзенишвили**. Письмо редактору. – *Литературули газети*, №6, 8.II.1957 (на груз. яз.).

- ²⁵ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 194.
- ²⁶ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории..., с. 411.
- ²⁷ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории..., с. 412.
- ²⁸ Об этом см.: **З. В. Папаскири.** Возникновение..., с. 70.
- ²⁹ **Н. А. Бердзенишвили.** Выявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии. – В кн.: **Н. А. Бердзенишвили.** Вопросы истории Грузии. Т. II. Тб., 1965, с. 34 (на груз. яз.).
- ³⁰ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 178. Примерно аналогичную оценку этому событию даёт Г. В. Цулая. См.: **Г. В. Цулая.** Абхазия и..., с. 122.
- ³¹ **Г. З. Анчабадзе.** О значении термина «внутреннее войско». – *Мацне*, серия истории, 1987, №1, с. 85-86 (на груз. яз.); **З. В. Папаскири.** «Варанги» грузинской «Летописи Картли» и некоторые вопросы русско-грузинских контактов в XI веке. – *История СССР.* № 3. М., 1981, с.164-169; **З. В. Папаскири.** У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тб., 1982; **З. В. Папаскири.** Возникновение..., с. 188-189.
- ³² *Картлис цховреба*, I, с. 295; *Летопись Картли...*, с. 66.
- ³³ **З. В. Анчабадзе.** Феодалная Абхазия в XI-XVвв. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 77; **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории..., с. 413.
- ³⁴ **З. В. Папаскири.** К толкованию одного сообщения «Матиане Картлиса». – *Труды Абхазского государственного университета им. А. М. Горького.* Т. I. Сухуми, 1983, с. 133-144 (на груз. яз.); **З. В. Папаскири.** О некоторых вопросах внешней политики Грузинского царства в I трети XI века. – *Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии.* Сухуми, 1980, с. 64-74.
- ³⁵ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы этнокультурной истории..., с. 408.
- ³⁶ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 182; **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы..., с. 413.
- ³⁷ *Картлис цховреба*, I, с. 339; *Абхазия и абхазы...*, с. 86.
- ³⁸ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 184; **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы..., с. 413.
- ³⁹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 65; *История и восхваление...*, с. 58.
- ⁴⁰ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 189.
- ⁴¹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 65; *История и восхваление...*, с. 87; *Абхазия и абхазы...*, с. 92.
- ⁴² **В. Сизов.** Восточное побережье Черного моря. – *Материалы археологии Кавказа (МАК)*, вып. II. М., 1889, с. 49.
- ⁴³ **Ю. Н. Воронов.** Абхазы..., с. 8.
- ⁴⁴ **З. В. Анчабадзе.** Феодалная Абхазия в XI-XVвв., с. 86.
- ⁴⁵ Об этом см.: **З. В. Папаскири.** Бедийский храм – символ единой грузинской государственности. – *Исторические Разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такайшвили, т. III. Тб., 2000. с. 3-9, электронн. версия: <http://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani2000>
- ⁴⁶ **З. В. Анчабадзе.** Феодалная Абхазия в XI-XVвв., с. 83.
- ⁴⁷ **В. Сизов.** Восточное побережье..., с. 21; **З. В. Анчабадзе.** Феодалная..., с. 83.
- ⁴⁸ **З. В. Анчабадзе.** Феодалная Абхазия в XI-XVвв., с. 83.
- ⁴⁹ **З. В. Анчабадзе.** Феодалная Абхазия в XI-XVвв., с. 83.
- ⁵⁰ См.: **Георгий Кедрин.** Хронография. – *Георгика.* Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил **С. Г. Каухчишвили.** Т.V. Тб., 1963, с. 22-24, 31, 55-56; **Н. Ю. Ломоури.** Названия Грузии в византийских источниках. – В кн.: *«Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятия «Грузия» и «грузины».* Тб., 1993, с. 83 (на груз. яз.).

⁵¹ **Иоанн Зонара.** История. Греческий текст с грузинским переводом подготовил к изданию и снабдил исследованием **М. Кахадзе.** – *Георгика.* Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил **С. Г. Каухчишвили.** Т. VI. Тб., 1966, с. 235.

⁵² **Иоанн Зонара.** История., с. 239.

⁵³ *Картлис цховреба*, I, с. 334; см. также: **В. У. Копалиани.** Взаимоотношения Грузии с крестоносцами и Византией на рубеже XI-XII вв. – *Вопросы истории Грузии XII века.* Труды ТГУ, т. 125, с. 113-120 (на груз. яз.); **Ш. А. Месхия.** Дидгорская битва. Тб., 1974, с. 47-48; **Р. В. Метревели.** Давид Строитель. Тб., 1990, с. 291 (на груз. яз.); **Р. В. Метревели.** Внешняя политика Грузии в средние века (XII век). Тб. 1995, с. 34.

⁵⁴ **Михаил Атталиат.** История. – *Георгика.* Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил **С. Г. Каухчишвили.** Т. VI. Тб., 1966, с. 27-30; **Н. Ю. Ломоури.** Названия., с. 83.

⁵⁵ **Иоанн Цеце.** Книга истории. – *Георгика.* Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил **С. Г. Каухчишвили.** Т. VII, Тб., 1967, с. 23.

⁵⁶ **Иоанн Цеце.** Книга истории., с. 23. См. также: **А. П. Каждан.** Армяне в составе господствующего класса в Византийской империи в XI-XII вв. Ереван, 1975, с. 143-144; **З. В. Папаскири.** У истоков., с. 55-56.

⁵⁷ **Никифор Вриений.** Исторические материалы. – *Георгика.* Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил **С. Г. Каухчишвили.** Т. V, Тб., 1963, с. 306.

⁵⁸ **Георгий Кедрин.** Хронография., с. 79-81; **Н. Ю. Ломоури.** Названия., с. 87.

⁵⁹ **Михаил Атталиат.** История., с. 23-26.

⁶⁰ **Иоанн Зонара.** История, с. 234, 236-237; **Н. Ю. Ломоури.** Названия., с. 88.

⁶¹ **Г. Г. Литаврин.** Внутренняя и внешняя политика Византии в 1025-1057 гг. – *История Византии.* Т. II. М., 1967, с. 270.

⁶² **Г. Г. Литаврин.** Внутренняя и внешняя политика., с. 270.

⁶³ **Ш. А. Месхия, Н. Ш. Асатиани, В. У. Копалиани, Э. В. Хоштария.** Некоторые замечания ко второму тому «Истории Византии». – *Вопросы истории*, №9, 1969, с. 178-180.

⁶⁴ См.: *Мацне*, серия истории., №4, 1968, с. 130.

⁶⁵ *Мацне*, серия истории., №4, 1968, с. 130; **З. В. Папаскири.** Возникновение., с. 155-156; **З. В. Папаскири.** От Давида до Давида. *Из истории международных отношений Грузии. 70-е годы X – 80-е годы XI вв.* Тб., 2001, с. 68. Электронную версию см: <http://sites.google.com/site/zpapaskiri/publications-georgian>

⁶⁶ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы., с. 196, курсив наш – **З. П.**

⁶⁷ **В. Г. Силагадзе.** Сведения Яхьи Антиохийского о взаимоотношениях Грузии и Византии в последней четверти X и первой четверти XI вв. – «*Грузинское источниковедение*», VI. Тб., 1985, с. 116-118 (на груз. яз.); **Г. Джапаридзе.** Арабские названия грузин и Грузии. – В кн.: *Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятия «Грузия» и «грузины».* Тб., 1993, с. 132 (на груз. яз.).

⁶⁸ **Г. Джапаридзе.** Арабские названия., с. 134.

⁶⁹ **Н. Н. Шенгелия.** Садр Ад-Дин Хусейни о походе Алп-Арслана в Грузию и страны Закавказья. – «*Разыскания по истории Грузии и Кавказа*». Тбилиси, 1976, с. 192-193 (на груз. яз.); **Садр Ад-Дин Али ал-Хусейни.** Ахбар ад-даулат ас-сельджукийя. Издание текста, перевод, введение и примечания **З. М. Буниятова.** М., 1989, с. 54; **Г. Джапаридзе.** Арабские названия., с. 132.

- ⁷⁰ **В. Ф. Минорский.** История Ширвана и Дербенда., с. 222-223.
- ⁷¹ **Ан-Насави.** Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Перевод, предисловие, комментарии, примечания и указатели **З. М. Буниятова.** Баку, 1973, с. 160; **Г. Джапаридзе.** Арабские названия., с. 132.
- ⁷² *Сведения Якута о Грузии и Кавказе.* Арабский текст с грузинским переводом и предисловием издала **Э. Сихарулидзе.** Вып. 1. Тбилиси, 1964, с. 1; **Г. Джапаридзе.** Арабские названия., с. 132.
- ⁷³ **В. Г. Силагадзе.** К уточнению одного места сочинения Ибн ал-Асира «Тарих ал-Камил» (арабский текст с грузинским переводом). – *«Грузинское источниковедение»*, III. Тб., 1971, с. 68; **Г. Джапаридзе.** Арабские названия., с. 133.
- ⁷⁴ **Г. Джапаридзе.** Арабские названия., с. 133.
- ⁷⁵ **Г. Берадзе.** Материалы к истории Грузии XII в. в сочинении Ибн-Испандиара. – В кн.: *«Восточные материалы истории Грузии».* Тб., 1976, с. 70.
- ⁷⁶ **А. И. Болдырев.** Два ширванских поэта – Низами и Хакани. – Сб.: *«Памятники эпохи Руставели».* Л., 1938, с. 137.
- ⁷⁷ **З. М. Буниятов.** Грузия и Ширван в I половине XII века. – В сб.: *«Грузия в эпоху Руставели».* Тб., 1966, с. 289.
- ⁷⁸ **А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин.** Пути развития феодализма. М., 1972, с. 37. См. также немецкий перевод Ибн Биби: **Н. W. Duda.** Die Selttschukungeschichte des Ibn Bibi. Munksgard-Kopenhagen, 1859, с. 33.
- ⁷⁹ **Е. Цагарейшвили.** Армянские источники о взаимоотношениях Грузии и Византии в X-XI веках. – *«Мравалтави»* (Историко-филологические разыскания). II. Тб., 1973, с. 176 (на груз. яз.); *Всеобщая история Степаноса Таронского – Асохика по прозванию, писателя XI столетия.* Перевод с армянского **Н. Эмина.** М., 1864, с. 200.
- ⁸⁰ **Е. Цагарейшвили,** Армянские источники., с. 179, 180; **Аристакэс Ластивертци.** История. Грузинский перевод с исследованием, комментариями и указателями **Е. Цагарейшвили.** Тб., 1974, с. 41-42; *«Повествование» Вардапета Аристакэса Ластивертци.* Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарии и приложения **К. Н. Юзбаиана.** М., 1968, с. 57-58.
- ⁸¹ **Е. Цагарейшвили.** Армянские источники., с. 182, 185, 187, 190; **Аристакэс Ластивертци.** История, с. 48, 50, 52; *«Повествование» Вардапета..*, с. 67, 69.
- ⁸² **Е. Цагарейшвили.** Армянские источники., с. 181; **Аристакэс Ластивертци.** История, с. 45; *«Повествование» Вардапета Аристакэса..*, с. 65.
- ⁸³ *Всеобщая история Вардана Великого.* Перевод с древнеармянского **Н. Эмина.** М., 1861, с. 117; **Е. Цагарейшвили.** Армянские источники., с. 195.
- ⁸⁴ *Полное Собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). Т. II. М., 1908, столб. 465, 468, 716; ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856, с. 60; ПСРЛ. Т. XXI, М.-Л., 1949, с. 175; *Патерик Киевско-Печерского монастыря.* Под ред. **Д. М. Абрамовича.** СПб., 1911, с. 8, 193; *Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.* – Труд учеников **Н. С. Тихонравова.** М., 1892, вып. I, с. 119, прим. 14.
- ⁸⁵ **Ш. Д. Инал-ипа.** Вопросы., с. 416-417; **А. Л. Папаскири.** Проблемы изучения русско-абхазских литературных и культурных связей. – *Труды Абхазского государственного университета.* Т. VI. Сухуми, 1988, с. 114-129.
- ⁸⁶ **Я. З. Цинцадзе.** Разыскания по истории русско-грузинских взаимоотношений (X-XVI вв.). Тб., 1956, с. 65-67 (на груз. яз.); **Я. З. Цинцадзе.** Древнерусские материалы по истории русско-грузинских культурных связей. Тб., 1962, с. 25-26 (на груз. яз.); **Г. Г. Сулава.** Что понимали в Древней Руси под названием «Обезь». –

- История СССР*, №2, 1957, с. 158; **Ш. А. Месхия, Я. З. Цинцадзе**. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X-XVIII вв. Тб., 1958, с. 12; **З. В. Анчабадзе**, Из истории..., с. 171-177; **Г. В. Цулая**. «Обези» русских источников. – *Советская Этнография*, 1975, №2; **Н. Ф. Котляр**. Грузинские сюжеты древнерусских летописей. – В сб.: *«Из истории украинско-грузинских связей»*, III. Тб., 1975, с. 7-11; **З. В. Папаскири**. К вопросу о международной роли Грузии в XI – первой половине XII вв. – *«Проблемы истории СССР»*, вып. V. М., 1976, с. 121-123 /Данную публикацию см. также: в кн.: **З. Папаскири**. И восстала Грузия..., с. 196-208/; **З. В. Папаскири**. У истоков..., с. 116-123. Всесторонний и исчерпывающий анализ историографии данной проблемы дал Г. Г. Пайчадзе. (См.: **Г. Г. Пайчадзе**. Названия Грузии в русских письменных исторических источниках. Тб., 1989, с. 11-60).
- ⁸⁷ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 233.
- ⁸⁸ *Картлис цховреба*, т. II, с. 156; *Абхазия и абхазы...*, с. 101.
- ⁸⁹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 156; *Абхазия и абхазы...*, с. 101.
- ⁹⁰ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 215.
- ⁹¹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 58.
- ⁹² **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 213-214; **Г. В. Цулая**. Абхазия и абхазы..., с. 137-139; **Т. Гванцеладзе**. Ещё раз об этнониме «абхаз» и связанных с ним корнях. – В кн.: *Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятия «Грузия» и «грузины»*. Тб., 1993, с. 575-576.
- ⁹³ *Картлис цховреба*, т. II, с. 182.
- ⁹⁴ *Картлис цховреба*, т. II, с. 179-180; *Абхазия и абхазы...*, с. 102-103.
- ⁹⁵ *Картлис цховреба*, т. II, с. 182.
- ⁹⁶ *Картлис цховреба*, т. II, с. 229.
- ⁹⁷ Цит. по кн.: **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 234.
- ⁹⁸ **В. В. Кожин**. Современная жизнь традиций..., с. 256.
- ⁹⁹ Об этом подробно см.: **З. В. Папаскири**. К хронологии установления «Абхазского» Католикосата..., с. 201-213, там же соответствующая специальная литература.
- ¹⁰⁰ *Картлис цховреба*, т. IV, с. 746, перевод дан по **М. Д. Лордкипанидзе**. Возникновение новых феодальных государств..., с. 287.
- ¹⁰¹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 180; *Абхазия и абхазы...*, с. 103.
- ¹⁰² Текст *«Мицебаи сарджуло» («Каноническая заповедь»)* см. в кн.: *Памятники грузинского права*. Т. III. Церковные законодательные памятники (XI-XIX веков). Тексты издал, примечаниями и указателями снабдил **И. С. Долидзе**. Тб., 1966, с. 221-233 (на груз. яз.). Об оценке этого события см.: **И. А. Джавахишвили**. История грузинского народа. Т. IV. Тб., 1967, с. 111-114 (на груз. яз.).
- ¹⁰³ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 241.
- ¹⁰⁴ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 241; **В. Кикнадзе**. Грузия в XIV веке. Тб., 1989, с. 102 (на груз. яз.).
- ¹⁰⁵ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 278.
- ¹⁰⁶ **Б. Ломинадзе**. Гелати. Тб., 1958, с. 12 (на груз. яз.); См. также: *Грузинская Советская Энциклопедия*. Т. II. Тбилиси, 1977, с. 31 (на груз. яз.).
- ¹⁰⁷ **Д. З. Бакрадзе**. Кавказ в древних памятниках христианства. СПб, 1875, с. 121-122; **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 242, 278.
- ¹⁰⁸ **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 242.
- ¹⁰⁹ **Вахушти**. История Грузии..., с. 801; **О. Соселия**. К дате возникновения Мегрельского самтавро (владетельного княжества). – *Мимомхилвели*, II. Тб., 1951, с. 175 (на груз. яз.).

- ¹¹⁰ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 295.
- ¹¹¹ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 295.
- ¹¹² **Вахушти.** История Грузии..., с. 258; *Абхазия и абхазы...*, с. 137-138.
- ¹¹³ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 236.
- ¹¹⁴ **Вахушти.** История Грузии..., с. 258; *Абхазия и абхазы...*, с. 137-138.
- ¹¹⁵ **Вахушти.** История Грузии..., с. 258; *Абхазия и абхазы...*, с. 138.
- ¹¹⁶ **Вахушти.** История Грузии..., с. 803.
- ¹¹⁷ **Д. Нинидзе.** «Провинциальные цари» в Грузии в XIV-XV веках. Тб., 1995, с. 123 (на груз. яз.).
- ¹¹⁸ **Вахушти.** История Грузии..., с. 265; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 237; **Д. Нинидзе.** «Провинциальные цари»..., с. 123.
- ¹¹⁹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 342; *Абхазия и абхазы...*, с.111.
- ¹²⁰ *Арабские историки XIV-XV вв. о Грузии.* Перевод с арабского, введение, примечания и указатели **Д. Гочолеишвили.** Тб., 1988, с. 53.
- ¹²¹ **В. Г. Тизенгаузен.** Заметка Эль-Калкашанди о грузинах. Перевод на русский язык и издание **В. Г. Тизенагаузена.** – *Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.* Т. I, вып. 3. СПб., 1886, с. 214; **В. Кикнадзе.** Грузия в XIV в., с. 101.
- ¹²² *Сведения итальянских путешественников XV века о Грузии.* Перевод с итальянского, предисловие, примечания и указатели **Э. М. Мамиствалишвили.** Тб., 1981, с. 55; См. также: **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши. – *Труды ТГУ.* Т. 310. Тб., 1992, с. 49-50 (на груз. яз.).
- ¹²³ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 50.
- ¹²⁴ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 50.
- ¹²⁵ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 240.
- ¹²⁶ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 50.
- ¹²⁷ **Д. Капаназе.** Грузинская нумизматика. М., 1955, с. 97; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 238; *По поводу искажения грузино-абхазских взаимоотношений.* Ответ авторам «абхазского письма». Тб., 1991, с. 12, 76.
- ¹²⁸ **Е. Такаишвили.** Археологические путешествия в Мегрелии. Древняя Грузия. Т. III. Тифлис, 1913-1914, с. 132, на груз. яз.; **Т. Берадзе.** Из политической..., с. 158.
- ¹²⁹ **Е. Такаишвили.** Археологические..., с. 132-133.
- ¹³⁰ **В. Кикнадзе.** Латинский источник о Грузии XIV в. – *Труды ТГУ.* Т. 243. Тб., 1983 (с. 98-99, на груз. яз.); **В. Кикнадзе.** Грузия в XIV веке..., с. 104,
- ¹³¹ **Вахушти.** История Грузии..., с. 269; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 237.
- ¹³² См.: **Е. Такаишвили.** Археологические..., с. 133; **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 49; **Т. Берадзе.** О значении терминов «Гагари» и «Угаги». – *Мацне.* Серия истории..., №1, 1973, с. 122 (на груз. яз.).
- ¹³³ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 49.
- ¹³⁴ **Вахушти.** История Грузии..., с. 278; *Абхазия и абхазы...*, с.138.
- ¹³⁵ **Вахушти.** История Грузии..., с. 278; *Абхазия и абхазы...*, с.138.
- ¹³⁶ **Вахушти.** История Грузии..., с. 278; *Абхазия и абхазы...*, с. 138-139.
- ¹³⁷ *Сведения итальянских...*, с. 55; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 239.
- ¹³⁸ **М. Тамарашвили.** История католичества среди грузин. Тифлис, 1902, с. 595 (на груз. яз.); **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 239.
- ¹³⁹ **М. Тамарашвили.** История..., с. 596; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 239.
- ¹⁴⁰ **И. Джавахишвили.** История грузинского народа, т. IV, с. 68.
- ¹⁴¹ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 253-254.
- ¹⁴² **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 51.

- ¹⁴³ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 51-12.
- ¹⁴⁴ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 52.
- ¹⁴⁵ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 52.
- ¹⁴⁶ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 52.
- ¹⁴⁷ См.: **Т. Н. Берадзе.** Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тб., 1989, с. 89-92.
- ¹⁴⁸ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 244.
- ¹⁴⁹ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 52.
- ¹⁵⁰ **Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко.** Очерки по истории Генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII-XV вв. – *Исторические записки.* Т. 3. М., 1938, с. 86.
- ¹⁵¹ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 52-53.
- ¹⁵² **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 52-53.
- ¹⁵³ **Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко.** Очерки по истории Генуэзских колоний..., с. 113; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 246, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁵⁴ **Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко.** Очерки по истории Генуэзских колоний..., с. 114; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 246, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁵⁵ **В. Кикнадзе.** Латинский источник о Грузии..., с.102-103; **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 56.
- ¹⁵⁶ **В. Кикнадзе.** Латинский..., с. 103; **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 56.
- ¹⁵⁷ **В. Кикнадзе.** Латинский..., с. 103; **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 56.
- ¹⁵⁸ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 56. О характере взаимоотношений Дадзиани с генуэзскими колониями см.: **Э. М. Мамиствалишвили.** Внешнеполитические отношения Грузии во II половине XV и XVI вв. Тб., 1981, с. 75-80, на груз. яз.
- ¹⁵⁹ **Вахушти.** История Грузии..., с. 284; **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 252; **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 54.
- ¹⁶⁰ **Вахушти.** История Грузии..., с. 284.
- ¹⁶¹ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 252; **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории..., с. 54; **М. Х. Сванидзе.** Из хронологии Вахушти Багратиони (Первое вторжение турок на черноморском побережье Грузии). – *Источниковедческие разыскания.* Тб., 1985, с. 110.
- ¹⁶² **Вахушти.** История Грузии..., с. 284; **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 54.
- ¹⁶³ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 55.
- ¹⁶⁴ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 248.
- ¹⁶⁵ **Э. М. Мамиствалишвили.** Из истории Одиши..., с. 55.
- ¹⁶⁶ **Вахушти.** История Грузии..., с. 806.
- ¹⁶⁷ **Вахушти.** История Грузии..., с. 806.
- ¹⁶⁸ **З. В. Папаскири.** Вахушти Багратиони – гигант средневековой грузинской историографии. – *Исторические Разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такашвили, т. I. Тб., 1998, с. 249-250 (на груз. яз.).
- ¹⁶⁹ **Вахушти.** История Грузии..., с. 807.
- ¹⁷⁰ Об этом подробно см.: **Э. Гвенетадзе.** Из истории возникновения..., с. 115-133.
- ¹⁷¹ **Вахушти.** История Грузии..., с. 807-808.
- ¹⁷² *Картлис цховреба*, т. II, с. 343, 480; *Абхазия и абхазы...*, с. 112
- ¹⁷³ **Вахушти.** История Грузии..., с. 809.
- ¹⁷⁴ *Картлис цховреба*, т. II, с. 349; *Абхазия и абхазы...*, с. 112-113.
- ¹⁷⁵ *Картлис цховреба*, т. II, с. 349.

Глава V

- ¹ *Памятники грузинского права*. Т. III., с. 222; **Д. Л. Мухелишвили**. Исторический статус..., с. 134.
- ² **Арканджело Ламберти**. Описание Мегрелии. Перевод с итальянского **А. Чкония**. Второе издание. Предисловие редакция и примечания **Л. Асатиани**. Тб., 1938, с. 116 (на груз. яз.); **Б. К. Хорава**. Взаимоотношения Одиши и Абхазии в XV-XVIII вв. Тб., 1996, с. 83 (на груз. яз.).
- ³ *Сведения доминиканского миссионера Джованни да Лукка об Абхазии и Мегрелии*. – В кн.: **И. М. Табагуа**. Грузия в архивах и книгохранилищах Европы. III. Тб., 1987, с. 170 (на груз. яз.); **Г. Рогава**. Религия и церковь в Абхазии. Тб. 1997, с. 21 (на груз. яз.).
- ⁴ *Путешествие Гюльденштедта по Грузии*, т. II. Немецкий текст с грузинским переводом издал и исследовал **Г. Гелаивили**. Тб., 1964, с. 51; **Б. К. Хорава**. Взаимоотношения Одиши и Абхазии..., с. 85.
- ⁵ **Арканджело Ламберти**. Описание Мегрелии..., с. 8.
- ⁶ **Вахушти**. История Грузии..., с. 787.
- ⁷ **П. И. Ингороква**. Георгий Мерчуле..., с. 118-189.
- ⁸ **Н. А. Бердзенишвили**. О книге Павле Ингороква..., с. 125-131.
- ⁹ **Н. А. Бердзенишвили**. Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 538-621 (на груз. яз.).
- ¹⁰ **Г. А. Гасвиани**. Грузинские учёные о точке зрения Павле Ингороква об Абхазии и абхазах. Тб., 2003, с. 53-80 (на груз. яз.).
- ¹¹ Об этом см. ниже: с. 285-287.
- ¹² **Вахушти**. История Грузии..., с. 845.
- ¹³ **Ш. Б. Ногмов**. История адыгейского народа. *По Кабардинским преданиям*. Нальчик, 1982, с. 76-78; **Д. Л. Мухелишвили**. Исторический статус..., с. 133.
- ¹⁴ **Д. Л. Мухелишвили**. Исторический статус..., с. 133.
- ¹⁵ **Л. И. Лавров**. Проблемы этногенеза кавказских горцев. – В кн.: „*Историко-этнографические очерки Кавказа*“. Л., 1978, с. 46; **Д. Л. Мухелишвили**. Исторический статус..., с. 133.
- ¹⁶ **Д. Л. Мухелишвили**. Исторический статус..., с. 133.
- ¹⁷ **Ш. Д. Инал-ипа**. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, с. 141; **Д. Л. Мухелишвили**. Исторический статус..., с. 133.
- ¹⁸ **Д. Л. Мухелишвили**. Исторический статус..., с. 133, там же соответствующая литература.
- ¹⁹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 497; **Б. К. Хорава**. Взаимоотношения Одиши, с. 61-62.
- ²⁰ *Турецкие источники по истории Самцхе-Саатабаго I половины XVIв*. Турецкие документы с грузинским переводом, исследованием и примечаниями издала **Ц. Абуладзе**. Тб., 1983, с. 57; **Б. К. Хорава**. Взаимоотношения Одиши, с. 60.
- ²¹ **Т. Берадзе**. Этнополитические процессы на территории современной Абхазии в XI-XV вв. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия*. Тб., 1999, с. 206.
- ²² *Картлис цховреба*, т. II, с. 361-362.
- ²³ **Вахушти**. История Грузии..., с. 816-817.
- ²⁴ **Т. Берадзе**. Этнополитические процессы..., с. 206.
- ²⁵ **Т. Берадзе**. Этнополитические процессы..., с. 206.
- ²⁶ **Т. Берадзе**. Этнополитические процессы..., с. 206.
- ²⁷ **И. Г. Антелава**. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. Сухуми, 1951, с. 25; **З. В. Анчабадзе**. Из истории..., с. 262, 289.

- ²⁸ **А. Тугуши.** К вопросу образования Абхазского княжества. – Газ. «*Сакартвело*», №19, 12-18 июня 1993г., с. 6 (на груз. яз.); **Д. Л. Мухелишвили.** Исторический статус..., с. 133; **Н. В. Джикия.** К вопросу о возникновении Абхазского княжества. – *Исторические Разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такашвили, IV, Тб., 2001, с. 120-141 (на груз. яз.), там же соответствующая литература. Электрон. версию см.: <http://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani2001>
- ²⁹ **И. М. Табагуа.** Грузия в архивах и книгохранилищах Европы. Т. II, Тб., 1986, с. 46; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 72.
- ³⁰ *Исторические документы Имеретинского царства и Гурийского и Одишского княжеств* (1466-1770). Кн. I. Текст издал, предисловием и указателями снабдил **Ш. В. Бурджанадзе.** Тб., 1958, с. 151-152 (на груз. яз.); **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 149-150.
- ³¹ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 149.
- ³² **И. М. Табагуа.** Грузия в архивах и книгохранилищах Европы, т. III, с. 157; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 94.
- ³³ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 79.
- ³⁴ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 77.
- ³⁵ **К. Г. Григолия.** Надпись на иконе Илорского святого Гиоргия. – *Известия ГА-ИМК*, XIII, Тб., 1942, с. 157 (на груз. яз.); **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 76.
- ³⁶ **М. М. Гунба.** Келасурская стена. – *Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа.* Тб., 1977, т. VI, с. 137-151.
- ³⁷ **Арканджело Ламберти.** Описание Мегрелии..., с. 192.
- ³⁸ **Вахушти.** История Грузии..., с. 782.
- ³⁹ **Н. Дадiani.** Жизнь грузин. Текст издал, предисловием, исследованием, комментариями, указателями и словарём снабдил **Ш. В. Бурджанадзе.** Тб., 1962, с. 151.
- ⁴⁰ **Арканджело Ламберти.** Описание Мегрелии..., с. 192.
- ⁴¹ *Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны (сведения о Грузии).* Перевод с французского, исследование и комментарий **М. А. Мгалоблишвили.** Тб., 1975, с. 107.
- ⁴² **Ю. Н. Воронов.** Келасурская стена. – *Советская археология*, №2, 1973, с. 106-109.
- ⁴³ **И. М. Табагуа.** Грузия в архивах и книгохранилищах Европы..., т. III, с. 56-158; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 78.
- ⁴⁴ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 239; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 78.
- ⁴⁵ *Альбом зарисовок и реляции Кристофоро де Кастелли.* Текст расшифровал, перевёл, с исследованием и комментариями снабдил **Б. Гиоргадзе.** Тб., 1976, с. 192, 194; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 78-79.
- ⁴⁶ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 100.
- ⁴⁷ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 79.
- ⁴⁸ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 100.
- ⁴⁹ **З. В. Анчабадзе.** Из истории..., с. 289; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 100.
- ⁵⁰ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 103.
- ⁵¹ **Пешанги.** Шахнавазиани. Под редакцией **Г. Леонидзе** и **С. Иорданишвили.** Тб., 1935, с. 83; **Вахушти.** История Грузии..., с. 836.
- ⁵² **Пешанги.** Шахнавазиани..., с. 83; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 104.
- ⁵³ **Н. Ш. Асатиани.** Материалы к истории Грузии XVII века. «*Описание Грузии*», составленное **Павлом Алеппским.** Тб., 1973, с. 75; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 104.

- ⁵⁴ **М. Тамарашвили.** История католичества..., с. 204-205; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 110-111.
- ⁵⁵ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 110.
- ⁵⁶ **И. Г. Антелава.** Очерки..., с. 38; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 111.
- ⁵⁷ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 111-112.
- ⁵⁸ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 114.
- ⁵⁹ **Вахушти.** История Грузии..., с. 851; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 115.
- ⁶⁰ **И. Г. Антелава.** Политическая жизнь Абхазии в XVI-XVIII вв. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 122; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 116.

Глава VI

- ¹ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 116-117.
- ² **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 117.
- ³ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 117.
- ⁴ **В. Зухбая, Х. Зангарая.** Гали. Природа района, исторический очерк, народное хозяйство. Сухуми, 1988, с. 67 (на груз. яз.).
- ⁵ *Памятники грузинского права*, т. III, с. 670; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 118.
- ⁶ *Памятники грузинского права*, т. III, с. 647-648; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 118.
- ⁷ *Памятники грузинского права*, т. III, с. 647-648; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 118.
- ⁸ **С. Н. Какабадзе.** Церковные документы Западной Грузии. Кн. I. Тифлис, 1921, с. 88 (на груз. яз.); **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 117, курсив наш – **З.П.**
- ⁹ *Древности Грузии.* Под ред. **Э. С. Такашвили.** Т. I. Тифлис, 1899, с. 36 (на груз. яз.); **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 119, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁰ *Памятники грузинского права*, т. III, с. 677; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 118.
- ¹¹ **Ю. Н. Воронов.** Абхазы – кто они, с. 24; **Ю. Н. Воронов, Р. Н. Кацня.** Абхазское княжество и султанская Турция. – *История Абхазии.* Учебное пособие, гл. ред. **С. Лакоба.** Сухуми, 1991, с. 120-125.
- ¹² *Древности Грузии*, с. 36; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 119.
- ¹³ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 121.
- ¹⁴ *Памятники грузинского права*, т. III, с. 670; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 122.
- ¹⁵ **Вахушти.** История Грузии..., с. 862-863.
- ¹⁶ *Древности Грузии*..., с. 30-31; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 121.
- ¹⁷ *Самегрело, Колхида, Одиши.* Очерки по археологии, языкознанию, истории, зодчества и этнологии. Под общей редакцией **И. П. Антелава.** Тбилиси-Зугдиди, 1999, с. 224 (на груз. яз.).
- ¹⁸ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 121.
- ¹⁹ **Е. С. Такашвили.** Археологическое путешествие в Менгрелию. Древняя Грузия. Т. III, Тифлис, 1913-1914, с. 190-191; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 126.
- ²⁰ *Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII-XVIII вв.).* Турецкий текст с грузинским переводом, введением, терминологическим словарём, факсимиле и индексом подготовил к изданию **Н. Н. Шенгелия.** Тб., 1982, с. 90-91 (на груз. яз.).

- ²¹ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 127.
- ²² **Вахушти.** История Грузии..., с. 891; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 130.
- ²³ **И. Г. Антелава.** Очерки..., с. 75-76; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 131.
- ²⁴ **К. Мачавариани.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухуми, 1913, с. 361-362; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 131.
- ²⁵ **А. Пахомов.** Записка об имениях князя Георгия Шервашидзе. – **И. Г. Антелава.** **Г. А. Дзидзария.** Материалы по истории Абхазского княжества. – *Исторический Вестник*, т. 7. Тб., 1953, с. 292; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 131.
- ²⁶ **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 178.
- ²⁷ **Г. А. Дзидзария.** Присоединение Абхазии к России. – В кн.: **Г. А. Дзидзария.** Труды. Т. I. Сухуми, 1988, с. 16-17; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 161.
- ²⁸ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 162.
- ²⁹ **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 178.
- ³⁰ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 164. Об этом подробно см.: **Д. Р. Закараиа.** Политические процессы в Абхазском княжестве в последней четверти XVIII – начале XIX в. *Первый период правления Келеш-бея Шарвашидзе.* – *Исторические Разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такашвили, т. VI. Тб., 2003. с. 73-78 (на груз. яз.), электронн. версия: saistoriodziebani.googlepages.com.
- ³¹ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 165.
- ³² **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 166.
- ³³ *Акты, собранные Кавказскою археографической комиссиею* (далее: АКАК). Под ред. **А. Берজে.** Т. VI, ч. II. Тифлис, 1875, с. 814; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 166.
- ³⁴ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 166.
- ³⁵ **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 186-187.
- ³⁶ **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 187; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 167-168.
- ³⁷ **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 192, курсив наш – **З.П.**
- ³⁸ **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 192; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 169.
- ³⁹ **Г. А. Дзидзария.** Присоединение Абхазии к России. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 130.
- ⁴⁰ **Г. А. Дзидзария.** Присоединение Абхазии..., с. 130, курсив наш – **З.П.**
- ⁴¹ **Г. А. Дзидзария.** Присоединение Абхазии..., с. 131.
- ⁴² **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 194; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 170-171.
- ⁴³ АКАК, т. II, Тифлис, 1868, с. 527; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения ..., с. 175.
- ⁴⁴ АКАК, т. III. Тифлис, 1869, с. 190; **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения..., с. 175.
- ⁴⁵ АКАК, т. II, с. 536.
- ⁴⁶ **Г. А. Дзидзария.** Присоединение Абхазии к России, с. 132.
- ⁴⁷ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 176.
- ⁴⁸ **Б. К. Хорава.** Взаимоотношения Одиши..., с. 176-177.
- ⁴⁹ АКАК, т. III, с. 204.
- ⁵⁰ АКАК, т. III, с. 201.
- ⁵¹ **Н. Дадзиани.** Жизнь грузин..., с. 197.
- ⁵² **Г. А. Дзидзария.** Присоединение Абхазии к России, с. 138.
- ⁵³ **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе Российской империи. 1810-1917 гг. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия.* Тб., 1999, с. 219.
- ⁵⁴ **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе Российской империи..., с. 217.

- ⁵⁵ **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе Российской империи..., с. 217.
- ⁵⁶ Текст документа см. **З. В. Папаскири.** Очерки из истории..., с. 126-127, электронная версия: <http://zrapaskiri.googlepages.com/publications-georgian>.
- ⁵⁷ **АКАК**, т. II, с. 463, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁸ **АКАК**, т. III, с. 208-209, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁹ **АКАК**, т. II, с. 536, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁰ **АКАК**, т. II, с. 190, курсив наш – **З.П.**

Глава VII

- ¹ Об этом подробно см.: **Г. А. Дзидзария.** Социально-экономический строй Абхазского княжества в XIX веке. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 160-161.
- ² **Н. А. Бердзенишвили.** Вопросы истории Грузии, с. 611, курсив наш – **З.П.**
- ³ **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе..., с. 221.
- ⁴ **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе..., с. 222.
- ⁵ **Н. Дадзани.** Жизнь грузин..., с. 222.
- ⁶ В этом плане особенно следует выделить: **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
- ⁷ **А. В. Фадеев.** Россия и Кавказ в первой трети XIXв. М., 1960, с. 256; **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе..., с. 223.
- ⁸ **С. Лакоба.** Двуглавый орёл и традиционная Абхазия. – *История Абхазии*, 1991, с. 171.
- ⁹ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнета. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 176.
- ¹⁰ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся Абхазии..., с. 176.
- ¹¹ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся Абхазии..., с. 176.
- ¹² **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе..., с. 223.
- ¹³ **Н. Дадзани.** Жизнь грузин..., с. 203.
- ¹⁴ **Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе..., с. 227.
- ¹⁵ **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство и проблемы..., с. 44, 73, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁶ **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии..., с. 44, 73.
- ¹⁷ **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии..., с. 45.
- ¹⁸ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся..., с. 177.
- ¹⁹ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся..., с. 177. Об этом подробно см.: **Б. К. Хоравва.** Абхазская экспедиция 1830 года. – *Исторические Разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такаишвили, т. VI. Тб., 2003, с. 92-114 (на груз. яз.), электронн. версия: <http://saistorio.dziebani.googlepages.com>.
- ²⁰ **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе..., с. 223-224.
- ²¹ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся..., с. 180.
- ²² **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся..., с. 180-182.
- ²³ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся..., с. 182.
- ²⁴ **Г. А. Дзидзария.** Борьба трудящихся..., с. 182.
- ²⁵ **Г. А. Дзидзария, Ю. М. Качарава.** Из истории совместной борьбы грузинского и абхазского народов. XIX – начало XXв. Тб., 1982, с. 21.
- ²⁶ **Г. А. Дзидзария, Ю. М. Качарава.** Из истории совместной борьбы..., с. 21.
- ²⁷ **Г. А. Дзидзария, Ю. М. Качарава.** Из истории совместной борьбы..., с. 21.

- ²⁸ Г. Г. Пайчадзе. Абхазия в составе..., с. 226.
- ²⁹ Г. Г. Пайчадзе. Абхазия в составе..., с. 228.
- ³⁰ Г. А. Дзидзария. Присоединение... – В кн.: *Г. А. Дзидзария*. Труды, т. I, с. 23.
- ³¹ Б. К. Хорава. Взаимоотношения Одиши..., с. 179.
- ³² Б. К. Хорава. Взаимоотношения Одиши..., с. 179.
- ³³ Б. К. Хорава. Взаимоотношения Одиши..., с. 179.
- ³⁴ Б. К. Хорава. Взаимоотношения Одиши..., с. 180.
- ³⁵ С. Н. Джанашиа. Георгий Шарвашидзе. Лирика, эпос, драма. Редакция и очерк *С. Н. Джанашиа*. – *Труды*, VI. Тб., 1988, с. 31 (на груз. яз).
- ³⁶ Б. К. Хорава. Взаимоотношения Одиши..., с. 180.
- ³⁷ АКАК, т. VIII. Тифлиς, 1881, с. 449, курсив наш – **З.П.**
- ³⁸ АКАК, т. VIII, с. 445, курсив наш – **З.П.**
- ³⁹ АКАК, т. VIII, с. 447, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁰ АКАК, т. VIII, с. 453, курсив наш – **З.П.**
- ⁴¹ АКАК, т. VIII, с. 453, курсив наш – **З.П.**
- ⁴² АКАК, т. VIII, с. 453-454, курсив наш – **З.П.**
- ⁴³ АКАК, т. VIII, с. 454, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁴ АКАК, т. IX, Тифлиς, 1887, с. 179-180, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁵ АКАК, т. IX, с. 514.
- ⁴⁶ З. Ф. Цицнадзе. К вопросу о границах Мингрельского (Одишского) княжества в I половине XIX века. – *Сборник исторической географии Грузии*, VII. Тб., 1989, с. 97-98 (на груз. яз.); Б. К. Хорава. Взаимоотношения Одиши..., с. 180.
- ⁴⁷ С. З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990, с. 24.
- ⁴⁸ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлиς, 1907, с. 134, 136; Г. Г. Пайчадзе. Абхазия в составе..., с. 125.
- ⁴⁹ С. З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии..., с. 18.

Глава VIII

- ¹ Об этом подробно см.: Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества. 1853-1855гг. – *Исторический вестник*, №15-16. Тб., 1963, с. 23-125 (на груз. яз.).
- ² Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 138.
- ³ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 184.
- ⁴ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 179.
- ⁵ К. Бороздин. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861г. СПб., 1885, с. 220-223; С. Н. Джанашиа. Георгий Шарвашидзе..., с. 31.
- ⁶ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 140.
- ⁷ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 238; Н. Такаландзе. Михаил Шарвашидзе и Крымская война. – *Исторические Разыскания*. Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такаишвили, т. II. Тб., 1999, с. 114 (на груз. яз.).
- ⁸ Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии..., с. 149.
- ⁹ Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии..., с. 130.
- ¹⁰ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны. Упразднение владетельного княжества. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 195.
- ¹¹ Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии..., с. 150-152.
- ¹² Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны. с. 194.

- ¹³ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны. с. 196.
- ¹⁴ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 148.
- ¹⁵ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 177.
- ¹⁶ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 154.
- ¹⁷ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 154.
- ¹⁸ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 247.
- ¹⁹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 182-183.
- ²⁰ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 171.
- ²¹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 247.
- ²² Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 168.
- ²³ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе., с. 34.
- ²⁴ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 242.
- ²⁵ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 193.
- ²⁶ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 195.
- ²⁷ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 232.
- ²⁸ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 232.
- ²⁹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 240.
- ³⁰ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 242.
- ³¹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 241.
- ³² Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 181.
- ³³ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 230.
- ³⁴ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 217.
- ³⁵ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 274.
- ³⁶ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 230.
- ³⁷ Г. А. Дзидзария, Ю. М. Качарава. Из истории совместной борьбы., с. 28.
- ³⁸ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны. Упразднение владетельного княжества. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 195.
- ³⁹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 191.
- ⁴⁰ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 248.
- ⁴¹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 248-49.
- ⁴² Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества., с. 247.
- ⁴³ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны., с. 197-198.
- ⁴⁴ АКАК, т. XII, ч. I. Тифлис, 1904, с. 796.
- ⁴⁵ АКАК, т. XII, ч. I, с. 796.
- ⁴⁶ С. З. Лакоба. Очерки политической истории., с. 23-24.
- ⁴⁷ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны., с. 198.
- ⁴⁸ С. З. Лакоба. Очерки политической истории., с. 18-19.
- ⁴⁹ С. З. Лакоба. Очерки политической истории., с. 22.
- ⁵⁰ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы., с. 198; С. З. Лакоба. Очерки., с. 22-23.
- ⁵¹ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны., с. 199.
- ⁵² АКАК, т. IX, с. 459.
- ⁵³ АКАК, т. IX, с. 459.
- ⁵⁴ Г. Г. Пайчадзе. Абхазия в составе Российской империи., с. 226-227.
- ⁵⁵ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе., с. 7, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁶ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе., с. 7, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁷ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе., с. 13.
- ⁵⁸ Г. Г. Пайчадзе. Абхазия в составе Российской империи., с. 227.
- ⁵⁹ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны., с. 200.

- ⁶⁰ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 12.
- ⁶¹ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 13.
- ⁶² Д. Д. Данилов. Лорис-Меликов: Карьера парадоксального диктатора. – *Вопросы истории*, №11-12, 1998, с. 147.
- ⁶³ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 9-13.
- ⁶⁴ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 127-136.
- ⁶⁵ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны..., с. 192-196, 198, 200; Г. А. Дзидзария. Махаджирство..., с. 134-148.
- ⁶⁶ Н. Такаландзе. Михаил Шарвашидзе: *Жизнь и общественная деятельность*. Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 2000.
- ⁶⁷ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 29-30.
- ⁶⁸ Г. А. Дзидзария. Махаджирство..., с. 262.
- ⁶⁹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 154.
- ⁷⁰ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 34-35.
- ⁷¹ Ш. К. Чхетия. К истории Абхазского княжества..., с. 146-147.
- ⁷² С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 33-42.
- ⁷³ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 40.
- ⁷⁴ АКАК, т. IV. Тифлис, 1870, с. 426, 429, 953.
- ⁷⁵ АКАК, т. IX, ч. I. Тифлис, 1884, с. 505.
- ⁷⁶ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тб., 1998, с. 28-30.

Глава IX

- ¹ Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны..., с. 199-200.
- ² Г. А. Дзидзария. Абхазия в годы Крымской войны..., с. 200.
- ³ *Документы по истории Грузии*. 1862-1917. Т. I, ч. I. Под редакцией Ш. К. Чхетия. Тб., 1952, с. 668, курсив наш – З.П.
- ⁴ Г. Г. Пайчадзе. Абхазия в составе..., с. 229, курсив наш – З.П.
- ⁵ С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 26, курсив наш – З.П.
- ⁶ *Документы по истории Грузии...*, с. 112.
- ⁷ С. Н. Джанашиа. Гиоргий Шарвашидзе..., с. 15.
- ⁸ *Документы по истории Грузии...*, с. 112.
- ⁹ Г. А. Дзидзария. Крестьянская реформа в Абхазии. – *Очерки истории Абхазской АССР*, I, с. 206.
- ¹⁰ С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 26.
- ¹¹ Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы..., с. 289; С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 30.
- ¹² С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 30, курсив наш – З.П.
- ¹³ Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии..., с. 314.
- ¹⁴ Ш. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877-1878гг. Тб., 1972, с. 159.
- ¹⁵ *Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878гг.* Т. V, Тифлисъ, 1909, с. 264.
- ¹⁶ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 256, курсив наш – З.П.
- ¹⁷ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 264.
- ¹⁸ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 265.
- ¹⁹ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 265, курсив наш – З.П.
- ²⁰ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 265.

- ²¹ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 270, курсив наш – **З.П.**
- ²² *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 275, курсив наш – **З.П.**
- ²³ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 276, курсив наш – **З.П.**
- ²⁴ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 304.
- ²⁵ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 341, курсив наш – **З.П.**
- ²⁶ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 331.
- ²⁷ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 200, курсив наш – **З.П.**
- ²⁸ **Г. А. Дзидзария.** Развитие капиталистических отношений в пореформенной Абхазии. – *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I. Сухуми, 1960, с. 217.
- ²⁹ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 366.
- ³⁰ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 391.
- ³¹ **С. З. Лакоба.** Очерки..., с. 35, курсив наш – **З.П.**
- ³² **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство..., с. 415-416.
- ³³ **С. З. Лакоба.** Очерки..., с. 35.
- ³⁴ *Материалы для описания русско-турецкой войны...*, с. 200.
- ³⁵ **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство..., с. 420.
- ³⁶ Газ. «*Дроеба*», № 23, 21 июня 1867г.
- ³⁷ **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство..., с. 282.
- ³⁸ **Г. А. Дзидзария.** Развитие капиталистических отношений..., с. 218-219.

Глава X

- ¹ **И. Чавчавадзе.** Сочинения, т. IX, Тб., 1955, с. 33 (на груз. яз.). Русский перевод дан по: **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская интеллигенция (Вторая половина 19-го века). – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия*. Тб., 1999, с. 396.
- ² **Г. Г. Пайчадзе.** Абхазия в составе..., с. 230.
- ³ **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская интеллигенция..., с. 396-397.
- ⁴ Цитата приводится по кн.: **С. З. Лакоба.** Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993, с. 3, курсив наш – **З.П.**
- ⁵ Газ. «*Дроеба*», №199, 1880г.
- ⁶ **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская интеллигенция..., с. 405.
- ⁷ **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская интеллигенция..., с. 405.
- ⁸ **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская интеллигенция..., с. 402.
- ⁹ **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская интеллигенция..., с. 402-403.
- ¹⁰ Газ. «*Дроеба*», № 123, 1879г.; **О. Г. Чургулия.** Махаджирство..., с. 405.
- ¹¹ **С. З. Лакоба.** Столетняя война Грузии против Абхазии...
- ¹² **Г. А. Гасвиани.** Абхазия. *Древние и новые абхазы*. Тб., 1998, с.153-161. (на груз. яз.).
- ¹³ **Б. К. Хорава.** Махаджирство абхазов. Тб., 2003, с. 123-170 (на груз. яз.).
- ¹⁴ *Доклад Кутаисского военного губернатора по военно-народному управлению*. 2-сентября 1900г. – В кн.: **А. Силагадзе, В. Гурули.** Историко-политические очерки. Тб., 2002, с. 309.
- ¹⁵ *Доклад Кутаисского военного губернатора...*, с. 308.
- ¹⁶ *Кутаисский военный губернатор по военно-народному управлению*. № 54, 3 августа 1900 года. – В кн.: **А. Силагадзе, В. Гурули.** Историко-политические очерки. Тб., 2002, с. 303.
- ¹⁷ *Кутаисский военный губернатор по военно-народному управлению...*, с. 303.

- ¹⁸ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 313.
- ¹⁹ Об этом см. выше: с. 100.
- ²⁰ См. выше: с. 87.
- ²¹ Материалы для описания..., т. V, с. 16.
- ²² **С. З. Лакоба.** В чем провинился учитель? – Газ. «Народное образование», 14 июня 1990г., с. 8.
- ²³ Документы по истории Грузии..., с. 527.
- ²⁴ Газ. «Кавказ», №7, 26 января-4 февраля 1866г., курсив наш – **З.П.**
- ²⁵ Газ. «Кавказ», №7, 26 января-4 февраля 1866г., курсив наш – **З.П.**
- ²⁶ Газ. «Кавказ», 1 июня 1866г.
- ²⁷ Материал приводится по публикации: **С. Лекишвили.** В ответ историку С. Лакоба. – Газ. «Народное образование», 14 июня 1990г., с. 14.
- ²⁸ **С. Лекишвили.** В ответ историку С. Лакоба..., с. 14.
- ²⁹ **С. Лекишвили.** В ответ историку С. Лакоба..., с. 9.
- ³⁰ **Н. А. Лакоба.** Статьи и речи. Сухуми, 1987, с. 213.
- ³¹ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 309.
- ³² **С. З. Лакоба.** Очерки..., с. 40.
- ³³ **С. З. Лакоба.** Очерки..., с. 42, курсив наш – **З.П.**
- ³⁴ Кутаисский военный губернатор по военно-народному управлению..., с. 300.
- ³⁵ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 309, курсив наш – **З.П.**
- ³⁶ Газ. «Кавказ», № 207, 15 октября 1977г., приведено по кн.: **С. З. Лакоба.** Столетняя война..., с. 13, курсив наш – **З.П.**
- ³⁷ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 41.
- ³⁸ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 41.
- ³⁹ **Г. А. Дзидзария.** Развитие..., с. 220; **С. З. Лакоба.** Очерки политической..., с. 40.

Глава XI

- ¹ **А. Силагадзе, В. Гурули.** Грузинская партия Тедо Сахокия в Абхазии. – В кн.: **А. Силагадзе, В. Гурули.** Историко-политические очерки. Тб. 2002, с. 325.
- ² **Г. А. Дзидзария.** Культура и просвещение в XIX – начале XXв. – Очерки истории Абхазской АССР, т. I. Сухуми, 1960, с. 275.
- ³ **Я. Гогешавили.** Об Абхазии. – Избранные сочинения, т. III. Тб., 1990, с. 134 (на груз. яз.). Русский перевод дан по: **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская..., с. 401-402.
- ⁴ **О. Г. Чургулия.** Махаджирство и грузинская интеллигенция..., с. 401.
- ⁵ **Г. Жоржолани.** Исторические и политические корни конфликта в Абхазии/Грузия. Тб., 2000, с. 36.
- ⁶ **З. В. Анчабадзе.** Очерк этнической истории абхазского..., с. 96, курсив наш – **З.П.**
- ⁷ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312.
- ⁸ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312.
- ⁹ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312.
- ¹⁰ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312.
- ¹¹ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312.
- ¹² Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312.
- ¹³ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312.
- ¹⁴ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 313.

- ¹⁵ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 312-313.
- ¹⁶ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 313.
- ¹⁷ Доклад Кутаисского военного губернатора..., с. 313.
- ¹⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область Грузии. Тб., 1997, с. 66-67.
- ¹⁹ Кутаисский военный губернатор..., с. 300.
- ²⁰ **А. Силагадзе, В. Гурули.** Грузинская партия Тедо Сахокия в Абхазии..., с. 318.
- ²¹ **А. Силагадзе, В. Гурули.** Грузинская партия Тедо Сахокия..., с. 318-319.
- ²² **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., 385-386, курсив наш – **З.П.**
- ²³ **С. Н. Джанашиа.** Давид Чхотуа и его очерки о поэме Руставели. – *Труды*, VI. Тб., 1988, с. 79-80.
- ²⁴ См.: **С. Джанашиа.** Гиоргий Шарвашидзе..., с. 22.
- ²⁵ **С. Н. Джанашиа.** Гиоргий Шарвашидзе..., с. 22; **Х. С. Бгажба.** Страницы из летописи дружбы. – *Труды.* Этюды и исследования. Сухуми, 1987, с. 34.
- ²⁶ **С. Джанашиа.** Гиоргий Шарвашидзе..., с. 22.
- ²⁷ **С. Лекишвили.** Гиоргий Шарвашидзе. *Документальные материалы.* – Сб.: «Исторический вестник», №31-32. Тб., 1975, с. 285-286 (курсив наш – **З.П.**).
- ²⁸ **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 388 (курсив наш – **З.П.**).
- ²⁹ См.: **С. Лекишвили.** Гиоргий Шарвашидзе..., с. 257.
- ³⁰ Газ.: «*Сакартвело*», №169, 1915 (на груз. яз.), курсив наш – **З.П.**
- ³¹ **С. Н. Джанашиа.** Давид Чхотуа и его очерки..., с. 79-80.
- ³² **С. З. Лакоба.** Переориентация политики царизма. – *История Абхазии.* Учебное пособие. Гл. ред. **С. Лакоба.** Сухуми, 1991, с. 229.
- ³³ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 59.
- ³⁴ **С. З. Лакоба.** Переориентация политики царизма..., с. 229.
- ³⁵ **С. З. Лакоба.** Переориентация политики царизма..., с. 229.
- ³⁶ **Г. М. Шарвашидзе.** Так пишется история. *Письмо в редакцию.* – Газ.: «*Закавказье*», №125-126, 1910. Приведено по кн.: **Гиорги Шарвашидзе.** Сочинения в 2-х томах, т. I. Кутаиси, 2006, с. 301. **С. З. Лакоба.** Очерки политической..., с. 55, курсив наш – **З.П.**
- ³⁷ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 55, курсив наш – **З.П.**
- ³⁸ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 55.
- ³⁹ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 55.
- ⁴⁰ **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 362.
- ⁴¹ **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 363.
- ⁴² **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 364.
- ⁴³ **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 365.
- ⁴⁴ **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 365-366.
- ⁴⁵ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 57.
- ⁴⁶ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 57.
- ⁴⁷ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 57; **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 368.
- ⁴⁸ **Д. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 369.

Глава XII

¹ **С. З. Лакоба.** Абхазия в годы первой революции в России. – В кн.: *История Абхазии.* Учебное пособие. Сухуми, 1991, с. 227, курсив наш – **З.П.**

- ² С. З. Лакоба. Абхазия в 1917-1921гг. – В кн.: *История Абхазии...*, 1991, с. 281.
- ³ С. З. Лакоба. Абхазия в 1917-1921гг., с. 281-283.
- ⁴ *Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Юсетии в составе Грузии (1917-1988)*. Сборник политико-правовых актов. Составитель и главный редактор сборника **Тамаз Диасамидзе**. Тб., 2004, с. 212, курсив наш – **З.П.**
- ⁵ *Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Юсетии...*, с. 212, курсив наш – **З.П.**
- ⁶ *Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Юсетии...*, с. 216.
- ⁷ *Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Юсетии...*, с. 214.
- ⁸ *Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Юсетии...*, с. 215-216.
- ⁹ **Д. Ш. Читаиа**. Абхазский вопрос в первой грузинской республике. *Абхазский Народный Совет в 1917-1921 годах*. Тб., 2006, с. 125-126 (на груз. яз.).
- ¹⁰ *История возникновения христианства в Абхазии. – Грузинская Православная Церковь*. – <http://www.geo.orthodoxy.ru/history10.htm>, курсив наш – **З.П.**
- ¹¹ **Д. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 322.
- ¹² С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 64.
- ¹³ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 16.
- ¹⁴ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 16-17.
- ¹⁵ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 16.
- ¹⁶ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 75.
- ¹⁷ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 18, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область Грузии..., с. 408-409.
- ¹⁹ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 19.
- ²⁰ С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 65.
- ²¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область Грузии..., с. 413.
- ²² **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область Грузии..., с. 413.
- ²³ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 20-21.
- ²⁴ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 22.
- ²⁵ С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 66.
- ²⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область Грузии..., с. 749.
- ²⁷ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 22.
- ²⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия..., с. 753, курсив наш – **З.П.**
- ²⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 77-78.
- ³⁰ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 765-766.
- ³¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 764.
- ³² **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия..., с. 415, курсив наш – **З.П.**
- ³³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 455.
- ³⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 455.
- ³⁵ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 456.
- ³⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 754.
- ³⁷ **А. Ментешавили**. Исторические предпосылки..., с. 26-27.
- ³⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 417.
- ³⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 420.
- ⁴⁰ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия..., с. 420, курсив наш – **З.П.**
- ⁴¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 82.
- ⁴² **Дж. Гамахария, Б. Гогия**. Абхазия – историческая область..., с. 83.
- ⁴³ **Д. Ш. Читаиа**. Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 221.
- ⁴⁴ **Д. Ш. Читаиа**. Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 86.
- ⁴⁵ **Д. Ш. Читаиа**. Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 86.

- ⁴⁶ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 424.
- ⁴⁷ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 424.
- ⁴⁸ Р. Ходжаа. Документы и материалы Абхазского Народного Совета. 1918-1919гг. Сухуми, 1999, с. 21.
- ⁴⁹ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 76.
- ⁵⁰ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 76.
- ⁵¹ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия..., с. 84, курсив наш – **З.П.**
- ⁵² Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия..., с. 76, курсив наш – **З.П.**
- ⁵³ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 76.
- ⁵⁴ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 84.
- ⁵⁵ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 27.
- ⁵⁶ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 85.
- ⁵⁷ Д. Ш. Читаиа. Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 95.
- ⁵⁸ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 85-86.
- ⁵⁹ *Материалы по истории Абхазии*. Вып. 1. Сухуми, 1990, с. 9.
- ⁶⁰ С. З. Лакоба. Очерки политической истории..., с. 69-70.
- ⁶¹ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 424-425.
- ⁶² Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 424-425.
- ⁶³ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 32-33.
- ⁶⁴ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 426.
- ⁶⁵ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 33.
- ⁶⁶ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 426.
- ⁶⁷ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 33.
- ⁶⁸ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 34.
- ⁶⁹ С. З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии..., с. 74.
- ⁷⁰ Р. Ходжаа. Документы и материалы..., с. 23.
- ⁷¹ Д. Ш. Читаиа. Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 270.
- ⁷² Д. Ш. Читаиа. Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 271.

Глава XIII

- ¹ С. З. Лакоба. Ответ историкам из Тбилиси. *Документы и факты*. Сухуми, 2001, с. 69.
- ² А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 78, курсив наш – **З.П.**
- ³ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 78.
- ⁴ С. З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии..., с. 74; С. З. Лакоба. Ответ историкам из Тбилиси..., с. 69.
- ⁵ Д. Ш. Читаиа. Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 106-107.
- ⁶ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 101.
- ⁷ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 89, курсив наш – **З.П.**
- ⁸ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 90.
- ⁹ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 90.
- ¹⁰ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 92.
- ¹¹ А. Ментешашвили. Исторические предпосылки..., с. 94, курсив наш – **З.П.**
- ¹² Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 436.
- ¹³ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область..., с. 89.
- ¹⁴ С. Лакоба. Очерки политической..., с. 71; С. Лакоба. Ответ историкам из..., с. 66.
- ¹⁵ Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая..., с. 436-437, курсив наш – **З.П.**

- ¹⁶ Г. А. Дзидзария. Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии 1917-1918гг. Сухуми, 1958, с. 252; **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия..., с. 774.
- ¹⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 774.
- ¹⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 89.
- ¹⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 90.
- ²⁰ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 39-40.
- ²¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 93.
- ²² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 94.
- ²³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 94.
- ²⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 94.
- ²⁵ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 103.
- ²⁶ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 50.
- ²⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 96.
- ²⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 450.
- ²⁹ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 50-51.
- ³⁰ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 51, курсив наш – **З.П.**
- ³¹ **Д. Ш. Читаиа.** Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 107.
- ³² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия..., с. 435, 774-775, курсив наш – **З.П.**
- ³³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 771.
- ³⁴ **Д. Ш. Читаиа.** Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 360.
- ³⁵ **Д. Ш. Читаиа.** Абхазский вопрос в первой грузинской республике..., с. 360.
- ³⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 101.
- ³⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 101.
- ³⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 111.
- ³⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 99.
- ⁴⁰ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 100.
- ⁴¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 454, курсив наш – **З.П.**
- ⁴² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 455, курсив наш – **З.П.**
- ⁴³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 444.
- ⁴⁴ **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. 1921-1938гг. Сухуми, 1981, с. 32; **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 778.
- ⁴⁵ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 762.
- ⁴⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 761-762.
- ⁴⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 762.
- ⁴⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 105-106.
- ⁴⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 106.
- ⁵⁰ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 108.
- ⁵¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 109.
- ⁵² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 109.
- ⁵³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 110.
- ⁵⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 467-469, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁵ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 97.
- ⁵⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 467-469.
- ⁵⁷ **С. З. Лакоба.** Ответ историкам из Тбилиси..., с. 78.
- ⁵⁸ *Статус автономных регионов...*, с. 264.
- ⁵⁹ **С. З. Лакоба.** Ответ историкам из Тбилиси..., с. 78.
- ⁶⁰ *Статус автономных регионов...*, с. 264.

- ⁶¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 420, курсив наш – **З.П.**
- ⁶² **Р. Ходжаа.** Документы и материалы..., с. 20-23.
- ⁶³ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной интервенции и гражданской войны. Победа советской власти в Абхазии (конец 1918 – март 1921г.). – *История Абхазской АССР.* Сухуми, 1983, с. 51.
- ⁶⁴ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 51-52.
- ⁶⁵ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 51-52.
- ⁶⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 785, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁷ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 47.
- ⁶⁸ **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии..., с. 497.
- ⁶⁹ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 48, курсив наш – **З.П.**
- ⁷⁰ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 49, курсив наш – **З.П.**

Глава XIV

- ¹ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Борьба за победу советской власти в Абхазии в 1918 г. – *История Абхазской АССР.* Сухуми, 1983, с. 26, курсив наш – **З.П.**
- ² **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 29, курсив наш – **З.П.**
- ³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 404.
- ⁴ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 35.
- ⁵ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 38.
- ⁶ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 40, курсив наш – **З.П.**
- ⁷ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 40, курсив наш – **З.П.**
- ⁸ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 40, курсив наш – **З.П.**
- ⁹ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 40, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁰ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 62.
- ¹¹ **А. Ментешавили.** Исторические предпосылки..., с. 59, курсив наш – **З.П.**
- ¹² **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период подготовки..., с. 67.
- ¹³ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии. – *Разыскания по истории Абхазии/Грузия.* Тб., 1999, с. 293, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁴ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., курсив наш – **З.П.**
- ¹⁵ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 67.
- ¹⁶ **Л. Тоидзе.** Российско-грузинский договор от 7 мая 1920г., его нарушение Россией и фактическая аннексия Грузии. – *Очерки истории грузинской дипломатии*, т. II. Тб., 1998, с. 404 (на груз. яз.).
- ¹⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 115, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 115.
- ¹⁹ Об этом подробно см.: **С. З. Лакоба.** Ответ историкам..., с. 86-88.
- ²⁰ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 70, курсив наш – **З.П.**
- ²¹ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 70, курсив наш – **З.П.**
- ²² **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 73.
- ²³ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 73.
- ²⁴ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 79, курсив наш – **З.П.**
- ²⁵ **Г. А. Дзидзария.** Абхазия в период иностранной..., с. 80.
- ²⁶ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 297, курсив наш – **З.П.**
- ²⁷ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 297.

- ²⁸ **Б. Е. Сагария.** Создание и упрочение органов государственной власти. Образование ССР Абхазии. – *История Абхазской АССР.* Сухуми, 1983, с. 101.
- ²⁹ **Б. Е. Сагария.** Создание и упрочение органов государственной власти..., с. 101.
- ³⁰ **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 60.
- ³¹ **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 41-42, курсив наш – **З.П.**
- ³² **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 28; **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 59, курсив наш – **З.П.**
- ³³ **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 59.
- ³⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 469.
- ³⁵ **Б. Е. Сагария.** Создание и упрочение..., с. 102, курсив наш – **З.П.**
- ³⁶ **Б. Е. Сагария.** Создание и упрочение..., с. 102.
- ³⁷ **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 64, курсив наш – **З.П.**
- ³⁸ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 302, курсив наш – **З.П.**
- ³⁹ **С. З. Лакоба.** Ответ историкам из Тбилиси..., с. 90.
- ⁴⁰ **С. З. Лакоба.** Ответ историкам из Тбилиси..., с. 88.
- ⁴¹ **С. З. Лакоба.** Ответ историкам из Тбилиси..., с. 88.
- ⁴² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 470-471, курсив наш – **З.П.**
- ⁴³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 471-472, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 472, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁵ **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 67.
- ⁴⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 480, курсив наш – **З.П.**
- ⁴⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 117.
- ⁴⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 117.
- ⁴⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 117, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁰ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 118.
- ⁵¹ **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 67, курсив наш – **З.П.**
- ⁵² **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 67, курсив наш – **З.П.**
- ⁵³ **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории..., с. 83-84.
- ⁵⁴ См. выше: с. 234.
- ⁵⁵ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 303.
- ⁵⁶ **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 65; **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 299, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 481.
- ⁵⁸ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 301.
- ⁵⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 482, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁰ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 301.
- ⁶¹ **Б. Е. Сагария.** Создание и упрочение органов..., с. 106.
- ⁶² **Б. Е. Сагария.** Создание и упрочение органов..., с. 106.
- ⁶³ **Б. Е. Сагария.** Абхазия в переходный период от капитализма к социализму. Построение основ социалистического общества (1921-1941). – *История Абхазии.* Учебное пособие. Гл. ред. **С. Лакоба.** Сухуми, 1991, с. 332-333.
- ⁶⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 483-484, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁵ **Б. Е. Сагария.** Создание и упрочение органов..., с. 106, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 485, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 489, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁸ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 303, курсив наш – **З.П.**
- ⁶⁹ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 304, курсив наш – **З.П.**
- ⁷⁰ **Л. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии..., с. 303.

- ⁷¹ **А. Э. Куправа.** Абхазия в начале восстановительного периода. Первые мероприятия Советской власти. – *История Абхазской АССР.* Сухуми, 1983, с. 92-93.
- ⁷² **А. Э. Куправа.** Абхазия в начале восстановительного периода..., с. 93.
- ⁷³ **А. Э. Куправа.** Борьба с трудностями в восстановлении и развитии народного хозяйства. – *История Абхазской АССР.* Сухуми, 1983, с. 121, курсив наш – **З.П.**
- ⁷⁴ **А. Э. Куправа.** Борьба с трудностями в восстановлении и развитии..., с. 121.
- ⁷⁵ **Б. Е. Сагария.** Принятие Конституции ССР Абхазии. – *История Абхазской АССР.* Сухуми, 1983, с. 193.
- ⁷⁶ **С. З. Лакоба.** Ответ историкам из Тбилиси..., с. 93.
- ⁷⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 490, курсив наш – **З.П.**
- ⁷⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 490.
- ⁷⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 490.
- ⁸⁰ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 490.
- ⁸¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 490.
- ⁸² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 503.
- ⁸³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 491, курсив наш – **З.П.**
- ⁸⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 491, курсив наш – **З.П.**
- ⁸⁵ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 494-495, курсив наш – **З.П.**
- ⁸⁶ **С. З. Лакоба.** Ответ историкам из Тбилиси..., с. 93-94.
- ⁸⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 497, курсив наш – **З.П.**
- ⁸⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 497.
- ⁸⁹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 498.
- ⁹⁰ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 498.
- ⁹¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 498, курсив наш – **З.П.**
- ⁹² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 499.
- ⁹³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 499.
- ⁹⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 499.
- ⁹⁵ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 500.
- ⁹⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 500, курсив наш – **З.П.**
- ⁹⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 502, курсив наш – **З.П.**
- ⁹⁸ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 125.
- ⁹⁹ **Б. Е. Сагария.** Преобразование договорной ССР Абхазия в автономную республику. – *История Абхазской АССР.* Сухуми, 1983, с. 249.
- ¹⁰⁰ **Б. Е. Сагария.** Преобразование договорной ССР Абхазия..., с. 250.

Глава XV

- ¹ **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 33.
- ² **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 33.
- ³ **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 39.
- ⁴ Об этом см. также: **З. В. Папаскири.** Миф о т.н. „попытках“ со стороны грузин лишить абхазский народ этнокультурной индивидуальности в конце 30-х – 40-х годах XX века. – *Исторические разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такашвили. VI. Тб., 2003, с. 3-31 (на груз. яз.). Интернет-версию см.: <http://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani2003>
- ⁵ **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 184, курсив наш – **З.П.**

- ⁶ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 99.
- ⁷ **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 186.
- ⁸ **Б. Е. Сагария.** Образование и укрепление..., с. 186.
- ⁹ **Н. Е. Дарсания.** Отношение партии левых социалист-федералистов Грузии к т.н. «независимой Абхазии» в 1921г. *По материалам газеты «Социалист-федералист».* – *Исторические разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такаишвили. III. Тб., 2000, с. 152 (на груз. яз.). Интернет-версию см.: <http://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani2000>; **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия..., с. 476.
- ¹⁰ **Н. Е. Дарсания.** Отношение партии левых социалист-федералистов..., с. 151; **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 477.
- ¹¹ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 477.
- ¹² **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 479.
- ¹³ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 479.
- ¹⁴ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 493.
- ¹⁵ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая..., с. 493.
- ¹⁶ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия..., с. 494, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁷ **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область..., с. 801.
- ¹⁸ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 90-91.
- ¹⁹ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 90.
- ²⁰ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 121-122.
- ²¹ **С. Вардосанидзе.** Грузинская православная апостольская церковь в 1917-1952 годах. Тб., 2001, с. 195 (на груз. яз.).
- ²² **Т. (Е.) М. Антелава.** Борьба большевиков за политическую власть (1905-1922гг.). Тб., 2001, с. 590 (на груз. яз.).
- ²³ **Т. (Е.) М. Антелава.** Борьба большевиков за политическую власть..., с. 566.
- ²⁴ **В. И. Корчагин.** Еврейская оккупация России. – Журн. «Русич». М., 1998. - <http://www.valuyki.ru/speake/religia/bibl/08-3.html>; <http://www.valuyki.ru/speake/religia/bibl/08-7.html>; Война по законам подлости. М., 1999; **М. С. Окуджава.** Сионисты в большевистской партии. – *Исторические разыскания.* Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такаишвили. III. Тб., 2000, с. 316 (на груз. яз.). Интернет-версию см.: <http://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani2000>
- ²⁵ **Т. (Е.) М. Антелава.** Борьба большевиков за политическую власть..., с. 586.

Глава XVI

- ¹ **Т. Гванцеладзе.** К истории перевода абхазской письменности на грузинскую графику. – *Бедия.* Журнал Сухумского гуманитарно-экономического института им. Цотне Дадияни, №6-7. Тб., 2000, с. 83 (на груз. яз.).
- ² **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией. М., 1997, с. 125.
- ³ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 126.
- ⁴ **Т. Гванцеладзе.** К истории перевода абхазской письменности..., с. 87.
- ⁵ **Т. Гванцеладзе.** К истории перевода абхазской письменности..., с. 87.
- ⁶ **Т. Гванцеладзе.** К истории перевода абхазской письменности..., с. 88-89.
- ⁷ **Т. Гванцеладзе.** К истории перевода абхазской письменности..., с. 87-89.

- ⁸ **А. Ментешашвили.** Исторические предпосылки..., с. 61.
- ⁹ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 112.
- ¹⁰ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 131.
- ¹¹ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 131-132.
- ¹² **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 132.
- ¹³ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории..., с. 122, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁴ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 123.
- ¹⁵ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 118.
- ¹⁶ **Г. В. Жоржوليани.** Исторические и политические..., с. 35, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁷ **С. З. Лакоба.** Очерки по политической истории Абхазии..., с. 93.
- ¹⁸ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 121-122, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁹ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 127.
- ²⁰ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 146-147.
- ²¹ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 144-145.
- ²² **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 140-141.
- ²³ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 131.
- ²⁴ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 138.
- ²⁵ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 144-150.
- ²⁶ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 151.
- ²⁷ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 142.
- ²⁸ Об этом см. выше: с. 154-166.

Глава XVII

- ¹ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 163.
- ² **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 171.
- ³ Об этом см.: **И. Марыхуба.** Во времена лихолетья. *Слово об Аслане Отырба и его выступлении в 1953 году.* – Газ. «Новый день», 9-16.04.2010. Эл.-версия: <http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-56907c71177f2a9f775183b8b8bec5cb.html>
- ³ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 163, курсив наш – **З.П.**
- ⁴ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 163, курсив наш – **З.П.**
- ⁵ **Н. А. Бердзенишвили.** О книге Павле Ингороква «Георгий Мерчуле»..., 125-131.
- ⁶ **К. С. Ломтатидзе.** О некоторых вопросах происхождения и расселения абхазов (По поводу труда П. Ингороква «Георгий Мерчуле»). – Журн. «Мнатоби», №12, 1956, с. 132-139 (на груз. яз.).
- ⁷ **Г. Ахвледиани.** О некоторых вопросах исторической топонимики Абхазии. – Журн. «Мнатоби», №2, 1957, с. 107-114 (на груз. яз.).
- ⁸ **С. Каухчишвили.** Вокруг «Георгия Мерчуле». – Журн. «Мнатоби», №2, 1957, с. 115-125 (на груз. яз.).
- ⁹ **Д. Кобидзе.** Значение термина «абхаз» по персидским источникам. – Журн. «Мнатоби», №2, 1957, с. 126-128 (на груз. яз.).
- ¹⁰ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 181.
- ¹¹ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 182-183.
- ¹² **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 182.
- ¹³ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 184.
- ¹⁴ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 170.

- ¹⁵ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 178.
- ¹⁶ Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка. Сухуми, 1965.
- ¹⁷ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 191.
- ¹⁸ Н. А. Бердзенишвили. Маленькое замечание по большому вопросу. – В кн.: *Н. А. Бердзенишвили*. Вопросы истории Грузии, т. III. Тб., 1966, с. 278 (на груз. яз.).
- ¹⁹ Н. А. Бердзенишвили. Маленькое замечание..., с. 278.
- ²⁰ Н. А. Бердзенишвили. Маленькое замечание..., с. 278.
- ²¹ Н. А. Бердзенишвили. Маленькое замечание..., с. 278-279, курсив наш – **З.П.**
- ²² См. выше, с. 93.
- ²³ Н. А. Бердзенишвили. Маленькое замечание..., с. 285-286, курсив наш – **З.П.**
- ²⁴ *Георгика*. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили. Т. VI. Тб., 1966.
- ²⁵ Флавию Арриан. Путешествие вокруг Чёрного моря. Грузинский перевод, исследование, комментарии и карты *Н. Кечакмадзе*. Тб., 1961.
- ²⁶ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 186-187.
- ²⁷ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 186.
- ²⁸ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 186-187.
- ²⁹ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 187.
- ³⁰ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 188.
- ³¹ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 188.
- ³² Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 189.
- ³³ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 189.
- ³⁴ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 189-190.
- ³⁵ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 192.
- ³⁶ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 198.
- ³⁷ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии в шестидесятые и семидесятые годы нашего столетия. Тб., 1995, с. 30.
- ³⁸ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 31.
- ³⁹ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 31-32.
- ⁴⁰ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 32.
- ⁴¹ Г. П. Лежава. Между Грузией..., с. 199.
- ⁴² Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 201.
- ⁴³ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 202.
- ⁴⁴ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 24.
- ⁴⁵ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 27.
- ⁴⁶ И. Адамия. Грузинское народное зодчество. Т. II. *Абхазия*. Тб., 1968 (на груз. яз.).
- ⁴⁷ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 44.
- ⁴⁸ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 45.
- ⁴⁹ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 45-46.
- ⁵⁰ Д. Г. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с. 46.
- ⁵¹ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965.
- ⁵² Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории Абхазов. Сухуми, 1976, с. 437.
- ⁵³ Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории Абхазов..., с. 117.
- ⁵⁴ Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории Абхазов..., с. 306-311.
- ⁵⁵ О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. *История Абхазии*. С древнейших..., с. 347-348.
- ⁵⁶ Г. П. Лежава. Между Грузией..., с. 210, курсив наш – **З.П.**
- ⁵⁷ Г. П. Лежава. Между Грузией..., с. 211, курсив наш – **З.П.**

⁵⁸ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 218-219.

⁵⁹ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 227.

Глава XVIII

¹ В. Кожин. Современная жизнь традиций. Размышления об абхазской литературе. – *Дружба народов*, №4, 1977, с. 251-263.

² Об этом см. выше: с. 38-51.

³ Я. Фёдоров. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

⁴ В. В. Бакатин. Избавление от КГБ. М., 1992, с. 119; С. М. Червонная. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея. М., 1993, с. 56.

⁵ И. Н. Цушба. Задачи партии по совершенствованию межнациональных отношений в условиях перестройки (На примере Абхазской АССР). – В кн.: *Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР*. М., 1989; С. М. Червонная. Абхазия..., с. 62.

⁶ Об этом см. выше: с. 302.

⁷ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 236.

⁸ С. М. Червонная. Абхазия..., с. 60.

⁹ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 239.

¹⁰ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 246-247.

¹¹ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 268.

¹² *Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989-2001)*. Сборник политико-правовых актов. Составитель и гл. редактор *Тамаз Диасамидзе*. Тб., 2002, с. 218.

¹³ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 269.

¹⁴ Об этом см. выше: с. 219-223.

¹⁵ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 275.

¹⁶ С. М. Червонная. Абхазия..., с. 70.

¹⁷ С. М. Червонная. Абхазия..., с. 70-71.

¹⁸ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 282.

¹⁹ Г. П. Лежава. Между Грузией и Россией..., с. 283.

²⁰ А. Гогуга. Наша тревога. – *Дружба народов*, №5, 1989, с. 157-159.

²¹ А. Гогуга. Наша тревога, с. 158.

²² Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов, 306-311.

²³ В. Колбая, Р. Гелантия, Д. Лацубая, Т. Чахракия. Лабиринт Абхазии. Тб., 2000 (далее: *Лабиринт Абхазии*), с. 50.

²⁴ С. М. Червонная. Абхазия..., с. 77.

²⁵ С. М. Червонная. Абхазия..., с. 77, курсив наш – З.П.

²⁶ С. М. Червонная. Абхазия..., с. 78.

²⁷ С. М. Червонная. Абхазия..., с. 78.

²⁸ С. М. Червонная. Абхазия – 1992: посткоммунистическая ..., с. 79.

²⁹ Л. В. Маршания. Трагедия Абхазии. Тб., 1995, с. 11-12.

³⁰ Г. Жоржوليани. Исторические и политические корни..., с. 55.

³¹ Г. Жоржوليани. Исторические и политические корни..., с. 53-54.

Глава XIX

- ¹ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 66.
- ² *Лабиринт Абхазии*, с. 52.
- ³ *Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989-2001). Сборник политико-правовых актов. Составитель и гл. редактор Тамаз Диасамидзе.* Тб., 2002, с. 225.
- ⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 225.
- ⁵ **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией..., с. 299.
- ⁶ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 225-226, курсив наш – **З.П.**
- ⁷ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 226.
- ⁸ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 226.
- ⁹ *Лабиринт Абхазии*, с. 53.
- ¹⁰ *Лабиринт Абхазии*, с. 54-55.
- ¹¹ **С. З. Лакоба.** Очерки политической..., с. 79; **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 81.
- ¹² Об этом см. выше: с. 219-223.
- ¹³ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 81.
- ¹⁴ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 81-82.
- ¹⁵ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 82
- ¹⁶ *Лабиринт Абхазии*, с. 55.
- ¹⁷ *Лабиринт Абхазии*, с. 55.
- ¹⁸ *Лабиринт Абхазии*, с. 57-58.
- ¹⁹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 232, курсив наш – **З.В.**
- ²⁰ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 233.
- ²¹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 233.
- ²² *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 233.
- ²³ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 233.
- ²⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 234.
- ²⁵ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 235.
- ²⁶ Об этом см. выше: с. 95-109.
- ²⁷ Об этом см. выше: с. 177-223.
- ²⁸ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 235.
- ²⁹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 235-236.
- ³⁰ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 236.
- ³¹ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 93.
- ³² **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 93.
- ³³ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 93.
- ³⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 236-237.
- ³⁵ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 238.
- ³⁶ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 239.
- ³⁷ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 239.

Глава XX

- ¹ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 97.
- ² **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 98.
- ³ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 98.

- ⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 248.
- ⁵ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 249.
- ⁶ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 250-251.
- ⁷ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 247.
- ⁸ *Лабиринт Абхазии*, с. 69.
- ⁹ *Лабиринт Абхазии*, с. 70.
- ¹⁰ *Лабиринт Абхазии*, с. 70.
- ¹¹ **Г. Мchedлидзе.** История без дистанции. Кутаиси, 1999, с. 282 (на груз. яз.).
- ¹² **А. Зверев.** Значение опыта Татарстана для Грузии и Абхазии. – В кн.: *«Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии»*. Общая редакция: **Б. Коппитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба.** М., 1999, с. 114-115.
- ¹³ **А. Зверев.** Значение опыта Татарстана для Грузии и Абхазии..., с. 115.
- ¹⁴ *Лабиринт Абхазии*, с. 75.
- ¹⁵ См. выше: с. 198.
- ¹⁶ *Лабиринт Абхазии*, с. 77.
- ¹⁷ **З. В. Папаскири.** Некоторые предположения по вопросу определения статуса Абхазии в составе грузинского государства. – В сб.: *«Грузинское государство – Унитарное или федеративное»*. Батуми, 2005, с. 139-140 (на груз. яз.).
- ¹⁸ *Лабиринт Абхазии*, с. 79 (с некоторыми уточнениями).
- ¹⁹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 257-258.
- ²⁰ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 258-259.
- ²¹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 255.
- ²² *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 260.
- ²³ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 260-261.
- ²⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 261-263.
- ²⁵ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 265.
- ²⁶ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 267, курсив наш – **З.П.**
- ²⁷ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 104-105.
- ²⁸ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 105.
- ²⁹ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 105.

Глава XXI

- ¹ *Лабиринт Абхазии*, с. 80.
- ² *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 271-272.
- ³ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 268.
- ⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 269.
- ⁵ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 101.
- ⁶ *Лабиринт Абхазии*, с. 88-89.
- ⁷ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 121.
- ⁸ *Лабиринт Абхазии*, с. 93-94.
- ⁹ *Лабиринт Абхазии*, с. 94.
- ¹⁰ *Лабиринт Абхазии*, с. 96.
- ¹¹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 279-280.
- ¹² *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 269, курсив наш – **З.П.**
- ¹³ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 270, курсив наш – **З.П.**
- ¹⁴ См. выше: с. 177-223.

- ¹⁵ См. выше: с. 245-246.
- ¹⁶ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 279-280.
- ¹⁷ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 128.
- ¹⁸ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 125.
- ¹⁹ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 124.
- ²⁰ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 124.
- ²¹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 282.
- ²² *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 283.

Глава XXII

- ¹ «Александр Анкваб отвечает – Историю Абхазии нельзя скроить из президентских мифов и небылиц». – Газ. «Аутаира», №10, 25.VI.2003. См.: газ. «Свободная Грузия», №198-199, 18.VII.2003.
- ² *Лабиринт Абхазии*, с. 99.
- ³ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 133.
- ⁴ **Л. Чхенкели.** Двух истин не бывает. Показания резидента ГРУ в Автономной Республике Абхазия. Тб., 1996, с. 46.
- ⁵ **З. В. Папаскири.** Сущность Абхазского конфликта и его участники. Или кто же воевал с Грузией. – Материалы международной конференции-семинара: „Политика геноцида и этнической чистки в Абхазии (Грузия) – главное оружие агрессивного сепаратизма“. 6-7 июля, 1999г. Тб., 1999, с. 134; **Z. Papaskiri.** The Essence of the Conflict in Abkhazia and its Participants. Or Those Who Struggled Against Georgia. – Proceedings of the International Conference-Seminar: “Policy of Genocide and Ethnic Cleansing in Abkhazia (Georgia) – the Main Tool of aggressive Separatism”. July 6-7, 1999. Tbilisi, 1999, с. 135-136.
- ⁶ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 285.
- ⁷ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 135.
- ⁸ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 142.
- ⁹ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 142.
- ¹⁰ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 144.
- ¹¹ **С. М. Червонная.** Абхазия..., с. 147.
- ¹² *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 285.
- ¹³ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 285.
- ¹⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 286.
- ¹⁵ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 285.
- ¹⁶ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 285.
- ¹⁷ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 286.
- ¹⁸ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 286-287.
- ¹⁹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 287-288.
- ²⁰ *Лабиринт Абхазии*, с. 109.
- ²¹ *Лабиринт Абхазии*, с. 110.
- ²² *Абхазский вопрос в официальных документах.* Тб., 2003, с. 109 (на груз. яз.).
- ²³ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 289.
- ²⁴ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 290.
- ²⁵ *Лабиринт Абхазии*, с. 118.

- ²⁶ *Лабиринт Абхазии*, с. 118.
- ²⁷ *Абхазский вопрос в официальных документах...*, с. 144.
- ²⁸ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 292.
- ²⁹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 291.
- ³⁰ *Абхазский вопрос в официальных документах...*, с. 168-169.
- ³¹ *Абхазский вопрос в официальных документах...*, с. 292.
- ³² *Абхазский вопрос в официальных документах...*, с. 292-293.
- ³³ *Лабиринт Абхазии*, с. 123.
- ³⁴ *Лабиринт Абхазии*, с. 124-125.
- ³⁵ *Лабиринт Абхазии*, с. 126.
- ³⁶ *Абхазский вопрос в официальных документах...*, с. 211.
- ³⁷ *Лабиринт Абхазии*, с. 125.
- ³⁸ *Лабиринт Абхазии*, с. 125.
- ³⁹ *Лабиринт Абхазии*, с. 125-126.
- ⁴⁰ *Лабиринт Абхазии*, с. 126.
- ⁴¹ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 294.
- ⁴² *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 294.
- ⁴³ *Региональные конфликты в Грузии...*, с. 294.
- ⁴⁴ *Лабиринт Абхазии*, с. 131-132.
- ⁴⁵ *Лабиринт Абхазии*, с. 133-134.

Вместо послесловия

- ¹ **З. В. Анчабадзе.** Из истории средневековой..., с. 106-107, курсив наш – **З.П.**
- ² *Летопись Картли*, с. 33.
- ³ об этом см.: **З. Н. Алексидзе.** Армянские надписи Атенского Сиона. Тб., 1978, с. 52-57, на груз. яз.
- ⁴ **З. Н. Алексидзе.** Армянские надписи Атенского Сиона, с. 52-57;
- ⁵ **З. В. Папаскири.** Возникновение единого грузинского..., с. 68-71.
- ⁶ **М. Н. Тихомиров.** Киевская Русь. – В кн.: **М. Н. Тихомиров.** Древняя Русь. М, 1975, с. 36-37.
- ⁷ **Н. Ф. Котляр.** Грузинские сюжеты древнерусских летописей, с. 7-19.
- ⁸ **В. Б. Пфаф.** Материалы для древней истории Осетии. – *Сборник сведений кавказских горцев.* Тифлис, вып. IV, 1870, с. 31-32.
- ⁹ См.: **А. Епифанцев.** Абхазия: необъяснимая щедрость бытия. – *Агентство Политических Новостей.* 3.09.2010. http://www.apn.ru/publications/article_22606.htm. Курсив наш – **З.П.**
- ¹⁰ **А. Епифанцев.** Абхазия: необъяснимая щедрость бытия, курсив наш – **З.П.**
- ¹¹ **А. Епифанцев.** Абхазия: необъяснимая щедрость бытия, курсив наш – **З.П.**

ZURAB PAPASKIRI

ABKHAZIA: UNFALSIFIED HISTORY

Introduction. Seventeen years ago the tragic fratricidal war between the Georgians and Abkhazs temporarily deprived Georgia of Abkhazia, one of the republic's most picturesque sites. Much has been written about the Abkhazian tragedy since, however a comprehensive and exhaustive analysis of the 1992-1993 events is still to come.

The prerequisites of the Abkhaz-Georgian confrontation go back at least one hundred years. In the 1860s, the Russian Empire drew up a so-called state program aimed at breaking up the centuries-old historical and cultural unity of Georgians and Abkhazs. In 1907, a book came out (traditionally ascribed to N. Voronov) under the provocative title of "*Abkhazia – ne Gruzia*" ("*Abkhazia is not Georgia*").

In the 1920s, the separatist-minded groups of the so-called Abkhaz people's intelligentsia took up the formula to develop it into what was described as program works by S. Basaria and S. Ashkhatsava. Their deliberations about Abkhazia's past served as historiographical justification of the "state independence" of the Abkhazian SSR set up by the local Bolsheviks in March 1921. The domestic political climate of the 1950s in the USSR revived the separatist ideology in Abkhazia: the "national" history of the Abkhazs, separate from the history of Georgia, reappeared on the agenda. Still, the two volumes of *Ocherki istorii Abkhazskoy ASSR* (Essays on the History of the Abkhazian ASSR) written by a group of Georgian and Abkhaz historians headed by outstanding Abkhaz scholar, corresponding member of the Georgian Academy of Sciences Prof. G. Dzidzaria, firmly put history of Abkhazia into a common Georgian context.

The separatist sentiments persisted and even accelerated in the latter half of the 1960s when some Abkhaz and Russian historians, archaeologists, and writers distorted the common past of the Georgians and Abkhazians and dwelt on mostly fictitious facts of Georgian pressure on the Abkhazians. They spoke of twelve or even twenty-five centuries of Abkhaz statehood and described the region as the homeland of only the Apsua-Abkhazians invested with the exclusive right to look after the present and future of their native land.

The Georgians were dismissed as newcomers; any attempt to describe them (along with the Abkhazians) as an autochthonous group was

rejected as unscientific and pernicious. This had nothing in common with genuine scholarship. For this reason certain zealous historians and writers have failed to upturn the plain facts of history and bury the very memory of the centuries-long historical, cultural, and political unity between the Georgians and Abkhazians.

The science of history has never been and will never be free from disagreements over certain issues; the history of Abkhazia is no exception, but on the whole it has been studied in great detail (thanks to the efforts, in particular, of prominent Abkhaz historians Z. Anchabadze and G. Dzidzaria). This means that a radical revision of Abkhazia's past is hardly possible, even though historians can and should probe deeper into the individual aspects of history of Abkhazia. Such efforts are especially needed today: in the past, totalitarian ideological pressure made objective discussions of the history of Abkhazia (especially of the 19th and 20th centuries) next to impossible. Recently, Georgian historiography has been demonstrating an ever-growing interest in history Abkhazia discussed in very interesting works by T. Gamkrelidze, M. Lordkipanidze, D. Muskhelishvili, E. Khoshtaria-Brosse, N. Lomouri, G. Tsulaia, G. Gasviani, T. Mubchuani, L. Toidze, A. Menteshashvili, G. Lezhava, G. Zhorzholiani, J. Gamakharia, B. Gogia, Z. Papaskiri, B. Khorava, L. Akhaladze, D. Chitaia, and others. The definitive work *Studies of the History of Abkhazia/Georgia* stands apart. It brought together the best generalizing works by prominent Georgian historians dealing with the major aspects of the history, archaeology, and ethnography of contemporary Abkhazia.

Ethnic Identity of the Earliest Population of North-Western Colchis. The ethnic and tribal identity of the autochthonous population of what is now Abkhazia is one of the most complicated historiographic problems. Like all other Georgian regions, Abkhazia was populated about half a million years ago, during the Lower Paleolithic. An analysis of the artefacts from the Early Paleolithic monuments of Abkhazia reveals their similarity to the contemporary collections from Central Colchis and the Rioni-Kvirila basin in particular. At the same time, "there is a certain similarity... to the monuments of the North-western Caucasus and the Kuban area".

In the Late Paleolithic (about 35 thousand years ago), a unified Late Paleolithic culture took shape in Western Georgia, evidence of a certain ethno-cultural and linguistic communality. During the Mesolithic Age, Western Georgia (its North-western part where Abkhazia is now situated) underwent further development. By that time the Caucasus had been divided into three territorial groups of monuments (Transcaucasian,

Gubi, and Chokhi). The local features that had taken shape by that time at all the monuments of material culture are ascribed to the budding changes in the surmised Caucasian ethno-cultural unity.

In the Neolithic Age, the material culture on the territory of contemporary Abkhazia revealed numerous common features with the Neolithic culture of Central and South-western Colchis. The distinctive features identified by archaeologists are ascribed to the continued process of ethnic delimitation of the Caucasian population. It is thought that “the local specifics observed in the Late Neolithic culture probably indicate that the process of ethnic and linguistic delimitation was underway” and that “the main kindred groups of the Caucasian languages were being formed”: East Caucasian (so-called Pra-Nakho-Daghestani), West-Caucasian (or Pre-Adighe-Abkhaz), and South Caucasian (or Pra-Kartvelian).

During the Early Bronze Age (approximately starting with the mid-third millennium B.C.), the so-called Dolmen Culture appeared and spread across what is now Abkhazia; it was limited to the North-western part of Colchis and was never discovered to the south of the Azanta, near Sokhumi. It is believed that this was caused by ethnic shifts; according to some experts the Kaska tribes from the North-eastern sector of Asia Minor who spoke the Proto-Hattic language moved to the territory of contemporary Abkhazia at the turn of the second millennium B.C. This led historians to surmise that the Kaska of Asia Minor, as well as the Abeshla tribes, mixed with the local kindred population to form the Abkhaz ethnos. At the same time, there is the opinion that the entire territory of historical Colchis (stretching from the western part of the Northern Caucasus to the North-eastern regions of Asia Minor) was the homeland of the Abkhaz-Adighe-Hattic tribes.

Georgian historians (O. Japaridze and others) have never denied that there was an inflow from the south, although they never accepted this as a decisive factor; by the same token they rule out significant ethnic shifts in North-western Colchis. Indeed, the material culture of the dolmens was obviously local – a direct indication that no serious ethnic changes took place in what is now Abkhazia. Georgian archaeologists, however, do not exclude certain local specifics to the north of the Gumista River and explain them by the arrival of the first wave of Abkhaz-Adighe tribes. The main population was of Kartvelian origin (the Megrelo-Chans, Svans, and others). Academician S. Janashia, whose scholarly authority was never questioned among the Abkhazians, wrote at one time that the Kartvelian (Megrelo-Chan) population predated the Abkhaz-Adighes on the territory of contemporary Abkhazia.

Archaeological finds to the north of the Gumista dated to the so-called Colchian Culture (about the 14th-7th centuries B.C.) reveal certain specific features which identified that area as a local region of the common Colchian Culture of the Late Bronze and Early Iron ages. At the same time, the area to the north of the Gumista largely remained part of the common West Georgian culture. This means that at the turn of the first millennium B.C. no serious ethnic shifts could occur in what is now Abkhazia (to say nothing of historical Colchis as a whole, something that Yu. Voronov suggested in his book). This is confirmed by anthropological data.

It is much harder to decide which language the Bronze population of Abkhazia used. For a long time the academic community (P. Uslar, I. Javakhishvili, S. Janashia, A. Chikobava, K. Lomtadze, E. Bokarev, and others) remained convinced that the Caucasian languages were “genetically” related. Recently, however, this conviction was shattered: scholars, some of them highly respected (G. Machavariani, T. Gamkrelidze, S. Nikolaev and S. Starostin, H. Faehrich, and others), reject the “genetic” kinship of the Kartvelian tongues with the North Caucasian languages. The idea of kinship of the North Caucasian languages with the ancient tongues of Asia Minor is gaining recognition among scholars; until quite recently it was generally accepted that the Abkhaz-Adighe and Hattic tongues were close relatives (A. Militarev, S. Starostin, and V. Vs. Ivanov).

Purely linguistic data were studied, as well as the obvious similarity of the ethnonym “Kashki” with the medieval names of the Adighe-Circassians: Kasakhia – Kasakhi of Byzantine authors; Kashak – Kashakia of Arabian sources; Kosogi of the Old Russian chronicles; Kashagni of the Georgian chronicles, etc. On the strength of this it was usually surmised that the Kashkis of the Hittite cuneiform texts were related to the Abkhaz-Adighe tribes. This was seemingly in line with the fact that Assyrian cuneiform inscriptions of the 12th-11th centuries B.C. mention the Abeshla tribe, which, on the one hand, was interpreted as a variant (synonym) of Kashki and, on the other, was identified with the Apsil ethnonym (Apsil – Apsua).

Recently, however, the idea about the kinship between the Kashki and Abeshla tribes and the Proto-Hittite (Hattic) population of Asia Minor was radically revised. According to one of the best experts in the Hattic-Anatolian world, academician G. Giorgadze, the Kashkis and Abeshla were not necessarily related to the Hattians. More likely than not they belonged to the Colchian (Kartvelian) ethnic world. He rejected a possible kinship between the Kashkis and Abeshla and the ancestors of

the Adighe-Abkhazians on the strength that the “original place of the Hattians should not be sought in Asia Minor” but in the North-western Caucasus, from which “they probably moved to the northern part of Central Anatolia”.

The above suggests that in the primitive age, starting with the Upper Paleolithic, the territory of contemporary Abkhazia was part of the area of a uniform material culture created, in all probability, by ethnically kindred tribes with common Caucasian roots. In the Bronze Age (or even earlier), a certain paleo-Caucasian ethnic communality was differentiated, which gave rise to local specifics inside the uniform material culture. This makes it possible to identify a local region on the territory of contemporary Abkhazia to the north of the Gumista created by the ethnically specific population of the region that differed from the rest of the regions of historical Colchis. The ancestors of the contemporary Abkhazians probably formed part of its ancient population. There are no doubts about the rest of Colchis, including part of Abkhazia to the south of the Gumista: these parts were populated by those who created the Colchian Culture (Megrelo-Chans, Svans, and other Kartvelian tribes). At the same time, Kartvelian tribes probably settled in the northern part of contemporary Abkhazia.

Ethnic Map and State-Political Makeup of North-Western Colchis between the First Millennium B.C. and the 8th Century A.D.

The earliest written information about the tribes of the North-western Caucasus was supplied by Hecataeus of Miletus (in the 6th century B.C.) in his *Periegesis* (Tour Around the World), where he mentioned the “Kols living on the lower slopes of the Caucasian Range and the Koraxes living to the west of them”. In his *Ethnica dictionary*, Stephanus of Byzantium (the 6th century B.C.), who preserved bits and pieces of Hecataeus’ work, called them the Colchian tribes. *Periplus* of Pseudo-Scylax of Carianda (4th century B.C.) directly indicated that the territory “to the south of the Koraxes and Kols between Dioscuria (now Sokhumi) and the Apsaros River (the Chorokhi River) was populated by... the Colchis in early antiquity”.

It has been long established that the Colchis were a West Georgian (Megrelo-Chan) tribe even though some scholars still insist that the Colchis were Abkhazians. It should be said that the term could be described as a blanket one for several (including some of the non-Kartvelian) tribes, yet the original ethnic content of the ethnonym “Colchis” presupposed the West Georgian Megrelo-Chan population and other Kartvelian tribes living within historical Colchis.

The above leaves no doubts about the fact that in the first millennium B.C. the territory of contemporary Abkhazia – its foothills and the coastal area – were populated by Western Kartvelian tribes: Kols, Koraxes, Colchis, and probably Moskhs (Meskhs) Ancient Greek authors (Hellanicos of Mytilene, 5th century B.C.) registered that at the same time the tribes of Heniokhs lived in north-western Colchis. According to contemporary historians, they lived in the area stretching from the vicinity of Pitiunt (contemporary Bichvinta – Pitsunda) to the Akheunta River (the Shakhe, at what is now Tuapse). Most people believe that the Heniokhs were a Kartvelian (either Megrelo-Chan or Svan) tribe, however the ethnonym could serve as a blanket term for “tribes of various origins”. It seems that those Abkhaz scholars who speak of a genetic kinship between the Heniokhs and ancient Abkhazians are wrong.

In the 1st and 2nd centuries A.D., the ethnic map of north-eastern Colchis changed under the pressure of new tribes: the Sanigs (who used to live between Sokhumi-Sebastopolis and what is now Gantiadi). Most of the academic community speaks of them as belonging to the Kartvelian ethnic world, even though it is thought that they may be of Abkaz-Adighe origin. The former offer the following argument: (1) The ethnonym “Sanigi” contains the easily identified root “sani” of the Megrelo-Chan origin – the Greek form of the ethnonym “Chani” (,Ἰσῆοι); (2) the oldest Georgian name of Dioscuria – Sebastopolis (contemporary Sokhumi) – Tskhumi means “hornbeam” in the Svan language. A Svan toponym could have appeared in the vicinity of Sokhumi-Dioscuria only if the place was populated by Svans. Since after the 8th century (the earliest mention of the “city of Apshileti-Tskhumi” in a Georgian chronicle) Tskhumi was no longer a Svan city (it was a city of the Apshileti-Apsilia) and it is hard to detect traces of Svan tribes in the vicinity of Sokhumi, we can surmise that the Svan toponym of Sokhumi should be dated to the period before the 8th century. There is every reason to say that the Svan name of Sokhumi can be related to the period prior to the 1st century B.C. when, according to ancient Greek geographer Strabo (64 B.C.-20 A.D.), “Svans dominated” the mountain peaks around Sokhumi-Dioscuria; according to the practically documentary evidence of Flavius Arrianus, another Greek author of the 2nd century A.D., “Sebastopolis was situated” on the lands of the Svans (that is, the Sanigs). Well-known information supplied by Claudius Ptolemy (2nd century A.D.) can serve as almost documentary confirmation that “Svano-Colchians”, a mixed Svano-Megrelian tribe of sorts, lived on the northern border of Colchis, to the northwest of Dioscuria, along the Korax River (the Bzyb in contem-

porary academic writings).

Information about the Apsils and Abazgs, who probably lived on the territory between the rivers Galidzga and Kelasuri, first appeared in the written sources of the 1st-2nd centuries A.D. Later they moved to the northwest and in the 5th-6th centuries A.D. were living somewhere in the Kodori (or the Kelasuri) and Bzyb interfluve. In the 8th century, the city of Tskhumi belongs to Apshileti (Apsilia). Historians ascribe the northward shift of the Abazgs and Apsils by the pressure of the Laz tribes.

It was long believed that the Apsils and Abazgs were ancestors of the contemporary Abkhazians until a prominent Georgian philologist Pavle Ingorokva revised the earlier ideas in the 1950s and argued that the Abazg-Abkhazs and Apsils of the Early Middle Ages were Kartvelian tribes. Official Georgian historiography, however, and particularly its leader of that time, Academician N. Berdzenishvili, treated Pavle Ingorokva's hypothesis with a lot of caution and preferred the old interpretation. This is amply confirmed by all the definitive works on the history of Georgia-Abkhazia published in the 1950s-1980s starting with *Ocherki istorii Abkhazskoy ASSR* and ending with textbooks and other teaching aids on the history of Georgia (including *History of Georgia*, a textbook for students, ed. by Academician N. Berdzenishvili, Vol. I, Tbilisi, 1958, in Georgian) and the main work: eight volumes of a fundamental publication called *Essays on the History of Georgia* (ed. Academician G. Melikishvili) which never contested the idea that the Abazg-Apsils belonged to the Abkhaz-Adighe ethnic world. Pavle Ingorokva was severely criticized by Abkhaz scholars. Recently some Georgian historians have been carried away by the idea of reviving Pavle Ingorokva's hypothesis at all costs; so far they have not succeeded.

The problem of the ethnic identity of the Abazg-Apsils requires clarification of the terms "Abazg", "Abkhaz", "Abaza," and "Apsil", on the one hand, and "Apsar" and "Apsua", on the other. It was believed for a long time that the ethnonyms "Abazg", "Abkhaz" and "Abaza" were identical. The latter was associated with the "Apsua" ethnonym, which is believed to be derived from the phonetically kindred "Abaza". Recently Academician T. Gamkrelidze voiced his serious doubts about the identity of the terms "Abazg" and "Abaza", which he believes to be two independent terms. The Greek form "Abazg" is derived from the Georgian "Abkhaz," by which he means not the ancestors of "Abaza"- "Apsua", but a Western Kartvelian tribe. Today, the identical nature of the ethnonyms "Apsil", "Apsar", and "Apsua" is doubted. According to Academician D. Muskhelishvili, "Apsil" cannot be regarded as an equivalent of "Apsua";

he applies the term “Apsils” to a West Georgian tribe.

The early medieval written sources mention the Misimian tribes living on the territory of contemporary Abkhazia (in the Kodori Gorge, beyond the Tsebelda). They obviously belonged to the Kartvelian (Svan) ethnic world since the Misimian ethnonym goes back to “Mushvan”, the Svans’ self-name. The efforts of certain Abkhaz historians to detach the Misimians, together with the Sanig-Heniokhs, from the Kartvelian ethnic world have nothing to do with strict academic logic. In the early Middle Ages, the Lazs also inhabited the territory of Abkhazia. They probably lived mainly in its southern areas, but we cannot exclude that some of them lived in the north (this is confirmed by the toponym “Old Lazika” that specialists localize at the mouth of the Negopsukho River, to the northwest of Tuapse).

This means that starting around mid-first millennium B.C. (we have specific written Ancient Greek information about the ethnic situation in north-western Colchis of those times), the territory of contemporary Abkhazia was inhabited only by Kartvelian (Colchian) tribes (Kols, Koraxes, Colchians proper, Heniokhs, and probably Moskhis-Meskhis. At the same time, the ethnonym “Colchians” could have been a blanket term extended to other Kartvelian and non-Kartvelian (the Abkhazo-Adighe tribes included) tribes. Starting in the 1st-2nd centuries, the Apsils and Abazgs (most believe that they were the ancestors of the contemporary Abkhazians) were registered on the territory of contemporary Abkhazia. It should be said that both occupied a limited area (at the first stage – in the 1st-2nd A.D. – somewhere between the rivers of Galidzga and Kelasuri). Later, by the 5th-6th centuries, they moved up north and settled between the rivers of Kodori (or Kelasuri) and Bzyb in the territory of contemporary Abkhazia. The Georgian tribes of Sanigs, Misimians, and Lazs comprised the bulk of the population living both in the south and in the north. It should be pointed out that it is unimportant whether or not the Apsils and Abazgs were ancestors of the contemporary Abkhazians, or whether contemporary Abkhazia was their original homeland. What is important is the fact that the Abkhaz-Adighe and Kartvelian (mainly Megrelo-Chan) tribes contributed to the emergence of the Abkhaz ethnos formed in the territory of contemporary Abkhazia.

It is equally obvious that from early antiquity to the 8th century (with short intervals) north-western Colchis, or the territory of contemporary Abkhazia, remained part of the West Georgian (first the Colchian and then Laz-Egrisi) political and state structures and that Abkhazians’ political and state activities proceeded within this expanse.

It is thought that the earliest states appeared on Georgian territory in at least the late second millennium B.C. It was at that time that Assyrian cuneiform texts first mentioned the “countries” of Daiaeni (later Diakhi in the Urartu sources) and Kilkhi identified as Kolkha (Colchis) of the Argonauts period. About the 7th-6th centuries B.C. another state appeared in Western Georgia on the ruins of the Colchian alliance headed, according to Ancient Greek authors, by descendants of the legendary king Ayet; it is surmised that its north-western border should be sought in the vicinity of contemporary Tuapse, where Old Lazika was situated in the past. This clearly suggests that the territory of contemporary Abkhazia was part of the Colchian kingdom as an “organic ethnical and territorial sector” of the Colchian state. It seems that the opposite opinion (about an independent Abkhaz national state unit) is unfounded.

By the early 1st century B.C. there was no longer a united state in Colchis; it is commonly believed that the tribes united under the Colchian king had regained their independence by that time. It was at that time that Mithridates VI of Pontus had gained control over the territory of historical Colchis; in 65 B.C. Rome arrived in these places to establish its hegemony. In the 1st-2nd centuries A.D. new ethnopolitical units appeared in the territory of historical Colchis – the so-called kingdoms of Makrons and Heniokhs, Lazs, Apsils, Abazgs, and Sanigs. The territory of contemporary Abkhazia was divided among Lazika (approximately up to the River Galidzga), Apsilia and Abazgia (approximately between the rivers of Galidzga and Kelasuri), and Sanigia with the city of Sebastopolis (contemporary Sokhumi), which stretched to Sochi or even to Tuapse. This means that the larger part of contemporary Abkhazia was occupied by the states of the Sanigs and Lazs (the tribes the Kartvelian origin of which is no longer contested). The kingdoms of the Apsils and Abazgs alone can be described as Abkhaz ethno-political units.

These were early class state units headed by dynasts appointed or endorsed by Rome. Around the 3rd century, the Kingdom of Lazika supported by the Roman authorities started its headlong movement into Western Georgia; by the late 4th century it had already spread throughout the entire territory (including contemporary Abkhazia) and become a fairly strong Laz (Egrisi) Kingdom described by contemporary Byzantine authors as a legal heir to the ancient Colchian Kingdom. At that time (6th century A.D.) the territory of what is now Abkhazia remained an organic part of the Lazika-Egrisi state even though the rulers of Abazgia (found at that time within new borders – probably between the Gumista and Bzyb rivers) enjoyed a great share of sovereignty and merely formally

accepted the Laz kings as their sovereigns. Apsilia, in turn, remained an administrative part of Lazika and was ruled by officials appointed from the center.

In the 5th-6th centuries, the Byzantine Empire, which was seeking greater loyalty from the Laz kings, encouraged the Abazgian rulers' desire to shift their subordination from Lazika to the empire. It was probably at that time (first half of the 6th century) that the Byzantine authorities separated Abazgia and Egrisi religiously by setting up a diocese in Abazgia independent of the Laz metropolitan. This and the political tension in Western Georgia caused by the Iranian-Byzantine war that had been going on for twenty years interfered with the political consolidation of the Egrisi state. A period of gradual decline set in. Throughout the second half of the 6th and first half of the 7th centuries, the Byzantine Empire was increasing its pressure on the central power of Lasika-Egrisi in an attempt to cut down its influence in the provinces. In the mid-7th century, however, Apsilia and Misiminia still remained under the direct control of the Lazika rulers; one of their residences was found at Mokvi (now the Ochamchire area).

Such was the political and state makeup of Western Georgia-Abkhazia between the first millennium B.C. and about the early 8th century A.D. The quoted data testify beyond doubt that throughout this long period the territory of contemporary Abkhazia (politically and administratively) was part of the Georgian political and state entity. In the 6th-1st centuries B.C. it was part of the Colchian Kingdom. In the 4th century A.D., after a short interval of independence, small ethno-political units of Sanigs, Abazgs, and Apsils and later of Misimians that had sprung into existence at the turn of the 2nd century A.D. found themselves once more within a united Western Georgian state, the Laz (Egrisi) Kingdom, where they remained almost until the early 8th century. Abazgia, which the Byzantine Empire had earlier (in the 6th century) removed from Lazika jurisdiction, was the only exception.

The Kingdom of the “Abkhazs” – a Georgian State. While the Laz-Egrisi Kingdom was gradually losing its former influence after the twenty-year long (542-562) Iranian-Byzantine confrontation, Abazgia-Abkhazia was gaining strength in Western Georgia with the help of the Byzantine Empire. By the mid-730s, when famous Arabian warlord Mervan ibn-Muhammad burst into Western Georgia with a punitive expedition, there was no local dynast there. Lazika-Egrisi was considered part of the Kartli Saerismtavro. The borders of the state (which the sources for the first time called საქართველო (Georgia) ran along the Kelasuri

River, beyond which lay Abkhazia, a Byzantine possession ruled by the emperor-appointed eristav.

The old Georgian historical tradition associates the Murvan “Kru” expedition to Western Georgia and its results with the changes in the country’s political and state structures. The Byzantine Empire, in particular, officially recognized Mihr and Archil, members of the ruling House of Kartli, as leaders of Georgia and kings of Kartli-Egrisi and made Leon, eristav of Abkhazia, a hereditary ruler of Abkhazia. It was at the same time that Caesar’s Eristav Leon married one of Mihr’s daughters, thus bringing the two ruling houses closer; he also became an equal member of the ruling House of Kartli-Egrisi. The Abkhazian ruler went even further: he declined Archil’s offer of territorial possessions, who became the only official ruler of Kartli-Egrisi upon the death of Mihr, the elder of the two brothers, and announced himself a vassal of the Kartli erismtavar and his possessions, part of the state of King Archil. He was lavishly recompensed in the political respect with a royal crown the Byzantine emperor sent to his father-in-law Mihr. This pushed the Abkhazian ruler to the forefront of Georgian politics and made him *de facto* the second important person in the state after King Archil. His political career received a fresh impetus.

In this way, in the 730s Georgia received a new political and state context. Eastern and Western Georgia, including the territory to the north of the Kelasuri (that is, Abkhazia of that time), was legally united into one state headed by erismtavar Archil of the House of Kartli.

By the late 8th century, another member of the House of Leon, Leon II, nephew of Leon, skilfully used the growing weakness of the Byzantine Empire to detach his state from it with the help of the Khazars; he usurped power in the Egrisi-Abkhazeti state unified by his predecessor and announced himself the king of the Abkhazs. This was how the so-called kingdom of the “Abkhazs” came into being. It should be said that the early Georgian historical tradition unequivocally associated this act with a dynastic crisis in the royal House of Archil. According to the anonymous author of *Matiane Kartlisa* (an 11th-century chronicle), Leon II succeeded merely because “Iovan was dead, and Juansher had grown old. (Soon) after that he also died.” Since Leon II, the eristav of Abkhazia, called himself king of the Abkhazs (*mepe apkhazta*) both inside and outside Georgia, the new state became known as the country of the king of the “Abkhazs,” that is, the Kingdom of the “Abkhazs,” or simply Abkhazia. The changed name did not mean that the country also changed its national-political makeup or that an absolutely new Abkhaz

national state proper appeared within the limits of Western Georgia, claimed by the unrecognized Republic of Abkhazia of our days as its legal predecessor. In fact it is the contemporary Georgian state that is the legal heir to it.

There are any number of countries whose names do not correspond to their content: Bulgaria, for example, got its name from its founder Bulgarian Khan Asparukh who moved from Volga Bulgaria to the Balkans. Kievan Rus is another example: it has been recognized that the country's name is of Scandinavian origin, which it acquired from founders Oleg, Riurik, and others, who were Normans. Even the most zealous supporters of the so-called Norman theory would agree that from the very beginning Kievan Rus was a purely Slavic not a Norman-Scandinavian state. The same can be said about the Spanish precedent: when in 1700 Duke of Anjou, grandson of the French King Louis XIV, was put on the Spanish throne as Philip V, the Spanish state did not become France.

For the same reason separatist historiography is wrong when it insists that the Kingdom of Abkhazs, the national state of the Apsua-Abkhazians, appeared as a result of the military victories of the ruler of Abkhazia in Western Georgia. If the "Abkhaz" dynasty came to power in the former Laz-Egrisi Kingdom as a foreign force that occupied the neighbouring territory and imposed an alien Abkhazian statehood on the local Georgian population, one would be left wondering why the medieval Georgian public and political mentality accepted the act of aggression peacefully and painlessly. Even a superficial reader of the monuments of Old Georgian historical literature cannot fail to note that all medieval Georgian authors and chroniclers described the kings of the "Abkhazs" and their activities in the most favourable terms. Indeed, could the patriotically minded author of the *Chronicle of Kartli*, the only more or less exhaustive source on the history of the Kingdom of the "Abkhazs" that fully reflects the Georgian (let me repeat – *Georgian*) rather than the imaginary Abkhaz-Apsua national-state reality, flatter and praise the frightening "Abkhaz" kings who had allegedly conquered Georgia?

An explanation suggests itself: **the Georgian society looked at the king of the "Abkhazs" not as aliens or conquerors, but as their own leaders like, for example, members of the Bagrationi dynasty. This was one common Georgian cultural, political, and state expanse ruled for a while by a new "Abkhaz" dynasty.** No matter who Leon II and his descendants were in the ethnic and tribal respect (they might even have been ethnic Abkhazians), this means nothing since in the political and state respect the dynasty of the Leonids represented a common Geor-

gian state, cultural, and political world.

Leon II and his descendants were building up a Georgian not an Abkhaz-Apsua state; this is confirmed by their policy in the religious sphere. After gaining state independence, the Leonids spared no effort to leave the ideological and confessional sphere of Byzantium and set up a national state ideology, a task that could not be accomplished without severing church ties with the empire. They finally gained independence from Byzantium in the religious sphere and set up a so-called Catholicosate of “Abkhazia”. After acquiring Church independence, the kings of the “Abkhazs” plunged into hectic activities: they founded new church centres and encouraged Georgian written culture and Georgian Christian literacy across Western Georgia, and on the territory of contemporary Abkhazia, among other things. Simultaneously they replaced the old Greek dioceses with newly established Georgian eparchies.

It was thanks to this obviously Georgian national policy of the kings of the “Abkhazs” in the religious sphere that by the 10th century (not the 11th or 12th centuries) Western Georgia as a whole (complete with the territory of contemporary Abkhazia) became a country of Georgian written culture and literacy. If the “Abkhaz” kings intended to build an Abkhaz-Apsua national state they would have looked after the Abkhaz-Apsua national ideology, which would have required Abkhaz written tradition and literature. They never posed themselves this task; for some reason, they opposed the Greco-Byzantine ideology with the Georgian national ideology represented by the Georgian Church.

This suggests the only explanation: Leon II and his ancestors, to say nothing of his descendants (despite their possible Abkhaz-Apsua ethnic origins), considered themselves to be part of the common Georgian state, cultural, and political world even before Leon II came to power. They treated the Georgian language used by the Eastern Kart-Georgians that formed the foundation of the Georgian literary tongue as well as Georgian Christian culture as their own in the same way as they were treated by the rest of the Kartvelian population of Western Georgia, including the Megrelo-Chans and Svans who spoke (and are still using now) their own dialects.

Even if we admit, for the sake of argument, that the kings of the “Abkhazs” did have a limited Abkhaz national and state mentality, at least at the early stages of the history of their state, their obvious political ambitions would have forced them to take into account the national and state interests of the population’s absolute majority and to steer toward a Georgian (not an Abkhaz-Apsua) state. No reasonable-minded person

would contest the fact that the Kartvelian tribes were in the majority in the “Abkhaz” state. Indeed, of the eight saeristavos of kingdom of the “Abkhazs” set up (according to the old historical tradition created by Prince Vakhushti) by Leon II, only the lands to the north of the Gumista were populated by ethnic Abkhazians. Their area stretched to Nikopsia (to the north of the city of Tuapse of our times); small numbers of them might have lived in the Tskhumi eristav. All the other ersitavs, the Tskhumi Eristav included, were the home of the Kartvelian tribes (the Meglero-Chans, Svans, and Karts).

According to Z. Anchabadze, one of the best specialists on history of Abkhazia, the Kartvelian ethnic element, especially the Karts (the numerical strength of whom had considerably increased in Western Georgia by the 8th century), turned out to be more advanced in the socioeconomic and especially cultural respect. This made the language of the Karts (that is, the Georgian literary language) with a writing tradition of its own used for a long time as the state tongue and the language of church services in Eastern and Southern Georgia the state language of the Kingdom of the “Abkhazs”.

More than that, the kings of the “Abkhazs” made Kutaisi, not Tsikhe-Goji, the residence of the Laz-Egrisi kings, the capital of their state. This testifies to the outstanding role of the Kart (East Georgian) element in Western Georgia. In the general Georgian context this fact was associated by the Old Georgian tradition with the emergence of the Kartli erismtavars in the 730s. The Leonids obviously regarded themselves as the legal heirs to the royal House of Stepanos-Archil; by moving the capital from Anakopia (the residence of the eristavs of Abkhazia) to Kutaisi, Leon II obviously intended to confirm his legal position as a member of the House of Archil.

This means that *the Kingdom of the “Abkhazs” was a new West Georgian state* that appeared on the ruins of the Lasika-Egrisi state. Moreover, the appearance of the “Abkhaz” kingdom opened a qualitatively new stage in the history of Georgian statehood. As distinct from its immediate predecessor (to say nothing of ancient Colchis), the national-state development of which stopped halfway (the Greek language was used for official papers and church services), **the “Abkhaz” Kingdom can be described as the first genuinely Georgian national state with a Georgian Christian ideology and Georgian state language in Western Georgia.** Its political course was likewise Georgian: the state was firm when it came to common Georgian political and state interests. The consistent efforts of the Kutaisi rulers who painstakingly extended and

strengthened their kingdom finally led, in the early 11th century, to a united Georgian state under the aegis of the kings of the “Abkhazians”.

The Territory of Contemporary Abkhazia as a Part of the United Georgian Monarchy in the 11th-15th Centuries. The long process of unification of the Georgian lands was finally completed at the turn of the 11th century when a single state headed by King of the “Abkhazs” and “Kartvelians” Bagrat III Bagrationi was formed. This means that the two states – the kingdom of the “Abkhazs” (Western Georgian) and the kingdom of the “Kartvels” (Tao-Klarjeti, a South Georgian state going back to the early 9th century) – were united. The title of the king of the unified Georgian state started with “King of the Abkhazs” to emphasize the leading role of the West Georgian state – the Kingdom of the “Abkhazs” – in the unification process. It was the Kutaisi throne that gathered all the Georgian lands and created a common Georgian statehood; this had nothing to do with the change of dynasties, since Prince Bagrat ascended the West Georgian throne not as a Bagrationi, but as a legitimate member (on his mother’s side) of the Leonid dynasty. He was grandson (son of a daughter) of Giorgi II (922-957), the most outstanding among the kings of the “Abkhazs”.

Under Bagrat III the Kingdom of the “Abkhazs” remained practically the same in the ethnopolitical and state-legal respect; it merely expanded to the rest of the Georgian territory (with the exception of the Tbilisi Emirate and the southern part of Tao that belonged to David Kurpalate) and became a Georgian state. In the 11th and 12th centuries, all the Georgian chroniclers called their country (Georgia) Abkhazia, usually giving no comments. The same can be said of foreign sources, which when dealing with the events of the 11th-12th centuries used the term “Abkhazia” (Abazgia, Obezi, etc.) to describe Georgia and the united Georgian state.

No matter how hard certain researchers are looking for elements of national Abkhaz statehood and a sort of autonomy inside the common Georgian state of the 11th-12th century, the territory of contemporary Abkhazia was not a single national unit. Since the time of Leon II, founder of the “Abkhaz” kingdom, it was divided into eristavs: Abkhazian (the northern part approximately from the River Gumista or Anakopia (New Athon) to Nikopsia (to the north of Tuapse), Tskhumi (part of what is now the Gudauta District up to Anakopia, the Sokhumi and Gulripshi districts and part of the Ochamchire District), and Bedia (part of the Ochamchire and Gali districts). Throughout the 11th-12th centuries, the Abkhazians proper were involved in the military-political acts of the

Georgian state; they fought all the battles and were not different from the rest of the population of the single Georgian state.

According to prominent Abkhaz historian and ethnographer Sh. Inal-ipa, the territory of contemporary Abkhazia within the single Georgian state “was anything but a forgotten province.” In the 11th-12th centuries, the Georgian kings could always rely on the *eristavs* on the territory of what is now Abkhazia in their struggle against the feudal opposition. It stands to reason that the first king of united Georgia Bagrat III selected Bedia (in the Ochamchire District) as one (or even the main) of his residences where he built a impressive temple where he was buried later on. There are no facts to support the allegations of certain historians about the anti-governmental or even separatist-minded Abkhaz feudal lords who resented the liquidation of the “Abkhaz” kingdom. The opposite looks more plausible: they were the most loyal subjects of the kings of united Georgia, who called themselves kings of the “Abkhazs”. At all times the Abkhaz nobility played an important role at the royal court in Kutaisi and Tbilisi (where David IV the Builder moved his capital). The *eristavs* in the Abkhazian territory (the Tskhumi *Eristav* in particular) became even more important. The city of Tskhumi-Sokhumi became the summer residence of the Georgian kings. According to well-known Russian scholar V. Sizov, it became an important “cultural and administrative center of the Georgian state”.

In the 11th-12th centuries, the territory of contemporary Abkhazia was an area of Georgian Christian culture. By that time numerous Christian churches had been built. The Bedia Cathedral erected by King Bagrat III, who united Georgia, and the temple of Bagrat in Kutaisi were symbols of the united Georgian state. The Lykhni (built at the edge of the 10th-11th century) and the Bichvintha (12th century) cathedrals are outstanding monuments of Georgian Christian architecture. The Christian churches in the territory of contemporary Abkhazia were centres of Georgian literacy and enlightenment. At that time, the region’s written culture was exclusively Georgian; nearly all surviving inscriptions dated to the 11th and 12th centuries carved in stone are in Georgian which means that in the 11th-12th centuries Abkhazia was still a country of the Georgian medieval Christian culture.

In the 13th century, Georgia’s military-political might was undermined first by the devastating inroads of Khorezm Shah Jalal ad-Din and then by the Mongol conquerors who disrupted the unified Georgian state. In the 1240s, Mongols divided Georgia into eight military-administrative sectors (*dumans*), two of them were found in Western Georgia. The terri-

tory of contemporary Abkhazia formed part of the duman administered by Tsothe Dadiani, while the local population (including the ethnic Abkhazs) was still actively involved in the common Georgian processes. It was with their support that “David, son of Rusudan, was proclaimed the king of the Abkhazs up to the Likhi Range”. From that time on (the latter half of the 13th century), the united Georgian state continued de facto as two kingdoms: Eastern Georgia was ruled by David Ulu, son of Giorgi Lasha, while David Narin set up an independent state in Western Georgia (Likht Imereti) that survived until the late 1320s. The territory of contemporary Abkhazia belonged to the latter.

The death of David Narin in 1293 triggered squabbles in Western Georgia that allowed Eristav of Odishi (Megrelia) Giorgi Dadiani to “gain control over the Tskhomi Saeristavo and take possession of the entire territory of Odishi up to Anakopia, while Sharvashidze established himself in Abkhazia...” This is especially interesting because it confirms beyond doubt that the entire territory of the Tskhumi Saeristavo up to Anakopia (now called New Athos) belonged to Odishi-Megrelia.

The West Georgian eristavs obviously wanted to tighten grip on their possessions, and the Likht-Imereti kings being an obvious obstacle. This explains the relative enthusiasm with which the West Georgian eristavs hailed Giorgi V the Magnificent (1314-1346) in Kutaisi where he removed Bagrat, grandson of David Narin, from power. The enthusiasm of the eristavs of Odishi, Guria, Svaneti, and Abkhazia was probably not quite sincere – they were merely too weak to stand opposed to the Georgian king and had to meet him “with great gifts and welcome his rule in Imereti and the whole of Georgia”. In this way they probably preserved their status as hereditary rulers. This allowed Giorgi V to proceed further without many problems to finally gain control over the whole of Western Georgia. Prince Vakhushti wrote that the king “entered Odishi and moved from it to Abkhazia, where he dealt with the local problems and established his control over the fortresses.” The fact that for some reason Giorgi V reserved the Abkhazian fortresses for himself deserves mention; he returned the Tskhumi Saeristavo to the eristav of Odishi (“Bedieli”).

Throughout the 14th century the West Georgian eristavs, including the eristavs of Abkhazia, Sharvashidze, remained loyal to the central authorities, that is, to the Tbilisi throne, thus contributing to the continued unity of the common Georgian state. At the same time, the Dadiani, the rulers of Odishi (Megrelia) supported by the central authorities, were gradually gaining might to spite the Imereti Bagrationis and became the actual leaders of Western Georgia. Throughout the 14th century they

owned the Tskhumi Saeristavo and extended their influence to the eristavs of Abkhazia – Sharvashidze. According to Arabic (al-Muhibbi and al-Kalkashandi) and West European (Iosaphat Barbaro) sources, in the 14th-15th centuries Megrelia “stretched to Circassia”, which means that Abkhazia up to Circassia was within Odishi, while “Dadimani (Dadiani) ruled Sokhumi and Abkhaz.” Tskhumi-Sokhumi was the capital of the Odishi-Megrelian rulers, it was in this city that Vamek I (1384-1396), the most influential of the Dadianis, minted his coins.

Early in the 15th century, Georgian King Giorgi VII (1393-1407) confirmed the rights of Mamia, who ruled after Vamek I Dadiani, to the Tskhumi possessions. According to foreign authors, in the mid-15th century Dadiani, the rulers of Odishi were recognized as the “kings of Megrelia and Abkhazia”, The fall of Constantinople in 1453 and the much more noticeable presence of the Ottoman Turks in the northern and eastern Black Sea areas largely changed the geopolitical configuration in the region and worsened the situation in contemporary Abkhazian territory. In 1454, the Turks landed the first of their armed groups in Sokhumi and plundered the city and the Abkhazian coast. Georgian King Giorgi VIII (1446-1466) immediately entered Abkhazia and “returned the local people to their homes, restored the fortifications and, after coping with the task, went back to Geguti” (one of the royal residences close to contemporary Kutaisi).

In the 1460s, the Abkhazian Saeristavo remained part of Georgian political universe. Prince Sharvashidze supported Bagrat Bagrationi who “proclaimed himself king of Likht-Imereti” (Western Georgia) and received “power over the Abkhazs and Jicks” from the Kutaisi king. In the latter half of the 15th century, the Abkhazian Saeristavo recognized the ruler of Odishi-Megrelia as its suzerain. “Upper Abkhazia” was part of the Odishi Principality, while “the Sharvashidzes ruled Abkhazia up to Jiqeti” and “did not always obey Dadiani”.

Ethnical, Political, Social and Cultural Makeup of Abkhazia in the 16th Century and up to 1864. In the 16th century the territory of contemporary Abkhazia witnessed dramatic changes: it gradually turned from a highly developed feudal region with a Christian culture and literacy into a backward country with a primitive patriarchal economy and revived pagan beliefs. The changes that took place during the 16th and 17th centuries were brought about by the onslaught of North Caucasian ethnically close Jicko-Abkhaz tribes that first invaded the Abkhazian Saeristavo and later spread across the rest of contemporary Abkhazian territory. Historians, including Abkhaz historians, never doubted that the

Adighe legends about “conquering Abkhazia” in the first quarter of the 15th century by Adighe leader Inal and Abazin princes Ashe and Shahe, his two allies, tell the real story of “how one after another tribes and people came to Abkhazia from somewhere in the North, from beyond the mountains”.

Mountain dwellers trickled down to the valleys at all times; it was probably a never-ending process, however the strong Georgian feudal state and society and their equally strong legal order coped with the onslaught of primitive tribes. The newcomers gradually adjusted to the state’s social and economic system to become an inalienable part of Georgian feudal society. Everything changed when state power proved unable to ensure law and order across the entire territory. The slackened grip allowed the vast mountain regions in particular to revive their primitive past. The first indications of this appeared in the 13th century when initial signs of the “Ossetian threat” appeared in Eastern Georgia. In the first quarter of the 14th century Giorgi V the Magnificent blocked the drive of the Ossets and restored law and order in Shida Kartli.

Western Georgia felt pressure from the mountains in the late 14th century where the Jicko-Abkhaz tribes presented the greatest threat to the Abkhazian Saeristavo. The House of Sharvashidze, which for many centuries had been associated with Georgian law and order in the region, not merely remained passive in the face of the tribal onslaught. It served as the main instrument for further infiltration of these mountain tribes in the south-eastern direction in an effort to defeat the Odishi potentates.

Throughout the 16th century, however, a large part of what today is Abkhazia “as far as Sukhumi” remained the “land of the Dadianis”. Early in the 17th century members of the House of Sharvashidze, aware of the weakened Odishi-Megrelia rulers, moved against the Dadiani House. It is commonly believed that this was when an Abkhazian principality independent from Odishi-Megrelia appeared. The Odishi potentate still owned his residence in Merkula (contemporary Ochamchire District) where Levan II Dadiani signed a peace treaty with the Ottoman Empire in 1615.

In the 1630s Levan II Dadiani (1611-1637) moved into Abkhazia; his troops reached the River Kapoetistskali (the Bzyb) and remained for some time in control of the Sharvashidze House. Later, the Abkhazians resumed their devastating inroads into the Odishi domains, thus forcing Levan II Dadiani to build fortifications along the Kelasuri, the so-called Kelasuri Wall, “sixty thousand steps long”. According to Italian missionary Archangelo Lamberti who lived for a long time in Megrelia, the wall

was built in the middle of the 17th century to put a halt to the Abkhaz raids.

In the latter half of the 17th century the Abkhazians penetrated beyond the Kelasuri Wall and pushed their border with Odishi to the Kodori River; later they conquered the territory between the Kodori and Inguri rivers. By the early 18th century the Abkhazians acquired their contemporary territory. From the very beginning they had no strong central power; early in the 18th century it fell apart into three essentially independent parts: the northern part between the Bzyb and Kodori rivers under Rostom, the elder son of Zegnak Sharvashidze; the land between the Kodori and Galidzga (Abjua, Abkhazian for the midland) was transferred to Jikeshia, the second son, while Kvapu, the younger son, inherited the Galidzga-Inguri interfluvium, which upon his death was ruled by his son Murzakano (hence the name of the region, Samurzakano).

Despite the general cultural decline caused by the revived primitive order, Abkhazia still remained part of the area of the Georgian written culture and literacy. Judging by deeds, oath books, and other documents of the Abkhazian princes' chancelleries Georgian remained the official language. As late as the latter half of the 18th century when the Ottoman Empire put more pressure on Abkhazia and forced the princes of the Sharvashidze House to confess Islam Abkhazia still partly remained within the Georgian state, political, cultural, and linguistic space.

This means that the Jicko-Abkhaz expansion to the southeast organized by the Abkhazian House of Sharvashidze and the fact that it managed to remain on the territories that earlier belonged to Odishi-Megrelian rulers can be described, despite certain specifics, as typical feudal strife. When moving into the Odishi territory the Sharvashidze House had no intention of setting up an Apsua-Abkhaz state totally independent of the Georgian state and political system. The rulers of Abkhazia merely tried, very much as Dadiani of Megrelia and Gurieli of Guria, to move higher in the Georgian state and political structure.

By the early 19th century the geopolitical situation in the Caucasus changed: in the latter half of the 18th century the Russian Empire actively built up its presence along its southern borders to push Turkey out of the Northern and Eastern Black Sea area. The Georgian states (Kartli-Kakheti and Imereti) were openly supporting and encouraging Russia's military-political activity. Members of the Sharvashidze House, its Samurzakano branch in particular, marched together with the Georgian leaders and supported their anti-Turkish sentiments. In 1771 Samurzakano Prince Levan Sharvashidze took part in the siege of the Poti fortress

(together with the Odishi detachment) carried out by the Russian expeditionary corps under General A. Sukhotin during the Russian-Turkish War of 1768-1774. Potentate of Abkhazia Zurab Sharvashidze joined the anti-Ottoman drive: supported by Levan Sharvashidze he rebelled against the Turks and drove them out of the Sukhum fortress.

In 1801 the Russian Empire liquidated the Kartli-Kakheti Kingdom to establish its direct rule in Eastern Georgia and move into Western Georgia. On 2 December, 1803 Grigol Dadiani signed a treaty with Russia in the village of Chaladidi. He recognized the Russian emperor as his sovereign. On 9 July, 1805 Levan V Dadiani took the throne of Odishi-Megrelia in the village of Bandza. The ceremony, which brought together all the members of the Odishi aristocracy, was also attended by Levan and Manuchar of the Sharvashidze House who, having officially confirmed that Samurzakano “belonged to the autocrat of Megrelia Dadiani”, took an oath of allegiance to the Russian emperor. This meant that Samurzakano, as an inalienable part of the Megrelian Principality, became part of the Russian Empire.

Soon after another Russian-Turkish war (1806-1812) began Russian diplomacy concentrated on Abkhazia. Under a corresponding diplomatic procedure, the centrepiece of which was an official request from Safar-bey (Giorgi) Sharvashidze drawn up in St. Petersburg in Georgian, Abkhazia was joined to Russia. It should be said that at that point not only the Georgian and Abkhaz leaders (in particular, Ruler of Megrelia Nino Bagrationi-Dadiani wrote to Emperor Alexander I in this connection: *“Today is the right time to take [Abkhazia] under Your wing since it (the House of Abkhazian rulers. – Z.P.) belongs to our House and is our neighbour; earlier we acted as its patron”*), but also the top Russians stationed in the Caucasus looked at Abkhazia **as part of a common Georgian political and state structure. It served as the main argument in favor of joining Abkhazia to the Russian Empire along with the other Georgian territories.** Here is what P. Tsitsianov wrote on this score: *“Kelesh-bek was known as Sharvashidze; his domains were one of the Iberian provinces”*. Another commander-in-chief of the Caucasus, General Gudovich, wrote: *“Since ancient times the princes of Abkhazia belonged to the Sharvashidze family; their ancestors were Christians yet Sefer Ali bek’s grandfather, after moving away from Imereti and becoming a subject of the Ottoman Porte, embraced the Muslim faith”*. Giorgi Sharvashidze, who sent his request to the Russian emperor, was very open about his country being part of the common Georgian cultural and political expanse. By writing the document in the Georgian language the

Abkhazian ruler clearly indicated to Russia and the world community as a whole that in international relations the Abkhazian principality was representing the Georgian national-state, cultural, and political world.

Members of the Sharvashidze House (not merely those who belonged to Samurzakano) remained within the common Georgian social and political system and Georgian linguistic culture and literacy. The promissory note Kelesh-bey Sharvashidze gave to his nephew Sosranbek Sharvashidze on 20 May, 1806 confirms the above. It was written in Georgian according to the contemporary Georgian legal norms. It should be said that the document was not drawn up in Samurzakano, a region that had stronger ties than the others with the rest of Georgia, but at the court of the Abkhazian ruler, commonly believed to be a true Muslim. More than that, Abkhazia was part of the feudal system of serfdom that existed in all other parts of Georgia. This means that despite the changes that had taken place in Abkhazia in the Later Middle Ages under pressure from the mountain tribes, their primitive tribal order notwithstanding, it remained part of the Georgian feudal state.

Under the last ruler of Abkhazia, Mikhail Sharvashidze, the Abkhazians also regarded themselves as part of the common Georgian political, state, and cultural expanse, which is best illustrated by the fact that Georgian remained the state language of Abkhazia. According to one of the top Caucasian administrators, *“the princely family of Sharvashidze used the Georgian written language”*. The Chancellery of the Abkhazian ruler used it in its official documents. The fact that many of the top Abkhaz nobles had Georgian names is evidence that the ties with the common Georgian social and cultural world were very much alive. In fact, even Sadzy-Ubykhs sometimes used Georgian names. Two prominent political figures of the early half of the 19th century can serve as an example: the surname of *Levan Tsanubaia* (the Georgian-Megrelian form of the Tsanba family name) and the Georgian name *Zurab* of prince of the Ubykhs Zurab Khamish. Not infrequently, documents in Russian use the Georgian term “aznaurs” for the Abkhaz nobles rather than the Abkhaz term “aamsta”. Finally, and most important, the Abkhazian ruling house regarded itself as an inalienable part of the common Georgian Christian world: the last Abkhazian ruler and his son Giorgi Sharvashidze were buried in the Mokvi Cathedral; the inscriptions on their tombstones are in the ancient Georgian writing, Asomtavruli.

Abkhazia – the Sokhumi District in 1864-1917. When the rule of princes in Abkhazia was abolished the territory of contemporary Abkhazia was transformed into the Sokhumi military district “with three dist-

riects (Bzyb, Sokhumi, and Abjua) and two pristavstvov (Tsebelda and Samurzakano)” under the Kutaisi Governor-General. The Russian administration immediately set about establishing “state rule and order” on the new lands (of which Abkhazia was part), which meant their continuous colonization. Enraged by the new state order the Abkhazians rebelled in 1866.

Ignited by the local peasants’ refusal to obey the peasant reform, the revolt, according to a very apt comment by prominent Abkhaz scholar S. Lakoba, was of an “anti-colonial, national-liberation nature”. The rebels declared Giorgi Sharvashidze their ruler and demanded that he lead them in their struggle. The government, which urgently dispatched considerable military forces under the Kutaisi Governor-General, suppressed the uprising and punished the leaders and instigators. Some of the active fighters were publicly executed in Sokhumi; many were exiled to Siberia and other parts of Russia. Giorgi Sharvashidze was exiled to the Orenburg Military District for military service. This was not all: the empire encouraged emigration to Turkey, which produced about 20 thousand mahajirs.

This did not calm the region down: in the spring of 1877, when another war with Russia had already begun, the Turkish government tried to capitalize on the wave of anti-Russian sentiments to open a second front in Abkhazia. The revolt, the largest one in Abkhazia, caused much more severe retribution than in 1866. Nearly all of those who lived in the Gudauta and Kodori regions were declared guilty. It was deemed expedient to “resettle them in Turkey” to get rid of the guilty and to “prevent any other threats from the Sokhumi Department”.

Having freed a large chunk of what today is Abkhazia, the Russian Empire set about colonizing the area on a large scale and “bringing Russian statehood there”. It was considered advisable to bring “a purely Russian population” to Abkhazia as a way of carrying out this highly important task. At the same time, the colonial authorities went out of their way to “bring closer the autochthonous population of Abkhazia and Samurzakano and Russians and plant the fundamentals of Russian civil awareness among them.” Simultaneously, much was done to protect the Abkhazians “in the most reliable manner against ... the Georgian influence to ensure, some time in the future, their merging with the Russians”.

This was what the government was doing much later, in the 1860s-1890s: it spared no effort to wrench Abkhazia from the common Georgian cultural and historical entity and push the Georgian language and literature aside. This is best illustrated by the fact that the Abkhazians were given their own written language. It was a historic event for the Ab-

khazians hailed by Georgian intellectuals. Iakob Gogebashvili was one of those who were especially clear about this. Some Abkhaz scholars accuse him, without reason, of ideological preparation of the notorious “Hundred Years’ War of Georgia against Abkhazia”. “*Certain newspaper correspondents,*” wrote Iakob Gogebashvili, “*are hostile to the idea of translating the theological books into Abkhaz and of serving in this language. This is puzzling. Even though for many years Abkhazia has remained part of the Georgian political body where church services were conducted in Georgian and where Georgian was the written language, Abkhaz is undoubtedly not a vernacular of the Georgian but a language, albeit kindred, in its own right. It is undoubtedly entitled to be the language of the church, have its own written form and its folk literature*”.

Bishop Cyrion (today tagged as an enemy of the Abkhazians) was one of those who hailed the idea of the Abkhaz written language. He intended “to contribute to the national textbook of the Abkhaz language” and called on the Sokhumi Georgians “to help the Abkhazians in all ways in this cultural initiative”. They did even more than merely hail it – D. Purtseladze, I. Gegia, G. Kurtsikidze, and K. Machavariani were actively involved in the process.

They helped the Abkhazians to acquire their own written language with the best of intentions, which had nothing to do with what the so-called Russian patrons who allegedly looked after the interests of the “smaller peoples” had in mind. P. Uslar, who created the Abkhaz alphabet, had the following to say about the true intentions of Russia’s “language policy”: he described the Georgian alphabet as “essentially the best alphabet in the world,” which could be taken as “the starting point of a common alphabet for all Caucasian languages that had no written word”, yet, he added: “If we borrow not only the alphabet but also letters from the Georgians, we shall unwittingly create problems when the Russian written language spreads across the Caucasus”. “*The autochthonous languages*”, he concluded, “*should make it easier to learn Russian*”.

Evgeny Veidenbaum, another prominent Russian figure, was even more outspoken: “The Abkhaz language with no written language and no literature is doomed. It will disappear sooner or later. The question is: What language will replace it? Russian rather than Georgian should become the vehicle of cultural ideas and conceptions. This means that the Abkhaz written language cannot be an aim in itself: it should undermine, through the Church and schools, the need for the Georgian language. It should be gradually replaced with the state language. Failure to do this might create an Abkhaz autonomy on top of the Georgian and other

autonomies”.

Similar aims were pursued in the religious sphere. On 3 September, 1898 the Holy Synod ruled that “the services and the other Christian rites in the Abkhazian parishes should be conducted in Slavonic”. Aware of the great role of the Georgian clergy, who remained in control of “such strong institutions as the Church and the schools”, the Russian authorities regarded them as the main obstacle to Russification. This was an “evil” to “be uprooted once and for all”. The “only way to do this” was to “remove the Georgian clergy from the schools and the local churches” and to appoint “Russian and, if possible, Abkhaz priests to the predominantly Abkhaz parishes of the Sokhumi eparchy”. The Russian authorities were still dissatisfied – they wanted to remove Abkhazia from the common Georgian Christian entity once and for all. Head of the Civilian Administration of the Caucasus Prince Golitsyn and Exarch of Georgia Alexey wrote to the Chief Procurator of the Synod: “It is highly advisable to protect the Sokhumi Eparchy from the highly undesirable Georgian influence. This can be done if the Sokhumi Eparchy becomes part of the Kuban with its 1,716,245 purely Russian Orthodox population, which will absorb the multi-language 100,000 strong population of the Black Sea coast”.

In 1904, on the suggestion of Prince of Oldenburg, the imperial authorities intended to make Gagra and its environs part of the Black Sea Gubernia by separating them from the rest of Georgia. The attempt was cut short by the Abkhaz nobility who were dead set against those who wanted to disrupt the Georgian-Abkhaz historical and cultural entity. The Abkhaz delegation, which arrived in Tiflis on 26 April, 1916, to meet the Caucasian viceroy was the best confirmation of the prevailing sentiments.

Nevertheless, the constant political and ideological pressure on the Abkhazians barely camouflaged by hypocritical statements about the concern over the local people’s cultural and national awareness bore fruit. “Abkhaz resurrection” was obviously anti-Georgian; the so-called new Abkhazians came to the forefront to capture the political initiative after the February 1917 revolution in Russia.

Abkhazia as Part of the Georgian Democratic Republic. Beginning from February 1917, when the Russian Empire was crumbling, the new Abkhaz leaders, who usurped power, moved ahead to rupture all ties with the rest of Georgia. In October 1917 the Abkhaz delegation headed by Al. Sharvashidze signed, together with others, the so-called Allied Agreement of the South-eastern Union of Cossack Detachments, Moun-

tain Peoples of the Caucasus, and Free Peoples of the Steppe. It was not Abkhazia as a whole but the “mountain people of the Sokhumi District (*Abkhazians*) who were the subjects of the South-eastern Union”. On 8 November, 1917 the nationalist forces, in disregard of the sentiments of the autochthonous Georgians and other population groups living in Abkhazia, convened a congress of the Abkhaz people in Sokhumi that set up the Abkhaz People’s Council and adopted the Declaration of the Congress of the Abkhaz People and the Constitution of the Abkhaz People’s Council. The Congress officially confirmed that the Abkhaz people (not Abkhazia) had joined “the Alliance of the United Mountain Peoples”.

The decisions of the so-called 1st Congress of the Abkhaz People stirred up Abkhazia and Samurzakano in particular, which wanted to reunite Abkhazia and Georgia. Abkhazia was facing a split; the danger became even more obvious when tension rose in the Northern Caucasus in January 1918. Deprived of support of the South-eastern Union and the Alliance of the United Mountain Peoples, the Abkhaz People’s Council had to seek understanding with Tbilisi. On 9 February, 1918 the delegation of the Abkhaz People’s Council and members of the National Council of Georgia met in the Georgian capital. The Abkhaz delegation had to agree that “it was necessary for Abkhazia to join Georgia with the rights of an autonomy”. Tbilisi, in turn, agreed to “help restore Abkhazia’s historical borders between the Mzymta and the Inguri rivers”.

The agreement of 9 February, 1918 was not an interstate document of sorts: at that time, neither Georgia nor Abkhazia were sovereign states, while the two sides – the National Council of Georgia and the Abkhaz People’s Council – were not state structures. The document’s historic importance, however, cannot be contested: it relieved tension between Tbilisi and Sokhumi and made their relations more constructive.

When the Transcaucasian Federative Republic fell apart on 26 May, 1918 and the Georgian Democratic Republic was formed, the Abkhaz People’s Council elected by the Abkhaz population (and therefore not representing the autochthonous Georgian or other population) “ruled ... to assume full power within Abkhazia”, which meant separation from the rest of Georgia. Not quite sure of its position the Abkhaz People’s Council had to ask the National Council of Georgia (the de facto ruling structure in Georgia) for “friendly support in organizing state power in Abkhazia”; it also asked Tbilisi “to leave a detachment of the Georgian Red Guard at the Council’s disposal”. The same document entrusted R. Kakubava, V. Gurjua, G. Adjamov, and G. Tumanov with the rights to negotiate with the Georgian political leaders.

The talks were successfully completed in Tbilisi with a Treaty between the Government of the Georgian Democratic Republic and the Abkhaz People's Council signed on 11 June, under which the post of minister for Abkhazia was set up under the government of the Georgian Democratic Republic filled on "the recommendation of the Abkhaz People's Council". The Council, in turn, was entrusted with "domestic administration and self-administration in Abkhazia"; the Georgian Democratic Republic pledged to fund administration of Abkhazia and, most important, "in order to promptly establish revolutionary law and order and organize strong power, the government of the Georgian Democratic Republic" pledged to dispatch "a detachment of the Red Guard to support the Abkhaz People's Council" to Abkhazia. This means that according to Minister for Abkhazia R. Chkhotua, under the treaty of 11 June "the Abkhaz people tied their future to the fates of the Georgian people according to autonomous principles".

On 13 February, 1919 Abkhazia held the first universal democratic elections to the People's Council – the highest state power structure in Abkhazia. The ruling Social-Democratic Party of Georgia won with 27 seats out of 40. 12 deputies out of 27 were Abkhazians and 10 were Georgians, while five deputies represented other nationalities. On the whole, out of 40 deputies 18 were Abkhazians; 16 were Georgians, while six represented other nationalities. Simultaneously, Abkhazia elected deputies to the Constituent Assembly of Georgia: V. Sharvashidze, D. Emukhvari, V. Gurdzhua, D. Zakharov, and I. Pashalidi were elected according to the party list of the Social-Democratic Party of Georgia (out of the five deputies elected to represent Abkhazia in the supreme power structure of Georgia, three were Abkhazians, one was Russian and one Greek; there were no Georgians among them).

On 20 March, 1919 the newly elected People's Council of Abkhazia adopted the Act of Abkhazian Autonomy, Point 1 of which said: "*Abkhazia is part of the Democratic Republic of Georgia as its autonomy*". Point 2 envisaged electing a joint commission "with equal representation of the Constituent Assembly of Georgia and the People's Council of Abkhazia to draw *the Constitution of Autonomous Abkhazia and determine the relations between the Central and Autonomous powers*".

Sokhumi had three drafts of the Constitution of Autonomous Abkhazia: the draft submitted by the Social-Democratic faction of the People's Council of Abkhazia; the draft of the Commissariat (government) of Abkhazia; and the draft submitted by the Council's separatist-minded deputies, *all of them clearly described Abkhazia as an autonomy within*

the Georgian Democratic Republic. In the fall of 1919 the final version was ready; it was approved by the People's Council of Abkhazia on 16 October, 1919 and submitted to the Georgia's Constituent Assembly where its smaller constitutional commission adopted an interim document, Provisions on the Administration of Autonomous Abkhazia, to be later included into the Constitution of Georgia approved by its Constituent Assembly on 21 February, 1921.

Article 1 of the document read: "*Abkhazia between the rivers Mekhadyr and Inguri and between the Black Sea coast and the Caucasian Range is an inalienable part of the Republic of Georgia and within these boundaries is administering its domestic affairs autonomously*". In this way the state and legal relations between Sokhumi and Tbilisi were finally regulated; and Abkhazia became an autonomy within a single Georgian state, something that the Abkhaz political elite had wanted and toward which it had been consistently moving. This meant that those who deny this irrefutable historical fact and argue that the Constitution of Georgia "cannot be applied to Abkhazia" are wrong.

The ardent desire to restore Georgian-Abkhazian statehood was probably not universal, but not a single Abkhaz (including opposition) leader of the time openly objected to the Abkhazian autonomy in a Georgian state. More than that, it was Abkhazia that insisted on Georgia promptly endorsing the Constitution of Autonomous Abkhazia adopted by the People's Council of Abkhazia on 16 October, 1920 to make the legal and state relations between the Centre and the Autonomy legally binding.

The State Status of Abkhazia in 1921-1931. The state and legal relations between the Georgian Democratic Republic and Autonomous Abkhazia, which stemmed from the progress achieved in 1918-1921, were completely destroyed when the Red Army of Bolshevik Russia brought down the legal government of sovereign Georgia. E. Eshba and N. Lakoba, two Bolshevik leaders of Abkhazia brought to power by the Soviets, based their anti-Georgian propaganda on the notorious slogan about the rights of nations to self-determination and moved forward with the idea of Abkhazia's independence from Georgia to become a Soviet socialist republic. On 31 March, 1921 the Revolutionary Committee of Abkhazia, encouraged by the higher Communist Party structures, proclaimed Abkhazia a Soviet socialist republic; the same day it officially informed Lenin and did not fail to refer to the great liberation mission of the valiant Red Army.

On 21 May, 1921 the Revolutionary Committee of Georgia, in turn,

officially recognized and hailed the new independent Soviet Socialist Republic of Abkhazia with the reservation that “the question about the relations between the Georgian and Abkhazian SSR will be settled by the first congress of the Soviets of Workers’ and Peasants’ Deputies of both republics.” In fact, the Kremlin leaders, the Georgian Communists, and the Abkhaz Bolsheviks knew in their heart of hearts that there could be no genuinely independent Abkhazian state. According to the Georgian and Abkhaz Bolshevik leaders *Abkhazian independence was temporary: “for no longer than one minute”* as Nestor Lakoba put it.

The fact that the Soviet Socialist Republic of Abkhazia had not been an independent state even before 16 December, 1921 when it was united with the Georgian SSR under an agreement is confirmed by communist party and state documents of that period in which Abkhazia was treated as an autonomous part of “independent Georgia” (as Stalin put it). On 24 November, 1921 the Caucasian Bureau of the C.C. Russian Communist Party (Bolsheviks) transferred the Abkhazian Organizational Bureau of the Russian Communist Party (Bolsheviks) under the supervision of the CC RCP(b) of Georgia. On 16 December, 1921 **Abkhazia became part of the Georgian SSR as a so-called republic on a contractual basis** according to the Union Treaty between the Socialist Soviet Republic of Georgia and the Socialist Soviet Republic of Abkhazia signed with great pomp in Tbilisi.

All the official documents of the congresses of Soviets of Abkhazia and Georgia confirm that the Abkhazian SSR was incorporated into Georgia; the Constitution of Georgia of 1922 directly stated: “The Autonomous Socialist Soviet Republic of Adjara, the South Ossetian Autonomous Region, and the Socialist Soviet Republic of Abkhazia are parts of the Socialist Soviet Republic of Georgia, which they joined voluntarily on the basis of self-determination. The Socialist Soviet Republic of Abkhazia joined the Socialist Soviet Republic of Georgia on the basis of a union treaty between them.”⁵⁰ The first Constitution of the Soviet Union clarified that the Transcaucasian Soviet Federative Socialist Republic (TSFSR) as a subject of the USSR consisted of three socialist republics – Georgia, Armenia, and Azerbaijan. Abkhazia never was an independent subject of the Soviet Union (in the same way as Georgia never had this status within the USSR) – it was listed as an autonomous republic. More than that, under Article 15 (Chapter IV) of the Union Treaty, which was part of the USSR Constitution of 1924, “*the autonomous republics of Adjara and Abkhazia were not similar de facto to the autonomous regions of the RSFSR since, unlike the autonomous republics of*

the RSFSR, which had five deputies each in the Soviet of Nationalities, the supreme legislative body of the Soviet Union, Adjara and Abkhazia could send only one representative each, that is as many as the autonomous regions of South Ossetia, Nagorno-Karabakh, and Nakhchivan”.

As an autonomous republic Abkhazia figures in the Soviet Constitution of 1924, which confirmed the article of the Union Treaty quoted above and pointed out: “The autonomous republics of Adjara and Abkhazia and the autonomous regions of South Ossetia, Nagorno-Karabakh, and Nakhchivan send one representative each to the Soviet of Nationalities”. The autonomous status of Abkhazia within the Georgian SSR was also confirmed by the fact that its budget was part of the budget of Georgia while the government and party structures were accountable to the legislative and executive branches of Georgia and its CC of the CP. It should be said in this connection that at its first regional conference of 7-12 January, 1922 the Abkhazian organization of the Russian Communist Party (Bolsheviks) passed a decision to change the name to the Abkhazian Organization of the Communist Party (Bolsheviks) of Georgia and elected deputies to the 1st Congress of the Communist Party of Georgia. Later, on 12-18 February, 1922 the 1st Congress of the Soviets of Abkhazia elected deputies to the 1st Congress of the Soviets of Georgia.

This means that the Abkhazian SSR, which was declared in March 1921, and its so-called unification with the Georgian SSR were mere formalities: from the very beginning Abkhazia was regarded as an autonomous part of Georgia. This troubled those who in the past promised the separatist-minded groups of Abkhaz society that Soviet power would make Abkhazia an independent state. They went as far as trying to revise the state and legal context that had taken shape in 1921-1925 within which Abkhazia was part of the Georgian SSR. They drafted the first Constitution of Soviet Abkhazia approved by the 3rd Congress of the Soviets of Abkhazia in March 1925.

This document could hardly stand up to legal and political tests; in fact, its articles contradicted one another: while Article 4 of Chapter I stated: “Having united on the basis of a special union treaty with the Georgian SSR, the Abkhazian SSR, through Georgia, is part of the Transcaucasian Socialist Federative Soviet Republic and, through the latter, of the Union of Soviet Socialist Republics”, Article 5 of Chapter II of the same “Constitution” did not mention Abkhazia’s membership in the TSFSR and the USSR through the Georgian SSR. It merely stated: “Sovereignty of the Abkhazian SSR in view of its voluntary joining the TSFSR and the Union of SSR is limited to and by the matters identified

by the constitutions of these ‘Unions’”. The same article said further: “The citizens of the Abkhazian SSR, while preserving their republican citizenship, are also citizens of the TSFSR and the Union of the SSR”. And finally: “The Abkhazian SSR preserves the right of free withdrawal both from the TSFSR and the Union of the SSR”.

In this way, these and some other articles of the Abkhazian “Constitution” withdrew Abkhazia from the state and legal field of the Georgian SSR. The higher Communist Party instances of Georgia and the Transcaucasus could not ignore these faults of the Abkhazian Constitution. The reprimand Nestor Lakoba and other Abkhaz leaders received from the higher party structures forced them to admit that the “Constitution was written in the stupidest manner.” The 3rd Session of the All-Georgia Central Executive Committee convened in Sokhumi on 13 June, 1926 instructed the supreme legislature of the Abkhazian SSR to revise the Constitution to bring it in line with the Constitution of the Georgian SSR. This was done by the 3rd Session of the Central Executive Committee of the Abkhazian SSR on 27 October, 1926. The revised document was finally endorsed by the 4th Congress of the Soviet of Abkhazia in March 1927.

The new version of the Abkhazian Constitution said: “*Abkhazia is a socialist state (not a sovereign state as the Constitution of 1925 described it. – Z.P.), which by the force of a special treaty is part of the Socialist Soviet Republic of Georgia*” and “*the citizens of the Socialist Soviet Republic of Abkhazia, while preserving their republican citizenship, are, by the same token, citizens of the Socialist Soviet Republic of Georgia*”. The Constitution of 1927 retained Abkhazia within the common Georgian state and legal expanse: “The codes, decrees, and decisions of the All-Georgia Central Executive Committee” were “binding in the territory of the Socialist Soviet Republic of Abkhazia” and “the State budget of the Socialist Soviet Republic of Abkhazia” was “a component of the common budget of the Georgian SSR”.

The articles of the 1927 Constitution of the Abkhazian SSR quoted above disprove everything that was said about Abkhazian sovereignty as a Soviet republic that entered into equal federative state relations with Georgia. From the very beginning (since 1921), the Abkhazian SSR was regarded as an autonomous unit of a single Georgian state.

By the late 1920s it had become abundantly clear that “the treaty of 16 December, 1921 has lost its real significance” and that “the formula of the contractual Abkhazian SSR has no real meaning”. This explains why in April 1930 the 3rd Session of the Central Executive Committee of

Abkhazia passed a decision, on the strength of Nestor Lakoba's report, to replace the words "contractual republic" with the words "autonomous republic". In February 1931 the 6th Congress of the Soviets of Abkhazia amended the Constitution on the strength of the decision of the 3rd Session. In this way Abkhazia became the Autonomous Soviet Socialist Republic of Abkhazia within the Georgian SSR.

The Abkhazian ASSR between 1931 and 1993. The new 1936 Constitution of the Soviet Union amended the country's federative structure: the Transcaucasian Socialist Federative Soviet Republic was abolished, while its subjects (the Georgian SSR, the Azerbaijanian SSR, and the Armenian SSR) directly joined the Soviet Union. There is a fairly well-justified opinion that in 1935-1936, when the new Soviet Constitution was drafted Nestor Lakoba tried to make the Abkhazian SSR. a direct subject of the Soviet Union and failed.

In the 1950s (in 1957 to be more exact) certain separatist forces tried to exploit the thaw to stage the first "all-Abkhaz revolt" in order to detach the Abkhazian ASSR from the Georgian SSR. The Georgian Communist leaders used one-sided repressions to pacify the "excitable Abkhazians": only the Georgians involved in the events were subjected to the Communist Party's punishment while the leaders of the Abkhaz revolt moved even higher up the party ladder to fill in the top posts in the power structures. Ten years later, in 1967, Georgia reaped the bitter fruits of the capitulatory policy of the previous Communist Party leadership when Abkhazia became the scene of another anti-Georgian "revolt". Once more separatists insisted on making Abkhazia a Soviet Socialist Republic.

Again the Georgian leaders resorted to one-side measures that inspired the ideologists of national separatism and increased their popularity among the separatist-minded population groups. In 1977-1977 when the new 1977 Constitution of the USSR was drafted and approved members of the Abkhaz intelligentsia and the party and economic nomenklatura organized another demarche: they demanded that the state status of Abkhazia be changed. The new leadership of the Georgian Communist Party headed by Eduard Shevardnadze at first demonstrated a certain amount of boldness when dealing with the Abkhazian ASSR (1973-1977). However, later, in the fall of 1978, when the crisis reached its highest point, it agreed on concessions and, in fact, capitulated.

A new wave of separatism in Abkhazia rose in 1988 against the background of Mikhail Gorbachev's "perestroika" and "glasnost" policy. It reached its height in the spring and summer of 1989 when, on 18

March, a “universal meeting” of the Abkhazs was held in the village of Lykhny (the Gudauta District) endorsed and attended by the highest party leaders together with First Secretary of the Abkhazian Regional Committee of the Communist Party of Georgia B. V. Adleiba. It adopted a new appeal demanding that the status of the Abkhazian SSR should be restored to make it a direct member of the Soviet Union as a Soviet Socialist Republic.

The first blood was shed on 15-16 July, 1989 in Sokhumi costing 9 Georgians and 5 Abkhazians their lives, however the worst was avoided. In the fall of 1990 Georgia received a new president. After coming to power, the new top people and their leader Zviad Gamsakhurdia came face to face with trouble in the autonomies, in the so-called South Ossetian autonomous region in particular. To avoid a second front of sorts in Abkhazia President Gamsakhurdia had to accept Vladislav Ardzinba, the most odious figure among the separatists, as the elected chairman of the Supreme Soviet of the Abkhazian ASSR (the autonomous republic’s highest post). The new Georgian president tried to ease the tension in the autonomous republic and frustrate the plans of the Soviet Union’s leaders to use the Abkhaz card against Georgia, but he failed. Throughout 1991 (until 19 August) Vladislav Ardzinba disobeyed the Georgian president: he was actively involved in the Kremlin’s efforts to sign a new Union Treaty under which the autonomous republics were expected to become Union republics.

Despite the failed 19 August putsch and the idea of a “refurbished Union,” President Gamsakhurdia gave Vladislav Ardzinba another chance. He agreed to an “apartheid” election law under which the Abkhazs acquired the priority right to be elected to the Supreme Soviet of Abkhazia. As a result, the Abkhazs, who comprised 17 percent of the republic’s total population, acquired 28 seats; the Georgians (45 percent of the total population) took 26 seats; and the rest (11 seats) went to other ethnic groups (Russians, Armenians, etc.).

Having won the simple majority in the republic’s parliament Ardzinba and his retinue pushed aside everything they had promised and passed several far-reaching decisions that contradicted the interests of the state to which they belonged. The coup d’état that removed Zviad Gamsakhurdia and the period of turmoil that followed helped the separatists to realize their far-reaching plans. The crisis in the relations between Tbilisi and Sokhumi reached its apogee when, on 23 July, 1992, the Supreme Council of Abkhazia, having flagrantly violated its own rules and in the absence of the necessary number of deputies, “restored” the so-called

Constitution of the Abkhazian SSR of 1925 that de facto removed Abkhazia from the Republic of Georgia.

This fateful step proved to be the last straw for the Georgian leaders, who still were reluctant to use power. Later, however, bloodshed became inevitable. On 14 August, 1992 Vladislav Ardzinba and his cronies ordered their illegal military units to open fire on the internal troops of the Republic of Georgia moving across the territory of Abkhazia according to an earlier agreement between the Abkhaz and Georgian leaders. This started the confrontation which ended on 27 September, 1993 in what the separatists call their victory. Nearly 300 thousand Georgians were thrown out of their homes. From that time on the jurisdiction of Georgia is not applied in Abkhazia, which is described as an unrecognized republic.

Conclusion. The above confirms beyond a doubt that contrary to the unfounded statements of separatist “historiography” and its patrons the territory now occupied by Abkhazia was, at all times, part of the common Georgian ethnic, cultural, political, and state expanse. The Abkhazs, who developed into an ethnic group in the territory they now occupy, essentially never developed outside common Georgian history and, along with their Georgian brothers, have been building a common Georgian statehood and Georgian Christian civilization.

УКАЗАТЕЛЬ

Личных имён

Составил доктор истории *Каха Квашилава*

А

- Абуладзе И. В. – 501.
Абуладзе Ц. – 511.
Абдулатипов Р. – 367, 435.
Абдушелишвили М. Г. – 494.
Або Тбилели – 40, 515.
Абрамович Д. М. – 521.
Абсава Р. – 329.
Авдалбекян Н. – 198.
Авдусин Д. А. – 516.
Авидзба З. Х. – 322.
Авидзба Этери – 389.
Автономов (секретарь) – 208.
Агниашвили П. – 232.
Аджамов Г. Д. – 184, 194, 478.
Аджинджал Е. К. – 34, 514.
Агрба Алексей – 263, 270.
Агрба Аз. – 288, 363.
Агрба В. А. – 180, 225.
Агрба Г. К. – 393.
Агрба З. – 264.
Агрба И. Ш. – 37, 467.
Адамия Гено – 405, 431, 434, 439.
Адамия Ил. – 292, 293.
Адамия Иосиф (Сосо) – 324, 325, 327, 329, 330, 333, 338, 348.
Адамский В. – 256.
Адлейба Б. В. – 298, 310, 311, 316, 360, 361, 374.
Акаба Натела – 389, 409, 533.
Акиртава Н. К. – 198, 232, 263, 479-480.
Акиртава С. – 267.
Аламия Геннадий – 389.
Алания Дмитрий – 178, 183, 190, 192, 194, 197-200, 205-207, 210, 215, 220, 227, 478-480.
Алания С. – 289.
Александр I – 70.
Александр I (император российский) – 99.
Александр II (император российский) – 132, 141, 143, 160.
Александр I (имеретинский царь) – 68.
Александр II (имеретинский царь) – 74.
Александр III (имеретинский царь) – 83.
Александр Михайлович (великий князь) – 161.
Алексеев М. С. – 193-195, 198, 477-478, 480.
Алексей Комнен, император византийский – 60, 62.
Алексидзе Заза – 465, 535.
Алексидзе Леван – 409.
Алексий (экзарх Грузии) – 165.
Алеппский Павел – 84, 479.
Али-Паша – 118.
Ал-Мухиби – 69.
Алкнис В. И. – 372.
Алп-Арслан – 62.
Алшибаия Григол – 197.

- Алхазидзе /Алхазов/ Яков
Каихосрович (генерал-майор) – 146, 147.
- Амаглобели Н. С. – 331.
- Амброждо Ди Пьетро – 71.
- Амичба Г. А. – 497, 503-504.
- Амичба И. Г. – 289.
- Ан-Насави – 62, 474.
- Анджапаридзе Гизо – 188.
- Анджапаридзе Рамин – 327.
- о. Андрия (иеромонах, настоятель Каманской церкви) – 442.
- Анкаб Александр – 389, 408, 412, 418, 448, 488, 534.
- Антелава И. Г. – 81, 290, 512-514.
- Антелава И. П. – 468, 504, 513.
- Антелава Т. (Е.) М. – 528.
- Антиохийский Яхья – 62, 506.
- Антон (Католикос) – 138.
- Ануа Юрий – 442.
- Анчабадзе-Ачба – 56, 80, 87, 206.
- Анчабадзе Валерьян – 230.
- Анчабадзе Вианор – 198, 206, 212, 214, 230, 264, 479-480.
- Анчабадзе Георгий – 323, 361, 362, 458, 489, 504-505.
- Анчабадзе Гиви – 361-362.
- Анчабадзе З. В. – 6, 12, 19, 24, 26, 29, 30, 37, 42, 45, 46, 48, 53, 54, 56, 57, 64, 66, 67, 69, 71, 73, 81, 84, 230, 264, 296, 305, 322, 323, 441, 458-460, 466-467, 487, 492-499, 501-505, 508-510, 512, 520, 535.
- Анчабадзе Зураб (подпоручик) – 121.
- Анчабадзе Мурзакан – 146.
- Анчабадзе Петре – 167.
- Анчабадзе Шемаф – 146.
- Анчабадзе Элизбар – 262.
- Аплия В. – 469.
- Аракин П. – 147.
- Аргир Роман – 61.
- Аргун Юрий – 298.
- Ардзинба В. Г. – 5, 14, 316, 319, 367, 370-382, 386-390, 392-394, 396-403, 405-412, 414-420, 422, 426, 428-431, 446, 447, 488, 494.
- Аристахэс Ластивертци – 63, 507.
- Аристотель – 342.
- Арканджело Ламберти – 76, 82, 83, 511-512.
- Арутюнов С. А. – 28.
- Арчил (картлийский эрисмтавари) – 32, 37-41, 43, 49, 464.
- Арчил, сын картлийского царя Вахтанга V-го – 85.
- Аршба А. И. – 393.
- Аршба Р. А. – 372.
- Асатиани Акакий – 380.
- Асатиани Л. – 511.
- Асатиани Н. Ш. – 503, 506, 513.
- Аспарух – 42, 460.
- Астемирова Этери – 390, 411.
- Атарбеков Г. – 224, 225.
- Аулдинов Куреиш – 424.
- Ахаладзе Л. В. – 7, 327, 462, 503.
- Ахалая Сосо – 406, 436.
- Ахвледиани Г. С. – 281, 529.
- Ахлестышев – 114.
- Ахметели Сандро – 261.
- Ахуба Дж. – 288, 291, 298, 314.
- Ачба Зураб – 389, 406, 409.
- Ашвамба – 274.
- Аше (абазинский князь) – 79.
- Ашхацава В. – 389.
- Ашхацава С. М. – 3, 29, 194, 253, 283, 477-478, 492, 498.

Б

- Бабич (генерал-майор) – 146.
Баблуани Маизер – 338.
Бабурин С. – 429.
Багателия Мамсир – 154.
Багапш С. В. – 288, 356, 387, 389, 406, 424, 488.
Багваши Липарит – 57, 62.
Баграт I, царь «абхазов» – 47.
Баграт II, царь «картвелов» – 52, 464.
Баграт III – 28, 29, 31, 34-37, 44, 49, 50, 52, 53, 56, 57, 59, 60, 63, 465, ,
Баграт IV – 27, 56-62, 465-467
Баграт V – 68.
Баграт VI – 51.
Баграт (Соустан) Шарвашидзе – 85.
Баграт I (внук Давида Нарина) – 68.
Баграт (царь имеретинский /также картло-имеретинский) – 66.
Баграт III (имеретинский царь) – 66, 80.
Баграт IV (имеретинский царь) – 73, 74.
Багратиды – 26-27, 31, 44-46, 49-53, 68, 70, 74, 89, 460-461, 464. 467,470, 499-500, 503.
Багратиони (династия) – см. *Багратиды*.
Багратиони Ашот – 52.
Багратиони Вахушти – 43, 48, 65-68, 73, 74, 76, 79, 81, 85, 91, 468, 502-504, 509-514.
Багратиони-Дадиани Нино – 94, 96-98, 101, 107, 112, 113, 471.
Багратион-Мухранский – 156, 157
Багратуни – 34.
Базба Д. Б. – 198, 205, 479,
Бакатин В. – 307, 336, 531.
Бакрадзе Ак. – 306, 317, 329
Бакрадзе Д. З. – 46, 502, 508.
Барамидзе М. – 431, 494.
Баранников Виктор – 441.
Баратов (Бараташвили) Сулхан – 142.
Барбаро Иосафаат – 69, 71, 72.
Барганджиа Даур – 389, 409.
Барджик – 24.
Барзек Даго-Муква – 137.
Барнукис-дзе Серги – 24, 25.
Бартоломей И. А. – 162, 163.
Барциц К. С. – 198, 204, 479.
Басаев Шамиль – 424.
Басария С. П. – 3, 178, 180, 185, 250, 253, 264, 268, 283, 492.
Басилая Н. – 267.
Батишвили Ираклий – 441, 450, 453.
Бахтадзе, председатель совнаркома Аджарии – 244.
Бахтадзе М. А. – 468, 504.
Бебутов Василий (генерал) – 119, 120, 122, 124-126, 128.
Бедан Дадиани – 69.
Бедиани (Бедиан-Дадиани) – 51, 65, 71-72.
Белл (английский резидент) – 137.
Берадзе Г. – 507.
Берадзе Т. Н. – 55, 71, 81, 91, 504, 509-512.
Бердзенишвили Давид – 409, 492.
Бердзенишвили Н. А. – 20, 26, 43, 45, 57, 77-78, 281, 284-287, 289-290, 466, 496, 502-503, 505,511, 515, 529-530.
Бердзенишвили Н. З. – 9, 492.

Берже А. – 514.
Берия Л. П. – 262-263, 270-271, 280, 499.
Берия Мурман – 313, 316, 325, 327, 329, 330, 400, 405.
Берия Роин – 327-330, 338, 356.
Бернекер В. Л. – 502.
Берулава Ал. – 400, 410.
Беслако Шарашиа (Шарвашидзе) – 83, 84.
Беташвили Дж. – 453.
Бечваия К. – 274.
Бгажба О. Х. – 17-18, 21, 37, 455-457, 459, 463-464, 467-468, 470-471, 475, 480, 489-490, 492, 495-497, 501, 531
Бгажба Х. С. – 64, 268, 282, 284, 296, 487, 521, 530.
Бганба Вячеслав – 389.
Бжания В. В. – 493.

Бибиков М. В. – 498.
Бобринский А. А. (граф) – 161, 469.
Богверадзе А. А. – 497-498.
Богдянский О. М. – 497.
Болдырев А. И. – 507.
Болквадзе Биба – 88.
Бороздин К. – 119, 129, 516.
Браккер (полковник) – 160.
Брежнев Л. И. – 302.
Бриггс (генерал) – 204.
Броссе М. – 56, 504.
Буава М. Х. – 274.
Буниятов З. М. – 507.
Бутрос-Гали Бутрос – 442, 447.
Бурджанадзе Ш. В. – 512.
Бурчуладзе Иване – 166.
Бурчуладзе Н. – 448.
Бутба Р. М. – 282.
Быч Л. – 193.

В

Вамек I Дадияни – 69, 70.
Вамек II Дадияни – 74.
Вамек III Дадияни – 83.
Вардан Великий – 63, 507.
Вардосанидзе С. – 528.
Василий II, император византийский – 52, 61.
Васильев В. – 289.
Васильев Виктор – 390.
Вахтанг Горгасали – 32, 498, 501.
Вахтанг V – 84, 85.
Вахтанг VI – 139.
Вашадзе Бесарион – 262.

Векуа Вахтанг – 405.
Векуа Владимир (Вова) – 307, 313, 330, 337, 341.
Вейденбаум Е. – 3, 164.
Вельяминов А. – 105.
Витгенштейн (князь) – 161.
Волкова Н. Г. – 494.
Воробьев Н. – 193.
Воронов Л. – 3, 172-173.
Воронов Ю. Н. – 4, 14, 29, 31-34, 37, 83, 296, 390, 494, 496-497, 499, 501, 503-505, 512-513.
Воронцов А. (граф) – 100.
Воронцов М. С. – 116.

Г

Габашвили К. – 453.
Габескирия Гурам – 405, 406, 411, 435, 439, 452.

Гавва Юрий – 453.
Гадилия А. – 328.
Гагик – 42, 460.

- Гаевский (майор) – 145.
 Гай Плиний Секунд – 496.
 Гамахария Алу – 356.
 Гамахария Дж. – 7, 186, 193, 210, 213-214, 245, 390, 401, 404, 481, 521-528.
 Гамзардия М. – 410.
 Гамкрелидзе Т. В. – 7, 14, 21, 371, 456-457, 497.
 Гамсахурдия Звиад – 306, 316, 344, 356, 368, 369, 370, 373-376, 378-381, 383-387, 392, 394-397, 399-404, 408, 412, 419, 423, 430, 432, 443, 447-449, 451, 452, 453.
 Гамсахурдия Константине – 326, 329, 330, 368, 404, 408.
 Гангрский Феодосий – 24.
 Гасвиани А. – 390.
 Гасвиани Г. А. – 7, 18-19, 78, 153, 458, 495-496, 511, 519
 Гвадзабия Давид – 390, 435.
 Гвазава Г. – 181.
 Гвазава Элгуджа (Гия) – 389, 390, 410, 430, 432.
 Гвалия Л. Д. – 198, 479.
 Гванцеладзе Т. – 21, 64, 267, 497, 508, 528-529.
 Гварамия – 154, 359.
 Гварамия Алеко – 323-325, 327-328, 332-333, 389.
 Гварамия А. К. – 300.
 Гварамия Анзор – 307, 313.
 Гвенетадзе Э. – 504, 510.
 Гвенцадзе Р. – 408.
 Гегелашвили В. – 453.
 Гегенава Лука – 154.
 Гегечкори Е. – 193, 204.
 Гегия Иоан /Иване/
 (священник) – 163, 166, 180.
 Гекатей Милетский – 17, 457.
 Гелашвили Г. – 511.
 Геланик Митиленский – 18.
 Гелантия Р. – 531.
 Геловани – 73, 74.
 Геловани П. – 194, 209, 478.
 Георгий Кедрин – 61, 505-506.
 Герардо Пинелли – 73.
 Герия Н. – 268, 274.
 Гершельман (Кутаисский генерал-губернатор) – 155, 156, 160, 165, 486.
 Гибаль Поль – 109.
 Гигинейшвили Б. – 18, 495.
 Гиоргадзе Б. – 512.
 Гиоргадзе Г. Г. (академик) – 15-16, 370-371, 457, 494-495.
 Гиоргадзе Г. – 187.
 Гиорги I – 27, 60, 61, 62, 63.
 Гиорги I (имеретинский царь) – 68.
 Гиорги II, царь «абхазов» – 44, 50, 464-465.
 Гиорги III – 62.
 Гиорги III (имеретинский царь) – 82.
 Гиорги V Блистательный – 68, 77.
 Гиорги VII – 70.
 Гиорги VIII – 71, 73.
 Гиорги XII – 94.
 Гиорги IV Дадзиани-Липартиани – 91.
 Гиорги (Сафар-бей/Сефер Али-бек) Шарвашидзе – 97-100, 105-107, 112, 113, 469,
 Гогешашидзе Я. – 150-152, 160, 163, 194, 520.
 Гогелашвили Я. – 194, 478.
 Гогелия Нодар – 327.
 Гогмян Л. Р. – 393.
 Гогиберидзе Сесили – 325.
 Гогия Б. – 7, 186, 193, 210, 213-214, 245, 327, 481, 521-528.
 Гогоберидзе Леван – 254, 256, 262.
 Гоголадзе Д. – 468, 504.
 Гогохия Д. В. – 292.
 Гогохия Тамаз – 390.

- Гогуа – 154, 359.
 Гогуа Алексей – 309, 314, 319,
 336, 340-343, 426, 531.
 Гогуадзе Вахтанг – 411, 445.
 Гомцкян А. – 390.
 Голицын (князь) – 165.
 Голубцов (протоиерей) – 208.
 Головин Е. – 115, 133.
 Горбачёв М. С. – 306, 309, 314,
 336, 349, 351, 372, 381,
 387.
 Горький А. М. – 313, 320, 367,
 370, 400, 505.
 Горчаков М. – 105-107.
 Гочолеишвили Д. – 509.
 Гочуа М. – 268.
 Гоциридзе О. Д. – 281.
 Гоциридзе Р. – 435.
 Грачёв П. – 437, 438, 450, 451.
 Грен А. – 268.
 Григол (Григорий) Дадзиани –
 93-97, 98, 101.
 Григол Лордкипанидзе
 (Католикос «Абхазский») –
 88-90, 470.
 Григолия Ал. – 489.
 Григолия К. Г. – 512.
 Григолия М. – 209, 210.
 Громов Борис – 441.
 Губаз П – 23.
 Гугучия Хута – 435.
 Гудович И. – 100.
 Гулиа Г. – 268, 304.
 Гулиа Д. И. – 29, 46, 56, 163,
 198, 203, 206, 220, 267-268,
 279, 284, 287, 292, 295-296,
 304, 315, 318-319, 333, 347,
 359, 371, 426, 477, 480, 487,
 498, 503-504, 512.
 Гулордава Дуду – 405.
 Гулуа Гия – 422.
 Гулуа Давид – 440.
 Гулуа Юрии – 327, 329.
 Гумба Г. – 37, 39, 500-501.
 Гумбаридзе Гиви – 327, 329,
 330, 349, 353, 355, 361.
 Гумилёв Л. Н. – 27, 498.
 Гунба М. М. – 4, 31, 36, 82,
 499-500, 502, 512.
 Гурандухт – 31, 464-465.
 Гурген – 52.
 Гургулия Борис – 326.
 Гургулия И. – 419.
 Гурджуа В. Г. – 184, 190, 191,
 195, 198, 199, 206, 210, 340,
 479-480.
 Гурджуа В. (прокурор
 Очамчирского р-на) – 340,
 389.
 Гурули В. – 519-521.
 Гюльденштедт – 76, 511.

Д

- Давид IV – см. *Давид
 Строитель*.
 Давид (мученик) – 38.
 Давид (пророк) – 27.
 Давид (митрополит Цхум-
 Абхазский) – 430.
 Давид Арчилович – см.
Соломон II.
 Давид II Гиоргиевич
 (имеретинский царь) – 93, 94.
 Давид Дадзиани – 119.
 Давид III Куропалат – 44, 52,
 61, 456.
 Давид Нарин (сын Русудан) –
 34, 50, 51, 64, 65, 67, 68, 470.
 Давид Непсадзе (Католикос
 «Абхазский») – 88, 89.
 Давид Строитель – 36, 50, 54,
 55, 58, 60, 62, 63, 473.
 Давид Улу (сын Лаша-
 Гиоргия) – 65, 69.
 Давитая Парна – 166.

- Дадиан-Гуриели – 68, 73-74.
 Дадиани (Дадиани-Бедиани),
 правитель Одиши,
 княжеский род – 51, 65, 57,
 68-71-75, 81-85, 90-91, 93-94,
 96, 98, 105-106, 111-113, 133,
 136, 155, 472.
 Дадиани Гиорги – 67, 81.
 Дадиани Гиорги (брат Кации II
 Дадиани) – 93.
 Дадиани Гиорги (брат Левана V
 Дадиани) – 109.
 Дадиани Гиорги (сын Нико
 Дадиани) – 114, 119, 120.
 Дадиани Григол Леванович –
 129.
 Дадиани Мариам (сестра Гр.
 Дадиани) – 94.
 Дадиани Мариам (дочь Нико
 /Шхепский/ Дадиани) – 114.
 Дадиани Нико («Диди» Нико)
 – 83, 94, 99, 105, 106, 114,
 479, 481, 482.
 Дадиани Нико (Шхепский) –
 114.
 Дадиани-Шарвашидзе
 Александра (Цуца) –
 114, 118, 122, 129, 138.
 Дадиани-Шарвашидзе Тамар
 – 97, 105, 114.
 Дадиани Цотне – 64, 495.
 Дадимани – 69.
 Дадьян – 84.
 Даменья О. Н. – 288, 309, 314,
 322, 323, 355, 359, 389, 401,
 406, 424.
 Данилевский И. Н. – 502.
 Данилов Д. Д. – 136, 518.
 Данилов С. – 186, 194, 478.
 Дарбинян-Меликян М. О. –
 502.
 Дарсания Н. Е. – 528.
 Дарсания Я. М. – 274.
 Дарчиашвили Д. – 533.
 Дарчиашвили Ш. – 504.
 Дарчия Гиорги – 262.
 Датуашвили Паата – 431.
 Дбар С. П. – 393.
 Двалишвили Гоча – 327.
 Дгебуадзе А. – 183.
 Дгебуадзе Мераб – 435.
 Дгебуадзе Риналди – 390.
 Делба М. К. – 267, 268, 274,
 275
 Деметре (сводный брат царя
 Баграта IV-го) – 57, 58, 466.
 Деметре I – 62, 63.
 Демьянов А. А. – 198, 205,
 207, 209, 480.
 Деникин А. И. – 193, 195, 198,
 202-205, 207, 210, 476-478,
 480.
 Депенян М. – 390.
 Джавахишвили И. А. – 14, 18,
 26, 71, 354, 441, 494, 501,
 508, 510.
 Джавахишвили М. – 261.
 Джаиани Димитри – 313, 330,
 405, 411, 430.
 Джалал ад-Дин – 62, 64, 473.
 Джаловян М. – 390.
 Джанашиа Б. – 268, 489.
 Джанашиа С. Н. – 16, 19, 26,
 41, 64, 136, 138, 168, 172,
 267-268, 489, 495-496, 501,
 516-518, 521.
 Джанашвили М. Г. – 64.
 Джанджулия Эд. – 368, 379.
 Джанелидзе Дж. – 313, 316,
 317, 348, 405.
 Джапаридзе Г. – 506-507.
 Джапаридзе О. М. – 11, 12,
 296, 492-494, 461.
 Джапаридзе. П. – 489.
 Джарах ибн-Абдаллах – 25.
 Джахая Л. Г. – 335, 354, 355.
 Джачвлиани Ким – 390, 405,
 406, 407, 411.

Джгамадзе М. – 327, 405, 411.
Джгамадзе Шота – 317, 348.
Джгубурия Зураб – 390.
Джения А. – 298.
Джергения А. – 387, 400, 409.
Джикия Ал. – 405, 406, 431.
Джикия Мераб – 338.
Джикия Н. В. – 478.
Джикия Х. – 289.
Джинджолия К. – 389.
Джинджолия С. – 389, 445.
Джинчарадзе Михаил – 390.
Джованни да Лука – 76, 82,
83, 478.
Джоджуа Джумбер – 330.
Джологуа Владимир – 368.
Джонуа Н. – 328, 340.
Джорбенадзе А. – 453.
Джорджикия Вахтанг – 405.
Джуаншер (картлийский
эрисмтавари) – 40, 41.
Джуаншерияни Джуаншер –
38, 40, 41, 464, 468.
Джугели Антимоз – 166.
Джугели В. – 183.

Дзигуа П. Е. – 225.
Дзидзария Г. А. – 4, 6-7, 20,
95, 104, 106-109, 120-121,
136-137, 143-144, 148, 152-
153, 161, 221, 225-226, 268,
275, 276, 279, 296, 305, 319,
322-323, 371, 487, 514-520,
524-526.
Дзидзария К. – 268.
Дзидзигури Манана – 327.
Дзодзуашвили Манана – 330,
368, 385.
Диасамидзе Тамаз – 522, 531.
Димитри Шарвашидзе (владе-
тель Абхазии) – 105, 106,
107.
Диоклетиан – 497.
Долгоруков – 119.
Долидзе И. С. – 508.
Драсханакертци
(Драсханакертский) Иован
(Иованес) – 43, 502.
Думбадзе М. К. – 290.
Дьяконов И. М. – 457.
Дюбуа де Монпере – 137.

Е

Евдемон Чхетидзе (Католикос
«Абхазский») – 67.
Евстафий – 25.
Езухбая (крестьянин; член т.н.
«абхазской депутации») –
167.

Ельцин Борис – 309, 387, 426,
428, 429, 440, 442, 447, 448.
Енукидзе А. – 239.
Енукидзе Г. – 327.
Ермолов А. П. – 106, 107,
128.

Ж

Жамтаагмцереги – 504.
Жан Шарден – 83, 512.
Жвания Исаки – 228, 229.
Жданов А. А. – 275.
Жрдания Н. – 189, 196, 203,
210, 215.

Жоржолиани Г. – 7, 294, 520,
529, 532.
Жоржолиани Т. – 379.

З

- Закараиа Д. Р. – 514.
Замятнин С. Н. – 492.
Зантария Владимир – 389.
Зантарая Х. – 480.
Зарандия В. – 403, 406, 407.
Заркуа З. – 329.
Затулин К. – 28, 471, 490.
Захарий Квариани (Католикос «Абхазский») – 67.
Захаров Д. В. – 198, 199, 214, 479.
Званба Соломон – 121.
Зверев А. – 533.
Зебелян А. – 390.
Зевакин Е. С. – 510.
Зегнак Шарвашидзе – 85.
Зураб /Зураб-бей/
Шарвашидзе (владелец Аб-
хазии) – 90, 92, 93, 139.
Зухба А. Ш. – 288.
Зухбаи (Зухбаия) Г. М. – 198,
206, 214, 480.
Зухбая В. – 480.
Зухбая О. Г. – 312, 316, 330,
331, 334, 360, 390, 431.

И

- Иашвили Паоло – 261.
Ибн ал-Азрак ал-Фарики – 62.
Ибн ал-Асир – 62, 507.
Ибн Биби – 63, 507.
Ибн-Испандияр – 63, 474.
Иванов Вячеслав
Всеволодович – 335, 336.
Иессен А. А. – 494.
Изяслав Мстиславич – 467.
Илья II (Католикос-Патриарх
Всея Грузии) – 448, 449.
Илья Праведный – 357.
Имад ад-Дин Испахани – 62.
Инадзе М. П. – 18-19, 457-
458, 495-497
Инал (абазинский князь) – 79.
Иналдипа (Инал-ипа) Цандия
– 81.
Инал-ипа–Иналишвили – 87.
Инал-ипа Астамур – 167, 191.
Инал-ипа Константин – 139.
Инал-ипа Ш. Д. – 4, 12, 14, 19,
29-30, 56, 62, 80, 295-296, 305,
342, 371, 426, 458, 465-466, 487,
492-497, 499, 503, 505-507, 511,
530-531.
Ингорква П. И. – 4, 7, 8, 18,
19, 20, 46, 77, 78, 281-283,
286, 293, 458, 492, 495-496,
503, 511, 529.
Интериано Джорджо – 69.
Иоанн (правитель Эгриси;
сын Арчила) – 40, 41.
Иоанн II (император) – 62.
Иоанн Зонара – 60-62, 506.
Иоанн Итала – 341.
Иоанн Петрици – 295, 341-
343.
Иоанн Скилице – 60.
Иоанн Цеце – 60, 473.
Иоваким (Католикос
«Абхазский») – 66, 74, 76.
Иован Сабанис-дзе – 40, 501.
Иорданишвили С. – 479.
Иоселиани А. – 397, 433.
Иоселиани Джаба – 395, 422,
438, 449.
Ираклий II – 94, 95.
Иуда – 203, 477.

К

- Кавжарадзе Ив. – 166.
 Кавсадзе Ал. – 412, 435, 441, 453.
 Кавтарадзе Гоги – 330, 368.
 Каджая Этери – 327, 356.
 Кадинец Василий – 405, 411.
 Каждан А. П. – 506.
 Какабадзе С. Н. – 513.
 Какалия Виктор – 411.
 Какубава Б. – 307-308, 405-406, 411, 431, 440-441, 444.
 Какубава (Какуба) Ражден – 184-185, 189, 191, 197-199, 264, 479-480.
 Какуев А. – 390.
 Каландадзе К. – 40.
 Каландия Гено – 313, 317, 326, 330, 405, 430, 432.
 Каландия Темур – 390.
 Кандалаки Григол – 166.
 Капанадзе Д. – 509.
 Капба Энвер – 389, 409.
 Капитонов И. В. – 298, 299.
 Карабей – 83.
 Карая Раиса – 390.
 Каркарашвили Георгий – 399, 433, 440, 450.
 Каркашадзе Н. И. – 312, 316, 326, 330, 331, 335.
 Картвелишвили Л. – 262.
 Карцивадзе И. – 181.
 Карчаа Ринат – 389.
 Карчава Владимир – 327, 330.
 Каухчишвили С. Г. – 281, 287, 497, 470, 472, 473, 496, 497-498, 501-504, 506, 529-530.
 Каухчишвили Т. С. – 19, 496.
 Кахадзе М. – 506.
 Кахадзе О. – 21, 497.
 Кахиани М. – 247, 262.
 Кацья I Дадияни – 91.
 Кацья II Дадияни – 93, 97, 98.
 Кацья А. К. – 47, 462, 503.
 Кацья Б. – 268, 274.
 Кацья Р. Н. – 513.
 Качарава Вахтанг – 390.
 Качарава Ю. М. – 516-517.
 Квапу Шарвашидзе – 86-91, 469.
 Кварандзия (первый секретарь горкома Ткварчели) – 289.
 Кварандзия Э. – 363.
 Кварацхелия – 359
 Кварацхелия Каха – 327, 338.
 Кварацхелия Мурман – 390.
 Кварацхелия Т. К. – 198, 479.
 Кварацхелия Хатуна – 327.
 Кварая Валери – 436, 440.
 Кварчелия В. – 292.
 Кварчия В. – 314, 389.
 Квачахия Юрий – 405.
 Квашилава К. – 8, 570.
 Квеквескири Мурман – 327.
 Квеселава М. – 284.
 Квилитая О. – 331.
 Квинихидзе Каихосро – 97.
 Квинихидзе Ростом. – 97.
 Квираия Ш. – 453
 Квирикянская династия – 26.
 Квирикэ III – 42, 460.
 Кебурия Димитрий – 368.
 Кекелидзе К. С. – 503.
 Келаиш-Ахмед-бей
 Шарвашидзе (Келаиш-бей/Келеш-бей/Келаиш-Ахмет/Келеш-бек/Келиш-бей) – 92, 101, 123, 139, 284, 286, 469-472, 514.
 Кемулария Реваз – 368, 386.
 Кереселидзе (священник) – 166.
 Кереселидзе Н. – 325, 329.
 Керзон Джордж – 207.

- Кецба Вахтанг – 367.
Кецба Г. – 190.
Кечакмадзе Н. – 287, 463, 497.
Кешелава Юрий – 440, 444.
Кикнадзе В. – 508-510.
Киланава Торнике – 405, 406.
Кипиани Димитрий – 126,
128, 136, 138.
Кирия А. – 198, 479.
Кирия Мери – 327, 328.
Киров С. М. – 226, 227, 313.
Китовани Тенгиз – 395, 411,
419, 426, 438, 449.
Киут Осман – 189.
Клавдий Птолемей – 19, 458.
Клемансо Жорж – 204.
Клитов А. Б. – 393.
Кобалия Вахтанг (Лоти) –
443, 447
Кобахия В. О. – 289, 291, 292,
293, 294, 299, 300, 311, 335,
360, 362, 363, 364.
Кобахия М. – 198, 479.
Кобидзе Д. – 281, 529.
Коган Е. В. – 372.
Когония Иуа – 220, 279, 487.
Когония Этери – 433.
Кожин В. В. – 30, 36, 65,
304, 305, 499, 508, 531.
Козырев Андрей – 441, 445.
Кокая В. – 289.
Кокая Зураб – 405.
Кокоскерия Н. – 268.
Колбая Вахтанг – 366, 374,
387, 390, 431, 531.
Колбая Н. – 288.
Колесников М. П. – 430, 450.
Колосков Вячеслав – 413.
Колчак А. В. – 207.
Колубакин Н. (генерал) – 125,
128, 129.
Константин (Константи), сын
царя «абхазов» Гиоргия II-го
– 465.
Константин II (Картлийско-
имеретинский царь в 1478-
1484гг., царь Картли в 1484-
1505гг.) – 74.
Константин VI (император
византийский) – 41.
Константин Багрянородный
(император византийский)
– 465.
Коньяр (полковник) – 142.
Копалиани В. У. – 506.
Копешавидзе К. – 154.
Коппитерс Б. – 533.
Корганов (генерал) – 132.
Корганов (капитан-лейтенант)
– 142.
Коридзе Д. Л. – 494.
Коридзе Теймураз – 385, 386.
Коридзе Т. – 503.
Королёв Г. В. – 198, 210, 214,
479.
Коростовцев М. – 296.
Костава Мераб – 306, 310,
313, 316, 338, 353, 357.
Косыгин А. Н. – 289.
Котетишвили Вахтанг
(Вахушти) – 256, 261.
Котляр М. (Н.) Ф. – 467, 508,
535
Коцебу М. (генерал) – 122.
Кочетков К. – 317.
Кравцов (дьякон) – 442.
Кравченко (генерал) – 145,
156, 473.
Крупнов Е. И. – 457.
Кудава Б. К. – 503.
Кудрявцев К. – 29, 253, 283,
498.
Кузнецов А. А. – 275.
Кузнецов В. А. – 28, 498.
Кузнецова Н. – 363.
Кукба В. – 264.
Кулумбегов Торез – 369.

Куправа А. Э. – 7, 322, 489,
527.
Куправа Рамаз – 313.
Куправа Раул – 411, 433.
Кураскуа В. Б. – 288.

Курцикидзе Г. (прапорщик) –
163.
Куфтин Б. А. – 493-494.
Кухалеишвили С. И. – 225.

Л

Лабакхуа А. М. – 282.
Лавров Л. И. – 457, 511.
Лакербай Михаил – 220.
Лакербаия Леонид – 389, 406.
Лакербая Соломон – 154.
Лакирбая Хасан – 154.
Лакоба Игорь – 355-356, 389.
Лакоба М. – 264.
Лакоба Н. А. – 159, 183, 224-
225, 227-229, 231-235, 240,
244, 246-248, 250, 253-254,
256-260, 263, 268-271, 277,
283, 311, 474, 476, 481, 484,
520.
Лакоба С. З. – 17-18, 21, 116,
131-132, 142-143, 147, 152-
154, 156, 158-161, 163, 173-
175, 177, 180, 185, 195, 197,
200, 202, 207, 217-219, 234-
235, 239, 242, 254, 259-261,
263-264, 270-271, 277, 358,
383, 389, 455-457, 459, 463-
464, 467-468, 470-471, 474-
475, 480-481, 485, 489-490,
492, 495-497, 499, 501, 513,
515-529, 531-532.
Лакоба Урус – 106.
Лакоба Шахусна – 259.
Лапин (посланник
«Кубанского правитель-
ства») – 188.
Лапин Б. – 332, 357, 358.
Ласурия Мушни – 326.
Латария Дж. – 313, 405, 422.
Латышев В. В. – 46, 496 503.
Лацузбая Д. – 498.

Лаша-Гиорги – 50, 64, 65.
Лев Исавр – 24.
Леван II Дадияни – 82, 83.
Леван III Дадияни – 83, 85.
Леван IV Дадияни – 85.
Леван V Дадияни – 94, 96, 98,
105, 109, 112, 113, 472.
Леван Шарвашидзе,
самурзаканский владетель) –
92, 93, 95, 96, 472.
Лежава Г. П. – 7, 265, 273-275,
280, 283, 308, 528-532.
Лежава Назар – 262.
Лекишвили С. – 153, 158, 159,
474, 520-521.
Лемонджава Н. – 328.
Леон I («эристав Абхазии») –
32, 38, 39, 40, 41, 43, 286,
464.
Леон II – 30, 32, 33, 34, 37, 40,
41, 43, 45, 46, 48, 49, 53-55,
65, 420, 421, 459-464.
Леон III – 44, 465.
Леонид (Католикос-Патриарх
Грузии) – 166, 208.
Леонидзе Г. – 479.
«Леониды» – 29, 33, 46, 49-
51, 53, 65, 461-462, 468.
Ленин В. И. – 180, 224-228,
232, 233, 235, 236, 238, 260-
263, 269, 298, 332, 354.
Липарит I Дадияни – 70.
Липарит III Дадияни – 83.
Литаврин Г. Г. – 61, 498, 506.
Лобко В. Н. – 316.
Логинов Виктор – 390.

Ломадзе Мераб – 338.
Ломинадзе Б. – 508.
Ломинадзе Г. – 387, 397, 399,
403, 405, 407, 408, 425, 431,
433.
Ломинеишвили А. – 400, 405.
Ломоносов М. В. – 305.
Ломоури Н. Ю. – 7, 18, 19, 20,
26, 45, 291, 457-458, 495-497,
502, 506.
Ломтатидзе К. С. – 21, 281,
497, 529.
Лосов, фон (представитель
Германии) – 182.
Лордкипанидзе Г. – 327.
Лордкипанидзе И. – 212, 213

Лордкипанидзе М. Д. – 6, 7,
26, 31, 43, 290, 291, 296, 492,
499, 502-504, 508.
Лордкипанидзе Т. – 307, 368,
390.
Лоренц (корр. немецкой
газеты «*Berliner Tageblatt*»)
–168, 169.
Лорис-Меликов Михаил
Тариелович (генерал) – 131,
132, 484.
Лукин А. Л. – 460.
Лукьянов А. И. – 336, 367,
372, 373, 387.
Людовик XIV (французский
король) – 42, 460.

М

Маан В. – 268.
Маглакелидзе Г. – 400, 405.
Мазниашвили /Мазниев/ Г.
– 187-189, 192, 193.
Макаров К. Н. – 225.
Малакия I Абашидзе
(Католикос «Абхазский») – 81.
Малакия II Гуриели
(Католикос «Абхазский») –
66, 82.
Мамия I Гуриели – 80.
Мамия I Дадиани – 69.
Мамия II Дадиани– 70.
Мамия III Дадиани– 80.
Мамия IV Дадиани– 81.
Мамиствалишвили Э. М. – 7,
71, 73, 509-510.
Мамулия Гурам – 317.
Мамулия Самсон – 262.
Манучар Дадиани – 93.
Манучар Шарвашидзе
(владелец Абхазии) – 90, 92.
Манучар Шарвашидзе,
самурзаканский владетель
– 96, 101, 112, 472.

Мари Дзампи – 84.
Мария /Мариам/, византийская
императрица, дочь Баграта IV-
го – 61.
Мария (монахиня) – 442.
Марганадзе /Маргания/
(полковник) – 197.
Маргани Камбулат – 145.
Маргани Титу – 139.
Маргания А. – 274.
Маргания И. – 192-194, 198-
200, 205-207, 210, 220, 227,
228, 477-478, 480.
Маргания Константин – 154.
Маргания Махмед – 145.
Маргания Н. – 181.
Марин – 24, 25.
Марихуба И. – см. *Мархалия
И. Г.*
Марковин В. И. – 493.
Маркозия Аркадий – 302, 307.
Маркс К. – 337.
Марр Н. Я. – 18, 19, 267, 275,
341, 458, 495-496.
Мартин А. Г. – 198, 479.

- Мархолия И. Г. – 6, 288, 308-309, 340.
- Маршани Алмасхид – 146.
- Маршани А. – 209.
- Маршани Чагу – 146.
- Маршания (Амаршан) – 56, 108.
- Маршания (абхазский князь, погиб при битве с Леваном II Дадияни) – 82.
- Маршания Ада – 431, 432.
- Маршания Д. – 167, 189, 219.
- Маршания Зерепху – 112.
- Маршания Лорик – 440, 448, 498.
- Маршания Мисоуст – 112.
- Маршания Мисоуст – 139.
- Маршания Ребия – 99.
- Маршания Саралафу – 112.
- Маршания Таташ – 178, 187, 190, 193.
- Маршания Узбек – 145.
- Маршания (Маршани) Херипс – 145, 146, 473.
- Маршания Шабат – 108.
- Маршания Эшсоу – 108, 117.
- Масуди – 27.
- Масуд бен Намдар – 27.
- Мачавариани Г. И. – 14, 456.
- Мачавариани Давид – 127, 150, 166.
- Мачавариани К. Д. – 163, 514.
- Махарадзе Ф. – 229.
- Мгалоблишвили М. А. – 512.
- Мгалоблишвили Нугзар – 307, 313, 330, 368, 373, 386, 387, 390.
- Мгеладзе А. И. – 274.
- Мдивани Буду – 260.
- Мегрелидзе Ш. В. – 144, 518.
- Меликишвили Г. А. – 18, 20, 26, 290, 458, 493, 495-497.
- Мельникова Е. А. – 502.
- Мемнон – 18.
- Ментешашвили А. М. – 7, 184, 186, 221, 245, 481, 518, 522-526, 529.
- Мерван ибн-Мухаммад – 25, 32, 37-39.
- Мерчуле Георгий – 4, 281-283, 492, 495-496, 503, 511, 529.
- Месхи К. – 181.
- Месхи С. – 150.
- Месхия Н. – 387, 390, 405-407, 411.
- Месхия Ш. А. – 290, 501, 506, 508.
- Метревели Р. В. – 498, 503, 506.
- Меунаргия Иона – 151.
- Мешвелиани Гиви – 405, 406, 411.
- Мжаванадзе В. П. – 284, 291.
- Мжавия Т. – 368, 387, 390.
- Мибчуани Т. Ш. – 7, 18-19, 325, 440, 458, 495-496.
- Микадзе Ал. – 330, 405.
- Микеладзе Абесалом – 327, 330, 338.
- Микеладзе Евгений – 261.
- Мильн (генерал) – 202.
- Минорский В. Ф. – 26-27, 498, 507.
- Мир (картлийский эрисмтавари) – 32, 37, 38, 39, 40, 464.
- Мирвелов Б. Г. – 393.
- Мирианашвили Иосиф – 262.
- Мирцхулава А. – 276.
- Мирцхулава Велоди – 368.
- Михаил, император византийский – 497.
- Михаил Атталиат – 60-61, 506.
- Михаил (Антиохийский патриарх) – 66.
- Михаил Николаевич (Великий князь) – 131-134, 141.
- Михаилов В. А. – 316.
- Михеил (Михаил, Михаил-бей) Шарвашидзе – 98, 106-109, 111, 113-138, 141, 142, 167, 469, 472-473, 516, 518.
- Михин (подполковник) – 106.

Морин З. – 268.
Москаленко А. – 405, 411.
Муравьев Н. (полковник) – 108.
Муравьев Н. Н. (наместник Кавказа) – 119, 122, 123, 129.
Мурзакан Шарвашидзе – 86, 91, 112, 472.
Мустафа-паша – 122, 123.

Мухелишвили Д. Л. – 7, 18-22, 26, 82, 457-458, 495-497, 511-512.
Мухамед-Эмин – 117, 131.
Мухран-батони Ив. – 123, 127
Мхаргдзели Захарий – 55.
Мчедлидзе Г. – 533.
Мчедлишвили Д. – 284.

Н

Надаришвили Звиад – 368.
Надаришвили Т. В. – 357, 368, 380, 390, 397, 405, 406, 410, 417, 426, 432, 433, 439, 441, 444.
Нагарина Ольга – 390.
Нанеишвили Михаил – 262.
Нарошвили Зураб – 405.
Натадзе Нодар – 345, 353.
Начкебия Г. К. – 300.
Небиеридзе Л. – 493.
Непрошин А. Ю. – 5, 35-36, 500.
Нестан-Дареджан (жена Левана II Дадиани) – 82.

Нинидзе Д. – 476.
Никитин С. – 501.
Никифор Вриений – 61, 506.
Николаев С. Н. – 14, 456.
Николай I (император) - 107
Николай II (император) - 262
Николай Николаевич, Великий князь, – 167.
Никольский Б. Н. – 315.
Нишанов Рафик – 367.
Новосельцев А. П. – 27, 464, 497-498, 507.
Нодиа А. И. – 198, 479.
Норакидзе Спиридон – 166.
Ногмов Ш. – 79, 511.

О

Оболенский В. И. – 497.
Одишария Бесик – 317, 324, 327, 330.
Одишария Тамар – 330.
Озган Константин – 355, 387, 389, 390, 406, 426, 314, 345.
Окропиридзе Александр, епископ Гурийско-Мингрельский) – 166.
Окропиридзе Илларион – 262.
Окуджава Михаил – 260.
Окуджава М. С. – 528.
Олег – 42, 460.

Ольденбургский А. (принц) – 161, 168, 173.
Оманидзе М. – 373.
Омер-паша – 124, 125, 127, 129.
Орахелашвили М. – 224, 229, 262, 313.
Орахелашвили Мариам – 262.
Орбели И. А. – 18-19, 458, 495-496.
Орбелиани Александр – 109.
Орбелиани Вахтанг – 109, 170.

Орбелиани Димитрий – 99.
Орджоникидзе Г. К. – 225,
226, 227, 229- 235, 240, 244,
252, 253, 260.
Осидзе Е. – 21, 497.

Отиа Дадияни – 91.
Отырба А. Т. – 280, 282, 291,
529.
Отырба Л. – 353.

П

Пайчадзе Г. Г. – 100, 475, 481-
486.
Палба Юрий – 340.
Панцулая Иоане – 262.
Папаскири – 359, 420.
Папаскири (Папаскир) А. Л. –
31, 36-37, 305, 358-359, 467,
500, 507,
Папаскири З. В. – 7, 313, 316,
321, 323, 325-331, 335, 354,
356, 400, 405-407, 409-411,
417, 430, 440-441, 455, 465,
481, 492, 497, 501, 503-506,
508, 510, 515, 527, 533-535.
Папаскири И. Г. – 279, 487.
Папаскири Олег – 420.
Папаскири Т. – 8.
Папуашвили Т. Г. – 497.
Паскевич И. Ф. (граф) – 107.
Пастухов Б. Н. – 438, 440, 441,
444.
Патарая Малхаз – 405, 406,
409, 411.
Патаридзе З. А. – 321.
Патейпа Н. – 268.
Патиашвили Дж. И. – 315,
316.
Пахомов А. – 481.
Пацация Герман – 431.
Пация Мераб – 405.
Пашалиди И. – 194, 195, 198,
199, 478-479.
Пашуто В. Т. – 507.

Пендерава Арнольд – 432.
Пенчко Н. А. – 510.
Перегудов Ф. И. – 335.
Петрухин В. Я. – 502.
Петрушенко Н. С. – 372.
Пьетро Геральди – 69, 72, 470.
Пилия Валерий – 356.
Пилия Давид – 356, 387, 389,
406.
Пилия Далила – 389.
Пилия Халил – 154.
Пилия Хасан – 154.
Пипия Русудан – 327.
Пирцхелиани Бадри – 422.
Попхадзе Нугзар – 312, 313,
316, 317.
Потто В. А. – 110.
Поцхверашвили Лела – 327.
Поярко Н. П. – 225.
Примаков Е. М. – 370.
Прокл – 342.
Прокопий Кесарийский – 497.
Протопопов (священник) –
208.
Пруидзе Вахтанг – 405.
Псевдо-Скилак Кариандский
– 17, 457.
Пурцеладзе Д. П. – 162, 163.
Путкарадзе Деви – 309.
Путо (абхазский князь) – 83.
Пфаф В. Б. – 468, 535.
Пхакадзе Г. – 493.
Пчелов Е. В. – 502.

Р

Раевский Н. – 116, 133.
Рамишвили И. – 189, 195, 198, 479.
Рамишвили Н. – 204.
Рикгоф И. (генерал) – 96, 101.
Рogaва Гиви – 511.
Рogaва Давид – 405.
Родионов П. А. – 292.
Розен Г. В. (барон) – 108, 113-115.

Ростом Шарвашидзе – 85, 90.
Русудан (царица) – 51, 64, 65.
Рухадзе Н. – 489.
Рцхиладзе Г. – 221.
Рчеулишвили В. – 435.
Рюрик – 42, 460.
Рюриковичи – 502.
Рябов Виктор – 309.

С

Саблин – 225.
Сагария Б. – 213, 241-242, 250, 255, 277, 282, 358, 481, 485, 524, 526-528.
Саджая Ал. – 228.
Саджая Джемал – 368, 432.
Садзаглишвили Кирион (впоследствии Кирион II – католикос-патриарх Грузии) – 163, 166, 173.
Садр ад-Дин ал-Хусейни – 62, 507.
Сазонов С. Д. – 207, 208.
Сакварелидзе А. П. – 294.
Сакварелидзе П. – 181, 211.
Салия Константин – 431, 432.
Салтыков (граф) – 100.
Салуквадзе Р. – 332, 333, 362, 368, 372.
Сахокия Тедо – 166, 175, 487, 520-521.
Сванидзе М. Х. – 510.
Сванидзе Н. – 224.
Святополк-Мирский Д. – 130, 134, 135, 139, 141, 143, 147, 148.
Селезнёв Г. А. – 316.
Серги Барнукис-дзе – см. *Барнукис-дзе Серги*.

отец Серги – 442.
Сергий (епископ) – 207.
Сердюченко Г. П. – 275, 276.
Сетеман Шарвашидзе – 82, 84.
Сигуа С. – 274.
Сигуа Т. – 395, 397, 411, 422, 426.
Сизов В. – 505.
Силагадзе А. – 519-521.
Силагадзе В. Г. – 497, 506-507.
Силогава В. – 462, 503-504.
Сихарулидзе Э. – 507.
Сичинава Рамаз – 440.
Смецкой Н. – 161.
Смыр С. – 6.
Соколовский Н. – 238.
Соловьев Л. Н. – 11-12, 14, 493-494.
Соломенцев М. С. – 303.
Соломон I – 92, 93, 95, 286.
Соломон II – 94, 95.
Соломон Шарвашидзе – 83, 84.
Сорех (Саварех) Шарвашидзе – 85, 88, 90.
Соселия О. – 475.
Сослаббеков Юсуф – 343, 344, 423.

Сосналиев Султан – 424.
 Сталин И. В. – 229, 231, 232,
 235, 239, 240, 248, 251, 259,
 260, 262, 263, 266, 269, 270,
 271, 280, 481, 484.
 Старосельский Д. – 141.
 Старостин С. А. – 14, 456.
 Степанос Гаронаци
 (Гаронский Степанос) – 63, 507.
 Стефан Византийский – 17, 457.
 Стефаноз (Степаноз I –
 правитель Картли) – 24, 38,
 39, 41, 43, 49.
 Стокс (полковник) – 196.

Столыпин П. А. – 176.
 Страбон – 19, 458, 496.
 Стуруа Г. – 254.
 Стуруа Д. Г. – 293, 497.
 Стуруа Н. – 290.
 Субелиани Гиорги – 368.
 Сулава Г. Г. – 508.
 Сулейман ибн-Асам – 25.
 Сулейман-шах – 62.
 Сумбат Давитисдзе
 Багратиони – 50, 503.
 Сухотин А. – 92.
 Схулухия Мурман – 405, 406.
 Сытин П. П. – 228, 236-237.

Т

Табагуа И. М. – 511-512.
 Табидзе Тициан – 261.
 Такаишвили Еквтимэ – 501,
 505, 509-510, 512-516, 528.
 Такаландзе Н. – 136, 516, 518.
 Тактакишвили Гиви – 379.
 Тамар (царица) – 36, 50, 53,
 58, 59, 63, 64, 140, 170, 467-
 468.
 Тамарашвили М. – 71, 509-
 510, 513.
 Тарба Даур – 389.
 Тарба И. К. – 282.
 Таркил Саид – 355, 389.
 Тарнава Михаил И. – 28, 178-
 180, 183, 186, 187, 189, 192,
 197-200, 206, 207, 209, 210-
 212, 214, 215, 220, 227, 232,
 264, 479-480, 498.
 Татарашвили Ш. – 294.
 Таяр-паша – 97.
 Тевдосе II Слепой – 29.
 Тердат – 23.
 Тернавский Ф. А. – 497.
 Тизенгаузен В. Г. – 509.
 Тимур – 68.
 Тихонравов Н. С. – 507.

Тищенко И. – 268.
 Ткебучава Мурман – 327.
 Ткебучава Феликс – 331, 332,
 334, 335, 337, 356, 396.
 Тоидзе Л. К. – 7, 228, 241, 245,
 481, 525-527.
 Толпежников Вилен – 349.
 Толстой (графа) – 161.
 Тотадзе А. – 153.
 Тополян Альберт – 390, 400.
 Топурия В. – 267.
 Топурия Давид – 154.
 Торошелидзе М. – 233.
 Тотлебен Г. (генерал) – 95.
 Трапезников Георгий – 302, 308.
 Трапш М. М. – 11, 459-461.
 Трирогов В. Г. – 162.
 Троицкий Л. Д. – 248, 263.
 Тугуши А. – 82, 478.
 Туманов Г. Д. – 184, .
 Тумаркин Л. М. – 191, 198,
 479.
 Турчанинов Г. – 17, 30, 303,
 304, 323, 462.
 Тускадзе И. – 274.
 Тухарели (подполковник) –
 191, 194, 477.

У

Убилава Раиса – 390.
Убилава Ю. Д. – 299, 300.
Убирия М. С. – 198, 206, 211,
228, 479-480.
Уварова П. – 46, 502.

Умалатова С. З. – 372.
Услар П. К. – 14, 111, 162,
164, 271-272, 494.
Успенский Ф. И. – 61.
Учадзе Заур – 431, 440, 444.

Ф

Фадеев А. В. – 29, 106, 268,
498, 515.
Фарибурз (ширваншах) – 27.
Фелеки Ширвани – 63.
Феодосий Гангрский – см.
Гангрский Феодосий.
Фенрих Х. – 14, 456.
Феофан Хронограф – 464,

465.
Феофилакт – 497.
Фёдоров Я. А. – 17, 305, 495,
531.
Филипп V – 42, 460.
Флавий Арриан – 19, 458, 496,
530.
Форестье-Уоккер – 202.

Х

Хабулиани Д. – 385.
Хабургаев Г. А. – 502.
Хаджимба Ш. Д. – 288, 291.
Хазарадзе Н. – 370.
Хаидар-паша – 81.
Хаиндрава Гиорги – 431, 433.
Хаиндрава Ивлиан – 409.
Хакани – 63, 474.
Хамыш Зураб – 139.
Харазия В. – 268.
Харебава Джемал – 338.
Харебава Р. – 327, 329, 330.
Хасаия Н. – 191.
Хашба А. – 267.
Хашба М. – 267, 268.
Хварцкия М. Ш. – 294.
Хелая Виссарион
Амбросий/Амвросий/ (Ка
толикос-Патриарх Грузии) –
166, 208, 262.
Хецуриани Джони – 409.
Хецуриани Шота – 390.

Хинтба В. М. – 294, 298.
Хитаришвили Пешанги – 84,
89, 479.
Хишба В. Ф. – 317, 332, 334,
335, 356, 360, 361.
Хмаладзе Вахтанг – 409.
Ходжаа Р. – 523, 525.
Хонелия А. – 292.
Хонелия Р. А. – 4, 30, 499.
Хорава Борис – 166.
Хорава Б. К. – 7, 84, 91, 327,
511-516, 519.
Хоштария-Броссе Э. – 7,
495, 506.
Христофоро Де Каstellи –
83, 512.
Хрущев Н. С. – 276, 280, 281.
Хубуа Тамаз – 390.
Хубутя Джумбер – 327, 329,
330.
Хубутя Ш. – 274.
Хуродзе Рамаз – 330.

Ц

- Цаава М. Н. – 198, 210, 479.
Цагарейшвили Е. – 502, 507.
Цагурия Михаил – 178,
181, 183, 192, 197-200, 206,
210, 215, 220, 226-228, 232,
479-480.
Цанубаия (Цанба) Леван –
139.
Цатава Рудик – 390, 419, 435.
Цвижба А. – 198, 479.
Церетели Давид – 152.
Церетели Гиоргий – 144, 150,
151.
Церетели Григол – 261.
Церетели Г. В. – 290.
Церетели Л. Д. – 493.
Церетели Ираклий – 316.
Циколия (Мирнели) Мириан –
489.
Цинцадзе З. Ф. – 516.
Цинцадзе Я. З. – 508.
- Цицианов П. (генерал) – 96,
97, 100, 101.
Цкитишвили Автандил – 433,
444
Цкитишвили Г. – 468, 504.
Цкуа Д. Х. – 198, 479.
Цкуа (водитель) – 287.
Цоцонава Анзор – 412, 432.
Цугба Вячеслав – 382.
Цулая Гиорги – 262.
Цулая Г. В. – 7, 26, 54, 55, 64,
498, 501, 504-505, 508.
Цулая Тенгиз – 325, 327, 330.
Цулеискири Шалва – 405, 406,
407, 430.
Цулукидзе М. А. – 198, 214,
479.
Цушба И. Н. – 531.
Цхведиани Шамиль – 313,
400, 405.

Ч

- Чавчавадзе А. Г. – 110.
Чавчавадзе Димитри – 148.
Чавчавадзе И. – 150-151, 306,
308, 310, 312-314, 316-317,
329-330, 333, 337, 348, 352,
422, 431, 519.
Чавчавадзе Зураб – 306, 310,
313, 315.
Чавчавадзе Нико – 433.
Чавчавадзе-Диадиани
Екатерина – 120, 129.
Чагава Д. – 267.
Чалмаз М. – 264.
Чамагуа Х. Х. – 288, 291.
Чанба Р. К. – 309, 340.
Чанба Самсон – 180, 197, 199,
205, 209, 220, 227, 228, 232,
245, 264, 479.
- Чания Вахтанг – 324, 325, 327,
330.
Чантурия Гиорги – 306, 316.
Чантурия Р. И. – 154.
Чарквиани К. Н. – 274, 276.
Чарквиани Отар – 405.
Чачава П. И. – 198, 479.
Чачас-дзе Отаго – 56, 58.
Чачибая Паата – 327.
Чачба В. – 194, 478.
Чедия Мамука – 338.
Челидзе Жанна – 405.
Червонная С. М. – 344, 349,
359, 366, 376, 393, 394, 416,
419, 422, 531-534.
Черепнин Л. В. – 507.
Черепов – 142.
Черномырдин В. С. – 451.

Чернышев А. И. – 114, 115, 133.
Чехоев А. Г. – 372.
Чигогидзе Прокофий – 262.
Чикваидзе А. – 426.
Чикобава Арн. – 267.
Чиковани М. Г. – 289, 292.
Чиковани С. – 284.
Чилачава Темур – 405.
Чирикба В. Ф. – 14, 494.
Читайя (Читая) Д. Ш. – 7, 186,
313, 324, 327, 330, 522-524.
Читанава Н. А. – 328.
Чичба А. – 282.
Чичерин Г. В. – 225.
Чкадуа Т. – 393.
Чкония А. – 477.
Чолокян К. С. – 372.
Чочуа А. М. – 220, 268, 274,
275, 279, 487.

Чочуа Емзар – 436.
Чукбар Антон – 167, 197, 198,
205, 479.
Чургулия Отар – 326, 489,
519-520.
Чхеидзе Н. – 204, 221, 222.
Чхеидзе Т. – 313.
Чхенкели А. – 181, 183.
Чхенкели Иоане – 166.
Чхенкели Л. – 501.
Чхетия Ш. – 136, 516-518.
Чхиквишвили Бениа
(Венямин) – 183, 195, 197,
198, 213, 479-480.
Чхотуа Д. З. – 172, 488.
Чхотуа Р. – 181, 186, 193-195,
198, 199, 477-478, 480.

Ш

Шаймиев М. Ш. – 372, 381.
Шакирбай Г. – 268.
Шакрыл К. – 268, 275, 276.
Шакрыл П. – 268.
Шакрыл Тамара П. – 288, 289,
291, 292, 296.
Шамадавле Дадиани (Дадиан-
Гуриели) – 51, 66, 74.
Шаматава Карло – 338.
Шаматава Нури – 338.
Шамба Г. К. – 296.
Шамба О. Б. – 288.
Шамба С. М. – 34, 314, 340,
360, 387, 389, 390, 409, 410,
421, 500, 503.
Шамба Т. М. – 5, 35, 36, 309,
372, 415, 500.
Шамиль – 110, 117, 131.
Шамугия Ростом – 390.
Шанибов Муса – 343, 345,
367, 423, 429.
Шанидзе А. – 267, 268.

Шаншиев Георгий – 195.
Шарашенидзе Леван – 411.
Шарвашидзе, княжеский род
– 56, 58, 67-70, 73, 75, 77, 79,
81-85, 87-93, 95, 100-101, 103,
112, 122, 136-137, 140,
466, 469-470, 472, 480, 504,
Шарвашидзе Автандил – 89.
Шарвашидзе Александр
Григорьевич – 167, 177,
178, 181, 187, 193, 204, 476.
Шарвашидзе Александр
Гиоргиевич – 115, 122, 125,
142, 143.
Шарвашидзе Александр
Манучарович – 112.
Шарвашидзе Александр
(художник) – 221.
Шарвашидзе Арзакан – 83.
Шарвашидзе Аслан-бей – 97,
99, 104-107, 470.
Шарвашидзе Баталбей – 99.

- Шарвашидзе Бекир-бей
(Бекирбек) – 92, 101.
- Шарвашидзе Варлам – 186,
187, 189-196, 198, 199, 206,
214, 215, 217, 477-478, 480.
- Шарвашидзе Гасан-бей – 105,
137.
- Шарвашидзе Георги
Дмитриевич – 157.
- Шарвашидзе Георги (сын
Михаила Шарвашидзе) –
132, 134, 136, 138, 139, 142,
143, 166-172, 174, 179, 516-
518, 521.
- Шарвашидзе Григол
(Григорий) – 124, 145, 146, 473.
- Шарвашидзе Джикешия – 86.
- Шарвашидзе Димитри
Манучарович – 112.
- Шарвашидзе Димитри
(полковник) – 121, 122, 129.
- Шарвашидзе Д. – 198, 479.
- Шарвашидзе Кереким
(Керкем) – 89.
- Шарвашидзе Константин –
109, 110,
- Шарвашидзе Кучукбей – 97, 99.
- Шарвашидзе Омар-бей – см.
Димитри Шарвашидзе.
- Шарвашидзе Самсон – 121.
- Шарвашидзе Сосран-бек – 101.
- Хутуния Шарвашидзе – 92, 286.
- Шарвашидзе Ширвани – 92.
- Шарвашидзе Дотагод – 55, 56.
- Шария П. – 267, 276.
- Шартава Жиули – 420, 444,
447, 449, 451, 452.
- Шаталин Ю. В. – 338, 340.
- Шатилов П. (генерал) – 141.
- Шахрай Сергей – 435.
- Шаше – 79.
- Шашиашвили Темур – 356.
- Шеварднадзе Э. А. – 294, 298-
302, 321, 386, 408, 411, 420,
428, 430, 435, 443, 445, 446,
449-453, 499.
- Шелковников (полковник) –
146.
- Шенгелия Н. Н. – 507, 514.
- Шенгелия Омар – 338.
- Шенгелия Темур – 405, 409,
410.
- Шерипов Асланбек – 177, 178.
- Шинкуба Баграт – 275, 276,
289, 292, 294, 300, 326, 336,
487.
- Шипко В. – 437.
- Шихаб эд-Дин эль-
Калкашанди – 69, 476.
- Шларба А. – 288.
- Шларба К. Ф. – 288.
- Шларба Н. – 340.
- Шония Джемал – 368.
- Шония Рабо – 379.
- Шота Руставели – 36, 172,
306, 316, 317, 325, 326, 329,
330, 337, 353, 395, 405, 411,
504, 507, 521.
- Шошиашвили Н. – 471.
- Шубладзе Н. – 489.
- Шуравлёв В. – 394.
- Шургая Темур – 330.

Э

- Эзугбая Джани – 405.
- Эзугбая Р. – 327-328.
- Элиава Ш. – 229, 233, 262.
- Эмин Н. – 474.
- Эмухвари (Эмхвари) – 206,
480.
- Эмухвари Бата – 139, 146,
473.

Эмухвари В. – 190, 192,
Эмухвари (Эмхвари) Дмитрий
(Арзакан) – 183, 193, 194,
198, 199, 203, 206, 210, 214,
230, 478-480.
Эмухвари М. – 181.
Энгельс Ф. – 333, 337
Эристави Элизбар – 109.

Эрквания З. Д. – 312, 328.
Эхвая Реваз – 338.
Эшба Ефрем – 182, 224-229,
231-233, 235, 240, 241, 253,
256, 263, 269.
Эшба Рауль – 430, 453.
Эшба Симеон – 163.

Ю

Юзбашян К. Н. – 507.
Юрий Андреевич (русский
князь, первый муж царицы

Тамар) – 58
Юстиниан I – 23.

Я

Якут – 62, 474.
Янаев Геннадий – 387.

Яснов М. Я. – 297.

СОКРАЩЕНИЯ

АБНИИ – Абхазский Научно-Исследовательский Институт
АБНИИЯЛИ – Абхазский Научно-Исследовательский Институт Языка, Литературы и Истории им. Д. И. Гулия АН Грузинской ССР
АГНК – Ассамблея Горских Народов Кавказа
АГУ – Абхазский Государственный Университет им. А. М. Горького
АКАК – Акты, Собранные Кавказскою Археографической Комиссиею.
АН – Академия Наук
ГИСХ – Грузинский Институт Субтропического Хозяйства
КНК – Конфедерация Народов Кавказа
КП – Коммунистическая Партия
КП (б) – Коммунистическая Партия (большевиков)
КПСС – Коммунистическая Партия Советского Союза
ЛКСМ – Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
МГУ – Московский Государственный Университет
ПСРЛ – Полное Собрание Русских Летописей
РАН – Российская Академия Наук
РСДРП – Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия
СПб – Санкт Петербург
ТГУ – Тбилисский Государственный Университет
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет
ЦК – Центральный Комитет

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	3
Глава I. Территория современной Абхазии с древнейших времён до I тысячелетия до н.э.	9
Глава II. Этнополитическая карта северо-западной Колхиды с I тысячелетия до н.э. до VIII в. н.э.	17
Глава III. «Абхазское» царство – западнотурецкое государство, правопреемник Колхидского и Лазского царств	26
Глава IV. Территория современной Абхазии в составе единой Грузинской монархии в XI-XV вв.	52
Глава V. Этнодемографический, политико-государственный и социально-культурный облик современной Абхазии в XVI-XVII вв.	76
Глава VI. Абхазское княжество в XVIII – начале XIX века	87
Глава VII. Абхазское княжество в I половине XIX века	103
Глава VIII. Абхазское княжество в 1853-1864 годах	118
Глава IX. Установление Российского управления в Абхазии и борьба абхазского народа против русского колониального режима в 60-70-х годах XIX века	141
Глава X. Махаджирство абхазов и этнодемографическая ситуация в Абхазии 80-90-х годах XIX века	150
Глава XI. Мероприятия российских властей в церковной и культурно-просветительской сферах, направленные на отторжение Абхазии от остальной Грузии	162
Глава XII. Абхазия в новой политической реалии. <i>От Абхазского Народного Совета до Народного Совета Абхазии. 1917 – начало 1919 года</i>	177
Глава XIII. Абхазия – Автономия в составе Грузинской Демократической Республики	199

ЗУРАБ ВАЛЕРЬЯНОВИЧ ПАПАСКИРИ, доктор исторических наук, руководитель службы координации научной работы Сухумского Государственного Университета, профессор, председатель Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтимэ Такашвили, главный редактор ежегодника – *„Исторические разыскания“*, лауреат Государственной премии им. Гиоргия Шарвашидзе.

Родился в 1950г. в г. Зугдиди. В 1972г. с отличием окончил исторический факультет Тбилисского Государственного Университета. В 1972-1975гг. учился в аспирантуре Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова, где и защитил (в 1978г.) кандидатскую диссертацию на тему: *„Грузия и Восточная Европа в XI-XIIвв. Из истории международных отношений“*. В 1991г. в Тбилисском Государственном Университете им. Ивана Джавахишвили защитил докторскую диссертацию на тему: *„Международное положение средневековой Грузии. 70-е годы XV. – 80-е годы XVI.“*

С 1976г. работал в Сухумском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького (с 1979г. Абхазский Государственный Университет), преподавателем, доцентом, зам. зав. кафедрой. В 1989-2005гг. зав. кафедрой Истории Грузии Сухумского Физнафа ТГУ им. Ивана Джавахишвили. В этом же вузе занимал (в 2004-2007гг.) и должность зам. директора по науке, руководителя департамента научно-исследовательской работы. Одновременно, в 1994-2006гг. – старший научный сотрудник и заместитель руководителя Научно-исследовательского центра Истории грузинской государственной и гражданской дипломатии Тбилисского государственного университета им. Ивана Джавахишвили.

З. В. Папаскири автор более 140 научных публикации (в том числе 11 монографии и книг) по истории международных отношений и дипломатии средневековой Грузии, а также по ключевым проблемам истории Абхазии. Особое признание получили его монографии и книги: *„У истоков грузино-русских политических взаимоотношений“* (Тб., 1982), *„Возникновение единого грузинского феодального государства и некоторые вопросы внешнеполитического положения Грузии“* (Тб., 1990), *„Абхазия – это Грузия“* (Тб., 1998), *„Очерки из истории современной Абхазии“* (т. I-II, Тб., 2004, 2007), *„И восстала Грузия от Никопсии до Дарубанда“* (Тб., 2009).

З. В. Папаскири является соавтором и членом редколлегии таких солидных изданий, как *„Грузинский дипломатический словарь“* (в 2-х томах), *„Иване Джавахишвили. Энциклопедический словарь“*, *„Очерки истории грузинской дипломатии“* (т. I-II, Тб., 1998) и учебного пособия *„История грузинской дипломатии“* (Тб., 2003).

ISBN 978-9941-0-1652-3

Глава XIV. Насильственное установление советской власти в Абхазии и её политико-государственный статус в 1921-1931 годах	224
Глава XV. Сепаратистские действия большевистского режима Абхазии в 20-30-х годах XX века	252
Глава XVI. Миф о т.н. „попытках“ со стороны грузин лишить абхазский народ этнокультурной индивидуальности в конце 30-х – 40-х годах XX века	265
Глава XVII. Сепаратистские выступления в Абхазии в 50-70-х годах XX века	280
Глава XVIII. Политические процессы в Абхазии в 80-х годах XX века	303
Глава XIX. Общественно-политическая жизнь Абхазии в 1990 году	349
Глава XX. Общественно-политическая ситуация в Абхазии в 1991 году	376
Глава XXI. Политический кризис в Абхазии в январе – начале августа 1992 года	396
Глава XXII. Братоубийственная война в Абхазии	418
Вместо послесловия. Так не пишется история. <i>Некоторые замечания по поводу т.н. «учебника» «Истории Абхазии»</i> О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба	455
Примечания	492
Abkhazia: Unfalsified History	536
Указатель личных имён	570
Сокращения	593